

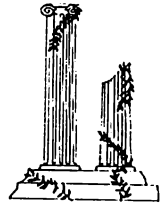
Диаспора

Диаспора

IX

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

IX



Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 127015, ул. Бутырская, д.9, кв.128
Тел.: 7095.685.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор-издатель:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб., ул. Бассейная, д.49, кв. 38
Тел.: 7812.371.45.43. E-mail: isphenix@hotmail.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia. Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Catherine Gousseff. Centre d'Études du monde russe, École des Hautes Études en Sciences Sociales. 54, bd. Raspail 75006 Paris. E-mail: gousseff@ehess.fr

Адрес издательства:

198103 Россия, С.-Петербург
ул.8-я Красноармейская д.15/17 лит.А пом.4-Н



Диаспора
IX

**НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2007

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Т.9.

СПб.; Париж: Athenaeum–Феникс, 2007. 608 с., ил.

В настоящем томе альманаха публикуются записки Б.С.Колоколова о детстве, проведенном в китайской провинции; воспоминания художника А.М.Арнштама о работе в Берлине и Париже в 1920-е–1940-е; статья, посвященная первым советским невозвращенцам и их деятельности в эмигрантской среде; история русского православного монашеского братства, существовавшего в 1923–1946 на территории Словакии; письма Г.В.Адамовича, Н.В.Вольского, К.Е. фон Замена; расшифровка аудиозаписи рассказов В.В.Шульгина; очерки Р.Кюфферле о русских писателях и художниках в изгнании; исследование об участии русских эмигрантов в мировом кинематографе и ряд других материалов.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

При участии
ООО «Дмитрий Буланин»
и Института «Maison des Sciences de l'Homme» (Париж).
La présente édition est effectuée avec le soutien
de l'éditeurs «Dmitrij Bulanin» (St.-Pétersbourg)
et de la Fondation Maison des Sciences de l'Homme à Paris.

ББК 63.3

© Издательство «Феникс», 2007

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-086-X

D

Наследие

Б.С. Колоколов
**ЗАПИСКИ СЫНА ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА
В МУКДЕНЕ**

Публикация Е.Б. Кузнецовой и М.Ю. Сорокиной,
предисловие и комментарии М.Ю. Сорокиной

Автор публикуемых воспоминаний – харбинец. Борис Сергеевич Колоколов родился в Харбине 14/27 октября 1911, но был сыном последнего российского императорского генерального консула в Мукдене (ныне Шэньян) – Сергея Александровича Колоколова. Расстояние между Харбином и Мукденом, по китайским меркам, небольшое, но Мукден – центр деловой, политической и культурной жизни Маньчжурии – заметно обделен вниманием исследователей «русского китайского зарубежья». Если «русский Харбин» интенсивно изучается на всем географическом протяжении современной историографии – от Москвы и Парижа до Хабаровска, Владивостока и Торонто¹, а «русский Шанхай» оставил заметный след в литературе благодаря трудам В.Д. Жиганова и китайского историка Ван Чжичэна², то судьба

¹ К сожалению, сводной международной библиографии работ по истории «русского Харбина» пока не существует; отметим лишь последние издания по теме: Harbin. Histoire, mémoire et différence // *Revue des Études Slaves*. Т.63. 2001; Bakich O. Harbin Russian Imprints. Bibliography as History, 1898–1961. New York, 2001; а также: Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. М., 2006; *Слободчиков В.А.* О судьбе изгнанников печальной. М., 2005.

² См.: *Жиганов В.Д.* 1) Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай, 1936; 2) Япония после двух лет войны с Китаем. Шанхай, 1940; 3) В защиту родины. Шанхай, 1941; 4) Исповедь белого эмигранта. Шанхай, 1946; *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. Пекин, 1993 (на кит. яз.).

«региональных отрядов» российской эмиграции и вообще «русских в Китае», уже более столетия интенсивно обживающих китайскую провинцию, остается на периферии научного интереса, хотя заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем события и люди Харбина или Шанхая.

Малочисленность и труднодоступность источников – одна из причин этой историографической лакуны, и уже с этой точки зрения воспоминания Бориса Сергеевича Колоколова заслуживают самого пристального внимания. Отец автора – С.А. Колоколов всю жизнь посвятил дипломатической службе в Китае. Он родился 10/22 января 1868 в Петербурге в семье дворянина, известного педагога Александра Колоколова и после окончания факультета восточных языков Петербургского университета (1892), как и многие его однокашники, начал службу по ведомству Министерства иностранных дел. В 1895 его направили драгоманом (переводчиком) Российского консульства в Кульджу – самый западный город китайского Семиречья (Синьцзяна), стратегически важный пункт, контролировавший военные и торговые пути между Россией и Китаем³. В следующем году Колоколова перевели на должность секретаря консульства в Кашгар – еще один узловой пункт китайской территории⁴, где он и оставался до 1901, когда в чине надворного советника был прикомандирован чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области в Порт-Артуре. В 1904 Сергей Александрович вернулся в Кашгар уже в статусе генерального консула, но выше по служебной лестнице более не поднимался, перемещаясь лишь географически: с 1909 генконсул в Фучжоу, с 1910 – в Мукдене⁵. Здесь он и скончался 17 октября 1921 и был похоронен на русском кладбище⁶. Его вдова Софья Григорьевна (урожд. Майер; 1875–1951) осталась с детьми в Китае и, как оказалось, также навсегда.

Из короткого послужного списка хорошо видно, что Сергей Колоколов принадлежал к той многочисленной плеяде российских дипломатов, которые вершили «большую политику» непосредственно на местах. Далекие от интриг и хитросплетений придворного мира столиц, российские консулы были теми медиаторами, которые не только своей деятельностью, но и самим образом жизни непосредственно влияли на формирование представлений о России и русских в странах и городах пребывания. Между тем внут-

³ Сведения приводятся по: Архив внешней политики Российской Империи при МИД РФ (АВПРИ). Ф.143 (Китайский стол). Оп. 491. Д.1875; Ф.159. Оп. 749/2. Д.222. Л.2.

⁴ См.: Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. М., 2006.

⁵ За годы службы в Китае С.А. Колоколов опубликовал ряд сообщений в профессиональной периодике: Экономический обзор Кашгарии // Сборник консульских донесений. 1906. Вып. 3. С. 183-257; Денежное обращение на кашгарском рынке // Там же. Вып. 6. С.510-514; Русская торговля в Кашгарии // Там же. 1908. №1. С. 115-157; Торгово-промышленный обзор Мукденской провинции // Донесения Императорских российских консульских представительств. 1912. №13. С.8-21; О китайской колонизации монгольских земель // Известия МИД. 1916. №5/6. С.133-143.

⁶ Некролог см.: Русское эхо (Шанхай). 1921. 6 ноября (приводится по: Незабываемые могилы. Т.3. М., 2001. С.390-391).

ренная жизнь и устройство российского консульского мира мало отражены в мемуарной литературе и почти совершенно не известны читающей публике.

Надо заметить, что корпус воспоминаний дипломатов занимает особое место в отечественной мемуаристике, далеко выходя за границы, традиционные для жанра «профессиональной» ретроспекции. Паломники, путешественники, разведчики, чиновники и ученые, на протяжении нескольких веков обстоятельствами государственной службы поставленные на пересечении политических, национальных, конфессиональных, военных и социальных приоритетов различных государств, народов и общностей, а также династических и персональных интересов, – русские дипломаты разветвленной структурой жанров своей мемуаристики отразили много- и разнообразие функций своего профессионального бытования.

Начиная создавать и публиковать воспоминания о дипломатических миссиях российских государей преимущественно в описательном жанре «travelogue»⁷, сфокусированном на нравах и обычаях дальних стран и их правителей, постепенно они переходили в своих сочинениях к геополитической аналитике и психологическим зарисовкам политических лидеров различных государств, вершивших Большую Историю. «Письма об Индии» князя Алексея Дмитриевича Салтыкова (1806–1859) или консульские донесения и обзоры с Ближнего Востока Константина Михайловича Базили (1809–1884), многочисленные публикации посла в Константинополе графа Николая Павловича Игнатьева (1832–1908) и мемуары чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине Ивана Яковлевича Коростовца (1862–1933), как и многие другие воспоминания их коллег по цеху, получивших самое блестящее в России образование и прекрасно владевших пером, создали богатую литературную традицию, совмещающую политологическое и культурно-историческое освоение ближнего и дальнего зарубежья. В советские годы эта традиция стала уделом в основном литераторов. Вместо профессиональных дипломатов, чьи произведения широко публиковались в царской России в общественно-литературных журналах и отдельными изданиями, о своем «открытии» Америки, Японии или Европы советским гражданам теперь уже сообщали избранные писатели и журналисты – Владимир Маяковский, Илья Ильф и Евгений Петров, Борис Пильняк, Константин Симонов и др., и их искусно запрограммированный государственный дискурс создавал доступные «новому» советскому человеку страшно-ведческие образы, весьма далекие от реальности.

В СССР дипломатия вообще надолго ушла из сферы публичного обсуждения, а профессиональные дипломаты умолкли. Многообразную дореволюционную «дипломатическую» литературу фактически заменили собой три автора, произведения которых издавались, переиздавались, а главное, постоянно цитировались при необходимости ссылки на специалиста по внешней политике: бывший временный поверенный в делах Российской Империи в Испании Юрий Яковлевич Соловьев (1872–1934), один из немногих царских дипломатов, перешедших на сторону большевиков, чьи

⁷ Travelogue (англ.) – повествование или лекция о путешествии, зачастую сопровождаемые иллюстрациями и географическими картами; от travel – путешествие.

«Воспоминания дипломата. 1893–1922» впервые появились в 1928; к началу Второй мировой войны вовремя подоспели изданные в 1939–1940 в сокращенном виде воспоминания бывшего военного атташе во Франции, а теперь «красного» графа Алексея Алексеевича Игнатьева (1877–1954) «50 лет в строю» и, наконец, на исходе «оттепели», в 1964, появились признанные заслуживающими доверия советского общества канонические мемуары «советского» дипломата – посла в Великобритании, академика Ивана Михайловича Майского (1884–1975), выдержавшие несколько изданий под разными названиями⁸. Семидесятилетняя «задержка дыхания» нашла бурный выход в перестроечное время, когда в России, в подражание американскому истеблишменту, стало модно публиковать мемуары, и едва ли не все бывшие советские послы, включая министров иностранных дел, издали книги воспоминаний о своей деятельности на дипломатическом поприще (А.А.Громько, Ю.В.Дубинин, О.А.Трояновский, В.И.Ерофеев, А.Ф.Добрынин, С.Л.Тихвинский и др.).

Между тем благодаря социальным катаклизмам 1917 года «российская дипломатическая библиотека» еще в первой половине XX века значительно пополнилась текстами, раскрывающими различные стороны жизни дипкорпуса и многие ранее скрытые цели, мотивы и механизмы отечественной дипломатии имперского периода. Большая часть российских дипломатических воспоминаний XX века была написана в эмиграции (мемуары министров иностранных дел А.П.Извольского, С.Д.Сазонова, П.Н.Милюкова, послов А.В.Неклюдова, П.С.Боткина, К.Д.Набокова, Н.К.Гирса и др.). Некоторые из них так и остались в семейных архивах, другая часть попала в архивы русской эмиграции за рубежом, иные после Второй мировой войны оказались в советских архивах (в составе коллекций Русского заграничного исторического архива) и стали доступны лишь в последние десятилетия⁹.

Конечно, отпечаток «беженства», политического изгнания, горечи крушения карьеры и идеалов лежит на многих эмигрантских воспоминаниях. В этом ряду выделяются мемуары последнего царского посланника в Японии Дмитрия Ивановича Абрикосова (1875–1951), посвятившего страницы своей книги не столько оправданию несбывшегося, сколько детальному описанию внутренней жизни российских миссий в Лондоне, Пекине и Токио¹⁰. Однако если Абрикосов фиксирует посольский быт в столицах, то

⁸ См., напр.: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. В 2 т. М., 1964. Ныне активно публикуются материалы его ранее недоступного личного фонда: *Майский И.М.* 1) Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1–2. М., 2005; 2) Дневник дипломата. Кн. 1. М., 2006.

⁹ Таково, например, происхождение ставших исторической сенсацией записок чиновника МИД России Г.Н.Михайловского «Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920» (М., 1993) и многих документов сборника «Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940» (В 2 кн. М., 1998).

¹⁰ *Abrikosow D.* Revelations of a Russian Diplomat. University of Washington Press, Seattle, 1964; фрагменты опубликованы нами: Дмитрий Абрикосов. Лондон: Уроки «личной дипломатии» при дворе Эдуарда VII // *Международная жизнь.* 2007. №3. С.65–91; Дмитрий Абрикосов. Токио: Посольство без государ-

публикуемые воспоминания Бориса Колоколова дают уникальные сведения о совершенно иной части дипломатического мира – о сложной и непредсказуемой жизни консульской семьи в китайской провинции на переломном этапе и китайской, и российской истории. В этом непривычном амбивалентном мире жена консула вынуждена обзаводиться «автономными» источниками питания для семьи (куры, корова), сына генерального консула Российской империи могут не принять в коммерческое училище из-за отсутствия мест (!), но дочь выходит замуж за американского дипломата, а другой сын становится главным военным китаистом в СССР.

Едва ли не впервые мы имеем возможность наблюдать жизнь русской эмигрантской семьи в Китае глазами ребенка. В тексте, написанном много десятилетий спустя, Борису Колоколову удалось сохранить то незамысловатое, часто простодушное, но всегда искреннее и непосредственное восприятие самых разнообразных – семейных и общественных – событий, которое было свойственно ему в детстве. Как известно, первая попытка собирания и публикации детского эмигрантского опыта была предпринята самими эмигрантами, выпустившими еще в 1925 в Праге сборник «Дети эмиграции»¹¹, в котором деятели зарубежного Педагогического бюро по делам молодежи во главе с В.В.Зеньковским проанализировали сочинения детей эмигрантов на тему «Что я помню о России». Борис Колоколов, «не-ассимилированный русский», как именовали тогда эмигрантов без гражданства, в те времена еще России не видел и вспоминать о ней не мог. Но тем сильнее были его патриотизм и стремление вернуться «на родину», которые в итоге так непросто сказались на судьбе всех «китайских» Колоколовых.

До 1941 Борис Колоколов работал в отделении американской фирмы «Standard Oil» в Дальнем (Дайрене, Даляне). После нападения японцев на Перл-Харбор (7 декабря 1941), когда американцы ушли из Маньчжурии, он, чтобы не работать на японцев, пошел ночным сторожем на китайский завод и так проработал до конца войны. После прихода советских войск в 1945 стал работать у них военным переводчиком, в 1946 получил советское гражданство и продолжал работать в советских учреждениях переводчиком («Дальвнештранс», «Экспортхлеб»), а затем – в отделении китайского Министерства внешней торговли в Дальнем. Как и многие его соотечественники, сразу после окончания Второй мировой войны Борис Колоколов рвался на родину, но в конце 1940-х мудрые китайцы и советские специалисты отговорили его. Зато в августе 1954, когда Хрущев объявил репатриацию на целинные земли, Колоколовы всей семьей выехали в СССР. Его дочь Екатерина¹², которой было тогда шестнадцать лет, вспоминала:

ства // Там же. №4. С.100-132; перевод Н.Ю.Абрикосовой). Полностью воспоминания готовятся к публикации в издательстве «Русский путь».

¹¹ Сборник переиздан: Дети эмиграции: Воспоминания. Сб. статей. М., 2001; см. также: Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / Сост. Л.И.Петрушева. М., 1997.

¹² Екатерина Борисовна Кузнецова (урожд. Колоколова) живет в Караганде. Всю жизнь работала в газете. С 1986 занимается сбором материалов о политических репрессиях в СССР и изучением истории Карлага, опубликовала три книги о нем. Автор и редактор собственного сайта о Карлаге (www.karlag.kz).

Из Китая мы уезжали с большим почетом, нашу семью пришли провожать сослуживцы отца, китайцы, которые очень уважали и ценили его. Отец не просто в совершенстве владел китайским, но и говорил чисто, как китаец, и писать умел, и читать. И так же великолепно владел английским. Он был широко образованным человеком. В Мукдене мы посетили русское кладбище, где были похоронены наш дед и позже – бабушка. Кладбище находилось под охраной советского правительства, как гласила медная табличка на воротах. Могила деда была ухожена – как рассказал нам священник, что смотрел за кладбищем, за могилой ухаживали сотрудники советского консульства в Мукдене и китайцы, которые чтили память о нашем деде.¹³

Приехав в СССР, Колоколовы попали в объятия системы, которая еще вовсю дышала сталинскими порядками. Екатерина Кузнецова вспоминает:

Из мягких вагонов на станции Маньчжурия на границе нас пересадили в вагоны для скота с нарами и так везли, правда, без конвоя, через всю страну в Акмолинск. У нас были советские паспорта, деньги, но это ничего не меняло. В Акмолинске мы прожили неделю, и оттуда нас на грузовиках развезли по совхозам, которые были отделениями только что расформировывающегося Карлага НКВД. Но мы тогда об этом ничего не знали. Ни о репрессиях, ни о ГУЛАГе. Обращались с нами сносно, но вокруг была чудовищная нищета и дикость. Местный народ не понимал, как можно было добровольно приехать сюда, да еще и из заграницы...

Отец беспрекословно и безропотно подчинился всем правилам репатриации, до этого никогда не живя в России и не имея о ней реального представления. Нас привезли в совхоз, в 300 км от Караганды. Работы для родителей там не было. Отца и мать погнали стричь овец. Наши родители – интеллигентные люди, владеющие прекрасно иностранными языками, никогда не работавшие физически, подчинились и этому. Нас отправили в райцентр в интернат, так как школы в совхозе не было.

На наше счастье, в классе, где мы учились, учился сын секретаря райкома партии. Он рассказал родителям о странных одноклассниках, которые выделялись среди сверстников знанием литературы, искусства, живописи, музыки и прочими странными для жителей маленького райцентра в степи качествами. Родители одноклассника заинтересовались нами, и с их помощью нашим родителям удалось перебраться из совхоза в райцентр. Где мы и прожили год. В 1955 году опять же с помощью семьи секретаря райкома партии родителям удалось перебраться в Караганду. Они устроились на работу в Карагандинский научно-исследовательский угольный институт КНИУИ. Отец – переводчиком, мать – в библиотеку.

Ныне на пенсии. Ее сын закончил Новосибирский государственный университет, работал в Сибирском отделении АН СССР, в 1994 уехал с семьей в США – в Силиконовую долину, где работает системным программистом.

¹³ Из письма Е.Б.Кузнецовой (архив М.Ю.Сорокиной).

Мы пошли в школу и закончили ее в 1956 году. Поступили в вузы: я – в Казахский госуниверситет в Алма-Ате на отделение журналистики, брат¹⁴ – в местный Горный (позже – политехнический) институт. Со временем родители получили двухкомнатную квартиру, жизнь постепенно наладилась.¹⁵

В Караганде Колоколовы прожили почти тридцать лет, до 1994, когда Сергей Колоколов-младший – теперь уже доктор технических наук, профессор Оренбургского государственного университета – увез родителей в Россию, в Оренбург, где они в 2001 скончались¹⁶.

Свои воспоминания Б.С.Колоколов писал по инициативе дочери, приблизительно с 1996 по 2000. Текст рукописный, в трех толстых общих тетрадях. Их оригинал хранится у Е.Б.Кузнецовой¹⁷, которая расшифровала и отредактировала рукопись, не меняя структуры и содержания текста, а также сохраняя характерные для автора мемуаров обороты, некоторую старомодность его изложения и т. п. При подготовке настоящей публикации мы также следовали этому подходу, минимально редактируя текст и сохраняя своеобразие стиля и языка изложения. Считаем своей приятной обязанностью поблагодарить за помощь в работе Илью Олеговича Фoniaкова и Константина Марковича Тертицкого.

* * *

В мои старые годы стали чаще будоражить меня воспоминания о прошлом – о жизни нашей семьи в Китае и о том, как дальше сложилась судьба дорогих и близких мне людей. Многое прошло перед моими глазами и того, чему я был свидетелем, и того, о чем знал понаслышке от моих друзей или современников. Вот и хочется обо всем этом оставить след на бумаге.

С какого возраста в детстве может помнить себя человек? С трех, пяти лет? А может быть и раньше... Не найду у себя ответа на этот вопрос. И тогда начинаю настойчиво вспоминать, стараясь вызвать образы прошлого. Вспоминается среди полного отсутствия каких-либо других воспоминаний и отчетливо возникает полумрак спального вагона Южно-маньчжурской железной дороги с завешанными пологом полками по бокам и узким проходом посередине. В этом проходе стоит женщина с ребенком на руках и к ней спешит кондуктор в снежно-белом кителе со стаканом молока в руке. Эта женщина

¹⁴ Сергей Борисович Колоколов (род. 1939, Дальний).

¹⁵ Из письма Е.Б.Кузнецовой.

¹⁶ Борис Сергеевич Колоколов скончался 3 марта 2001.

¹⁷ Е.Б.Кузнецова сделала также компьютерный набор мемуаров и его распечатку для каждого члена семьи Колоколовых. Один экземпляр распечатки передан ею в архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (Москва).

– моя мама, а ребенок, следовательно, я сам. Точно ли это мое воспоминание или восстановленная моим воображением сцена после образного рассказа мамы об эпизодах путешествия нашей семьи во время отцовского отпуска в Россию в 1913 году, когда мне было от роду еще неполных два года? Напряженно начинаю вспоминать, и тогда вырисовываются картинки большой комнаты и меня самого, сидящего на горшке посередине этой комнаты, и входящего благообразного старика, оглядывающегося по сторонам и как будто меня не замечающего. Раздается его громкий вопрос: «Где тут хороший мальчик?», и тогда я начинаю отчаянно, помогая себе ногами, приближаться к нему и с захватывающим волнением хлопать себя по груди ладошками, чуть не крича: «Я, я!».

Благообразный старик – это, конечно же, должен быть мой дед, отец моей мамы, Григорий Николаевич Майер¹. Письма его, уже много лет спустя, я находил у мамы на ее письменном столе, всегда подписанные придуманной им монограммой.

Итак, я родился в Китае, в семье российского генерального консула в Мукдене, в центре обширного края, известного в Китае как «три северо-восточные провинции», или кратко Дун бэй. Для нас же тогда, как и впоследствии, земля эта была известна по своему географическому названию – Маньчжурия. На полях и просторах южной части этого края разыгрывались драматические события несчастной для России Русско-японской войны 1904–1905 годов. Слившись душевно с народом этой гостеприимной земли, иногда задаюсь вопросом, чем компенсировали ему неимоверный экономический ущерб схватившиеся друг с другом соперники, превратившие Маньчжурию в арену боевых действий. И после конца войны, заливая раны, они остались еще здесь, поделив страну на сферы своего влияния, северную и южную, с опорой на железную дорогу, теперь уже разделенную надвое: северную – Китайско-восточную (КВЖД) и южную – Южно-маньчжурскую (ЮМЖД). За Россией осталась КВЖД с веткой от Харбина на юг до Куанченцзы, где она стыковалась с отошедшей к Японии Южно-маньчжурской. Объективно эксплуатация этих железных дорог способствовала развитию края, зарождению торговли и промышленности и тем самым залечивала раны, нанесенные разыгравшейся на его территории войной. Вдоль линии дороги, в так называемой полосе отчуждения, возникали новые поселки и города, появился приток населения как из других частей Китая, так и из числа обслуживавших дорогу рабочих и служащих из России и Японии. Потянулся в Маньчжурию и торговый люд.

Узловым пунктом на севере оказался Харбин, город, построенный русскими на месте двух или трех скромных китайских деревушек, приткнувшихся к берегам реки Сунгари. На юге таким узловым пунктом стал город Далянь, тоже возникший на месте китайского

поселения и за короткое время пребывания там русских получивший русское название Дальний, по созвучию с китайским Далянь, а с приходом японцев ставший более известным как Дайрен – так читались по-японски эти два китайских иероглифа. Далянь стал развиваться как важный морской порт и приобрел большое значение в экспорте соевых бобов, находивших большой рынок сбыта в торговле с внешним миром.

Для защиты своих национальных интересов в административном центре Маньчжурии – городе Мукдене² иностранные державы стали открывать консульства по мере того, как возникали фирмы и торговые предприятия. В Китае существовала тогда еще привилегия экстерриториальности для иностранцев, и консульства выполняли все функции по разбору спорных дел, возникавших у них с местным населением по ходу ведения торговли.

В Мукдене было и Российское генеральное консульство, и генеральным консулом в нем был мой отец, Сергей Александрович Колоколов, 1867 года рождения, а вице-консулом у него – Иван Александрович Бобровников³. Отец окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1892 году, прекрасно владел китайским языком наряду со знанием западноевропейских языков – французского, немецкого, английского. Бобровников был выпускником того же факультета, окончившим курс в 1901 году.

После окончания университета первое назначение отца⁴ по Министерству иностранных дел было в 1896 в Кашгар, в Восточный Туркестан – китайскую провинцию Синьцзян. О трудном пути туда мама иногда вспоминала. Молодой семье приходилось преодолевать тяжелые горные перевалы из города Ош на лошадях. После того отец на какое-то время был откомандирован (после возвращения в Санкт-Петербург в 1900) в Маньчжурию в связи со строившейся там КВЖД, а мама с детьми осталась в России, живя на даче у семьи Н.А.Колоколова⁵, брата отца, в Санкт-Петербурге. Как память об этом периоде жизни нашей семьи у меня сохранилась книга на французском языке о перспективах роста экономического благополучия Китая, купленная отцом в Порт-Артуре в 1901 г., с его автографом.

Хотя отец знал в достаточной мере английский язык, он все же держал под рукой очень большой словарь английского языка Funk & Wagnalls⁶, находившийся для удобства пользования на особой наклонной полочке, изготовленной им самим на другом конце стола. Пользовался он иногда при этом большой круглой лупой, которая сохранилась в нашей семье, пожалуй, как единственный предмет, которым он пользовался при работе.

После возвращения отца из этой командировки последовало назначение в Мукден в 1902. Дальше было назначение консулом в

1909 в Фучжоу (приморская провинция Китая), а оттуда опять в Мукден уже на должность генерального консула.

По «Табели о рангах» он был действительным статским советником, и обращение к нему было «Ваше превосходительство». Его английский коллега в Мукдене Батлер О'Брайен предрекал ему следующее назначение уже посланником в Пекин, настолько высоко было мнение о нем иностранных коллег.

Родился я в Харбине 14/27 октября 1911 года. Мама, видимо, приехала в этот русский город в Северной Маньчжурии заблаговременно, чтобы воспользоваться имевшейся там основательной базой русской медицинской службы⁷. Крестили меня там же, в Благовещенской церкви⁸ Пекинской <православной духовной> миссии, а восприемницей моей (крестной матерью) была жена генерала Хорвата Камилла Альбертовна, урожденная Бенуа⁹. Муж ее служил в высоких чинах русской военной администрации полосы отчуждения. Кто был крестным отцом – не помню, хотя и имел на руках метрическую запись, впоследствии бездумно отданную мной в советское консульство при оформлении гражданства в 1945 году. Мне и в голову не пришло тогда, что я мог потребовать метрику назад.

После возвращения мамы со мной в Мукден начались годы детства в этом городе, постепенно сплетавшиеся в последовательную связь зарисовок с натуры на сохранившихся фотографиях работы моего отца, большого любителя фотографии, всегда самостоятельно проявлявшего и печатавшего снимки. Для этого в нашем жилом доме была у него отдельная, «черная» комната в конце коридора, в ранние мои годы пугавшая меня своей таинственностью, всегда закрытой дверью, куда нельзя было входить, когда уединялся в ней отец и зажигалась запретительная красная лампочка над дверью.

В этом большом двухэтажном доме, построенном китайцами и сдававшемся в аренду под жилье российскому представительству, не было современных удобств, и даже когда к нему была сделана под руководством отца пристройка, то и тогда, в более поздние годы, не было в нем ни водопровода, ни канализации. Снабжение водой обеспечивалось водяным насосом в кухне, как и во многих других домах, сдававшихся внаем иностранцам.

Одним из моих ранних воспоминаний было, как меня купали в переносной ванночке, которую ставили на две табуретки, и смешивали воду из принесенных двух ведер, а мама опускала оголенный локоть в воду, чтобы определить, достаточно ли вода теплая. При этом присутствовала моя русская няня, и я шалил, хлопая по воде ладошками, меня останавливали, хватали за руки. Няней, как мне теперь представляется, была жена одного из казаков конвоя, приданного консульству для охраны, а может быть, и из соображений пресстижа. Основанием для существования конвоя было то, что в Маньч-

журии еще долго после окончания Русско-японской войны сохранялись шайки разбойников – «хунхуз»¹⁰, как их называли тогда, иногда нападавшие на населенные пункты и даже, первое время, на поезда. Поэтому долго сохранялась практика сопровождать поезда небольшим отрядом охранников, для чего в хвосте железнодорожного состава прицеплялся специальный вагон, называвшийся обычно тендером. Из состава этих «хунхузных» шаек со временем выделился один из главарей, ставший жестким вершителем судеб этой окраины Китая, Чжан Цзолинь¹¹, сделавший впоследствии головокружительный рывок к власти уже в Пекине.

Конвой при консульстве был отозван по просьбе отца, когда после Февральской революции в среде казаков стали возникать настроения, не совместимые, по мнению отца, с сохранением престижа России за ее пределами, в чужой стране. Он обуславливал свою просьбу тем, что военные в ту пору были более нужны на Родине, а в Мукдене укрепилась уже надежная власть китайской администрации.

...Помню себя крепко закутанным в тяжелую шубу, в зимние месяцы гуляющего за руку с няней. Иногда я вырывался из ее рук, бежал по заваленным снегом дорожкам нашего сада, и за мою непоседливость няня звала меня «коршуном тряпичным», о чем так любила потом вспоминать мама. Любимым моим занятием было, прильнув к флагштоку мачты, следить за развевавшимся на ветру российским флагом. Так просыпалось, видимо, во мне первое осознание своей принадлежности к государству, как к чему-то гордому и высокому. Был этот флаг с развернутым к древку якорем на белой половине полотнища, как я понял потом, символом мореплавания и торговли. В этих областях и важна была, в первую очередь, консульская служба. Для меня было событием, когда однажды флаг запутался, и чтобы его освободить, пришли рабочие-китайцы, повалили мачту и наладили работу катушки, по которой бежала бечевка для поднятия флага. Расправили его, и он снова начал гордо реять на ветерке.

Развитию во мне патриотических чувств способствовали и проводившиеся учения нашего конвоя на пустыре рядом со служебным домом консульства, на которые я ходил смотреть с няней. У меня захватывало дыхание, когда казаки бросались в атаку на воображаемого противника или ползали по-пластунски и, поднимаясь, рубили шашками воображаемого врага в виде расставленных снопов гаюляна. Когда казаки уехали, и не стало у меня няни, я остро ощущал отсутствие сверстников-мальчишек, с которыми мог бы встречаться и играть.

К этому периоду сохранились у меня воспоминания о старшем брате Всеволоде¹². Как он тогда выглядел, я не помню, но помню,

как он вырезал для меня нарисованные на кусочках ватмана железнодорожные поезда и загибал их по линии воображаемых рельсов, а я с увлечением, высунув язык, водил эти поезда по столу, голосом при этом подражая свисткам и шипенью паровоза.

Из Мукдена вела в Пекин государственная китайская железная дорога, и служба движения находилась под контролем приглашенного английского сотрудника Элдара. Жил он с семьей на первой станции после центрального вокзала Мукдена Хуангутунь (в переводе – Село дочери императора).

Наши семьи были в большой дружбе. Помню, что Элар присылал за нами маленький двухосный вагончик «тендер», и мы ехали к ним в гости. Если верить рассказам мамы, в более позднее время, до своего отъезда на учебу в Санкт-Петербург, Всеволод забирался на маневровый паровоз, привозивший этот «тендер», и машинист-китаец даже доверял ему переставлять под его наблюдением рычаги управления.

Это все о моих ранних детских воспоминаниях. Теперь пора перейти к более существенному рассказу о нашей семье. Было у меня два брата и одна сестра. Сестра Катя¹³ была самой старшей из детей, родилась она в 1892 году, и ей, и родившемуся в 1898 году брату Всеволоду довелось перенести вместе с родителями все тяготы нелегкой дороги через Тянь-Шань к месту первой службы отца в Кашгар.

Мои воспоминания о Кате не относятся к ранним детским годам. Помню только, как меня водили к ней уже после рождения у нее сына, Вилларда-Сержа, в 1918 году, когда мне было уже семь лет. Она рано вышла замуж, познакомившись в тесном кругу немногочисленной иностранной молодежи Мукдена с американским вице-консулом Гровером Матью Фолкнером, немногим старше нее. Папа был против замужества, и мама делала все возможное, чтобы погасить разгоревшийся конфликт.

С Гровером я встречался и до этого. Он заманивал меня к себе в небольшой домик, в котором жил и который был напротив того самого пустыря, где происходили военные игры нашего казачьего конвоя. Был он невысокого роста, с темными веселыми глазами, сидел в кресле с откидной спинкой возле камина, набивал трубку табаком из маленького мешочка, затягивавшегося сверху шнурком. Порожние мешочки лежали у него без дела, и он отдавал их мне, а я хранил в них свои безделушки, мелкие монетки и гайки. Было у него на маленьком столике много американских газет с последней, детской, страницей, сплошь заполненной рассказами в картинках о похождениях «Веснушкина» <Freckles> (так звали героя в переводе с английского) и его друзей и их бесчисленных проказах. Эти комиксы переходили из номера в номер, и для меня это было захваты-

вающим чтением, когда годы спустя я научился кое-что понимать из сопровождавших картинки надписей на английском.

Как выглядел в ту пору старший из нас, братьев, Всеволод, я не могу вспомнить. Родился он в 1898 году и, стало быть, был намного старше меня. Родители рано отправили его на учебу в Россию, где определили в Александровский лицей в Петербурге. В Мукден он приезжал на каникулы, и среди сохранившихся после папы бумага была папка с корреспонденцией о его учебе и перепиской с коллегами папы по консульской службе в различных пунктах КВЖД с просьбой помочь Всеволоду по пути его следования от границы до Мукдена. В последний раз он уезжал из Мукдена в 1916 году. Мне запомнился только его блестящий лицейский мундир и золоченый воротник, надевавшийся им в торжественных случаях, да картинки поезда, которые он рисовал на бумаге. Однако лицо Всеволода, как ни стараюсь, так и не закрепилось в моей детской памяти. В Петербурге учеба брата в лицее должна была проходить под присмотром нашего дяди Николая Александровича, чей дом стал его вторым родным домом. Были там и наши двоюродные сестры Оля и Наташа, и самая старшая – Муся¹⁴, примерно одних лет со Всеволодом.

Вскоре после отъезда Всеволода из Мукдена отца стали тревожить предчувствия надвигающихся политических событий в России. Были отправлены на родину казаки из консульского конвоя, в газетных сообщениях стали появляться беспокойные нотки. Произошла Февральская революция, отец ее принял, но, видимо, считал, что на этом дело не кончится, и послал Всеволоду приказ как можно скорее возвращаться домой, тем более, что Всеволод к тому времени уже заканчивал свой курс обучения в лицее. Однако революционные настроения настолько овладели им, что он проигнорировал требования отца. Больше того, он стал проявлять знаки внимания к молодой девушке, Марии Кирилловне Бумагиной, жившей в семье дяди воспитательницей двух младших его дочерей Ольги и Наташи. Впоследствии, видимо, уже после Октября, когда он почувствовал себя совершенно свободным в своих действиях, Всеволод женился на ней, вопреки всем стараниям дяди и его жены Ольги Константиновны помешать этому. Дальнейшие события начавшейся гражданской войны прервали всякую связь со Всеволодом, и мы в Мукдене получали о нем лишь отрывистые сведения в письмах, изредка доходивших до нас от бабушки Марии Павловны Майер из Севастополя.

Разрыв всякой связи с Россией тяжело сказался на судьбах нашей семьи. У родителей был загородный дом недалеко от Петербурга, в дачном месте Дибуну¹⁵, построенный папой в расчете поселиться там после выхода на пенсию. Он был деревянный, двухэтажный, и у нас долго сохранялась фотография его, стоящего среди высоких стройных деревьев. В нем было много комнат; по рассказам мамы,

по комнате всем членам нашей семьи. Все попечение о доме было поручено дяде Коле, ему же перечислялись деньги на его содержание. Это тем более было не трудно делать, так как и дядя имел свое поместье в Дибунах, и у нас даже сохранилась в семейном альбоме фотография его дома с башенкой, так же, как и у нашего, после революции уже реквизированного новой властью. О нашем доме доходили потом сведения, что в нем помещалась школа, затем он сгорел, не оставив и следа. Так, по крайней мере, сказал мне Всеволод, когда много лет спустя мы, все три брата, вновь встретились в Ленинграде уже в 1957 году.

Я стал просить его съездить вместе посмотреть хотя бы то место, где, по плану отца, нам предстояло обосноваться прочно на родине после долгих лет службы его в Китае. Все планы тогда перечеркнул Октябрь. Происходящее в России отец, видимо, тяжело переживал, и, возможно, на этой почве возникла у него тяжелая болезнь, которая и унесла его в могилу еще сравнительно нестарым человеком в октябре 1921 года.

Отец очень ревностно относился к воспитанию Всеволода, мечтая дать ему основательное знание китайского языка и с юных лет приставив к нему в Мукдене учителя-китайца. Заложенные с детства знания китайского послужили впоследствии основанием для успешной дальнейшей работы Всеволода как китаевода, принесшей ему всеобщее признание и достойное место в науке.

Ближе мне по возрасту был мой брат Глеб, родившийся в 1904 году¹⁶. Много лет спустя Всеволод, делясь со мной воспоминаниями, любил говорить, что Глеб родился под грохот японских пушек. Он уверял меня, что в Мукдене тогда рассыпались по крышам домов осколки японских шрапнелей, хотя вооруженные действия не могли еще, на начальном этапе войны, простираться так далеко от Порт-Артура. Экспансивный, всегда готовый на разные проказы, Глеб часто втягивал и меня в свои шалости. Любил поиздеваться над полицейскими – подбрасывал к участкам пустые коробки от конфет, в которые собирал сучками и палочками нечистоты от бегавших по улицам города бездомных собак, перевязывал коробки ленточками. По его глубоким убеждениям, эти коробочки подбирали полицейские, и он представлял себе, в какое негодование приходили они, раскрывая эти коробки в своих участках, оброненные, по их мнению, прохожими. Иногда Глеб посылал гостям, бывавшим на приемах у мамы, состриженные с собаки клочки шерсти в изящной упаковке. Отправлял он эти «посылочки» с посыльным какой-нибудь из дам, у которой были проблемы с бровями. Запомнился он мне и как умелый и ловкий на всякие поделки из дерева и жести. После появившихся в Мукдене первых автомобилей Глеб смастерил маленькую изящную модель, у которой зажигались фары, но не помню, работал

ли мотор, над которым он старательно мудрил. Во время упоминавшейся мною поездки семьи в отпуск в 1913 году Глеб, как любила вспоминать мама, бегал по коридору гостиницы, где останавливались транзитные пассажиры, ожидая пересадки со своего поезда на другой, и видя торчавший из замочной скважины ключ, немедленно подбегал и поворачивал его, запирая незадачливых жильцов, потом громко колотивших в дверь, требуя выпустить их из номера. Глеб тогда кричал от удовольствия, что шалость удалась.

Теперь время написать о нашей маме, которой мы, ее дети, доставляли много хлопот, огорчений и забот. Родилась мама, София Григорьевна, в семье горного инженера Григория Николаевича Майера, много лет проработавшего на Алтае в районе Змеиногорска, а затем на горных разработках в Нижнем Тагиле на Урале. Был он сыном того самого Николая Васильевича Майера, выходца из Германии, которого Лермонтов вывел под именем доктора Вернера в своем «Герое нашего времени»¹⁷. Прожил он долгую жизнь и умер в 1921 году в возрасте 79 лет, тщетно надеясь дожить до времени, когда закончится начавшаяся в России «заваруха». Жена его, наша бабушка, Мария Павловна, до замужества Добровольская, пережила его на много лет, и мы с ней переписывались, когда более-менее восстановилась возможность переписки, до самой ее смерти в 1938 году в Севастополе. Жила она там в семье своего сына, Николая Григорьевича, ветерана Первой мировой войны, последние годы своей жизни проработавшего сторожем одного из бездействующих фортов крепости.

Как сейчас помню адрес, по которому отправлялись наши письма бабушке из Китая: Севастополь, ул. Луначарского, 27, кв. 3. Много лет спустя, отдыхая в санатории в Ялте, во время экскурсионной поездки в Севастополь я попросил гида нашей группы дать мне возможность побывать по этому адресу, но она сказала, что сделать это невозможно из-за того, что во время Отечественной войны и обороны города все дома по этой улице были разрушены прямым попаданием снарядов и бомб.

Возвращаюсь к рассказу о моей маме. Это была очень энергичная и смелая женщина, добрая по складу характера, образованная и умная. Как сейчас представляю ее себе – с карими добрыми глазами, острым носом и перламутровыми шишечками над правой бровью...

Мама получила очень хорошее образование, окончив Анненшуле в Петербурге¹⁸, владела немецким языком, неплохо говорила и на французском, а впоследствии осилила и английский. В молодые годы, выйдя замуж за отца, она, как я уже упоминал выше, мужественно и стойко перенесла все невзгоды путешествия через Тянь-Шань в город Кашгар и там, вдали от удобств и благоустройства своего родного города, создавала семейный очаг в условиях тогдашнего при-

митивного быта этого среднеазиатского города, где ее мужу предстояло делать первые шаги дипломатической карьеры.

Какой круг общения ожидал ее в Кашгаре? Это, была, возможно, немногочисленная русская колония, в основе состоявшая из коммерсантов, торговавших по завозу находивших здесь спрос русских товаров¹⁹. Помню, мама вспоминала, что очень ходовым товаром был русский ситец, возможно, и различные другие товары, производившиеся развивающейся русской промышленностью того времени. По своему общественному положению маме скорее приходилось общаться не с ними, коммерсантами, а с иностранными представителями и их семьями в том же ранге, – было в Кашгаре и английское консульство, происходили приемы. И, кроме всего, с местными китайскими властями. Тут мама оказывалась на высоте и умело справлялась с выпавшими на ее долю обязанностями.

Наряду с этим из-за примитивности быта маме приходилось заниматься и хозяйственными вопросами, хотя, конечно, была, видимо, и прислуга, но поскольку она состояла из людей коренного населения, то была совершенно не знакома с требованиями жизни на иностранный лад. Называла она их сартами²⁰. Росли дети, и пришлось завести корову, появились куры, и маме нужно было управлять этим сложным хозяйством, в котором, конечно, ей помогали сарты. Спустя годы, после переезда в Маньчжурию, мама познакомилась с еще одним народом – китайцами, с которыми установились самые теплые отношения взаимопонимания на долгие годы.

Воспитание детей составляло для нее самую главную заботу. Сколько пришлось пережить ей тревог и беспокойства еще в Кашгаре, когда, отправляясь на какую-то речку, Всева²¹ упал с мостков в воду и стал захлебываться. Катя, бывшая с ним, ни минуты не раздумывая, бросилась в воду и вытащила за волосы братца из воды. Надолго после этого случая осталась у мамы боязнь воды как источника возможной опасности для ее детей. Поэтому, наверное, мы росли под запретом появления у водоемов и не научились плавать.

В Фучжоу круг общения мамы расширился за счет иностранных миссионеров, проповедников христианства среди китайцев. Они создавали свои школы для китайских детей, и на первых порах, из-за отсутствия русских школ поблизости, Катя получила первые уроки у англичан-миссионеров, заложивших у нее и первые знания английского языка. Возможно, и Всева получал навыки лепетать на этом языке, хотя по возрасту уже стремился к общению с китайскими ребятами, привыкая к звучанию китайских слов, с годами приведшему к освоению всех тональностей этого непростого языка.

Затем на смену Фучжоу пришел Мукден, и там произошел расцвет общественной и семейной сфер деятельности нашей мамы. Как жена консула России, она проводила самостоятельные приемы, ока-

звалась радушной хозяйкой и для представителей других кругов иностранной колонии, во много раз более обширной, чем в тех местах, где ей приходилось действовать раньше. Ко всем было у нее доброе слово приветя, участливое слово в случае трудностей или забот. Консульство в то время было прибежищем для всех русских, оказавшихся случайно или по роду деятельности вдали от родины. Трехцветный русский флаг был маяком, указывавшим путь к защите и покровительству.

С иностранцами отношения тоже были очень хорошие. Часто организовывались совместные выезды в окрестности города на пикники. Вблизи, среди буйно разросшегося леса, были императорские могилы – Бэйлин к северу и Дунлин к востоку²². На первых порах выезжали с казаками охраны, впоследствии, по мере укрепления безопасности охраны города, выезжали уже безо всякой охраны, захватив лишь прислугу, быстро расстилавшую скатерть на выбранном месте пикника и ставившую самовар или чайник на тут же разведенный костер. Когда пировали с конвоем, казаки приучили Всеволода к верховой езде, тоже пригодившейся ему в будущем.

Время шло, дети росли, и вставал вопрос, где их учить. Катя росла очень любознательной девочкой, после общения с миссионерами быстро пристрастилась к чтению по немудреной программе. Миссионеры знакомили ее и с другими предметами. И родители, видимо, тянули время, не решаясь ее отправить учиться в Харбин, ближайшее место, где имела русская школа. Всеволода же решили отправить учиться в Петербург, в Александровский лицей, где преподавателем был наш дядя Николай Александрович. Для Глеба пригласили из Харбина студента, Анатолия Михайловского, и он начал готовить его к поступлению в гимназию.

Поступил ли он тогда в гимназию или много позже, я теперь не помню, только два или три года спустя, помнится, у нас появился уже другой репетитор, который взялся также готовить и меня – Николай Иванович Изотов.

К тому времени я уже научился самостоятельно читать. Любимой книгой у меня были произведения Гоголя в одном толстом томе. Прочитана была добрая половина этого тома, он был хорошо иллюстрирован, и на меня большой страх наводила фигура скелета с косой на фоне темной украинской ночи и берега Днепра, сопровождавшая повесть «Вий».

Возможно, из-за моего пристрастия к чтению мне была поставлена небольшая парта в кабинете отца, где я втихомолку предавался любимому занятию, в то время как за большим письменным столом занимался отец, постоянно что-то записывая, а иногда беря книги с выдвигной полки рядом. Иногда он что-то печатал на портативной машинке «Сокопа», таких машинок было у него две – одна с рус-

ским, другая с английским шрифтом. То уже было беспокойное время приближающейся русской смуты. Папа получал из Америки газету «Christian Science Monitor» и внимательно следил за оценками этой газеты положения в России.

Помимо увлечения чтением, у меня не было ничего такого, чему бы я отдавался с такой же охотой. Объяснялось это отсутствием сверстников среди немногочисленной колонии европейцев, живших в Мукдене. Этот недостаток, конечно, восполнялся дружбой с китайской детворой, от которой я в процессе игры и набрался отличного знания разговорного китайского языка. В этом мной предводительствовал племянник нашего слуги – «боя», как тогда в Китае называли старшего из нашей китайской прислуги. Его звали Вэй Цзы, и был он всего на несколько лет старше меня. Научился я от него и отборным китайским ругательствам. После того, как был отозван конвой, вахтером при консульстве стал работать пожилой китаец Ван Чжансяо. Я часто приходил в его каморку и, что греха таить, стал покуривать сигареты, до которых он был большой охотник.

В то время в Мукдене была табачная фабрика «British American Tobacco», или коротко ВАТ. Она выпускала сигареты в пачках «Kuby Queen» и «Rirat».

Каждая пачка, помимо привлекательной упаковки, имела еще внутри карточку с изображением птичек или цветов и порядкового номера. В погоне за этими карточками я и бегал к Ван Чжансяо. За собранный полный набор карточек можно было получить приз, но не это меня прельщало, а только азарт собирательства, который годы спустя привел меня к увлечению филателией.

В чем состояли мои игры? Я уже писал, как ездили мы в маленьком вагончике в гости к английскому железнодорожнику Элдару. Это привязало меня к игре в железную дорогу, где вагонами должны были служить пустые коробки от папирос.

Отец был заядлым курильщиком и курил только один сорт папирос, специально им выписываемый из Харбина. Производились они фабрикой «Лопатс», филиалом той же ВАТ, в Мукдене папиросы не выпускавшей. Коробки были большие, на 250 папирос, и служили отличным «подвижным составом» для моей воображаемой железной дороги. К коробкам я приклеивал вырезанные из картона колеса, а для их сцепления в состав приделывал крючки и колечки из перегнутых и закругленных канцелярских скрепок. Что же касается локомотива, это дело стоило большой выдумки, но и с ним я справился с помощью клея. В трубу паровоза вставлялся кусочек ваты для имитации дыма. И весь этот состав двигался по полу комнат от кабинета отца до большой столовой в пристройке.

У нашего соседа, Ивана Александровича Бобровникова, была племянница примерно таких же лет, как я, и она приходила иногда

к нам со своей тетей, женой Ивана Александровича, но партнером в моих играх она так и не смогла стать.

За забором отведенного нам участка при жилом доме находился пруд, к которому я прибегал, перелезая через забор. Моим занятием было пускать «блины», подбирая на берегу плоские камешки и, умело нагнувшись, «пускать» их так, чтобы камешки, ударившись о поверхность воды, отскакивали и при этом снова ударялись о воду. Надо было насчитать возможно большее число раз в таких «прыжках» камешка. Раз, побежав к пруду, я нашел возле него еще одного мальчика моих же лет, и между нами установился контакт, хотя разговор не получился, на мои вопросы на русском он не отвечал, а на китайском обращаться к нему было бы неправильно – он явно был европейцем. Тем не менее, мы стали встречаться, и я рассказал дома о новом своем приятеле. Каковым же было мое изумление, когда мне запретили с ним встречаться, – он был из немецкого или австрийского консульства, а наши страны воевали!

Китай много позже вступил в войну, и больше этого мальчика я не встречал. На смену ему появился английский мальчик Филипп, но это было много позже. Уже после смерти папы он как-то забежал к нам, мама усадила его пить с нами чай, но мы были какие-то замкнутые, отчужденные. Он это заметил и звонким голосом спросил, что случилось. Тут мы и поведали ему о нашем горе. С папой я не был особенно близок, он всегда был занят и тогда не обращал на меня внимания. Он даже высылал меня из своего кабинета, когда к нему кто-то приходил. Один такой случай мне запомнился. Пришел к нему французский консул Хот Корн, и папа быстро выслал меня, хотя я, на мой взгляд, ничем не мешал их разговору, тем более что говорили они на совершенно непонятном мне французском языке. Это уже было в пору русской революции, и разговор, видимо, касался важных вопросов.

Помню и маленький домик-особняк внутри обширного сада, где располагалось французское консульство. На задах от него, близ другого консульства – английского, была небольшая игровая площадка для детей, с песочницей, качелями, и на тот уголок для малолеток я совершал иногда набег, отнимал у малышей игрушки, и меня с позором прогоняли китайки-«амки», приводившие туда детей играть («ама» – обычное обращение к няням, которых нанимали для присмотра за детьми в иностранных семьях).

Все эти вылазки я производил, перелезая через кирпичный забор позади кухни нашего дома и хозяйственного двора, где были куры и гуси, и рядом, еще за одним забором, находился коровник. Мама держала корову, когда на нашем попечении оказался Виллард²³ и ему было необходимо молочное питание. Раз, преодолев забор после вылазки, я не удержался и упал, ударившись спиной о землю. С тру-

дом поднявшись, я не мог наладить дыхания и, скорчившись, побегал в кухню и только через некоторое время стал нормально дышать. Для меня это послужило хорошим уроком, и я стал более осторожен, подставлял что-нибудь к забору с той и другой стороны, чтобы снова не сорваться.

Катя вышла замуж за Гровера как-то незаметно для меня. Просто Катя больше не жила с нами, и я бегал к ней в их маленький домик недалеко. Потом, тоже как-то незаметно для меня, у нее родился мальчик. Меня однажды привели и показали младенца. Он хныкал и плакал, и я не нашел его достойным своего внимания. После рождения сына, названного Виллардом, а также Сержем в честь деда – у американцев в обычае было иметь два имени или больше, – Катя долго болела. Приходя к ним, я находил ее в постели, а Гровера озабоченным, не склонным поиграть со мной.

И вдруг пришло решение, что маленький Виллард будет жить с нами. Срочно была переоборудована одна комната под детскую, приглашена китаянка-«ама», и мама всецело занялась Виллардом, кормила его из рожка, для чего покупалась детская смесь «Меллинс-фуд», остатки которой давались иногда мне, что мне очень нравилось. Было это уже в 1918 году (Виллард родился 12 мая). В нашем саду, непосредственно под окнами комнат первого этажа, рабочие стали строить беседку. Оказывается, по совету врачей Гровер договорился с нами построить беседку, чтобы Катя могла в ней спать на свежем воздухе и тем поправить здоровье. Беседку, довольно широкую, обтянули со всех сторон проволочной сеткой, а пол в ней вымостили кирпичом. В такой обстановке Катя провела лето и большую часть осени, пока было тепло.

Наличие беседки вошло памятным событием в мою жизнь. Я видел ее во сне, и мне крепко запомнился сон, в котором над беседкой, на уровне окон второго этажа, где была моя спальня, будто бы пролетел самолет или, как тогда говорили, аэроплан. Случилось это, конечно, под впечатлением прочитанного в журнале о полетах гражданской авиации, входивших тогда в моду и отмеченных в журналах с иллюстрациями.

Помню такие журналы, которые родители получали сперва из России, а потом и из других стран. Из России это были, конечно, «Нива», потом «Исторический вестник», «Огонек», детские «Светлячок», для Глеба – «Путеводный огонек», «Природа и люди». Запомнились мне и «Задушевное слово», выписывавшееся для Кати, «Родник». Спустя несколько лет они перестали приходить, в России началась «заваруха», и журналы позакрывали. На смену им на столе отца стали появляться для нас «Saturday Evening Post» из Америки, «Illustration» из Франции. Помню обложку «Illustration» за май 1921 года, где Наполеон, увенчанный лавровой ветвью, выходил из

разверзнувшейся могилы. Франция переживала всплеск патриотических чувств после Версаля²⁴. Как не подумать при этом, что и Россия была близка к победе – прорыв австро-немецкого фронта Брусилловым, начатое новое наступление, а главное – вступление Америки в войну предвещали и близкое ее завершение. И имея такие виды на победу – пойти на Брест-Литовск²⁵?! Германия уже задыхалась, а Россия дала ей глоток кислорода еще на год кровопролития!

Отца очень интересовал вопрос вины и ответственности за революцию. Первую, Февральскую, он встретил нормально, на консульских бланках в заглавии «Императорское Российское Генеральное консульство» краской было запечатано «Императорское». Вторая, Октябрьская, поставила его в тупик, и он ее не принял, как не приняли и все остальные российские представительства за границей. Отрыв от Центра после ликвидации Министерства иностранных дел в Петербурге и переход на комиссариат положил начало короткой самостоятельной работе всех российских консульств – их продолжали признавать местные власти. Для общего руководства было создано Центральное управление в Париже, названное Советом послов²⁶, и у отца появилась папка «Отчуждение». Инструкции, поступавшие из Петербурга, не исполнялись. А оттуда первым делом потребовали смещения первого лица и замены его на второе – из подчиненного в начальствующее – и, следовательно, вице-консул Бобровников становился теперь консулом, а отец – вице-консулом. Такие указания, видимо, поступили и в другие консульства. Китайские же власти продолжали считать отца консулом и подчеркивали уважительное к нему отношение, выработанное за годы его деятельности на этом посту. Окончательное закрытие консульства произошло позже, и тогда появилось горестное для всех нас новое название ex-Russian. Наверное, отцу было тяжело это пережить, и, возможно, как я уже писал, это обстоятельство ускорило его смерть в октябре 1921 года.

Китайцы отца любили. Помню, как приезжали к нам иногда высокопоставленные китайские чиновники. Их сопровождал многочисленный конвой из полицейских, которые рассыпались по двору, когда чиновники удалялись в служебный корпус консульства для переговоров. Память об отце продолжала жить и много позже. В 1928 году, когда было совершено удавшееся покушение на Чжан Цзолиня, возвращавшегося из Пекина в свою вотчину, маме было прислано официальное приглашение на его похороны. Мама не сочла возможным пойти, поскольку не имела основания считать себя общественной деятельницей, но, видимо, послала цветы или какие-то другие знаки внимания в благодарность за оказанную честь.

С горьким чувством проводили мы в небытие условные телеграфные адреса «Russolat» для консульства и «Legarusse» для по-

сольства в Пекине. Но теперь уже бывшие русские консулы в различных городах Китая чувствовали общность своей судьбы и при случае поддерживали связь друг с другом: Тидеман в Тяньцзине²⁷, Люба — в Харбине²⁸, Усатый — в Цицикаре²⁹... Они помогали друг другу, когда встречалась к тому необходимость. Так, например, Глеб смог жить у Люба, когда поехал учиться в гимназию, и так и остался у них в отдельной комнате на весь срок учебы. А Тидеман очень любезно встретил маму, когда она поехала к заболевшему Вилларду много лет спустя, разговор об этом будет в своем месте.

В Мексике, куда уехала Катя с мужем Гровером, ее ждали тяжкие испытания. Не прошло, возможно, и года, как Гровер получил сильную травму головы, проезжая на «фордике» по одной из ухабистых улиц Сан-Луи или где-то поблизости от него, и травма вылилась в менингит. Он очень страдал, терял зрение и только протирал руки, чтобы схватиться за Катю, неотлучно дежурившую возле него на больничной койке. Врачи не сумели его спасти... Похоронив мужа, Катя вернулась к нам в Мукден, к своему сыну Вилларду, которого она оставляла на попечение бабушки перед своим отъездом в Мексику. Приехала она совершенно здоровым человеком и вскоре устроилась на работу, видя, что Виллард в надежных руках и быстро растет под рачительным наблюдением бабушки.

В Мукдене была уже иностранная молодежь, служащие разных фирм и учреждений. Среди них и молодой голубоглазый француз, проходивший стажировку на получение чина в китайской морской таможне, старательно запоминавший китайские иероглифы в специальной подготовительной школе. Между Катей и французом возникла дружба, пришла и любовь.

Вскоре они поженились, хотя, как вспоминала мама, папа опять был решительно против этого брака. Франк Филиппо, как звали этого француза, имел за плечами службу в действовавшей армии, был летчиком и имел хорошие о себе отзывы от начальства. Катя ознакомила его со своей обязанностью перед Виллардом воспитать его и поставить на ноги, с чем Франк согласился и честно выполнил данное слово о нем заботиться. Не помню свадьбы, событие это как-то прошло мимо моего внимания. Помню только, что вскоре Франк был отправлен по месту назначения в китайский город Чжэньцзян на железной дороге между Нанкином и Шанхаем. Тем временем утрата общественного статуса, отсутствие известий о родных в России и переменчивая судьба <sic!> разгоревшейся в России гражданской войны усугубили состояние уже начавшего болеть моего отца. К тому же, получив по решению Советов послов причитавшиеся выходные суммы вследствие окончания своих полномочий, он поместил их в открывшееся в Мукдене отделение французского банка (Banque Industrielle de Chine), а банк возьми да и объяви себя банк-

ротом. Перспектива оставить семью без средств приводила отца в отчаяние.

...Помню один день в начале октября 1921 года, когда папа, одетый во все дорожное, сидел на стуле в вестибюле нашего жилого дома и ждал маму с верхнего этажа, которая должна была появиться с запасом одежды и других нужных вещей и ехать с ним в больницу Южно-маньчжурской железной дороги, где его уже ждала отдельная палата. С первых дней болезни чувствуя недомогание, он советовался с доктором Морикава, японским врачом, который, по договоренности, обслуживал всех консульских работников России. Кроме него, отец пользовался также советами другого японского врача, доктора Агава, из больницы Красного Креста.

Японские врачи внушали большую уверенность вследствие своей высокой квалификации, о них говорили, что многие из них получили образование в Германии. Принимая на обследование больного, осматривая его, они тщательно дезинфицировали руки, да и в процессе осмотра вынимали из кармана маленький футлярчик с готовыми марлевыми платками, слегка смоченными спиртом.

Увы, врачебная помощь оказалась бессильна при быстром развитии болезни: папа кашлял и выплевывал в особый сосуд мокроту. Но внешне он поддерживал надежду на излечение, был бодр, занимался просмотром газет, которые ему доставлялись в больницу. Помню его таким, когда однажды меня повезли к нему в больницу. В вестибюле нам предложили тапочки, тоже смоченные каким-то раствором, которые надевались на ботинки.

Раз не было консульства, не было и конного выезда. Давно все это было ликвидировано, и мы ехали в больницу на рикшах, они дежурили обычно на бирже, расположенной на перекрестке дорог, недалеко от нашего дома. И вот помню день, когда к нам явился японец, приехавший из больницы на велосипеде. Он сумел объяснить, что отцу плохо, что ежеминутно ждут смерти. Было это, кажется, 17 октября. Мама и еще несколько человек, не помню, кто, но очевидно, кто-то из соседей – а ближайшими были Бобровниковы – отправились в больницу на рикшах. Представляю, как тягостно им было ощущать, что, возможно, они опаздывают. И действительно они опоздали. Японский врач сказал, что папе вспрыскивали камфару, чтобы они успели застать его живым, но перед ними уже было бездыханное, еще не остывшее тело.

Все хлопоты с похоронами взял на себя Федор Федорович Груннер. Об этом человеке мне здесь надо упомянуть. В 1912 году приехала из России в Мукден специальная комиссия обустроить русское военное кладбище на предоставленном китайским правительством участке земли, вблизи от корейского поселка, возле башни Сита на западной окраине Мукдена³⁰. В 1905 году под Мукденом про-

изошло самое большое сражение Русско-японской войны. Ни одна из сторон, кажется, не приписывала себе честь победы, потери у обеих были весьма велики, но русские отступили и перешли на новые позиции под Телином. Разбросанные по полю захоронения павших русских солдат не могли не вызвать желания их достойно перезахоронить, и была создана комиссия, которая и занялась вопросом устройства русского кладбища, после соответствующего согласования с китайским правительством. Был отведен довольно большой участок. В мыслях было также устроить часовню-памятник. Потребовалась рабочая сила из китайцев – проводить необходимые работы как по перенесению праха, так и строительству ограды и домика для смотрителя. Организация найма рабочих была возложена на Груннера, то ли уже жившего в Мукдене, то ли приехавшего с комиссией. Он быстро взялся за дело. Мама рассказывала, видно, с его слов, что когда вскрывали временные захоронения, стоял страшный смрад, и переносили останки на новое кладбище, определяя принадлежность трупов к тем или иным воинским подразделениям. Впоследствии в отстроенной часовне-памятнике названия этих частей были обозначены золотыми буквами на стенах часовни, а сама часовня построена в форме славянского шлема с забралом, приходящимся как раз на вход во храм. Часовня была устроена посередине насыпанного возвышения и смотрелась очень хорошо. Звонница была построена на некотором удалении.

Чем занимался Груннер после выполнения поставленной перед ним задачи, я не знаю. В ту пору, когда мы с мамой вернулись в Мукден в 1926 году из Гонконга, у него был мебельный магазин на главной улице китайской части города, и мы в рассрочку покупали у него мебель для снятой нами квартиры.

Груннер в то время был высокий, внушительный по размерам мужчина с широкой бородой, в очках, энергичный и быстрый в движениях бизнесмен с широкими связями в китайском торговом мире. Звали его китайцы просто «дахудза», то есть бородач, и знала его вся округа. По-китайски он говорил не особенно грамотно, но объяснялся без труда, хотя и имел при себе китайцев-помощников по торговым своим делам.

Про него бытовала легенда, что, не сумев правильно построить на китайском нужную фразу, он свел дело к тому, что китаец-рикша вывернул его из коляски после того, как он настойчиво кричал на возницу, приказывая повернуть на другую улицу, переезжая перекресток. Он крикнул «фаньголай», ошибочно полагая, что эти слова по-китайски обозначают поворот, хотя на самом деле обозначали «перевернуть».

В том старом Мукдене, в котором мы жили, основным транспортом были рикши, их было великое множество. Рикша – это коляска

на одного пассажира с возницей, впрягшимся впереди в оглобли. За весьма умеренную плату он вез бегом седока по заявленному маршруту. И в летнюю жару, и в зимний холод возницы-рикши зарабатывали на пропитание своей семьи и себя, делясь выручкой и за аренду коляски, если не было достаточно денег купить себе собственную. Кроме рикш на резиновом, мягком ходу, были «фудутунки», запряженные в одну лошадь, с крытым верхом и стенами с трех сторон, и со входом, прикрытым пологом, громыхавшие коваными колесами по обычной каменной мостовой по улицам города и мягкой, пыльной проселочной дороге за его пределами. На подобных двухколесных арбах с большим днищем для перевозки грузов осуществлялся гужевой транспорт на лошадях и выносливых мулах. Обычно возница шел рядом, щелкал длинным бичом, от которого доставалось и несчастным мулам, если он находил, что они замедляют ход, или он торопился доставить по назначению груз от товарной станции до получателя. Часто, увязая в грязи немощенных дорог, арбы застревали. Возницы собирались в круг, если застопоривалось движение, и общими силами подталкивали арбу или освобождали ее, облегчая работу мулам. Стоял невообразимый крик и щелканье бичей. Были, конечно, и извозчики, собиравшиеся у вокзала в ожидании прибытия поезда, а следовательно, и пассажиров. Более престижными были кареты с откидными ступеньками и открывающимися и закрывающимися дверями. На сиденьях внутри могли разместиться двое пассажиров, и два на откидных перед ними. По бокам были фонари и высоко на козлах восседал кучер, также безжалостно погонявший лошадей.

И совсем экзотическим видом транспорта были паланкины, переносившиеся на плечах, – их несли четверо, два спереди и двое позади с запасной палкой-опорой, на которую клались брусья паланкина, когда носильщики переносили груз с одного плеча на другое, предупреждая товарищей спереди или сзади о проводимой операции. Редко использовавшиеся в быту, паланкины широко входили в обязательный ритуал свадебных церемоний. На них перемещалась китайская невеста в дом жениха, это был как бы завершающий церемониал, проходивший под громкий рокот барабанов и звон медных тарелок и под певучие ритмы свирелей. Сам паланкин иногда бывал ярко раскрашен, и сама невеста обязательно густо припудрена, с раскрашенным лицом и подведенными глазами, в роскошном праздничном наряде. По улицам города сновали велосипеды, этот вид транспорта становился все более популярным, и в более позднее время появился гибрид его с рикшей – позади к раме велосипеда крепилась повозка для пассажира.

Автомобили в Мукдене появились довольно поздно, лишь к началу <19>20-х годов. Их было немного, были у них и номера, и мне

доставляло удовольствие поглядеть на них, когда раздавались гудки проезжавших мимо дома машин. Гудки издавали резиновые груши. Марки машин были различные, и окрашены они были в разные цвета, и я быстро научился различать их по гудкам, запоминая их порядковые номера, не превышавшие цифру 10. Таково, наверное, и было все количество машин, курсировавших по городу от железнодорожной станции до центра китайского города. В Мукдене на электростанции был директор-американец, видимо, еще со времени постройки электростанции по контракту с американской фирмой, по фамилии Поплер. У него, на удивление всем, был электромобиль, двигавшийся бесшумно по суетливым китайским улицам, по которым движение производилось без какого-либо соблюдения дорожных правил. Только после вторичного возвращения нас с мамой в Мукден стало внедряться обычное для Китая левостороннее движение транспорта.

С Поплером мы были знакомы, и мама брала меня с собой, когда он приглашал нас к себе. У него был роскошный, великолепно обставленный дом в районе Сяохэянь, где находилась и электростанция, снабжавшая электроэнергией город. Во дворе был даже бассейн для плавания и, как рисовало мне мое воображение, должна была быть и лодка. Он говорил тихим голосом, растягивая слова, и существовала легенда, будто его предки родом из Чехии и его настоящая фамилия Поппик. Семьи у него не было.

В довершение рассказа о городском транспорте надо упомянуть о конке на конной тяге, по преданию, привезенной из Сан-Франциско, где такой вид транспорта существовал на рубеже веков. Маршрут был один – от станции Мукден-пассажирская ЮМЖД до центра Китайского города, где все дороги сходились ко Внутреннему городу, обнесенному крепостной стеной с выездом через эту стену на еще один внутренний двор четырехугольником, от которого через еще одни ворота открывалась дорога в собственно центр с императорскими дворцами посередине. Мукден был историческим центром Циньской империи, последнего царствующего дома в Китае, овладевшего тронном Поднебесной в середине XVII века.

Из других иностранцев, с которыми наша семья вела знакомство, была семья Шишманов, у которых был сын, тоже Борис, на несколько лет старше меня. Со мной он вел себя покровительственно, и это не могло не раздражать меня, хотя внешне дружба продолжалась все время, пока они жили в Мукдене. Сам Шишман был, вроде бы, директором ВАТ, табачной фабрики, и руководящих работников этой организации тоже часто переводили с места на место в этой разветвленной компании с иностранным капиталом в Китае. Еще был американец Дрейкфорд, представитель нефтяной компании «Тексас», наряду с другой, «Сокони», завозившей в Мукден нефтепродукты, и

особенно керосин, поскольку в китайской глубинке широко использовались керосиновые лампы.

«Сокони», кроме керосина, торговала лампами и переносными керосиновыми печами, легкими по весу и весьма полезными для обогрева помещений. У нас тоже была такая печка, и я пользовался ею в своей комнате на мансарде в одной из квартир, в которой мы, попеременно переезжая <так!>, жили в Мукдене уже в начале <19>30-х годов. Керосин был хорошей очистки и горел совершенно без запаха, фитиль в горелке можно было то поднимать, то опускать, регулируя степень обогрева, а на крышку печки можно было ставить чайник, согревая так рано по утрам себе завтрак.

Знакомы мы были и с миссионерскими семьями, жившими по улице Идинлу, занимая своими постройками почти целый квартал. Среди домов была и спортивная площадка. На ней проходили несложные спортивные соревнования учащихся младших классов руководимых ими школ, вроде вольного бега или эстафет, шуточные бега в мешках, или с яйцом на ложечке, или с водой в стакане, чтобы не расплескать. Было много шума и азарта, дамы-патронессы ласково прижимали к груди победителей, одаривали подарками. Иногда проводилось при этом чаепитие с неизменными сэндвичами.

Отец редко приходил на такие мероприятия, он всегда был занят и подолгу не выходил из кабинета. К нему заглядывали за советом и помощью некоторые русские дельцы и коммерсанты, владевшие мелкими предприятиями. В большинстве это были евреи. У одного магазин, у другого гостиница, возникали споры между собой или с китайцами, и приходили к отцу со своими жалобами. Он их судил и рядил.

В пору разыгравшихся революционных событий в России, в которых принимало участие большое число евреев, отец в шутку или всерьез в беседе с местными евреями высказывал мнение, что было бы лучше их представителям в России заняться скорее обустройством своего дома в Палестине, чем мешаться и руководить делами в России. Мама говорила, что между собой евреи даже спрашивали друг друга, не «свой» ли здесь консул человек? Позднее, после поражения Турции в Первой мировой войне, отец высказывался в поддержку образования в Палестине, отошедшей под мандат Великобритании³¹, собственного государства для евреев в связи с приобретшим все большую известность движением сионизма. Его очень возмущала роль Троцкого³² в России и пришедшего ему на подмогу целого ряда других евреев, и обширные репортажи о событиях там заставляли его думать о существовании заговора против России, осуществляемого их руками.

Со вниманием следил он и за всеми перипетиями гражданской войны. Мама рассказывала, что он выходил даже на перрон желез-

нодорожного вокзала в Мукдене, пытаясь задержать поезд, который проследовал без остановки и на котором будто бы провозилась в Японию часть российского золота³³, попавшего в руки атамана Семенова³⁴ после крушения колчаковского правительства в Омске³⁵. В то время еще представитель Российского государства, он выразил гневный протест против такого расхищения достояния российской казны.

Папа не был щедр в проявлении ласки и внимания ко мне. Только изредка он брал меня на прогулки с палочкой в китайский парк. Бывало, брал с собой фотоаппарат и снимал меня где-нибудь в уютном уголке, вручая мне свою неизменную палочку. Сопровождала нас иногда и какая-нибудь из собак, а их у нас было сперва две, а потом три. Из первых двух одна была сеттер по имени Они – «черт» фински, в память о запомнившемся во время поездки в Финляндию из Дибунов слове. Другая – дворняжка Лок была очень привязана к нам, детям, и после смерти папы и нашего отъезда к Кате, по рассказу друзей, долго оставалась на перроне после ухода поезда, надеясь на наше скорое возвращение. К новым хозяевам, которым ее отдали, она не чувствовала привязанности.

После отъезда Кати с Гровером, к нам перешла и ее комнатная собачка Ойра пекинской породы. Она скоро признала меня за хозяином. Я с ней много возился, и она следовала за мной по пятам.

В семье все больше было разговоров о политике, назывались государства, сочувствующие или враждебные России. И в моем сознании возникла мысль создать в уме свое, воображаемое государство. Получило оно название, производное от клички моей собаки – Ралия. Видя какое значение придает отец газетам, у меня родилось желание издавать свою газету и в ней писать о различных событиях, происходящих у нас дома, придавая им расширительное значение. В то время у нас уже был репетитор Анатолий Иванович Михайловский. Он коснулся моей новой затеи и в пику или «оппозицию» моему «Вестнику Ралии» стал издавать «Никчемный листок». Это меня очень забавляло, и на его реплики я сочинял ответные реплики, корректировавшие его оценки происходящих событий, вроде: «Почему вчера выла собака на Луну?»

Потом, много-много лет спустя, эта склонность к журналистике зародилась и у моей дочери и стала делом всей ее сознательной жизни, доставившим ей широкую известность и горячую признательность читателей.

Прошло еще немного времени, и Михайловский от нас уехал, то ли продолжать свое образование, то ли по другим причинам, и на смену ему приехал Николай Иванович Изотов. Он взялся за меня, так как Глеб уже благополучно начал учиться в Харбине, живя в семье Люба, последнего российского консула в Харбине. Я уже

сносно владел словом, и он дал мне тему для сочинения. Одним из слов названной темы было слово «лес» в новом, принятом уже в России правописании. Слово это было мне очень знакомо, и во всех книгах, где встречалось, оно писалось через «ять»; в написанном Изотовым предложении оно было через «е». Затаив дыхание, я побежал к маме и громко заявил, что учитель у меня безграмотный. Мама, конечно, разъяснила мне обстановку, примирила с появившимся новым правописанием, а Николая Ивановича попросила впредь им не пользоваться, а писать все для меня по-старому и по-старому же спрашивать с меня. Трудно было маме согласиться с нововведением, у нее еще долго удерживались консервативные взгляды, и всю жизнь писала она, до самой смерти, по-старому.

Помню, как на следующий после смерти папы день все мы, включая приехавшего Глеба из Харбина, снова поехали в морг, где лежал папа. Меня не пустили и оставили на время на улице у входа. Внутри уже был Груннер, туда внесли длинный черный ящик, обитый бархатом и с белым крестом на крышке. На улице переговаривались китайцы-носильщики.

Когда наконец меня позвали, отец уже лежал в гробу, все о чем-то тихо перешептывались между собой, и я краем уха уловил, что на груди у папы был расплывшийся вширь синяк от внутреннего кровоизлияния. Говорили, что у него произошел разрыв аорты...

Потом вошли китайцы, вынесли гроб, соорудили носилки, на которые положили гроб, и, встав попарно в три ряда, подняли гроб, и мы двинулись по направлению к русскому кладбищу. Путь был долгий, с выходом на одну из главных улиц японской концессии. Мама тяжело переживала, вся была в слезах, но ее успокаивали неизвестно откуда взявшиеся и совершенно посторонние люди. Это были и русские, и иностранцы, для которых утрата всегда благожелательного к ним человека тоже была горем. Траурная процессия под начавшим падать осенним снегом с час или полтора неспешно приближалась к кладбищу. На входе нас встретил священник отец Сергей Сузуки, японец, бывший тогда настоятелем храма³⁶. Гроб внесли в церковь, поставили на скамейки посередине. Была отслужена панихида, и потом мы все, сильно расстроенные, вернулись домой.

Папа не был религиозен и иной раз скептически относился к духовенству. Мама вспоминала, как он осуждал одного из прежних священников, называя его мздоимцем. Отец Сергей был тому явной противоположностью. Еще до Русско-японской войны в Японии была образована епархия православной русской церкви, возглавлял ее епископ Николай, снискавший большое уважение среди японцев³⁷. В годы Русско-японской войны японцы, кажется, даже не сажали его в лагерь как гражданина враждебной страны, и он много делал для облегчения участи русских воинов, попавших в плен после сдачи

Порт-Артура и привезенных в лагерь военнопленных в Японию. После Цусимского боя в лагерь попали и спасенные с русских кораблей моряки.

На японском языке издавался в то время даже религиозный журнал³⁸, и росла паства обращенных в православие японцев. Вот из той среды и был отец Сергей, невысокого роста, худой и с белой бородой в три волоска. Он неизменно улыбался, был приветлив и всегда рад общению. У него был сын, ученик японской школы, часто к нам приходивший, и мы играли с ним во дворе в теннис, хотя он намного был старше меня. Но, по японским канонам, он был неизменно благожелателен и терпелив со мной.

Отец Сергей говорил по-русски не очень грамотно, часто употреблял присказку «не так ли», сообразуясь в таких случаях с правилами родного языка. Перед раскрытой могилой отца он произнес небольшую речь о путях человеческих, отслужил еще раз панихиду, пропел со всеми присутствующими «вечную память». И кинул на гроб горсть китайской земли... Потом подошел к нам и очень сердечно, обняв поочередно каждого из присутствующих, сказал слова утешения и веры в милость Божью. Надолго я потом запомнил этот ритуал последнего прощания.

Место для могилы было выбрано самое хорошее – против алтаря, ближе к краю насыпного холма, на котором стояла церковь. В знак глубокого уважения к своему коллеге на консульствах в этот день были приспущены флаги. На русском же его давно уже не поднимали – с 1920 года Китай уже не признавал за ним легитимного статуса представительства соседней страны. На этом закрылась страничка моего безмятежного детства...

Еще до этого появился Виллард-Серж, и год или два я рос уже сам по себе, а вниманием мамы полностью завладел внук, отодвинувший родного сына на задний план.

В нашем доме произошли важные перемены. После закрытия русских консульств к нам переехал жить, по договоренности с папой, консул Михаил Иванович Лавров³⁹ из Чаньчуня, а вернее, Куанченцзы, это было совсем рядом – терминал КВЖД.

Старый холостяк, всегда одетый, как на парад, он увлекался собиранием фигурок китайских Будд и постоянно находился в их поиске и любил делиться деталями удачных находок. Он носил пенсне и относился индифферентно к происходящим событиям. У него был брат в Харбине, служивший в правлении КВЖД, остававшийся там после смены руководства и выбравший советское гражданство, когда на смену Остроумову⁴⁰ из Москвы прислали нового начальника дороги. Что случилось дальше с ним, для меня осталось неизвестным.

Теперь нам надо было ликвидировать хозяйство, куда-то уезжать, так как на занимаемый нами дом после закрытия российского кон-

сульства объявился новый претендент в лице американского генерального консула Понтиуса⁴¹. Китайцы нас не торопили, но американцы выражали нетерпение, так как открывалась более радостная перспектива жить в лучших условиях, чем в переделанной под консульство китайской кумирне, в которой они находились уже несколько лет.

Грустно и тоскливо проходили теперь наши дни. Собирались вечером в маленькой столовой внизу. Рядом была опустевшая комната, из которой уехал со своими божками Лавров. Приходили несколько дам из русской колонии, имена и отчества которых стерлись из моей памяти, Глеб и приехавшая на похороны папы Катя. До болезни папы мы собирались в этой комнате в куда более веселой обстановке. Сменявшиеся у нас репетиторы вносили оживление своими рассказами, иногда даже сбивались на пение русских романсов, а теперь стояла гробовая тишина, – не знали, о чем завести разговор, как отодвинуть грустные мысли о случившемся, и о том, что нас ожидает в нелегком будущем.

Задумывался и я над важными для меня вопросами, что такое жизнь и что такое смерть. Вот родился Виллард и включился в жизнь, а вот теперь не стало папы, и ушел он в никуда... Почему мама не захотела открыть крышку гроба, когда он лежал в церкви, когда об этом спросил Груннер... Каким он стал, мой папа, когда скосила его смерть? Та самая, которая из книжки Гоголя вздымала руку в темное небо, в другой держа высокую косу на берегу Днепра...

На смену всему приходили размышления о том, что теперь маме надо будет распродавать мебель, избавляться от лишних вещей и сдать ее на уговоры Кати поехать жить к ней в далекий Чжэньцзян. Мысль о предстоящей поездке радовала меня. Опять будет поезд, замелькают за окном незнакомые места, будет все новое, никогда прежде не виданное.

...Было решено, что Груннер произведет аукцион нашей мебели, и для этого надо было стащить все в большую столовую и распахнуть двери в гостиную, чтобы все поместилось. Началась суета, пришли от Груннера рабочие, и все пришло в движение. Между столовой и гостиной были раздвижные, складывающиеся по секциям двери, а над ними во всю ширь проема – китайская картина с изображением множества персонажей китайского фольклора. Она как-то незаметно и загадочно исчезла, хотя и была предварительно снята и свернута в рулон. Собаки и кот Фомка, старожил нашей семьи, пришли в полное замешательство. Впрочем, они уже вскоре были переданы в чужие руки, но Лок и Ойра до конца оставались с нами.

Наконец наступил день аукциона. Груннер занял место, поднявшись на какое-то возвышение перед рядом стульев. Такие ряды выстроенных в ряд стульев помнились мне и по прежним случаям, ко-

гда в Мукден приезжали какие-нибудь артисты или исполнители, и так же преображались эти две комнаты и начиналось какое-нибудь событие – концерт или декламация. Рядом с Груннером был китаец, повторявший вслед за ним исходную цену какого-нибудь предмета, а на столике перед ними лежал молоток, удар которого венчал совершение сделки. Ушли «с молотка» бронзовая ваза, украшавшая интерьер одной из комнат, медная чаша для отмывания рук после съеденных ягод или фруктов и ряд других принадлежностей торжественных застолий. Исчезли кадки с апельсиновыми деревцами, стоявшие под окнами в папином кабинете, диваны, кушетки, кресла и бесчисленное множество других мелких и крупных вещей. В один день невозможно было все продать, и аукцион продолжался и на следующий день.

Катя тем временем хлопотала о проездных билетах в Чжэньцзян. Мама сортировала домашние вещи, хотя ей трудно было это делать из-за начавшегося приступа ревматизма. Холод во всем доме в связи с постоянно открывавшимися дверями из-за выноса купленной вещи только усугублял ее состояние. Я бегал одетый в теплое пальто, суетясь, не зная, куда приткнуться.

В сундуки-кофры укладывались различные семейные реликвии и ценности, папин форменный сюртук, его награды и ордена, и даже шпага – неременная принадлежность форменной одежды на торжественных приемах. Все это как-то незаметно потом растворилось, исчезло, и как жалел я потом, что не видел всех этих сокровищ. Впрочем, шпага потом попала к Глебу, помню, как мы вынимали ее из ножен, удостоверяясь, что она лишь декоративное оружие и совсем не острая. Рукоятка ее была увенчана российским гербом.

От Понтиуса приходили, видели наши сборы и, удовлетворенные, возвращались назад для доклада. Наконец подошел день отъезда. Мама не в шутку разболелась и уже не могла свободно передвигаться. Все суставы у нее болели. С трудом усадили ее на извозчика и наконец выехали из дома, многие годы служившего нам родным гнездом. Мелькнуло лицо «Мариванны», племянницы Бобровникова, также пришедшей нас проводить. Ее тетя, жена Бобровникова, уже к тому времени ушла от мужа, познакомившись с успешным коммерсантом из Германии Хельмом, открывшим свое дело в Мукдене. Поверженная Германия сделала решительный рывок, начала активно залечивать раны, нанесенные войной, и завоевывать восточные рынки. Сын Бобровникова к тому времени тоже исчез из поля зрения. Говорили потом, что он вместе с матерью ушел к Хельму, который, наладив работу своего предприятия в Мукдене, уехал в Японию, где должна была находиться его главная контора.

В Мукдене было два железнодорожных вокзала – один ЮМЖД на японской концессии в полосе отчуждения, другой, китайский,

возле того самого парка, в который мы часто ходили гулять с отцом. Туда к отходу поезда нас всех и привезли извозчики. Мама сама не могла зайти в вагон с перрона, ее на плечах внес в вагон здоровяк китайский носильщик. Был произведен обычный пересчет личной клади, взятой с собой. Все оказалось на месте. Собака Лок, увязавшая за нами, печально осталась сидеть на перроне. Поезд тронулся...

Путь наш был в Тяньцзинь. Я не отрываясь смотрел из окна на удалявшиеся знакомые городские места. Наконец состав нырнул под мост основной магистрали КВЖД и повернул к вокзалу ЮМЖД, где обычно происходила короткая остановка для тех пассажиров, кому удобнее было садиться с этого вокзала. Дальше Хуангутунь – вот и мелькнул дом, в котором жили Элдары, к тому времени закончившие работу по контракту у китайцев.

Китайцы постепенно сами набирались опыта и успешно справлялись со всеми делами без посторонней помощи. Шел уже 1922 год; это был год Вашингтонской конференции, где Китай как участник Первой мировой войны уже потребовал уравнивания себя в правах с другими победившими державами⁴². Если устранения экстерриториальности для всех Китаю так достичь и не удалось, то для побежденных она стала возможной. Более того, Китай добился возвращения себе Циндао, под именем Киячио находившегося под управлением Германии после убийства немецкого посла в Пекине во время боксерского восстания в 1900 году⁴³. То было время дележа опорных пунктов на побережье Китая. Россия еще раньше получила права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, сразу после этого Англия выговорила себе поблизости Вэйхайвэй на побережье Шаньдуна. Даже Италия не хотела остаться в стороне и тоже выдвинула какое-то требование, но Китай, учитывая относительно высокое значение европейских держав, сумел ее притязания вежливо отвергнуть.

В противоположность Китаю, долго сохранявшему нейтралитет в схватке держав в Европе, Япония не замедлила объявить Германии войну и осадила Циндао, находившийся под немецким управлением. Это прекрасный порт с защищенной стоянкой для кораблей военно-морского флота. Оттуда, кажется, ушел и «Эмден», немецкий крейсер, совершивший много нападений на коммерческие суда держав Антанты, а в Пенанге на Малайском полуострове безнаказанно расстрелявший русский крейсер «Жемчуг», шедший на Запад для участия в военных действиях на море против немецких рейдеров⁴⁴. Циндао оказал вооруженное сопротивление, но японцы, высадившиеся на материк, обходным маневром принудили немецкий гарнизон сдать.

Итак, вдаль уходил Мукден, город моего детства и ранней юности. Вспоминались давно знакомые места – Бэйлин, куда ездили

летними днями на пикник. Дорога вилась вдоль северной окраины города, проходила над линией японской железной дороги на Чанчунь, мимо обширного игрового поля для гольфа с его круглой будкой-рестораном, участка с песчаным грунтом, где часто буксовали машины в более поздние годы развития автомобильного транспорта, а дальше напрямик, переходя по мосту над каналом, тянувшимся на Запад к построенным впоследствии зданиям университетского городка. За мостом начались уже зеленые чащи Бэйлина. Дальше, дальше, и, наконец, сами императорские могилы, заключенные в опоясывающие их каменные ограждения с храмами и башнями. Сама могила императора была расположена под высоким насыпным холмом, запечатана каменной кладкой с рельефным изображением на поверхности в виде императорского дракона. По преданию, похоронен здесь был Нурхацзи⁴⁵, вождь маньчжуров, начавший поход на Пекин и сломавший сопротивление китайцев, воцарившийся на древнем престоле китайских богдыханов.

Были в Мукдене еще одни императорские могилы – к востоку от города и потому называвшиеся Дунлином. Они были на значительно большем расстоянии от города и редко посещались экскурсантами. Как-то, бродя там среди густо разросшихся посадок и слушая шум ветра, то приближающегося, то отдаляющегося, я находил на некоторых старых деревьях вырезанные ножом русские имена и фамилии. Это был оставленный русскими воинскими частями след пребывания в Мукдене в годы, непосредственно предшествовавшие Русско-японской войне.

Вспоминался и район города Сяохэянь, где жилые кварталы одноэтажных китайских построек подходили вплотную к берегу реки Хуанхэ. Была она небольшая, мелководная, потому и называли его китайцы Сяохэянь, то есть «берег речки». Я заметил, что китайцы, живя на берегу реки, опускают в разговорной речи ее название. Так, на берегах самой крупной реки Янцзыцзян я слышал обычно короткое «чандян», то есть «длинная река».

Перед окном вагона мелькали деревья, стоявшие без листвы, – шел последний месяц зимы, – телеграфные столбы, заснеженные поля. Провода от столба к столбу то снижались, останавливаясь на мгновение, то вновь поднимались к следующему столбу. Для меня все смешалось воедино – телеграф, телефон: тут и там провода, непонятным образом передававшие звук, послания.

Вспоминалась жестокая шутка, проделанная раз Глебом. Я уже писал о крахе французского банка, в который вложил деньги папа, а следом за ним и Бобровников. Слишком импозантным было здание этого банка на той улице, где была табачная фабрика. Как неизбежна была фабрика, таким надежным представлялся этот французский банк. И вот случилось Глебу получить в подарок или купить самому

детский телефон. Было это на каникулах, когда от нечего делать он разыгрывал разные шуточные ситуации. Повесил он телефон, симитировал звонок и предложил — мадам Бобровниковой подойти — она была в другой комнате, — дескать, говорят из банка, приглашают прийти за получением вклада. Телефонов в Мукдене тогда почти совсем не было в жилых домах, и по виду детский телефон легко можно было принять за настоящий. Она подошла, и Глеб, успевший перебежать в другую комнату, стал измененным голосом приглашать ее зайти на следующий день в банк. И ведь она поверила и пошла! Можно представить, какой был финал этого розыгрыша...

Банк долгие годы не проявлял признаков жизни. И только потом вкладчики стали получать право на постепенное возвращение своих денег. Точного механизма этой финансовой операции я не мог себе представить, но дело, видимо, свелось к тому, что банк располагал облигациями китайского займа, произведенного китайским правительством в погашение контрибуции, наложенной на Китай из-за боксерского восстания <1>900-х годов. Производились розыгрыши этих облигаций, погашавшиеся выходили в тираж и оплачивались. Так мама стала иногда получать некоторые суммы в валюте. Но это произошло только лет через десять после объявленного банкротства.

Деньги, тем не менее, понемногу накапливались, и Глеб потом выговаривал маме, что, если бы она согласилась, он мог на них поехать в Америку и там добиться успеха в жизни. Вообще тема Америки часто всплывала на различных этапах нашей жизни. Еще Крейн⁴⁶, американский посол в Китае, лично знавший и очень уважавший папу, как-то в разговоре предложил за свой счет увести кого-нибудь из нас, детей, учиться в Америку. Против этого энергично возражала мать отца, бабушка Екатерина Колоколова в Питере, когда еще была у нас переписка. Жила она отдельно от нашего деда и была твердых правил, и выше всего ставила престиж и славу России. Дед, Александр Петрович Колоколов, был, по рассказам, человеком не очень твердых нравственных устоев и оставил жену, за что его осуждали в нашей семье и мало вспоминали в ту пору. Умер он, кажется, в 1913 году, до начала Первой мировой войны. Наши знакомые американцы, влюбленные в свою страну, и позже высказывались в том же роде, что лучшее образование можно получить только в Штатах, и часто возникали предложения стать спонсорами для кого-нибудь из нас, детей, поскольку в Мукдене не было русских школ, да и события, произошедшие позже в России, лишали нас возможности получить высшее образование там.

Так и получилось, что мы, дети российского безвременья, не получили высшего образования. Хорошо, конечно, было бы иметь богатого «американского дядюшку» и получить бесплатно хорошее образование, но до нас доходили слухи, что в Америке хорошо

устроиться удавалось далеко не всем. Так, сын Блонских, Жорж, уехавший туда и снабженный порядочной суммой денег, вынужден был зарабатывать еще и мытьем посуды, чтобы прокормиться. Такая же участь постигла и его сестру Лиду, которая уехала следом.

Следует здесь написать, что Блонский⁴⁷ был старожилом Мукдена и помощником военного агента России в Китае⁴⁸. Звали его Василий Васильевич, и он настолько обжился в Мукдене, что приобрел участок и жил в собственном доме, пристроив в дополнение еще один – с выходом на улицу.

Этот второй он сдавал и долго спорил с арендатором, требовавшим сделать выход с крыльца этого дома прямо на улицу через окружавший весь участок кирпичный забор. Забором было обнесено все его владение с центральными воротами – въездом с улицы. Мария Васильевна, его жена, помнится, приезжала к нам в Дайрен, когда родилась у нас дочь Катя, и была восприемницей ее при крещении.

Семьи наши в Мукдене были тесно знакомы, и я бегал к ним во двор, когда у них гостили племянники, откуда-то приезжавшие на побывку. Впоследствии Блонский долгое время считался руководителем русской общины, образовавшейся со времени наплыва беженцев из России после разгрома Колчака. Именно его усилиями и по его инициативе создавалась тогда в Мукдене русская школа.

В пору японской оккупации всей Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу-го он вошел в конфликт с властями и был арестован японцами. Содержался некоторое время в заключении и вышел оттуда совершенно разбитым человеком, хромая на одну ногу. После его смерти Мария Васильевна, уже в пятидесятые годы, уехала к сыну и дочери в Америку. К тому времени они уже сумели создать себе там благополучную жизнь.

Глеб дружил с Жоржем Блонским, эта дружба и подпитывала его желание тоже попытаться счастья в Америке, и он укорял маму, что она не помогла ему осуществить его мечту, когда к тому была возможность. В меньшей мере высказывались сожаления обо мне, когда я уже достаточно подрос, но возле нас тогда уже не было американцев с толстой сумой, звавших туда.

Итак, в начале февраля 1922 года ехали мы с мамой на поезде – давнишняя моя мечта – начинать новую жизнь у Кати в маленький городок на Янцзы – Чжэньцзян. Мне исполнилось десять лет. Прожиты эти десять лет были как-то одиноко, без друзей-товарищей, не было у меня сверстников, если не считать китайских мальчишек, иногда забегавших на пустырь за домом возле пруда. Одни млели перед мальчишкой из чужой страны, представителем незнакомого народа, который их старшие братья и отцы называли «большеносыми» – «да бинза»; другие, наоборот, склонялись поиздеваться, если

были постарше и посильнее, обзывая «янгуйцзы», что в переводе должно было обозначать «заморский чертенок». Силой большой я не обладал и обычно избегал таких встреч.

От китайских мальчишек я перенял и их спортивное увлечение сверчками. Как в иных местах проводили петушиные бои, так в Китае господствовали среди подрастающего поколения бои сверчков. Их находили в расселинах старых стен, под камнями, определяя их нахождение по стрекотанию в лунные ночи. С зажженными фонариками мы их разыскивали, умудрялись изловить двумя руками, накрывая осторожно ладонями. Они стремительно спасались от нас прыжками, и какая была досада, когда потом между собой мы делились огорчениями – не удалось поймать, а какой великолепный экземпляр упустили! В китайских лавочках продавались блестящие, покрытые глазурью горшочки, в которых надлежало держать пойманных сверчков темно-коричневого цвета с блестящими крылышками на спине, двигая которыми они и производили такое милое нашему сердцу стрекотание. В горшочек насыпалась земля неглубоким слоем, увлажнялась и уплотнялась нажиманием всех пальцев, выравнивалась, и туда наконец сажался наш пленник. Если сверчок попадался большого размера и бойкий, метавшийся вдоль стенок своей клетки, это уже была верная надежда, что со временем будет из него храбрый боец.

Летать они не умели, зато отлично прыгали, и, открывая горшочек, мы снимали крышку очень осторожно, чтобы сверчок не вырвался на волю. Кормили сверчков зеленой травкой. Подбирая рацион, живо обсуждали его и советовались между собой и наконец приходили к общему мнению. Когда пленник поуспокаивался и привыкал к неволе, давали даже кусочки чего-нибудь мясного в предположении, что это усилит агрессивность нашего любимца при первой же встрече с соперником.

Для боя переводили его в чужой горшочек и затем, прильнув друг к другу, возбужденно, с часто бьющимися сердцами, наблюдали схватку, иногда подзадоривая бойцов короткой сухой веточкой. Особо выдающихся сверчков меняли, отчаянно торгуясь, на какую-нибудь забавную игрушку или предмет, нужный в детском хозяйстве.

Был в Китае еще другой вид сверчков, обычно водившихся среди буйно разросшейся зелени. Поскольку они и сами были зеленого цвета, то их было трудно заметить, и только громкий голос выдавал их присутствие. Их обычно держали в клеточках из гаоляна. Клетки плелись самими любителями. Стебель гаоляна разрезался на равные отрезки, скреплялись эти отрезки тем же гаоляном, для чего с него снимался наружный покров, и кусочки отрезков вгонялись друг в друга, составляя скелет клетки. Работа была кропотливой, конструк-

ция получалась нехитрая, но достаточно прочная, и в ней обитал наш любимец, услаждая слух своим стрекотанием. В быту на севере Китая приезжие иностранцы называли этих сверчков цикадами, среди нас же прочно утвердилось название «кузнечики», хотя по своим размерам они явно отличались от тех прыгунов, которые водились в траве. Да и цикады на самом деле были совершенно другими, и распевали на другой лад. И ареал их обитания был на Юге, в Шанхае и дальше, к Учжоу, где мне тоже довелось пожить некоторое время в семье Кати.

Родители мало уделяли внимания моему воспитанию, и я рос один, без обычных назиданий о жизни, что хорошо, что плохо. На меня больше влияния, по-видимому, оказывал тот репетитор, который был в период становления моей личности в семье, готовя Глеба к поступлению в гимназию в Харбине. Отец, видимо, выжидал с моим воспитанием, всегда очень занятый в кабинете, ожидавший, возможно, окончания гражданской войны в России, когда не поздно было бы заняться всерьез и мной. Мама же была поглощена воспитанием Вилларда. На ее руках был первый ее внук, которому она отдавала все силы своей души. Только когда я сильно шумел или проказничал, мама вела меня к отцу на расправу, но он обычно только поглядывал на меня, но от внушений воздерживался. Я же забивался в угол, и постепенно у меня стихал страх наказания, которому никогда меня не подвергали.

К характеристике моего отца надо сказать, что он находил иногда отдых от своих дел в мелких столярных работах. Для этого в «предбаннике» к своему просторному кабинету был у него стол с верстаком, рубанки, пилы и различные другие предметы и струганные доски, гвозди, молотки, пилы. Как память об этом его увлечении были различного формата рамки для фотографий и картин с выпиленными узорами по бокам, или сверху, или снизу, подставки для отрывного календаря и различные другие поделки. К сожалению, он не приучал меня к этому занятию, и у меня не выработалось никакого пристрастия к тому, чтобы делать самому что-нибудь своими руками. Мама тоже обладала даром к творчеству, что-то вышивала, потом пристрастилась к искусственным цветам из гофрированной бумаги. Благодаря своей постоянной возне с бумагой – книгами, газетами – и необходимостью поддерживать их в порядке, отец неплохо переплетал, и у нас долгое время хранились переплетенные им иллюстрированные воскресные приложения к «Новому времени», получавшиеся до революции из России.

Помню, как после обхода всех хозяйственных объектов – курятника, каретного двора, коровника мама, держа в руках связку ключей, поднимала ее и под громогласный звон ударявшихся ключей как-то набок кривила рот, решая про себя обуревавшие ее хозяйст-

венные проблемы. Такая привычка сохранялась у нее долго, несмотря на сужавшийся круг «объектов», когда постепенно не стало у нас сначала своего выезда после закрытия консульства, уменьшилось количество кур и гусей из-за необходимости экономии, да и потребности в своих продуктах поубавились по мере взросления детей.

Один из казаков, обычно присылавшийся для поездки к кому-нибудь на приемный день, сидел на козлы и поворачивался к маме: куда везти? Бывало это и английское консульство, где консулом был Перри Асквит, мама называла фамилию, и казак, ухмыльнувшись, повторял: «К Перевязкину, как не знать, совершенно русская фамилия!».

Все это в прошлом. Теперь мы в поезде. Едем с Катей к ней в Чжэньцзян. По этому направлению, на юг, к Тяньцзину нет на дороге крупных населенных пунктов, и, следовательно, среди сходящих или садящихся в поезд на остановках нет иностранцев. Густая толпа китайцев, одетых в ватники, однообразных, суetyщихся, толкающих друг друга и что-то кричащих за окнами вагона. Тут же на перроне переносные лотки со всякой снедью, дымящейся на морозе. Стоят продавцы в широких толстых войлочных туфлях с горбинкой спереди и толстой теплой прокладкой, чтобы не мерзли пальцы. Все очень бедно одеты.

Помню, как перелезал я через кирпичный забор в Мукдене к пруду, чтобы позабавиться бросанием камней в воду, и там встречался с сумасшедшим бродягой, известным на всю округу, собиравшим угольки в корзинку из кучи золы, которую выносили каждый день из топившихся в доме печей. В то время невозможно было найти во всем городе жилого дома с центральным отоплением, разве что в американских домах «Сокони» да еще в жилом доме руководящих работников табачной фабрики. Набравшись храбрости, я бегал к болоту и дразнил бродягу, как делали ребятишки-китайцы, крича «фынцза, фынцза!» («псих, псих!»), и стремительно убежал прочь, когда он, поднявшись во весь рост, делал вид, что кидается за мной. Вид его был для меня ужасен, он был высок, грязен, с полуоткрытым ртом, из которого текла тонкой струйкой слюна. А в общем-то он был совершенно безобиден, и вспоминая это теперь, после целой прожитой жизни, удивляюсь, какими жестокими могут быть дети.

Кончились маньчжурские просторы, мы въезжали в собственно Китай, его основные 18 провинций («шиба шэн»), как иногда называли свою родину китайцы. Над ними тогда реял пятицветный полосатый флаг, символизировавший пять основных народностей, в том числе и маньчжуров, которым была присвоена вторая по вертикали желтая полоса. Ведущая верхняя, красная, была отведена собственно китайцам, остальные – монголам, мелким народностям на юге и мусульманам, сартам в Синьцзяне («Новой провинции» – Восточному Туркестану на Западе) – синяя, белая, черная⁴⁹.

В Китае было тогда неспокойно. Власть набирали генералы, еще не забылась попытка Юань Шикая, пытавшегося обособиться от центральной власти в Пекине и восстановить монархию⁵⁰. Улучив момент, японцы предложили китайскому правительству унижительные 21 требование, существенно нарушавшие свободу и суверенность Китая как независимого государства. Западные державы, также имевшие интересы в Китае, были заняты послевоенным обустройством Европы. А Россия в это время была погружена в небывалый социальный эксперимент, выведший ее из круга великих держав. Однако Запад, опомнившись, собрал в 1922 году конференцию в Вашингтоне, на которой Японии пришлось отказаться от своих требований или хотя бы смягчить их и, более того, вернуть Китаю порт Циндао, занятый в ходе военных операций против Германии, имевшей там свой опорный пункт.

Прильнув к окну вагона, я ожидал встречи с Великой китайской стеной, которая на восточном отрезке подходила к берегу моря в Шаньхайгуане. Мама стала гораздо лучше себя чувствовать благодаря заботам о ней Кати и в Тяньцзине, куда мы вскоре прибыли, уже не ощущала болей в суставах. Не помню, была ли пересадка в Тяньцзине, или поезд напрямик провез нас дальше на юг, к Пукоу, напротив Нанкина, где предстояло выгрузиться из поезда со всеми нашими корзинами и чемоданами и на пароме пересечь Чанцзян <р. Янцзы>. Поскольку память не сохранила никаких происшествий во время переправы и посадки в другой поезд, все прошло благополучно благодаря готовым к услугам многочисленным носильщикам на всех станциях китайской железной дороги. Здесь все строилось под ранжир английских железных дорог, на руководящих должностях все еще были англичане – инженеры и путейцы, которые, конечно, внедрили свои порядки. В противоположность им, японцы на ЮМЖД следовали образцам американцев, даже на паровозах были на корпусе колокола, громко извещающие о прибытии состава на подходах к перрону, чтобы кто-нибудь невзначай не попробовал бы переходить рельсы перед приближающимся поездом. Впрочем, в Мукдене на станции Мукден-пассажирская были подземные переходы под перронами на всех путях, с которых отправлялись составы. Обслуживание в вагонах было тоже построено по американскому образцу, с услужливыми проводниками в белых кителях.

Что нас ждало на типичной английской, как мне впоследствии представлялось, маленькой ухоженной станции в Чжэньцзяне? Никаких извозчиков; не было, кажется, и вездесущих рикш, а только паланкины, которые на английском мы почему-то называли стульями – «чери, chairs». Заботливые китайцы-грузчики усадили нас всех, и кавалькада тронулась в путь во главе с Франком, распорядившимся движением. Пронесли нас через весь, казалось, китайский город

сквозь расступавшуюся толпу на улицах. Наконец, дойдя до ворот в стене, опоясывавшей иностранный квартал, свернули налево и стали подниматься в гору к большому двухэтажному дому по узкому переулку. Остановились возле железных решетчатых ворот, из сторожки вышел китаец, вежливым поклоном встретивший прибывших. Распахнулись ворота, и паланкины с нами проследовали дальше, к самому подъезду – крыльцу, к которому вели широкие ступеньки. Вошли в дом. Прислуга стала следом вносить вещи, а мы осматривались кругом.

Все комнаты были обставлены мебелью. Квартира была казенная, и располагаться было легко и удобно. Тут же был и Виллард, и мы с ним, несмотря на разницу в возрасте, стали бегать по комнатам. В некоторых комнатах были камины, вероятно, была и система центрального отопления, но из-за наступившей там раньше весны не ощущалось никакой необходимости обогрева. Когда мы с дороги помылись и принарядились, китаец-бой позвал за стол, не помню, к обеду или к ужину. В общем, полная перемена обстановки после Мукдена, где мы мерзли в неотапливаемом доме, где не было у нас уже слуг и не подвозили, не покупали уголь и дрова. По-видимому, американскому консулу Понтиусу, торопившему нас с выездом, много пришлось потрудиться, чтобы привести в порядок дом после нашего отъезда и установить, возможно, в нем центральное отопление вместо печного.

Освоившись со всеми переходами и коридорами, я залез по крутой лестнице на чердак, представлявший обширное, ничем не занятое пространство под крышей, со слуховыми окнами на три стороны. Одно окно было с видом на реку и прилегающую к берегу часть города с иностранным кварталом на первом плане. Впоследствии это сделалось излюбленным моим местом для наблюдения за пароходами, подходившими к причалам и дебаркадеру, укрепленному на якорях на довольно значительном расстоянии от берега. Это было местом стоянки речных судов компании «Батерфилд энд Сквайр» (Butterfield & Squire), владевшей судами также и для каботажного плавания. Постепенно я стал запоминать и другие иностранные компании, осуществлявшие рейсы своих речных судов из Шанхая до самого Ханькоу. Это была еще одна английская компания «Жордан энд Матесон» (Jardin & Matheson), которую я сразу стал выделять по окрашенным в красный цвет дымовым трубам, японская «Ницин» с трубами, помеченными белыми полосками по сплошной черной краске, и своя, китайская, с желтыми трубами.

Пароходы были большие, с несколькими палубами, способные перевозить большое количество грузов и пассажиров. У китайской компании, называвшейся «China Merchants», был и крупный пароход с колесом на корме, делавшим его наиболее интересным типом реч-

ного парохода, да еще и в единственном экземпляре. Открывающийся вид на эту могучую китайскую реку охватывал и остров, сплошь покрытый густой растительностью и проглядывавшими сквозь нее китайскими храмами. Остров этот иностранные жители называли Серебряным (Silver Island), и однажды мы всей семьей совершили на него поездку на маленьком речном катере. Застали на нем церемонию религиозного обряда по канонам буддийской веры, с монахами в красных, накинутых на голое тело, хитонах, стоящих в два или три ряда, распевающих молитвенные обращения к изваянию Будды, застывшему в позе медитации перед ними. Перед входом в храм были развешаны молитвенные барабаны, повернув любой из них за ручку, можно было избавиться себя от многократного прославления Всевадного, – «о-ма-ни-пад-ме-хум».

Близко к острову подступал изогнутый в этом месте край берега, на котором в отдалении стоял город. Проход между островом и этим берегом был не судоходен для крупных судов, и им приходилось делать большой крюк, обходя остров с другой его стороны. К таким судам относились морские пароходы, поднимавшиеся по глубоководной Чанцзян <Янцзы> до самого Ханькоу. Среди них – большие сухогрузы линии «Blue Funnel», имевшие окрашенные в голубой цвет дымовые трубы. Имена их черпались из древней греческой мифологии.

По навязанным Китаю после неудачных войн несправедливым договорам, плавание по внутренним водам было предоставлено всем судоходным компаниям, которые, конечно, располагали более солидным тоннажем, чем «China Merchants» (Китайское торговое мореходство), и они участвовали беспрепятственно во внутренних перевозках, отсезняя тем самым китайские компании. Были и менее крупные китайские пароходства, а между близлежащими маленькими городками вдоль реки перевозки грузов и пассажиров осуществлялись небольшими катерами. Вместо парусных китайских джонок на реке пользовались баржами, буксируемыми катерами. Непостоянство ветров и изогнутая траектория реки не располагали к использованию парусов.

Все это впитывалось, как в губку, в мой взростающийся детский ум.

Иностранный квартал состоял лишь из нескольких улочек, прибранных и ухоженных, с деревьями вдоль тротуаров и очень небольшим движением. Тут были и рикши, хотя расстояния совсем небольшие, и несколько автомашин у обочины перед иностранными конторами. Помню большой пожар – на складах «Butterfield & Squire» горел сахар в мешках и разливался густой коричневой рекой вдоль тротуаров. Говорили, будто его сгребали даже ложками в банки.

Не помню, как и почему я вдруг заболел. Была высокая температура, я бредил и весь горел. Должно быть, болело горло, я плохо го-

ворил, и приходил врач-англичанин Ламли. Он сам или сестра, приходившая с ним, делали мне уколы в живот. Мама неотступно дежурила возле меня и раз, когда я очнулся от очередного приступа бреда, стала вдруг говорить мне о папе, о Гровере, где они сейчас и как им хорошо у Господа, и может быть, я увижу их, главное, не надо бояться... Потом у меня опять начинался бред, и представляю, как переживала мама, когда доктор Ламли сомневался в благополучном исходе болезни. У меня, видимо, был дифтерит.

Не помню, как я начал поправляться. Снова возвращались ко мне силы, интерес к окружающему. Наконец я выздоровел. За домом находилась горка, и я стал опять лазить и, вспомнив Мукден, из поломанных веток смастерил мачту с перекладиной, раздобыл у мамы или у Кати кусок голубой материи и поднимал на мачте флаг. В Мукдене перед консульством были флагштоки, вот и у меня появился. Не было только собаки, придуманной мной в Мукдене «страны Ралии», по имени отданной кому-то моей «пекинки».

Но все хорошее быстро кончается. Франку опять вышел перевод по службе в таможне. Не знаю, сказалось ли то, что он был женат на русской, но назначение было на границу с Россией, в местечко Суйфэньхэ. Это китайский городок, где обрывалась КВЖД на станции Пограничная, с переходом через границу на русское Гродеково.

Опять дорога, собираться в путь. Временами я был еще под впечатлением тяжелой недавно перенесенной мной болезни. Вспоминался отец Сергей, провожавший в последний путь моего отца, вспоминалось, как задушевно он меня утешал, ласкал меня и повторял, что «все там будем, у Бога на небесах». «Не так ли?» – добавлял он при этом обычную в японском языке добавку к какому-либо утверждению. От священника мои мысли перебежали к его сыну, приходившему также в наш дом. Он был много старше меня и приходил в форме японского школьника, но я запомнил его и в японском кимоно, вызывавшем у меня неподдельный интерес своим сходством, как мне казалось, с женской одеждой. Непонятным образом мои мысли переключались на японское консульство за прудом в Мукдене, которое занимало, с целым рядом одноэтажных пристроек, почти не выглядывавших из-за высокого забора, целый квартал. Говорили, что в одной такой пристройке, а скорее отдельной казарме, содержались пленники из числа корейских патриотов-националистов, боровшихся за отделение Кореи от Японии. В этой связи запомнился и вывешенный как-то недалеко от домика Гровера в Мукдене корейский флаг с символом «ба гуа» посередине и черными то сплошными, то прерывающимися черточками по краям полотнища. Дома отец с мамой тогда говорили о выступлении корейцев, произошедшем в городе, и было это, кажется, в 1919 году, то ли

1 сентября, то ли 1 марта⁵¹. Не в казематах ли японского консульства сидели эти несчастные, болевшие душой за свою родину корейцы, не пытаются ли, не убивают ли за этими высокими стенами из красного кирпича? – раздумывал я...

В связи со сборами в дорогу в Чжэньцзяне, когда пересматривались и укладывались вещи, вдруг хватились, что нет мехового боа Кати, очень ценного. И тут вспомнился эпизод: по лестнице со второго этажа в нашем доме как-то спускался один из слуг, занимавшийся уборкой помещения, и очень странно ставил ноги на ступеньки. Вскоре он исчез, не попросив расчета. И Катя, и Франк тогда даже обрадовались, что избавились от слуги, вероятно, как они подумали, болевшего венерической болезнью. Тут-то и пришло в голову внезапное объяснение его тогдашней «странной» походки – он уносил этот дорогой мех, запрятав его в штаны...

Когда уже начали выносить вещи, появился мальчик из рядом находившегося дома, где жили американские миссионеры. С ним у нас налаживались дружеские отношения, но, начитавшись Марк Твена, я как-то стал объяснять ему мое возмущение тем, что американцы так жестоко поступали с неграми, били их и истязали. Конечно, говорилось это на очень плохом английском, – я безбожно коверкал некоторые знакомые английские слова, при этом еще и широко использовал язык жестов. Он обиделся и стал возражать, и временно наши встречи через забор прекратились.

Участок, где находился дом, в котором он жил, и следующий за ним, был ниже нашего, и нам хорошо было видно, что у них стоит в углу двора китайский гроб, окрашенный в черный цвет, покрытый брезентом от непогоды. Надо сказать, что состоятельные китайцы хоронили своих мертвецов в очень крепких гробах с толстыми стенками, выпуклой формой наружу, и массивной крышкой, края которой переходили за стенки, таким образом как бы оберегая покойника от любого воздействия окружающей среды. В таком состоянии гробы у китайцев иной раз стояли не погребенными на кладбищах месяцами, пока не съезжались родственники для проведения торжественных похорон.

Конечно, моего запаса английских слов не хватало, чтобы задать вопрос, что это за гроб во дворе и почему его долго так держат. Потом гроб вынесли китайцы-грузчики, и ясно было, что его куда-то увезли. Дома мне объяснили, что американцы привыкли хоронить своих покойников на родине, и потому гроб вынесли со двора, чтобы отправить в Америку.

В доме у Кати господствовал английский язык, Катя плохо осваивалась с французским, а Франку английский был нужен и по работе, так как вся документация и оформление на таможне шли на английском языке, разумеется, с соответствующим переводом на ки-

тайский. На английском же печатались ежегодные справочники по работе таможенного ведомства.

...Теплый южный климат помог маме полностью избавиться от болезни. Мы с ней даже ходили в кино в квартале для иностранцев. В зале были мостки позади, повыше мест в партере, обычно занимаемые китайскими зрителями, для которых делался устный перевод по ходу развития действия в фильме. Было строго запрещено курение. Зрители иногда перешептывались, не совсем понимая перевода, который осуществлялся субтитрами. Ведь это еще был век немого кино! На мостках сильно было слышно стрекотание мотора.

У мамы появились знакомые среди местных дам, особенно близко сошлась она с мадам Алибастр, женой комиссара таможни. Она была русская по национальности, и встретить в Чжэньцзяне соотечественницу было для нее приятным сюрпризом. Лето было в полном разгаре, стояли жаркие, душные дни и мадам Алибастр пришла в голову мысль доставить маме удовольствие поехать в горы, провести несколько дней в охотничьем домике, вдали от города наслаждаться чудными местами. Поехали на «черах», и мама взяла меня с собой.

Первые два-три дня были превосходными. Китайские носильщики бодро шагали в гору, изредка останавливаясь для отдыха. Наконец показался в гуще деревьев маленький домик. Приведя себя в порядок, мы освежились и поспали – при домике был буфет и прислуга, делавшая все для нашего комфорта. Была и библиотечка, и текущие номера шанхайских газет и журналов из Англии «Illustrated London News» и другие. В общем, мы были довольны, и у мамы была внимательная слушательница, с которой она делилась своими наблюдениями и рассказами из прошлой жизни.

Но вдруг погода испортилась, полил проливной дождь, в домике стало сыро и зябко. Для нас разожгли камин. Мы же уже начали испытывать нетерпение – погода все ухудшалась. Я бесконечно листал иллюстрированные журналы, высказывал свои замечания, не всегда удачные, и тогда надо мной дружно смеялись две дамы. Всему бывает конец, и на небе снова появилось солнце. Подождали, пока дорога назад не станет проходимой, и бедные наши носильщики понесли паланкины назад. Дорога вилась вниз по серпантину, с высоты была видна железная дорога, шел поезд, все меня радовало, и я постоянно кричал: вот одно, вот другое!

Теперь дорога повела нас вперед, вдоль гольф-клуба, где собирались иностранцы, проводившие по обыкновению свой досуг за любимой игрой. Всюду, куда они попадали в Китае, они старались воссоздать привычную для себя обстановку. На площадках при гольф-клубе проходили и детские соревнования по бегу, и еще смешной бег с яйцом в ложке. Выигрывал тот, кто приходил первым и доно-

сил яйцо до финиша. Еще соревновались в беге в мешках, играли в прятки и разные другие игры. Уже у самого города другая дорожка, выбранная носильщиками, шла по-над станцией, рельсы уходили под гору и пропадали в тоннеле. В общем, поездка вполне удалась, хотя Катя уже начала беспокоиться из-за нашего долгого отсутствия.

Потом, когда сборы <на место нового назначения Франка> были закончены, предстояла опять дорога на станцию, также на «черах». Виллард уже достаточно подрос и тоже был охвачен волнением, – предстоящее путешествие захватило и его. Из Шанхая мы должны были плыть морем до Маньчжурии, а оттуда уже Катя с Франком и Виллардом отправлялись на Пограничную, а нам с мамой предстояла дорога в Харбин. Дольше терпеть было нельзя – меня надо было определить куда-нибудь учиться. От пребывания в Чжэньцзяне, на фоне спора с американским мальчиком о положении негров и отделения для китайцев специальных мест в кинотеатре, у меня осталось в душе неприятное ощущение, – я открыл для себя существование неравенства людей, какого-то превосходства одних над другими, что меня очень заботило, и искал этому объяснения.

В Чжэньцзяне у меня не было возможности общаться с китайцами, даже с теми, которые нам прислуживали, так как они говорили на другом наречии и меня не понимали, поэтому общение происходило на ломаном английском, получившем название «Pidgin English». Приведу для примера некоторые сохранившиеся в памяти слова этого языка, создавшегося на смешении английских, а часто и французских слов, с характерными для последних окончаниями и построениями. Например, «сави-но-сави» (фр.) – «знаешь или нет», «било-чило-мальчан» – «было», «булчило» – искаженное английское «чайлд», «топи-топи» – «поговорить» (англ.) и т. д. На таком языке общались на бытовом уровне с китайским населением не только в Шанхае, но и в других портовых городах Китая.

Французский банк, в котором был заморожен вклад отца, стал проявлять признаки возвращения к жизни. Благодаря ли стараниям Франка или естественному ходу развития событий, но мама была признана наследницей, снова открылся денежный вклад, на который стали поступать выходившие в тираж облигации китайского займа в погашение «боксерской» контрибуции. Мама становилась обладательницей живых денег, и зависимость от Кати уменьшилась.

Шанхай во время первого знакомства с городом мне мало запомнился, он, видимо, просто ошеломил меня своей бурной жизнью, интенсивным движением транспорта, шумом и многолюдьем. Да и были мы там очень недолго, и не помню, где останавливались.

Франк посадил нас всех на пароход, готовящийся к отплытию, и сел сам, завершив все формальности. Пароход «Chusan» был кабо-

тажного плавания, под английским флагом, и принадлежал пароходству «Butterfield & Squire». Плавание должно было завершиться в порту Аньдун в устье реки Ялу, разделявшей Китай и Корею. На пароходе было только несколько кают для случайных пассажиров, основное назначение его было для перевозки грузов. Мое знакомство с пароходом было чем-то необычно интересным. Я заглядывал во все уголки, особенно интересовало меня машинное отделение, которое показал нам старпом. Туда все старался проникнуть кот, искавший тепла от появившейся стужи. Раскачивание парохода и шум разбивающихся о его борт волн завораживали меня. Заглядывая вперед по ходу движения, я восхищался зрелищем того, как нос парохода рассекал морскую гладь.

Первая остановка была в Чифу, как его называли все иностранцы, живущие в нем, как называли они и Мукден – Мукденом, хотя у этих городов были другие, коренные китайские названия. Чифу был Янтай, а Мукден в то время был Фынтяном. Появление отличных от китайских названий произошло в пору первых знакомств иностранных путешественников с Китаем. Мукден возник, видимо, от маньчжурских или монгольских корней, а Янтай от каких-то совершенно иных причин⁵². Что меня особенно порадовало и воодушевило, так это русский пароход, стоявший на якоре недалеко от нашего «Chusan» во время краткой стоянки. Развевающийся на корме российский триколор вызвал во мне взрыв патриотических чувств. Я прочел и название парохода – «Индибирка», и порт приписки – Владивосток. Во Владивостоке еще не установилась тогда советская власть, происходила частая смена местной власти – то братья Меркуловы⁵³, то Дитерихс⁵⁴, генерал, поднимавший народ на шествия с иконами и молитвами о спасении города и о мирной жизни в лихолетье уже по существу закончившейся гражданской войны. Вот и сохранился во Владивостоке еще бело-сине-красный флаг, который развевался на пароходе, зашедшем в иностранный порт. Выгрузка и погрузка грузов на рейде в подошедшие баржи была короткой, и мы снова вышли в море.

Впечатление о Чифу было самое поверхностное. Улицы города и постройки подходили близко к берегу. Вдали виднелся пляж, по которому бродили случайные любители полюбоваться прибоем. Была уже глубокая осень, шел год 1922-ой...

Через короткое время плавания пароход остановился вне видимости Ангуня, в широком устье реки, вливавшей свои желтые воды в море, как и в Шанхае. На выходе из Шанхая «Chusan» тоже проходил мимо небольшого кораблика, приткнувшегося к берегу, кажется, даже со сходнями, на котором можно было различить название «Охотск», но флага на нем не было, да и никаких признаков присутствия жизни. Он был по правому борту, а по левому должны были

проходить форты Вузуна <Усун>, но их не удалось разглядеть, – ширина водного простора была чрезвычайно велика. Впоследствии в этих местах разыграются ожесточенные бои с высадкой японцев во время начавшейся в 1937 году войны между Японией и Китаем.

Вот и прибыл наш «Чусан» в Аньдун. Ни берега, ни причала. Остановились на внешнем рейде. Город не из важных, на самой границе Китая с Кореей. На корейской стороне – Синьджу <Синий-джу>, вероятно, покрупнее – торговый порт. И между ними река Ялу. Лесные концессии, расположенные в ее верхнем течении, и были, кажется, яблоком раздора, поводом для начала Русско-японской войны.

Помнится, я ждал с интересом, как нас доставят на берег, а может, будут и при нас разгружать судно, поднимать из трюмов привезенный для Аньдуна лебедками груз. Память не сохранила такой разгрузки на пригнанную баржу, о чем мне рассказывали. Не помню, как попали мы на берег и благополучно добрались до железнодорожной станции. Только Катя и особенно мама сильно волновались за Вилларда, чтобы с ним не случилось бы чего-нибудь в сутолоке.

Снова в поезде, который довезет нас до Мукдена. Опять проводники в белоснежных кителях. Ехали мы по первому классу, со всякого рода обслугой и удобствами. Переезд из Аньдуна в Мукден был не особенно долгим, и поезд подали на отдельную от других платформу. Опять громадное здание вокзала с шапкой купола над его центральной частью. Шумная толпа на перроне, пересадка на основную магистраль дороги, теперь уже Южно-маньчжурской. Привычная эмблема на товарных вагонах, тут же перегонявшихся на другие пути маневровыми паровозами, под звон установленных на них колоколов. Эмблема эта в виде поперечного сечения железнодорожного рельса на фоне стилизованной буквы «М» с выгнутыми наружу боковыми стенками, сходящимися к подножию рельса, – намек на монопольное владение всей железнодорожной сетью Маньчжурии в будущем.

Мукденский пассажирский вокзал занимал довольно обширный участок земли, внутри вокзала находились обширные залы, комнаты отдыха для обычных пассажиров и для высокопоставленных, а на верхних этажах помещения гостиничного типа для пассажиров, останавливающихся в Мукдене на непродолжительный срок.

Не помню деталей дальнейшего путешествия до очередной, на этот раз последней, пересадки в Чанчуне на поезд уже КВЖД, который доставил нас до места назначения – в Харбин.

К одному перрону с противоположной его стороны подходили соответствующие составы ЮКЖД и КВЖД. Русские вагоны КВЖД были совершенно не похожими на японские. На русских вагонах были окошечки обычного городского типа, сами вагоны не были

такими вытянутыми в длину, как японские, и лесенки в них со ступеньками не такие удобные. Мной овладело некоторое разочарование при сравнении их с японскими пульманами. Они качались и гремели на ходу, и сцепка их одного с другим была не автоматической, а в общих вагонах, в которых мне впоследствии приходилось ездить во время учебы, проводником зажигались в фонарике свечи.

Моя любознательность в ту пору была изумительной. Отправление со всех встречных станций сопровождалось звонками по счету – первый, второй – такого на ЮМЖД уже не было. Подавалась, кажется, световая сигнализация, с плавным отходом поезда и свистками проводников и начальника поезда. Обратил я внимание и на то, что вдоль полотна железной дороги провода телеграфно-проводной связи провисали от столба к столбу больше, чем на ЮМЖД, и на самих столбах у японцев они кучно сбегались к поперечным балкам, в отличие от того, как <те же провода,> значительно уступавшие по количеству на КВЖД, поддерживались изоляторами, просто воткнутыми сбоку в столбы. Это должно было указывать на меньшее количество средств связи, следовательно, и меньшую степень развития систем коммуникаций.

Поезд приближался к Харбину, оставляя сбоку ряды невзрачных домиков, и наконец, переходя многочисленные стрелки переводов с одного пути на другой, остановился у пассажирского перрона. К вагонам сбегались комиссионеры, как их называли, различных гостиниц, и нам попался комиссионер из гостиницы «Гранд-отель», название которой располагало к выбору именно этой.

Гостиница была недалеко от вокзала, вправо от него в первую поперечную улицу, и мы были доставлены туда на извозчиках, поскольку в городе еще не было сильно развито передвижение на автомашине. Пока мы устраивались в номере, Катя с Франком пошли на поиск отведенной нам квартиры в казенном Доме таможи. Он тоже оказался недалеко, и через день-два, пока его приводили в порядок, мы смогли в него перейти. На следующий день выйдя из гостиницы, мы с Виллардом увидели русского парня в форменной шинели, с шашкой и с фуражкой на голове. Мама обратилась к нему с вопросом, не полицейский ли он. Оказалось, он действительно был стражем порядка, и его смущало, что теперь он в подчинении у китайских властей.

Дом с отведенной нам квартирой на втором этаже был по Железнодорожному проспекту, почти напротив здания Управления дороги с большими венецианскими окнами, в два этажа, на углу другой, поперечной улицы. Открывая с улицы входную дверь, надо было подняться по лестнице на второй этаж. Наверху была небольшая прихожая, столовая и жилые комнаты, на задах кухня и ванная

с туалетом. Внизу жили тоже работники таможи, там что-то громко заколачивали.

В городе были заболевания корью или скарлатиной, и меня пугало, не случилось ли внизу несчастье и не заколачивают ли гроб.

Немного выше по Железнодорожному проспекту, выходящему на вокзальную площадь, было очень импозантное здание Русско-Азиатского банка. На нем над куполом, венчающим это здание, развевался по выходным дням французский флаг. Мне объяснили, что поскольку правление Русско-Азиатского банка перемещено в Париж из-за революции в России, то он находится теперь под защитой Франции.

Проспект был широкий и шел в гору, и на конце его был виден высокий кафедральный собор⁵⁵, впоследствии мной осмотренный, деревянный, в котором позже, учась уже в гимназии, мы посещали церковные службы, слушали Двенадцать Евангелий и говели. Весь он был срублен из дерева и, как говорили, без единого гвоздя. Вокруг него была железная узорчатая ограда.

Теперь оказалось возможным заняться вопросом моей учебы. Итак, мной был пропущен почти целый год после того, как от нас в Мукдене уехал мой последний репетитор Николай Иванович Изотов. Сперва мама захотела возобновить прежние связи и решила поехать со мной к семье Хорват. До того Хорват возглавлял русскую администрацию в полосе отчуждения и был в чине генерал-лейтенанта. Жена его, Камилла Альбертовна, происходила из талантливой семьи Бенуа, отлично рисовала и в один из своих приездов в Мукден нарисовала мой большой портрет, который впоследствии берегла у себя Катя и который бесследно исчез после гибели всей семьи Кати в морской катастрофе. Виллард оставался тогда в Китае, и в отпуску Катя его не взяла. К сожалению, Хорватов мы дома не застали. Жили они в старом Харбине, среди обширного сада с высокими деревьями, в большом особняке, к которому вела усыпанная гравием извилистая дорога. Нам сказали, что Хорваты уехали в Пекин утрясать какие-то текущие дела с передачей полномочий генерала китайскому правительству по управлению полосой отчуждения. Среди папиных фотографий я потом находил фотографию Хорвата, статного старика в военной форме при шашке, на перроне мукденского вокзала. Носил он бороду, что для меня было непривычным – до того бородатых людей мне не часто приходилось видеть. Папа бороду не носил, только усы, и борода была только у Груннера, о котором была речь ранее.

Меня наполнила грусть по поводу ухода из города русской власти, я так и не успел застать ее во всей силе. Над административными зданиями, связанными с железной дорогой, развевались уже флаги, разделенные надвое по диагонали, – слева китайский, пятицветный, а справа, как бы на отлете, русский триколор.

Не застав Хорвата, мама решила действовать самостоятельно. Снова мы поехали на извозчике, на этот раз в Коммерческое училище, самое привилегированное учебное заведение Харбина. На улицах преобладало русское население, были русские магазины, все это ласкало взгляд после жизни в исконно китайских городах, где иностранцы жили обособленно, в концессиях. Движение на улицах было не настолько большим, каким я успел его заметить в Шанхае. Мостовые были выложены булыжником, и дорога была тряской. Стояла уже глубокая осень, небо хмурилось, и вот-вот должен был появиться первый снег.

Почему-то мама решила, что будет более успешным увидеться с директором Коммерческого училища не на работе, а дома, и я помню, как мы ехали, расспрашивая, как добраться до его дома. Наконец мы нашли одноэтажный дом, каких было много вокруг, казенного типа, для служащих дороги. Наспустили, и оказалось, что Борзова⁵⁶, директора, вот-вот ждут с работы. Пока мы сидели в гостиной, раздался звук открываемой двери, и нам было видно, как входил в опорошенной снегом шубе немолодой благообразный мужчина. После представления мама объяснила цель визита, кивая на меня. Я, конечно, обомлел, ожидая решения своей судьбы.

«Нет, не могу, уважаемая Софья Григорьевна, классы все заполнены, нет мест, да и не можем принять школьника со стороны. Училище только для детей железнодорожников», – таков был его ответ. С тем мы и уехали, не добившись никакого исключения из правил, хотя нам было известно из расспросов, что в Коммерческом училище учились далеко не одни дети железнодорожников. Извиняло Борзова только то, что город был действительно переполнен беженцами из России, многие из них имели громкие звания и имена, и для них такие исключения делались.

На улицах попадались школьники в форменных шинелях с фуражками – еще не настала пора меховых шапок. На фуражках кокарды из двух переплетенных веточек и какого-то вензеля. За плечами – ранцы. Все это фиксировал глаз, и запечатлевалось в памяти.

Катя помогала в наведении справок о других учебных заведениях. Выяснилось, что открылась недавно новая смешанная школа – все другие были переполнены учащимися. Эта школа помещалась в здании ХСМЛ⁵⁷, американского культурно-спортивного объединения для молодежи, незадолго перед тем открывшего филиал в городе. Находилось оно на Садовой улице – сразу было отмечено мной, что и улицы в городе носили русские названия. Найти дорогу не представляло никакой трудности, к тому же и извозчики были преимущественно русские. Были и двухколесные «драндулеты» на два сиденья – одно для возницы, другое для седока. Автомобилей в городе было мало, такси – маршрутные: Пристань – Модягоу с оста-

новкой в Новом городе возле магазина Чурина⁵⁸. Все это замечалось и постепенно забывалось. Появились и, как говорили, незадолго до нашего приезда, автобусы «Магирусы»⁵⁹ на твердом ходу, посадки в которые производились сзади по маленькой приступочке из двух или трех ступенек. Они отчаянно грохотали по бульжной мостовой. Шоферы и кондуктора были русские, недостатка в рабочей силе в городе не ощущалось, возникали магазины и мелкие предприятия – среди беженцев из России было много предприимчивых людей. Однако были и недостатки: попадались нищие, особенно на паперти у храма.

Виллард был еще маленький, особых забот с ним не было, а вот меня надо было учить, учебный год уже начался, и наши пути повели меня с мамой на Садовую, в новую смешанную гимназию.

Мне уже исполнилось 11 лет. Маму давно угнетало сознание того, что я не получаю должного школьного образования. Это и заставляло торопиться. И вот мы снова в пути по брусчатке харбинских улиц. Рядом с нашим домом, на другой стороне переулка, красивое здание из красного кирпича, над одним входом бельгийский флаг – очевидно, консульство, над другим – вывеска «Чистяков и К^о». Это видное частное предприятие с главной конторой в Ханькоу. Чуть подальше, на другой стороне Железнодорожного проспекта, было внушительное здание с куполом – Русско-Азиатский банк. За ним и ближе его – другие дома.

Почти весь квартал огорожен железным решетчатым забором. Дорога шла в гору, к харбинскому собору Св. Николая. Слева же, чуть не доходя поворота, в обход собора, стоял маленький деревянный домик недавней постройки, казался, с еще не просохшей свежее-коричневой краской, под вывеской «Русское дело». Это было одно из возникших мелких предприятий, создаваемых наиболее предприимчивыми из нахлынувших в город русских беженцев. Судя по их числу, можно было убедиться в масштабах произошедшей в России катастрофы. Рухнуло Белое движение, пытавшееся противостать стремительно надвигавшейся Красной армии. В этом «Русском деле» продавали книги и писчебумажные товары, много было книг и газет, издававшихся тогда в западноевропейских странах на русском языке. Продавцами были бывшие офицеры.

В разговорах часто упоминались все эти грозные события, и у меня в памяти возникала фигура отца, несколько лет перед тем подошедшего в нашем мукденском доме к лестнице на второй этаж и громко крикнувшего маме: «Юденич у Петрограда!» Видно, его сильно всколыхнуло это известие, и он торопился поделиться им с мамой.

Не родилось ли у него в тот момент трепетного ожидания возможных перемен, которые принесли бы успокоение разбушевавшейся-

ся стихии гражданской войны? Здесь, в Харбине, можно было воочию убедиться в тщетности тогдашних надежд...

В Китай хлынули разбитые белые части и даже, как говорили в городе, якобы привезли с собой тело убитого генерала Каппеля⁶⁰, одного из сподвижников Колчака, чтобы похоронить с почестями на местном кладбище.

И вот мы с мамой в канцелярии Новой смешанной гимназии. Принял нас директор <Владимир> Фрюауф <Frueauf>. Никаких вступительных испытаний мне не пришлось проходить. В массе своей дети беженцев принимались даже без документов, по возрасту определялись в подходящие для них классы. А тут я, уже набравшийся достаточно солидных знаний, знающий все четыре действия арифметики, бойко читавший и хорошо писавший. Так что путь мне был сразу во второй класс, хотя до него был еще первый, а перед первым два подготовительных – старший и младший. Не знаю, предъявляла ли мама при этом какие-нибудь документы, похоже было, что одного ее слова оказалось достаточно.

Я ошалел от шума и гама школьников, вырвавшихся из классов на большую перемену в большой зал рядом с канцелярией. Провели меня в класс. Все классы были в полуподвальном этаже, с широкими окнами. Подвели к классной руководительнице, назвав меня и удостоив при этом лестной характеристики. Сперва посадили меня на парту в конце класса, среди двух-трех мальчишек, воззрившихся на меня во все глаза. Стали сбегаться с перемены и остальные ученики. Не помню, какой был мой первый урок в школе, обстановка для меня была настолько новой и необычной, что впечатления наслаивались одно на другое, и к концу занятий я совсем обалдел.

На следующий день я чувствовал себя более уверенно, на большой перемене ребята с соседних парт взялись меня качать, и я стал потихоньку втягиваться в жизнь класса. Играли в поддавки – это когда надо было сбить руку у партнера, державшего ее согнутой и прижатой к голове. Потом прыгали друг через друга, один, нагнувшись, опирался рукой на одно колено, а другой с разбега должен был перепрыгнуть через него, при прыжке отталкиваясь от его развернутых плеч. Наконец устраивали «кучу малу», когда все сбивались в кучу и барахтались в углу зала. Иногда кому-нибудь взбрело в голову посадить другого себе на плечи, удерживая его своими откинутыми назад руками, и в таком положении наскакивать на другую такую же сдвоенную фигуру, стараясь сбить ее с ног. Падали, ушибались, дрались, и бывало, доходило до слез от обиды или горечи поражений.

По большей части школьники были в форме, но были и одетые во что попало: родители не всегда располагали средствами хорошо одеть своих мальчишек. Гимназия была смешанная, были и девочки,

однако их было немного, и они жались друг к дружке, стараясь держаться вдали от мальчишек с их возней. Да и мальчишки мало на них обращали внимания.

По проторенной дорожке я стал ходить в школу один, с ранцем за плечами. Раз я пришел домой с раскрытым ранцем, из которого кто-то, посмелее меня, сумел, запустив руку, по дороге вытащить пенал.

Однажды по дороге в школу со мной произошел случай, заставивший меня потом краснеть от досады. К этому времени китайцы уже ввели в полосу отчуждения свои вооруженные силы, и в городе появились китайские солдаты, разнузданные и нахальные. И вот раз вижу, что из «Магируса», шедшего по одной из боковых улиц и уже выезжавшего на Железнодорожный проспект, вдруг выпал человек. Поблизости был китайский солдат, и я, по простоте душевной, сказал ему об этом, надеясь, что он окажет упавшему помощь. Вместо этого солдат бросился бежать за уехавшим автобусом, увидел поблизости извозчика, вскочил на него и приказал догонять автобус, оставив человека лежать без всякой помощи на брусчатке. К счастью, на улице были еще пешеходы, бросившиеся на помощь к лежащему и поднявшие его. Я же, пристыженный неожиданностью результата своего поступка, пошел дальше. Меня потрясло открытие того, как я ошибся в человеке, и встревожила мысль о том, что солдат, если догонит автобус, может жестоко расправиться с шофером.

В то время в городе было много отпетых хулиганов и среди русских. Происходили нападения на случайных прохожих, об этом я не раз слышал от Глеба, а Франк при этом говорил, что нечего бояться, необходимо уметь самому себя надежно защищать. При этом он демонстрировал приемы с выдвинутыми в толчке пальцами каждой руки, сжатыми в кулак, и уверял, что так можно нанести крепкий удар. Глеб высмеивал этот прием, и раз вечером инсценировал нападение на Франка. Быстро схватив Франка за руки, Глеб повалил его, и Франк не сумел ничего предпринять в свою защиту. Глеб любил вспоминать этот эпизод; Франк, не теряя красноречия при этом, себя всячески выгораживал.

В доме на Железнодорожном проспекте жить нам пришлось недолго. Остановка в Харбине была лишь прелюдией к основной службе Франка на Приграничной. Нам же не оставалось ничего иного, как присмотреть себе жилье и взять к себе Глеба, который уже заканчивал учебу. Мы обосновались в доме Кролла на Гиринской. Там были квартиры на три комнаты в трехэтажном доме. На последнем, третьем, мама и сняла квартиру. Однако она была не совсем удобна для нас, и вскоре мама принялась за поиски более удобной. Мы еще не съехали из этой квартиры, когда произошло сильное землетрясение в Японии, и я хорошо помню панические настроения среди тех, у кого были сбережения в японской йене.

Власть в Харбине была уже полностью в руках китайцев. Сиротливо висела на одноэтажном доме на одной из улиц вывеска «Русская почта». Дверь была на замке, большой двор, на котором в свое время, как рисовало воображение, находились повозки на конной тяге, перевозившие мешки с почтой, был пуст. К тому времени я уже пристрастился к собиранию марок. Одноклассники, некоторые из которых уже имели стаж коллекционирования, посвящали меня во все тонкости этого хобби. В нашей семье сохранялся подаренный кем-то Глебу альбом с крепкими застешками сбоку, и я, соревнуясь с другими в похвальбе, громко заявил, что у меня марок «целый миллион»! Я разыскал этот альбом, и мне стало не по себе за неумную похвальбу – марок-то в нем оказалась лишь небольшая горсть!..

Учителя были высокого мнения обо мне и как-то сказали об этом матери одного ученика, Володи Перемилковского. Этого мальчика мать тщательно оберегала от «вредного влияния» других мальчишек. Она ухватила за мою положительную репутацию хорошего ученика, и в результате меня пересадили к нему. Он слыл примерным учеником, никогда не участвовавшим в драках, и мы с ним подружились настолько, что он стал звать меня к себе. С лица он был сильно смуглым, но с голубыми глазами. Мать у него была еврейка, врач по специальности, а отец – типичный русак, где-то работавший⁶¹. Был он страстным коллекционером марок, однако в этом не признавался, прячась за Володю, который будто бы был единоличным владельцем коллекции. Володя еще был в плену детских увлечений, собирал марки разных стран, придумывал свои марки для какой-то сказочной страны, которую назвал «Новой Персией». Отец потакал ему в его фантазии. Даже придумал игру, в которой страны с наибольшим количеством собранных марок возводились в ранг королей, ниже – принцев, князей, баронов и лордов. Меня забавляла эта игра, просматривая его марки, расклеенные на листах ватмана, я с большой энергией стал собирать марки сам. В этом помогало мне и мое увлечение географией. Я брал книги из библиотеки французского писателя-географа Элизе Реклю⁶², чтобы расширить круг своих познаний.

Меня приводили в восторг рассказы о малых государствах Европы с их интереснейшим историческим прошлым – Черногории, Люксембурга, Лихтенштейна, Сан-Марино. На сэкономленные на завтраках деньги старался купить марки этих стран в «Конторе марок» на Китайской улице, принадлежавшей Аверсту⁶³.

Преподавателем географии в гимназии был Ламанский⁶⁴. Он был внушительных размеров мужчина, обладал большим объемом знаний по географии, почерпнутым, по-видимому, из собственных путешествий по миру. Он иллюстрировал свои уроки географии показом фотографий тех мест, о которых он рассказывал. Ламанский

предложил нам план – собирать снимки из журналов, и отобрал нескольких мальчишек, меня в том числе, для похода по иностранным конторам, где мы должны были собирать старые журналы, из которых вырезать иллюстрации и клеить их на листы плотной бумаги. Эта забава меня очень увлекала.

Китайцы построили в городе большое здание почтамта. Не знаю, на основании каких предположений мама считала, что там, на почтамте, могут оказаться и для нас письма «до востребования». Связь с нашими родными в России давно прервалась, и мама часто горевала, что не имела никаких сведений о Всеволоде, а также о своих братьях и их семьях – о моих дядях и тетках. Со стороны отца с нами поддерживал переписку только дядя Николай Александрович, но и от него не поступало никаких известий о Всеволоде, кроме того, что он ушел из-под его присмотра и женился на Марии Кирилловне.

И вот однажды, не помню, каким образом, мама получила сведения о том, что с нами хочет встретиться приезжий из России, якобы имеющий сведения о Всеволоде. Помню, мы отправились в неведомые мне пригороды и там, в уютной квартирке железнодорожника, встретились с человеком, который назвался Мамаевым⁶⁵. Он рассказал о Всеволоде, что он не терпит никаких лишений, наоборот, благодаря знанию китайского языка приносит большую помощь родине. Мама вступила с ним в спор о роли революции в жизни народа, о своем неприятии нового режима. Он вежливо парировал все ее обвинения. От Всеволода он привез даже короткую записку, в которой Всеволод жалел, что мы продолжаем жить среди «миазмов гнивающего старого мира», и как было бы хорошо встретиться в обстановке «свободы и благополучия», которая теперь открылась в России. Встреча эта ни к чему не привела, мы вежливо распрощались, и я не помню, передала ли мама ответное послание Всеволоду. В общем, стали рассматривать этот эпизод как пропагандистский трюк, тем более, что в Харбине в то время, по мнению многих, появилось много политических агитаторов за признание эмигрантами из России советской власти. К тому же Китай признал СССР, и на смену Остроумову как управляющему КВЖД спешил из Москвы новый глава дороги Эйсмонт⁶⁶ с целым рядом новых начальников отдельных служб в руководстве дороги. На объединенном двуедином флаге КВЖД место русского триколора занял алый флаг Советского Союза.

Встреча с Мамаевым забылась, не возвращался к ней и я, когда впервые после нескольких десятилетий разлуки снова встретился со Всеволодом в Ленинграде. Наиболее активные оппоненты советской власти среди эмигрантов стали муссировать слухи о подрывной деятельности советских агентов и, возможно, послужили в скором времени причиной налета китайской полиции на советское консульство,

приведшего к сильному обострению отношений между Китаем и Советским Союзом⁶⁷. За этим последовали переговоры, и инцидент был улажен дипломатическим путем с принесением китайцами извинений.

На рождественские каникулы мы съездили к Кате на Пограничную. У них была маленькая квартирка, хорошо обставленная и уютная, и мы провели там с мамой несколько дней. Франк показывал на невысокие холмистые гряды на горизонте и говорил, что там – Россия. Близость России ощущалась не только в этом. На железнодорожных путях стояли товарные составы с эмблемой скрещенных серпа и молота, вперемежку с другими вагонами, на которых еще оставались нестертыми императорские орлы.

В доме Кролла на первом этаже жила семья, имевшая родственников в Приморье, и мне перепали от них марки с писем, которые они получали из Владивостока с надпечаткой «Д.В.» на советских марках и новыми номиналами в золотых рублях.

Прошла власть Меркуловых во Владивостоке, еще цеплявшаяся за старые порядки, не удержался и Дитерихс, царский генерал, организовавший шествия по городу с иконами, призывая Бога спасти последний оплот Белого движения. Ушла в море и флотилия адмирала Старка, по пришедшим позднее сведениям, нашедшая приют на Филиппинах⁶⁸.

После возвращения с Пограничной мы вскоре обосновались на новой квартире, снятой мамой на Стрелковой улице в Новом городе. Меня забавляло и радовало, как сохранялись русские названия улиц, как долго еще в городе держался русский дух. Был даже женский монастырь, бесчисленное количество церквей, митрополичье подворье, и всюду русские лица, русский говор.

Между тем в нашу гимназию как-то приходили представители и новых стран, появившихся как отдельные государственные образования. Был визит эстонского консула, видимо, среди учащихся были и дети прибалтов. А на спуске по Гоголевской к Модягоу было здание, в котором обосновался Украинский дом.

На Стрелковой улице мы стали жить по укладу, более или менее напоминавшему старый наш Мукден. Была у нас прислуга – русская, уже немолодая женщина Аннушка. В квартире из трех комнат была и каморка для прислуги. И это было для меня новшеством, до этого прислуга в доме всегда была из китайцев. Впрочем, в Харбине во многих домах были и повара-китайцы, которым по привычке всегда давали русские имена, все чаще звали их Николаями. На вокзале, возле выхода на перрон, был большой образ Святителя Николая, китайцы его очень чтили и ставили ему свечи перед посадкой на поезд. А вот собор не сберегли, в годы «культурной революции», много десятилетий спустя, его сожгли распоясавшиеся хунвейбины⁶⁹.

Глеб уже кончал учебу и часто приводил к нам своих друзей, из которых мне запомнился китаец, тоже звавшийся Николаем, студент Политехнического института, один из родственников богатого китайского купца Ти Фонтая, нажившего состояние на поставках русской администрации, когда она была еще в силе. Бывал у нас часто и другой развеселый парень, которого в шутку или всерьез мы называли бароном. С ним всегда царил в квартире непринужденная атмосфера молодости и веселья. Маме она очень нравилась, она посылала обычно кого-нибудь из них в магазин поблизости за чайной колбасой или халвой «Ипсиланти», и мы проводили вечера за веселой беседой и общей чашкой чая. Китаец-студент великолепно говорил по-русски, в обращении был прост, а когда надевал форменный сюртук с блестящими регалиями, был душой компании.

Улица Стрелковая пересекала Большой проспект, и слева от места пересечения был ряд магазинов, настоящий Гостиный двор, и можно было купить все, что хочешь, и по очень невысоким ценам. На задах этого Гостиного двора был базарчик, так что, не уходя далеко от дома, можно было запастись всякого рода провиантом.

Пребывание Кати с Франком на Пограничной было недолгим. С ними был и маленький Виллард. Видимо, Франк должен был наладить работу китайской таможни на этом пункте возле границы, и после выполнения этой задачи был направлен с такой же целью в Лахасусу, маленький городок на месте впадения Сунгари в Амур⁷⁰. Мы даже ходили с мамой провожать их на речной пароход с причала в Фудзядяне, китайском городе, части Харбина, расположенной на берегу реки. Там была обстановка типично китайского города, с шумом-гамом на улицах, множеством лачужек и харчевен, и даже рикшами, которых в русском Харбине и помина не было. Так уживались две цивилизации, не мешая друг другу и только их дополняя.

Пароходы на Сунгари были еще старые русские, и командовали на мостике прежние русские капитаны. Мы познакомились с тем, который был на пароходе, которым отплывала Катя. Назвался он «Ивановым». Пароход был колесный, что тоже мне было интересно, поскольку отличался от того, колесного, в Чжэньцзяне, китайского общества «China Merchants», и местом гребного колеса посередине, и своими значительно малыми размерами корпуса.

В Лахасусу Катя жила-поживала, знакомые охотники привели ей даже маленького медвежонка, которого она, кажется, выкормила молоком из бутылки. Что с ним дальше стало, я уже не помню. Однако запомнилось, что в Лахасусу она познакомились с русским врачом Сильницким, человеком с окладистой бородой и, как оказалось впоследствии, отчимом Нелли, ставшей много лет спустя женой Глеба⁷¹. По договору с таможней он работал лечащим врачом для

сотрудников таможи. В Лахасусу было много гнуса и комаров, и вся семья страдала от их укусов.

Я успешно кончил в 1924 году третий класс. Всего классов было семь, и мы должны были сдавать письменный экзамен по математике. Я выдержал, как мне казалось, удачно, задачу решил, но, как впоследствии оказалось, перепутал очередность действий по вычислению процентов, и мне поставили «три». Когда я выходил из класса, сдав свою работу, меня обступили ребята из другого класса и, скопировав мое решение так, как я рассказал, выставили шпаргалку в окне. Классы, как я уже отмечал, были у нас в смешанной гимназии в полуподвальном этаже. К несчастью, ребята из нашего класса воспользовались решением в шпаргалке, и тоже все получили по тройке.

Хочу вспомнить ребят, с которыми дружил помимо того Володи, который ввел меня в таинство филателии. Это был Слава Иваницкий, сын железнодорожного работника. Жил он на одной из улиц, поперечной Железнодорожному проспекту, и в первые месяцы моей учебы, еще во втором классе, мы часто ходили из гимназии вместе. Как-то в свободное от занятий время я забежал к нему и спросил Славу. Он вышел ко мне весь заплаканный. Оказывается, перед этим отец устроил ему выволочку, возможно, с ремнем, за очередную двойку в дневнике.

В противоположность этому неудачнику я дружил с Пекой Лилиным, бывал и у него дома, в семье интеллигентов. Мать где-то работала, а отец, очень раздражительный седой человек, донимал меня вопросом, где и как я думаю устроить свою жизнь после окончания учебы. На это, пожав плечами, я отвечал: наверно, буду работать где-нибудь на службе, может быть, в конторе. Он приходил в неистовство и срывался на крик: «Только не так! Надо что-то создавать, строить, предпринимать!» Впоследствии я узнал, что до эмиграции он был владельцем электростанции в Сочи. Меня всегда поражало обилие чемоданов у них на шифоньере, поставленных один на другой. Все говорило о том, что им пришлось в свое время много путешествовать, и так судьба предназначила им поступать и в дальнейшем. Они уехали в Париж, где, мне рассказывали, Пека и умер, заразившись корью или скарлатиной. Слава тоже вскоре уехал из Харбина, семья Иваницких эмигрировала в Канаду, оттуда я успел еще получить от Славы несколько писем.

Вскоре в нашей судьбе опять произошли резкие перемены. Франка откомандировали обратно в Центральный Китай, и Катя настояла, чтобы мы поехали к ним, тем более, что и материально мы уже не могли позволить себе жить отдельной квартирой и иметь прислугу: у мамы не хватало денег.

Жаль было прощаться с Харбином, где все было так мило и близко душе. Помню, к нам приходила вдова одного незаметного кон-

сульского служащего, Елена Степановна, любившая у нас попить чаю и всегда жаловавшаяся на множество болезней. Мама, перенесшая ревматизм, охотно поддерживала эту тему, обоюднo обменивались рецептами и наблюдениями за состоянием своего здоровья. В шутку мама называла нашу гостью «бедной родственницей», и расстались мы очень душевно, отдав ей кое-какие вещи из обстановки при прощании.

Наш путь в Шанхай лежал через Дайрен. Для этого надо было запастись японской визой – в Дайрене была японская власть. Не составило труда ее получить, по уплате незначительной суммы консульского сбора. К тому времени уже много русских из первой волны массовой эмиграции из России растекались по всему Китаю. В Дайрене, как он назывался по-японски, – так читались два китайских иероглифа «да лян», мы не задерживались и вскоре уже опять плыли на японском пароходе в Шанхай, с заходом по пути в порт Циндао на Шаньдунском полуострове. Звучание китайских иероглифов «да лян» побудило русских, впервые вступивших на эту землю за несколько лет до Русско-японской войны, переименовать их в «Дальний». Под этим именем стал возводить здесь портовый город русский инженер Сахаров⁷², повторяя градостроительные традиции им же застраивавшегося, по преданию, города Одессы.

Традиционными бумажными ленточками провожали японцы наш пароход с причала, они раскручивались с многочисленных рулонов в руках отъезжающих. В Циндао стоянка была непродолжительной, и вот мы опять у устья Ванпу, подплываем к Шанхаю. Не помню, был ли с нами Франк или только встречал на причале. Помню только, что уже на машине мы отправились в ожидавшую нас квартиру. Работники китайской таможни обслуживались на самом высоком уровне.

Мне трудно судить по прошествии стольких лет, что побудило маму прервать мою учебу в Харбине и согласиться на переезд в Шанхай к Кате. Тут переплетался целый ряд обстоятельств. Катя ждала ребенка, и маму это настораживало: после рождения Вилларда Катя сильно болела, и мама, наверное, боялась повторения всего того, что было ей тогда пережито. Вопрос с Глебом легко разрешился – он окончил учебу и устроился на работу в американскую фирму «Standard Oil» в Мукдене, с ним уже не было проблем, он стал сам зарабатывать на жизнь, мамины же средства были на исходе. Облигации «боксерского займа» во Французском банке пока еще редко выходили в тираж. Все это вместе взятое и заставило маму согласиться на переезд. Возможно, была надежда отдать меня в иностранную школу, если пребывание в Шанхае перейдет на постоянную основу.

На Синди-роуд, куда нас привезли, был ряд одноэтажных и двухэтажных домов, каждый вертикально разделенный на две квартиры.

В одном из них мы и поселились. С фасада они выходили на улицу, а сзади у каждого был большой участок с газоном и клумбами для цветов, по внешнему краю участка кустарник и деревья. По соседству в одном из домов жила русская семья Жавроцких. Внешне подерживались добрые отношения, хотя не помню, чтобы были знакомы домами.

У меня была маленькая комнатка на переходе между двумя этажами, и я был предоставлен самому себе. Не осталось в памяти, была ли отдельная комната и для Вилларда, о котором все заботы на правах заботливой бабушки в большой степени осуществляла мама. В 1923 году родилась у Кати дочь, названная Эллой (полностью Gabrielle), появилась в доме и китаянка-ама.

Шанхай гудел и шумел. Это был огромный город. Я был уже достаточно большой, чтобы постепенно с ним знакомиться. Освоил маршрут трамвая №1, конечная остановка которого была недалеко от нас возле Hopskew Park'a, там он делал петлю и снова шел к центру по Hart Road (на пиджин-инглиш – Хата-лу). Дальше Bubblin Well со своим ипподромом. И наконец, самая важная торговая магистраль – Nankin Road с ее знаменитыми универсальными магазинами «Синсир Уинг-он» и «Вайтевай-Лейдлоу».

В городе уже было большое русское население, в основном перекочевавшие сюда беженцы из России. Помню, как забрел к нам на Синди-руд один русский парень, одетый в еще не изношенную вконец военную форму. Он просил помощи, нигде не в состоянии устроиться на работу. Катя приняла в нем участие и временно дала поработать на участке, привести в порядок зелень и газон ручной косилкой, где при движении скошенная трава попадала в прикрепленный желоб – очень умное, как мне казалось, приспособление. В конце концов Катя через Франка все же нашла ему работу – охранником в какую-то контору или банк.

Мама нянчилась с маленькой Эллой. Как всегда, где маленький ребенок, было много суеты и всяких забот. Но и здесь Франку не дали долго удержаться на одном месте. Где-то на юге Китая понадобилось наладить работу, и Франку пришлось распрощаться с Шанхаем.

Мне было жаль уезжать из Шанхая. За короткое время я как-то полюбил этот город, этот колоссальный муравейник с его небывалым шумным движением. В ходу были звуковые сигналы, свистки полицейских – регулировщиков движения. В трамвае расплачивались за проезд медными монетками, которые пассажиры носили в маленьких мешочках. Они ходили по определенному курсу по отношению к основному платежному средству – китайскому серебряному юаню. На монетах в один юань был изображен Юань Шикай.

Кроме Сеттльмента – района, где располагалась деловая часть и жили иностранцы, была еще французская концессия с ее авеню Фош и другими улицами с французскими названиями.

Сеттльмент имел свою структуру власти. Полицейские набирались из индусов, и они выделялись колоритными фигурами в цветных тюрбанах. Здоровые, высокие, они умело дирижировали уличным движением. На французской концессии полицейскими были аннамиты из Индокитая. Они, конечно, были не под стать индусам, шуплые, худые, в конусообразных шапочках. Власти Сеттльмента имели и свои вооруженные силы – были роты различных национальностей. И в том числе и русская рота. Такой же порядок был и у французов. В былые времена на Сеттльменте была и своя почта, равно как и в других китайских открытых портах, но к началу <19>20-х годов китайцам удалось добиться закрытия всех иностранных почтовых контор, объединив почтовое дело в руках китайской национальной почты. Впрочем, в рядах руководителей китайского почтового ведомства долгое время сохранялись посты, занимаемые иностранцами, так называемых комиссаров. Комиссары были и на таможне.

Пришлое русское население стало изоциряться в топонимике шанхайских улиц и каналов, так появились, например, «Нянькин рот» вместо Nankin Road, «Сучкин крик» вместо Soochow Creek. Этот канал пересекал излучину реки Вампу, на его берегах было английское консульство, а через мост – российское консульство. Оно выходило фасадом на реку и загораживало расположенную позади гостиницу. Говорили, что владельцы гостиницы много бы дали, чтобы купить здание консульства. Слух этот прошел в связи с перемнами в России, бегством отсюда интеллигентных слоев, развалом экономики. К счастью, это осталось только слухом, здание так и осталось за Россией, и в нем расположилось новое представительство, теперь уже Советского Союза. Последним российским консулом был там Гроссе⁷³. Не знаю, как сложилась потом судьба самого Виктора Федоровича, а сын его⁷⁴ еще долго оставался в Шанхае и полемизировал в английской газете «North China Daily News» с противниками советской власти. На страницах газеты долгое время появлялись карикатуры на бытовые темы и злобу дня с подписью «Сапоку» (Sapou), и мне впоследствии стало известно, что они принадлежали искусному русскому карикатуристу Сапожникову⁷⁵.

На Soochow Creek было много китайских шаланд, на которых китайцы-бедняки жили, варили еду, стирали и развешивали белье. Немного вверх по этому каналу при нас было выстроено здание китайской почты, весьма импозантное. Вообще о застройке города можно рассказать очень многое. На набережной (The Bound) высилось здание с облицованным каменным фасадом «Hong Kong & Shanghai

Bank» с львами по бокам главного входа. Неплохо выглядело со стороны реки и здание российского консульства.

В маленьком скверике на Боунд (Bound), вблизи Гарден-Бридж (Garden Bridge) – моста через Сучжоу-крик (Soochow Creek) – стараниями русской общины был поставлен памятник Пушкину⁷⁶, впоследствии перенесенный на французскую концессию.

Многое стало связывать меня с этим городом, и тем не менее, когда Франк вдруг опять получил новое назначение в провинцию Гуйчжоу⁷⁷, нам пришлось снова готовиться в путь.

Мама не могла оставить маленькую Эллу и не мыслила свою жизнь без нее. В Гуйчжоу Франку надлежало переехать к месту службы в город Учжоу на Жемчужной реке (Сицзян)⁷⁸. Опять предстояло плыть морем до Гонконга, а оттуда на речном пароходе вверх по реке до этого Учжоу. Мне же скорее хотелось обратно, в Харбин, к продолжению так удачно начавшейся учебы в своей, русской, школе. Все восставало в моей душе против, казалось, предательского распоряжения моей судьбой, хотя мне жаловаться, по существу, было не на что – и Франк, и Катя были хороши со мной, и я мог жить в свое удовольствие.

Мне часто вспоминались одноклассники. С Володей Перемиловским мы даже переписывались летом, когда он уезжал с родителями на станцию Танканцзы ЮМЖД на отдых. Мы же с мамой не знали таких выездов в дачные места, а близ Харбина их было немало, Маоэршань и другие, о которых рассказывали знакомые.

Теперь, по прошествии более семидесяти лет, я нахожу, что в моей памяти не сохранилось никаких впечатлений от этого нового крутого виража в нашей с мамой судьбе. Все было как-то немило мне, а потому и не запомнилось. Все подробности были заранее предусмотрены и билеты куплены, время пересадок заранее определено, и начну уже с самого Учжоу.

Прибыли мы туда на речном пароходе «Tamina» под британским флагом, будучи единственными иностранными пассажирами на верхней палубе, отделенной от нижней проволочным ограждением для защиты от возможного захвата парохода пиратами, часто нападавшими на коммерческие суда. Командовал пароходом капитан-англичанин по фамилии Спинк, в издевку иногда пассажиры меняли букву «п» на «т» в его фамилии, и получалось, что плавали мы по Жемчужной реке с капитаном «Вонючий».

Высадка с вещами не представляла никаких трудностей, на причале не было недостатка рабочих рук, подхватывавших наши чемоданы и корзины. За неимением какого-либо транспорта мы побрели по берегу к видневшимся вдали двухэтажным домам для иностранцев.

Сам город нависал темной массой над рекой где-то вдали. Он был расположен на карте по линии прохождения северного тропика,

в жаркой полосе, без морозов зимой, и это нашло отклик в градостроительстве. Не было тесных кварталов одноэтажного жилья, а высились трех- и четырехэтажные дома, прижатые друг к другу, с узкими коридорами-улицами между ними. Но была та же говорливая и шумная толпа, всюду харчевни и продажа всевозможной снеди, со звучными зазывалами. Только китайская речь звучала здесь иначе, сплошное трудноразличимое цоканье с иногда перепедавшими словами, напоминавшими тот китайский, к которому привыкло на севере наше ухо. В Маньчжурии говорили на почти неискаженном пекинском наречии, так называемом «гуанхуа», на котором были составлены те китайские азбуки с громадными иероглифами, которые дарил мне когда-то отец и покупал для меня по его просьбе китаец-сяньшэн, каждое утро приходивший к нам. Он за чашкой кофе обычно беседовал с отцом о текущих событиях и настроениях в городе, когда еще существовало консульство.

После нескольких попыток объясниться на китайском в Учжоу я убедился в невозможности это сделать – меня не понимали.

Нам отвели половину двухэтажного дома, фасадом обращенного к реке, за окружающей дом изгородью начинался пологий спуск к реке. В другой половине жил холостяк англичанин Хоукинс, тоже работник китайской таможни. Дом был как бы приподнят над землей, стоял на полуподвальной капитальной основе, и под ним было пустое пространство. Предусмотрена была опасность наводнений, когда вода в реке поднималась на довольно значительную высоту и заливала все пространство вокруг дома.

В некотором отдалении находился белоснежный дом для работников американской фирмы «Standard Oil», имевшей и здесь свой филиал. В мукденском филиале этой фирмы уже успешно работал Глеб, присылавший нам в Учжоу свои письма. Все заботы в доме были сосредоточены на маленькой Элле. Когда были заняты взрослые, присматривал и развлекал ее Виллард. Элла также была очень привязана ко мне и бегала за мной по саду, уже лепеча и коверкая на свой лад английские слова (английский по-прежнему был основным языком общения в семье, хотя Катя уже знала большое количество французских слов и в угоду Франку старалась полностью овладеть языком). Была, конечно, и китайская ама, ухаживавшая за Эллой, и полный штат прислуги, державший в порядке и чистоте квартиру.

От нечего делать я мастерил из бревен, которые были для растопки камина, кораблики и пускал их в разливавшийся в лужу за забором маленький ручей, стекавший с возвышенности за домом.

Был еще дом для комиссара таможни, им в то время был японец Эбара. Жена его, японка, была весьма интеллигентной на иностранный лад особой. Оба великолепно говорили на английском. Между нашим домом и их резиденцией была проложена дорожка, и по обе

стороны ее мадам Эбара разбила грядки, на которых выращивала овощи и делилась ими с нами. Еще дальше, в глубь береговой полосы, был большой участок для спортивных игр и за ним большой многоквартирный дом для других служащих таможи, в основном тоже японцев.

Сбоку, среди буйно растущей зелени, был одноэтажный домик – клуб, где кроме бара и комнаты для игры в карты и катания мячей, была еще бильярдная и небольшая библиотека. В те далекие времена на внутренних водных артериях Китая, где находились открытые для иностранцев города, ходили еще иностранные канонерки, в основном английские. В Учжоу иногда наведывались и они, и тогда матросы шумной толпой пировали в клубе и возвращались мимо наших домов на канонерку, громко переговариваясь, и, бывало, кричали, изрядно зарядившись английским виски.

Жизнь у меня проходила скучно и однообразно, я много читал, конечно, больше на английском. Франк приносил журналы и газеты. Увлечение марками вспыхнуло с новой силой. В одной из газет, «South China Morning Post», я прочел объявление марочной фирмы, предлагавшей каталоги марок издательства «Скотт», и послал туда требуемую сумму за экземпляр, сам отправившись в китайский город разыскивать почтовое отделение. Потом также получал каталог по почте. Среди китайской толпы я не чувствовал себя чужим, хотя, естественно, обращал на себя внимание.

Между тем именно в этой части Китая нарастали первые признаки антиимпериалистического движения. Фирма была португальская, в Гонконге, и я успел еще послать им пару долларов за марки Макао, которыми впоследствии очень гордился. Были среди них разрезанные пополам марки на обрезках конвертов, в таком виде погашенные и прошедшие почту. Объяснялось это запоздалым прибытием свежих партий некоторых номиналов из Португалии, с которой в Макао была очень слабая связь.

В доме была канализация, но не было водопровода. Здоровые китаянки заносили на чердак по черной лестнице два ведра воды и наполняли там большой чан. И это было необычно и привлекало мое внимание. Отопления как такового не было, были только каминные в некоторых комнатах, и когда стояла ненастная погода и в домах становилось зябко и неуютно, охапками приносили откуда-то дрова на растопку. Помню, в спальне Кати и Франка был такой камин, и на полке над ним стояла картина. Это было «Моление о Чаше», копия какой-то знаменитой картины⁷⁹.

Не зная, куда себя девать, я выходил на берег и сидел часами, наблюдая за жизнью на реке. Знал уже о времени прибытия очередного парохода из Гонконга, «Таминга», с которым было налажено знакомство, и пароход привозил нам конфеты и печенье, сахар, чай,

кофе, другие продукты, которые на месте нельзя было купить. Раз меня заметил один молодой китаец, возможно, студент, и стал разговаривать со мной по-английски, не очень правильно строя фразы. Делал это, видимо, для практики, старательно изучая язык. Встречи наши с ним продолжались некоторое время, пока однажды не появился идущий с работы Франк. Китаец-студент смутился и перестал приходить, а между тем у нас сложились хорошие отношения, у него был учебник английского языка, я ему читал, а он условно записывал «на слух» английские слова. Я даже произвел на него впечатлительное своим китайским «гуанхуа», на котором тоже говорил, вдобавок к своему кантонскому наречию. Кантон, или Гуанчжоу по-китайски, был от нас недалеко, и там назревали события вокруг острова Камин, на котором была английская концессия.

Шел уже 1925 год. Тревога нарастала, и было решено эвакуировать иностранцев. Приходила американская канонерка «Rampranga», по реке проследовало под китайским флагом судно, похожее на мореходную яхту, с высокими мачтами, и одно совершенно незнакомо-го вида военное судно с высокими надстройками. То, что было похоже на яхту, в моем представлении казалось одним из русских судов, которые увел из Владивостока адмирал Старк. Все мои помыслы теперь были о том, на чем нас повезут, и вдруг оказалось в Учжоу небольшое суденышко «Такома», принадлежащее американской фирме «Standard Oil» или, короче, «Socony». На нем служащие фирмы плавали в свое время в китайскую глубинку проверять работу своих агентов по продаже керосина – основного товара для керосиновых ламп в китайских деревнях. В Учжоу было электричество, хотя и очень ненадежное, с частыми перерывами снабжавшее нас энергией.

Жилось мне в Учжоу одиноко. Из Гонконга привезли пленки для моего маленького «кодака» в виде ящичка, и я с увлечением фотографировал. Пленки относил наш китаец-бой в город, там их проявляли, и я получал назад снимки и негативы к ним. Так составилась небольшой альбом снимков, который оставила у себя Катя, отдав некоторые фотографии и нам на память.

И вот пришел решительный день отъезда. Ехали мама и я с Виллардом. Мы погрузились на «Такома» – и снова в путь, на этот раз в Гонконг. К Гонконгу мы приближались ночью, и какое же это было феерическое зрелище! Гора, усеянная огоньками, как рождественская елка огнями! Приткнулись к берегу и долго не сходили на причал, пока Франк и Катя хлопотали, где нам обосноваться. В результате нас с мамой поселили в Каулуне <Цзюлун>, на полуострове того же имени, через пролив, в гостинице «Station Hotel», названной так потому, что в Каулуне была станция железной дороги в Кантон, проходившей по арендованной у Китая территории на материке, так

и называвшейся «New Territories»⁸⁰. Катя с Франком и Эллой оставались в Учжоу в силу служебного долга. Мы же, мама, Виллард и я, прибыв в Гонконг, огляделись, присмотрелись, и меня с Виллардом отдали в школу-пансионат «Сент-Джозеф колледж» на острове, по улице Кеннеди-роуд. Школа была миссионерская, католическая. Мама же осталась жить в гостинице, и мы с Виллардом приходили к ней «на побывку» в воскресенье. В гостинице жить можно было и на постоянной основе, по умеренной цене. Там жили, например, офицеры-индусы из расквартированных в Каулуне воинских частей с солдатами из Индии (Пенджабис).

Гостиница заслуживает особого внимания. В обширном зале столовой, где жильцы рассаживались по отдельным столикам с успешными перезнакомиться друг с другом постояльцами, над всеми, во всю ширь зала, под потолком, были подвешены опахала, за веревочку раскачиваемые слугой из другой комнаты через глазок в стене. Так спасались от стоявшей в летнее время необыкновенной жары. Комнаты выходили на отдельные балконы для каждой, с перегородкой от соседней, рядом с комнатой были туалет и ванная. В ванной стоял большой керамический чан, в который наливалась вода, когда постоялец заказывал себе ванну. Вода в ведрах заносилась опять же женщинами-китайками на коромыслах. Так не доходили еще до некоторых мест в колониях новинки городского благоустройства, внедрявшиеся в других местах довольно широко.

Мама чувствовала некоторое удовлетворение от того, что я наконец буду снова учиться. Учиться начал и Виллард, которому по возрасту тоже было пора в школу.

В Каулуне познакомились мы с одной русской четой, глава которой – Фельшов работал кем-то в английском городском хозяйстве. У них была квартирка тоже в Каулуне, на втором этаже, куда надо было подниматься по лесенке прямо с улицы. И здесь, в Гонконге, встретились мы с русской эмиграцией, выплеснутой из России по ходу гражданской войны. Совершенно случайно Катя встретила одного, по-видимому, в прошлом офицера, скитавшегося в поисках работы. У него было ранение в ногу и, кроме того, осколок в переносице, который не смогли вовремя ему удалить, и он этим очень терзался. Катя приняла к сердцу злключения этого несчастного ветерана и устроила его вахтером в английскую гостиницу на острове. Островная часть Гонконга была, по существу, самим городом, а Каулун – только пригород. Сообщение между ними поддерживалось паромом или морским трамваем. Два-три таких парома курсировали между островом и материком, и называлось это «Star Ferry». На двух палубах размещались сидячие места, и все удовольствие обходилось в 10 центов (мелкая английская монета с изображением королевы Виктории), с интервалом между отправлениями в 15 минут.

На набережной на острове, возле причала для этих паромов, был памятник королеве, а немного поодаль «Cenotaph» – памятник в честь погибших во время войны, у которого происходили парады с возложением венков 11 ноября – в день примирения (Armistice Day) в Первой мировой войне. На флагштоке тогда поднимались флаги.

Уже рассказывая о Гонконге, перебираю в памяти события, которым оказался свидетелем в покинутом Учжоу. Это большой пожар, охвативший город в одну из ночей и продолжавшийся весь следующий день. Дома, тесно поставленные друг к другу в узких улицах, в большинстве своем многоэтажные, явились легкой добычей огня. Средства для тушения пожара были слишком примитивны, да будь там и современная техника борьбы с огнем, она не могла бы развернуться и хотя бы отстоять часть из загоревшихся домов. Уже потом, после того как остались одни обугленные остовы, я ходил смотреть на колоссальный размер разрушения. Осталось неизвестным, сколько при этом могло быть жертв. Обездоленные люди ходили вокруг, стараясь хоть что-нибудь найти целым из своего сгоревшего имущества.

Другое событие было связано с разыгравшимся летом ливнем и грозой. Вблизи нашего дома раздался оглушительный удар грома, и на следующий день, когда утихла гроза, на дорожке, вьющейся вдоль берега реки, лежал убитый разрядом молнии китаец. По всей вероятности, он бежал, спасаясь от ливня, и молния ударила в него, прожгла маленькое отверстие в его рубашке возле затылка. У рта и возле ушей были видны следы крови. Громадная сила разбушевавшейся стихии, помню, произвела на меня огромное впечатление, от которого я долго не мог избавиться.

Итак, меня снова повели представляться на учебу. На этот раз в католический Сент-Джозеф колледж. Находился он на тихой улочке, прижавшейся к склону горы с обильной растительностью вокруг. Провели нас в обширную комнату с мягкой мебелью в чехлах и столиками, на которых были цветы. Через некоторое время вышел к нам старый бородатый человек довольно высокого роста, в черной монашеской рясе. Он представился как брат Эймар, директор училища. Нас, будущих его питомцев, было двое – я и Виллард. Мама рассказала ему все о нас, иногда переходя на французский, правильно угадав по произношению директора его французское происхождение. После рассказа об условиях содержания учащихся брат Эймар провел нас на второй этаж, показал общую спальню, потом, вернувшись вниз, общую комнату для вечерних занятий, столовую, приотворил дверь и в домашнюю церковь. Обговорили и условия содержания, предметы, которые полагалось иметь при себе, запас белья и т. д.

На следующий день мы должны были уже явиться со своими чемоданами. Спускались мы уже по другой, указанной нам дороге,

ведущей к станции фуникулера, почти отвесно местами поднимавшегося к самому пику, самой высокой точке на острове, где находилась резиденция английского губернатора и на высокой мачте реял британский «Юнион Джек» с короной посередине. Обойдя станцию фуникулера, мы легко вышли на одну из центральных улиц, еще поворот, миновали «улицу холодильника» – Айс хаус стрит (Ice House Street) и вышли на магистраль Дэ-Вьюз-роуд (De Veux Road), названную в честь одного из губернаторов, правивших раньше⁸¹ и оставившего, очевидно, хорошую по себе память. Оттуда недалеко к причалу, ждать посадки на очередной морской трамвай «Star Ferry» в Каулун.

Учебные корпуса колледжа стояли отдельно, позади обширного двора, и одной стороной выходили на трассу фуникулера. Еще до начала учебы у нас была неприятность. Перед отъездом обратно в Учжоу Катя подарила Вилларду детскую игрушку скутер (самокат), и Виллард с увлечением катался на нем. На другой стороне улицы от гостиницы, в которой мы жили, Nathan Road, были очень удобные для катания тротуары, выложенные плиткой. На участке один из домов был построен со вторым этажом, выступавшим в сторону проезжей части, с большими подпорками-столбами на тротуаре. Виллард в момент радостного возбуждения высовывал обычно язык изо рта, а тут в восторге от катания потерял ориентировку и налетел на такой столб, не успев запрятать язык. В результате прикусил его, да так сильно, что пошла кровь, и он очень перепугался. Поблизости оказалась аптека, куда мы и обратились за помощью. В Гонконге было в обычае при аптеках иметь и дежурного врача. Там Вилларду наложили на язык швы, и он несколько дней боялся говорить, чтобы не растревожить ранку. Это увеличило страх мамы, что с ним может еще что-то случиться из-за его неусидчивости, и потому она с облегчением доверила его заботам монахов в колледже, обещавших осуществлять хороший пригляд за мальчиком. Его определили в какой-то младший класс, меня же – в шестой. Счет классам шел с десятого назад, и первый был выпускным.

Интересной особенностью Гонконга было то, что расквартированный в Каулуне полк индийской армии, укомплектованный выходцами из Пенджаба, имел возможность содержать на территории части на Nathan Road коз и пользоваться козьим молоком как частью своего пищевого довольствия. Забор, ограждающий расположение части, был низок, и часто свободные от несения службы солдаты с белоснежными зубами и смуглыми улыбающимися лицами располагались кружками возле забора, наблюдая за движением на улице. Они не только наслаждались отдыхом, но и приторговывали козьим молоком, и мама иногда его у них покупала, считая полезной добавкой к столу из гостиничной кухни. Так в Каулуне городская жизнь добавлялась деревенской идиллией.

В колледже мы получали хорошее питание, с кофе по утрам и неизменным «пориджем»*. Подъем был в семь часов утра, дежуривший монах, а это был брат Эсебий, проходил вдоль коридора со звонком и громко приветствовал поднимающихся ребят: «With Jesus in our hearts!» («С Иисусом в сердце!»), и мы должны были ответить: «Always!» («Всегда!»). Протирая глаза и потягиваясь, мы вставали на несложную утреннюю зарядку, а потом гурьбой бежали под душ. Позднее одевались и по свистку того же брата Эсебия выстраивались и шли на молитву, затем в столовую, где за длинными столами каждый занимал отведенное ему место. Горячий кофе с молоком уже ждал нас, на столе был нарезанный ломтями хлеб и масло, разносили в тарелках кашу.

Перед едой читалась короткая молитва, после завтрака – еще молитва с благодарением Господу. Потом расходились к 9 часам по своим классам. Преподавателями в основном были монахи, но всегда европейцы. Были и метисы – португальцы, как их называли, независимо от национальности и паспорта.

Все они были хорошо образованные люди средних лет, говорившие безупречно на английском. Пошли обычные предметы, английский язык, география, история, математика. По физике уроки дополнялись опытами. Для этого было свое помещение с приборами, урок обычно назывался «object lesson» – наглядный урок. Опрос на уроках был требовательный, готовить уроки надо было прилежно, некачественный ответ наказывался, для чего виновный вставал в угол, и его «награждали» ударом тростью по вытянутой вперед ладони. Число ударов определялось качеством ответа. Если выяснялось полное незнание, ударов было больше. Мальчишки стойко выдерживали наказание и не стыдились его. Во время перемены так же шумно и весело вливались в общее число учеников, как будто ничего с ними и не случилось.

Мы с Виллардом очень старались, и я не помню, чтобы нам часто приходилось подвергаться ударам тростью. На воскресенье нас отпускали домой, с условием к шести вечера быть на месте в колледже. Занятия обычно производились с перерывом на обед, после него, если не было уроков, водили в хорошую погоду строем на прогулку, избирая наиболее живописные места на острове. Обычно это был Harry Valley (Долина счастья), где имелся большой выровненный участок с газоном, и мы на нем играли в футбол. На склонах, окружавших эту «счастливую долину», было много тропической растительности, вокруг вилась дорога со сравнительно небольшим движением, и воздух был чистый и живительный. Где-то среди растительности было и кладбище. Сигнал окончания прогулки подавался не-

* От porridge (англ.) – овсяная каша.

изменным свистком монаха, сопровождавшего нас всю дорогу. У кого была местная денежная мелочь, тот мог тут же неподалеку из лавки покупать лимонад с откидными пробками на бутылках. Покупка лепешек и печенья обычно возбуждалась, на лимонад запрета не было.

В один прекрасный день меня вызвали в канцелярию. Дежурный монах очень осторожно, чтобы меня не напугать, сообщил, что моя мама находится в больнице, и я могу пойти ее навестить. Серьезного ничего нет, но врачи нашли нужным ее на время госпитализировать. Дали мне адрес и как ее найти. Я пошел к ближайшей остановке городского транспорта. Вблизи колледжа были живописные места. Внизу были деловые кварталы города, ближе большая гладь водоемов, в которых скапливалась дождевая вода. Внизу, по городским улицам, ходили трамваи, были и двухэтажные автобусы, «как в Лондоне», говорили мне.

В больнице провели меня к маме. Действительно, с ней не было ничего серьезного, и появившиеся было у меня сердцебиение успокоилось. Просто осложнение от простуды, боли в суставах. На время лечения комната в гостинице за ней сохранялась.

В колледже моя учеба продвигалась вперед вполне успешно. Появились и друзья. Это и англичанин Миллс, и «португалец» Себастьян Хун. В классе развлекал всех своими шутивными выходками голландец, имени которого теперь не вспомню. Известен он был всем по прозвищу Billy Goat – «козленок Билли», наподобие того, как в смешанной гимназии в Харбине потешали всех близнецы – два брата Сахаровы, настолько друг на друга похожие, что ходил анекдот, а может, и правда, что выходил ответить к доске только тот, который знал урок, заменяя того, который урока не знал. Подобным образом шутил и забавлял нас Билли в колледже.

К концу учебного года обычно приурочивалось соревнование по написанию лучшего сочинения, и награды от имени объединения старых выпускников (Old Boy Association) выдавали в День Британской империи 24 мая — день рождения королевы Виктории, в царствование которой Англия присоединила Гонконг.

Я написал торжественно величавое сочинение на историческую тему, и мне перед собравшимися на спортивной площадке учениками вручили приз – книгу «Held Fast for England»⁸² о героической обороне Гибралтара в эпоху наполеоновской войны. Я был одет по-парадному, в галстуке присвоенного колледжу цвета – в зеленые полоски с серебристо-белым просветом. Все это происходило на фоне уже разгоравшихся политических событий. Произошел Шамяньский инцидент, когда толпы китайцев – борцов против империализма штурмовали островок в Кантоне, где проживали иностранцы. Трудно было представить, что китайские студенты, такие же, как

тот, что приходил ко мне для упражнений в английском языке, способны были на враждебные действия. Впрочем, оснований у китайцев было много для всенародного выступления. Это и навязанные Китаю неравноправные договора, в силу которых иностранные канонерки, например, могли свободно плавать во внутренних китайских водах, и неподсудность иногравдан китайскому суду, и засилье иностранцев в китайских правительственных таможне, почте, соляном акцизе. Пример Советского Союза, отказавшегося от всякого рода подобных привилегий для иностранцев, воодушевлял китайцев на борьбу. С восторгом тогда был принят визит советского корабля береговой охраны «Воровский», зашедшего в Кантон по пути во Владивосток.

Апогеем антииностранного движения явилась генеральная стачка, прошедшая в Гонконге. Китайские служащие правительственных учреждений, банков и общественных организаций вышли на демонстрации. Не работала почта, не доставлялись телеграммы. Ответом английской администрации на это была мобилизация скаутов на работу по сортировке почтовых отправок, по их рассылке и доставке по адресам корреспонденции и газет.

Семья Филиппо благополучно доживала срок службы Франка в Учжоу, откуда им предстояло отправиться в трудовой отпуск во Францию, где их ждала мать Франка, обеспокоенная событиями в Китае. Ехать они должны были на теплоходе французской кампании «Мессежери Маритим», и они с радостью предвкушали отдых на Лазурном берегу в местечке Гольф-Жуан (Golf Juan), том самом, в котором высадился Наполеон, возвращающийся с острова Эльбы на знаменитые 100 дней, закончившиеся поражением в Ватерлоо.

Миссия мамы по воспитанию сперва Вилларда, а потом и Эллы успешно заканчивалась, и можно было всецело отдалиться вопросу моего школьного образования. Глеб звал обратно в Мукден с тем, чтобы оттуда я мог поступить в Харбине в русскую гимназию. Не имело смысла оставаться в Гонконге и жить в разрыве с Глебом.

В гостинице наступали тяжелые дни, так как обслуживающий персонал участвовал в стачке, и мы с мамой перебрались в меблированные комнаты, которые держала одна еврейка неподалеку от гостиницы по той же Nathan Road. Стали готовиться к отъезду. Мама справилась в пароходных компаниях об условии проезда по наиболее приемлемой для нас цене. Сперва предполагалось взять билеты на пароход «Dardanus» линии «Blue Funnel», называвшейся так по голубому цвету, в который были выкрашены трубы. На нем, обычном сухогрузе, было несколько кают для случайных пассажиров, но почему-то это не состоялось, и мы поехали на японском пароходе общества «Nippon Yusen», возвращавшемся в Японию через Шанхай из дальнего рейса в европейские порты. Это был, кажется, «Katori

Магу». В ходе переговоров с японцами в конторе мама поинтересовалась, разрешено ли нам сойти на берег, если бы пароход зашел по пути в Тайбей на Формозе⁸³. Тут-то мы и познакомились со своим ущербным положением людей без национального паспорта. Японцы, вежливо улыбаясь, сказали, что не разрешили бы нам это сделать, так как Япония к тому времени уже признала Советский Союз и вроде бы по соглашению эмигранты не могли рассчитывать на свободу передвижения по японской территории. К тому же пароход не делал остановки на Формозе и следовал прямым рейсом до Шанхая. Итак, мы разъехались – Катя с Франком и детьми Виллардом и Эллой во Францию, а мы с мамой – в Мукден, где прошли мои детские годы. При посадке на пароход маме досталось место в женской каюте – мы, разумеется, не были пассажирами первого класса, а мне – в мужской. И во время перехода мы с мамой встречались только на палубе.

Совершенно случайно во время прогулки по палубе маму узнала одна видная, одетая по-европейски японка. Завязалась беседа на английском; оказалось, это жена японского консула, когда-то работавшего в Мукдене, и она вспомнила маму по встречам в нашем консульстве во время дипломатических приемов. Это была мадам Ачий. Она рассказала о печальной цели своего нахождения на пароходе – везла прах мужа, видного японского дипломата, умершего в Лондоне, для захоронения по японскому обычаю у себя на родине.

Все недолгое время плавания особых впечатлений у меня не было. Однако оказалось достаточно времени порассуждать о себе, о нашем положении беспаспортных, которым всегда могли грозить разные ущемления в правах и неприятности. Я сравнивал себя с другими, которые в этом отношении были гораздо счастливее, – у них за спиной была родина, я же в какой-то мере чувствовал себя обкраденным, лишенным самого главного в жизни.

В колледже у одного ученика был краткий справочник по географии, и в нем, наряду с рассказом о разных странах, давались сведения о политическом устройстве той или иной страны. О России справка была составлена как-то невразумительно, и мне было больно и неприятно ее читать. Приходило на память все то, чего я достаточно наслышался о революции в России, о том, как преследовали там интеллигенцию и какая страшная была гражданская война, унесшая сотни тысяч жизней и выплеснувшая за пределы страны так много беженцев. Были сведения и о законно отправленном за границу целом пароходе с видными учеными и научными работниками⁸⁴, о гонениях на церковь. Умер Ленин, и главой государства оказался Калинин⁸⁵, так, по крайней мере, значилось в иностранном справочнике. Страна стала называться Союзом Советских Социалистических Республик, по-английски USSR, что некоторыми расшифровы-

валось как Соединенные Штаты Советской России. На слуху было и осуждающее отношение к России, покинувшей ряды Антанты и заключившей позорный мир с Германией, когда та была уже на грани поражения. В войну вступила Америка, и только мир с Россией давал Германии передышку для продолжения безнадежной для нее войны.

Память о прошлой войне была еще свежа. В день 11 ноября многие мужчины носили в петлице маленькие искусственные цветки мака, продававшиеся на улице сборщиками пожертвований на нужды инвалидов войны. И день этот, годовщина перемирия 1918 года, назывался «Poppy Day»*. Все это мешало мне гордиться своей родиной, в то время как окружавшие нас англичане на каждом шагу гордились своей. На вершине «пики» гордо реял «Юнион Джек», в порту стояли грозные корабли, на парадах выстраивались солдаты, исполнялся гимн «Боже, храни короля».

В городе все было спокойно, несмотря на повторявшиеся все время сообщения о нарастании антиимпериалистического движения в Китае. Пока был жив Сунь Ятсен⁸⁶, все сохранялось в рамках законности, но теперь выплескивалось через край.

В северных провинциях Китая грызлись между собой милитаристы, содержавшие свои вооруженные силы. Для успешного ведения операций против соперников за власть приглашали, как говорили, специалистов военного дела из числа безработных эмигрантов, имевших опыт гражданской войны, и платили им хорошие деньги. Иногда использовали их и для управления военными операциями.

На юге, в противовес малоэффективному центральному правительству в Пекине, образовалось свое правительство из состава руководителей Гоминдана, «народной партии», организованной еще Сунь Ятсеном в годы борьбы с бывшей в начале века династией Циннов, правившей китайской империей. Победившая в 1911 году революция отстранила от власти последнего малолетнего императора Пу И, выселила его из Запретного города в Пекине, и после того он жил уединенно в Тяньцзине на какой-то из иностранных концессий. Впоследствии, после захвата японцами Маньчжурии в 1931 году, Пу И был захвачен японцами, вывезен из Тяньцзина и провозглашен правителем, а потом и императором созданной японцами империи Маньчжоу-диго⁸⁷.

Оглядываясь много лет спустя на гонконгский эпизод моей жизни, вспоминаю, как все импонировало тогда моему мальчишескому самолюбию, – и то трепетное, величавое отношение к своей стране англичан, выражавшееся в словах «My country right or wrong» – «Права или не права, но это моя страна!», парад и возложение вен-

* Маковый день (англ).

ков к памятнику павших на войне 11 ноября, и неизменно появлявшийся на экране после показа художественного фильма портрет короля Георга⁸⁸. Китайцы-зрители предусмотрительно, еще до конца фильма, уходили из зала, чтобы не вставать, как делали это англичане из уважения к монарху. Тогда это был Георг Пятый. Вот так бы и мне гордиться своей страной, далекой и непонятной, пережившей грозную смену власти и общественных отношений...

Вспоминались эпизоды из моей недавней учебы в колледже. Раз, во второй половине дня, к вечеру, в обширном зале, где за отдельными столиками каждый из нас сидел за приготовлением уроков, в зал через боковую дверь вошел незнакомый джентльмен с монахом-директором Веймаром, предварительно сделав знак нам не вставать и не отрываться от занятий. Я услышал вполголоса произнесенные директором слова, когда он наклоном головы показывал на нас с Виллардом – вот, мол, двое русских ребят. И джентльмен, а им, как оказалось потом, был английский губернатор⁸⁹, с любопытством взглянул в нашу сторону. Последствий это, конечно, никаких не имело, но запомнилось мне как наглядное свидетельство того, какой интерес могло иметь присутствие детей из той загадочной страны, пережившей необыкновенную революцию.

Бывало и так, что дежурный монах, в том же зале прогуливавшийся для лучшего надзора за тем, чем мы были заняты, подсовывал мне католический религиозный журнал, где было отмечено карандашом краткое сообщение об якобы успешной проповеди католичества среди русского населения в Харбине. Все это скапливалось в моем сознании и давало пищу размышлениям о нашей судьбе, кем же мы все-таки будем, когда выйдем на дорогу взрослой жизни...

По прибытии в Дайрен нам не пришлось побывать у Васкевича⁹⁰, – над зданием русского консульства теперь реял уже советский флаг. Двумя годами раньше, по пути в Шанхай, мы были у Васкевича, последнего российского дореволюционного консула в Дайрене. По традиции, консульские работники всегда шли навстречу друг другу, когда встречалась в чем-нибудь надобность. Помню, как мы с мамой пришли тогда в этот небольшой особняк возле центральной улицы Охироба, недалеко от гостиницы «Ямато». Нас встретила сестра Васкевича Ольга Юрьевна⁹¹, очень радушно накормила, снабдила разными советами на дорогу. Теперь же искать их, не зная города, не имело смысла – все равно бы не нашли. Сам Павел Юрьевич Васкевич был в отсутствии, путешествовал где-то по островам Полинезии в поисках земного рая, прелестей южного солнца и прекрасной тропической растительности⁹². Консулом он не был уже и тогда, но пользовался казенной квартирой при консульстве, пока, признав позднее СССР, японцы не выселили его из нее.

Дальше наш путь лежал по железной дороге в Мукден. Снова мелькали станции, названия которых были в памяти – курорт Танганцзы⁹³, где когда-то отдыхал Перемиловский с сыном Володей. Из окна вагона на подходе к железнодорожной станции открылся вид на Ляоянскую башню, единственную известную мне пагоду в Маньчжурии. И вот уже перрон вокзала, и нас встречает Глеб.

С вокзала Глеб повез нас в японскую гостиницу «Мияко». На тот момент не было известно, существовали ли еще номера Тенешева на японской концессии, арендовавшего дом японской планировки и сдававшего комнаты случайным приезжим. Эти номера существовали еще во времена работы консульств, и владелец, по словам мамы, приходил иногда с жалобами на неплательщиков и испрашивал совета у отца, что ему в таком случае делать. В то же время существовал и магазин Фукса, еврея-предпринимателя, и он тоже бывал в канцелярии отца по разным своим коммерческим вопросам с поставщиками товара. Иногда это были заезжие коммерсанты из Харбина, тоже евреи, и папа всегда находил выход и мирил их, проявляя понимание к их взаимным претензиям. Мама иногда вспоминала, что благодарные за посредничество евреи будто бы потом рассказывали об этом друг другу, и некоторые из них задавались даже вопросом, «не из наших ли он», удивляясь находчивости и умению папы находить выход из тяжелых ситуаций.

Маме сразу не понравилась мысль остановиться в японской гостинице. Перспектива располагаться на татами – японских циновках на полу ее не устраивала. Не радовала и возможность разыскивать в городе бывшие номера Тенешева, справедливо считая, что там не было бы спасения от клопов. И все же некоторое время мы пробыли в «Мияко». Эта гостиница была по Нанива-дори, вблизи центральной площади с ее памятником-obeliskом, и своей боковой стеной выходила на территорию японского храма Хотен-дзиндзя⁹⁴. Не помню, тогда ли у мамы родилась идея открыть в городе «boarding-house», но мысль эта понравилась Глебу уже одним тем, что ему бы не пришлось тогда жить на частной квартире, снимая комнату по немалой цене. Глеб рассказал, что предприимчивые китайцы строили много двухэтажных особняков, прекрасно подходящих для создания «бординга», в котором нашлось бы место и ему.

Не составило большого труда найти китайца, владельца расположенных кустом целых четырех таких домов в новом районе, возникшем между основной частью города и японской концессией. В одном жили немцы, служащие одной из открывшихся в городе немецких контор, в другом поселился, уже после того, как мы арендовали третий из этих четырех домов, представитель фирмы «Andersen

* Пансионат (англ.).

Меуег» – украинец Мизура. В доме не было центрального отопления, но были канализация и водоснабжение – посредством ручного насоса в кухне и, конечно, электропроводка. Мама с успехом справилась с обустройством дома под жилье. В этом ей помог все еще живший в Мукдене Груннер, теперь державший мебельный магазин. Он же оказал содействие в покупке печей и организации системы отопления. Причем для гостиной был приобретен камин «саламандра» и заказан уголь, куплены дрова. Дело спорилось, и Глеб проявил большое умение вести переговоры с китайскими поставщиками.

Первую зиму мы провели уже в полностью оборудованном «бординг-хаузе», а знакомый Глеба, один из прижившихся в городе эмигрантов, оборудовавший маленькую типографию, отпечатал первые объявления, расклеенные потом на стенах и столбах возле дома. Конечно, для содержания дома и топки печей понадобилась прислуга, был найден и повар, поскольку комнаты сдавались с пансионом. Мама снова почувствовала себя полновластной хозяйкой. Первым жильцом оказался англичанин Каррэн, прикомандированный к какой-то английской фирме для проверки ее финансовых дел, да так и оставшийся на работе в ней. Аренда за дом выплачивалась представителю, специально для этого приходившему в конце предплатежного месяца, сразу за четыре месяца, в серебряных китайских юанях, кажется, в сумме 400. В запутанной денежной системе Китая тех лет наряду с местными денежными знаками курсировали общегосударственные «юани» в виде монет с изображением Юань Шикая, хотя попадались иногда и юбилейные с Сунь Ятсеном – в форме и с плюмажем над фуражкой. По содержанию серебра в монетах они соответствовали мексиканскому песо, который тоже иногда использовался в обращении, и потому юани вообще часто назывались «мексами» – мексиканскими долларами. Не помню, чтобы мама когда-либо платила налог за содержание «бординга». Китайские власти смотрели сквозь пальцы на такое предпринимательство. Нам же оно обеспечивало довольно сносную жизнь, и главное – было по душе маме.

В ту же зиму были приглашены ко мне репетиторы из числа живших в Мукдене беженцев – эмигрантов из России. В общей массе они уже обжились, в городе функционировал даже продовольственный магазин Петухова⁹⁵, имевшего в гражданскую войну воинское звание генерала. Репетиторами у меня тоже были бывшие офицеры – два брата Покровские, из которых один потерял ступню ноги в знаменитом Ледяном походе Белой армии, отступавшей под натиском красных в жестокую зимнюю стужу по Сибири⁹⁶. Из Харбина раздобыли программу и учебники, и я стал готовиться в шестой класс, потеряв за годы скитаний по Китаю целый год, к величайшей моей досаде. В Мукдене я встретился с бывшими моими одноклассниками

Гилевыми, переехавшими в Мукден из Харбина, но зимою ездивших в Харбин для продолжения своих школьных занятий...⁹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорий Николаевич Майер (1842–1921), уроженец Таврической губ. и выпускник Горного института, многие годы служил по Горному ведомству: смотритель литейного цеха Луганского завода (1865), на Нижнетагильских заводах Демидова (1874), помощник начальника Алтайского горного округа по горной части (1885), участник экспедиции в Киргизскую степь (1889).

² Официально столицей Маньчжурии считался Чанчунь, но фактически главным городом был Мукден (ныне Шэньян), в котором сосредоточивалась вся деловая жизнь Маньчжурии. В силу этого он нередко именовался «второй столицей» Китая; кроме того, здесь находился дворец императора Пу И (см. примеч. 86), который значительную часть года проводил в Мукдене. Первым российским генеральным консулом в Мукдене с 1907 был Александр Николаевич Грушецкий.

³ Иван Александрович Бобровников, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, служил по ведомству МИД в Китае: секретарь консульства в Турфане (1905–1906), генконсульства в Кашгаре (1907–1909), консульств в Ньюжуане (1910–1914) и Харбине (1915–1916) (сведения приводятся по: *Lensen G. Russian diplomatic and consular officials in East Asia: A handbook of the representatives of Tsarist Russia and the provisional government in China, Japan, and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet representatives in Japan from 1925 to 1968. Tokyo: Sophia Univ., Diplomatic Press (Tallahassee, Florida), 1968. P.23*; однако Ленсен вообще не упоминает службу Бобровникова в Мукдене).

⁴ Здесь и далее Б.С. Колоколов несколько схематично излагает послужной список отца, подробнее и точнее см. наше предисловие к публикации.

⁵ Николай Александрович Колоколов (1870–1927) – филолог по образованию, курсовой воспитатель Александровского Императорского лицея (бывшего Царскосельского), статский советник. В 1903–1906 староста церкви Св. Апостола Павла в Лахте. В 1919 был кратковременно арестован, затем служил в Комиссариате финансов Северной области («эмиссар по кредитному отделу», помощник, потом начальник кредитного отдела); позднее – на железной дороге (помощник начальника почтово-багажной части отдела сборов), некоторое время был секретарем управляющего Мурманской железной дороги. Женат на Ольге Константиновне (урожд. Скураковой; 1872–1960), воспитаннице Николаевского сиротского института благородных девиц; до замужества короткое время – гувернантка в доме священника в Шувалове, в дальнейшем посвятила себя семье. О ней см. также: *Глазунов И.С. Россия распятая. М., 2006.*

⁶ Имеется в виду «New Standard Dictionary of the English Language», выдержавший множество изданий.

⁷ Харбин находится существенно севернее Мукдена. Медицинская служба КВЖД берет свое начало в 1899, когда в Харбине был создан первый палаточный походный госпиталь, к лету 1900 на его месте уже появились два кирпичных здания (хирургическое и терапевтическое отделения) и помещения для аптеки и вспомогательных служб, ставшие основой Центральной больницы КВЖД. К 1903 функционировали 4 отделения на 150 коек, а в конце года насчитывалось уже 403 койки. Центральная больница просуществовала до 1935, когда КВЖД была продана и больница перешла под контроль японской администрации. Подробнее см.: *Таскина Е.П.* Русские врачи в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 2001. №5. С.146-149.

⁸ В это время церковь Благовещения Пресвятой Богородицы была еще деревянной, в 1918 она сгорела; на ее месте по проекту инженера Б.М.Тустановского построен новый храм, освященный в 1941. В 1970, в годы «культурной революции», взорван.

⁹ Художница Камилла Альбертовна (урожд. Бенуа; 1878–1953; по др. сведениям, 1879–1959), двоюродная сестра Е.Е.Лансере, супруга генерал-лейтенанта Дмитрия Леонтьевича Хорвата (1858–1937), в 1902–1918 управляющего КВЖД. Возглавляла Харбинское благотворительное общество и местное отделение Красного Креста, инициатор (1912) и первый председатель Харбинского художественного общества (см. ее роман: *Хорват К.А.* Торжество любви. Шанхай: Слово, 1937). В 1918–1919 ее супруг – верховный уполномоченный адмирала А.В.Колчака по Дальнему Востоку. С начала 1920-х Хорваты жили в Харбине, затем в Пекине. После кончины Хорвата его супруга переехала в Ванкувер (Канада).

¹⁰ Хунхузы (от китайского «хунхузы», буквально – «краснобородый») – название участников вооруженных бандитских формирований, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в.

¹¹ Чжан Цзолинь (1873–1928) – китайский военный деятель. Во время Русско-японской войны 1904–1905 воевал на стороне японцев, благодаря покровительству которых принят в регулярную китайскую армию и дослужился до генеральского чина и должности командира дивизии. В 1916 попытался объявить Маньчжурию независимой от Китая, но был назначен военным губернатором Мукдена и генерал-инспектором восточных провинций. В 1917 перестал подчиняться центральному правительству и стал фактическим правителем Маньчжурии. С 1920 маршал, провозгласил административную независимость Маньчжурии в составе Китайской Республики. В 1928 объявил себя диктатором, однако был изгнан из Пекина Чан Кайши. По одной из версий, убит советской разведкой 4 июня 1928.

¹² В автобиографии Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979), написанной в 1973 и опубликованной в Интернете, говорится:

Я – Всеволод Сергеевич Колоколов, сын российского дипломата, родился в Китае в 1896 году, до 16-ти лет, по воле родителя, жил и учился в названной стране, первой школой была у меня китайская, дореформенная, в которой царствовала зубрежка и ферула учителя-китайца, причем мне, как чужеземцу, всегда доставалось больше

сверстников китайчат и зубрежки и ферулы, да еще бывало и от ба-тюшки добавлялось, чтобы авторитет учителя поддержать. С 1913 года, по воле бабки, матери отца, был я определен в Александровский лицей в гор. Санкт-Петербурге, в котором проучился до его закрытия в 1917 году, вскоре после февральской революции, поскольку уж очень монархическим было это учебное заведение. По положению и возрасту пришлось поступить в школу прапорщиков, по окончании какой-то был назначен в запасной полк в Твери младшим офицером в 3-ью роту. Понюхал пороху под Двинском, а в ноябре 1917 года, за отказ полка придти на помощь правительству Керенского, весь состав расформировали. И я был уволен, как значилось в документе, «в первобытное состояние», скитался на бирже труда в гор. Твери, а затем, не находя места, уехал к жене в деревню (а женился в бытность в школе прапорщиков уже в Петрограде). Там в деревне меня выдвинули в секретари волостного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а осенью 1918 года, по первой мобилизации в Красную Армию, давая пример, записался первым в мобсписок, был по воле судьбы направлен в Тверь, в 4-й стрелковый полк МВО, где избирался членом культпросветкомиссии полка и членом-депутатом горсовета. Был рекомендован в ВКП(б), но несмотря на положительную характеристику, какой-то товарищ в Губкоме, где меня проверяли, почему-то счел, что по происхождению и по обхождению не подхожу к рабочему классу, но что задело меня – это обвинение в том, что я будто бы «примазываюсь». Короче говоря, я остался «беспартийным большевиком». Закончу тем, что из полка меня вызвали в Военную Академию РККА, узнав из анкет, что я знаю китайский язык. Ныне я на пенсии, после многих лет преподавания китайского языка, написал лексикон, а затем и китайско-русский словарь, выдержавший два издания. В последние годы переключился на изучение японского языка и сейчас занимаюсь техническими переводами с японского языка на русский во Всесоюзном научно-исследовательском институте абразивов и шлифования в гор. Ленинграде.

(В.С.Колоколов. Автобиография. –

http://hanbalik.narod.ru/chinese_calligraphy/kolokolov_memorandum.htm)

К этому добавим, что В.С.Колоколов учился в 1920–1922 на восточном отделении Военной академии РККА, где в дальнейшем преподавал до 1937. Параллельно он научный сотрудник Коммунистического университета трудящихся Китая (1923–1924) и Востока (1924–1927), преподаватель Московского института востоковедения. Кандидат филологических наук, профессор (1935). Начальник кафедры Высшей специальной школы РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957), научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (1949–1979). Автор многочисленных научных трудов и учебных пособий, в том числе: Китай. Страна, население и история. М.: Военгиз, 1924 (2-е изд. –1925; совм. с И.Мамаевым); Краткий китайско-русский лексикон. М.: МИВ, 1927; Фонетика китайского языка. М.: МИВ, 1933; Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. М.: Со-

ветская энциклопедия, 1935 (то же: 1946); Китайская классика в тангутском переводе. М.: Наука, 1966 (совм. с Е.И.Кычановым); Мэнцзы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999; и др. О нем см.: Памяти Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979) // Проблемы Дальнего Востока. 1979. №2; Дубков К.В. Личный архив Всеволода Сергеевича Колоколова (фонд 144. Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч.2. М., 1991. С.175–184.

¹³ Екатерина Сергеевна Колоколова (1892–1932) в первом браке замужем за вице-консулом США в Мукдене Г.М.Фолкнером (Grover Matthew Faulkner, 1893? – 1919; скончался от менингита). Во втором браке за Julizh François Philippot (?–1932). Имела двоих детей: от первого брака сын Willard-Serge Faulkner (1918–1941), служил в ВМФ США, погиб на Пёрл-Харбор в начале Второй мировой войны; от второго брака – дочь Gabriele Philippot (1923–1932), погибла вместе с родителями в кораблекрушении.

¹⁴ В семье Н.А. и О.К. Колоколовых было четверо детей – три дочери и сын (первенец – Николай Николаевич; 1897–1918). Дочери: Мария Николаевна (1899 – 1987?; в замужестве Романенко) жила (с перерывом на эвакуацию в годы войны) в г. Колпино, работала на секретарских должностях на Ижорском заводе, в эвакуации учительствовала. Имела двух дочерей – Киру (Екатерину) и Марину. Ольга Николаевна (1904–1995; в замужестве фамилию не меняла), экономист, работала большую часть жизни на трикотажно-чулочной фабрике «Красное Знамя». Наталья Николаевна (1912–2002; в первом браке Фоянкова; во втором браке (с 1963) за Глебом Сергеевичем Колоколовым, братом автора воспоминаний) – филолог, научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Ее первый муж – Олег Антонович Фоянков (1902–1938), инженер-геолог, литератор, неоднократно подвергался арестам, в 1938 расстрелян (см. его произведения: Ночь накануне: Стихи и проза / Сост. И.О.Фоянков. СПб., 1999). Их сын – Илья Олегович Фоянков (род. 1935), известный петербургский журналист, поэт и прозаик.

¹⁵ В начале XX в. дачная местность на Черной речке в Санкт-Петербургском уезде. В разное время поселок имел разные названия: Дыбунук, Дыбунь, Дыбуны, Дибуны. В 1902, по соглашению владельца земель в Лисьем Носу и деревни Дыбуны графа А.В.Стенбок-Фермора с крестьянами, а также после того, как графиня Е.В.Левашова и княгиня М.В.Вяземская выделили из принадлежащих им земель 404 участка для продажи под частную застройку, появились два новых дачных поселка: Графская и Дибуны. В 1938 пос. Графская, как и железнодорожная станция, был переименован в пос. Песочный.

¹⁶ Глеб Сергеевич Колоколов (1904–1994) до Второй мировой войны жил в Мукдене, работал в табачной компании «Читунг». После войны арестован СМЕРШ, отправлен в СССР, в Мордовские лагеря. Освободился в 1954. Реабилитирован. До конца жизни жил в Ленинграде.

¹⁷ Штаб-лекарь Николай Васильевич Майер (1806–1846) родился в семье выходца из Вестфалии Вильгельма Майера. Начинал писарем в канцелярии Академии Наук, с 1823 вольнослушатель в Медико-хирургической академии в СПб. С 1829 служил врачом в Бессарабии; с 1833 – в Пятигорске, где

сблизился со ссыльными декабристами. В 1834 арестован по политическим подозрениям. Благодаря покровительству командующего войсками Кавказской линии генерал-лейтенанта А.Вельяминова освобожден и перемещен в военное ведомство, состоял при командующем. Познакомился с М.Ю.Лермонтовым в 1837. В 1839 покинул Ставрополь. С 1841 уволен со службы, вместе с женой (урожд. С.А.Дамбергон) жил в Керчи.

¹⁸ С 1736 училище при лютеранской церкви Св. Анны. С 1852 имело статус гимназии. Находится на Кирочной ул., 8а (ныне школа №239).

¹⁹ Подробнее см.: *Попов А.В.* Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С.194–201.

²⁰ До 1917 название употреблялось по отношению к оседлым узбекам и отчасти к равнинным таджикам. Часто – по отношению к оседлому мусульманскому населению Туркестана.

²¹ Здесь и далее имеется в виду Всеволод Колоколов (см. примеч. 12).

²² Бэйлин (Северная могила) – могила цинского императора Хуантайци и императрицы Сяодуаньвэнь; Дунлин (Восточная могила) – могила цинского императора Нурхаи (см. примеч. 44) и императрицы Еханары.

²³ Виллард – сын Кати, сестры мемуариста (см. примеч. 13).

²⁴ 22 июня 1919 в Версале был подписан мирный договор, знаменовавший победу для Франции и ее союзников окончание Первой мировой войны.

²⁵ 9 февраля (27 января) 1918 в г. Брест-Литовск был подписан мирный договор между Советской Россией и Австро-Венгрией, Болгарией, Германией и Турцией, в соответствии с которым Россия теряла значительные территории на западе страны. Денонсирован Россией 13 ноября 1918 в одностороннем порядке.

²⁶ Совет (Совещание) российских послов учрежден в Париже в конце ноября 1917; формально включал всех российских послов, однако фактически действовал под руководством назначенного послом во Франции В.А.Маклакова, посла в Италии М.Н.Гирса, поверенного в делах в Великобритании К.Д.Набокова, посланника в Испании М.А.Стаховича и посланника в Швейцарии И.Н.Ефремова, а также посла в Вашингтоне Б.А.Бахметева. Подробнее см.: *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С.56–121; *Кононова М.М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.) // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М., 2005. С.10–84.

²⁷ Петр Генрихович Тидеман (1872–1941) после окончания факультета восточных языков Петербургского университета с 1895 причислен к Азиатскому департаменту МИД: студент миссии в Пекине (1895), драгоман при чиновнике по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области (1899). Вице-консул в Чифу (с 1902), чиновник VI класса в Мукдене (с 1904), чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-

губернаторе (с 1906). Генеральный консул в Гонконге (1908–1910), Нью-жуане (Инкоу) (1911–1913) и Тяньцзине (1915–1920) (см.: АВПРИ. Ф.143 (Китайский стол). Оп. 491. Д.1925; Д.3485. Л.3). После 1917 – муниципальный консул Русской концессии Тяньцзиня (1921–1934), служащий муниципального консульства Британской концессии в Ханькоу (1934–1937). Был женат на Аделаиде Михайловне Скрябиной (ум. 1927), родной сестре В.М.Молотова; его брат Максимилиан Генрихович – на Л.В.Кепинг (сестре матери писателя К.М.Симонова; подробнее см.: *Кепинг К.Б.* «А кресло-то я у нее купила...» // Кепинг К.Б. Последние статьи и документы. СПб., 2003. С.291–296). С 1937 жил в Монреале (Канада).

²⁸ Владимир Федорович Люба (1861–1928), окончил китайско-монгольско-маньчжурский разряд факультета восточных языков Петербургского университета и в 1886 причислен к МИД: чиновник по дипломатической части и переводчик китайского и маньчжурского языков при Степном генерал-губернаторе в Омске (1888–1890), драгоман (1890–1894), секретарь миссии в Урге (1895–1899). В 1899 первый представитель МИД в Маньчжурии. Чиновник МИД в Гирине (1900–1904), командирован в состав полевого управления Маньчжурской армии в Хабаровске для ведения дипломатической переписки (1904). В 1904–1906 консул в Урге, в 1907–1909 генеральный консул в Харбине, в 1909 генконсул в Улясугае, Урге (1911–1913), временно управляющий консульством, генконсул в Кобдо (1913–1916). С марта 1916 в Шарасуме (АВПРИ. Ф.159. Оп.464. Д.2084а; Ф.143 (Китайский стол). Оп.491. Д.1894). Автор ряда проектов по развитию преподавания китайского языка для русских в Маньчжурии. Похоронен в ограде Свято-Николаевского собора в Харбине.

²⁹ Павел Кириллович Усатый (?–1927), с 1904 на дипломатической службе в Китае: студент миссии в Пекине (до 1906), драгоман генконсульства в Харбине (1907–1913), вице-консул в Хайларе (1914–1916), затем в Цицикаре. Остался в Китае после 1917, служил на концессии Воронцовых. Похоронен в Харбине на Старом кладбище.

³⁰ Комитет по увековечиванию памяти русских воинов, павших в войне 1904–1905, был создан под председательством великой княгини Ольги Александровны (1882–1960), сестры императора Николая II. Для исполнения его решений в 1908 была учреждена Комиссия для обустройства российских военных кладбищ в Маньчжурии во главе с генерал-майором С.А.Добронравовым, которая работала с осени 1909 вплоть до начала 1914. Было возведено 18 воинских мемориалов в 16 пунктах; в Порт-Артуре, Мукдене, Дальнем появились часовни-памятники и храм-памятник. Подробнее см.: *Левощко С.С.* Архитектурные традиции памяти в православии: Храмы-памятники павшим воинам на Дальнем Востоке (К 100-летию Русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Макарьевские чтения: Материалы четвертой международной конференции (21–22 ноября 2005) / Отв. ред. В.Г.Бабин. Горно-Алтайск, 2005. С.263–272.

³¹ В 1922 Лига Наций передала Великобритании мандат на Палестину, который предусматривал создание здесь «национального очага для еврейского народа» при обеспечении «гражданских и религиозных прав, существующих в Палестине нееврейских общин».

³² Лев Давидович Троцкий (наст. фам. Бронштейн; 1879–1940) – первый народный комиссар по иностранным делам Советской России (1917–1918).

³³ Подробно историю вопроса см.: Будницкий О.В. Дипломаты и деньги. 1. «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Т.4. Париж; СПб., 2002. С.457–508.

³⁴ Григорий Михайлович Семенов (1890–1946) – с июля 1917 комиссар Временного правительства в Забайкальской области, в августе 1918 в связи с мятежом Чехословацкого корпуса утвердился в Забайкалье и вскоре был назначен адмиралом А.В.Колчаком командующим войсками Читинского военного округа. В начале 1919 объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. В сентябре 1921 эмигрировал. Жил в Корее, Японии и Северном Китае. В сентябре 1945 захвачен советскими войсками в Маньчжурии и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

³⁵ Создано в ноябре 1918 в Омске из членов Совета министров Уфимской директории, содействовавших перевороту А.В.Колчака. С отречением Колчака от власти (4 января 1920) большая часть членов правительства бежала в Харбин и создала так называемое Политическое совещание, претендовавшее на руководящую роль в рядах белогвардейской эмиграции.

³⁶ Храм Христа Спасителя в Мукдене был заложен 8 сентября 1911 среди большого русского воинского кладбища (около 60 тысяч погибших русских воинов). Строительство храма завершилось в 1912.

³⁷ Считается, что Японская православная церковь возникла в 1868, когда иеромонах Николай (в миру И.Д.Касаткин; 1836–1912), впоследствии архиепископ Японский, крестил первых трех японцев в Хакодате. К 1912 в Японии было 266 православных церковных общин, более 30 тысяч православных христиан и более 100 храмов. Архиеп. Николай в течение более 50 лет возглавлял Русскую Духовную миссию в Японии; 10 апреля 1970 канонизирован Русской православной церковью. Подробнее см.: Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836–1912. СПб., 1996; *Саблина Э.* 150 лет православия в Японии. История Японской православной церкви и ее основатель святитель Николай. М., 2006.

³⁸ Имеется в виду издававшийся с 1912 официальный журнал Японской православной церкви «Православный бюллетень» («Сэйкё дзихо»; в 1880–1912 – «Православный вестник» / «Сэйкё симпо»).

³⁹ Михаил Иванович Лавров, секретарь генконсульства в Кашгаре (1902–1906), вице-консул генконсульства в Харбине (1907–1909), в Куанченцзы (1910–1911), консул там же (1912–1916). Занимался изучением религий стран Дальнего Востока.

⁴⁰ Борис Васильевич Остроумов (1879–1944) – инженер путей сообщения, с февраля 1921 управляющий КВЖД. С 1924, по соглашению правительств СССР и Китая, КВЖД стала совместным коммерческим предприятием и управлялась на паритетных началах двумя странами. Управляющим был назначенный правительством СССР Алексей Николаевич Иванов. В 1926 его сменил Александр Иванович Емшанов, занимавший должность управляющего до 1931, когда новым управляющим был назначен Юлий Викенть-

евич Рудый, работавший до продажи дороги; впоследствии репрессирован.

⁴¹ Альберт Понтиус (Albert W. Pontius; 1879–1923) – американский консул в Нанкине (1914), Фучжоу (1916–1917), Кантоне (1919), генеральный консул в Мукдене (1920–1922).

⁴² Вашингтонская конференция 1921–1922 зафиксировала новую политическую конфигурацию на Дальнем Востоке после Первой мировой войны. 6 февраля 1922 в ее рамках был подписан «Договор девяти» (США, Великобритания, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Нидерланды, Португалия и Китай), в соответствии с которым провозглашался принцип уважения суверенитета, территориальной и административной неприкосновенности Китая.

⁴³ Здесь память несколько подводит мемуариста. Циндао и залив Цзяочжоу (Kiauchau) были заняты Германией в 1897, а в 1898 переданы ей в аренду на 99 лет. «Боксерское восстание», или восстание ихэтуаней – крестьян и городской бедноты Северного Китая в 1899–1901. Его инициатором явилось тайное религиозное общество «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»; позже отряды «Ихэцюаня» были переименованы в «Ихэтуани» – отряды справедливости и согласия). Так как в название общества входило слово «цюань» (кулак), иностранцы называли повстанцев «боксерами». Восстание началось в провинции, но к 1900 его центр тяжести переместился в столицу. В середине июня ихэтуани вступили в Пекин, где начали осаду посольского квартала, продолжавшуюся 56 дней. В эти дни был убит германский посланник барон фон Кеттлер. В ответ западные державы и Россия организовали интервенцию в Китай. В середине августа они заняли Пекин, и в 1901 восстание было подавлено.

⁴⁴ Русский крейсер «Жемчуг» был расстрелян и потоплен 15/28 октября 1914. В результате нападения погибли офицер и 80 нижних чинов, семь моряков позже умерли от ран. Подробнее см.: *Буяков А., Крицкий Н., Шугалей И.* Последний бой крейсера «Жемчуг». Владивосток, 2004.

⁴⁵ Нурхаци (1559–1626) – маньчжурский (чжурчжэньский) хан. Номинально был вассалом китайской империи Мин. К 1616 объединил чжурчжэньские племена, провозгласил себя ханом, основав государство Поздняя Цинь. При его наследнике Хуантайци (Тайцзуне) государство было переименовано (1636) в Цин, а чжурчжэни стали называться маньчжурами.

⁴⁶ Чарльз Ричард Крейн (Charles Richard Crane; 1858–1939) – американский миллионер, филантроп. Посол США в Китае в мае 1920 – июне 1921. Более двадцати раз был в России, где встречался с самыми разными людьми – от императора Николая II до хлыстов; последний визит Крейна уже в Советскую Россию состоялся в 1937. Принял самое активное участие в учреждении первых в США русских программ в Университете Чикаго, а также в судьбе русских эмигрантов в Китае (см.: *Зарудная-Фриман М.* Мчались годы за годами: История одной семьи. М., 2002).

⁴⁷ Василий Васильевич Блонский (1875 – после 1945) получил образование в Александровском военном училище, служил на Дальнем Востоке. Секретарь военного комиссара в Мукдене (1901–1902). Переводчик разве-

дывательного отделения штаба Главнокомандующего Маньчжурскими армиями (1904–1905). В 1908 окончил Владивостокский Восточный институт по японо-китайскому разряду; за выпускное сочинение (перевод мемуаров японского поручика Сакураи «Никудан» о боях под Порт-Артуром) удостоен золотой медали. Прикомандирован к Главному управлению Генштаба (1909); помощник военного агента в Китае, глава мукденской резидентуры (1910–1917), полковник (1915). После 1917 остался в Китае: старшина Мукденской эмигрантской общины; уполномоченный главы российской эмиграции на Дальнем Востоке и директор реального училища в Мукдене (с 1925).

⁴⁸ Имеется в виду полковник Генерального штаба Александр Александрович Татаринцов (1880–1946), военный агент в Китае в 1915–1922; в дальнейшем представлял здесь интересы Франции.

⁴⁹ Точнее, на пятицветном флаге Китайской республики красная полоса символизировала ханьцев (этнических китайцев), желтая – маньчжуров, синяя – монголов, белая – китайских мусульман, черная – тибетцев.

⁵⁰ Юань Шикай (1859–1916), министр иностранных дел Китая (1907–1909). С началом Синьхайской революции 1911 года согласился стать главнокомандующим императорской армией и премьер-министром, повел успешные действия против революционеров, а затем вступил с ними в переговоры, закончившиеся соглашением, по условиям которого император отрекался от трона, но пост президента Китайской республики переходил к Юань Шикаю. 14 февраля 1912 избран временным президентом Китайской республики. В дальнейшем установил режим личной власти и некоторое время даже собирался провозгласить себя императором.

⁵¹ 1 марта 1919 в Корее состоялись многочисленные акции протеста против японского правления, жестоко подавленные японской армией и полицией. Одно из первых национальных корейских выступлений во время японской оккупации, в дальнейшем получило название «Движение 1 марта», или «Движение Самиль».

⁵² Мукден – маньчжурское название современного Шэньяня. По-китайски в период правления маньчжурской династии город официально именовался Шэнцзин, а окружающая его территория – Фэнтянь (иногда это название переносилось и на сам город как на ее административный центр). В 1914 городу было возвращено старое китайское название Шэньян, а в 1929 провинция Фэнтянь была переименована в провинцию Ляонин. Яньтай именовался в западной литературе Чифу (Chefoo) из-за того, что на весь город было ошибочно распространено название одного из подчиненных ему в административном отношении островов – о. Чжифу (примеч. К.М.Тертицкого).

⁵³ Братья Николай и Спиридон Дионисьевичи Меркуловы с мая 1921 возглавляли предпоследнее «белое» правительство России – Временное Приамурское правительство. В эмиграции в США с 1922.

⁵⁴ Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937) в июле–ноябре 1919 командовал Восточным фронтом А.В.Колчака. В июле 1922 на Земском Соборе во Владивостоке избран Правителем Дальнего Востока, затем в эмиграции.

⁵⁵ Свято-Николаевский кафедральный собор в Харбине сооружен в 1899 по проекту петербургского архитектора И.В.Падлевского; возведен под руководством гражданских инженеров А.К.Левтеева и В.К.Вельса. Пятиглавый пирамидальной формы храм располагался на Соборной площади. Считался крупнейшим деревянным сооружением в Восточной Азии и одним из лучших образцов культового зодчества неорусского стиля. Разрушен хунвейбинами в 1966.

⁵⁶ Николай Викторович Борзов (1871–1955), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета; преподавал в Томске; в 1905 переехал в Харбин, где основал и возглавил Коммерческое училище (руководил до 1925). Затем переехал в США, жил в Беркли; председатель правления фонда И.В.Кулаева, оказывавшего помощь детям эмиграции. Автор книги «У Золотых ворот» – о русских в Калифорнии.

⁵⁷ Христианский Союз молодых людей – Young Men's Christian Association (YMCA).

⁵⁸ «Торговый дом Чурин и К^о» – крупнейшая русская универсальная фирма Дальнего Востока, созданная в 1868 Иваном Яковлевичем Чуриным (1832–1895).

⁵⁹ Известная германская транспортная фирма.

⁶⁰ Генерал Владимир Оскарович Каппель (1883–1920) с декабря 1919 командовал колчаковским Восточным фронтом. Во время отступления отморозил ноги, перенес их частичную ампутацию; вскоре скончался. Похоронен в ограде Иверской церкви в Харбине; ныне прах перенесен на Донское кладбище Москвы.

⁶¹ Владимир Владимирович Перемиловский (1880–?), филолог, с 1920 работал в гимназиях Харбина, представлял школы русского Китая в педагогических органах эмиграции, на съездах в Европе. С 1925 – преподаватель русской словесности и латыни в русской гимназии в Моравской Тршебове и Праге (Чехословакия).

⁶² Элизе Реклю (Reclus; 1830–1905) – французский географ и социолог, чей многотомный труд «Земля и люди. Всеобщая история» был очень популярен в России (Т.1-19. М., 1898–1901).

⁶³ Константин Августович Аверст (1888–1945) – владелец книжных магазинов в Харбине, Тяньцзине и Шанхае.

⁶⁴ Владимир Владимирович Ламанский (1879 – 1943 или после 1944) – геолог, палеонтолог, географ. Сын академика-слависта В.И.Ламанского (1833–1914). В 1899 вместе с В.П.Семеновым составил для Всемирной выставки в Париже серию карт по физической географии и этнографии Сибири и Туркестана. Приват-доцент Петербургского политехнического института по общему землеведению (1902–1906). Затем коммерческий агент КВЖД, объездил Монголию, Маньчжурию и Уссурийский край, побывал в Японии. Некоторое время заведовал русской секретной агентурой в Среднем и Южном Китае. В 1919 эмигрировал и обосновался в Харбине. Преподаватель геологии и географии Русского Юридического факультета в Харбине и профессор Французской муниципальной школы в Шанхае (Шанхайского французского колледжа).

⁶⁵ Иван Кириллович Мамаев (1896–1938), выпускник коммерческого училища в Харбине. Участник Первой мировой войны, в 1918–1920 на подпольной работе в Сибири. В 1920–1922 референт Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна. В 1922–1924 учился на Восточном отделении Военной академии РККА. Здесь он, вероятно, и познакомился со Всеволодом Колоколовым, в соавторстве с которым издал справочник «Китай. Страна, население и история» (М.: Воениздат, 1924). Затем – военный советник в Китае в 1924–1926; в 1927–1937 на командных постах в Разведупре РККА; в 1937 старший преподаватель кафедры страноведения в Военной академии им. М.В.Фрунзе. В декабре 1937 арестован и расстрелян.

⁶⁶ Ошибка мемуариста. Первым советским управляющим КВЖД был А.Н.Иванов (см. примеч. 40). Николай Борисович Эйсмонт (1891–1935) – с весны 1925 нарком торговли СССР, затем нарком снабжения РСФСР.

⁶⁷ По-видимому, имеются в виду события весны 1929, когда китайская полиция в Харбине внезапно совершила налет на советское консульство и арестовала находившихся там членов Китайской компартии. После этого инцидента Советский Союз разорвал дипломатические отношения с гоминдановским правительством.

⁶⁸ Контр-адмирал Георгий (Юрий) Карлович Старк (1878–1950) в октябре 1922 увел 27 судов русской Тихоокеанской эскадры и Доброфлота из Владивостока в корейский порт Гензан, а оттуда в Шанхай. В ответ на требование советского правительства возвратить суда вместе с экипажами в российские воды в январе 1923 увел флотилию из Шанхая в Манилу (Филиппины).

⁶⁹ Члены созданных в 1966 отрядов студенческой молодежи в Китае, одни из наиболее активных участников «культурной революции».

⁷⁰ Современный город Тунцзян (провинция Хэйлунцзян).

⁷¹ См. примеч. 14.

⁷² Коммерческий порт Дальний начал строиться в 1898; как город основан Именным Высочайшим указом в 1899. В 1905 перешел во владение Японии. Первый генеральный план Дальнего разработал инженер-строитель В.В.Сахаров.

⁷³ Виктор Федорович Гроссе (1869–1931) происходил из семьи прибалтийских немецких дворян евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1892), всю жизнь провел на дипломатической службе в Китае, последовательно пройдя ступеньки дипломатической карьеры: студент миссии в Пекине (1893–1896), секретарь консульства в Тяньцзине (1896–1898), вице-консул в Чифу (1899–1902), консул в Нючжуане и Инкоу (1903–1904), где участвовал в борьбе с чумной эпидемией и был удостоен серебряного нагрудного знака «Борьба с чумой» (1906). С июля 1906 – генеральный консул в Йокогаме (Япония; до 1910), затем в Шанхае (1910–1920). Отказался признать большевиков и остался с семьей в Китае, где занимался общественной деятельностью по защите прав российских эмигрантов: возглавлял Бюро по русским делам в Шанхае (до 1924), Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае (так называемое «Белое консульство»; до 1926);

Русский эмигрантский комитет (1927–1931) и Юридическое общество в Шанхае (1928–1931). См.: АВПРИ. Ф.143 (Китайский стол). Оп.491. Д.1860. Л.1-41; Ф.159. Оп.464. Д.1033. Л.1-7; Ф.195 (Посольство в Токио). Оп.529. Д.582; Ф.529 (1911–1916). Оп.491. Д.1860. Л.28-30, 40.

⁷⁴ Лев Викторович Гроссе (1906 – после 1950) изучал бактериологию в Сорбонне (1925) и Берлине (1926), хорошо знал английский, французский, немецкий и китайский языки. В 1927 вернулся в Шанхай, поэт, много печатался, возглавлял литературное объединение в Шанхае (1939). См. его поэтические сборники: Мысли сердца. Париж, 1925; Грехопадение. Шанхай, 1926; Кремль. Шанхай, 1926; и др., а также роман, посвященный отцу: Я, вы и он: Роман из жизни шанхайских эмигрантов. Шанхай, 1930. Мистик, увлекался философией, организовал философско-религиозный кружок в Харбине. После Второй мировой войны выехал в СССР, где был арестован и скончался в лагере.

⁷⁵ Георгий Авксентьевич Сапожников (1893–?) – участник Первой мировой войны, инвалид. В 1920 эмигрировал в Китай, жил в Тяньцзине и Шанхае. С 1925 – художник-карикатурист крупнейшей в Китае английской газеты «North China Daily News».

⁷⁶ Памятник А.С.Пушкину был открыт в Шанхае 11 февраля 1937 по инициативе специально учрежденного русскими эмигрантами Пушкинского комитета, поручившего создание памятника группе под руководством скульптора М.Н.Павловского. В ноябре 1944 снесен японцами. В последние годы неоднократно восстанавливался и уничтожался.

⁷⁷ По-видимому, автор путает провинции Гуйчжоу и Гуанси (примеч. К.М.Тертицкого).

⁷⁸ В те годы относился к провинции Гуанси, сейчас – к Гуанси-Чжуанскому автономному району КНР (примеч. К.М.Тертицкого).

⁷⁹ Имеется в виду произведение Джованни Беллини (ок. 1430–1516).

⁸⁰ Так называемые «Новые территории», арендованные Великобританией у Китая в 1898 на 99 лет. Возвращены Китаю вместе со всей территорией Гонконга в 1997.

⁸¹ Сэр George William Des Voeux (1834–1909), губернатор Фиджи (1880–1885), Ньюфаундленда и Лабрадора (1886–1887), Гонконга (1887–1891). В период его управления Гонконгом здесь было проведено электричество.

⁸² Автор – известный английский журналист и сочинитель исторических романов George Alfred Henty (1832–1902).

⁸³ Старое название Тайваня.

⁸⁴ Имеется в виду высылка группы писателей, философов и ученых на знаменитом «философском пароходе» в Германию (1922), см.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. М., 2005.

⁸⁵ Михаил Иванович Калинин (1875–1946) с 1922 возглавлял Центральный исполнительный комитет СССР и номинально являлся главой государства.

⁸⁶ Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдана в 1912, временный президент революционного правительства до момента отречения последней династии.

⁸⁷ Последний китайский император династии Цин Пу И (1906–1967) в 1932 объявлен японцами главой Маньчжоу-го, а в марте 1934 – императором Маньчжоу-диго; в 1945, после вступления в Маньчжурию советских войск, отрекся от престола, арестован в Мукденском аэропорту и отправлен в СССР (до 1950). Вернувшись в Китай, приговорен к десяти годам лагерей как военный преступник. После освобождения в 1959 работал садовником в Пекине в Институте ботаники Китайской Академии наук. См. его мемуары «Последний император» (М., 2006), см. также: *Усов В.* Последний император Китая Пу И (1906–1967). М., 2003.

⁸⁸ Георг V (1865–1936) – в 1910–1936 король Великобритании, император Индии (с 1910).

⁸⁹ В 1919–1925 им был сэр Реджинальд Эдвард Стаббс (Reginald Edward Stubbs; 1876–1947), в дальнейшем губернатор Ямайки (1926–1932), Кипра (1932–1933) и Цейлона (1933–1937).

⁹⁰ Павел Георгиевич (Юрьевич) Васкевич (1876–1958) окончил японо-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1903). В 1904 перешел на службу по военному ведомству, назначен драгоманом японского языка при Штабе заместителя его императорского величества на Дальнем Востоке. Командирован в Порт-Артур в распоряжение командующего Тихоокеанским флотом, участвовал в мукденских боях в составе Штаба главнокомандующего. С 1906 на службе по ведомству МИД в Корее. Драгоман посольства в Токио (1911–1917). Генконсул в Дальнем/Дайрене (1917–1923). После отставки жил в Кобе (Япония), где скончался и похоронен. Фрагмент его воспоминаний опубликован П.Э.Подалко (Slaviana (Токио). 2002. №17); см. также: *Подалко П.Э.* «Он всегда был полон идей...»: Петр Юрьевич Васкевич – эмигрант-романтик // *Известия Восточного института ДВГУ.* 1999. №5. С.75–96.

⁹¹ Ольга Юрьевна Васкевич, по образованию учительница, после смерти родителей воспитывала брата, затем переехала к нему в Китай и вела хозяйство в его доме все последующие годы.

⁹² По воспоминаниям последнего российского посланника в Японии Дмитрия Ивановича Абрикосова (1875–1951), «<Васкевич> считал, что жизнь должна состоять из постоянных перемен, и когда кто-то сказал, что рай на земле может быть обретен на острове Таити, избавился от своей фермы <в Дайрене>, хотя она приносила ему неплохой доход, и поспешил на остров. Проезжая по Японии, он посетил японскую семью своего покойного друга, нашего бывшего консула в Кобе, пошел с ними прогуляться по окрестностям, и ему так понравились эти места, что он купил кусок земли, подумав, что всегда сможет его продать, если действительно обретет рай на Таити. Прибыв туда, он счел, что это не рай, а ад. Дело происходило во время сухого закона, и американцы толпами ездили на Таити пить дешевые французские вина и развлекаться с местными девицами, очень красивыми, но и очень распутными. Он пробыл там всего несколько дней и понял, что если задержится дольше, то сопьется и заведет гарем. К счастью,

на пароходе, привезшем его на Таити, была забастовка и он все еще стоял в порту, и <Васкевичу> удалось уплыть на этом же пароходе. В противном случае ему пришлось бы ждать следующего корабля около трех месяцев, и к тому времени он уже точно стал бы алкоголиком и обладателем гарема и уезжать было бы уже поздно. Вернувшись в Японию, он решил, что всегда мечтал здесь жить. Он начал строить дом на земле, которую купил перед отъездом на Таити. Узнав о моей трудной жизни в Токио, он написал мне и пригласил жить вместе с ним в новом доме» (*Abrikosow D. Revelations of a Russian Diplomat. University of Washington Press, Seattle, 1964*; перевод Н.Ю.Абрикосовой; полностью воспоминания Д.И.Абрикосова готовятся к публикации в издательстве «Русский путь»).

⁹³ Известен термальными источниками и минеральными грязями.

⁹⁴ Синтоистский храм.

⁹⁵ Петухов Н.Ф. (?–1933), генерал, приглашен в Мукден маршалом Чжан Цзолинем в числе других офицеров-артиллеристов. После отставки держал небольшой магазин «Нанива-дори». Покончил жизнь самоубийством.

⁹⁶ Имеется в виду так называемый Великий Сибирский Ледяной поход (ноябрь 1919 – начало марта 1920), который начался от реки Тобол и закончился в Чите. Его главным результатом стало продолжение белой борьбы в Приморье в 1920–1922 и созыв Приамурского Земского Собора. Для участников похода в 1920 был установлен орден, знак которого представлял собой точную копию знака за 1-й Кубанский Ледяной поход, но с мечом золотистого цвета. См., напр.: Великий Сибирский Ледяной поход / Сост., ред, предисл. и комм. д. и. н. С.В.Волкова. М., 2004. 718 с. (Россия забытая и неизвестная. Белое движение).

⁹⁷ На этом рукопись обрывается.

Александр Арнштам
ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с французского, вступительная статья и комментарии
Михаила Германа

Десять лет назад Марина Леонидовна Магидович, в ту пору моя недавняя студентка и начинающий ученый, ныне уже ставшая доктором наук, рассказала, вернувшись из командировки в Париж, что нашла там произведения превосходного и никому у нас не известного «художника-мирискусника». Мой первоначальный скепсис исчез сразу, когда я взглянул на фотографии работ Александра Мартыновича Арнштама (1880–1969): это было действительно открытие. Журнал «Новый мир искусства» напечатал статью Марины Леонидовны об Арнштаме¹.

В 1999 я познакомился с его сыном – Кириллом Александровичем Арнштамом (во Франции он – месье Сирилль Арнстам), тоже художником, живущим в Париже с 1933.

Затем возникла счастливая идея выставить работы Александра Арнштама в Петербурге, в Русском музее. Она была реализована благодаря настойчивости М.Л.Магидович, энергии и вере в успех К.А.Арнштама². Эта выставка стала подлинным подарком петербургским зрителям, равно как и серьезной коррекцией и дополнением истории отечественного искусства.

Осенью 2004 года Кирилл Александрович сделал мне драгоценный подарок: текст мемуаров его отца, любовно и изящно переплетенный им самим. Многое зная об искусстве и жизни Александра Мартыновича, я с любопытством стал перелистывать страницы. Они поразили меня сразу же. Написанный отличным французским языком текст звучал очевидным рус-

¹ См.: *Магидович М. Александр Арнштам. Открытие // Новый мир искусства*. 1998. №4.

² Выставка состоялась в мае–июне 2000 в Русском музее.

ским эхом. Это не было переводом. Это было написано словно бы на двух языках сразу.

Написано с редкой и мощной простотой. Сухой и точной. Написано с редкой терпимостью и одновременно жесткостью суждений. А главное, с такой берущей за душу любовью к родным, к его «дорогой жене» (иначе он не называет ее), к детям, к жизни, ее драгоценным подробностям. И это ощущение истории, ее неизбежности, фатальности ее шагов, ее величия и уродства.

* * *

Вкратце жизнь Александра Арнштама до отъезда в конце 1921 за границу складывалась так. Родился в Москве, сын крупного коммерсанта, просвещенного и интеллигентного человека. С детских лет увлекался музыкой, театром, живописью: обучался игре на фортепиано и скрипке, участвовал в школьных спектаклях, с 16 лет занимался живописью в мастерской К.Юона. В 1901 уезжает в Берлин, занимается в Университете кайзера Вильгельма на химическом факультете, также изучает философию, анатомию, посещает лекции по истории искусства и истории музыки. Через два года Арнштам вернулся в Москву и поступил в университет на юридический факультет. В 1905 рисунки А.Арнштама были впервые опубликованы в редактировавшемся К.Чуковским сатирическом журнале «Сигнал». В 1905 художник уехал за границу, работал в Швейцарии, Франции. В Париже занимался живописью в академиях La Palette и Grande Chaumière. В 1907 вернулся в Россию и поселился в Петербурге. Здесь А.Арнштам много работал для издательства «Гриф», оформлял и иллюстрировал книги М.Волошина, Инн. Анненского; монографии, посвященные пьесам А.Чехова, театру В.Комиссаржевской; печатал рисунки в различных журналах; выставлялся в салоне «Графическое искусство», «Постоянная выставка современного искусства», салоне Добычиной, в 1915–1917 – участвовал во всех выставках «Мира искусства». После Октябрьской революции художник был приглашен в Государственное издательство для работы по оформлению книг. В 1919 он был арестован ВЧК и почти год провел в тюрьме на Шпалерной, затем – в московской Бутырской тюрьме и Покровском лагере. В конце 1921 А.Арнштам с семьей выехал в Берлин. Там он с большим успехом продолжил работу иллюстратора и портретиста. В 1928 художник впервые обратился к кинематографу – первоначально в качестве консультанта в фильмах на русскую тематику, а затем и как художник-постановщик, декоратор, художник по костюмам. При его участии в Германии создано 10 полнометражных фильмов³. После прихода к власти нацистов в 1933 Арнштам переехал в Париж, где работал до конца жизни.

* * *

Александр Арнштам – один из многих российских деятелей искусства, которым понадобилась отвага не только для того, чтобы пережить социальные потрясения, вынужденный отъезд из России, но и для того, чтобы принять отважную эстетику Новейшего времени и стать одним из ее создателей.

³ Подробнее см. в комментариях к тексту воспоминаний.

Он принадлежал к тому поколению, чье возмужание упало на поворот веков, чьи вкусы формировались в пору «канунов», «неслыханных перемен» и «невиданных мятежей» (Блок). Александр Мартынович Арнштам являл собою нечастый пример художника-интеллектуала, обладавшего не только эрудицией, но и широким ассоциативным мышлением по-европейски воспитанного интеллигента.

Художнику еще не исполнилось тридцати, а весьма требовательные, «модные», задававшие тон издания – в том числе и знаменитый журнал «Золотое руно» – заказывают ему графические работы, и рядом с классиками «Мира искусства» он трудится бесстрашно и успешно. Он мастер универсального толка (работа для театра и критические статьи о нем), участник многих выставок, в том числе и «Мира искусства». Целый номер посвятил ему известный журнал «Вершины»⁴. Оформление книг стихов Инн. Анненского и М.Волошина свидетельствует о тяготении художника к стилистике современной, но строгой, в которой отзвуки кубизма удачно синтезируются с классической традицией. Он счастливо женат, в его семье царят удивительное тепло, любовь, доверие; читатель почувствует это в тексте «Воспоминаний».

Революцию Арнштам, как многие интеллигенты, воспринял если и не восторженно, то трезво. Продолжал работать, делал примерно то же самое, что и прежде, даже отдал дань некоторой общественно-административной деятельности. Оформлял книги, делал издательские марки и даже, видимо, увлеченный примером многих своих коллег и общим энтузиазмом («площади наши палитры!»), сделал два панно для украшения Балтийского завода к первой годовщине революции.

Арнштам – художник петербургского склада. Его творческая жизнь вовсе не свидетельствует о последовательном консерватизме. Но «современность» он понимал более всего как суровое ощущение динамики стремительно несущихся часов и лет, а не как угодение моде.

Сначала революция не показалась ему опасной. Человек широких и свободных взглядов, он воспринимал перемены вокруг и в собственной жизни иронично и спокойно. Об этом он пишет в первой части воспоминаний:

Как раз в эту пору царь Всея Руси (со времен Ивана Грозного до Николая II – триста лет) заменен молодым адвокатом, бонвиваном и шармером, разумеется, и блистательным говоруном, который водворился в Зимнем дворце, в той же кровати, что и Николай II. <...> он ораторствует двадцать четыре часа в сутки с успехом примабалерины перед мещанами; он воюет против «белых», которые хотят его сместить, и против большевиков, которые хотят того же <...>. Время большевиков наступило. <...> Однажды, когда я вернулся домой, жена говорит мне: «Звонили из Смольного. – Как? Из Смольного? – Вы можете туда позвонить, вот номер и фамилия».

Ах, вот как, очень мило, не слишком успокаивающе. Не понимаю. Словом, звоню.

«Да, товарищ, начальника охраны предупредили, чтобы он вас пропустил. – Хорошо». <...> Смольный. Забавно, тревожно.

⁴ См.: Вершины. 1915. №31/32.

Смольный. Живописное зрелище. Охрана, часовые, толпа, люди сидят на земле, солдаты, сапоги, винтовки, плевки, коридоры, залы. <...>

– Налево, четвертая дверь, Государственное издательство.

Все спорят, громко говорят все вместе, можно оглохнуть.

Курят, кричат, хохочут...

– Здравствуйте, товарищ. Вот стул. Мы спешим, начнем с Романа Роллана, «Кола Брюньон», вот книжка. Читайте! – На следующей неделе? – Договорились!

И при новой власти у Арнштама есть заказы, его знают, у него самый достойный круг знакомств – Чуковский, Евреинов, Пуни, Добужинский. Он успел немало сделать в те трудные и смутные годы. С легкой иронией спустя много лет художник вспоминал: «Я выбран (вместе с пятью другими именитыми графиками), чтобы создать эмблему, печать для Верховного Совета РСФСР. Среди художников, кажется, были Чехонин, Пуни, Митрохин... и я».

А зимой 1919 его арестовали. Мало кто с таким достоинством и иронией писал о проведенных в заключении месяцах⁵. Это не похвальба, не желание казаться храбрым, но мудрость европейца и выдержка джентльмена. От сухой простоты его прозы сжимается горло, его восхищение выдержкой родных и друзей выражено с блеском истинного литературного дара. Вот вспоминает он о своем тесте Адольфе Самуиловиче Мордуховиче:

...худощав, прекрасные волосы, небольшие усы, заостренная борода в стиле Наполеона III. Канотье, светло-бежевый плащ, бежевые перчатки, зонтик на левой руке. Отлично говорит по-английски, по-французски и на других языках, – достаточно, чтобы путешествовать за границей. У него была в Петербурге большая морская контора, он занимался организацией погрузки и разгрузки иностранных судов в Финском заливе, в Петербургском порту. <...> Семь месяцев в году он давал работу значительной команде крестьян, рабочих, опытных докеров. И как в былые времена люди из высшего общества, – всегда очень элегантен – костюмы и прочее – из Лондона. Рубашки посылались в стирку в Лондон: «Там гладят лучше, чем в Санкт-Петербурге!»

<...>Я однажды встретил его в Бутырках. Он сказал: «Вот посмотри, что я делаю (он сидел перед печкой). Берешь селедку, заворачиваешь ее в толстый слой мокрой газеты, кладешь в печь на угли, и когда мокрая газета истлеет, ты увидишь, что селедка изысканнейшим образом поджарится. Я часто делаю так здесь, племянница мне их присылает. Советую и тебе...»⁶

Девять месяцев, проведенные Александром Мартыновичем в тюрьмах Петрограда и Москвы, перечеркнули всякие надежды на продолжение творческой работы в России. Он уехал 22 ноября 1921.

⁵ Перевод отрывка из воспоминаний, где Арнштам описывает свой арест и пребывание в тюрьме, опубл.: Нева (СПб.). 2006. №2. С.172-192.

⁶ Там же. С.190.

Его судьба отчетливо и едва ли зависимо от него самого поделилась на три части: Россия, Германия, Франция. Как многие эмигранты «первой волны», жил сначала в Берлине, в этой «мачехе российских городов» (Ходасевич), после прихода к власти Гитлера уехал в Париж. Европейец и свободный человек, Арнштам не воспринимал себя эмигрантом. Он сделал свой выбор – жил и работал там, где полагал возможным и достойным работать и жить в определенной исторической обстановке. К тому же он знал и понимал Европу – до революции там и учился, и жил, отлично знал языки, и чужбиной она ему не была и не стала.

Но этот выбор был вынужденным. И невероятно тяжелым. Александр Мартынович почти не говорит об этом, но это ощутимо в интонациях воспоминаний, в ритме прозы, в скупых суждениях. Россия оставалась для него родной. Он так много мог бы для нее сделать. Он вернулся к работе, много рисовал. А перед отъездом сам Станиславский предлагал ему сотрудничество⁷.

В Берлине начала 1920-х русская культурная жизнь была хоть и призрачной, да и достаточно недолговечной (через несколько лет «русский Берлин» заметно померк), но едва ли не более бурной, нежели в Москве или Петрограде. Тогда казалось, здесь продолжает естественным образом существовать русская культура. Действовало около тридцати издательств, выходило много русских книг, и они покупались. Работа для хорошего «книжного» художника всегда находилась.

Арнштам много и плодотворно работал и для кино, его чувство стиля, вкус к линии, способной выразить характер и ритмы времени, сделали его известным и востребованным мастером в этой новой области изобразительного искусства. Время он чувствует поразительно и обладает даром увидеть его с огромной дистанции, в некоей перспективе, словно бы из далекого будущего.

Приехав в Париж, он имел уже репутацию художника, знающего работу в кино и в ней преуспевшего. Хотя и как художник книги он был быстро признан во Франции и заказами обойден не был.

Кино действительно многое дало Арнштаму. Странно, но во вполне, кажется, элегических и традиционных по мотиву пейзажах Пале-Руаяля эта острота киноракурсов, резкое укрупнение аксессуаров первого плана придают тонкий и тревожный оттенок современности знакомым мотивам. Есть

⁷ Об этом Арнштам пишет в первой части воспоминаний:

...осенью 1922 года. Огромное событие: встреча со Станиславским в Художественном театре. Неслыханный шанс! Сделать декорации и костюмы для новой испанской пьесы в прославленном московском театре. <...> Приехал. Я думал, администратор приведет меня в приемную или в кабинет режиссера... Вхожу (какой удар!) в большой зал. Зеленый ковер. Вся труппа занята «репетицией за столом». Все встают. Станиславский, высокий, посеребренная чернь волос, густые черные ресницы, лучезарная улыбка, протягивает мне руку и представляет меня каждому из этих знаменитых актеров и актрис. Какие имена, какие глаза на меня смотрят. (Хотел бы я видеть себя в тот момент!) Меня приглашают сесть, и чтение продолжается. <...> Станиславский назначил мне следующее свидание.

что-то от киновосприятия даже в простом рисунке, изображающем садовые стулья, скачающие в опустевшем саду, стулья, сохранившие свою нехитрую, но по-парижски франтоватую стать еще со времен Мопассана.

Истинной лебединой песней художника стала работа над балетом «Нана» по знаменитому роману Эмиля Золя, премьера которого состоялась в Страсбурге в 1962. Александр Арнштам придумал весь балет – от либретто до костюмов и декораций (музыку написал Анри Томази). Работал над ним с удивительной увлеченностью. В этом замысле реализовалась и его театральность, и отточенная киноспособность к неожиданным ракурсам, и любовь к Франции и ее культуре, глубокое понимание Золя, умение увидеть Париж минувшего века.

Талантливый мастер никогда не успевает сделать все, на что способен. Арнштам мало написал картин, а его дар станковиста был серьезен и глубоко индивидуален. Он обладал способностью писать сильно и немногословно, не случайно и его позднее обращение к абстракции – концентрированным выражению независимой автономной живописи.

Питомец мирискуснических традиций, он стал мастером универсального толка. Масштаб его творчества еще предстоит оценить. Сказать, что он был русским, или немецким, или французским художником, было бы непрофессионально. Он был истинным европейцем, постоянно ощущавшим свою русскую укорененность, родные истоки питали его, но никогда не был он покорным данником художественной ностальгии.

Судьба и искусство Александра Арнштама наконец возвращаются русской культуре. Я благодарен за это Марине Леонидовне Магидович, которая, надеюсь, со временем напишет большую книгу о художнике Арнштаме, и моему дорогому другу Кириллу Александровичу Арнштаму, чье благоговейное отношение к отцу и добрая воля так много значили для этого возвращения.

Ниже публикуется вторая часть «Воспоминаний» А.М.Арнштама, которая относится к его жизни в эмиграции.

* * *

<...>

Латвийское посольство в Москве¹. «Да, сударь, ваш тесть² все приготовил для вас, ваши латвийские паспорта будут готовы через несколько дней, мы вам сообщим. – Спасибо, господин посол». Я выхожу. Я уже не чувствую себя вполне москвичом. Другая шкура. Наполовину. Забавно. Глупо. Раздвоение.

Прошло несколько дней. Поздно вечером к нам в дверь постучали. Хорошо одетый человек. «Входите, гражданин! – Господин А.? – А, да-да, извините меня, сударь! Ничего, это естественно, я – латвийский консул, я пришел предупредить вас, что вы уезжаете завтра в такое-то время. – Сударь, это действительно слишком любезно с вашей стороны прийти самому... – Я живу рядом с вами, не благодарите, я спешу. Счастливого пути!» Какая драгоценная семья, Латвия делегировала самого консула. Ничего себе! Здорово, не так ли?

Перед нашим отъездом из Москвы я нанес еще один визит – руководителю Государственного издательства³. Я «застенчиво» попросил дать нам, если возможно, машину, чтобы отвести нас на Смоленский вокзал.

«Ну конечно же, товарищ, я пришлю вам машину, к какому времени? – Возвращайтесь, пишите». Похлопал меня по плечу: «Итак, в добрый путь!»

В купе 2 класса нас ожидает молодой человек, служащий посольства: «Я провожу вас до границы, и там вы получите ваши латвийские паспорта».

До чего же мы драгоценные персоны.

Мирная дорога, обычные разговоры. Бутерброды, приготовленные моей милой женой⁴, молодой человек принял с удовольствием.

Не помню, сколько километров до границы, какой город, но помню, что сдаю наши советские паспорта в обмен на маленькие книжечки на незнакомом языке.

«Спасибо. Доброго пути!».

Забавно, с этими паспортами в кармане я чувствую что-то фальшивое, словно бы я – не я, какое-то раздвоение, но ведь это как-то понемногу уладится...

К тому же, хоть это забавно, но объяснимо.

Утром наш паровоз, тяжело дыша, возобновляет свой так-тра-так и горделиво (поскольку везет нас) въезжает под стеклянный свод вокзала Риги, столицы Латвии и порта в Рижском заливе.

Звуки голосов на перроне, – смесь латышской, русской, немецкой речи. Конечно же, кто ждет нас у выхода с платформы? Наш багаж – в камере хранения. Снаружи: дома, извозчики, церкви – все это выглядит по-европейски. Пешком, здесь совсем недалеко, маленькая прогулка до дома Терезы – моей старшей сестры. Муж Терезы, доктор Макс Вендель – хозяин этого солидного дома. Семья: трое сыновей, одна дочка. Мы в их огромной квартире. Маленький матрас на двух сдвинутых креслах. Маленький Кирилл⁵ в ночной рубашке – в объятиях матери. Сколько месяцев были они в разлуке? Детали в другой раз.

<...>

Продолжаю. После завтрака в 2 часа мы собрались в большой гостиной. Я попросил сестру что-нибудь нам спеть.

У нее драматическое меццо-сопрано, и она сама аккомпанирует себе на нашем рояле «Gebaueg». Я говорю «наш рояль», так как мои родители прислали его из Москвы сестре в качестве свадебного подарка. Рояль нашего детства и нашего отрочества. Мы играли недурно, недурно. Дуэты, трио etc. со скрипкой.

Она пела:

Still wie die Nacht
Tief wie das Meer
Oh – Mensch
Muss deine Liebe sein
etc..

(Schubert)*

Она пела это еще в Москве, когда мне было одиннадцать или двенадцать лет.

Какие воспоминания...**

Совсем рядом с их домом доктор приготовил для нас в гостинице «Де Комерс» три комнаты. Гостиница была напротив вокзала.

Три комнаты, одна для меня и жены, гостиная и комната для детей.

Не слишком шикарна эта псевдоевропейская жизнь? Нет «товарищей», нет «граждан» – повсюду «дамы и господа». Впрочем, должен в скобках заметить, что эта Европа длилась недолго. Через девятнадцать лет все было кончено. Латвия стала «Советской Социалистической Латвийской республикой». Не будем об этом.

Шел конец октября, иными словами, – зима, и было холодно. Отель обогревался весьма скромно! Но какое это имело значение, когда вокруг были «дамы и господа»...

На следующий день мы прочли в газете, что художник А.А. приехал из Москвы с семьей. Они направятся затем в Наугейм в Германии, чтобы продолжить лечение⁶. Разве не мило?

Время, однако, шло: прогулки по латвийскому снегу, кофе с молоком и сахаром (вы помните о кипятке с сахарином в России?) хорошо отапливаемые здания, кино, одеколон №4711, Опера, ночные кафе.

Эта латвийская жизнь длилась до ноября. Ждали виз, о которых хлопотал Макс⁷ в Берлине, равно как и о каких-то средствах...

И я помню: 22 ноября 1921⁸ года мы уехали в Берлин.

* * *

Берлин. Вот она, страна сосисок, гортанных голосов, семейных пансионеров с ванными и чистыми ватерклозетами и клопами в кроватях, а также страна Гёте, Шиллера, Ницше, Шумана, Шуберта, Баха, Гитлера (простите!), Вагнера, Гольбейна и многих других... нацистов.

* Тиха ночь / Глубокая, как море / О, человек / Должен стать твоей любовью (нем.).

** Мою сестру часто приглашали участвовать в конкурсах, благотворительных вечерах, она там бывала и как Ehrendame, или почетная гостья. – Примеч. автора.

Берлин. Какой контраст с тем временем, когда я был студентом философии, приехавшим из Москвы в Берлинский университет кайзера Вильгельма⁹.

Унтер-ден-Линден... Тогда в этих улицах, где уже воздух был хмельным, насыщенным запахом сигар, пива, влажных мостовых и фиакров... Это было в 1901.

И потом эта атмосфера улиц, где с наступлением вечера загорался красноватый свет, офицеры с усами à la Вильгельм II, и полицейские с усами à la Вильгельм II, и открытые всю ночь кафе «Eintritt frei»*, и типичные песенки на улицах...

А нынче, после войны 1914 года, после германской революции, которые стерли и изменили физиономии и цвета, Берлин приобрел внешность равномерно серую и печальную, при полном расцвете инфляции немецкой валюты.

Чтобы купить что-то, ждали вечера, когда поднимался доллар, и считали только со множеством нулей, на миллионы... Инфляция.

Первый адрес по приезде в Берлин (квартиру приготовил мой тесть неподалеку от себя) был – Мотцштрассе, 37. Пансион Хагер. Герр Хагер и фрау. Светловолосые. Консьерж толстый и рыжий.

Три комнаты: большая для Жоржа¹⁰ и Гарика¹¹ (пятнадцать и одиннадцать лет), маленькая – для меня, третья – для моей жены, Кирилла и меня.

Утром кофе с молоком, ломтики колбасы, козьего и иного сыра, розочки масла, сахар кусочками, белый хлеб.

Не так уж плохо для начала, а?

На следующий день я принялся наводить справки. Здесь было несколько влиятельных русских издателей-эмигрантов¹². Мне сказали, что издавали они много. Я обошел их с визитами: «А! Арнштам, вы здесь, надолго ли? Вы не уедете? Ну, это превосходно!»

И вот я уже за немецким столом, в немецком пансионе, склонившись над своим планшетом, делаю свою обложку – первую: Алексей Толстой, роман.

Уже мне звонят по телефону, все «газует», словно по скользким берлинским мостовым.

Прочие издательства быстро узнали, что я на месте.

Ежемесячник «Новая русская книга» попросил разрешения опубликовать мою биографию¹³ с берлинским адресом, как делалось это для всех прибывающих – для писателей, романистов, художников, ученых, профессоров...

У меня были ученики по рисованию¹⁴ (я этого не любил). Одна из них была девица четырнадцати-пятнадцати лет, Тото Познер¹⁵ (которая впоследствии стала монтажницей кино в Париже).

* «Вход свободный» (нем.).

Я снимал на той же Мотцштрассе большое ателье, где не было электричества! До полудня зимой работали при свечах (нечто вроде обеда при свечах), приходили десять-одиннадцать девушек. И еще один молодой человек, Олег Цингер¹⁶, которого послал ко мне профессор Пастернак (отец поэта). Этот Олег Цингер позднее стал художником в Париже.

Затем, я с моим другом (из Санкт-Петербурга) Евгением Грюнбергом¹⁷ основал издательство книг по искусству – Academia Verlag¹⁸, где я стал художественным, а он коммерческим директором. Издательство финансировалось моим зятем Максом. Я начал с издания книги «Московия XVII-го века» Г.Лукомского¹⁹, затем «Алхимия театра» С.Вермеля²⁰, «Театр, как таковой» Н.Евреинова, – все эти книги с моим графическим оформлением (фронтиспис книги Евреинова был куплен в Америке в 1966).

Затем, мне предложили оформить целую серию балетов²¹ – декорации и костюмы – для большого зала Глория-палас – с С.Вермелем.

Затем, я был приглашен берлинским ежедневником «BZ am Mittag»²² рисовать «репортажные портреты» с натуры во время премьер главных драматических и оперных спектаклей.

В Германии это называлось Presse-Zeichner (художник-репортер?), и кроме того я стал членом Федерации Presse-Zeichner'ов в Германии.

Затем, большая выставка Presse-Zeichner'ов в Берлине, где я показал дюжину моих рисунков (театральные работы). Критики в газетах подчеркивали, я хорошо это помню, «изысканный штрих» в портретах «господина профессора А.».

Затем... Еще не все с этими «затем»?

Чрезвычайно интенсивная работа для театра: «Schall und Rauch»*, декорации для пьесы, кажется, «Die Fürstin und ihr Diener»** (что-то вроде этого), в постановке Жоржа Альмана в театре Унтер-ден-Линден²³.

Затем, в Доме книги²⁴ (Германия–СССР) после отъезда поэта Минского²⁵ в Париж я был избран президентом. Мы устраивали литературные и музыкальные вечера. Я принимал там советских писателей. Илью Эренбурга и других персонажей.

Затем (на самом деле!), я был избран председателем <общества> русских художников в Берлине²⁶ и организовал большой благотворительный бал в пользу русских художников в самом шикарном берлинском отеле «Адлон»²⁷.

* «Шум и хмель» (нем.).

** «Княгиня и ее слуга» (нем.).

Присутствовал весь берлинский шоу-бизнес со множеством номеров. Впервые присутствовали на подобном публичном вечере представители советского посольства. Все газеты выражали восхищение.

Затем, мне предложили показать мои графические работы на большой выставке, привезенной из СССР в Берлин²⁸. Насколько я понял, Россия все еще воспринимала меня как своего²⁹. Естественно, я послал несколько своих картонов.

Затем, я был приглашен самым большим немецким кинематографическим обществом UFA, где я стал *Nett Professor* (господину профессору), «весьма востребованным и почитаемым»: художественным консультантом – декорации, костюмы во многих выдающихся фильмах UFA, поставленных величайшими режиссерами времени – Джо<э> Май, Курт Бернхардт, Учицкий, Людвиг Бергер, Адольф Трощ, <Рольф> Рандольф etc., а также и в других объединениях: Terra Films, Gotchalk Films³⁰ и прочих³¹.

Мое имя стало «коммерческим». Иногда меня объявляли на афишах как *Künstlerisch Oberleitung**, иными словами – художественно-го руководителя ... Что ж, неплохо.

Затем, я сделал множество портретов: немецкие дамы, русские дамы, писатели, художники, музыканты, режиссеры etc., черно-белые, гуаши, большого формата. Портрет жены (маслом – 1,8 м в высоту). На бледном серо-голубом фоне в черной шубе из калана (морская выдра), маленькая черная шапочка, серые туфли.

Кирилл сделал натюрморт с бананом (пастель). Он подписался «Пикассо».

Если я забыл еще несколько «затем», то это вполне вероятно и не важно.

Все эти «затем» из разных времен, равно как и из разных мест.

После пансиона Хагер – квартира на Кайзер-аллее, 169, где мы оставались долго. После этого семейный пансион фрау Шёнеманн, снова на Мотцштрассе, и последняя квартира: Бамбергштрассе – огромное помещение. Да, последнее обиталище перед тем, как началась новая «кочевая жизнь»...

Некогда Кайзер-аллее была самой живописной улицей в нашей берлинской жизни (с 1922 до конца 1933). Мы оставались здесь несколько лет, шесть или семь, – случались и подъемы и спады. Подъемы – моральные, спады – финансовые. Был владелец прачечной,

* Дословно – наблюдателя (нем.).

герр Титц в форменной фуражке своего заведения, в котором он исполнял и обязанности посыльного. Он являлся к нам каждую неделю за бельем, и когда сумма счета становилась достаточно велика, он просто говорил: «Schaun sie mal zu», что значило примерно: «Давайте посмотрим в следующий раз...». Он говорил это застенчиво, глядя в сторону. Без юмора и симпатичных людей жить невозможно.

Широкий проспект, двухэтажные автобусы, широкие тротуары.

Кайзер-аллее, 169. Большой дом, вход, очень берлинский, украшенный деревянной резьбой, консьержка, тучная, вечно большая дама. Вторая большая дверь, мощный плиткой двор, лужайка, дерево... в глубине, на первом этаже направо.

Передняя, направо кухня, потом большое окно, маленькая дверь в комнатку длиной с железную кровать, школьный пюпитр, купленный моей женой, – комната Кирилла.

В том же коридоре направо – наша комната в два окна, письменный стол, две деревянные кровати, зеркальный шкаф и т. д. Дальше в том же коридоре – комната Жоржа и Гарика, окно, стол и пр., и столовая – диван, буфет, ковер, кресло, телефон, пианино, маленькая веранда, три ступени – сад – Garten...

Отсюда и повели мы – то лучше, то хуже – нашу семи-восьмилетнюю берлинскую битву. Моей жене вести хозяйство помогала горничная Куни – высокая, светловолосая, уродливая... но – хорошая.

Все это время главной нашей заботой было решение проблемы с устройством образования Жоржа и Гарика. Трудно решить это в нашей жизни странников; дети подрастают и т. д. В общем, решилось это так: Жоржу – учитель русского и учитель немецкого. Экзамен в немецкий лицей (Gymnasium). Экзамен в консерваторию: приняли хорошо, но бросил. И снова – учитель, затем работа на табачной фабрике в отделе оформления. Неплохой заработок (в доме – полно сигарет).

Страстное увлечение «синкопированными ритмами», взял на прокат набор барабанов и вдруг ни с того, ни с сего становится барабанщиком в джаз-оркестре. Ему платят, когда он играет в кафе или в ресторане. Все эти разнообразные занятия, к счастью, длились недолго.

Благодаря друзьям-кинематографистам мне удалось ввести Жоржа в кинематографическое общество UFA в качестве ассистента оператора (оператор-постановщик – Ритау). Жорж работает с увлечением, ему это нравится, он продвигается вперед, нередко он – второй оператор на съемках полнометражных фильмов. Путешествия в Польшу, в Ниццу. Работа с другими операторами: Топорков³², Планер³³... Кинематография становится его истинной профессией, которой он остался верен на всю жизнь.

Гарик (Игорь) – те же учителя русского и немецкого языков. Экзамен в русскую *Gymnasium*, затем работа вместе с Жоржем на табачной фабрике. Забавная это история. И дает уроки тенниса.

В конце концов он поступил в мастерскую архитектора Кляйна, весьма в Германии известного. Гарик хорошо работает. Кляйн начинает им заниматься. Он принимает молодого ученика в свою команду. Гарик начинает выполнять проекты, планы для больших архитектурных конкурсов, кажется, для Чехословакии. Гарик остается у Кляйна, если я не ошибаюсь, шесть или семь лет. Это действительно его ремесло. И вот затем кочевая жизнь разрушает эту прекрасную профессию. Он должен был бы продолжать все это, но, приехав во Францию, пришлось все начинать заново, получать диплом, сдавать экзамены – на бакалавра, то тут, то там. Он приехал во Францию в 1936 – и пожалуйте. Печально! Печально! Но он стал рисовальщиком – весьма востребованным.

Кирилл (Сириль) – так сказать, проблем поменьше. Возраст? Как раз, чтобы начать заниматься с учителем, молодым русским (игравшим на скрипке), хорошо зная немецкий и т. д.

Затем моя жена отвела Кирилла в немецкую школу – *Volks-Schule*, его приняли в класс в соответствии с его возрастом. Все в порядке. Хороший ученик. Быстро приспособился к немецкому языку. Все «нормализуется». Он становится прелестным маленьким немцем в красной фуражке с лакированным козырьком, которую он надевает, отправляясь в лицей.

Забыл! На Кайзер-аллее, на чердаке, у меня была маленькая мастерская – вся белая. Я много работал там: большой портрет моей жены, ню, натюрморты... и афиши.

Вспоминаю маленькую историю. У семьи Познеров³⁴ на празднике...

Не помню, как это началось, но Кирилл (ему пять или шесть лет) в балетной пачке, сшитой матерью, переодет танцовщицей и танцует поразительный классический танец (под граммофон), как настоящий ученик балетных классов в Опера. Настоящий классический балет (он однажды видел балетный спектакль!).

Помню, это было что-то удивительное, «сомнамбулическое». Закончив танец, он бросился в объятия матери, кажется, в слезах... Я отметил это, поскольку все это было неожиданным и запоминающимся. Никто ничего не понял...

Среди прочих анекдотов вот один, действительно характерный.

Выйдя после уроков, Кирилл, захватив мел, стал рисовать на плитках широкого тротуара перед школой... для своих соучеников. Один из учителей, выходявший в этот момент из школы, увидев, что ма-

ленький Кирилл рисует на улице, сказал: «Что это ты здесь играешь, иди домой!». Кирилл отвечал: «Я не играю, я работаю».

Мальчики пятнадцати-шестнадцати лет из той же школы, белокурые и улыбающиеся, пришли к нам, чтобы попросить разрешения для Кирилла вступить в их группу *Vibelkreise*, то есть немецких скаутов, опирающихся на идеи протестантской религии. Собрания, поездки, лагеря, долгие походы и т. д. Кирилл быстро и хорошо вошел в их круг. Доволен многочисленными друзьями и не пропускает ни одного собрания.

Еще маленький анекдот, значительно более старый, ему пять с половиной лет. Как я уже упоминал, Кирилл рисовал как одержимый. Его рисунки совершенно не походили на детские. Что-то совершенно индивидуальное, разнообразные сюжеты – мужчины, женщины всех наций, чаще мужчины – негры, индейцы, китайцы, экзотические, смешные, танцы. Спорт, самые разные виды спорта и т. д. Мне в голову пришла забавная идея пойти к главному редактору издательского концерна *Ullstein Verlag* (некто вроде парижского *Galimard*), для которого я много работал (театральные зарисовки, рисунки для их журнала «*Querschnitt*»³⁵ и т. д.)

Главный редактор доктор Фальк принял меня как обычно, и я сказал ему: «На этот раз, *Heiß Doktor*, я пришел к вам по иному делу. Я познакомился с одним художником, приехавшим из Голландии, который мне кажется очень интересным, в Германии он впервые, по-немецки не говорит, поэтому я пришел один, чтобы показать вам, если вы позволите, рисунки, которые я принес в этой папке».

Неторопливо просматривая эти большие листы, он сказал мне, что и в самом деле «в них кое-что есть»... «Да, почему бы и нет, я не прочь купить некоторые рисунки», – и назначил мне свидание, чтобы познакомиться с этим голландцем, в один из дней на следующей неделе.

В назначенный день дежурный редакции пригласил меня войти. Я вошел к редактору с Кириллом, с прической «Жанна д'Арк», в матросском костюмчике, белых носках, лакированных туфлях. Во взгляде главного редактора некоторое удивление, замешательство, легкая улыбка суховатой вежливости:

– *Guten Morgen, Herr Professor*, сегодня у меня не слишком много времени.

– Но вы, *Heiß Doktor*, вы назначили мне сегодня встречу.

– Ну да, *Herr Professor*, но я не совсем понимаю...

– Но, *Heiß Doktor*, вы же хотели познакомиться с автором рисунков, которые вы на днях видели...

Секретарша смущенно заулыбалась, глядя на нас: она начинала понимать что-то...

– Herr Professor, разумеется, я ждал вас именно для этого...

– Именно, Herr Doktor, я и пришел, чтобы вам представить...

– Herr Professor, я отношусь к вам с глубоким уважением, но право же, я...

Секретарша очень ласково улыбнулась и сказала ему что-то.

Ситуация становилась забавной. Он слегка улыбнулся. Вышел и вернулся с двумя сотрудниками...

– Herr Professor, я почти разгадал вашу милую шутку. Хорошо. Но позвольте провести небольшой опыт, маленькую проверку, прошу меня простить...

– Малыш, подойди сюда, садись. Вот кресло за моим столом. Оно не слишком высокое? Вот карандаши, вот бумага – сколько хочешь, устраивает? Нарисуй мне, мой милый, каких-нибудь спортсменов, ладно, или что захочешь. Хорошо? Мы оставим тебя одного, пока...

Очень скоро мы вернулись. Кирилл был погружен в работу за большим письменным столом.

Господин Фальк был ошеломлен... Это была победа! Мы смеялись, обсуждали случившееся.

Один из этих журналистов взял Кирилла за руку и провел его по всем комнатам и отделам издательства. Это была сенсация.

И это было началом «художественной карьеры» в Германии Кирилла (названного голландцем), в возрасте пяти или шести лет.

Результат таков: множество рисунков для нашего ежемесячника «Querschnitt». Позднее большая ежедневная газета в разворот: рисунки, статьи, фотографии. Из нее просили по телефону рисунки. Сюжеты: спорт, теннис, футбол. Фотографы из Keystone – международного агентства³⁶ – приходят, чтобы его снять. За его рисунки платят – по такому же тарифу, как мой, – почти 25 марок за колонку, как «отхватывает» его отец.

Большая статья в ежедневной рижской газете «Слово», написанная романистом Виктором Ирецким³⁷, названная «Кира»³⁸ (уменьшительное от Кирилл).

* * *

Несколько воспоминаний о нашей «общественной» жизни на Кайзер-аллее.

Несколько друзей. Писатель Виктор Ирецкий у нас почти каждый вечер, часто обедает, завтракает и пр., – большой почитатель таланта Кирилла. Его жена, профессор Бразильского университета, с сыном³⁹.

Ирецкий часто читал у нас рукописи перед тем, как отдавать их в типографию. Мы обсуждали их, ему очень нравились суждения моей жены.

В фильмах, в работе над которыми я принимал участие, я нередко добывал ему работу статиста. Также и для Нелли, Марсель, Долли, Арнольда⁴⁰. Им очень нравились эти роли статистов⁴¹.

Актер Г.Серов, поразительный артист огромного комического дарования. В Париже, после его дебюта у Дюллена⁴² в «Вольпоне»⁴³ (как мне кажется), среди блестящих откликов в газетах – в газете «Lu» текст открывался большим заголовком: «Grock – Charlot – Segov»⁴⁴. На съемках фильма в Париже он простудился и умер, совсем молодым, тридцати трех лет, кажется, «на сцене»⁴⁵.

Советские, приезжавшие в Берлин, всегда нас навещали. Комиссар Ионов⁴⁶ из Государственного издательства настойчиво предлагал мне «вернуться в Ленинград», но моя жизнь уже шла иным путем.

«Советские» Зозуля⁴⁷, Кольцов (Ефимов)⁴⁸ писали в моем большом альбоме: «Мы хотим, чтобы вся семья А. вернулась в Москву» и т. д. Очень жаль, что этого знаменитого альбома с таким количеством автографов, рисунков, сувениров, не существует более!

Я забыл о Шкловском – писателе. Знаменитый советский писатель Федин, чей портрет (случайно) остался до сих пор у меня. И поэт Венус⁴⁹ – его портрет тоже сохранился. К нам часто приходил журналист А.Бродский⁵⁰ с женой Натали. Однажды Бродский свел меня в советское посольство (на Унтер-ден-Линден), где был тогда Луначарский (нарком просвещения СССР*): «Итак, Арнштам, вы все еще здесь и вам это нравится?»

Эта короткая фраза прозвучала упреком. Ладно.

Что еще? Да, писатель Осип Дымов⁵¹ со своей дочерью, приехавшей из Америки. Я сделал портрет молодой Изы – масло на холсте.

Писатель Ремизов, его портрет сохранился. Ольга Пыжова⁵² – актриса театра Станиславского.

Бирс из театра «Летучая мышь»⁵³, архитектор И.Вольпе... Кто еще?

Жена писателя Амфитеатрова⁵⁴; журналист Гидони⁵⁵, индийский поэт, которого я едва не забыл, по имени Сураварди⁵⁶. А имя друга Серова было Тамиров, впоследствии голливудская звезда: Аким Тамиров⁵⁷.

Немало новых знакомств относятся к эпохе пансиона Хагер. Хозяин издательства «Огоньки», где я много работал: Сапсай. Он довел мне художественное руководство.

* * *

Я должен продолжать воспоминания. Начав, это надо сделать! И если я и забыл некоторые эпизоды, забавные встречи, это неважно. Время идет своим чередом: 1928, 1929, 1930, 1931...

* У Арнштама – «министр национального просвещения СССР». – Публ.

Чего ради уехали мы с Кайзер-аллее? Думаю, Frau Гевисс, владелице, потребовалась квартира. Очень возможно. Итак, переезжаем, никаких сложностей для профессиональных странников, не так ли? В ожидании мы жили в семейном пансионе Frau Шёнemann. Потом нашли прелестную квартиру на Бамбергштрассе, Еске* Грюневальдштрассе около Байериш Плац. На углу – большое кафе: Румпельмайер.

Лифт, четвертый этаж, большая столовая, налево – моя комната, телефон, комната мальчиков, наша комната в два окна, короче говоря – все современные удобства. Чего еще желать? Консьерж – явный коммунист, но по мере приближения гитлеризма ото дня ко дню становится добрым нацистом и насвистывает гитлеровский гимн. У него есть «основания» сменить мотив, поскольку эпоха Гитлера приближается... большими шагами. Помню, я зашел, как часто бывало, в библиотеку Музея принца Альберта. У входа я увидел двух торчащих там эсэсовцев, другие приближались, выходили из автомобилей, выстраивались, вскидывали правые руки и рычали «Heil Hitler», и «Шут»** быстро вошел в музей с поднятой рукой. Несколько прохожих сбились в толпу: «Ха-ха-ха, что за комедия, Bei uns in Deutschland, Kommt nicht in Frage! – Никогда ничего такого не случится у нас в Германии!»

И тем не менее, это началось. В витринах некоторых магазинов плакаты, на одних – «Jude», на других – «Мы не хотим здесь иностранцев!».

Утром скандируют на улицах песни под стук башмаков S.A.⁵⁸ по мостовой. Этим воздухом становится трудно дышать, это – мешает.

Помню: 1 мая. С кинематографистом Doktor'ом Ронштайном сижу в кафе у выходящего на Кохштрассе окна, как раз напротив UFA, и мы смотрим на то, как четко проходит парад молодых людей и учеников Treitchke Schule⁵⁹, и среди молодых: Herr Kirill! Ara! Мой дорогой сынишка, скоро уже и Hitlerjugend, и руки поднимут и закричат – «Heil Hitler»!

Все это очень тревожно, надо же смотреть хоть немного вперед! Здесь, во всяком случае, в некоторых магазинах уже не обслуживают иностранцев.

Я работаю над фильмом «Todt über Shanghai»⁶⁰, делаю афишу к этому фильму и т. д. Жизнь на Бамбергштрассе... тянется кое-как, спотыкаясь.

Жорж с некоторых пор работает во Франции. Гаррик? Все еще, как мне кажется, у архитектора Кляйна. Кирилл? Расстояние до Treitchke Schule еще больше, чем от Кайзер-аллее.

* На углу (нем.).

** Автор имеет в виду Гитлера. – Публ.

Назовите это как вам угодно: судьба, рок... но никак не случай, не нечаянная удача, нечто большее, что-то вроде... Да. Моя жена объяснила бы это лучше меня.

Короче говоря, в эти мрачные, темные времена, когда все было неопределенным и опасным, когда все было зыбким, а будущее Германии – черным, я получил предложение принять участие в работе над фильмом⁶¹, для чего надо было на некоторое время уехать в Испанию с режиссером Адольфом Троцем (с которым я делал «Распутина» и другие картины). Он уезжал в Барселону, чтобы обсудить детали с испанским продюсером. Его жена оставалась в Берлине, а я ожидал телеграммы, чтобы уехать. В ожидании я работал с ней над сценарием этого фильма в кабинете Троца (у него было место у Doktor-Doktor'a А.Фрайа, одного из «асов» юриспруденции. Дважды доктор, хотел сказать, – у него два диплома и аттестат профессора.)

* * *

День моего отъезда в Испанию назначен.

Мы двенадцать лет прожили в Германии. Почему, почему, чего ради мы уезжаем?

У жизни свои фантазии.

У меня, однако, не было впечатления, что я навсегда покидаю Германию. Путешествие как любое другое: фильм, перемена мест, возмещение расходов. Но все же это было нечто иное, я действительно почувствовал это – уже в поезде.

Моя жена не хотела оставаться, к тому же она беспокоилась за Кирилла. Не хотела оставаться одна, и т. д.

Было решено, что она уедет в тот же вечер (аванс за работу над фильмом и на поездку – в кармане...), – она с Кириллом в Париж, я – в Испанию. Невесело, не так ли! Гарик оставался в ожидании, не помню точно по какой причине, но ненадолго.

Да, подлинно кочевая жизнь, и жизнь детей разбивается на куски, лишается определенности, устойчивости. Как раз перед моим отъездом в Испанию в берлинской газете «Film Courier» было сообщено, что Professor А. готовит фильм под названием «Die Macht»*, где он намеревается сплавить в один блок изображение, декорации, текст и музыку... Что за претенциозный абсурд!

Вечер отъезда, освещены улицы, кафе на углу, вот Гарик, вот моя жена, шурин, который пришел проводить ее на вокзал. Кирилл. Такси. Я уезжаю.

Вот мой поезд, мой товарищ по путешествию, оператор Фогельцанг.

* Сила, власть (нем.).

Мы в купе. «Also nach Spanien. Morgen früh sind wir in Barcelona». – «Gute Nacht». – «Hasta mañana»*.

И на этот раз я ясно слышу это так-тра-так, эти шаги жизни на встречу приключениям, этим «забавным» перипетиям. Это было, мне кажется, в августе 1933⁶².

Утро. Поезд еще движется, как мне кажется, более утомленно. Через окно купе я смотрю живописную цветную кинохронику: юг Франции. Горизонт вздымается, горизонт падает, горы, глубокие овраги, зеленое, красное, золотое, бесконечные аллеи, вода за деревьями. Перпиньян. Море. Вот оно! Какая синева, какие красные скалы – это уже цвета Испании, такие живописные после серых оттенков вчерашнего Берлина. Сербер. Я выхожу в коридор, уже говорят по-испански. Я прохожу перед животами: «Excusar», я прохожу за спинами: «Disculpar»**. В туалете шум поезда слышится сильнее, я умываюсь еще немецкой водой, смотрю на себя в зеркало: светлые волосы, светлая бороденка, лицо слегка усталое, но – ничего! Я возвращаюсь по коридору, я прохожу за спинами: «Disculpar», я прохожу перед животами: «Excusar». Мой оператор уже встал – лицо помятое, небрит: «In einer halben Stunde sind wir in Barcelone. – Gracias, señor!»***

Барселона. Поезд останавливается с неслышанным грохотом.

Вижу на перроне вокзала Троца с господином в черном костюме, конечно же, наш испанец! Ля-ля встречи, представления... Такси, мы вчетвером, испанский пансион, тот же, что у Троца. Для меня приготовлена комната, большое окно на широкую площадь. Завтрак – un almuerzo – на четверых, ярко-розовое вино в графинах. Ля-ля по-немецки, по-испански. Днем отправимся осматривать студию в Monjuïgo, бывший павильон барселонской выставки. Gracias. Я отправляюсь отдыхать.

У себя в комнате я начинаю мои испанские dibujos**** для фильма: декорации, костюмы.

Изобретать особенно нечего. Я уже воспринял испанский стиль. Все идет хорошо.

Я прихожу в студию, забавный сарай, оставшийся от прежней выставки в Барселоне. Я говорю «Buenos días» машинистам, электрикам... Я приглядываюсь, расспрашиваю. Рабочие там и тут. Рабочие в кино и театре одинаковы, что в Москве, что в Барселоне, что

* «Итак, в Испанию, рано утром мы в Барселоне». – «Доброй ночи» (нем.). – «До завтра» (исп.).

** «Извините», «Извиняюсь» (исп.).

*** «Через полчаса мы будем в Барселоне» (нем.). – «Спасибо, сеньор!» (исп.).

**** рисунки (исп.).

в Париже, такая же походка, такие же лица, жесты, привычки, это такая «порода». Новый патрон входит в павильон. Они разглядывают его издали, взвешивают, наблюдают, экзаменуют. Как музыканты с новым дирижером, – те же трюки; иногда оркестранты, повторяя отрывок, дают проскользнуть фальшивой ноте, чтобы увидеть, как будет реагировать дирижер и т. д. (я был однажды свидетелем такого фальшивого пассажира на репетиции Вилли Ферреро⁶³).

Не спеша, с окурками в зубах, работают, вместе пьют вино, болтают всякую чушь.

Неделя, другая, и я говорю рабочим: «Yo entiendo mejor que yo hablo!»*. Они смеются – поняли... Приходят, уходят, едят, болтают, работают.

Поездка в Мадрид, студия. Пейзаж из окон вагона: глинистая земля – беж, красная, жители – такого же цвета, что и земля, глубокие впадины высушенных солнцем рек. Несколько дней в Мадриде, но нет даже времени, чтобы посмотреть Гойю.

Для натуральных съемок: Виго, маленький порт на севере Испании. Возвращение в Барселону. Море прекрасно, разумеется, как ему и полагается. Огромный цеппелин медлительно пересекает небо. Конечно же, в Германию, но очень низко. Наш испанский фильм завершен. Отъезд. Меня провожают на вокзале. Я уезжаю в Париж. На перроне: Троц, испанец в черном костюме и наш оператор. Все машут руками... «Adiós! Volver a ver! Auf wiedersehen! Au revoir!»** Когда? Никогда!

Поезд мчится в ночи. Говорят только по-французски. Слышу рядом: «Вы увидите, что в Париже лучший мармелад – это “Витрак”». Эта фраза осталась у меня в памяти. Забавно, не так ли? Но в Париже ценен не только мармелад.

Слово «Париж» прекрасно, оно отражает красоту Парижа. Но между Парижем и мной осталось нечто, воспоминание, которому я полностью не доверяю, это скорее – память о моей юности в Париже. Я был в Париже, когда мне было двадцать лет, с моими московскими друзьями, я жил в гостинице на улице Линне у Ботанического сада. Как все это было тогда прекрасно и легко! Сколько искожено километров с этими москвичами. Тот приезд прошел отлично, но... Я вернулся в Париж в 1906 с моей дорогой женой. Мы жили в квартире на бульваре Распай, на углу улицы Бреа – пятый этаж с лифтом, балкон, с которого виден был с одной стороны Люксембургский сад, с другой – кафе «Дом». Мы вместе покупали самую необходимую мебель. У нас было и пианино в маленькой белой гос-

* «Я понимаю лучше, чем говорю!» (исп.).

** «Прощайте! До встречи! До свидания! До свидания» (исп., нем., франц.).

тиной. Я играл на пианино, работал в Академии Ла Палетт, где профессорами были Ж.Симон и Девальер. Вся эта так хорошо налаживавшаяся жизнь окончилась серьезной болезнью жены. От холодного ветра, из-за пустяка, – и вот врачи, консилиумы, самые известные имена Парижа, которые приезжали в фиакрах с цилиндрами на головах: профессора Бонар, Неттер, Тисье... прекрасный русский врач Богораз. И этот доктор Богораз провожал нас до самой Швейцарии: авеню Эстерель, пятый этаж, лифт, все современные удобства, большой балкон, вид на озеро Леман и <вершина> Дан дю Миди в снегу. Какой вид! Жорж родился в окружении этой природы: сын русского студента из Москвы и студентки Женевского университета. Очень мило, но какие скитания!

Но вернемся к моему путешествию из Барселоны в Париж, к мармеладу «Витрак». Я думал, я думал о многом в одно и то же время. Это естественно, разве не так? Я думал, что в парижской гостинице снова обрету мою дорогую жену, Кирилла. Хорошо. Но Париж, что стану я делать в нем? Эта громадная столица, где я никого не знаю (или очень мало кого).

Я должен «начать существование» с начала!

Я начинал с начала уже несколько раз: из Москвы в Санкт-Петербург, из петербургской тюрьмы – в московскую; из Москвы в Берлин, да это прошло недурно, но из Берлина, через Барселону, – в четвертый раз, опять с начала – это уже некоторое беспокойство. Это так, мне не хватает уверенности, очень большой «нуль»!

Я сосчитал «последние песеты» в моем бумажнике... Поезд приближается к Парижу, не помню, на Орлеанском ли вокзале сошел я с поезда? Не помню, но это был ПАРИЖ!

Поезд останавливается – носильщик – такси! Улица Валанс, владелец гостиницы принимает меня. Весьма, весьма услужлив, говорит мне: «Добро пожаловать», несет мои чемоданы. Подумать только, кинематографист из Испании остановился в его маленьком отеле. Какая рекомендация для него.

Я, конечно, посылал моей жене из Испании все, что мог, но этого не всегда хватало, и моя жена перед моим приездом задолжала владельцу небольшую сумму. Он «с большим удовольствием», муж госпожи – кинематографист – скоро вернется, итак, «сколько вам нужно, сударыня?» и т. д. Немедленно кинематографист платит долги жены хозяину. «Но, господин Арнштам, это вовсе не срочно!» И т. д. Помещение совсем иное. Улица Валанс, совсем рядом с Муфтар, очень шумной, голосистой, живописной от овощей и дичи, мяса и прочего. Кофе-экспресс – 10 сантимов чашка.

Моя жена ласково улыбается, а Кирилл, ах! Ах! Нет больше Кирилла. Он в Париже «Сириль», в добрый час! Как все меняется! Си-

риль, ему уже четырнадцать, худой, бледненький, в светло-сером костюме и в брюках, кажется, knickerbocker* (как же это пишется?).

Жена рассказывает, что в Париже Сириль в самом деле — чужак, сбившийся с дороги, что у него настоящая, серьезная ностальгия. Он скучает обо всем: о школе, друзьях, о своем Bibelkreise, у него пропал аппетит, он не ест, не спит, отказывается выходить из дома. Хочет вернуться в Берлин. Это можно понять, с трех лет он в Берлине, он там вырос, и т. д.

К счастью, все проходит, мало-помалу он начинает переваривать Париж, с его «веспасианками»⁶⁴ на улицах, с длинными батонами в руках прохожих, с живописными помойками в свете наступающего утра и с этим французским языком, совершенно для него новым. И шаг за шагом он стал бравым учеником школы, куда он был немедленно принят благодаря... его рисункам в немецких журналах. И он полюбил Париж так, как Париж того заслуживает.

Ладно. Наутро после моего приезда мы — я, вновь прибывший, и моя дорогая жена зашли вдохнуть немного парижского воздуха в «Бон Марше»; я купил прелестные лайковые перчатки моей жене, и там же я обменял... последние песеты, последние!

И я подумал, если бы вместо того, чтобы приехать (случайно) в Берлин, я приехал бы прямо сюда, теперь все было бы лучше, не так ли?

Идиотские размышления, но большой Нуль стоял передо мною.

* * *

Мысль, что мы теперь в Париже и что нужно все начинать с начала, действительно начинать с нуля, не давала мне размышлять о других вещах. Нуль главенствовал в моем мозгу. Когда я спал, сны мои были проще, более обычны, но когда ночью я просыпался, я видел «кошмар» наступающего дня.

Но допустим: сон — это жизнь? и жизнь — это сон, это было бы здорово, не так ли?

А почему бы и нет? Я часто думал, что наша жизнь от начала до конца всего лишь сон или размышление о подлинной жизни. И я иногда верю в это, в самом деле.

Все эти господа, которые занимаются тем, что анализируют, постигают, толкуют сновидения, мечты. Эти философы, ученые, все они — Фрейд, Юнг, Адлер и другие всегда стараются отыскать значение снов. Это, с моей точки зрения, совершенно ошибочно.

Если вы видите во сне лошадь, можно было бы сказать...

Если вы видите кошку, иное дело, но будьте осторожны...

* Knickerbockers (англ.), во множественном числе. Короткие штаны с застёжкой у колен вроде бриджей. — Публ.

Если вы в лодке, то... и т. д.

Тома и тома (я ничего из них не читал и, возможно, ошибаюсь), но тома, полные предсказаний, интерпретаций, символов сновидений, толкований снов, всех этих видимых или слышимых снов.

И есть люди, которые живут согласно своим снам, и если они видят во сне верблюда, значит... Осторожно!

По моему мнению «человека с улицы», каковым я являюсь в этой науке: человеческий мозг с самого рождения фиксирует миллионы образов, впечатлений, воспоминаний, надежд, желаний, мыслей, все и вся. Короче говоря, когда вы спите, когда ваше тело пребывает в небытии, в «ничто», вы лишены воли. Наш мозг (как наше сердце) продолжает работать, и вот! Образы – звуковые, видимые и прочие, деформированные, как в магнитофоне... возвращаются.

Все это происходит помимо вашей воли, вы всегда играете главную роль в комедии или драме, но вы совершенно лишены воли, вы никогда не спрашиваете себя «почему». Вы летите над городом, одинокий, как птица, вы не спрашиваете, почему и как. Вы дирижируете большим оркестром, не будучи музыкантом, или готовитесь к экзамену, ничего не зная по нужному предмету.

Все это происходит чисто механически, автоматически, как в проигрывателе (без предсказания и без причины!).

Но в жизни полагают, что все происходит согласно собственной воле. Ничего подобного. Как во сне, вы ничего не можете изменить в вашей жизни, и если вы думаете, что вы изменили что-то по собственному желанию, вы ошибаетесь. Эти перемены попросту «обходятся без вас». Никакой разницы между «жизнью» и «сновидением». И я порой думаю, что сон и есть настоящая жизнь.

Прошу прощения за эту неожиданную интермедию, и возвращаюсь к нашим реальным снам.

* * *

Вернемся в гостиницу «Валенсия»: дни идут. Я ишу, расспрашиваю, мой шурин Макс живет на бульваре Сюше (16-й округ), его жена зовут Соня.

Нина живет на бульваре Араго (13-й округ). Её муж – доктор Шарль Амбур.

Маня, моя невестка, живет на улице Эрнест-Крессон (14-й округ), замужем за Александром Кагановичем⁶⁵, архитектором, вполне ассимилировавшимся во Франции.

Нас часто приглашают завтракать к Максиму. Во время завтрака (или обеда) горничная всегда стоит за спиной у Сони. Всегда или почти всегда говорят о том, что картошка лучше, чем в прошлый раз (или наоборот). Затем проходим через кованую железную решетку

в гостиную, где пьем превосходный, очень горячий кофе с шоколадными конфетами, а когда мы уходим, маленькая банкнота проскальзывает в карман Кирилла, и мы говорим: «До скорого свидания». В самом деле – приятные люди, и мы очень любили их.

У Мани – тоже очень приятно.

У Нины – тоже, и доктор очень мил.

Такая жизнь недурна? Моя дорогая жена зарабатывает немного денег (первый раз в жизни). Она часто замещает кассира в аптеке, принадлежащей родителям доктора. И аптека – тоже на бульваре Араго. А у меня сердце болит, глядя на все это!

И атмосфера в гостинице «Валенсия» мрачнеет, мы задерживаем плату, и кинематографист из Испании все еще не работает!

И, как во сне, в один прекрасный день мы в другом отеле: «Отель де Террас» на улице Гласьер (13-й), 74. Здесь жил Брассай⁶⁶.

Уже 1935–1936 годы. Большая комната, два окна, видна станция метро внизу на площади. Маленькая комнатка – умывальник и уголок, где можно готовить. Недурно! Кирилл каждое утро отправляется в школу у Републик. Он хорошо учится. Учитель французского языка господин Монро (?), очень в духе «старой Франции», очень доволен Кириллом. Нас часто приглашают к нему, его жена – художница, они живут на Вилла Сен-Жак (14-й). Очень милы.

Вот, как говорят, случай из светской жизни.

Все берлинские кинематографисты, бежавшие из Германии, обрели друг друга на парижских Елисейских полях. Продюсеры, режиссеры, техники и пр. Все – без денег, но, тем не менее, «дела» (порой без всякого будущего) обсуждаются за столиками бистро. Многие говорят на французском языке, сдобренным немецкими словами, и акцент – царит.

Итак, я прихожу на Елисейские поля. Куда чаще слышно «Guten tag», чем «bonjour». Я сижу в кафе «Лоншан» за чашкой кофе со сливками.

«Heiß Professor, Guten tag! – А, здравствуйте, Heiß... Sehr, sehr gut, садитесь, Heiß... Закажите что-нибудь? – Фот, фот, ошень корошо! У меня кинокомпания, мое пюро da drüben* – 44. Сахотите ко мне зафтра ф отинатцать чёсоф».

Хорошо, с удовольствием.

Режиссер Сиодмак⁶⁷ «очень рад».

«Итак, кризис окончен. – Как, в самом деле? Для меня еще нет! – Нет, нет, это название фильма: “Кризис окончен”. – А! Хорошо. Отлично».

* Рядом (нем.).

Словом, история короткая: на эту картину уже приглашен декоратор, но он не сможет приехать в Париж раньше, чем через пять или шесть недель. Для их планов это слишком долго. Итак, не хотите ли вы взяться за это?

Первая работа в Париже! Я немедленно принимаюсь за макеты декораций, костюмы. Очень срочно: уже сняты павильоны у компании «Парамаунт».

Чтобы основательно взяться за работу, я снимаю еще одну комнату в гостинице.

Театральный эффект: декоратор, взятый по контракту, все же приехал!

Все остановилось... и мне больше не платят!

И вот я снова на исходном месте или, скорее, на «нулевом».

Откуда появился у нас в «Террасах» Андре Роллан? Надо спросить у Кирилла. Так или иначе, А.Роллан много занимался Кириллом (к сожалению), и Кирилл вскоре стал протестантским скаутом, и это его очень устраивало.

Откуда взялся Жабун в жизни Кирилла? Возможно, через Ролана. Так или иначе, Кирилл сотрудничает в газете Жабун «Бенжамин» (Жабун = Жан Ноэн).

Кирилл – «художник-карикатурист». Он уже зарабатывает каждую неделю своими рисунками. Недурно! Как в Берлине, когда ему было пять-шесть лет, но техника и жанр изменились. Ролан доволен, он говорит: «Это новый Колен!»⁶⁸.

Отлично! Кирилл, как я помню, нарисовал карикатуру на Жозефину Бейкер⁶⁹, которую, кажется, опубликовал в газете «Rire»... Он много рисует. Сделал для меня рисунок к фильму «Пиковая дама» (рекламную страницу в «Le film Français»).

Дамы-патронессы, другие дамы, что занимаются европейской взаимопомощью, приглашают Кирилла на коктейль в гостиницу «Георг V». Там он рисует и хорошо продает свои рисунки (как всегда, в своем светло-сером костюме с брюками knickerbockers).

Помню, как однажды он вернулся вечером, купив виноград, шоколад для мамы и сигареты «Gauloises bleues» для меня! Это было трогательно.

Время несется. Я в кафе «Дом» перед чашкой кофе со сливками, со скульптором (знаменитым). Как его звали? Я показываю ему большие рисунки Кирилла, первые парижские впечатления – клошары, городские типы, мальчики с батонами под мышками, заходящие в писсуары. Скульптор, узнав, сколько лет Кириллу, восхищен и предлагает, чтобы он выставил свои работы в Салоне, где будет самым молодым экспонентом. Это точно могло бы быть, но, как и многим другим в ту пору, мы не воспользовались этим предложением (к сожалению!).

А я, я все время в поисках. Раз, множество раз, я являюсь на улицу Монпасье в Министерство культуры. Почему? Зачем? Никакого представления (а ведь причины, несомненно, были).

Возвращаясь с улицы Монпасье – вот так так! Марьянов, неужели? Один из моих сотрудников в петербургской газете, где я был художественным директором (1915)... «Как нынче дела, Марьянов?»

(В нашем кругу его прозвали «Костяная яичница». Почему? Забыл...) У него длинные волосы, как у Шуберта, Листа или юноши. Выпили кофе со сливками, разговаривали, делились живописными воспоминаниями, но будущее – менее живописно. Он женат и – внимание – он зять великого Эйнштейна⁷⁰! Вот как, ну и ну! Он живет на вилле в 16-м округе. Он приглашает меня к чаю в свой дом с женой-блондинкой.

Когда мы пьем чай у Марьяновых, в конце беседы он говорит мне: «Подождите, я знаю одного эмигранта немца, у него есть деньги, он хочет вложить небольшую сумму в какое-нибудь достойное честное дело, думаю, это получится с вашими идеями и проектами». Я не прошу лучшего. До скорого.

Если вы видите сны, вы поймете.

Почтовая бумага, сверху слева: «Dica-Films». Обратите внимание на слово «фильм» с «s» на конце. Фильмы.

То есть много фильмов, ничего себе.

Адрес: самая шикарная улица в Париже – 56, улица Фобур-Сент-Оноре (8-й округ), Элизе-билдинг. Лифт. Вот «Dica-Films». Вхожу. Секретарша. «Подождите, пожалуйста, вас сейчас примут. Вот, прошу вас, входите, директор у себя».

Огромный кабинет. Посреди комнаты – направо – художественный руководитель, напротив него налево – технический директор компании.

– Садитесь, пожалуйста. Простите, одну минуту.

Технический директор диктует письмо – он совершает это как сам «Метро-Голдвин-Мейер». Письмо напечатано, две подписи. Тот, кто только что подписал его – Жорж. «Художественный руководитель» – это я. И все это результат чая у Марьяновых.

Приходят разные люди, приходят друзья в контору «Dica-Films». Они приходят по делам, а может быть, из-за хорошенькой секретарши. В любом случае, есть о чем поговорить. У нас в проекте фильм с Жюлем Ледумегом⁷¹, высоким спортсменом. Он часто приходит, приходит с сыном, с женой. Мы разговариваем, обмениваемся сообщениями. Мы делаем динамичный спортивный фильм etc.. Газуем! Есть еще один фильм в проекте: «Нежная кожа», по одноименному роману, делают сценарий, фильм-бомба, мы победим, уже победили в мечтах. Я вновь вижу мармелад «Витрак», не знаю, почему.

Мы растратили много идей, много времени, много денег, но чтобы выпустить хотя бы один фильм, не хватает маленького миллиона. Это просто, а богатый немец... не участвует больше. Жаль!

Корабль на песке, на мели, сухо.

Но капитаны не теряют мужества, необходимого, чтобы вновь спустить судно на воду и отправиться в путь. Наши сотрудники несколько опечалены, но приходят повидаться с нами и поговорить о проектах. И тоже стараются найти способ спасти наш симпатичный корабль.

Однажды у Макса на бульваре Сюше, после завтрака, когда я пил отличный кофе, он спросил меня, как идут дела на «Dica-Films». Я рассказал ему историю во всех подробностях и добавил, что у нас еще есть некоторые надежды, что мы хотим – самое главное – сменить программу, оставить на время художественные фильмы и сделать короткометражные (тоже «художественные»), но документальные. Можно думать обо всем этом в будущем, но надо иметь «с чем» работать. Он спросил меня, сколько стоит подобный фильм... Я назвал ему приблизительную стоимость трех-пятиминутного фильма, если есть заказ, и т. д.

Мой шурин заметно заинтересован.

Вечно неутомимый Макс. С войны 1914 года, когда он уехал из Шанхая, где был большим начальником – шефом Русского торгового флота, он вернулся в Петербург и с этого времени тратил свои капиталы, огромные суммы, на предприятия, которые не принесли ему ничего и наполняли карманы его «компаньонов»; в России, в Европе он совершал дела для других. Никогда дела его не удавались!

Семья в эту трудную пору обходилась ему в целое состояние, в Париже его банк обанкротился.

И вот мое «дело» его интересует. Макс, конечно, несколько сноб. Кино? Недурно, может быть, дело и пойдет – контора на улице Фобур-Сент-Оноре! И это недурно, Элизе-билдинг, это хорошо, и потом он дважды в день будет уходить из дома... и т. д.

Дело закончено. «Dica-Films» воскресает с двумя капитанами и министром финансов на борту!

Документальные фильмы. Хорошая идея.

Мы хорошо устроены. Нам каждую неделю меняют три полотенца и три куска мыла в маленьком стенном шкафу. Шикарно, не так ли?

Милейший Макс каждое утро к девяти часам приходит в контору. Он кладет зонтик и шляпу на вешалку, усаживается и открывает «Figaro». После завтрака то же самое, но с «Paris-Soir».

Два директора уже работают для магазина мехов «À la Reine d'Angleterre». Фильм представляется очень забавным, милым, его

снимают даже на улице, с прелестными манекенщицами из домов высокой моды (в саду Тюильри). Думаю, мы были первыми, которым пришла идея сделать рекламные ролики для демонстрации в витринах.

Дело идет! Макс улыбается, Соня и ее дочь Елена заходят во время прогулки в контору на улицу Сент-Оноре. Ничего себе?

У нас уже есть «заведующий рекламой» – некий господин Леви с Почетным легионом в петлице. Ничего себе?

Он колесит по столице в поисках клиентов, ищет также на Елисейских полях или где-нибудь еще «подходящие» для постоянной демонстрации наших фильмов витрины. Есть еще мысль устроить в гостиницах показ фильмов на небольших экранах (с проектором за ними). Мы работаем уже над вторым фильмом для «Roget et Gallet»⁷², что совсем рядом с нами.

Дела идут, несутся. Мы показываем первые отрывки, получаем комплименты. Так что же? И вот, чтобы сделать то, что должно сделать, нам нужна солидная сумма, чтобы реализовать все то, что мы предполагали. Плохо сосчитали? И милый Макс не хочет (или не может) идти дальше! Вот – и так всегда... в самом деле, мне очень жаль, и не столько из-за «Dica-Films», сколько из-за Макса. Он еще надеялся на что-то, это меня забавляло. Я упрекал его. Жаль! Это, думаю, была его последняя попытка создать какое-то дело.

* * *

Мы переезжаем (уже в пятый раз) на площадь Отёй в 16-м округе. На этот раз – в меблированные комнаты! Должен сказать – «достаточно шикарные». Маленькая передняя, большая столовая с ковром, очень удобная, тоже с ковром, спальня, огромная ванная, окно которой выходит на перекресток, весь в зелени. Милее милого! Итак, мы вызываем больше уважения у родственников – шестнадцатый округ, ничего себе! Это не пустяк. Да, но это превышает наши средства. Мы пробудем здесь два месяца!

Сюда в Отёй приезжает (наконец) Гарик из Берлина. Это, я думаю, уже 1936 год, июнь. Он там оставался три с половиной года между гитлеровцами и С^о. Neil Hitler!

Наконец-то он с нами! Он работал в Берлине у симпатичного художника Ландвермана. Он делал для него афиши, жил у моей сестры, вся семья которой в ту пору, мне кажется, уехала в Лондон (или это было позже?).

Теперь он наконец с нами и, приехав, посадил своего брата Кирилла на плечи, чтобы понять «разницу» после трех лет разлуки.

Маленький провал в памяти: церковь в Отёй и потом...? Ладно... мы в гостинице «Пальмас» на Константинопольской улице в 8-м ок-

руге. «Рекомендована» эта гостиница очень толстой русской дамой госпожой Проппер, ее муж – настоящий «маленький француз» господин Нувьон, очень вежливый, в серой шляпе набекрень.

Оба они словно бы сошли с рисунков Дюбу⁷³, очень известного в ту пору рисовальщика. Ладно. Все же не так далеко от наших Елисейских полей.

Я перемещаюсь по городу. Я говорю: «Здравствуйте, как дела?» Кофе со сливками и т. д. – все, что принято делать на этом прелестном проспекте, полностью оккупированном кинематографистами.

Таинственная встреча в гостинице «Пальмас».

Над нами жила русская дама, худая, бесцветная, застенчивая, с пожилым господином, несомненно, ее мужем... или не мужем. Он тоже молчалив и вежлив.

Когда эта дама встречалась с моей женой на лестнице, она всегда сдержанно здоровалась. Постепенно она стала застенчиво спрашивать о чем-то у моей жены, потом немножко разговорилась. Со временем она все более и более привязывалась к моей жене и попросила зайти к ней, поскольку «это доставит ей большое удовольствие». Короче говоря, однажды моя жена приняла приглашение «нанести визит». У жены сложилось впечатление, что эта дама умна и даже образованна. Они немного поболтали, затем, поглядев с беспокойством на двери, дама сказала: «Вам, милая Роза Адольфовна, я могу сказать... но совершенно тайно... Я Анастасия Николаевна Романова... вот я живу в этой гостинице, никто этого не знает, под чужим именем... я никого не вижу... Я постоянно жду, что меня перестанут искать и прекратят процесс против меня. Надеюсь, скоро. Не говорю вам ничего заранее... но когда большевики уйдут из святой Руси, тогда я останусь единственной наследницей трона... Никто не знает, что я во Франции... Я надеюсь, Роза Адольфовна, что вы вернетесь со мной в Россию, что вы не покинете меня, может быть, как министр просвещения, это было бы как раз для вас...» и т. д.

Правда? Неправда? Кто знает.

В очень маленькой комнате, на самом верху, русский, молодой и высокий, с необычайно низким басом; когда он говорит вниз, в приемной, вся гостиница вибрирует... В этой маленькой комнате на пятом этаже он производит... йогурт «единственный настоящий во Франции», который он продает в молочных лавках по соседству.

Я видел его еще однажды, много позже. Он жил на вилле в Энгин-ле-Бэн. Он пригласил меня завтракать. Дама, «очень достойная», из русской знати, служила домоправительницей, за столом несколько старых русских господ. На этот раз он производил духи в красивых флаконах... Еще позже я узнал, что он был расстрелян немцами. Длинная, очень короткая история.

* * *

Наконец я получаю шанс! Меня представляют господину Алгази, «Метропа» Алгази⁷⁴. На его счету дюжина хороших фильмов и т. д., апартаменты в гостинице «Георг V». Хороший адрес...

Итак, он готовит, он хочет снять большой, очень большой фильм «Катя» по роману принцессы Бибеско⁷⁵. И... держитесь как следует... я приглашен! Для начала меня просят сделать для них двадцать пять – тридцать больших эскизов сцен в декорациях к этому роману, представить по своему усмотрению сцены с персонажами, схожими с актерами, которых предполагают снимать...

Даниэль Дарьё⁷⁶ уже приглашена, хотя сценарий еще не начали писать...

Я работаю в нашей комнате в гостинице «Пальмас», – не слишком удобно. У нас две комнаты: одна – на третьем этаже, моя и моей жены, другая на четвертом – для Игоря и Кирилла. Я работаю, как говорят, не покладая рук. Гороплюсь, Игорь мне помогает.

Тридцать эскизов будущего (под вопросом) фильма выставлены в апартаментах Алгази. Он приглашает покупателей для Франции и для заграницы. И вот что происходит: фильм продан!..

В самом деле, этот виртуоз только что продал фильм «Катя», еще его не начав, только с моими макетами... С этими макетами он уезжает в Америку и там тоже продает фильм! Отовсюду он получает суммы, достаточные, чтобы снять этот большой фильм. Это, как говорят, совершенно уникальный случай. И это совершенно точно.

После этого «театрального эффекта» Алгази принимается за работу. Это означает: команда, состоящая из режиссера Раймона Бернара и его брата Ж.Ж.Бернара – драматурга, который должен писать диалоги, Компанеец⁷⁷ для сценария, секретарь и еще кто-то (я забыл), и для этой работы главная квартира в Фонтенбло: «Мезон Блё»!

Каждую неделю на уик-энд Алгази увозит меня туда работать; у меня большая комната, ванная, окно, выходящее в лес.

Я перечитываю все, что они приготовили. А потом вечером, одни, мы с Алгази перед большими бокалами «тончайшего» алкоголя вновь приступаем к работе.

Он хочет в подробностях знать мое мнение обо всем, что было сделано за день...

На следующий день он председательствует на собрании всей команды и как «продюсер» указывает на то, что считает неудачным, что следует изменить или добавить. Это означает, что все мои идеи очень хорошо им представлены, и я иногда застенчиво их поддерживаю: «я думаю так же», «я нахожу, что это так». Это немало меня забавляет!

И каждую неделю в течение двух месяцев я ездил с ним в Фонтенбло в его большом автомобиле. Забавная работа, не правда ли?

Я наконец чувствую, что приближаюсь к «прекрасной эпохе кинематографии» в Берлине, ко мне возвращается вера в себя. А потом?

Короче говоря. Эскизы декораций, костюмы, я рисую многих персонажей такими, какими представляю их для гримеров и парикмахеров. Я также подбираю актеров на вторые роли, присутствую при отборе статистов, мужчин и женщин. Алгази требует от меня, чтобы я делал все для этого фильма: «Обращайтесь к А.!». Немного чересчур, но почему бы и нет? Забавно, что можно позволить себе делать что угодно. Конечно, мы ездим по всему Парижу с моим режиссером, чтобы выбрать мебель, аксессуары у антикваров и в других магазинах (как я делал всегда в «моих» фильмах). И вот композитор Вальберг⁷⁸, приглашенный работать для фильма, «должен» мне сыграть все эпизоды, всю музыку к фильму. У нас было несколько встреч в Сен-Клу с Вальбергом, и мы с ним обсуждали музыкальную атмосферу. Но, между нами, его музыка не была вполне «то», исключая песню для Даниэль Дарьё, отличную по стилю. Оставим это.

Для завершения картины: дистрибьютер фильма «Катя» был «обязан» доверить мне всю рисованную рекламу, все большие и маленькие афиши, и было хорошо работать над ними с моей «командой»: Кирилл и Игорь. Помню, они работали в гараже или в помещении собрания скаутов. Нужно было место для этих больших афиш, которые в ту пору делались в формате афиш печатных.

Маленький анекдот. Первый день съемок этого фильма.

Морис Турнёр⁷⁹ (заместивший Р.Бернара) зовет меня на площадку. В декорациях столовой я заказал стол в четыре метра длиной... Царь на одном конце и Дарьё на другом сидят напротив друг друга, четверо лакеев им прислуживают и т. д. Хорошо. Я вхожу на площадку в свою декорацию...

Турнёр, во-первых, просит меня поднять повыше над столом великолепную люстру (жаль!), во-вторых, выдвинуть вперед стол (зачем?) и к тому же отодвинуть маленькую стену по меньшей мере на метр (совершенно бесполезно). Я говорю: «Хорошо». Прошу машиниста устроить все это и предупреждаю Турнёра, что эта «маленькая» перемена займет по меньшей мере полтора часа и будет дорого стоить!

Возвращаюсь в свою архитектурную мастерскую, где собралась вся моя команда. Они спрашивают меня, зачем вызвал меня Турнёр, и я, доведенный до исступления, восклицаю: ««Катястрофы» начались!». Все хохочут.

...И затем всякие глупые истории сопровождали нашу работу.

Чтобы закончить с этим фильмом (имевшим в Берлине довольно большой успех), добавлю, что торжественная премьера в кинотеатре *Le Français* на Бульварах была посвящена какому-то благотворительному событию (не помню, какому). Словом, весь Париж был там «в полной парадной форме». Послы, дипломаты, принцесса Бибеско (автор романа), герцог Виндзорский с женой⁸⁰ и т. д. Герцог Виндзорский купил программку вечера с оригиналом одного из моих рисунков за пять тысяч франков⁸¹ (это было в 1938).

В последующие годы в гостинице «Пальмас» у меня было много заказов на рекламную работу от обществ «*Films-Éclair-Journal*», «*Rédon*», «*Franco-London-Films*», «*Gay-Lussac*» и т. д.

Мне хорошо работалось с моей командой Игорь–Кирилл на пятом этаже гостиницы. Кирилл наверху делал афиши – «Умирающий лебедь», «Пуритане»... и другие.

* * *

1938 – с гостиницей покончено! Наконец мы сняли довольно милую квартиру в пассаже Дуази (17-й округ) на третьем этаже – просторные комнаты, ванная и т. д. Я покупаю мебель! Четыре дивана, сомье, матрасы, занавески, покрывала, белье (в «Бон Марше») столы, стулья, комоды, комплекты кастрюль, посуду, лампы, все то, чтобы жить счастливо или, по меньшей мере, «у себя». Это особое дело – «у себя»*. Да. Телефон... На мое имя. Настоящая жизнь, верно? У каждого художника – свой стол. Я, Игорь, Кирилл. На камине – радио... и работа «крутится» всюю.

Наши соседи поблизости, на улице Армеле, Грюнберги – в пятидесяти метрах; в ста метрах – Леонидовы⁸², также в ста метрах – Фридрих⁸³. Все это друзья с давних времен: Грюнберги – из Санкт-Петербурга, Леонидовы из Берлина, и Фридрих – старый друг Жоржа, кинематографист. Грюнберг позднее стал импресарио Джанго Рейнхардта⁸⁴, а еще позднее – директором балета Монте-Карло⁸⁵.

И на Елисейских полях меня приветствуют очень почтительно.

«У вас есть какие-нибудь проекты? Вы вскоре начинаете новый фильм?» И т. д.

И, как рассказал я выше ... мы были «у себя», по меньшей мере, какое-то недолгое время, но до какого года? Радио на камине говорило тяжелым грозным голосом Даладьё⁸⁶: Война... недалеко. И годом позже «наконец» война разразилась!

* Это выражение, часто употребляемое автором, несомненно связано и со специфически французским понятием «chez-soi». Для французов оно имеет глубокий и принципиальный смысл. По-русски не скажешь: «у него есть славное “у себя” (chez-soi)». По-французски это звучит естественно: «il a un bon chez-soi». – Публ.

Точные даты, конкретные события начинают плясать. Все становится туманным.

Отрывки: Жорж записывается во французскую армию, но его так и не призвали!

А я – работаю, делаю обложки для концертов для зала Плейель, для издательства Грюнберга⁸⁷. Кирилл разгуливает в сапогах и военной форме. Он проходит военную подготовку в школе имени Сиди-Брахима (пехота) в Венсенской крепости. Игорь тоже вступил в армию. Он записан в 3-й полк иностранных добровольцев и уезжает в учебный лагерь, расположенный в Баркарé, в Южных Пиренеях, затем отправляется на фронт.

Ночь в Дуази, три или четыре часа... Внезапный вой сирены разрывает стены и сон. Вскакиваем, наполовину проснувшись, торопливо одеваемся, спускаемся, в темноте идем по улице Колонель Ренар, неподалеку от нас вход в подвал, все тот же, ставший уже привычным...

«Здравствуйте, господа и дамы...» Леонидовы уже там, они живут в этом доме, как и другие. «Садитесь. – Спасибо. – Как дела? – Спасибо». На улице все еще воеет сирена. Воздух в этом подвале сильно пахнет какой-то лекарственной кислотой; каждый раз интересуюсь, откуда этот запах? Потом говорим о продовольствии... «Где можно найти картошку? – Вы знаете, гречку уже невозможно найти... – Надо навести справки... что есть на черном рынке, вам дадут адрес... – Эй, не выходите еще...» Зенитные орудия. Час, другой, третий...

Наконец освобождающая песня сирены, она воеет точно так же, но куда приятнее. Тревога окончена. «Доброго вам утра, дамы и господа, и до скорого свидания...» Выходим на утреннюю улицу. Из всех подвалов выходят полусонные горожане. Забавно. «Доброе утро, как дела? – Ничего, спасибо». Моя жена, Кирилл и я заходим в маленькое кафе Мартиника, рядом, на авеню Терн. Кофе со сливками и круассаном, кофе со сливками, такой горячий! Ах! Уверю вас, это здорово! Медленно возвращаемся. «К себе», отдохнуть. Какая «странная» война в Париже.

* * *

Ночь в Дуази. Звонок у входных дверей. Открываю. Человек в черном, я различаю повязку на рукаве, это – из «*défence passive*»⁸⁸.

«Свет, здесь, в вашем окне! – Где же? Ах, черт, в уборной, забыл, черт подери! – Забыли или нет, это серьезно... комиссариат... очень строг, и т. д. – Я знаю! Я знаю! Мой сынишка на фронте. – Вы понимаете, что забыть свет в уборной! – Сигарету? – Не откажусь. Спокойной ночи... Но будьте внимательны! Никакой свет не должен быть виден снаружи... Шпионы подают световые сигналы врагу».

Итак, сначала это «странная война». Мало что происходит. Официальные коммюнике сообщают об успехе одной бригады, потерях другой. Словно бы так могло длиться все время. И вдруг – это немецкое наступление. Новости тревожны, а Игорь со своим полком на фронте против гитлеровцев.

Спокойный, жаркий день в Дуази. Звонят. Открываю дверь. Солдат в полевой форме, каска надвинута до бровей... Да? Глаза! «Ох, входи же быстрее. Как так? Откуда ты? Садись, отдохни... На диван... Съешь что-нибудь, хочешь выпить? Сними каску...». Коротко стриженные свалывшиеся волосы, потемневшее, исхудавшее небритое лицо. Он остался в своей бесцветной шинели, огромных стоптанных бесцветных ботинках, темные руки... «Хочешь выпить? – Я зашел на минуту, наш полк отводят назад, я ушел с Восточного вокзала; ушел без разрешения... на минуту... вас повидать... до свиданья».

Моя жена на лестнице, она спокойна... «До скорого свидания... с Богом...» Я выбегаю с Игорем на авеню Терн, ни одной машины, скорее, скорее... а, вот! «Восточный вокзал! До свидания...».

Я делаю несколько шагов по мостовой в сторону площади Терн... Машина уже исчезла...

«Всевышний да сохранит твой отъезд и твое возвращение отныне и вовеки...»

Всегда эта пустота, которая овладевает нами, если один из нас уезжает так – в никуда. Итак, следует сконцентрировать мысли на повседневности: где найти немного масла, яиц, где распределяют этот «виноградный сахар» (заменяющий отсутствующий настоящий)⁸⁹. И самые близкие друзья пока еще с нами. Они поддерживают наш дух.

Тем не менее жизнь продолжается – то лучше, то хуже, кое-где находится немного работы, особенно для Кирилла, который занимается еще с молодежью (скауты и пр.), беженцами, которые, покинув все, толпами приезжают на Восточный вокзал.

Внезапно новости становятся тревожными: немецкая армия у ворот Парижа! Что делать? Уезжать? Но как? Мы с женой решили остаться. Жорж в Ницце, но Кирилл, несомненно, должен уехать как можно скорее: ему двадцать лет, и его паспорт! Итак, он берет несколько сэндвичей, садится на велосипед и смешивается с толпой беженцев, устремившихся к югу. Исход! Событие, которое столько раз описывалось потом, с этим комплектом брошенных автомобильных скелетов, немецкими бомбардировками и т. д.

Кирилл нашел пристанище. Родовой дом Ролланов⁹⁰ «Приоре» в Пампру близ Пуатье.

Но мы долго, очень долго не получали о нем никаких вестей.

А потом? Это вступление немецких войск в Париж⁹¹, перед которым прозвучали страшные взрывы. Говорили о резервуарах жидкого топлива, подожженных, чтобы они не достались немцам.

Дым заполнил город... Кошмар. Мы знали, что немцы здесь. Мы смотрели на опустевшие улицы, по которым проезжала моторизованная пехота в касках, с оружием, не останавливаясь в этом безлюдье. Я спустился по улице. Нигде не было боев.

«Волки» в Париже. Рядом с нами немцы реквизируют гостиницу. Немцы были повсюду. Я был на площади Этуаль, когда боши «триумфально» входили в Париж: музыка и ритмичный стук сапог, тысяч сапог... Какой незабываемый, отлично организованный театр! Чудовищно!

Затем, вернувшись домой, я жгу в камине мои рисунки, эскизы декораций, множество портретов немецких актеров, писателей с автографами. Я жгу это целый день. Камин слишком мал. Конечно же, это был выход «безумию», чтобы избежать разговоров о Берлине, если кто-нибудь увидел бы мои рисунки с пометкой «Берлин». Совершеннейший абсурд!

Но вы знаете, что такое паника? Сколько раз потом я жалел об этом...

Авеню де ля Гранд-Арме... у тротуара большой грузовик, полный взятых в плен французских солдат, сидящих в тесноте, кое-как, молчаливых, небритых, с лишенными всякого выражения глазами... Один из них, бородатый, закусив пальцы, смотрит вдаль со слезами на глазах. Немецкий солдат спокойно прогуливается в сотне шагов от грузовика. Иду медленно, смотрю... Один из пехотинцев застенчиво, грустно улыбаясь, подает мне знак... Останавливаюсь... В его руке – мятый конверт... Он протягивает мне смятое письмо. Подхожу. «Was ist das?» Сапрешшено кофорить с арестофанними. Weg da!***»

– Сударь, он лишь попросил меня бросить письмо...

– Сапрешшено кофорить с арестофанними.

– Shon gut***.

Я беру это письмо без марки, знаком показываю, что наклею ее. Солдат улыбается, благодарит меня кивком головы и провожает меня глазами до угла Авеню де ля Гранд-Арме и улицы Акасия, где находится почтовый ящик. Наклеиваю марку, бросаю письмо... Пехотинец машет мне рукой, немецкий солдат останавливается и смотрит.

* Что это такое? (нем.).

** Идите отсюда! (нем.).

*** Хорошо (нем.).

Моя дорогая жена и я, мы одни в пассаже Дуази. Ждем. Чего?

Позднее, вынужденные переехать, мы снимаем очень милую квартиру на улице Ложье, 43 (17-й округ), на третьем этаже, с ванной и балконом, где всегда много солнца. Наш консьерж из пассажа Дуази, очень славный, помог нам переехать, перевезя на большой ручной тачке мебель, ящики, чемоданы; это длилось целый день. Потом, вечером, в нашем новом «у себя» за чаем, мы болтали... о войне! Война!

Несколько случайных кусочков нашей жизни в пассаже Дуази.

Часто в пору оккупации я прогуливался по Елисейским полям со старым французом, господином Троншем, для которого я делал афиши.

Ровно в полдень у Триумфальной арки... «Волки» с оркестром во главе с тамбурмажором, горделивым «жонглером», вбивая сапоги в мостовую, спускаются по пустому проспекту. Немного народа видно на Елисейских полях, безлюдных и пустынных в разгар дня. Несколько прохожих останавливаются с грустными, заметно грустными лицами. И совершенно черные ночи с тусклыми синими огнями, и эти огромные призрачные дома, рисующиеся на неподвижном небе. Никаких звуков, кроме редких шагов прохожих, невидимых в темноте.

Во время оккупации мы с Е.Грюнбергом однажды съездили на велосипедах в Понтуаз. Три с половиной часа.

К друзьям Грюнберга. Случайно этот господин, живший близ Понтуаза, когда-то учился в гимназии в Москве с моим братом! Забавно. Вечером мы вернулись на поезде, невозможно еще раз совершить такое путешествие на велосипеде. Вскоре собор в Понтуазе был разрушен во время бомбардировки, как и дома на площади у вокзала.

Дорога была пуста, никаких пробок, но было много воронок от снарядов, огороженных барьерами.

Итак, я рассказал, что мы переехали на улицу Ложье, 43, в милую новую квартиру. Впрочем, для нас переезды стали обычным делом. За семь парижских лет – восьмое переселение. Такое же занятие, как любое другое. Это меняет представление о жизни, не так ли?

Спокойная по видимости жизнь, мы все время «спокойно» ждем чего-то. Чего?

Моя жена, которая сохраняет присутствие духа, и я. Ждем. Да, ждем... Писем из Виши от Кирилла, от Гарика, от Жоржа из Ниццы. Мы разъезжаем в поисках пропитания, это отвлекает, мы слушаем радио, ждем. У себя я рисую, так, ничего особенного, одно издательство заказало мне программы концертов и фестивалей в зале Плейель. Мне платят ежемесячно. Какая удача! И потом это занимает ме-

ня, я занялся гуашью – русские сюжеты, сколько русских сюжетов – пейзажи, мужики, фольклор, жанровые сцены... И вот господин Боркон, который организывает концерты в зале Плейель, предлагает мне доверить ему мои рисунки; и вот еще забавная история: несколько раз в неделю он продавал мои «русские гуаши» в ресторане «Амбассадор» на Елисейских полях, где было полно немцев, и они расходились, как булочки. И я говорил себе, что стал «коллорационистом»!

* * *

1940, 1941, 1942! Мы устали жить с «волками». Это все же несколько изнурительно! Несколько! Ночи с тревогами, ночи с сиренами. Несколько раз ночами мы «любовались» огнями на небе – фейерверком тех времен: пучками лучей от прожекторов противозвушной защиты.

В нашей квартире у нас маленький чуланчик между двумя комнатами, разумеется, без окна, который стал нашим воображаемым убежищем во время тревог. В чуланчике были только наши чемоданы и, кажется, военные сапоги Кирилла. Моя дорогая жена поста вила туда маленький столик и две табуретки, она читала Библию, и несколько раз мы играли в белот, ожидая, пока кончится тревога. Была там еще вазочка, маленький цветок... не было шума... кроме sireны.

Гастамбид и Костиль* приехали нас навестить из Виши. Мы много говорили вчетвером в моей рабочей комнате.

Они рассказывали о жизни в, так сказать, «свободной зоне», о том, чем заняты Кирилл и Игорь в «штаб-квартире»**.

Они спрашивают нас, не собираемся ли мы уехать из Парижа. «Вы не думали об этом? – Да, но как, разве возможно оставить все это? – Что “все это”?»

Они встают, торопятся. «Надо поговорить об этом с Игорем и Кириллом, не так ли? Поехали, удачи, до свидания».

Это действительно хорошо – поговорить с такими симпатичными молодыми людьми, услышать от них новости оттуда. Когда они уехали, нас окружила пустота.

* * *

В один прекрасный день Кирилл отправился в Париж «в командировку». При нем фотографии и бланки для фальшивых удостоверений для молодежи... Он хранил документы в потайных подметках,

* Руководители «Просветителей юнионистов» (протестантских скаутов), вновь организовавшихся в свободной зоне. – *Примеч. автора.*

** Штаб-квартира «Просветителей юнионистов» Франции. Издание их журналов и других публикаций (верстка, иллюстрации, печать). – *Примеч. автора.*

способ хорошо известный и менее всего рекомендуемый для сохранения тайны!..

Его поезд подходит к Мулену – границе свободной зоны. И вдруг он признается немецкому военному таможеннику, что забыл свои собственные документы в Валансе. Без удостоверения личности*, с документами в подметках! Как это опасно! Смертельно!

К счастью, поезд остановился еще в свободной зоне... Он выскочил из поезда, побежал вперед, чтобы захватить встречный поезд и отыскать потерянные документы. Спасен! И он возобновил свое путешествие в оккупированную зону.

Кажется, это произошло примерно так.

Моя дорогая жена, всегда сохранявшая спокойствие в тяжелых ситуациях, узнав, что ее сын едва избежал драмы, сказала со своей едва угадываемой улыбкой: «Всевышний да сохранит твой отъезд и твое возвращение отныне и вовеки...». Это 121 псалом, который часто поддерживал нас.

<...>

Два памятных события произошли в ту пору:

Кинематографист Жорж – встреча в Ницце: Кларисса.

Капрал-рисовальщик – встреча в Виши: Дениза.

Продолжение – понятно. Результат: Кристиан, Клодетта, Доминик, Ален, Пьер-Анри, Аник, Сильви. Семеро новых детей подарены прекрасной Франции⁹².

* * *

Улица Ложье после визита Гастамбиды, что там происходило? И потом? Все идет само собой...

Кирилл (кажется, Дюнуайе⁹³) приезжает в Париж и уезжает с моей дорогой женой в «свободную зону»...

До скорого! Кирилл Дюнуайе возвращается в Париж. Я, Пьер Дюнуайе, и он, мы уезжаем в Валанс. Валанс, мистраль, глотаем пыль.

А потом? Все идет «само собой». Пьер Дюнуайе и его жена Мари, мы уезжаем в Дром. Какие пейзажи! Мы приезжаем в Блакон, где нас ждет у автобуса в бистро... симпатичный молодой пастор Шапаль и улыбающийся, с плутовскими глазами, господин Арзас с тачкой для наших чемоданов.

Как все это хорошо. Мы идем все вместе, спокойно, с нашими поддельными документами, и госпожа Дюнуайе улыбается, пока мы совершаем этот недолгий путь по пыльной дороге... Пришли – налево трехэтажный домик... сад, огород, поля, леса, фруктовые деревья, орешник, навоз, птичник, горделивый петух, свиньи... две застенчи-

* Поддельного, конечно! – Примеч. автора.

вые улыбающиеся девочки и на ступеньках крыльца приветливая радужная женщина: госпожа Арсак.

Коридор на втором этаже, большая комната, окно: вид на голубоватые горы. Воздух, сколько воздуха! Где мы? Большое зеркало возвращает нам наше изображение и улицу Ложье, 43, авеню Ньель, как это все стало вдруг далеким, очень далеким. Действительность?.. Сон?.. Да, пусть так. Спасибо. Но жаль. Я сказал «жаль», да, это так. Мы еще раз (в десятый раз) покинули наше «у себя», и как надолго? Не навсегда?

Цените ваше «у себя»! Это вечно, это – главное!

* * *

ДОПОЛНЕНИЕ К.А.АРНШТАМА

Хотелось бы здесь дать беглый очерк того, что представляла собой жизнь Александра и его жены Розы – моих родителей, начиная с последних описанных событий, то есть с их прибытия в Дром в мае 1943.

Вернемся в Дром. Надо сказать, что эти места были подлинной обителью гостеприимства. Мои родители были здесь окружены теплой дружбой, прежде всего, со стороны очень молодого, очень симпатичного и очень близорукого пастора Роже Шапаля из семьи Арсак, земледельцев-протестантов, и незабвенной семьи Шапута д'Уст.

Александр и Роза проводили у них долгие вечера за музицированием. То была иная Германия, они воскрешали ее в памяти: Шуберт, Шуман, Брамс...

Один беженец из Германии, который скрывался в этих местах, брался за скрипку. Александр садился за рояль, аккомпанировал мадам Шапута, которая талантливо исполняла «Песни» Шуберта.

Живя все же в «свободной зоне», я иногда заезжал в Дром, и мне удалось побывать на одном из таких незабываемых вечеров.

Роже Шапалю пришла в голову счастливая мысль доверить своему протеже иллюстрирование книги «Глина и мастер-гончар» – религиозного сочинения, которое он только что закончил. Задача, за которую с радостью взялся художник.

Моих братьев судьба тоже одарила теплым приемом в тамошних протестантских семьях. Жоржа и его будущую жену Клариссу при-

ютили в Блаконе, затем в Юпи. Что касается Игоря, то он нашел кров у семьи Брюн из Бомон-ле-Валанс. Ближайшие родственники Шапута, они сделали для них куда больше, чем просто приняли их к себе: между ними возникла настоящая дружба, которая все еще длится, дружба, перешедшая к их сыну Андре, их детям и Пьеру-Анри, сыну Игоря.

Стоит вспомнить здесь, как много людей и семей из протестантских кругов в Дроме во время оккупации старались спасти беженцев и участников Сопrotивления, не боясь идти на серьезный риск. Неутомимый пастор Шапаль был одним из тех, кто организовывал и воодушевлял это гуманистическое единение.

Я хочу осуществить, что в своих «Воспоминаниях» не сделал мой отец, – объяснить причины, по которым мои родители, прожив более двух лет с немцами в Париже, перебрались в провинцию. Думаю, причиной этого упущения было сочетание брезгливости и стыдливости. Дело в том, что моя мать была не только иностранкой, но иностранкой еврейского происхождения. Вынужденная носить желтую звезду, она обычно прятала ее под шарфом или под воротником пальто – настолько невыносим был для нее этот огромный знак «почетного легиона». Поступая таким образом, она нарушала порядок ношения знака. На нее донесли, она была арестована и помещена в комиссариат полиции на улице Армейе.

Для иностранки еврейского происхождения быть арестованной полицией означало, что, согласно установленным правилам, ее ждет отправка в Дранси, затем депортация в Бухенвальд или другой лагерь, и ничто не могло остановить этого чудовищного процесса.

Можно вообразить бесконечное отчаяние отца.

То, что он не был евреем, не имело никакого значения, – он тоже был иностранцем.

Я же в ту пору жил в «свободной зоне» и ничего не знал о происходящей драме.

Потеряв всякую надежду, Александр Мартынович вспомнил номер телефона семьи моих друзей, который я оставил ему перед отъездом; ему удалось им дозвониться.

Это была семья Роллан – мать, уже преклонных лет, и ее дети: две юные женщины и молодой человек. Этот молодой человек – Андре Роллан (о нем отец упоминал в мемуарах) отличался высоким благородством, он был моим начальником у скаутов, а его сестра Берта еще до войны служила в отделе полиции, занимавшемся в 1937–1938 годах социальными проблемами женщин и детей. Такие служащие носили тогда форму парижских полицейских.

Не знаю, как ее предупредили, – она прибежала на улицу Армейе и ворвалась в комиссариат: «У вас находится некая Роза Арнстам? Я должна немедленно препроводить ее в префектуру полиции...»

И, схватив мою мать за руку, не дав дежурному полицейскому опомниться, она вышла из комиссариата и исчезла со своей «добычей».

Эта молодая женщина с вдохновенной решимостью пошла на огромный риск, – при ней не было ни приказа, ни каких-либо бумаг, которыми можно было бы оправдать ее поступок. До сих пор это спасение кажется чудом.

Вместо префектуры полиции Роза Арнштам оказалась в парижском предместье, в комнате маленького дома, у участливых людей, которые обещали приютить ее.

После этих событий моя матушка жила в постоянном страхе и не выходила из дома. Ситуация, которая, естественно, способствовала поискам другого убежища.

Так произошел отъезд в Дром.

В феврале 1944 судьба привела моих родителей в Лот-э-Гарон, в Вильреаль. Дениз Виакроз, будущая жена Игоря, была так добра, что предложила им туда приехать. Они жили там до тех пор, пока церковные колокола не возвестили наконец об Освобождении.

В Вильреале Александр Мартынович сделал множество рисунков. Поля, дороги, церковь. Несколько картин были написаны на чердаке Аль Сулеля – так назывался очаровательный домик, которые отец и мать Виакрозы построили, кажется, в двадцатые годы, и где теперь собираются дети и внуки Игоря и Денизы.

По возвращении в Париж, где мы встретились с родителями, нас ожидало жестокое разочарование.

Временный «поднаиматель», который должен был «охранять» квартиру, заявил, что он как-то не так понял ситуацию, и отказался съезжать. За неимением доказательств никакие юридические меры не могли быть приняты. Маленькая катастрофа! Но Дениза устроила нас в пустующую квартиру на улицу Мадам. Ее владельцы на время войны нашли приют в Швейцарии.

Я помню, как тогда, за неимением настоящего топлива, согревались древесными опилками или мусором, сжигая их в особой, примитивно сделанной печке, которую специально для этого купили.

Приехав, Александр Мартынович пытался восстановить свои довоенные связи.

Неожиданностью стал сердечный приступ, знаменовавший начало грудной жабы, которая уже не оставляла его. Однако довольно продолжительные перерывы между приступами (не менее месяца в первое время) позволяли ему сохранять энергию и жизнерадостность.

Не прошло и года, как пришлось уезжать с улицы Мадам: хозяева возвращались. Снять квартиру в Париже в ту пору, не имея средств, было задачей почти невыполнимой. Что делать? Случай, отчасти фантастический, во всех смыслах слова, представился.

Пара с двумя детьми (друзья друзей) хотели избавиться от слишком высокой платы за жилье. Срок их арендного договора истек как раз наполовину, и они предложили представить нас хозяевам в качестве преемников, достойных доверия и всяческого уважения.

Решающая беседа в старой парижской квартире с хозяйкой дома вдовой мадам Вилен (девяноста двух лет) и ее дочерью мадмуазель Вилен (шестидесяти пяти лет). Портвейн, соленое печенье. Личность и обаяние Александра Мартыновича способствовали решению: достойная семья русских белых, вынужденная бежать из своей страны (эти дамы еще жили среди таких понятий!), почтет своим присутствием их старинную и скромную обитель и поселится там *без поручительства!*

Беседа, впрочем, прошла не без пикантности. Александр Мартынович очень талантливо сыграл свою роль, что не исключило ужасной неловкости. Старая дама призналась: «Вы знаете, я уже почти ничего не вижу и слышу все хуже и хуже». Отец ответил с непередаваемо снисходительным жестом: «Но это совершенно не важно, мадам!», – фраза эта вошла в нашу семейную сокровищницу.

Надо сказать, что жилище, которое мы собирались «почтить своим присутствием», на самом деле было огромным домом! Одиннадцать комнат, две ванные, три уборные, огромная кухня, большая столовая, просторная зимняя гостиная. С большой террасы можно было любоваться местным пейзажем, который был частью леса Монморанси.

Дом был полностью меблирован и наполнен всеми сокровищами, которые так характерны для зажиточной довоенной буржуазии. Французские колонии были представлены настенными украшениями: африканские ассегаи⁹⁴, марокканские блюда, камбоджийские шляпы и т. д. Также, разумеется, и старинные блюда, и посуда, коллекция оружия войны 1870 года, а в зимней гостиной царил святой или апостол – старинная скульптура из раскрашенного дерева.

Надо упомянуть и о комнате, предназначенной для хранения подшивок старых журналов – в частности «L'Illustration»⁹⁵, главным редактором которого долгое время был покойный муж старой дамы.

И, к великой радости Александра Мартыновича, – пианино. И еще погреб, помещение для стирки, комната, полная игр минувших времен и... паутины.

Завершая описание, не могу не рассказать об очень большом саде. Прекрасная лужайка, окруженная деревьями, среди которых секвойя пятнадцати метров высотой, красный бук во всей своей красе, гинкго билоба и т. д. Ниже – огород, фруктовые деревья, много груш. Конечно, изобилие цветов. Розарий, несколько прекрасных сиреневых кустов, две большие магнолии, много тюльпанов, немало и других цветов.

Волшебная сказка начиналась довольно сурово: льдистый ноябрь. Никакого отопления, кроме каминов и печек. Надо было поспешно (с нашими скромными средствами) раздобыть дрова и уголь и ограничить наше жизненное пространство двумя комнатами-кухнями.

Трудно представить, каким образом семья, испытывавшая столь серьезные денежные затруднения, все же сумела в конце концов обрести гавань в этом замке. Тут, вероятно, стоит принять во внимание, кроме свойственного нам «оптимизма безнадежности», тот факт, что я стал получать почти систематические заказы на иллюстрации, а мой отец, со своей стороны, надеялся, что осуществятся некоторые данные ему обещания.

Несмотря на огромные и неотвязные финансовые затруднения, Александр и Роза прожили там дюжину лет в «счастливой пародии» на то самое «у себя», которое столько раз возникало недостижимой мечтой в «Воспоминаниях». Этот дом был в самом деле поразительной противоположностью их бродячей и шаткой жизни, длившейся столько лет, – особенно после приезда во Францию: восемь переездов между 1933 и 1942 годами, из которых пять приходились на жизнь в гостиницах... И вот наконец они могли даже принимать гостей!

<...>

Кроме родных и близких, наш дом видел и многолетних друзей родителей: Евгения и Александрю Грюнберг, так же как и Григория Хмару⁹⁶, давнишнего друга Александра, бывшего актера труппы Московского Художественного театра, который, не имея в Париже ангажемента и обладая поразительно могучим голосом, принял пять цыганские песни в маленьком кабаре на Монмартре. Новый друг Поль Остуайа, бывший руководитель большой группы Сопротивления, в которую я входил, приезжая в наш дом, пользовался случаем, чтобы ходить в ближайший лес на поиски редких шампиньонов.

Мне видится прекрасная картина. Конец лета, изумительная погода, листья цвета позолоты покрывают лужайку. «Землевладелец» Александр Арнштам, засучив рукава, в белой кепке, которая, хоть и куплена на здешнем рынке, на голове его имеет совершенно русский вид, собирает опавшие листья с помощью старой сабли колониальной кавалерии, взятой из коллекции, украшающей стены столовой.

Но вот и конец этих прекрасных лет. Наступил 1956 год. Моя мать серьезно заболела и умерла после долгих страданий в конце июля. <...>

Александр и я остались одни в этом огромном пустом доме.

Тяжелый приступ грудной жабы, случившийся через несколько дней после похорон Розы на кладбище Монморанси в Гроле, заставил отца провести в постели несколько недель.

Мы оставались в этом доме до февраля 1957, затем настал день отъезда. На мне лежал тяжелый груз: возмещение (в рассрочку) всех пришедших в негодность или разломанных предметов, испорченных матрасов (там спали маленькие дети) и, сверх того, множества очень ценных ковров, которые матушка поместила свернутыми на четвертый этаж, – чтобы сохранить их... забыв о грозной моли.

Отца с тех пор поселила у себя на улице Валуа семья Игоря.

Для Александра началась другая жизнь. И для меня, надо признаться, тоже, – я был свободен от семейных забот (если не говорить о долгах).

Несмотря на перемены, поселившись в квартире Игоря, Александр Мартынович мало-помалу стал к ней привыкать. И несмотря ни на что, несмотря даже на сердечные приступы, которые отныне случались у него постоянно, я думаю, можно сказать, что для него наступила «хорошая» жизнь. Вокруг него были Дениза, дети – Пьер-Анри, Аник и Сильви, и драгоценным было для него успокаивающее присутствие Игоря. И то, что квартира находилась в Пале-Руаяле, тоже приносило радость. Его окно выходило в прославленный сад, который стал неиссякаемым источником сюжетов для его рисунков.

Семья Жоржа и Клариссы жила недалеко – на улице Ришелье, и Кристиану, Клоду, Доминику и Алану достаточно было пересечь сад.

Особенно он любил, когда приходил Жорж. С ним он говорил о кино как с «собратом по ремеслу». То была профессиональная среда, которую он так любил и которая приносила ему настоящее удовлетворение.

Я был женат на Изабель, и мы часто навещали отца. Он относился к ней с симпатией, и поскольку она сильно напоминала русскую, он, говоря со мной, называл ее Изабель Иванова. Затем появились Николай и Марина, и у него было время их узнать, принять и полюбить.

Через несколько лет он согласился ездить на каникулы, – то с Игорем в О-Ониваль, то – позднее – с семьей Жоржа в Сан-Кэ-Портриё в Бретани.

Там он был счастлив, наслаждаясь близостью моря, которое напоминало ему море его детства, Финский залив, эти чудесные годы с женой и двумя маленькими мальчиками, светлым и темным, – Жоржем и Игорем.

В октябре 1969 случился сердечный приступ, более сильный, чем предыдущие, и с тяжелым инфарктом он оказался в больнице Ларибюзьер.

У нас была возможность сменять друг друга, чтобы как можно больше времени находиться рядом с ним, – Жорж спешно вернулся со съемок в Италии. Последними, кого покорило очарование Александра, остававшегося до конца безупречным, стали две преданные сестры из реанимационного отделения.

Его могила на кладбище в Монморанси находится рядом с могилой его жены.

Но надо вернуться назад. Я не говорил о профессиональной деятельности отца между 1945 и 1969 годами. А это совершенно необходимо, чтобы иметь полное представление о его жизни, так как последние 24 года были освещены несколькими вспышками творческой активности.

Начиная с 1945 года, он пробовал восстановить хрупкое здание своих профессиональных связей, которые ослабли за военные годы. Трудная задача! Начинать заново, когда уже шестьдесят пять лет...

Он сказал бы, конечно, о грохоте поезда своей жизни на новом повороте рельсов.

Как художник-декоратор кино он успешно работал около двух лет и участвовал в создании короткометражного фильма, одним из инициаторов которого он сам и был.

Это – «Роза и Резеда» по поэме Арагона. Постановщик: Андре Мишель. Продюсером фильма был Национальный совет Сопротивления. Музыка: Жорж Орик. Монтаж: Жорж Арнштам. Этот фильм, не раз получавший премии, позволил Александру делать именно то, что он любил. Иными словами, участвовать в замысле, в работе над сценарием, в самой съемке, которая проходила в От-Прованс и о которой он сохранил самые приятные воспоминания.

Затем была работа, занимавшая его целый год: подготовка декораций для фильмов, из которых два находились уже в процессе съемки: «Ноев ковчег» (1945, реж. Анри Жак) и «Любовь вокруг дома» (1946, реж. Пьер д'Эрен). После этого продюсер разорился, и «поезд» Александра перешел на рельсы, ведущие в депо, из которого он так и не смог выйти, – во всяком случае, в том, что касается деятельности художника кино.

Естественно, я был рядом с ним, чтобы поддерживать финансовую стабильность, но ему нужно было найти какой-то выход во внешний мир. Миновало два года. Связи в мире кино направили его путь в мир афиш, и с 1949 года возникла своего рода мастерская: Александр заключал контракты, мы вместе делали эскизы, которые принимались директорами по рекламе, а я исполнял (в натуральную величину) принятые афиши.

Чаще всего он сам рисовал эскиз, и когда это касалось уменьшенного формата, исполнял и рисунок. Так или иначе, все это функ-

ционировало, порой с паузами, но в целом эта наша деятельность позволяла нам худо-бедно выдерживать трудное бремя «зámка».

Смерть Розы, его собственная болезнь и затем наступившая медлительность в работе мало-помалу привели к тому, что заказов на афиши становилось все меньше. Я же в то время стал получать больше собственных заказов, которые делались все интереснее, и теперь уже я давал отцу выполнять работу, предназначенную мне, — главным образом, обложки книг, особенно обложки впервые появлявшихся тогда *livre de poche** (это началось еще в Монморанси). Я был рад тому, что мое время от времени давать ему работу.

Все же страстное желание создать нечто действительно значительное продолжало его мучить.

Прежде всего это было желание создать книгу о Пале-Руаяле, каким видели его прославленные его обитатели (их список был велик). Он начал выстраивать структуру книги, часть которой состояла бы из фотографий, чередующихся с его собственными рисунками. Он вступил в переговоры с чиновниками из мэрии первого округа, с министерством культуры. Повсюду его принимали радушно и выслушивали с интересом.

Фредерик Потешер написал для книги длинное предисловие, Жан Кокто тотчас же сделал рисунок фронтисписа и написал вступление. Морис Гудикет отдал ему текст, написанный Коллет, которая была его женой. Раймон Оливе, знаменитый шеф-повар «Grand Véfour»⁹⁷, написал очень забавный текст. Молуджи дал ему поэму. Франсуа-Режис Бастид, Эммануэль Берль⁹⁸, Поль Ребу, Элен Лазаревф⁹⁹ и ряд других обещали свое сотрудничество¹⁰⁰. Мишель Дежарден, фотограф журнала «Réalités», сделал серию превосходных снимков.

За осуществление прекрасного макета Александра взялся мой друг Пьер Шапело. Александр Мартынович показал его нескольким издателям. Результат? Остановка на «мертвой точке»: чтобы дело принесло успех, книга должна была быть отлично издана, следовательно, будет дорого стоить; стало быть, ее распространение делалось слишком проблематичным, а тема и стилистика — не для «широкой публики».

К счастью, в нужный момент случилось приятное событие, и это помогло проглотить горькую пилюлю.

Некий американский коллекционер, будучи в Европе, позвонил Александру. Его интересы — русский театр и его история. Он собирается устроить большую выставку, основать музей и ищет для приобретения оригинальные работы, соответствующие его предприятию. Итак, этот господин приходит с визитом и покупает несколько уцелевших портретов из России и Берлина.

* Карманная книжка (франц.).

Немного денег и надежда существовать с помощью своих рисунков подняли настроение Александра.

И тогда ему в голову приходит другой проект. Создать балет. Сюжет – по роману Золя «Нана».

Дружба с Евгением Грюнбергом, хорошо знавшим мир балета, казалась ему своего рода залогом того, что стоит броситься в подобного рода предприятие (на счетчике – восемьдесят лет).

Он принялся писать либретто с очень подробной «раскадровкой». Поскольку он постоянно советовался со мной, дело кончилось тем, что я участвовал в сочинении либретто.

Александр Мартынович проявил огромную настойчивость, создавая концепцию спектакля, и быстро нашел очень удачную общую идею. Теперь оставалось самое трудное – «соблазнить» звезду из балетного мира, затем известного композитора, найти балетмейстера и, кроме того, продюсера.

Для главной мужской роли это не было сложно – за нее брался Юлий Алгарофф¹⁰¹. Оставалась заглавная роль: Нана. Последовали длинные переговоры с Людмилой Чериной¹⁰², тогда бывшей в апогее своей карьеры. Ее муж-миллионер хотел любезнейшим образом присвоить проект. Александр Мартынович не позволил ему сделать это.

Между тем – добрая весть: Анри Томази¹⁰³ дал согласие – он берет написать музыку. Между ним и моим отцом возникла тогда близкая дружба.

Превосходная балерина Клер Сомбер¹⁰⁴ имела более простой подход к роли, нежели Черина, и очень хотела танцевать партию Нана.

Завязались контакты со всевозможными продюсерами, в том числе и Страсбургского театра. И произошло чудо. Директор Страсбургского театра взялся ставить «Нана», и контракт между ним и автором и начинателем дела – русским восьмидесятидвухлетним господином, неизвестным в мире балета, был подписан. Александр Мартынович должен был осуществлять контроль за постановкой, сделать макеты декораций, эскизы костюмов и уже на месте следить за их изготовлением.

Думаю, никакой спортивный допинг не мог бы сравниться по эффекту с подписанием контракта. Последовали поездки в Страсбург и обратно, без всяких опасений касательно возможных сердечных приступов.

Я ездил с ним в первую его поездку и затем, разумеется, был на «мировой премьере», которая состоялась 14 декабря 1962 года.

Мечта воплотилась. Зал полон, и после представления – устроена овация артистам балета и создателям спектакля.

Последующее время было отмечено какой-то безмятежностью – следствие реализации мечты. И потом у отца появилось наконец

немного собственных денег – можно было делать подарки, купить какую-то одежду и т. д.

Само собой разумеется, он бросился на поиски новых проектов – что ему оставалось: новый балет «Сотворение мира» (ни больше, ни меньше) зародился полностью в его воображении. Происходил обмен письмами с Марсельской оперой. Одновременно отец был занят работой над эскизами для пьесы Веры Вольман, жены его старого друга Хмары. И потом, разумеется, вооруженный своим альбомом для набросков, он снова начал каждый день рисовать в саду Пале-Руаяля.

Но самая дорогая картина, которую хранит моя память, – это Страсбургский театр, вечер премьеры, конец представления, когда его вызывали на сцену. Я вижу его, как сейчас, в свете прожекторов, вокруг – Анри Томази, балетмейстер, танцоры. В руках – большой букет цветов, в ушах – шум аплодисментов и в сердце (могу дать любые гарантии!) – мгновение великого счастья.

Кирилл Арнштам
Шавиль, август 1995
Перевод с французского
Михаила Германа

P.S. О КИРИЛЛЕ АРНШТАМЕ

В 1999 я познакомился с сыном художника. Тоже художником, давним парижанином – Кириллом Александровичем Арнштамом (во Франции он – г-н Сириль Арнстам).

Невысокий, одетый по-парижски небрежно и просто, но с неуловимым чувством стиля (он вовсе не скрывает своего возраста – ему за восемьдесят), и не то чтобы он кажется куда моложе – просто не удостаивает свой возраст вниманием, он ему не интересен.

Во всем – сдержанная эlegantность, даже в намеренно старомодном, не лишенном, тем не менее, некоего антикварного шика крохотном скромном автомобиле «Ситроен» – той марки, которую во Франции ласково называют «Deux chevaux» («две лошадки») за не слишком мощный мотор.

Кирилл Александрович – столь же подлинный русский европеец, как и его отец, без эмигрантских комплексов и обид, любящий и знающий Францию, серьезно и весело – хотя более чем скромно – живущий в суетном нашем мире. И драгоценное это знакомство было открытием особого потайного входа в мир Арнштама-отца. Человека вполне (намеренно повторяюсь) европейской культуры, человека – можно было бы привычно сказать «трудной», – но скорее сильной, интересной и мужественной судьбы.

Занимаясь выставкой А. Арнштама, он, почтительно и любовно говоря о своем отце, словно бы старался не обращать внимание собеседников на собственную профессиональную судьбу. А судьба его и его искусство достойны особого внимания.

Трехлетним ребенком он оказался за границей. Там и состоялась его профессиональная судьба. Искусство Арнштама развивалось в пространстве западной журнальной графики. Уже его детские рисунки имели ошеломляющий успех, – издатели журналов не верили, что это работы мальчика!

Ранний дар сделал его заложником профессии еще до того, как он сознательно ее избрал.

В пору гремевших по миру экспериментов Кирилл Арнштам, заставший пик известности экспрессионистов, дадаистов, сюрреалистов, сохранил независимость. В его работах есть та независимая от «борьбы течений» свобода, вгoи мастера, свободного от новаций, а не отчужденного от них.

Так, К. Арнштам, иллюстрируя эпопею Анри Труайя «Пока стоит земля (Tant que la terre durega)», сохранил принципиальную для журнальной графики фигуративность, без которой боль и острота его «воображаемых воспоминаний» не обрели бы плоть. Он делал великолепные рисунки – остроумные, я бы сказал, «вольтерьянские» – для послевоенного «Плейбоя». А как он видит Париж! И здесь «воображаемые воспоминания» – в конце сороковых он артистично, с репортажной точностью и осознанной насмешливой стилизацией, рисует и студистов Академии «Гранд Шомьер», и Кики с Фужитой, танцующих у кафе «Дом» в «золотой век» Монпарнаса (1920-е годы).

Только побывав в гостях у Кирилла Александровича и затем увидев блистательную выставку его работ в Петербурге (2003, Музей-квартира Пушкина на Мойке, 12), я оценил его высокий, острый и своеобразный дар.

Смею сказать, мы подружились.

Еще раз благодарю Кирилла Александровича за его великодушный дар и благодарю судьбу за выпавшую мне честь – предложить русскому читателю «Воспоминания» Александра Арнштама.

Михаил Герман

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описываемые события относятся к концу 1921.

² А.С.Мордухович. См. о нем во вступительной статье.

³ В 1921–1924 директором Госиздата в Москве был акад. О.Ю.Шмидт.

⁴ А.М.Арнштам с 1905 был женат на Розе Адольфовне Мордухович (1882–1956).

⁵ Младший сын А.М.Арнштама Кирилл (род. 1919).

⁶ В прессе было объявлено о приезде «петроградского художника Александра Арнштама, сделавшего краткую остановку в германской столице по дороге на лечение в санатории Наугейм», после чего он намеревался ехать в Лондон, где была запланирована персональная выставка его работ и было предложено «написать декорации для постановки “Роза и крест” Ал. Блока» (Голос России. 1921. 26 декабря; Театр и жизнь (Берлин). 1921. №5-6).

⁷ Макс – брат Р.А.Мордухович, далее А.М.Арнштам называет его то зятем, то шурином.

⁸ В оригинале воспоминаний автор указал 1922 год, но это явно ошибка памяти. В январском номере «Новой русской книги» за 1922 уже появилась

биография Арнштама (см. примеч. 13) с берлинским адресом (т. е. написана она была в декабре 1921).

⁹ В 1901–1902 А.М.Арнштам изучал в Берлине химию и философию. В первой части воспоминаний он описал этот период коротко:

Я отправился на Унтер-ден-Линден в Университет кайзера Вильгельма и с соблюдением всех должных формальностей записался на философский факультет. Я стал немецким студентом. Смешно, не правда ли?

Я записался также на химическое отделение – на лекции и лабораторные занятия... Потом на лекции знаменитого философа Зиммеля. Философия, анатомия, профессор Штраус, история музыки, история проституции, история искусства, профессор Фридляндер и еще какие-то лекции, о которых я забыл...

Студенты, видевшие мои записи (Tester Buch), не смогли понять, как я изучаю химию, как впрочем, и я сам. Но у меня было время, я увлеченно занимался в химической лаборатории и прилежно слушал лекции в каждой аудитории.

¹⁰ Старший сын А.М.Арнштама Георгий (1907–1992).

¹¹ Средний сын А.М.Арнштама Игорь (1911–1993).

¹² Русским издателям в Берлине посвящен целый ряд ценных работ. Наиболее масштабные: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983; *Beyer Thomas, Krafft Gottfried, Werner Xenia.* Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. <Berlin>: Arno Spitz, 1987; *Емельянов Ю.И.* «Русский Берлин» (Издательские центры в 20–30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П.Челышева, Д.М.Шаховского. М.: Наследие, 1994. Кн.1. С.35–41; *Быстрова О.В.* Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т.2: Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С.22–32.

¹³ Биография была опубликована:

Александр Мартынович Арнштам, художник-график, до 1919 года жил и работал в Петербурге. В 1917 году заведывал худож. отд. изд. Скобелевского Просветит. Комитета, редактировал художеств. часть «Художественного журнала». В 1918–19 г. был членом Отдела Изобразительных Искусств, сотрудником отдела по охране памятников старины, в литературно-изд. отд. комиссии народного просвещения, редактировал произведения Пушкина. Отдельные произведения Пушкина должны были быть изданы с иллюстрациями А.Бенуа, Б.Кустодиева, В.Замайло, Д.Митрохина, А.Арнштама и др. Одновременно А. много работал в петроградском отд. гос. изд-ства. В 1920 А. переехал в Москву в качестве консультанта худож. отд. госуд. изд-ства. Им сделан целый ряд книжных украшений. В настоящее время А. находится в Берлине (Motzstrasse 37, Hotel Nager).

(Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г. // Новая русская книга. 1922. №1, январь. С.37).

¹⁴ Газеты сообщали: «Занятия в студии Арнштама продолжают по специальностям: рисунок, графика, портрет, плакат и театрально-декорационное искусство. Запись учеников от 5–6 часов ежедневно» (Руль. 1924. 10 августа).

¹⁵ Тото Познер – монтажер-художник, монтировала в том числе все кинофильмы Роже Вадима. Сестра Владимира Александровича Познера (1908–1975). В 1922–1925 жила в Берлине, с 1925 – в Париже.

¹⁶ Цингер Олег Александрович (1910–1998). Мальчиком учился у известного анималиста В.А.Ватагина. В Германии преуспел, много работал в журналах и для рекламы, разрабатывал военную униформу. В 1948 переехал во Францию.

¹⁷ Грюнберг Евгений Юльевич (1887–1964) – книгоиздатель, в Петербурге управлял художественно-графическим заведением «Унион», директор акционерного общества «Дом печати». После революции в Берлине, владелец типографии, редактор журнала «Театр и жизнь», с 1924 – импресарио в Париже.

¹⁸ В июле 1922 в прессе появилось сообщение: «В Берлине возникло новое художественное издательство “Академия”. Руководитель по худож. части – А.Арнштам, по издательской – Е.Грюнберг. Намечен ряд монографий на русском языке о классиках живописи Европы» (Новая русская книга. 1922. №7, июль. С.30). Издательство размещалось на той же улице, где в свой первый берлинский год жил Арнштам, по адресу: Motzstrasse, 76.

¹⁹ Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952) – график, акварелист, художественный критик, историк искусства. С 1908 печатался в журналах «Старые годы», «Зодчий», «Столица и усадьба», «Аполлон», иллюстрируя публикации собственными рисунками. С 1918 председатель архитектурного отдела при Всеукраинском комитете охраны памятников истории и старины, организатор и руководитель музея на базе собрания Б.И.Ханенко (ныне Киевский музей западного и восточного искусства). С 1919 в эмиграции в Константинополе, с 1920 в Париже. Печатался в «Последних новостях», «Жар-птице», «Накануне» и одновременно в советской и иностранной периодике, опубликовал ряд книг на русском языке и в переводах. С 1940 жил в Лондоне.

²⁰ Вермель Самуил Матвеевич (1860–?) – поэт, театральный критик и публицист. Упоминаемая книга вышла в 1923.

²¹ Ср.: «В сфере модной в Берлине сценографии пробовали себя и Пуни, и Богуславская (кабаре “Синяя птица” и “Карусель”), а также Н.Н.Зарецкий, А.Арнштам и другие русские художники» (Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе. XX век: Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 2002).

²² Иллюстрированное приложение к газете «Berliner Zeitung», изд. с 1877.

²³ «Театр на Унтер-ден-Линден» – неофициальное название Немецкой государственной оперы в Берлине, существующей с сер. XVIII в.

²⁴ Скорее всего, автор имеет виду берлинский Дом искусств, основанный 21 ноября 1921 в качестве стоящей вне политики творческой орга-

низации, аналогичной петербургскому Дому искусств. Ср.: «...культурные институции русской эмиграции, с которыми соприкасались художники в Берлине. В первую очередь это Дом Искусств, основанный осенью 1921 года – своеобразный творческий клуб, деятельность которого, из-за отсутствия помещения, разворачивалась раз в неделю в арендованном зале кафе Ландграф. В числе учредителей ДИСКА были художники И.Пуни и Н.Милиоти, а среди членов – А.Арнштам, К.Богуславская, Н.Исцеленов, В.Масютин и другие художники» (Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе). Об истории создания берлинского Дома искусств, а также о расколах среди его основателей и перевыборах см. в публ.: Несколько штрихов к истории литературы первых лет эмиграции (Из архива С.В.Познера) / Публ. О.А.Коростелева // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции (Таллинн, 12–14 сентября 2002) / Ред. В.Хазан, И.Белобровцева, С.Доценко. М.; Таллинн; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2004. С.321–353.

²⁵ Минский Николай Максимович (наст. фам.: Виленкин; 1855–1937) – поэт, драматург, критик, переводчик. С 1906 в эмиграции в Париже, в 1913 вернулся в Россию, осенью 1914 уехал в Париж в качестве военного корреспондента; с 1921 в Берлине, председатель берлинского Дома искусств (1922–1923), с февраля 1923 председатель Профессионального союза переводчиков в Германии. Из Берлина Минский уехал в Лондон, где был советником советского полпредства, а в Париж перебрался в 1927.

²⁶ См.: «17 апр. <1923> в помещении изд-ва “Академия” состоялось организационное собрание русских художников в Германии. В инициативную группу вошли: Архипенко, Арнштам, Белкин, Богуславская, Голубев, Пуни и др.» (Новая русская книга. 1923. №5/6, май–июнь. С.45). Ср.: «Союз русских живописцев, ваятелей и зодчих (учрежден в 1923 году) с участием А.Архипенко, И.Пуни, К.Богуславской, А.Арнштама и Н.Зарецкого, избранного председателем. Однако деятельность Союза оказалась недолгой, поскольку он возник во время, когда уже начался отток основной массы эмигрантов из Берлина» (Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе). Как минимум, два года Союз русских живописцев, ваятелей и зодчих в Берлине просуществовал (в русских берлинских газетах «Руль» и «Дни» печатались объявления о собрании, назначенном на 16 мая 1925).

²⁷ В отеле «Adlon» (Unter den Linden, 1) нередко устраивались эмигрантские балы; см. хронику «русского Берлина»: Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Herausgegeben von K.Schlögel, K.Kucher, B.Suchy und G.Thum. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 1999. Passim.

²⁸ «Die Erste russische Kunstausstellung» («Первая выставка русского искусства»), состоявшаяся осенью 1922 года в галерее Ван Димена. На ней было представлено творчество как художников из советской России, так и эмигрантов. Подробнее см.: *Поплавский Борис*. Берлинская выставка 1922 года / Публ. Э.Менегальдо, предисл. Э.Менегальдо и Ж.-К. Маркадэ, примеч. Ж.-К. Маркадэ // Диаспора: Новые материалы. Вып. 7. Париж; СПб., 2005. С.558–559.

²⁹ А.Арнштам до середины 1920-х продолжал оформлять книги для советских издательств.

³⁰ Правильно: Gottschalk Tonfilm.

³¹ В том числе: «Возвращение домой» (1928) Джоз Мая, «Любовное приключение Распутина» (1928) Мартина Бергера, «Чудесная ложь Нины Петровны» (1929) Ганса Шварца, «Бессмертный бродяга» (1930) Густава Учицкого, «Распутин, демон женщин» (1932) Адольфа Троя, «Смерть над Шанхаем» (1932) Рольфа Рандольфа, «Буря» (1939) Бернара Дешампа и др.

³² Николай Павлович Топорков (1885–1965) – кинооператор, русский эмигрант. Снял более 60 фильмов в России и Франции: «Мишель Строгов» (1926), «Наполеон» (1927), «Орленок» (1931), «Сержант Х» (1932) и др.

³³ Планер Франц (1894–1963) – немецкий кинооператор, с конца 1930-х в Голливуде.

³⁴ Имеется в виду семья ученицы Арнштама Тото Познер (см. примеч. 14) – петербуржцы, эмигрировавшие из России в 1922.

³⁵ Литературно-художественный и политико-бытовой иллюстрированный ежесемейный журнал «Der Querschnitt» выходил в 1924–1933.

³⁶ Британское информ- и фотоагентство с нач. 1900-х до наших дней.

³⁷ В.Ирецкий (наст. имя: Виктор Яковлевич Гликман; 1882–1936) – литератор, журналист, участник собраний Цеха поэтов, сотрудник петербургской «Речи» и «Солнца России», после революции один из организаторов Всероссийского союза писателей, один из руководителей петроградского Дома литераторов. В 1922 выслан за границу, жил в Берлине, выступал с докладами в берлинском Доме искусств, сотрудничал в «Руле» и рижской газете «Сегодня».

³⁸ Ошибка памяти мемуариста. Статья была опубликована не в «Слове», а в другой рижской газете: *Ирецкий В. Кира // Сегодня. 1929. №200, 21 июля. С.5.*

³⁹ Жена В.Я.Ирецкого Елена Владимировна Антипова (1892–1974) в 1929 приехала в Бразилию для создания лаборатории по исследованию детской психологии и за долгие годы жизни в этой стране основала ряд организаций: Общество Песталоцци (1932), Дом маленького рабочего и скаутскую организацию для дефективных детей (середина 1930-х), учебное хозяйство в округе Ибиритэ (1939), Общество Песталоцци в Рио-де-Жанейро (1945). Сын Даниил Викторович Антипов (1919–2004) уехал в Бразилию с матерью и помогал ей во всех начинаниях. В личном фонде В.Я.Ирецкого в РГАЛИ (Ф.2227) имеются адресованные к нему письма жены (1922–1934), а также и письма А.М.Арнштама (1929).

⁴⁰ Племянники А.М.Арнштама, дети его сестры Эллы.

⁴¹ В сообщениях эмигрантской периодики о кинопостановках с участием Арнштама не раз специально подчеркивалось: «Все статисты – русские» (Руль. 1928. 29 июля; Последние новости. 1928. 8 августа; Руль. 1928. 16 сентября).

⁴² Шарль Дюллен (Dullin; 1885–1949) – французский режиссер, основатель (1922) и руководитель (до 1940) театра «Atelier», открывший талант Г.В.Серова. См.: «В лице главы театра “Ателье” на Монмартре Дюллена артист Серов нашел француза, его оценившего, не побоявшегося при безработице туземных актеров и театральном кризисе пригласить к себе иностранца

и русского беженца. <...> Последней с участием Серова была пьеса “Вольпоне”, не сходящая с подмостков театра “Ателье” и собиравшая до последнего минувшего сезона полную залу. Успех Серова в пьесе делает постановку “Вольпоне” отчасти событием и русского сценического искусства» (*Н.Чубышев*). Кончина артиста // Возрождение. 1929. №1577, 26 сентября).

⁴³ Роль в спектакле «Вольпоне» была для Серова не дебютной, а последней в его короткой жизни, но именно она принесла ему наибольший успех. В 1929 спектакль «Вольпоне» в театре «Ателье» прошел 25 раз (см.: К кончине Г.Серова // Последние новости. 1929. №3109, 26 сентября. С.3).

⁴⁴ Грок (Карл-Адриен Веташ; 1880–1959) – швейцарский цирковой артист, прославленный клоун, в 1926–1931 снимался в кинокомедиях. «Шарло» – прозвище Чаплина во франкофонных странах.

⁴⁵ Г.В.Серов был похоронен на деньги своего школьного товарища (и друга Арнштама) Е.Ю.Грюнберга. См.: К. Г.В.Серов // Возрождение. 1929. №1577, 26 сентября. С.4; см. также: Г.П. Погребение Г.В.Серова // Там же. №1579, 28 сентября. С.5; Л.В. Памяти артиста: Директор театра «Ателье» Ш.Дюллен о Г.В.Серове // Иллюстрированная Россия. 1929. №41, 5 октября. С.13; Берберова Н. Памяти Г.В.Серова // Последние новости. 1929. №3111, 28 октября. С.3. Подробнее о Г.В.Серове см. в «Хронике кинематографической жизни зарубежья» Р.Янгирова в наст. томе «Диаспоры».

⁴⁶ Ионов (Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942). Революционер, боевик, большевик, брат З.И.Лилиной, жены Г.Е.Зиновьева. Репрессирован, умер в лагерях. В описываемое время заведовал Петроградским отделением ГИЗа. См. о нем: «Старый большевик, добродушный, плотный, с красным туповатым лицом» (*Каверин В.* Эпилог. М., 1997. С.264). Каверин характеризует Ионова как наглого и жестокого советского функционера.

⁴⁷ Зозуля Ефим Давидович (1891–1941) – советский писатель. Погиб на фронте.

⁴⁸ Кольцов (Ефимов) Михаил Ефимович (наст. фам Фридлянд; 1898–1940) – советский писатель и журналист. Репрессирован.

⁴⁹ Венус Георгий Давыдович (1898–1939) – литератор, участник Первой мировой войны и Белого движения. С октября 1920 в эмиграции, в Константинополе, с 1922 в Берлине, член литературной группы «4+1», сменовеховец, сотрудник газеты «Накануне». Весной 1925 вернулся в СССР, в январе 1935 арестован, сослан под Куйбышев, весной 1938 снова арестован, умер в заключении.

⁵⁰ Бродский Александр Моисеевич (1879–1930) – журналист. До революции сотрудник «Солнца России», в эмиграции печатался в берлинской периодике.

⁵¹ Дымов Осип (наст. имя Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959) – русский писатель, драматург, журналист. С 1913 жил в США.

⁵² Пыжова Ольга Ивановна (1894–1972) – актриса МХТ (с 1914), затем в МХАТ-2 (с 1924).

⁵³ Кабаре «Летучая мышь» создано Н.Ф.Балиевым в 1908 в Москве. С 1920 возродилось в Париже, первые спектакли прошли в парижском театре «Феллина». Театр много гастролировал по европейским странам.

С 1922 – в Нью-Йорке, гастролировал по США, Латинской и Южной Америке. С 1931 «Летучая мышь» перебралась в Европу и вскоре прекратила свое существование. Главным администратором у Балиева много лет был Г.И.Бирс.

⁵⁴ Амфитеатрова Иллариya Владимировна (урожд. Соколова; 1873–1949) – вторая жена А.В.Амфитеатрова.

⁵⁵ Возможно, имеется в виду Александр Иосифович Гидони (1885–?) – писатель, журналист, историк.

⁵⁶ Скорее всего, имеется в виду Шахид Суварарди, индийский специалист по русской литературе, одно время тесно связанный с «качаловской группой» МХТ. Подробнее о нем см.: *Германова М.Н.* Мой ларец / Публ. И.Соловьевой // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С.89 и по указ.

⁵⁷ Аким Тамиров (Тамирян; Akim Tamiroff; 1899–1972) – актер театра и кино. В 1923 вместе с труппой МХТ находился в США, на родину не вернулся. Сыграл ок. 140 ролей в Голливуде.

⁵⁸ Sturmabteilung – штурмовые отряды (*нем.*). В обиходе – штурмовики, коричневорубашечники. Эсэсовцы, служащие Охранных отрядов (Schutzstaffel), упомянутые выше автором, в описываемую эпоху отличались от штурмовиков лишь черными кепи и петлицами.

⁵⁹ Берлинская гимназия имени немецкого педагога Трайчке, в которой учился К.А.Арнштам.

⁶⁰ «Смерть над Шанхаем» (1932, реж. Рольф Рандольф).

⁶¹ Речь идет о работе над фильмом «Алала» («Alala», 1933).

⁶² Ср.: «Русский художник А.Арнштам, работавший последнее время в Германии, сейчас декорирует фильм А.Тротца <так!> в Испании. Павильонные съемки – в Барселоне» (Последние новости. 1933. 1 октября).

⁶³ Ферреро Вилли (Ferrero; 1906–1954) – итальянский дирижер. Выступал с детских лет. Концертировал как симфонический и оперный дирижер, в том числе в СССР (1951).

⁶⁴ Уличные уборные, предназначенные исключительно для мужчин. В 1839 префект Рамбюто подписал указ о создании «уринуаров», прозванных «Vespassienne», одноместные отхожие места для мужчин, внешне похожие на афишные тумбы и отчасти сохраняющие их функции. Название восходит к имени римского императора Тита Флавия Веспасиана: ему принадлежит организация в Риме публичных отхожих мест и взимание налога на них, равно как и связанное с этим выражение «Деньги не пахнут».

⁶⁵ Каганович Александр Наумович (?–1938) – архитектор.

⁶⁶ Брассай Гьюла Халлаш (Brassai; 1899–1984) – венгерский фотограф, известный своими парижскими репортажными снимками, а также фотографиями сюрреалистических скульптур, иногда в специальных ракурсах, удвоении и т. д. Жил и работал во Франции с 1924, был в дружеских отношениях с Матиссом, Пикассо, Превером, Г.Миллером и др.

⁶⁷ Сиодмак Роберт (1900–1973) – немецкий режиссер, работал в германском, французском и американском кино.

⁶⁸ Колен Поль (Colin; 1892–1985) – французский художник-декоратор, известный также своими афишами.

⁶⁹ Бейкер (Бекер) Жозефина (Baker; 1906–1975) – французская актриса, певица, танцовщица; по происхождению американка.

⁷⁰ Приемная дочь Эйнштейна Маргот в 1930 вышла замуж в Берлине за русского журналиста Дмитрия Марьянова, приписанного к советскому торгпредству. См., напр.: *Сау Н.* Новеллы моей жизни. Т.1 (глава «В гостях у Альберта Эйнштейна»). Настоящее имя Марьянова – Давид Иоаннович (1899–?), бывший сотрудник Скобелевского комитета и Кинокомитета; меньшевик, масон.

⁷¹ Ледумег Жюль (1906–1973) – известный французский спортсмен и рекордсмен, бегун на средние дистанции.

⁷² Известная фирма парфюмерии и косметики.

⁷³ Дюбу Альбер (Dubout; 1905–1976) – французский карикатурист и рисовальщик, автор иллюстраций к произведениям Рабле и Вийона.

⁷⁴ Леон Алгази, владелец кинокомпании «Metro Films».

⁷⁵ Фильм «Катя» (о любовнице Александра II Екатерине Долгоруковой) вышел в 1938 (режиссер Морис Турнер / Maurice Tourneur). Снят по роману румынской аристократки княгини (принцессы) Martha Bibescu (Bibesco; 1889–1973; псевдоним Lucile Desaux) – писательницы, автора около 30 книг.

⁷⁶ Даниэль Дарье (Dargieux; род. 1917) – французская актриса театра и кино. Дебютировала в кино в 14 лет.

⁷⁷ Компанеец Яков (1906–1956) – эмигрант из Петербурга, сценарист французского и американского кино.

⁷⁸ Вальберг (Валь-Берг) – французский композитор, в 1930–1950-е писал музыку для кино.

⁷⁹ См. примеч. 75.

⁸⁰ Имеется в виду Эдуард VIII (Edward VIII; 1894–1972), король Великобритании. Наследовал трон 20 января 1936 после смерти отца, короля Георга V, но 11 декабря 1936 после конституционного кризиса, вызванного отказом парламента дать разрешение на его брак с разведенной американкой из Балтимора У.Симпсон, отрекся от престола. После отречения носил титул герцога Виндзорского.

⁸¹ Большая сумма по тем временам (обед в приличном ресторане стоил около 25 франков).

⁸² Леонидов Леонид Давидович (1885–1983) – импресарио, организатор зарубежных гастролей МХТ, автор книги «Рампа и жизнь. Воспоминания и встречи» (Париж: Русское театральное издательство за границей, 1955).

⁸³ Фридлянд Жорж (1910–1993) – французский кинорежиссер.

⁸⁴ Жан-Батист («Джанго») Рейнхардт (Reinhardt; 1910–1953) – французский джазовый гитарист.

⁸⁵ Директором «Les Ballets de Monte Carlo» Е.Грюнберг стал в 1945.

⁸⁶ Эдуард Даладьё (Daladier; 1884–1970) – в 1933–1934 (с перерывом) и в 1938–1940 премьер-министр Франции. Подписал Мюнхенское соглашение (1938).

⁸⁷ Возможно, имеется в виду Музыкальное издательство, которым Е.Грюнберг одно время заведовал.

⁸⁸ «Пассивная оборона» (*франц.*) – сформированные из штатских добровольцев отряды, наподобие «Гражданской обороны», помогавшие поддерживать порядок в городе.

⁸⁹ В годы войны во Франции изготавливали из винограда сладкую плотную массу в виде килограммовых плиток. Виноградный сахар можно было купить, не используя продуктовые карточки.

⁹⁰ Ролланы – семья протестантов, у которых жил К.А.Арнштам в период оккупации. Отец семейства Ролланов, полковник, погиб в колониях, в доме жили вдова и ее дети: две дочери и сын.

⁹¹ 14 июня 1940.

⁹² Речь идет о женитьбе сыновей А.М.Арнштама и о детях Жоржа и Игоря.

⁹³ Под этой фамилией К.А.Арнштам жил в военное время по поддельным документам.

⁹⁴ Короткие метательные копья у народов Южной Африки.

⁹⁵ «L'Illustration» – французский иллюстрированный журнал. Выходит с 1843.

⁹⁶ Хмара Григорий Михайлович (1882–1970) – в 1910–1920 актер МХТ. С 1915 снимался в кино. С 1920 жил во Франции, продолжал сниматься в кино, в том числе и с Гретой Гарбо, играл на сцене. Активно работал до войны в парижских театрах миниатюр, студиях, в том числе и собственной. Одним из браков был женат на Асте Нильсен. В 1930 снимался в фильме «Человек, который убил» (реж. Куртис Бернхардт), где художником был Арнштам.

⁹⁷ «Гран-Вефур» – один из известных ресторанов Парижа, находящийся в Пале-Руаяле.

⁹⁸ Берль Эммануэль (Berl; 1892–1976) – французский журналист и литератор.

⁹⁹ Элен Лазаревф (урожд. Гордон; 1909–1988) – французская журналистка, сотрудница журнала «Nagreg's Vazaag» и газеты «New York Times», с 1939 жена Пьера Лазаревф (главного редактора журнала «Paris-Soir», затем «France Soir»), с 1945 основательница и первый редактор журнала «Elle».

¹⁰⁰ К.Арнштам называет известных в то время журналистов и литераторов, согласившихся принять участие в проекте, который так и остался несуществующим по финансовым причинам.

¹⁰¹ Юлий (Юрий) Алгаров (Youli Algaroff; 1918–1995) – французский танцовщик российского происхождения; в 1953 и 1964 – премьер Grand Opera в Париже.

¹⁰² Людмила Черина (Ludmila Tcherina; наст. имя Моник Шамырзэ; 1924–2004) – французская балерина, офицер ордена Почетного легиона (1980). Дочь адыгского (черкесского) аристократа-эмигранта Авенира Шамырзэ, генерала российской императорской армии и изобретателя осветительной ракеты. Прима-балерина Grand Opera, звезда послевоенного кинематографа.

матографа, снялась в 31 фильме. В 1958 с успехом выступала на сцене Большого театра в Москве и Кировского театра в Ленинграде.

¹⁰³ Анри Томази (Tomasi; 1901–1971) – французский композитор и дирижер.

¹⁰⁴ Claire Sombert (род. 1935) – французская балерина.

Д

**Статьи,
исследования**

Владимир Генис
**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕВОЗВРАЩЕНЧЕСТВО»,
ИЛИ РОЖДЕНИЕ «СОВЕТСКОЙ» ЭМИГРАЦИИ**
(Мистификатор Я.Бадьян, его «двойники»
и Заграничное бюро оппозиционеров)

1. «Маленький рабочий»
(Берлин, 1926)

В августе 1926 газета «Правда» писала:

Нашу партию постиг тяжелейший удар, после которого мы долго не протянем. Якова Ивановича Бадьяна больше нет среди нас. И больше не будет. При этой вести сердце каждую минуту останавливается на полчаса. В висках, как поезд, грохочет мысль: «Нет Бадьяна, нет Бадьяна, нет Бадьяна». Руки опускаются, перо не в силах прикоснуться к мокрой, разбухшей от слез, бумаге...¹

Так начинался фельетон Михаила Кольцова, в котором рассказывалось, как упомянутый коммунист, выпущенный на лечение за границу, явился 3 августа в берлинское представительство Всероссийского кожевенного синдиката на Линденштрассе с просьбой ссудить ему две тысячи марок или, в переводе на советскую валюту, одну тысячу рублей. Посетителю, естественно, отказали, хотя он ссылаясь на инвалидность и звание «почетного красноармейца», шумел и грозил пожаловаться в Москву.

После его ухода комнату пришлось, мол, проветривать от коньячного духа, но 7 августа гость явился снова, причем был «сравни-

¹ Кольцов М. Мы остались без Бадьяна! // Правда. 1926. №192, 22 августа.

тельно более трезв, лирически настроен, говорил о тоске по родине и объяснил, что лечиться раздумал, так как не верит в буржуазных гинденбургских докторов». На этот раз он просил только пятьдесят долларов или сто рублей, но, опять получив отказ, попытался уговорить сначала машинистку, а потом двух ожидавших приема немцев одолжить ему хотя бы пятнадцать рублей. Напрасно...

Если б знали скаредные чиновники из Кожсиндиката, на что они толкают заслуженного инвалида, наверняка бросились бы за ним вдогонку! Но было поздно: 8 августа эмигрантский «Руль» объявил, что в ближайшем своем номере напечатает «заявление только что приехавшего из России партийного коммуниста, занимавшего ряд ответственных должностей, о его выходе из партии...»². Газета выполнила обещание и два дня спустя опубликовала письмо в редакцию, в котором малограмотный перебежчик яростно бичевал советский режим. Бадьян, а это был именно он, заявлял:

Весь пройденный мною путь стал меня, уже начиная с 25-го года, приводить к убеждению, что тот строй, который существует в России, является гибельным для всего человечества, что в истории мира не бывало еще таких государственных махинаций, какие ныне совершаются вождями России. Никогда в истории человечества не бывало такого обмана, которым в настоящее время опутаны рабочие и крестьяне в России.

Вот почему с сегодняшнего дня я считаю себя выбывшим из состава партии ВКП и слагаю с себя все обязанности по занимаемым мною выборным и государственным должностям. Ближайшей и единственной моей задачей отныне будет разоблачение всех тех государственных деятелей, которые и по отношению к своему народу, и по отношению ко всему человечеству решительно ни перед чем не останавливаются для достижения своих своекорыстных целей.

Я, как бывший член партии, знающий всю ее подноготную, уверенно заявляю, что мир не осведомлен даже относительно той части того, что ныне ее руководители проделывают в России. Я не в состоянии больше жить прежним обманом и обманывать других. Происходящая в настоящее время внутренняя партийная грызня за власть дала мне окончательный толчок и ужаснула меня тем, что столько крови было пролито напрасно и еще столько может быть пролито впереди. Прикрываясь именем народа, эти люди только борются за удержание в своих руках власти и все страшнее обостряют хаос в области экономической жизни России.

При таких условиях я выхожу из партии и молчать больше не могу.³

² Руль (Берлин). 1926. №1727, 8 августа.

³ Бадьян Я.И. Письмо в редакцию // Там же. №1728, 10 августа. См. также: Исповедь коммуниста // Последние новости (Париж). 1926. №1967, 11 августа.

Но это было только начало его активной «публицистической» деятельности: на следующий день в «Руле» появилось второе открытое письмо Бадьяна, адресованное берлинскому полпреду Н.Н.Крестинскому и отличавшееся еще более возмутительным и, с точки зрения официальной Москвы, даже «белогвардейским» характером.

Ведь автор утверждал, что рабочие и крестьяне России, находясь, как «стадо баранов», под гипнозом обещаний большевистских вождей «получить что-то лучшее», по темноте и невежеству допустили гибель «лучших цветов русской интеллигенции». Кучка людей, негодовав Бадьян, вроде Сталина, Куйбышева, Зиновьева и Троцкого, создали такую небывалую диктатуру, что низы уже не смеют противоречить: все, сказанное диктаторами – «это есть неприкосновенное для всей партии; все должны, как один, выполнять их волю, а ответственность за все несчастья падает на весь русский народ...»⁴.

Упомянув о своей трехмесячной работе в качестве руководителя «школы-передвижки», отправившейся в ноябре 1925 по поручению Оренбургского губкома РКП(б) по местным деревням с целью проталкивания в председатели сельсоветов людей, «каковые выгоднее сталинскому строю», Бадьян возмущался теми условиями, в которых вынужден жить русский крестьянин, «несмотря на то, что проливал море крови и переносил то, что не приходилось переносить ни одной нации на земле».

Далее Бадьян рассказывал, как, руководя предприятием с сотнями рабочих, пришел к выводу, что инструкции партии сводятся к обману трудящихся и лживым обещаниям об улучшении жизни в далеком будущем, в то время как «десятки ответственных работников расхищают и растаскивают остатки достижений России». Уверая, что в советских тюрьмах, благодаря «неумелому, безобразному ведению дела нашим диктаторским строем», содержатся «до 10 000 лучших людей», Бадьян повторял, что дальнейшее свое пребывание в компартии считает «лишним» и теперь его цель – «открыть глаза всему человечеству, как опасна и вредна для цивилизованного мира такая советская диктатура»...

Понятно, что, комментируя откровения перебежчика в московской «Правде», Кольцов указывал, что «история с предательством полоумного проходимца глупа и омерзительна», и «тем более жал-

⁴ *Бадьян Я.И.* Заявление Н.Н.Крестинскому, уполномоченному представителю СССР в Германии // Руль. 1926. №1729, 11 августа. Далее цитируется без отсылки. См. также: Прозревший коммунист. Письмо Я.Бадьяна // Последние новости. 1926. №1968, 12 августа; «Россия гаснет день за днем». Открытое письмо бывшего коммуниста-рабочего Я.Бадьяна уполномоченному СССР в Германии Крестинскому // Слово (Рига). 1926. №235, 12 августа; Коммунист и компартия // Дни (Париж). 1926. №1079, 13 августа; и др.

ким кажется ликование «Руля» по случаю дешевой выходки мелкого авантюриста, случайно уцелевшего в партии»⁵.

* * *

Но речь шла отнюдь не о случайном попутчике большевиков. Если верить партийной автобиографии Бадьяна⁶, настоящая фамилия которого была Вайнберг, он родился в 1888 в Забайкалье⁷, был потомственным сапожником в третьем поколении и с двенадцати лет сам зарабатывал себе на хлеб. Четыре года подросток трудился учеником в читинских сапожных мастерских, а шестнадцати лет от роду, самовольно покинув родительский дом, отправился в Москву. Там он нашел место ученика при сырьевом отделе в пушной фирме Штайнберга, однако, не вынеся-де «чрезмерной эксплуатации», в 1908 уехал в поисках работы в Варшаву, где «немедленно примкнул к партии С<оциал>-Д<емократов>», а точнее, вступил в Бунд – «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России».

«Будучи малоразвитым, – признавался Бадьян, – мне в то время казалось достаточным произвести свержение хозяина-предпринимателя и царя. Принимая же во внимание, что я воспитывался в семье грубого отца-пьяницы, мне было очень тяжело быстро воспринимать революционные идеи»⁸. Арестованный в 1914 полицией, Бадьян попал в Монгутовскую каторжную тюрьму в Варшаве, откуда в связи с Первой мировой войной его в составе партии из четырехсот заключенных эвакуировали в Витебск, оттуда – в Полоцк и, наконец, поместили в губернскую тюрьму Самары, хотя формального обвинения так якобы и не предъявили.

В начале 1917 по распоряжению губернатора Бадьян был освобожден и выслан административным порядком в Бежецк, однако, не выдержав там и месяца, нелегально приехал в Самару и устроился в сапожную мастерскую. Хотя уже через две недели его снова арестовали и выслали в Троицк Оренбургской губернии, после свержения монархии Бадьян немедленно вернулся назад, записался в большевики и стал работать в Самарском «совдепе», но, избитый «юнкерами до полусмерти» за выступление на митинге, все лето пролежал в лазарете.

⁵ Кольцов М. Мы остались без Бадьяна!

⁶ См.: Автобиография Бадьяна-Вайнберга Я.И. от 6 ноября 1923. – РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д. бн/121743. Л.1 (далее – Автобиография Бадьяна, с указанием листа).

⁷ В автобиографии, написанной уже в Берлине, Я.И.Бадьян сообщал, что родился «в станции Доросун Забайкальской области», а его отец «и сейчас живет в Варшаве». См.: Автобиография Я.И.Бадьяна // Руль. 1926. №1747, 1 сентября.

⁸ Автобиография Бадьяна. Л.1.

В дни Октябрьского переворота, в котором Бадьян участвовал в составе им же сформированного красногвардейского отряда, он был ранен, но оставался в строю до конца января 1918, когда перешел на работу в партийный комитет. При наступлении на Самару белочехов раненный в голову Бадьян попал к ним в плен, был приговорен к расстрелу и отправлен поездом в Уфу для исполнения смертного приговора, но он умудрился бежать и, скрываясь на хуторе в Пугачевском уезде, организовал крестьянское восстание. Со своим отрядом Бадьян участвовал в наступлении на Самару, а позже служил «уполномоченным полевого контроля», то есть контрразведки Восточного фронта. По его утверждению, он раскрыл тогда десятки белогвардейских заговоров, из-за чего «колчаковские газеты предлагали за голову чекиста Вайнберга-Бадьяна уплатить большое вознаграждение»⁹.

В марте 1919, являясь комендантом Особого отдела Южной группы Восточного фронта, Бадьян командовал отрядом, посланным на усмирение Сызранского восстания. В бою с повстанцами он получил сильную контузию, из-за чего его отослали на поправку в Самару, а оттуда в апреле командировали на Украину, где вспыхнул мятеж атамана Н.А.Григорьева. Там, в Елисаветграде, во время еврейского погрома бандиты, ворвавшись в квартиру не успевшей эвакуироваться семьи Бадьяна, застрелили его сына, а сам он, получив 25 мая очередную тяжелую контузию, снова попал в плен и опять чудом избежал расстрела – был отбит у григорьевцев подоспевшими красноармейцами.

«Тяжело больной, разбитый после тяжелых переживаний от потери сына, – писал Бадьян, – я отправился обратно в Самару, где был назначен комиссаром кавалерии красных коммунаров. Со своим кавалерийским полком находился на Восточном фронте против Колчака. В 1920 г. под городом Уральском во время боев при страшном морозе я был обморожен и лежал четыре месяца без всякого движения»¹⁰.

Однако, несмотря на полное освобождение от военной службы, увечный Бадьян еще три месяца занимал должность комиссара Управления по формированию кавалерии и пехоты штаба Туркестанского фронта, а затем, в связи со вспыхнувшей эпидемией тифа, до середины августа состоял комиссаром «Эпидемического приемника им. наркома Подбельского».

Хотя Бадьяна предполагалось откомандировать на родину в распоряжение Сиббюро ЦК РКП(б), из-за незаживавших ран его послали на юг – в Ставропольскую губернию, где он заведовал «полит-

⁹ Там же. Л.2.

¹⁰ Там же.

отделом города Александровска»¹¹ и председательствовал в Черноморской областной комиссии по оказанию помощи больным и раненым красноармейцам. При усмирении зимой 1921 очередного мятежа Бадьян снова обморозился, но остался на революционном посту и в течение последующих девяти месяцев «комиссарил» в Эссентуках¹².

Вернувшись в начале нэпа к своей прежней специальности, Бадьян, согласно автобиографии, служил «заместителем председателя кожевенной промышленности» Киргизской республики в Оренбурге, доверенным Всероссийского кожевенного синдиката по заготовке сырья и пушнины в Сибири, заместителем заведующего сырьевым отделом «Сибсельскосоюза» в Новониколаевске, уполномоченным «Сибсельхозкооперации» в китайском Чугучаке. В 1925 Бадьяна снова перевели в Оренбург для работы в местной кожевенно-меховой промышленности¹³, а в 1926, как «лучшему партийцу и хозяйственнику», депутату городского совета и инвалиду Гражданской войны, с санкции Оренбургского губкома и Лечебной комиссии ЦК ВКП(б), ему разрешили выехать за свой счет в Берлин¹⁴, где с ним и произошла описанная Кольцовым в «Правде» скандальная история.

* * *

Вслед за партийным официозом жестоко высмеяла Бадьяна и другая советская газета – «Известия», напечатавшая посвященные ему фельетоны А.Старчакова «Раб лукавый» и Г.Рыклина «Сановник». В первом Бадьян был назван «мелким авантюристом, сорвавшимся с жизненной оси» и решившим «спекулировать на перебежке» в лагерь эмиграции¹⁵, а автор второго писал, что ловкачи из «Руля» сделали из мухи слона, приспособив его для «цирковых выступлений»: агент по закупке кожи, которому она сильно надоела, стал «лезть из кожи вон», чтобы попасть в Европу, а та, как известно, денег стоит...¹⁶

Но Бадьян немедленно ответил своим хулителям в открытом письме от 4 сентября:

¹¹ Видимо, имелась в виду станица Александровская – административный центр одноименного уезда Ставропольской губернии.

¹² Став невозвращенцем, Бадьян утверждал, что служил «директором и комиссаром кавказских минеральных вод» (*Бадьян Я.И.* Письмо в редакцию // *Руль.* 1926. №1728, 10 августа).

¹³ Автобиография Бадьяна. Л.3.

¹⁴ В доказательство того, что он выехал за границу на законных основаниях, Бадьян ссылаясь на мандат Оренбургского губсовнархоза от 20 мая 1926 и предъявил два заграничных паспорта, «для меня и моего семейства» (см.: *Бадьян Я.И.* Беспокоество Крестинского (Письмо в редакцию) // *Руль.* 1926. №1734, 17 августа).

¹⁵ *Старчаков А.* Раб лукавый // *Известия.* 1926. №197, 28 августа.

¹⁶ *Рыклин Г.* «Сановник» // Там же. №199, 31 августа.

Да, дорогие тов. Рыклин и Старчинов <sic!>, совершенно вы правы, когда вы пишете в своей газете, что жил-был агент по закупке кожи, надоело так жить агенту кожи и начал лезть он из кожи вон и попал в Берлин.

Вы не ошиблись, что я стал лезть из кожи вон, но не потому, что мне кожа надоела, а потому, что я, как рабочий-кожевник, не мог переварить вашу волчью кожу, которую вы надели на себя <вот> уже 9 лет. Конечно, я попал в Берлин, чтобы содрать с вас кожу и показать Европе вашу грязную душу; не потому, что мне понравилась Европа, я попал в Берлин, а для того чтобы показать Европе, что вы, бездельники, кучка шантажистов, прикрывая себя коммунистическим флагом, довели русского рабочего, крестьянина и интеллигента, что не только кожа на нем осталась, а одна сухая кость.

И напрасно вы, товарищи советские журналисты, пишете, что Бадьян ходил по городу Берлину и искал жирный заработок, ворвался в кабинет редактора «Руля» и с криками пытался устроить скандал относительно лучшей платы. Нет, товарищи Рыклин и Старчинов, вашим ложным статьям, в которых нет ни слова правды, ни один честный русский человек не поверит. Это есть лучшее доказательство, какие вы гнусные дельцы; вы не остановились ни перед чем, выдумываете всякие анекдоты...¹⁷

Впрочем, еще раньше перебежчик ответил заказному острослову из «Правды», который, по мнению эмигрантской прессы, будучи «заведомым лгуном и профессиональным сикофантом»¹⁸, ни слова не сказал по существу разоблачений бывшего коммуниста, а предпочел фиглярство и оскорбления, вроде обвинений его в приверженности «зеленому змию», хотя тщедушный Бадьян не переносит-де спиртного¹⁹. «Не своим голосом запели Вы, тов. Кольцов, – укорял тот фельетониста. – Вам я не удивляюсь. Вы на все готовы. Но удивляюсь, что центральный орган партии никого, кроме Вас, не нашел... Сталину, значит, некогда заниматься такой шантрапой, как мы, рабочие? Где же царю всероссийскому, товарищу Сталину, обращать свое высокое внимание на декларацию правой рабочей оппозиции! А ведь эта декларация разрушит гнилое здание Сталина»²⁰.

Увы, решив, что привлечет к себе интерес эмиграции лишь в случае, если за ним будет стоять какая-то оппозиционная коммунистической власти организация в России, ушлый Бадьян моментально сориентировался и начал, мягко говоря, фантазировать! Не ограни-

¹⁷ Бадьян М.И. <sic!> Ответ «Известиям» и «Правде» // Последние новости. 1926. №1996, 9 сентября.

¹⁸ «Правда» о Бадьяне // Дни. 1926. №1090, 26 августа. Сикофант (от греч. *sykophantes*) – доносчик, клеветник.

¹⁹ Скептик. «Правда» помогла! // Руль. 1926. №1744, 28 августа.

²⁰ Бадьян Я. Ответ «Правде» // Там же. №1745, 29 августа.

чившись своими разоблачениями²¹ (а он, например, обвинял украинских коммунистов в еврейских погромах, а оренбургских чекистов – в убийстве своего товарища с целью создания предлога для развязывания террора против меньшевиков), Бадьян утверждал теперь, что вступившая-де в борьбу с режимом «правая рабочая оппозиция» привлекла на свою сторону «много процентов беспартийных рабочих, а также и партийцев», после якобы недавнего совещания представителей которых и созрело «решение сбросить царство Зиновьевых и ехать на Запад для разъяснения и разоблачений коминтерновской диктатуры»²².

Более того, в очередном письме в редакцию «Руля» Бадьян представлял себя бесстрашным вождем им же выдуманной организации:

Самарский, и оренбургский, и сибирский рабочий знают меня как руководителя правой рабочей оппозиции, и напрасно думают местные чекисты, что я остаюсь эмигрантом за границей. Как только я закончу разоблачение и обман, которые совершаются над русским народом, то, хотя я знаю, что, кроме высшей меры наказания, меня в России ничего не ожидает, как политического врага коминтерновской диктатуры, несмотря на мою инвалидность и материальное положение, я не остановлюсь ни перед каким решением. Напрасно агенты Крестинского посылаются ко мне для переговоров выехать обратно в Россию. Как только выполню свой труд, который я не мог выполнить в России, по окончании своего отпуска я возвращусь в распоряжение Коминтерна для расправы.²³

А 21 августа, когда в переполненном эмигрантской публикой «Шуберт-зале» Бадьян выступил со своим первым докладом на тему «За кулисами большевизма»²⁴, опекавшая его газета опубликовала программу мифической «правой рабочей оппозиции», международную делегацию которой перебежчик якобы и представлял в Берлине. Но в этом документе, написанном столь же полуграмотно, как и все, что выходило из-под пера Бадьяна, недавний коммунист замаскировался на «святое»!

Бадьян доказывал, что ВКП(б) «не должна быть господствующим классом», и призывал к ликвидации ее гегемонии над государственным аппаратом, кооперативными и общественными организациями,

²¹ См.: Разоблачения Бадьяна // Последние новости. 1926. №1973, 17 августа.

²² Бадьян Я. Откуда раскол в ВКП? // Руль. 1926. №1733, 15 августа.

²³ Бадьян Я. Беспорядок Крестинского.

²⁴ «В страстных беспорядочных словах он дал такое обилие вопиющих фактов и цифр», – восторгался корреспондент «Руля». См.: Арбатов З.Ю. Доклад Я.И.Бадьяна // Руль. 1926. №1740, 24 августа.

требовал прекратить оказание финансовой помощи зарубежным компартиям, распустить Коминтерн и Профинтерн, отказаться от монополии внешней торговли, упразднить высшую меру наказания и провести амнистию, создать необходимые условия для свободных выборов и действительно обеспечить права личности в СССР. При этом, приветствуя возвращение белоэмигрантов на родину, Бадьян указывал на недопустимость проведения репрессий в отношении бывших коммунистов и на необходимость оставления земли в собственности крестьянства без выкупа²⁵.

О программе «правой рабочей оппозиции» писали все эмигрантские издания, ее цитировали и анализировали, на ее основе делались глубокомысленные политические прогнозы. Так, в передовой статье редактируемых П.Н.Милюковым «Последних новостей» с воодушевлением объявлялось:

На наш взгляд, самая безыскусственность и редакционная неумелость программы есть доказательство того, что мы имеем тут подлинный крик из России, а не заграничное сочинительство. Сотрудничество с «изгнанниками», действительно, для оппозиционеров необходимо. То, что они сознают эту необходимость, в особенности отрано.²⁶

Газета желала «правой рабочей оппозиции» хорошенько разобратся во всякого рода зарубежных «изгнанниках» и «общественных деятелях», чтобы решить, какое из представляемых ими политических течений ей больше всего подходит, и с энтузиазмом подытоживала: «Во всяком случае, самые поиски поддержки за границей еще раз иллюстрируют наглядно наш тезис о важности роли демократической эмиграции в процессе восстановления России»²⁷. Три дня спустя «Последние новости» вышли с новой, посвященной Бадьяну передовицей²⁸, а в своем юбилейном двухтысячном номере ликующим тоном объявляли, что поиски редакцией возможных союзников в России обещают, видимо, привести к ней именно «правую рабочую оппозицию»²⁹.

Описывая первое выступление Бадьяна перед берлинской публикой, корреспондент парижского «Возрождения» А.И.Бунге указывал, что стены Шубертовского зала не видели еще, вероятно, «такого страстного докладчика», который, несмотря на свою тщедушность, неясную дикцию, совершенно неправильное построение фраз и

²⁵ См.: Бадьян Я.И. Программа правой рабочей оппозиции // Там же. №1738, 21 августа. См. также: Программа «правой рабочей оппозиции» // Последние новости. 1926. №1980, 24 августа.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Голос рабочей оппозиции // Там же. №1984, 28 августа.

²⁹ Двухтысячный номер // Там же. №2000, 13 сентября.

сильный восточный акцент (объяснявшийся якобы тем, что его отец армянин, а мать бурятка), поистине захватил аудиторию.

Горячая и почти сумбурная речь Бадьяна казалась подлинным «криком души обманутого человека, в котором возбудили массу надежд, раздражили аппетит и который внезапно увидел, что его умышленно и нагло дурачили». Бадьяна, например, горячо возмущало, что товарищ Куйбышев «не хочет показать ответственным рабочим “свой баланс”» и разъяснить, «как он может жить на 180 рублей с... четырьмя женами», и почему, мол, «у жены комиссара Раскольниковова 24 собачонки, и каждая собачонка ест фунт шоколада ежедневно, а рабочие, господствующий класс, придавлены и обезличены»³⁰.

Аудитории оставалось только восторженно или недоверчиво внимать всей этой мнимо искренней ахинее, но тот же Бунге признавал, что Бадьян «провинциален», политический горизонт его узок и в пикантных тайнах кремлевских владык он навряд ли осведомлен. Да и вообще, «обобщить, понять, проникнуть в сущность большевицкого наваждения ему не дано», хотя, пытаясь заинтриговать аудиторию, оратор и упомянул пару раз о книге, якобы составляемой им «при помощи нескольких литераторов», в которой он намерен изобразить «весь ужас и жестокость невиданного в истории гнета РКП и ГПУ». Когда же Бадьяна спросили, от какой болезни он приехал лечиться в Берлин, ответ последовал незамедлительно: «От коммунизма!»³¹.

Второй его публичный доклад, посвященный содержанию программы «правой рабочей оппозиции», прошел снова при переполненном зале, но берлинский корреспондент парижских «Дней» отмечал, что оратор был менее точен, ибо вместо конкретных ответов на поставленные ему вопросы только отшучивался и говорил общие фразы. «Может быть, это случайность, – гадал журналист, – а может быть, г. Бадьян хочет нравиться? Кому он хочет больше нравиться – это мы узнаем, вероятно, из его будущих парижских гастролей»³². Однако на упреки меньшевиков Бадьян ответил вполне определенно:

³⁰ Бунге А. Письма из Германии. За кулисами большевизма // Возрождение. 1926. №451, 27 августа.

³¹ Там же. См. также другие отклики эмигрантских изданий на первое публичное выступление перебежчика: Арбатов З.Ю. Доклад Я.И.Бадьяна // Руль. 1926. №1740, 24 августа; Волковиский Н. На докладе Бадьяна (Письмо из Берлина) // Последние новости. 1926. №1981, 25 августа; Струйский В. «За кулисами большевизма». Сенсационный доклад Бадьяна в Берлине (От берлинского корреспондента «Сегодня») // Сегодня (Рига). 1926. №188, 25 августа; С.Я. «Сын» и «внук» сапожника (Письмо из Берлина) // Дни. 1926. №1089, 25 августа.

³² С.Я. Бадьян (Письмо из Берлина) // Там же. №1094, 31 августа. См. также о втором докладе: Арбатов З.Ю. Второй доклад Я.Бадьяна // Руль. 1926. №1745,

Нам осточертел социализм. Он будет хорош через двести лет... Нам нужна свободная Россия и свободный русский народ. Вы, социалисты, нас запугиваете, говоря: «не идите вправо, там – волки, они вас съедят». Знаем, где волки и где овцы. И знаем, что мы, рабочая оппозиция, для вас – сало, но в ваш социалистический рот не попадем... Хватит!³³

Впрочем, разоблачая Бадьяна, один из лидеров берлинских меньшевиков, Р.А.Абрамович, с сарказмом замечал, что «сало» само просилось к ним в «рот», ибо свою заграничную «одиссею» Бадьян начал с посещения редакций именно «Социалистического вестника» и германской «Vorgwärts» («Вперед»), категорически заверяя их в непременном желании своей группы влиться в ряды социал-демократии. В обращении, переданном Бадьяном редакции «Социалистического вестника» 10 августа, говорилось, что «правая рабочая оппозиция» постановила командировать за границу своих представителей для восстановления нормальных отношений с меньшевиками без каких-либо условий, поскольку, мол, ее программа «является той программой, которую выставили наши старые вожди РСДРП». Но те заподозрили, что имеют дело с самозванцем-авантюристом, ибо, указывая Абрамович, «данные Бадьяном устные разъяснения по различным вопросам нас ни в какой мере не удовлетворили. Ряд существенных пунктов остался неясным, а объяснения Бадьяна по поводу его материального положения и отношений к “Рулю” (в котором успело уже появиться его “заявление”) оказались в прямом противоречии с истиной»³⁴.

Дальнейшие события вполне подтвердили законность опасений меньшевиков, ибо не прошло и нескольких дней, как «безусловный» сторонник социал-демократической платформы и «старых вождей РСДРП» превратился в самого яростного противника социализма и постоянного автора «кадетской» газеты³⁵.

29 августа; *Волковыский Н.* Второй доклад Бадьяна (Письмо из Берлина) // Последние новости. 1926. №1987, 31 августа; *Оречкин Бор.* Чего хочет «левая рабочая оппозиция»? (Письмо из Берлина) // Сегодня. 1926. №193, 31 августа.

³³ *Арбатов З.Ю.* Второй доклад Я.Бадьяна.

³⁴ *А<брамович> Р.* Бадьян и «Руль» // Социалистический вестник (Берлин). 1926. №17/18. С.15-16. Обижено комментируя «разоблачения» меньшевиков, «Руль» писал: «Бадьян был бундовцем, стал коммунистом и, уйдя из коммунистов, постучал в двери социал-демократии, прежде чем выступить против всякого социализма» (*Л<андау> Г.* Нарушенное молчание // Руль. 1926. №1765, 22 сентября).

³⁵ Только в августе–сентябре 1926 в «Руле» появились следующие откровения Я.И.Бадьяна: 1) Письмо в редакцию (№1740, 24 августа); 2) Ответ «Правде» (№1745, 29 августа); 3) Английскому Генеральному Совету Тред-юнионов «обращение, подписанное, «по поручению Русского Бюро правой рабочей оппози-

В своей отповеди большевистскому официозу Бадьян сердито выговаривал советскому фельетонисту:

Прежде чем написать свою паскудную статью, Вы, т. Кольцов, конечно, перерыли все архивы ЦК и ГПУ, чтобы что-нибудь найти, что меня может скомпрометировать. Вы ничего не нашли, но когда Вы искали, то попалося Вам, вероятно, в деле ЦК партии постановление за подписью секретаря Преображенского о том, что Бадьян отличился на фронте как честный борец и что об этом сообщено Реввоенсовету. Вам, должно быть, попался на глаза и адрес красноармейцев 1-го Самарского полка <...>, на котором имеется 5000 подписей и который обращен ко мне, как к честному и стойкому коммунисту и борцу за пролетарскую революцию. Может быть, я – и малоумный и даже полоумный, потому что отдал Вам все свои молодые силы. Но теперь проснулся, и не один проснулся, и это Вы знаете, и смеетесь сквозь слезы, и чувствуете, что смеется тот хорошо, кто смеется последний. И не напрасно Вы догадываетесь, что я кое-что могу рассказать и о Чека, и о Политбюро, и вообще о вождях, и что всем тогда будет ясно – кто Вы и кто я.³⁶

На «Ответ “Правде”» Кольцов откликнулся новым фельетоном «Бадьян крушит посуду», в котором вновь клеймил его как «мелкого обывателя-авантюриста», бывшего никуда, мол, негодным партийцем. По поводу же его предположения, что автор фельетона перерыл все архивы в поисках компромата на своего героя, Кольцов презрительно замечал:

Много чести для Бадьяна – справляться о нем в архивах ЦК. Но вот что пишут мне бывшие сослуживцы из Сибири:

«Ваш фельетон о Бадьяне напомнил мне этого идиота и бездельника. В Китайском Туркестане производились кем-то нелепые торговые операции по скупке шерсти. Агентом, принимавшим шерсть, был Бадьян. Он именовал себя уполномоченным и организовал скупку на компанейских началах с явными белогвардейцами, жившими за границей. В сентябре 1924 г. Бадьян был вызван в Новосибирск. По его докладу выяснилась полная авантюристность его операций. Бадьян был уволен».

«Бадьян нашел репортера, который написал с его слов “впечатления” о Китайском Туркестане. Они печатались в двух номерах “Советской Сибири”. Случайно приехали в Новосибирск люди с китайской границы и доказали, что “впечатления” Бадьяна –

ции, членами заграничной делегации Я.И.Бадьяном и М.Минаевым» (№1746, 31 августа); 4) Автобиография (№1747, 1 сентября); 5) От русского бюро правой рабочей оппозиции. Воззвание (№1756, 11 сентября); 6) Евреи в СССР (Беседа с Бадьяном) (№1759, 15 сентября).

³⁶ Бадьян Я. Ответ «Правде». Этой отповеди был предпослан эпитафия собственного сочинения: «Никого мне не надо, никого мне не жаль, лишь бы мы одни на троне остались».

враки. “Советская Сибирь” напечатала это сообщение, и окончание “впечатлений” не увидело света».

«Бадьян добивался того, чтобы ему заплатили по закону за “заграничную” командировку тройной оклад. Ходил кланяться по этому поводу в различные учреждения».

Так-то, Бадьян. Дурная славушка дома не сидит, по свету ходит. Не надо рыться в архивах, чтобы раскусить вашу суть. Успокойтесь, Бадьян. Сядьте. Вот мы вас заметили, написали о вас, и даже два раза. Чего вам еще? Сталин ни вам, ни о вас не напишет – в этом я убежден. И я о вас тоже больше не напишу. Хватит. Больше не ждите. Оборачивайтесь, как можете.³⁷

* * *

Хотя фельетонист «Правды» в дальнейшем не сдержал своего обещания, в чем-то он оказался прав: в личном деле Бадьяна сохранились документы, свидетельствующие о том, что еще до берлинской эпопеи в его жизни был весьма похожий, но ему тогда сошедший с рук эпизод.

Приехав в августе 1923 в Харбин вместе со своей женой Панной Кронрод, уроженкой тех мест, и поселившись у родных ее матери, Бадьян, как докладывал партиец Н.А.Погуляев 20 сентября в Губбюро РКП(б) Полосы отчуждения КВЖД, «сразу стал обращать на себя внимание своей эксцентричностью, своими криками, где хотите, что он – коммунист, что он – комиссар. Бадьян заявлял, что является генеральным представителем по пушному промыслу, а также, что прибыл для ревизии в Центросоюзе и, главным образом, во Внешторге. Вообще разбалтывал о себе: заказал чемодан с двойным дном и не преминул рассказать об этом всем. Затем у него <обнаружились> темные делишки с деньгами: перед поездкой в Харбин с ним списались, чтобы он там, в Сов<етской> России, ссудил деньгами каких-то знакомых его жены с тем, чтобы здесь ему возвратили их. Он там денег не переводил, а здесь потребовал. Когда же это сорвалось, то он придумал историю с перепутыванием адреса»³⁸.

В свою очередь, харбинское Губбюро информировало Дальневосточную контрольную комиссию РКП(б), что 13 августа 1923 Бадьян подал заявление с просьбой об «оставлении его для работы в Харбине, как большого специалиста по торговым делам, в подтверждение чего он представил десятки документов об исполнении им разных ответственных должностей с начала революции и до последнего времени». Свою просьбу Бадьян мотивировал «страшной усталостью» и отсутствием средств для возвращения в Новониколаевск, а также большой семьей, состоящей из престарелых родителей, же-

³⁷ Кольцов М. Бадьян крушит посуду // Правда. 1926. №200, 1 сентября.

³⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.37. Д.138. Л.5.

ны и детей, которые, мол, голодают в Харбине. В его партбилете значилось, что «он состоит в РКП с 1908 г.», поэтому Губбюро, не имея оснований не верить старому коммунисту, согласилось попросить Дальбюро ЦК РКП(б) о направлении его в Харбин для ответственной работы в Центросоюзе³⁹.

Для скорейшего решения вопроса Бадьян вызвался самолично отправиться в Читу, причем, как возмущался Погуляев, «взял у каких-то спек<улянт>ов посылки, реализовал их, деньги не возвратил, а те, конечно, кроют его почем зря как комиссара-коммуниста»⁴⁰. Из Читы он вернулся без определенного назначения, но с удостоверением, что препятствий для его работы в Харбине нет, вследствие чего ему предложили должность коммерческого агента при стекольном заводе «Сибцентросоюза», которую Бадьян посчитал чересчур скромной для своей особы. Поскольку он постоянно напирал на свои мнимые знакомства с местными советскими начальниками (которые, однако, решительно не могли его вспомнить), Губбюро заподозрило Бадьяна в неблаговидных замыслах и организовало за ним тайную слежку. «Вообще у всех тех, с кем он сталкивался, – замечал Погуляев, – осталось впечатление <о нем> только как об авантюристе: слишком уж много он врал и, как видно, неумело, так как один раз говорил одно, а другой раз – другое»⁴¹.

В итоге выяснилось, что Бадьян давно уже отправил семью в Новониколаевск («жена потребовала от него развода, что они и сделали»), а сам, проживая в харбинской гостинице «Пекин», одной из лучших в городе, «ежедневно плакался в Губкоме и других совучреждениях, что он, ответственный работник и коммунист с 1908 г., сидит голодный и без ночлега, благодаря чему и сумел получить 100 руб. в Центросоюзе, 60 руб. – у особоуполномоченного, 50 руб. – у Губбюро и т. д.»⁴². Более того, 15 сентября Бадьян обратился в Губбюро с заявлением, красноречиво демонстрирующим образовательный уровень человека, который через три года станет объектом внимания и споров всей мировой прессы:

В видя моего тяжелого положения здесь в Харбине, не представляется возможным получить какой-нибудь работы в совучреждениях. Приходится мне голодать, а также не имею никаких средств к существованию, а если мной не будет уплачено сегодня 12 руб. за гостиницу – придется ночевать на улице. Считая после своей 16 летней революционной работы не заслужил находиться в черной стране в такой голодном положении. Такая обстановка окончательно расшатала мое здоровье, а поэтому прошу выдать

³⁹ Там же. Л.3.

⁴⁰ Там же. Л.5.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л.3.

мне аванс 75 руб. на выезд обратно в Читу и заявляю, как мною будет получена должность может быть в Харбине или в Чите, отвечаю перед партийным судом, если мною не будет возвращено Дальбюро 85 руб. для передачи Харбинскому Губбюро РКП.⁴³

17 сентября 1923 Губбюро рассмотрело заявление Бадьяна, и принимая во внимание как его вранье, так и то, что «он показал себя страшно невыдержанным в местных условиях и, рассказывая о бывшей своей ответственной работе всем и каждому, расконспирировал себя, как партийца, в торгашеских и обывательских кругах Харбина, благодаря чему о нем стали говорить по всему городу», постановило «признать нахождение тов. Бадьяна в Харбине нежелательным и предложить ему срочно выехать обратно в Читу», для чего «выдать возвратную ссуду в размере 55 мексиканских долларов»⁴⁴...

Но это, видимо, было лишь одно из его «художеств»: например, уже 14 марта 1925 член Партколлегии ЦКК РКП(б) С.И.Филлер, рассмотрев посланную в Сибирскую краевую контрольную комиссию копию отношения Дальбюро ЦК «о привлечении к ответственности тов. Бадьяна-Вайнберга за самовольный отъезд», согласился с заключением последней «о необходимости дело прекратить ввиду болезни т. Вайнберга, уехавшего с разрешения Страхкассы»⁴⁵...

* * *

С иронией цитируя в своем фельетоне⁴⁶ отчет берлинского корреспондента «Последних новостей» Н.М.Волковьского, отмечавшего скверную русскую речь и митинговые приемы выступления Бадьяна, его абсолютное неумение построить свой «доклад» и отсутствие в нем крупных и ярких по новизне фактов⁴⁷, Кольцов острит, что вертлявый авантюрист стал, тем не менее, «дежурным блюдом» кадетского «Руля», получившего возможность показывать читателям «живого большевика, который не стреляет, не режет и не бьет, а даже, наоборот, ест из руки, показывает, как баба за водой ходила и как зубы болят»⁴⁸.

Берлинская эмигрантская газета действительно всячески рекламировала Бадьяна, который, с ее точки зрения, хотя и не владел «образованной» речью, был вовсе не «простым» безграмотным рабочим, а личностью, наделенной живым здравым смыслом и умевшей, что называется, задеть интеллигентскую аудиторию меткостью своих реплик и остроумных выпадов в адрес оппонентов, находчиво-

⁴³ Там же. Л.2. Орфография и синтаксис подлинника.

⁴⁴ Там же. Л.1.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф.613. Оп. 1. Д.42. Л.101.

⁴⁶ Кольцов М. Бадьян крушит посуду.

⁴⁷ См.: Волковьский Н. На докладе Бадьяна (Письмо из Берлина).

⁴⁸ Кольцов М. Бадьян крушит посуду.

стью и смелостью. Вот, например, как описывал свои впечатления от доклада перебежчика один из самых известных публицистов «Руля» Г.А.Ландау:

Говорит Бадьян импульсивно, непосредственно, так сказать – непредумышленно, что производит убеждающее впечатление правдивости. Чрезвычайно характерно непрерывно проявляющееся у него чувство к России. Он ни разу не упомянул слова «патриотизм», «национальный» или что-нибудь в этом роде, но он говорит «наша Расея» с замечательной непосредственностью. Собственно весь смысл его программы и тактики – в часто возвращающемся в разных вариантах выражении «сделать нашу Расею здоровой».

И вот волнуется на эстраде маленький рабочий-инородец и на плохом русском языке хлопочет о «нашей Расее»; и слушают его сотни русских людей, и в том числе, наверно, очень много таких, которые и всегда весьма не сочувственно относились к инородцам и подавно относятся так после всех Зиновьевых, Дзержинских, Лацисов, Троцких и Сталиных. Слушают и подчас смеются забавным выходкам или ошибкам, но слушают не только сочувствуя, но с сознанием общности и солидарности...⁴⁹

Впрочем, не только «Руль», но и вся эмигрантская пресса, а также десятки германских, английских, американских и других зарубежных изданий писали о «маленьком рабочем», осмелившемся вступить в борьбу с советской диктатурой. А тот, уверяя, что «сумасшедшего» Сталина «никакая больница мира не излечит, и для него рабочая оппозиция видит одно лишь лекарство: просторный мавзолей рядом с ленинским», не скупился на «вопиющие факты и цифры» (которые, естественно, тоже брал «с потолка»). Бадьян, к примеру, утверждал, что только с июня по август «обезумевший» Сталин, стремясь подавить оппозиционные настроения в Красной Армии, «снял с командных постов 23 коммуниста, 108 политруков и сформировал 8 полков», а за воровство по различным тюрьмам в России сидят 4000 ответственных хозяйственников, в том числе 72 председателя трестов!⁵⁰

Но, веря и сомневаясь, эмигрантские политики сходились в одном: это – первый случай, когда бывший ответственный, пусть и провинциальный коммунист решается открыто выступить против советского режима, что, бесспорно, является определенным симптомом настроений в партийных кругах, ибо «тысячи должны ненавидеть, чтобы у одного (а тем более у целой “делегации”) ненависть перешла в действие»⁵¹.

⁴⁹ Ландау Г. «Наша Расея» // Руль. 1926. №1748, 2 сентября.

⁵⁰ См.: Арбатов З.Ю. Второй доклад Я.Бадьяна.

⁵¹ Ландау Г. «Наша Расея».

Не ограничившись русской аудиторией, самоуверенный Бадьян выступил с докладом о положении в России и задачах «правой рабочей оппозиции» на закрытом заседании германской Национальной народной партии, а потом – у одного из депутатов рейхстага для представителей Народной партии. Но он так и не смог удовлетворить любопытство немцев, признавших его человеком не особенно «основательным», который не тянет на роль вождя оппозиции, ибо слишком необразован, однако представляет собой любопытное явление, свидетельствующее о прогрессирующем разложении коммунистического режима⁵².

На третьем публичном докладе Бадьяна зал снова был «забит до крайних пределов», но преобладали немецкие коммунисты, встретившие докладчика выкриками: «Предатель!». Но он мгновенно нашелся: «Да, я предатель, но не рабочего класса, а правительства шантажистов и уголовных преступников...»⁵³. Поскольку Бадьян обещал поделиться с публикой новыми сведениями об организации большевиками Гамбургского восстания (о котором сам, естественно, знал только понаслышке), он, по обыкновению, разбрасывался, утопал в мелочах и, как всегда, сыпал цифрами, уверяя, будто на революцию в Германии потрачено 80 процентов реквизированных в России церковных ценностей, на службе в берлинском торгпредстве состоят 200 агентов ГПУ, а в Англию якобы заслано Коминтерном около 800 агитаторов, из которых в Москву вернулось только 47⁵⁴.

Но от малознакомой ему темы Бадьян поспешил перейти к вопросам, которые обычно больше всего поглощали его внимание: сравнению материального положения российских и германских пролетариев и «одурачиванию» приезжающих в СССР иностранных рабочих делегаций. На протесты выступивших в полемике германских коммунистов он живо возразил, что их вождь Тельман «ходил в банк получать по русским чекам» на восстание в Гамбурге в то время, когда десятки тысяч крестьян в России умирали от голода. «Но знайте, – клялся Бадьян, – Мишка-сапожник, Яшка-рабочий и Сенька-мужик создали советскую власть, они же будут ее могильщиками!»⁵⁵

Два переводчика оказались не в силах поспеть за стремительностью причудливо неправильной речи докладчика, и переводить ее на

⁵² См.: *Бунге* А. Письма из Германии. Немцы и Бадьян // Возрождение. 1926, №458, 3 сентября.

⁵³ *Омега*. Третий доклад Я.Бадьяна (Письмо из Берлина) // Сегодня вечером (Рига). 1926. 13 сентября.

⁵⁴ *Бунге* А. Бадьян перед немецкой аудиторией // Возрождение. 1926. №466, 11 сентября. См. также: *Арбатов* З.Ю. Третье выступление Бадьяна // Руль. 1926. №1754, 9 сентября; *С.Я.* Бадьян и немецкие коммунисты (Письмо из Берлина) // Дни. 1926. №1104, 11 сентября.

⁵⁵ *Омега*. Третий доклад Я.Бадьяна (Письмо из Берлина).

немецкий пришлось председательствовавшему на собрании корреспонденту рижского «Сегодня» Волковскому. Еще в августе, «за мирной чашкой чая», он, пытаясь выяснить достоверность биографии Бадьяна, расспросил его о старых бундовских работниках в Витебске, где некогда сам имел знакомства. Получив от собеседника «быстрые, ясные и верные ответы», Волковский проникся к нему доверием.

«Маленький, худой – не скажу щупленький, – в очках на длинном остром носу; умные живые глаза, большой выпуклый лоб», – описывал корреспондент внешне Бадьяна. Он показался ему «типичным провинциальным рабочим-евреем, с огромной энергией, неугасимым огнем, вспыхнувшим фанатизмом в те дни, когда ослепленным низам почудилось, что наступил час их господства», но испытанным горькое разочарование, когда обман раскрылся во всем своем неприкрытом цинизме. «Его русская речь неповторяема, – соглашался Волковский с критиками Бадьяна, – почти неограниченно господствует родительный падеж, подчиняя себе все остальные грамматические формы. И за чайным столом, и с эстрады обращается он к своим слушателям: “Дорогих друзей”. В начале своего доклада он воскликнул: “Кто сидит передо мной? наших цветов русского общества!”». Но несмотря на комичные формы речи Бадьяна, Волковский тоже признавал его «опытным и ловким митинговым оратором, находчивым, быстрым на реплику», зорко подметив, что он, зная в совершенстве низовую культуру в СССР, особенно «загорается», когда противопоставляет бытовой комфорт власть имущих нищете широких масс⁵⁶.

Об этом же писал и известный эмигрантский фельетонист А.А.Яблоновский, который, размышляя о причинах «бунта» Бадьяна, делился с читателем «страшной» догадкой: «А может быть, просто-напросто три рубля не доплатили или из губкома выгнали “за неосторожное обращение с молодой секретаршей” и нежелание платить алименты? Я все эти сомнения очень понимаю и к советским беглецам, только теперь почуявшим правду, отношусь как к Магдалине, вышедшей в тираж за старостью лет и потому раскаявшейся». Задаваясь мучившим тогда всю эмиграцию вопросом, в какой степени можно доверять Бадьяну, Яблоновский напоминал, что тот, прежде всего, является перебежчиком, которым свойственно сводить личные счета, и доносчиком, у которых, как известно, язык «без костей»⁵⁷.

⁵⁶ Волковский Н. Яков Бадьян (Письмо из Берлина) // Сегодня. 1926. №191, 28 августа.

⁵⁷ Яблоновский А. Головокружительный успех Бадьяна // Возрождение. 1926. №505, 20 октября.

Помимо четырех публичных выступлений в Берлине⁵⁸, Бадьян прочел два доклада в Лейпциге («О внутреннем положении советской России» и «За кулисами коммунизма и Коминтерна») и шесть докладов в Гамбурге, в том числе два на заводах. Впрочем, последний из докладов, на который собралось около тысячи слушателей, закончился форменной потасовкой между затянувшими «Интернационал» коммунистами и остальной публикой⁵⁹. Поскольку Бадьяну не разрешили въезд в Прагу⁶⁰, 6 октября он прибыл в Мюнхен для выступления в большом зале пивной «Лёвенбрей», причем в беседе с корреспондентом местной немецкой газеты заявил, что рабоче-крестьянское правительство России выродилось в невыносимую диктатуру одного лица, «современного Ивана Грозного» – Сталина⁶¹. Далее путь Бадьяна лежал в Париж...

2. «Бадьян соскучился» (Париж, 1926–1927)

Явившись утром 13 октября в редакцию «Возрождения», Бадьян отрекомендовался заграничным представителем «правой рабоче-крестьянской оппозиции» и, как обычно, поразил всех своей не вполне правильной русской речью. На вопрос о его родном языке, гость ответил: «бурятский», пояснив, что он... армянин, но, поскольку его отец, мол, еще в молодости был сослан в Восточную Сибирь, вырос среди бурят и по-армянски не говорит!

Целью своего визита Бадьян назвал стремление «оппозиции» войти в сношения с редакциями всех эмигрантских изданий, о разногласиях которых он, мол, не знает и знать не хочет, для выступления перед всем миром с разоблачениями большевиков⁶². Бадьян уверял, что собирается в Харбин на якобы открывающийся там 15 декабря съезд, который выберет «чрезвычайный национальный совет рабоче-крестьянской оппозиции» и обсудит методы борьбы с русским коммунизмом и «восстановления демократического национального строя в России»⁶³.

В более либеральных изданиях, которые Бадьян посетил в тот же день, он реже употреблял термин «национальный», ставший уже привычным в его лексике, и утверждал, будто «оппозиция» коман-

⁵⁸ См.: На последнем докладе Я.Бадьяна // Руль. 1926. №1763, 16 сентября.

⁵⁹ См.: Бадьян в Лейпциге // Там же. №1768, 25 сентября; Бадьян в Гамбурге // Там же. №1775, 3 октября.

⁶⁰ Бадьяну запрещен въезд в Прагу // Там же. №1778, 7 октября.

⁶¹ Выступление Бадьяна в Мюнхене // Возрождение. 1926. №496, 11 октября.

⁶² Бадьян в редакции «Возрождения» // Там же. №499, 14 октября.

⁶³ Съезд правой рабочей оппозиции // Там же. №500, 15 октября. См. также: Съезд правой рабочей оппозиции // Руль. 1926. №1776, 5 октября.

дировала его за границу для установления связей именно с республиканско-демократическими кругами эмиграции. Явившись вечером в редактируемую А.Ф.Керенским газету «Дни» (куда он приходил еще утром, однако никого из сотрудников редакции не застал), Бадьян «в бессвязной и временами даже труднопонимаемой речи»⁶⁴ сообщил, что успел посетить «Последние новости», хотя так и не имел возможности побеседовать с П.Н.Милюковым, а также побывал на похоронах одного из основателей кадетской партии – М.М.Винавера. Там он даже собирался выступить с речью, в чем ему отказано распорядителями, но от имени «правой рабочей оппозиции» возложил на могилу венок, на лиловой ленте которого значилась, конечно, и фамилия Бадьяна.

На вопрос, был ли он в «Возрождении», посетитель сначала ответил, что нет, однако, прижатый, что называется, к стенке, был вынужден признать факт своего визита в названное правое издание. Небезынтересно, что за пять дней до приезда Бадьяна в Париж «Дни» опубликовали заметку о его переписке с группой русских офицеров-монархистов из Болгарии, советовавших ему написать «несколько слов» великому князю Николаю Николаевичу. Отвечая 21 августа «дорогим друзьям моим по родине», Бадьян объяснял, что не решается обратиться к «Командующему Князю», так как, «может быть, они не захотят иметь с нами сношения». Тем не менее Бадьян просил показать Николаю Николаевичу свое послание, дабы «князь за подписью лично» назначил ему аудиенцию⁶⁵.

Хотя в редакции «Дней» Бадьян сначала горячо опровергал упомянутую переписку, в конце концов он сознался, что собирается таки посетить великого князя, но лишь с целью поинтересоваться, что он «хочет делать с землей». В то же время Бадьян просил напечатать в «Днях» свое заявление о том, что «правая рабочая оппозиция» не имеет ничего общего с программой Николая Николаевича и свидание с ним «совершенно не может иметь никакого политического характера», а ограничится лишь «чисто личной беседой». Указывая, что визитер произвел впечатление «человека малограмотного, энергичного, верткого и весьма неуравновешенного», газета делала определенно неутешительный для эмиграции вывод: «Только очень наивные или очень неразборчивые люди могут строить на Бадьяне какие бы то ни было политические расчеты»⁶⁶.

С этим соглашались и «Последние новости», отмечая в редакционной статье, что провозглашаемые Бадьяном политические формулы создают впечатление все «меньшей подлинности и как бы сочи-

⁶⁴ Визит Бадьяна в редакцию «Дней» // Дни. 1926. №1133, 15 октября.

⁶⁵ Бадьян и Николай Николаевич // Там же. №1127, 8 октября.

⁶⁶ Визит Бадьяна в редакцию «Дней».

ненности здесь же, за границей, после некоторого осведомления о том, чего желает эмиграция»⁶⁷. Да и «личное впечатление, произведенное им в разных парижских редакциях, оказалось не в его пользу»:

Бадьян сделал одну большую ошибку: он думал, что то, что говорится в одной редакции, остается неизвестным в другой. Но нашлись способы взаимного ознакомления; в его речах оказались серьезные неувязки, а при попытке разъяснить их и свести к простым недоразумениям получился ряд прямых противоречий и очевидных извращений истины. Когда Бадьяну на это указывали, он отвечал, что в этих случаях его неправильные ответы означали, что он не желал отвечать вовсе. Он был в своем праве не отвечать, но замаскировывать это нежелание выдумками, слишком прозрачными и тут же опровергаемыми, казалось неблагоприятно и опасно для самого Бадьяна, в смысле усиления недоверия к нему, и без того возбужденного разными его личными особенностями.

Указывая на «факты наглядной и ненужной неправды – в мелочах», газета просила Бадьяна разъяснить его тесные сношения с правыми и даже крайними правыми течениями эмиграции, источник средств для дорогостоящего заграничного турне, полное игнорирование всякой конспирации (широковещательное объявление о созываемом в Харбине съезде «оппозиции») и, наконец, странную уверенность в своей безнаказанности при возвращении в СССР. Тем более, что в редакции французской «Матэн» на вопрос, как Бадьян рассчитывает вернуться на родину после шума, который он поднял в Европе, тот, не смущаясь, ответил, что с ним, мол, не посмеют ничего сделать, ибо «правая рабочая оппозиция» («о которой, однако, – иронизировали «Последние новости», – в самой России до сих пор ничего не слыхали») якобы чрезвычайно сильна и вообще максимум через год придет к власти. «Во всяком случае, – заявил Бадьян французам, – приготовьтесь поскорее, чтобы оказать доброе гостеприимство гг. Рыкову, Сталину и Калинину. Они окончат свои дни на Ривьере...»⁶⁸

«Здесь г. Бадьян, очевидно, перебадьянствовал», – острил Яблоновский, отмечая, что раньше, в Берлине, тот держался гораздо умнее и осторожнее, а в Париже выглядит просто гоголевским Хлестаковым⁶⁹. Делясь личными впечатлениями о Бадьяне, фельетонист писал:

⁶⁷ Несколько вопросов Бадьяну // Последние новости. 1926. №2038, 21 октября. Далее цитаты из статьи приводятся без отсылок.

⁶⁸ Цит. по: Яблоновский А. Головокружительный успех Бадьяна // Возрождение. 1926. №505, 20 октября.

⁶⁹ Яблоновский А. Модный человек // Сегодня. 1926. №243, 28 октября. Далее цитаты из статьи приводятся без отсылок.

Минувшим летом я видел в Берлине эту новую знаменитость, и, признаюсь, впечатление у меня осталось неприятное. Маленький вертлявый «политрук» в кожаной куртке. Глазки крошечные, бегающие, нос большой, рот огромный. По-русски говорит отвратительно. Я видел таких в Москве на митингах, когда они клали на обе лопатки «империализм», а про «буржуев» говорили: «Они нас жмали, жмут и будут жмать...» Я, впрочем, не придаю большого значения первому неприятному впечатлению: мало ли бывает отталкивающих лиц и кожаных курток. Но за первым последовало и второе.

Оказывается, г. Бадьян заблудился в вопросе о собственной национальности. В редакции «Руля» он заявил сначала, что он – армянин. И все сказали: «Армянин, так армянин». Потом он изменил свою национальность и объявил, что он – еврей. И все опять сказали: «Еврей, так еврей». Но в редакции «Возрождения» он уже объяснил, что и к бурятам имеет какое-то отношение. Ни одна национальность не содержит в себе ничего стыдного, и когда человек виляет и как будто «выбирает» себе национальность по вкусу своего собеседника, то это всегда производит неприятное впечатление.

Я помню, в вагоне железной дороги одного молодого человека спросили, какой он национальности, и молодой человек пролепетал в ответ что-то совсем невразумительное: «Я, собственно, южанин, но воспитание получил в Варшаве». По-видимому, к этой категории людей принадлежит и г. Бадьян. «Собственно, южанин», но воспитание получил бурятское. А, впрочем, может быть, и не вполне южанин... Но дело, конечно, не в происхождении г. Бадьяна. Я заговорил об этом только мимоходом. В Киеве я знал молодого человека, который при Петлюре назывался Горобец, при Деникине – Воробьев, а при немцах – Шперлинг. Но в действительности оказался и не Горобец, и не Воробьев, и не Шперлинг, а просто шпион Сучкин. Но это мимоходом и только к слову...

Яблоновский намекал, что «бывают люди высланные, а бывают и посланные» и, напоминая о смелом обещании Бадьяна уже через год взять в свои руки власть в России, грустно подытоживал: «Какой тяжелый случай!.. А ведь при всем том г. Бадьян имеет успех – и несомненный успех. На публичные выступления его люди собираются толпами, газеты о нем говорят, эмиграция им интересуется. Словом, это теперь – модный человек».

Впрочем, ревниво наблюдавший за похождениями своего протеже «Руль» с осуждением воспринимал столь нерационально враждебное, с его точки зрения, отношение парижских демократических изданий к откровениям перебежчика. В редакционной статье берлинская газета с возмущением заявляла:

Еще когда Бадьян был в Берлине, П.Н.Милоков, питающий чисто детскую слабость ко всяким союзам <...>, не замедлил, при помощи детальнейшего рассмотрения возвещенной Бадьяном

«программы» (!), обратить его внимание, что эта «программа» ближе всего к возглавляемой Милюковым организации. А затем в очередном юбилейном номере поспешил обрадовать читателей, что у него имеются серьезные шансы на объединение с бадьяновской оппозицией.

Когда же Бадьян приехал в Париж, этот вопрос стал, по-видимому, центральным и поглотил все внимание. Каждая из трех редакций⁷⁰, танцующая от своей печки и жаждущая утопить другую в ложке воды, прежде всего, когда Бадьян к ней являлся, интересовалась не тем, что он может сказать о советском режиме, а не был ли он уже у конкурентов и не завязал ли связей с той или другой организацией.

Когда же выяснилось, что «удача» выпала на долю великокняжеского «Возрождения», что один из видных деятелей торгово-промышленного союза взял на себя роль импресарио, – так совершенно было забыто и отброшено, чем перебежчик может быть полезен. В организациях стали страстно обсуждать и устанавливать пределы допустимой близости к Бадьяну...⁷¹

Однако, замечал «Руль», «если бы вдруг оказалось, что он действительно провокатор, то его разоблачения приобрели бы еще более пикантный характер. Но, по-видимому, групповая грызня, сомнительная конкуренция затемняет ясность цели, и внимание устремляется не на то, чтобы использовать оружие против большевиков, а чтобы скомпрометировать враждебную беженскую организацию, которая взяла в союзники сомнительную личность».

Правда, редакция «Дней» расценила вышеприведенные соображения как «ядовитый газ, пуская который “Руль” пытается прикрыть свое отступление с бадьяновских позиций», ибо, усердно покровительствуя авантюристу и оказавшись теперь из-за этого в чрезвычайно конфузном положении, не исключает уже и предположения, что тот послан ГПУ для разложения эмиграции. Отмечая, что попытка «Руля» включить «Дни» в компанию «увлекшихся» Бадьяном, по меньшей мере, смела, редакция газеты язвительно замечала: «Неужели “Руль” не мог ухитриться вылезти из неловкого положения, в которое он поставил себя перед своими читателями усердным патронированием Бадьяна, печатанием его портрета и прочим поднятым вокруг него шумом, иначе как сознательным искажением позиции “Дней”...»⁷².

Но, встретив холодный прием у Милюкова и Керенского и обившись на демократов и социалистов, Бадьян «перекатился из “Ру-

⁷⁰ Имеются в виду редакции трех ежедневных парижских газет – «Возрождения», «Дней» и «Последних новостей».

⁷¹ Скандал // Руль. 1926. №1794, 26 октября. Далее статья цитируется без отсылок.

⁷² О чем пишут // Дни. 1926. №1145, 29 октября.

ля» в круги «Возрождения» и стал завязывать контакты с правым крылом эмиграции, найдя понимание среди «либерал-консерваторов при Вожде» – великом князе Николае Николаевиче. Поэтому «импресарио» бывшего коммуниста стал генеральный секретарь правления монархического «Российского Центрального Объединения» инженер П.Н.Финисов, взявший на себя организацию публичных выступлений Бадьяна во Франции⁷³ и устроивший ему «доверительный» доклад на заседании комитета Торгово-промышленного союза, хотя многие его члены резко возражали против связи «со столь сомнительной личностью»⁷⁴.

Первый доклад Бадьяна перед широкой аудиторией, состоявшийся 21 октября в зале на rue Nergel, собрал несколько сот человек слушателей – от сторонников небезызвестного борца с «иудомасонами», председателя Высшего монархического совета Н.Е.Маркова 2-го и представлявших штаб великого князя Николая Николаевича генералов И.А.Хольмсена и А.И.Спиридовича до сменовеховцев из «Союза возвращенцев» во главе с секретарем генерального консульства СССР во Франции. Левые и демократические круги эмиграции «действо» проигнорировали, а председательствовал на нем член главного совета «Российского Центрального Объединения» казачий генерал И.Г.Акулинин. Начавшись в чрезвычайно нервной атмосфере, собрание, как сообщали газеты, уже скоро перешло в стадию настоящего скандала⁷⁵. Возгласы, крики и аплодисменты слушателей мешали Бадьяну говорить, а в задних рядах чуть ли не сразу началась драка: «в воздухе замелькали палки и железные стулья, которые стали опускаться на голову какого-то господина», выкинутого за неудачную реплику из зала⁷⁶.

Когда же Бадьян взялся за перечисление должностей, которые он занимал у большевиков, сидевший в четвертом ряду молодой человек, некто Шереметьев, бывший офицер, с трудом сдерживая волнение, стал что-то выкрикивать. «Видно было, – писали «Дни», – что Бадьян понимал смысл этих слов, которые приводили его в величайшее смущение. Мало-помалу волнение начало усиливаться в за-

⁷³ См.: Доклады Бадьяна в Париже // Возрождение. 1926. №504, 19 октября; П.Н.Финисов, как таковой // Последние новости. 1926, №2036, 19 октября.

⁷⁴ Бадьян у торгово-промышленников // Последние новости. 1926. №2039, 22 октября; Бадьян и русские промышленники // Слово. 1926. №314, 30 октября.

⁷⁵ О первом выступлении Бадьяна в Париже см.: 1) Первый доклад Бадьяна // Последние новости. 1926. №2039, 22 октября; 2) *В<акар> Н.П.* Первый доклад Бадьяна // Там же. №2040, 23 октября; 3) На докладе Бадьяна // Дни. 1926. №1139, 22 октября; 4) *Корин.* Скандал на улице Эрмель (На «докладе» Бадьяна) // Там же. №1140, 23 октября; 5) На докладе Бадьяна // Возрождение. 1926. №507, 22 октября; 6) *Струве Г.* На докладе Бадьяна // Там же. №508, 23 октября.

⁷⁶ *Корин.* Скандал на улице Эрмель.

ле. Какие-то люди начали ходить из зала на сцену, что-то шептать председателю. Распространился слух, что у графа Шереметьева в кармане револьвер и что Бадьян, будучи комиссаром, подписал приговор о расстреле его отца». Услышав это, докладчик, с которого от напряжения градом лил пот, поспешил ретироваться со сцены, пояснив Акулинину, что отказывается выступать, когда ему угрожают наганом, вследствие чего был объявлен перерыв⁷⁷.

Присутствовавший на докладе Г.П.Струве описывал Бадьяна так:

Довольно молодой еще, низенького роста, очень подвижный, с типичными южно-восточными чертами лица, он держится на эстраде привычно уверенно. Говорит очень быстро, громко, обильно жестикулируя. Первая же его фраза, сказанная, как, впрочем, и весь остальной доклад, на совершенно невероятном русском языке, без соблюдения падежей, родов и лиц, рассчитана на митинговый эффект и производит впечатление. «В этом зале, – говорит Бадьян, – где, не помню уж, сколько лет назад, выступал вождь “рассейской” коммунистической партии, теперь выступает его же ученик, чтобы похоронить его дело». После этого Бадьян с места в карьер обрушивается с яростной филиппикой на русских социалистов («цицилистов») и объявляет, что пришел их «расшифровать» и разъяснить – «кто они и кто мы».⁷⁸

На реплику из зала: «Сначала скажите, кто вы!» – Бадьян презрительно отмахивается: «Гвардия Сталина, не волнуйтесь», – и, обращаясь к президиуму, поясняет: «Я их знаю – адъютанты Раковского!». Этот прием игнорирования оппонентов докладчик активно использовал и в дальнейшем, а на вопрос, «правда ли, что его настоящая фамилия Вайнберг, и неужели он – такой низкий человек, что скрывает это», попытался отшутиться. «Вы же – еврей!» – не унимались из зала. – «По-вашему! – отрезал Бадьян. – Ну, довольно, это “Социалистический вестник!”».

Бадьян жаловался на отвергших его «родителей»-меньшевиков, утверждая, что «если после всех блюд, которые скормил русскому народу Коминтерн, дать ему еще такой обед, как социализм, то можно катар желудка нажать», и яростно порицал Милюкова, думающего, что против большевиков можно действовать «кабинетно» (он выговаривал: «габинетно»), а надо – «кулаком». Докладчик не скрывал обиды на «профессора» за появившуюся в тот же день в «Последних новостях» редакционную статью «Несколько вопросов к Бадьяну», но ответы на них давать явно не собирался.

По словам докладчика, он приехал не для того, чтобы «просить милостыню у Зензиновых и Соловейчиков, у Милюковых и Абрамо-

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Струве Г. На докладе Бадьяна. Далее статья цитируется без отсылок.

вичей», а заявить, как буквально цитировали его слова «Дни», что «мы стал русский националисты, что 90% русский рабочий про-снулся и стал сознать, что не социализм, не коммунизм, а только русский национализм может дать спасение Рассее»⁷⁹. Нервно прыгая по эстраде и жестикулируя, засовывая то одну, то другую руку в карман и вытирая обильно струящийся со лба пот, докладчик по-минутно отпивал из стакана воду, но, как всегда, не лез за словом в карман...

Неудивительно, что, подтрунивая над политическими метамор-фозами изменчивого Бадьяна, его манерами и чудовищной речью, фельетонист «Последних новостей» Дон-Аминадо (Шполянский) посвятил ему поэтический фельетон «Сорокалетний вундеркинд»:

«Вечер был. Сверкали звезды.
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал».

Но сказать без всякой шутки,
Без двойного смысла слов,
Было этому малютке
Уж порядочно годов.

Сделал он свою карьеру
Не с протекцией, а сам:
Ух! И прямо без задержки,
В три минуты, по часам.

Что он прежде был такое?
Спичка, щепочка, пустяк!..
А теперь он самый первый
Среди первых забияк.

Плач на реках Вавилонских
Не такой был горький плач,
Как советские рыданья
От малюткиных удач.

Ибо вы уж догадались,
Что, как солнце, чрез туман,
Так сиял на всю Европу
Эта самая Бадьян.

Он в Берлине был якутка,
А в Париже был бурят.
В общем правильный малютка
И сметливый, говорят.

⁷⁹ Корин. Скандал на улице Эрмель.

Разлетелся он, как бомба,
Да как бацнет: Господа!
Вот Бадьян, а вот Россия,
Вот – имение, вот – вода...

Хрустнул, всхлипнул, забожился,
По-щенячьи завизжал,
Ручкой к сердцу приложился,
Посинел и задрожал.

В это время шла старушка
С трехсаженной кочергой,
Николай Евгеньич Марков
По прозвилию – Второй.

Что-то дрогнуло в старушке.
На дворе мороз трещит.
А малютка, словно цуцик,
Этак жалобно пищит.

Сомневалась, колебалась,
Подобрать его иль нет?
И дала малютке высший
Монархический совет.

Замечательный малютка
Только носом потянул,
И сейчас же все осмыслил,
И постигнул, и смекнул.

И уж надо иль не надо
Удивляться чудесам,
Перестроился малютка
В три минуты, по часам.

И его уж не смущает
Ничего и никогда:
«Я – Бадьяна, я не знает,
Где имение, где вода!..»⁸⁰

22 октября Бадьян выступил в зале на рю Эрмель со вторым публичным докладом, который, собрав значительно меньше публики, оказался, по мнению прессы, «бледнее первого»⁸¹. И в тот же день Бадьян обратился в редакцию «Возрождения» в привычном для него

⁸⁰ *Дон-Аминадо*. Сорокалетний вундеркинд // Последние новости. 1926. №2048, 31 октября.

⁸¹ *В-акар* > Н.П. Второй доклад Бадьяна // Там же. №2041, 24 октября; см. также: На 2-м докладе Бадьяна // Возрождение. 1926. №508, 23 октября; *Ольденбург С.С.* 2-ой доклад Бадьяна // Там же. №509, 24 октября; Подфинисовец // Дни. 1926. №1141, 24 октября.

жанре письма, которое в явно отредактированном виде появилось в газете два дня спустя. Бадьян негодовал:

Простой рабочий, я вовсе не предполагал бороться с редакторами «Последних новостей» и «Дней». Я хотел только заявить, и совершенно открыто, что русский пролетариат всей душой восстает против всего того, что происходит в данное время в большевицкой России.

Действительно, что я нашел в Париже?

Вместо того, чтобы поддержать меня морально в моей борьбе и в моих ударах по сталинскому ЦК, я подвергся настоящему обстрелу и даже ругательствам со стороны тех лиц, которые не желают понять намерений русских рабочих и которые никогда не найдут общего языка с широкими слоями русского народа, угнетаемого большевиками.

Все должны понимать, что я не обладаю ни литературскими, ни ораторскими талантами, чтобы дать соответствующий отпор на все нападки и хитрые вопросы, которые мне ставятся с непонятной целью.

Неужели это делается для дискредитирования первого русского рабочего, который приехал за границу для призыва к решительной борьбе против советской власти и который говорит от имени правой рабочей оппозиции...⁸²

Автор письма клялся, что он за «восстановление национальной демократической России», но П.Б.Струве в редакционной колонке «Дневник политика» указывал, что, хотя «г. Бадьян, чем бы он ни был сам, делает полезное дело», то есть обличает большевиков и развивает взгляды, прямо-таки совпадающие с мыслями «национально настроенного Зарубежья», однако никто не знает, существует ли как нечто сколько-нибудь оформленное и организованное та рабоче-крестьянская оппозиция, от имени которой он выступает. В то же время ни на какое личное доверие Бадьян притязать не имеет «ни малейшего ни нравственного, ни политического основания», и в этом отношении живо напоминает загадочную фигуру священника Гапона, который, в сущности, первый в русской истории вывел рабочие массы на улицу, а вне данного факта представлял собой «просто мало интересное ничтожество». Но Бадьян, в отличие от Гапона, явился в Париж, не имея за собой никакого «противобольшевицкого 9-го января», а потому, наставлял Струве, надо относиться к подобным «выносимым на поверхность современности» лицам с большой осторожностью⁸³.

⁸² Я.И.Бадьян о себе. Письмо в редакцию // Возрождение. 1926. №509, 24 октября.

⁸³ Струве П. Дневник политика. 91. По поводу выступлений г. Бадьяна // Возрождение. 1926. №509, 24 октября.

Тем не менее «Возрождение» продолжало освещать публичные выступления зарвавшегося мистификатора, «доклады» которого прошли не только в Париже — в том числе перед членами международной «Лиги борьбы с Третьим Интернационалом»⁸⁴, но и в Бийанкуре⁸⁵, Монтаржи⁸⁶ и других центрах русской эмиграции. Кроме того, «Возрождение» напечатало еще несколько графоманских творений Бадьяна: декларацию мнимого «Русского Бюро правой рабоче-крестьянской оппозиции»⁸⁷ под заголовком «Ответ на предательство Медведева» — о капитуляции перед сталинским режимом одного из вожаков реально существовавшей «рабочей оппозиции», который сравнивался с «провокаторами, вроде Азефа» (!), и «письмо Заграничной делегации правой рабоче-крестьянской оппозиции» с протестом относительно приезда на съезд французских кожевников советского профсоюзного деятеля И.С.Юзефовича, якобы агента ГПУ, по доносу которого подверглись-де аресту и двухлетнему заключению «шестьдесят самых лучших членов профсоюза»⁸⁸.

Небезынтересен отчет «Последних новостей» о докладе Бадьяна в Бийанкуре, где в чердачном помещении ресторана «Крым» он оказался лицом к лицу с «белогвардейскими» пролетариями, трудившимися на автомобильном заводе «Рено». С целью получше разглядеть утонувшего в глубине эстрады тщедушного оратора, задние ряды слушателей с ногами забрались на стулья и столы, но первые же слова Бадьяна на исковерканном русском языке были покрыты насмешливыми, возмущенными и недоуменными возгласами: «жид?». Вслед за этим «несколько десятков хулиганов, явившихся не то справа — от Маркова 2-го, не то слева — от Раковского, прерывая Бадьяна шумом и криками», и всего спустя четверть часа «битком набитый чердак превращается в дерущуюся и ревущую людскую кашу: выставляют и по дороге “бьют морду” крикунам, заподозренным в возвращенстве»⁸⁹.

После того, как их спускают по крутой лестнице и молодые люди со значками «галлиполийцев» с трудом водворяют в зале порядок, с интересом наблюдавший за дракой Бадьян получает возможность продолжить «доклад», который с каждым его выступлением стано-

⁸⁴ См.: Бадьян перед французами // Там же. №516, 31 октября. См. также: *В<акар> Н.П.* Бадьян лицом к Европе // Последние новости. 1926. №2049, 1 ноября.

⁸⁵ См.: *В<акар>Н.П.* Бадьян в Бийанкуре // Там же. №2043, 26 октября; *Мх. Я.Бадьян* в Бийанкуре // Возрождение. 1926. №511, 26 октября.

⁸⁶ См.: *Н.Н.* Бадьян в Монтаржи // Последние новости. 1926. №2048, 31 октября.

⁸⁷ Декларация Бадьяна // Возрождение. 1926. №528, 12 ноября.

⁸⁸ Письмо Бадьяна // Там же. №534, 18 ноября.

⁸⁹ *В<акар> Н.П.* Бадьян в Бийанкуре.

вится все короче. Он спешит перейти к вопросам, но аудиторию особенно занимает неопределенность его национального происхождения: «Да кто вы такой? Почему не послали чисто русского?.. Научитесь говорить по-русски!..» Бадьян нервно объясняет, что он, «к сожалению, не чисто православный», но зато от имени всей правой рабоче-крестьянской оппозиции категорически отрицает еврейскую «канализацию» (он имеет в виду «колонизацию») на юге России. Другое дело – пустая земля в Сибири... «Сибирь?!.. – несется полупьяный вопль. – Господа, да какое он имеет право?!» Но к крику подлетают распорядители, и «чердак снова превращается в кашу людских голов, возмущенно ревущих; над головами в отдельных кучках мелькают кулаки; вопящего и пьяным голосом всхлипывающего “сибиряка” силой проталкивают через людскую гущу...»⁹⁰.

Таким образом, иронизировал Кольцов в своем третьем фельетоне о перебежчике⁹¹, в Париже «снова были переполненные залы, речи, споры, даже званые обеды. Бадьян имеет свидание с Милюковым. Он совещается со штабом Николая Николаевича. Он принят у липового “императора” Кирилла». Одни из эмигрантских изданий высмеивают «маленького рабочего», другие, наоборот, берут под свою защиту. Полемика, интриги, новые страсти! Но Кольцов не кривил душой, когда писал:

Можно без всякого преувеличения сказать, что последние полгода вся политическая и общественная жизнь белогвардейского Берлина, Парижа и других центров прошла под знаком приезда Бадьяна. Статьи Бадьяна. Интервью Бадьяна. Письма в редакции Бадьяна. Доклады и собеседования о Бадьяне. Передовые статьи в газетах и журналах. Виднейшие деятели эмиграции – Милюков, Шульгин, Гессен, Керенский, Струве – построили целый ряд глубокомысленных политических тезисов, опираясь на Бадьяна и его приезд. «Первая ласточка!» «Первый кирпич из разваливающегося здания коммунизма». «Первая крыса с тонущего корабля». Так рисовался Бадьян взволнованной эмиграции.⁹²

Вместе с тем даже самые легковверные представители русского зарубежья все с большим недоверием и скепсисом воспринимали неуклюжее вранье продолжавшего дурачить эмиграцию безграмотного авантюриста⁹³, и тот же Дон Аминадо саркастически замечал:

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Кольцов М.* Бадьян соскучился // Правда. 1927. №33, 10 февраля.

⁹² Там же.

⁹³ См., например, протест монархистов в белградском «Новом времени» (1926. №1659, 7 ноября), которые заявляли, что «те, кто действительно работают для избавления России, не нуждаются в Бадьянах» (цит. по: Нововременский протест // Дни. 1926. №1157, 12 ноября).

Когда я слышу смелого Бадьяна,
 Я думаю: вот это человек!
 Сапожник по профессии. Но, странно, –
 По стилю настоящий дровосек.
 И хочется так ласково, так мило
 Сказать ему: Бадьянчикек, не ври,
 «Не говори, что молодость сгубила»...
 А, впрочем... если хочешь, говори!⁹⁴

Отмечая, что «русское самозванчество, не в пример самозванчеству европейскому, всегда поражало удивительной беспечностью по части выдумки и редкой топорностью своих приемов», ибо для русских умов «главное, чтобы титул самозванца был громкий, сногшибательный и импонировал объектам обмана», рижская газета «Слово» удивлялась, что даже вожди эмиграции, прошедшие, казалось, огонь, воду и медные трубы, поверили мелкому жулику, объявившему себя вождем «правой» оппозиции только потому, что «левая» была уже занята Зиновьевым и Троцким⁹⁵.

«Мы не знаем еще точно, – писало «Слово», – был ли “бунт” Бадьяна предпринят из личной обиды на кожсиндикат или все это шутовское “восстание” было инсценировано чрезвычайкой, членом которой Бадьян состоял уже с 1919 г., но “факт на лице” остается фактом: вчерашний чекист, палач и убийца сделался героем и вождем оппозиции». Причем, так как «оппозиции» неудобно было состоять из одного лица, хотя бы и имеющего пять национальностей («один раз – русский, во второй раз – еврей, в третий – армянин, в четвертый – поляк, а теперь уже – бурят!»), то в нее «для компании были прихвачены жена Бадьяна – Вера⁹⁶ – и домашний друг их, какой-то Минаев». После того как, родив «вождя» оппозиции, «Руль» открыл ему свои газетные столбцы, обеспечил переводчиками и переписчиками, предоставил связи и «даже автомобиль», как хвастается он теперь в Париже, берлинская колония стала просто исходить восторгом от милейшего Якова Ивановича. Поскольку же «топорность и примитивность самозванчества даже у умных людей затемняет ум и убивает чувство критики и скептицизма» – Бадьян торжественно въехал во Францию, где его «гнусная шарманка завывала вновь»:

В Париже Бадьян сначала добивается свидания с русскими социалистами, клянется в верности демократизму и ненависти к монархизму. От социалистов идет к монархистам и клянется им в ненависти к социализму и обожании монархизма, пытается до-

⁹⁴ Последние новости. 1926. №2096, 18 декабря.

⁹⁵ *Бережанский Ник.* Из палачей – в герои // Слово. 1926. №314, 30 октября. Далее цитаты из статьи приводятся без отсылок.

⁹⁶ Вторая жена Я.Бадьяна.

биться свидания с вел. кн. Николаем Николаевичем, пробует выступать на похоронах Винавера и настойчиво стучится в двери французских газет. Бадьяна уличают в двурушничестве, Бадьяна разоблачают, как попавшегося воришку, и, тем не менее, умные и порядочные люди организуют ему доклады, и даже председательствуют на его «выступлениях». Бадьян – герой, Бадьян – вождь, Бадьян – спаситель России. Бадьян – светлая личность, за сомнение в которой скептиков выталкивают из зала и даже... бьют палками.

Хотя «Дни» сообщали, что парижская префектура предложила Бадьяну «в 48 часов покинуть Францию»⁹⁷, 22 декабря он выступил в Гавре с очередным докладом, собравшим около четырехсот слушателей, в том числе большую группу местных коммунистов. В качестве переводчика выступал профессор международного права А.А.Пиленко, но рассказ Бадьяна о невыносимом положении советских рабочих все время прерывался выкриками из зала: «Изменник! Расскажите, на какие деньги путешествуете?». Окончательно изолгавшись, Бадьян уверял, будто средства ему собрала партия, то бишь «оппозиция», в которой находится... «больше 100 000 человек»!⁹⁸

Но то ли у Бадьяна кончились деньги, то ли он разочаровался в эмиграции, то ли подействовала угроза высылки из Франции, но вдруг, издевался Кольцов, «заблудший грешник, бывший свирепый большевик и головорез, китайский шерстяной кооператор, чекист, друг императора Кирилла, главный разоблачитель советского строя и диктатуры Политбюро» явился в полпредство СССР в Париже... с повинной! В адресованном полпреду Х.Г.Раковскому заявлении, от 3 января 1927, Бадьян истово каялся:

Пять месяцев я совершал великое преступление перед своим пролетарским государством, пять месяцев дикие звери терзали мое тело и, чем дальше я вникнул в среду белогвардейщины, тем больше я стал убеждаться, как ценно и дорого мне то государство, за которое я отдал 16 лет своей жизни. День за днем я все больше чувствую свое преступление и тоску о своей среде, без которой я не могу жить, как без воздуха, и, когда моя 5-летняя дочь спрашивает меня: «Почему, папа, я здесь не пионерка?», вот эти слова терзают мою душу.

До сих пор, то есть до дня моего преступления, я только слышал о белогвардейщине и, когда я против них воевал, я не знал в сущности ихнюю гнусную душу. Но, когда я сейчас поработал и побывал в штабе Николая Николаевича, в Торгово-промышленном комитете и в белых редакциях и у самого государя Кирилла 1-го и когда я прошел через тысячу иностранных русских белогвардейцев, – хотя моя работа была гнусная и преступная, но

⁹⁷ Высылка Бадьяна // Дни. 1926. №1176, 4 декабря.

⁹⁸ Бадьян в Гавре // Возрождение. 1926. №572, 26 декабря.

сейчас она мне оказалась школой <борьбы> двух классов, и мое преступление должно послужить уроком другим, что душа рабочего не может им принадлежать. Все мои переговоры с бело-гвардейщиной <подтверждают, что> у них только есть три мнения: смерть рабочим, возврат собственности и власть монарха.

Хотя, как преступник, я не заслуживаю доверия, но заявляю Вам, что от сегодняшнего дня отказываюсь вести какую бы то ни было работу и пропаганду против своего пролетарского государства и отказываюсь от предложения поездки в Англию и Америку и передаю себя в руки пролетарского суда, хотя бы мне это стоило жизни. Лучше умереть от руки рабочего класса, чем быть предателем его.

Жду Вашего распоряжения. Тот, кто не побывал среди буржуазии, тот не может ценить, как дорого и ценно пролетарское государство.

С товарищеским приветом. Я.И.Бадьян⁹⁹

Фотокопию его покаяния Сталин получил только 8 февраля, что, как оправдывался начальник ИНО ОГПУ М.А.Трилиссер в записке на имя заведующего секретариатом вождя И.П.Товстухи, объяснялось намерением чекистов заполучить прежде «личный архив» Бадьяна. «Архив этого “героя” нынче нами получен», – отмечал Трилиссер, предлагая, «на предмет согласования», следующий примерный текст ремарки к «покаянному письму гр. Бадьяна» с целью опубликования его в советской прессе:

Выброшенный за ненадобностью из всех белогвардейских – с позволения сказать, «политических» – притонов, которым за «тридцать сребреников» Бадьян продавал свою порцию клеветы на СССР, этот негодяй просит теперь разрешения вернуться в СССР.

В стране диктатуры пролетариата не место предателям рабочего класса.

В визе на въезд в СССР Бадьяну отказать.¹⁰⁰

Предложение Трилиссера поддержал глава правительства Рыков, а за ним – Сталин и остальные члены Политбюро ЦК ВКП(б), в постановлении которого от 9 февраля 1927 говорилось: «Напечатать полностью в советских газетах письмо Бадьяна т. Раковскому и принять меры к напечатанию его в заграничных газетах. В визе на въезд в СССР Бадьяну отказать»¹⁰¹.

⁹⁹ Цит. по: *Кольцов М.* Бадьян соскучился.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.163. Д.618. Л.16-17.

¹⁰¹ Там же. Л.2. Небезынтересно, что в тот же день Президиум ЦИК СССР объявил «вне закона, как врагов трудящихся и предателей рабоче-крестьянского государства», командира авиаотряда К.М.Клима и его моториста Тимошука, перелетевших на военном самолете в Польшу (см.: Изменников – вне закона // Правда. 1927. №33, 10 февраля).

На следующий день ведущие фельетонисты «Правды» и «Известий» торжественно сообщили о раскаянии заблудшего грешника. «Бадьян соскучился», – ехидничал Кольцов, поясняя, что «даже последнего негодяя и проходимца в эмиграции стошнило, и он просится домой»¹⁰². Кольцову вторил Рыклин, который, удивляясь, сколько людей этот «спившийся субъект» оставил в дураках, сколько шуму наделал, пренебрежительно замечал: «Бадьян израсходовался. Мелочи нет. С утра ни маковой росинки. Одолжите полтинник. Вот содержание всего его раскаяния»¹⁰³.

Но осознав, что дал маху, «покаянец» Бадьян поспешил в «Возрождение» и «Последние новости» со своим «Ответом кремлевским заправилам», датированным 13 февраля. Конечно, он уверял, что его заявление в адрес Раковского сфабриковано и является провокацией большевиков, мечтающих дискредитировать отступника в глазах не только всей русской эмиграции, но и тех сотен рабочих и крестьян, которые, следуя «бадьяновскому почину», готовы выйти, следом за ним, из рядов ВКП(б). «Заявляю, – бил себя в грудь Бадьян, – что ни голод и ни холод не могут меня заставить отказаться от веры в будущую великую национальную Россию»¹⁰⁴.

В напечатанном через пару дней очередном своем письме Бадьян вновь обличал фельетонистов «Правды» и «Известий» в гнусной провокации:

Вы, товарищ Кольцов, еще четыре месяца тому назад уверяли в своей статье русского рабочего, что больше об Яшке Бадьяне писать не будете. Но видно, что не Яшка стал вас беспокоить, а вас беспокоит тот раскол и трещина, которая получилась последнее время в партии, и вы составили письмо, как тяжело тут мне живется, для того, чтобы спутать еще несколько десятков рабочих. Конечно, тов. советские журналисты, что те статьи, которые писались в эмигрантских газетах против меня, немало удовольствия вам доставили. По крайней мере, ваши попугаи бегали с этими газетами в руках на всех партийных собраниях и тыкали их

¹⁰² Кольцов М. Бадьян соскучился.

¹⁰³ Рыклин Г. Не все ли нам равно? // Известия. 1927. №33, 10 февраля. См. также отклики в эмигрантской прессе: Бадьян «покаялся». Его просьба о возвращении в СССР отвергнута // Возрождение. 1927. №618, 10 февраля; Бадьян лишен сов. гражданства // Последние новости. 1927. №2150, 10 февраля; Бадьян желает вернуться в СССР // Сегодня. 1927. №32, 10 февраля; Как Бадьян кается // Сегодня вечером. 1927. №34, 12 февраля; Покаяние Бадьяна // Руль. 1927. №1888, 15 февраля.

¹⁰⁴ О Бадьяне: Бадьян протестует. Покаянное письмо Бадьяна // Последние новости. 1927. №2155, 15 февраля. См. также: Инцидент Я.И.Бадьяна: Заявление Бадьяна Раковскому. Письмо Бадьяна в редакцию // Возрождение. 1927. №623, 15 февраля; Можно ли верить Бадьяну? // Сегодня вечером. 1927. №39, 18 февраля.

под нос каждому: смотрите, мол, если вы попадете за границу, как Бадьян, вас там встретит такой же ужас. А ваше ложное заявление от моего имени окончательно укрепило ваш агитационный фронт. Нет, никто вам не поверит, чтобы вы были не так жестоки для того, чтобы не расплатиться со мной по вашему закону революционного времени. Вы наглым образом врете: свободно я здесь живу, свободно дышит моя семья...¹⁰⁵

Он еще грозился встретиться с «клеветниками» – «около московских ворот, когда русский народ станет против вас под славное великое трехцветное знамя»¹⁰⁶. Но, пожалуй, это был последний всплеск общественного интереса к «маленькому рабочему», который, как отмечала эмигрантская печать, «вынырнул, нашумел и канул в воду»¹⁰⁷.

Куда уж ему было тягаться с продолжившими «бадяновский почин» новыми перебежчиками, вроде бывшего сотрудника сталинского Секретариата и помощника заведующего Бюро Секретариата ЦК РКП(б) в 1923–1924 Б.Г.Бажанова или поверенного в делах СССР во Франции Г.З.Беседовского¹⁰⁸, чей интеллектуальный уровень был неизмеримо выше и которые, действительно, могли кое-что порассказать о советских тайнах...

3. Бадьяновские «двойники» (Берлин–Париж, 1926–1928)

Уже в июле 1927 «Последние новости» сообщили, что Бадьяна и по сей день разыскивают в Оренбурге за... растрату казенных денег. Газета даже цитировала постановление следователя местного угрозыска, в котором предписывалось «дознание по обвинению гр. Бадьяна Я.И. в присвоении государственных средств в сумме 1704 руб. 09 коп. приостановить, учинив его розыск и задержание», с каковой целью просить НКВД войти в соглашение с НКВД для затребования обвиняемого на родину через полпредство СССР в Германии¹⁰⁹. «Бадьяна ищут... – иронизировала газета. – Яков Иванович, ау!» Однако на этот раз перебежчик не откликнулся, а две недели спустя в «Возрождении» появилась заметка, что «прусское министерство внутренних дел постановило выслать Бадьяна как нежелательного иностранца»¹¹⁰.

¹⁰⁵ Бадьян протестует // Последние новости. 1927. №2157, 17 февраля.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ В<акар> Н.П. Тень Бадьяна // Там же. 1927. №2134, 25 января.

¹⁰⁸ Подробнее о нем см.: *Генис В.Л.* Григорий Зиновьевич Беседовский // Вопросы истории. 2006. №7. С.37-58.

¹⁰⁹ Якова Ивановича Бадьяна ищут // Последние новости. 1927. №2318, 28 июля.

¹¹⁰ Высылка Бадьяна // Возрождение. 1927. №799, 10 августа.

Но еще до того, как «маленький рабочий» окончательно исчез из поля зрения эмиграции, в Париже материализовался его «двойник» – бывший сотрудник берлинского торгпредства А.М.Жигулев, пользовавшийся литературным псевдонимом «М.Иринин». Совсем еще молодой человек, он весьма гордился своим участием в делегации питерских рабочих, направленной в Москву для участия в похоронах Ленина, и вслед за Бадьяном тоже развернул за границей бурную политическую деятельность. Впрочем, как признавалась основанная им впоследствии газета «Путь труда», «формально в ряды партии тов. Иринин-Жигулев не входил», но «задолго до выезда за границу он примыкал к оппозиции» (?!), а «после службы в берлинском торгпредстве перешел в 1926 г. к открытой оппозиционной работе»¹¹¹.

Оспаривая у Бадьяна пальму первенства, Жигулев считал, что именно он положил «начало политневозвращенческому движению»¹¹² – как «новой форме борьбы советских граждан с существующим в их трудовом отечестве режимом»¹¹³, и, описывая историю своего разрыва с ним, вспоминал:

В самых последних месяцах 1925 года я, двадцатилетним красным спецом, после окончания в этом же году ВТУЗа, приехал в Берлин. Германское правительство пустило меня для лечения, а советское выпустило для получения производственной практики за границей. На самом же деле я ехал для того чтобы, ознакомившись с эмиграцией, связаться с родственным политическим течением в ней и вернуться в СССР для продолжения подпольной работы. Путанное представление об эмиграции было особенно сильно: с одной стороны, это все враги, а с другой, казалось, что те политические группы и отдельные лица, которые в свое время были в одном с большевиками революционном лагере и, будучи затем разбиты этими большевиками, но не сломленные ими, казалось, должны были эволюционировать в своих взглядах в том направлении, которое было бы понятным и близким тем людям, которые, оставшись под влиянием большевистской школы, все же не подчиняются ей окончательно.

Задерживаться за границей я долго не мог, и поэтому, как приехал в Берлин, то на другой же день, не являясь ни в консульство, ни куда, постарался разыскать редакцию «Социалистического вестника». Из редакции я явился к А.А.Югову – секретарю Заграничной делегации РСДРП. С ним мы и условились о порядке наших сношений за время моего пребывания за границей,

¹¹¹ Из нашей переписки и информации // Путь труда (Париж). 1930. №4, сентябрь.

¹¹² Иринин М. Третья русская эмиграция. (Очерк характеристики и истории) // Оппозиционная правда: Орган рабоче-крестьянской оппозиции. 1930. №1, ноябрь. С.2.

¹¹³ Фантазия и действительность // Путь труда. 1930. №2, июнь. С.13.

с ним и решили, что мне удобнее всего поступить на службу в советское учреждение в Берлине и вообще целиком войти в советскую колонию, дабы мне легче и безопаснее было потом вернуться в СССР. Я было пробовал возражать против всей этой комбинации, заявив, что охотно бы провел свои несколько месяцев за границей, работая на каком-нибудь заводе, но, видя возражение А.А.Ю<гова>, спорить не стал, решив, что ему заграничные условия пребывания советских граждан более известны, чем мне, и, положившись на него, решил обратиться с ходатайством в Торгпредство о приеме меня на службу. Предъявив свои документы об окончании Политехникума, профсоюзные документы и др<угие> бумаги, характеризующие меня как беспартийного, но преданного советской власти красного спеца, я через некоторое время получил на свою просьбу положительный ответ и был принят в Торгпредство.

Вошел в Союз советских студентов в Берлине, ходил на службу, знакомился с Берлином, но к обратному отъезду готовился усиленно: прочитал изрядно социал-демократической литературы, довольно много беседовал с А.А.Ю<говым>, и вообще в этом смысле казалось, что все идет отлично. Довольно быстро я определился, что с социал-демократами не по пути, и стал искать возможность познакомиться непосредственно с другими представителями эмигрантской общественности. Помощником в этом я себе избрал советского студента Гофмана, после того, как мне казалось, достаточно убедился в его симпатии к себе и определенной настроенности не в пользу диктатуры ВКП. Но, не сделав еще почти никаких конкретных шагов, я заметил, что отношение ко мне в советской среде ненормальное. Однако возвращаться в СССР, ничего почти толком не узнав об эмиграции, не хотелось.

После моих бесед с представителем национально мыслящей эмиграции, кажется м-ч <?> Тиволовичем, я перешел к беседам с секретарем «Руля» м-ч Татариновым. Симпатичные русские люди поразили своим отношением ко мне: на все мои уговоры сделать наши беседы максимально конспиративными, т. к. я должен возвращаться обратно, отвечали тем, что встречались со мной в таких местах, где скорее всего можно было встретиться с советским <служащим>. Результат моего знакомства с эмигрантской общественностью, следующей после социал-демократии, не заставил себя долго ждать. В один прекрасный день мне передали в Союзе советских студентов, что меня вызывают в Полпредство...¹¹⁴

Далее Жигулев вспоминал форменный допрос, устроенный ему вторым секретарем берлинского полпредства А.В.Фехнером, кото-

¹¹⁴ Жигулев А. Политическая ошибка // Бюллетень Заграничного бюро оппозиционеров и советских граждан, добровольно покинувших СССР (Париж) (далее – Бюллетень ЗБО). 1929. №2, декабрь. С.9-10.

рый не мог понять, что общего у выпускника советского вуза «с дворянами, генералами, буржуями и прочей падалью». Фехнер возмущался, что, попав за границу, Жигулев стал «разлагаться», и требовал, чтобы он назвал фамилию человека, который связал его с эмигрантским студенческим союзом. Жигулев, по меньшей мере, дважды, и каждый раз по-разному, воспроизводил в печати свой диалог с Фехнером, и в последнем варианте это звучало так:

«Нам известны ваши сношения с эмиграцией». – «Очень жалею». – «Назовите имя человека, который впервые дал вам адреса эмигрантской организации». – «Не могу». – «Тем хуже для вас. Нам известно это лицо...» – «Ну, а если известно, зачем же тогда спрашивать». – «Расскажи о причинах, которые толкнули тебя, красного инженера, сына рабочего, на сношения с эмиграцией». – «Мне думается, что если вы сумели узнать мое доверительное лицо, то сможете узнать без меня и подлинную причину моего приезда за границу и сношения здесь с эмиграцией». – «Я прошу у тебя ответа по существу». – «Что же я могу ответить на такой вопрос? Я не согласен с тем, что осуществляется сейчас в СССР партией. А что касается моих сношений с эмиграцией, то вызвано это не идеологическим с ней родством, а необходимостью ближе ознакомиться с теми, кто борется с советской властью». – «Ты должен будешь в ближайшее же время выехать в Москву». – «Хорошо».¹¹⁵

Жигулев стоял перед выбором – подчиниться или остаться в эмиграции, но его, пояснял он, «интересовал лишь вопрос, насколько целесообразно будет мое то или иное решение в целях продолжения борьбы с коммунистической диктатурой в России. Сознывая, что своими неосторожными действиями за границей я навлек на себя тяжкое подозрение в нелояльности к Партии, я, однако, готов был подчиниться требованию Фехнера о возвращении, но удерживала мысль, что скомпрометировать я себя скомпрометировал, а цель своего приезда за границу не осуществил даже отчасти и не только не связался с родственной группой в эмиграции, но и не изменил того путанного представления о ней, которое было раньше»¹¹⁶.

Поэтому, хотя Жигулева проводили до железнодорожного вокзала, уже через полтора часа после отправления своего поезда он сошел с него, пересел на встречный и вернулся в Берлин¹¹⁷. Говоря о себе в третьем лице как о «мелком служащем из бухгалтерии, недавно приехавшем из СССР», Жигулев описывал дальнейшее так:

Выйдя утром из отеля, он встретился со своим товарищем по одной из советских организаций. Тот шарханул от него в сто-

¹¹⁵ *Иринин М.* Третья русская эмиграция // *Оппозиционная правда.* №1. С.2-3.

¹¹⁶ *Жигулев А.* Политическая ошибка. С.10.

¹¹⁷ *Иринин М.* Третья русская эмиграция. С.3.

рону, зная причину предложения о возвращении в СССР и будучи не в силах постичь возможность неповиновения нынешнему советскому правительству. Мгла сгустилась. Кто враг, кто друг – разобраться трудно. Попадая в эмигрантскую среду, он слышал русскую речь, но плохо понимал ее. Воспитанный под неослабным вниманием Партии в целом и лучших ее членов в частности, он в одни и те же русские слова вкладывал другой смысл.

Отечество – это была для него советская Россия, неотделимая от «калининных» во главе ее. Партия – это авангард пролетариата и других трудящихся классов, и т. д. Приходили люди, расспрашивали, что-то предлагали, указывали, давали советы и прочее. Нет-нет да и сверкнет в упор злобный взгляд врага и прошипят сжатые зубы: «Комсомолец!» – «Напрасно. К сожалению, я должен был отказаться от вступления в ЛКСМ по ряду причин...» Взгляд сверкал еще больше и лишь расширился от удивления... Но очень скоро он обращался в щель, из которой лилась волна ненависти: «Чекист», – и, резко повернувшись, враг быстро удалялся.

Окружающие отскакивали, но через некоторое время осторожно кто-нибудь из них опять подходил с каким-нибудь предложением, от которого вызывало тошноту. Делать было нечего. Нужно было не только жить, но и думать о продолжении борьбы за свободу в стране советов: значит нужно было встречаться, спрашивать, выяснять, устраивать свои дела с паспортом и пр. В окружающей мгле не видно ни одного дружеского лица. Написанная статья в эмигрантскую газету появится с действительным только именем < sic!>, но с другим содержанием. Внутренний голос подсказывает, что бороться здесь бесполезно. Без денег, без визы, без билета в поезде и нелегально через границу из Берлина в Париж. Дальше уже ждать нечего.

Первый ляг стали. На самостоятельно организованном открытом собрании белоэмигрантов в их цитадели, Бьянкуре, раздаются слова, ошеломляющие аудиторию: «Борьба с белогвардейщиной еще не окончилась, она будет продолжаться до конца». «Всех ваших “николай николаевичей” необходимо послать к черту». Выскакивает из толпы перекошенная от злобы личность и требует взять слова обратно. Отпор. В напряженной атмосфере кончается собрание. Демократическая публика, не услышавшая слов защиты их демократии, ехидненько улыбается. Полтора года не легализованный во Франции, из ночи в ночь засыпая с мыслью, что, может быть, приходится проводить последнюю ночь во Франции, а утром опять дела и мысли о борьбе на два фронта...¹¹⁸

Несколько объявлений о его публичных выступлениях появились и в эмигрантских газетах, например: «12 ноября на собрании Главного Объединения русской эмигрантской молодежи <при Союзе

¹¹⁸ Фантазия и действительность. С.13-14.

объединенных монархистов» А.М.Жигулев сделает доклад на тему: «Восемь лет в советской России и год в эмиграции»¹¹⁹. А «Возрождение» сообщало о нем, что «А.М.Жигулев – студент Петроградского Политехникума путей сообщения, активный работник среди беспартийной молодежи, участник Всесибирской конференции транспортной молодежи в 1920 г. и делегат на похороны Ленина от Петроградского губкома РКП»¹²⁰.

Доклад «вызвал оживленный обмен мнений среди присутствующих»¹²¹, и 26 декабря Жигулев повторил его в зале «Армии спасения»¹²². Примерно тогда же его пригласили выступить на заседании Русского национального комитета, где, игнорируя недоумевающие взгляды присутствующих, Жигулев, по его словам, категорически «отрицал наличие монархических настроений среди масс Союза, утверждал неизбежность советского строя, высказывал уверенность, что политика партии изменится, и она преодолет стоящие перед ней трудности собственными силами»¹²³.

После завершения доклада, вспоминал Жигулев, «весьма древняя личность, особенно пристально всматривающаяся в меня, поерзала на стуле и “бух в колокола”...: “А Вы бы лучше рассказали, что делается в ГПУ”. Я, признаться, вначале не понял вопроса и хотел было действительно высказать свою точку зрения, заявив, что в ГПУ творятся ужасные вещи, во многих случаях ничем не оправдываемые, но, к сожалению, Революция без эксцессов не бывает, и для Революции с ГПУ приходится смириться. Но затем сообразил, что древняя личность, чего доброго, подозревает меня в том, что я по шпаргалке из ГПУ читал перед подобной ему публикой доклад, и отвечать на такую нелепость посчитал совершенно излишним. После доклада я узнал, что сия личность есть не кто иной, как “око эмиграции”, присяжный разоблачитель провокаторов вообще и дел ГПУ в эмиграции в частности, В.Л.Бурцев».

Но более тесное их знакомство привело, мол, к тому, что Жигулев окончательно разочаровался в выброшенной Октябрем в эмиграцию «доброй русской интеллигенции» и, потеряв веру в ее «чистоту и непорочность», поневоле убедился, «насколько ошибочно представление у части советской молодежи о старых революционерах, борющихся с диктатурой ВКП». Негодуя, что Бурцев уговорил

¹¹⁹ Доклад А.М.Жигулева // Последние новости. 1926. №2059, 11 ноября.

¹²⁰ Хроника. Объединение эмигрантской молодежи при С.О.М. // Возрождение. 1926. №527, 11 ноября.

¹²¹ Хроника. В объединении молодежи при С.О.М. // Там же. №530, 14 ноября.

¹²² Доклад А.М.Жигулева // Последние новости. 1926. №2102, 24 декабря; То же // Дни. 1926. №7193, 24 декабря; Возрождение. 1926. №570, 24 декабря.

¹²³ Жигулев А. Можно ли верить Вл. Бурцеву // Бюллетень ЗБО. 1929. №1, декабрь. С.15-21. Далее цитируется без отсылок.

его вступить в опасную «игру с ГПУ», а потом якобы сделал вид, будто не имеет к этому никакого отношения, Жигулев излагал следующую версию их отношений:

После первой встречи мне не приходилось встречаться с м-ч Бурцевым сравнительно долго. Я в этот период делал то, что мне подсказывал революционный долг и уверенность, что только близость к советской жизни может сохранить ценным для борьбы с диктатурой ВКП всякого подобного мне эмигранта. Приняв соответствующие меры предосторожности, я иногда заходил в советские общественные организации и вообще сталкивался с советскими людьми. Эмиграция меня интересовала уже постольку, поскольку объективно мне приходилось быть в ее среде.

На одном из собраний во время моего выступления в прениях я увидел, что «око эмиграции» усилило свою пронизательность буквально козырьком из руки. Я уже понимал значение такой внимательности, и мне стоило некоторого усилия, чтобы не обратиться возражение докладчику в открытое предложение м-ч Бурцеву ближе познакомиться, чтобы он мог перестать портить свое зрение, а я – лишний раз проверить, не ошибаюсь ли, делая определенное заключение, после непосредственного знакомства, о старых революционерах в эмиграции.

В один из дней <1>927 г. я зашел к м-ч Бурцеву на квартиру. Разговор у нас был совершенно неожиданный для меня. Он очень сожалел, что я ушел из торгпредства, т. к., оставаясь в нем, я бы мог принести большую пользу эмиграции, но и теперь я, быть может, могу вернуть к себе прежнее доверие в советских кругах. Я ответил, что нет, т. к. для полной реабилитации мне пришлось бы иметь дело с ГПУ и вообще начинать такую игру, к которой у меня и желания и способностей соответствующих нет. Я за все время своего пребывания в советской, даже большевистско-коммунистической среде, уклонился не только от всяких дел с ГПУ, но и заставил на себя косо смотреть партийцев за то, что избегал войти в ту или другую коммунистическую организацию.

Короче говоря, весь наш разговор с м-ч Бурцевым был беседой двух людей, принадлежащих не только к совершенно различным поколениям, но и к двум несовместимым идеологическим установкам. Однако было ясно, что пока противник у нас общий, и это побудило, во всяком случае, м-ч Бурцева выяснить, не могу ли я быть чем-нибудь полезен в его личной борьбе. Таких конкретных точек соприкосновения в то время не оказалось, и я ушел от него в полной уверенности, что ухожу от человека совершенно мне идеологически чуждого, но прямого и честного, не способного на темные дела по отношению к лицу, ему доверившемуся.

Однажды я зашел к нему и сказал приблизительно следующее: предполагаю, Владимир Львович, закончить свои дни в эмиграции, т. к. с той идеологической установкой, которая у меня, ни она мне, ни я ей совершенно не нужны. Если смогу, то я

вернусь в Россию легально, а если нет, то все-таки постараюсь быть в максимальной близости от советских кругов за границей. М-ч Бурцев ответил мне, что если я вернусь в Россию, то вернусь или на подвиг, или на смерть, или на предательство, но не возражал против моего намерения. Одним словом, для меня было ясно, что в глазах м-ч Бурцева я никакого отношения к поддержке коммунистической диктатуры не имею, и, следовательно, несмотря на то, что он терпеть не может моих убеждений в связи с нашими соответствующими разговорами, я, тем не менее, могу рассчитывать на его опыт и поддержку.

В парижских советских кругах к этому времени мое положение вырисовывалось в следующих чертах: не только легальное возвращение в Россию, но и право посещения советских организаций было под большим сомнением, если я не войду в более ответственную игру с противником. Объективно я оказался перед положением, которого больше всего избегал, это – бороться с диктатурой ВКП, ведя вплотную игру с ГПУ. О своем первом «пробном шаге» я сейчас же сообщил м-ч Бурцеву. Оказалось, что я не совершил преступления оперированием того материала <sic!>, с которым начал было игру с ГПУ, но допустил грубейшую ошибку тем, что дал в руки секретаря консульства письменный документ, могущий меня уличить, что я отказался от борьбы с диктатурой ВКП и готов был перейти к защите ее какой угодно ценой.

Конечно, пословица «Коготок увяз – всей птичке пропасть» имеет иногда справедливое значение, но и все же человек не птичка. Он иногда сознательно делает, что у него вся нога увязает, и все же он легко выбирается, правда, в большинстве случаев с посторонней помощью. Без м-ч Бурцева я не только не решился бы войти в игру с ГПУ, но и допустить даже свой пробный шаг. Однако от ноги еще и палец не увяз, а уже приходится слышать заявления, что он совершенно ничего не знал и не знает о моих действиях.

Оскорбленный Жигулев заявлял, что всякие разговоры о возможности достижения «блестящих» результатов от «игры с ГПУ» для подобных ему лиц расценивает теперь как «провокацию или полнейшую слепоту», ибо своим «пробным шагом» достаточно убедился, что «всякий революционер, решившийся бороться с защитниками сталинских интересов путем внутреннего их разложения, неизбежно навлечет на себя темное пятно», а «авторитетные политические деятели», знавшие о цели подобного революционера, скорее всего, постараются откреститься от него.

«Нет, подальше от этих авторитетов, – с горечью подытоживал Жигулев. – И особенно поменьше веры в кристальную чистоту, силу и опыт революционеров из старой русской интеллигенции. Этот мир уже привел один раз к тому, что я потерял путь для легального возвращения в Россию и продуктивной борьбы там; вторично это

мне стоит заявления <о том, чтобы> временно отойти от политической работы, если я не хочу бороться с возводимыми на меня обвинениями»¹²⁴.

Что же касается отношений с Бадьяном, то, будучи уже в Париже, Жигулев узнал о прибытии, мол, на «помощь» ему «активного оппозиционера», являвшегося-де в прошлом секретарем редакции подпольной газеты «Рабочая правда», но тот, прогремев в эмигрантской и иностранной прессе сенсационными разоблачениями советского режима, неожиданно взял курс на «национально-демократическую» партию, став «позором заграничного представительства оппозиционной группы в ВКП(б)»¹²⁵. Считая, что в том «переплете», который Бадьян создал вокруг себя, он не мог не запутаться и, в конечном счете, был вынужден оставить оппозиционную работу, Жигулев в каком-то смысле проливал свет и на упоминавшуюся выше чекистскую операцию по похищению архива «маленького рабочего».

Он писал следующее:

Эпопея Бадьяна за границей не дошла до грозного названия его собственного журнала, с вывеской на первой странице всех его чинов и орденов, по простой случайности. Як<ов> Бадьян не учел, что за границей находятся, в полном здравии, или некоторые родственники расстрелянных им во время гражданской войны лиц, или сами «жертвы», ускользнувшие от «карающей руки пролетариата» – ГПУ, к которой Бадьян прибегал и в пешем и конном строю, борясь с белогвардейцами. Он пробовал было это отрицать, но «куртизанская дева» Н.П-ва <?>, действуя современным оружием, силою лучистых глаз, проложила себе дорогу к бадьяновскому портфелю и извлекла оттуда «трусливого» врага на фотографической карточке, с лицом Бадьяна и в форме сотрудника конных войск ГПУ. Поверженному к ногам «девы» Бадьяну ничего другого не оставалось, как признать себя побежденным в политической игре со своим врагом.

И, хотя он уже окончательно понял, что его ставка бита и нельзя продолжать себя считать верным советской власти и партии, войдя, ради оппозиционных идей, в такую игру с противником, какую он вел, Бадьян все же продолжал некоторое время надеяться, что Милюков, Струве или Керенский «поймут его» и помогут начать издание его органа. Но «куртизанская дева» всерьез и надолго погубила пламенного Бадьяна, и, несмотря на свое красноречие, он уже не мог проложить дорогу к кошелькам «приятелей» из Р<еспубликанско->Д<емократического> О<бъединения> и Р<оссийского> Ц<ентрального> О<бъединения>, и поэтому пришлось закончить свою авантюрную эпопею не грозным

¹²⁴ Жигулев А. Можно ли верить Вл. Бурцеву. С.15-21.

¹²⁵ Иринин М. Третья русская эмиграция. С.3. Далее цитируется без отсылок.

журналом для сталинской диктатуры, а приниженным заявлением в полпредство СССР во Франции, где он калялся в своих преступлениях перед советской властью и просил разрешения вернуться в СССР, чтобы предстать перед пролетарским судом.

* * *

Вслед за Жигулевым объявился еще один советский отступник – бывший милицейский начальник Илья Федорович Обухов, которого «Последние новости» тут же язвительно окрестили «Бадьяном Гельсингфорсским». Он выступил 5 ноября 1926 в железнодорожном клубе в Выборге, где доклад ему организовали местные русские монархисты, причем оратор, по описанию корреспондента «Последних новостей», представлял собой «хорошего роста упитанного блондина с тщательно сделанным пробором на голове, бритого, одетого в мягкий свэтр <sic!>, в обмотках и желтых ботинках, с перстнем на мизинце». Как и Бадьян, он тоже не особенно владел грамматикой, но умел ввернуть в речь иностранное словцо и говорил, «слегка волнуясь и смущаясь, с сильным оканьем»¹²⁶.

Обухов происходил из зажиточных крестьян Екатеринбургского уезда, в 1913 был призван в армию, участвовал в Первой мировой войне, был произведен в 1916 в офицеры и тогда же попал в плен, из которого, по его словам, пытался бежать, но был схвачен австрийскими жандармами. Вернувшись на родину лишь осенью 1918, он вступил в Красную Армию и записался кандидатом в партию, в которую через год его и приняли. В конце Гражданской войны Обухов командовал 508-м стрелковым полком, а в 1921, окончив в Москве курсы при Академии Генштаба, был назначен командиром отдельного пограничного батальона в Евпатории. Оттуда в 1922 его перебросили в Екатеринбург на должность начальника транспортного отдела местного ГПУ, но в 1924 перевели на службу в милицию, что считалось значительным понижением: сначала он служил начальником Тюменского отдела, позже – начальником окружного управления и угрозыска в Екатеринбурге. Правда, уже тогда ему не давали покоя мысли о том, что среди начальства слишком много евреев. «Хороший ты парень, Илюха, – укоряли его родные, – но зачем с коммунистами и жидами связался?»¹²⁷

Хотя в феврале 1925, по требованию начальника Полномочного представительства ОГПУ по Уралу И.А.Апетера, областная проверочная комиссия поставила на вид Обухову «антисемитизм» и «пра-

¹²⁶ *Тутов.* Бадьян Гельсингфорсский // Последние новости. 1926. №2067, 19 ноября.

¹²⁷ *А.А.Б.* Разочаровавшийся коммунист. Новый беглец оттуда // Возрождение. 1927. №588, 11 января; №589, 12 января.

вый уклон», в августе 1926 он едва не получил должность начальника районного отдела столичной милиции. Но уже твердо решив бежать за границу, Обухов выехал в Сестрорецк... В своем прощальном письме в ЦК ВКП(б) он заявлял, что сначала поверил советской власти, но вскоре убедился: партия ничего не дает крестьянам, в народе широко развит антисемитизм и самыми популярным лозунгом борьбы с режимом, если, конечно, таковую удастся развязать, будет: «Долой коммунистов и евреев!» А 23 августа, то есть через сутки после отправки в Москву своего послания, одетый в милицмейскую форму Обухов перебрался через реку Сестра (красноармеец хотел задержать перебежчика, но тот вырвал у него винтовку, пригрозив револьвером) и перед тем, как отдаться в руки пограничной стражи Финляндии, крикнул собравшимся на другом берегу: «Ухожу от вас. Защищайте свой проклятый Интернационал сами!»¹²⁸.

Отсидев в финских тюрьмах в Териоках и Выборге около двух месяцев, Обухов направился в Париж, где тоже занялся бичеванием своих недавних товарищей на страницах «Возрождения» и в публичных выступлениях. Заботами РЦО 23 января 1927 вчерашний «красный командир» был возведен на ту же трибуну на улице Эрмель, что и незадолго до этого Бадьян, но, как замечала пресса, «Бадьян пожал в эмиграции лавры и оставил Обухову корешки: зал наполовину был пуст». Тем более, что самоуверенный «армяно-бурят» заявлял претензию на роль политического эмиссара борющейся против режима оппозиции, а Обухов говорил только о личном разочаровании и своем желании стать в Париже шофером¹²⁹.

Еще через несколько дней, 30 января, Обухов выступил в Бийанкуре в ресторане «Харьков» с тем же докладом «Положение в Советской России и происходящие в ней процессы»¹³⁰; 6 марта, вместе с Жигулевым, – на тему «Различие и сходство наших политических взглядов» в помещении Русского рабочего союза на улице Магдебур¹³¹, а 31 марта – в парижском «Клуб дю Фобур» с сообщением о положении Красной Армии¹³². Но разоблачения «“друга” Ворошилова по Академии Генерального штаба» (?) уже не привлекли такого внимания, которое выпало на долю его предшественника, вызвав издевательские фельетоны не только в московских «Известиях»¹³³,

¹²⁸ А.А.Б. Из бесед с Обуховым // Там же. №597, 20 января.

¹²⁹ В<акар> Н.П. Тень Бадьяна // Последние новости. 1927. №2134, 25 января.

¹³⁰ Я.М. И.Ф.Обухов в Бийанкуре // Возрождение. 1927. №609, 1 февраля.

¹³¹ Lollius <Львов Л.И.>. Выброшенные волной. На докладах Обухова и Жигулева // Там же. №646, 10 марта.

¹³² Л<любимов> Л.Д. Доклад И.Ф.Обухова о Красной Армии. В «Клуб дю Фобур» // Там же. №669, 2 апреля.

¹³³ Рыклин Г. Следующий номер программы // Известия. 1927. №30, 6 февраля.

но и, как уже говорилось выше, в эмигрантских «Последних новостях».

Выступая 6 марта, Обухов выражал свое недоумение по поводу борьбы различных группировок в эмиграции, ибо «большевизм всех одинаково придавил», и значит, все должны быть заодно. «Я безусловно не монархист, да и не могу быть им, – пояснял Обухов. – Вчерашний коммунист вдруг теперь бы стал монархистом... Но бороться буду, не остановлюсь, приму участие в борьбе»¹³⁴. Жигулев вспоминал, что, встретившись с Обуховым на одном из публичных собраний, спросил его, действительно ли он стал злейшим врагом той власти, которой еще недавно служил с оружием в руках. «Во-первых, – ответил Обухов, – я с товарищами порвал, во-вторых, мои выступления в печати и на организуемых мною (!) собраниях не оставляют, кажется, сомнения в моем нынешнем отношении к советской власти». Дальнейший разговор «из-за бесполезности» был прерван. Жигулев уверял, что Обухов был использован белой эмиграцией, и после того, как в одном из рекомендательных писем, выданных ему для устройства на работу, прочитал о себе, что «было бы хорошо определить его в провинцию по уходу за скотом», на перебежчика нахлынули воспоминания о «добром старом времени» в СССР. Поэтому от контрреволюционных идей он вскоре скатился к оппозиционным, однако, мол, «наступившая идейная прострация отбросила его к ногам официального большевизма»¹³⁵.

* * *

Впрочем, на смену одним бадьяновским «двойникам» шли другие, и еще 28 августа 1926 «Возрождение» напечатало «повествование о подавлении крестьянского восстания на Амуре в 1924 г., принадлежащее перу коменданта войск ГПУ Туркменской республики Кравца, бежавшего с советской службы в Персию»¹³⁶. Оттуда упомянутый И.И.Кравец направился в Турцию, где объявил о своем отказе от возвращения в СССР, а затем, добравшись до Парижа, вступил в контакт с редакциями «Возрождения» и журнала «Борьба за Россию», опубликовавшим в марте 1927 его воспоминания о работе в особых отделах Красной Армии¹³⁷.

¹³⁴ *Lollius*. Выброшенные волной. На докладах Обухова и Жигулева.

¹³⁵ *Иринин М.* Третья русская эмиграция.

¹³⁶ Как большевики вызывают и подавляют восстания. Амурское восстание 15 февраля 1924 г. Гор. Благовещенск. Д<альний> Восток // *Возрождение*. 1926. №452, 28 августа.

¹³⁷ *Кравец И.И.* По особым отделам Красной Армии. (Из записок бывшего чекиста) // *Борьба за Россию*. 1927. №16. С.2-6; №17. С.2-5; №18. С.4-8. Далее цитируется без отсылок.

Редакция сообщала, что «крестьянин по происхождению, железнодорожник, бухгалтер, артист оперы и оперетки по профессии, Кравец во время войны оказался в плену». Пробыв в Германии четыре года, он в октябре 1918 бежал в Данию, откуда, вернувшись в Россию, попал к белому генералу Е.К.Миллеру и участвовал в Гражданской войне против большевиков на Северном фронте. В 1920 Кравец попал в плен к красным и был заключен в концентрационный лагерь при станции Медвежья Гора, но, благодаря помощи старого знакомого, ухитрился не только выйти на свободу, но и устроиться завхозом в особый отдел 1-й стрелковой дивизии, переброшенной в июле в расположение 6-й армии Южного фронта. Тяготясь службой, Кравец несколько раз подавал рапорты об увольнении, на первом из них глава армейских особистов Н.М.Быстрых начертал: «Кто служит в особых отделах, должен или служить или умереть», а на втором: «Арестовать на 30 суток с исполнением служебных обязанностей и за подачу третьего рапорта отдать под суд коллегии». Поэтому Кравец временно покорился судьбе, но через шесть лет, будучи уже «комендантом ГПУ “Туркменской” республики», нелегально перешел персидскую границу. При этом, как свидетельствовал Жигулев-Иринин, опасения мести со стороны недавних коллег заставили Кравца «усиленно скрываться, в результате чего он почти и не появлялся открыто на политической арене».

В полку невозвращенцев прибывало. Почти одновременно с Кравцом «сотрудник советского торгового аппарата коммунист Моисеенко, с одним из своих ближайших товарищей, открыто заявил о своих оппозиционных взглядах и отказался от возвращения в СССР»¹³⁸.

* * *

Еще до историй с Жигулевым, Обуховым, Кравцом и прочими похожий эпизод произошел на Дальнем Востоке. Старый партиец Савва Яковлевич Кириллюк бежал в Харбин, объявив о своем разрыве с большевистским режимом в местной эмигрантской газете¹³⁹.

Член РКП(б) с 1906, Кириллюк в 1917 руководил союзом горнорабочих во Владивостоке, в период колчаковщины работал в Москве и на Урале, в 1920 состоял чрезвычайным уполномоченным по снабжению Народно-революционной армии Дальневосточной республики в Верхнеудинске, а в 1921 заведовал тарифным отделом в Донбассе и экономическим отделом Дальневосточного совета проф-

¹³⁸ Иринин М. Третья русская эмиграция. С.4.

¹³⁹ Кириллюк С.Я. Открытое письмо ЦК РКП(б) // Русский голос (Харбин). 1925. №1483, 25 августа. См. также: Кириллюк <sic!> С.Я. Письмо коммуниста // Рувль. 1925. №1462, 23 сентября.

союзов в Чите. Окончив в 1922 краткосрочные юридические курсы, он служил нотариусом в Сочи, членом губернского суда в Орле и помощником прокурора в Бурятской республике, где за намерение очистить судебные органы от бывших контрреволюционеров и белогвардейцев получил, по его определению, «волчий паспорт»¹⁴⁰.

Впрочем, к этому времени Кирилюк уже зарекомендовал себя склочником, ибо, как он признавался, всегда и всюду без устали разоблачал преступления советского «жулья, карьеристов, шкурников и подхалимов», причем еще в декабре 1922 обратился из Сочи к самому Ленину, указывая ему «на те факты уголовного преступности, которые не наказывались, а наоборот поощрялись высшими партийными органами». Уже из Верхнеудинска 4 марта 1925 он апеллировал к Сталину, которому писал: «Мне ставят в вину, что я не могу жить по заветам Христа, т<о> е<сть> вооружиться терпением и смотреть спокойно, как тот или иной товарищ, стоя во власти, делает преступления». Кирилюк просил совета, как ему жить дальше, так как он неоднократно уже страдал за свое упорство, а «мы везде слышим, что необходима борьба со всеми преступлениями, какие бы они ни были и кем бы они ни совершались»¹⁴¹.

Ответа Кирилюк не получил и, окончательно разругавшись с бурятским наркомом юстиции, был откомандирован из Верхнеудинска в распоряжение Дальбюро ЦК РКП(б), которое в апреле 1925 направило его на работу в Благовещенск. Там он тоже рассчитывал на должность помощника прокурора, но Амурский губком партии, ознакомившись с его личным делом, нашел целесообразным использовать Кирилюка в качестве народного судьи, что он воспринял как выражение ему недоверия. Более того, проверочная комиссия срезала Кирилюку партстаж, установив его членство в РКП(б) с 1917, ибо раньше он, мол, «не имел абсолютно никакой связи с партией и не состоял ни в одной ее организации»¹⁴². Посчитав это вопиющей несправедливостью, Кирилюк 17 мая снова обратился к Сталину:

Я потерял все: здоровье, время, жизнь, партстаж. Теперь терять нечего, осталась одна совесть, которую, конечно, я думаю, что не потеряю. Я долго плыл против течения, боролся, помощи не было, и я теперь течением сбит. И на тяжелом тернистом пути революционном поставлен мне крест, и теперь я должен плыть по течению, куда вынесет. Во всем этом виноват я и только я. Хотя меня и заставляли делать это мои обязанности, но это можно было обойти, как это делают другие. Теперь я думаю, это не повто-

¹⁴⁰ См.: Личное дело С.Я.Кирилюка. 1925. – РГАСПИ. Ф.17. Оп.35. Д.567. Л.7.

¹⁴¹ Там же. Л.3.

¹⁴² Письмо Амурского губкома РКП(б) в Дальбюро ЦК РКП(б) от 9 сентября 1925. – Там же. Л.2.

рится: как говорят, пуганая ворона и куста боится. Теперь я больше не буду никого беспокоить...¹⁴³

Но в конце мая в Амурский губком РКП(б) стали поступать заявления от ответственных советских работников, обвинявших Кириллюка в дискредитации партии и судебных органов. Поскольку, не вняв устному предупреждению, он продолжал свои выпады против отдельных коммунистов даже среди беспартийных, весь материал на судью был передан в губернскую контрольную комиссию. Однако в адресованном ей заявлении от 5 июня 1925 (копия – в Политбюро ЦК РКП(б)) Кириллюк сообщил, что «после тяжелого переживания решил уйти из рядов РКП(б)»:

Я добивался справедливости, но оказывается, что она не в моде. Теперь люди поняли, что они – власть, и им нужны поклоны и уважение. Я кланяться не умею. Я пришел в партию не из-за поклонов, а во имя справедливости. Кто любит поклоны, пусть принимает. Я им помог стать большими чиновниками, – пусть наслаждаются, но я не из-за этого пришел в партию.¹⁴⁴

Кириллюк сетовал, что спецу теперь оказывается больше доверия, чем ему, коммунисту, но – «зачем же было тогда огород городить»? Мне, возмущался он, «не верила царская власть, не верят теперь и чиновники рабочей власти, за которую меня таскали на расстрел...». Описывая свои злоключения в Бурятии, неудачные попытки обращений к Ленину, Сталину и в ЦК РКП(б), Кириллюк подытоживал свое письмо следующей горькой тирадой: «Я проработал 19 лет в партии, пусть это будет с 1917 г. активно. Я не был замечен ни в чем ни по партийной линии, ни по советской, и ухожу потому, что я мешаю некоторым коммунистам, которые прячутся за большие мандаты, носят на груди портрет Ленина и делают дело Колчака»¹⁴⁵.

Разобрав дело Кириллюка, губернская контрольная комиссия посчитала его выбывшим из рядов партии, после чего он поднял вопрос о своем увольнении с должности народного судьи и через несколько дней уехал из Благовещенска. Вскоре, как сообщала эмигрантская печать, Кириллюк, «по совету друзей, покидает СССР, пробираясь за границу»¹⁴⁶. А в двадцатых числах августа в редакции выходившей в Харбине русской газеты появился человек «в рабочей куртке» с просьбой напечатать его «Открытое письмо ЦК РКП(б)», в котором, в частности, говорилось:

Я убедился, что все то, что проповедуется большевиками в советской России, есть ложь, снизу и доверху, чистойшей воды; и

¹⁴³ Там же. Л.6.

¹⁴⁴ Там же. Л.7.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Русский голос. 1925. №1483, 25 августа.

не только в этом убедился я, но и все рабочие и крестьяне в России, что на нас большевики надели те же самые штаны, только назад пуговицы, и приделали красную заплату к ним в виде заманчивых лозунгов, от которых остались одни рожки да ножки. Заправили коммунистов разорили Россию и награбили денег, проповедуя социализм, который является пародией и использован на преступное дело большевиками в свою пользу для жизни кучки проходимцев, которые кричат на весь мир, что они – подлинная власть рабочих и крестьян, в то время как все знают, что у власти совершенно нет рабочих и крестьян, а есть самовыборы кучки диктаторов, задавивших ту свободу, которую думали получить рабочие и крестьяне от них.

Рабочие думали получить подлинную рабочую власть, а получили пресс, который выжимает из них последние крохи непосильными налогами, которые якобы уплачиваются добровольно и с радостью, но это такая же добровольная плата... как добровольное соглашение собак идти в собачий ящик, когда на шею аркан собачника. И теперь, когда я убедился во лжи заправил сов<етской> России, я решил уйти и навсегда порвать всякие дела и сношения с коммунистической партией, несмотря на мое пребывание в течение 19 лет в рядах РКП(б), ибо ужасы, творимые большевиками в сов<етской> России затмили времена феодализма.¹⁴⁷

Позднее, уже в 1931, Кирилук обратится в редакцию парижского органа невозвращенцев – журнал «Борьба», приветствуя единомышленников «за самоотверженное и героическое выступление против варварского красного самодержавия и неслыханно кровавожадной и деспотической власти». Называя себя «одним из пионеров так называемого “невозвращенства”», Кирилук писал, что единственной из заграничных группировок, которая, по его мнению, реально выступала за «народоприветствие», оказалась в Китае некая «Рабоче-крестьянско-казачья партия»¹⁴⁸. В нее он и вступил в 1927, хотя, как нехотя признавался Жигулев-Иринин, обычно вчерашние большевики или сочувствовавшие им становились «искренними противниками всего советского и искали контакта с открытой контрреволюцией»¹⁴⁹.

* * *

Впрочем, наученная горьким опытом эмигрантская пресса отнеслась к бадьяновским «двойникам» крайне настороженно, о чем свидетельствует появившаяся в «Последних новостях» редакционная

¹⁴⁷ Кирилук С.Я. Открытое письмо ЦК РКП(б).

¹⁴⁸ Кирилук. Письмо в журнал «Борьба» // Борьба (Париж). 1931. №17-18.

С.17.

¹⁴⁹ Иринин М. Третья русская эмиграция. С.4.

статья под характерным заголовком – «Бадьяны»¹⁵⁰. Отмечая, что в тот самый «момент, когда потухал Бадьян, зажглись в разных углах эмигрантской диаспоры еще несколько блуждающих огней поразительно сходного типа», газета писала:

Тип Бадьяна, наряду с безграмотностью и полным отсутствием культурности, отличается еще и другими чертами, более индивидуальными. Бадьяны, во-первых, смелы и самоуверенны. Они непременно хотят принести нам новое откровение и блеснуть яркостью суждений. Когда они замечают, что желаемое впечатление не произведено – или произведено обратное, – они все-таки не смущаются. Они проявляют новое свойство: сметливость, ловкость и изворотливость. Чувствуя, что есть что-то в делаемых им возражениях, чего они не понимают, они стараются обойти эти неудобные для них пункты молчанием. Затем в области доступного они стараются быстро приспособиться к среде, – не отдавая себе вполне отчета, что среда-то разнообразная. Впрочем, по какой-то общей причине, – может быть, потому, что таковы их первые и наиболее многочисленные впечатления, – они обыкновенно попадают в правый лагерь эмиграции, который за них ухватывается и начинает препарировать их под собственный цвет и вкус.

Но губит Бадьянов даже не это, а отсутствие искренности: не ограничиваясь уклончивостью и двусмысленностью своих ответов, те «поминутно впадают в грубую ложь, которая тут же и обнаруживается», из-за чего волей-неволей напрашивается вывод: они «себе на уме», стараются устроить «дымовую завесу», что-то таят про себя, не договаривают. Тем более, что и биографии их довершают правдоподобие этого впечатления: переехал бывший чекист границу – и готов «разоблачитель», жалующийся, что «в Москве главное начальство слишком широко живет и жирные куски лопают, а за границу идут русские деньги». Но еще больше усиливается недоверие у слушателей «докладов» Бадьянов, которые задаются вопросом:

Зачем, собственно, этим малограмотным людям публичные выступления? Ведь должны же они рано или поздно понять, что их оснащение совершенно не отвечает их планам дальнего плавания. Но нет, – Бадьяны непременно стремятся туда, где глубже, в самые большие центры эмигрантской жизни, а в этих центрах – туда, где от коммунистов всего дальше и коммунистам – всего занятнее. В неведомой для них среде эмиграции они как-то очень быстро ориентируются и информируются анонимными режиссерами. Одни выступают при этом от себя, другие – от коллектива. Одни говорят: «не понравился – наплевать». Другие настаивают: «не понравился – давайте переэкзаменуюсь». Но и те, и

¹⁵⁰ Последние новости. 1926. №2026, 19 ноября. Далее цитируется без отсылок.

другие ни за что не хотят отстать – как будто исполняя какую-то специальную миссию. Они стремятся исполнить ее до конца, т<о> е<сть>, во всяком случае, добраться до Парижа. При этом материальная сторона передвижений их совершенно не беспокоит. На вопросы об этом они предпочитают отмалчиваться. Прибавлять ли, что урожай Бадьянов наступил как-то сразу, из разных концов, как будто по какому-то заранее состоявшемуся соглашению?

Газета весьма прозрачно намекала, что Бадьян и его «двойники» вполне могут оказаться засланными в ряды эмиграции тайными агентами ГПУ...

* * *

Игнорируя всякие подозрения, «двойники» даже попытались образовать в Париже собственную политическую организацию, чему предшествовало совместное выступление бывшего служащего торгового представительства Жигулева и бывшего красного командира Обухова, состоявшееся, как уже говорилось, 6 марта 1927. Открывая собрание, первый из «выброшенных волной» говорил:

За последнее время нас много перешло сюда из того лагеря. По преимуществу, все коммунисты – Ярославский, Бадьян, Климов, Гаврильченко, Обухов. Все коммунисты, кроме меня... И все мы, и в том числе и я, занимали какое-то положение у большевиков, имели какую-то перспективу служебную, имели там семью и детей... И вот из чувства протеста против существующей власти мы бросили все это, бросили родину... Мы друг друга не знаем и друг за друга не ручаемся. Но из всего этого несомненно одно: там, в России, поднялась и идет какая-то волна, которая и выбрасывает на поверхность... Из того, что она выбрасывает, не все одинаково. Тут есть все, и ценное, и неценное. Есть и просто пена... Но все же отрицать то, что какая-то волна там есть, нельзя...¹⁵¹

Жигулев призывал бороться не за романовскую империю или созданный на ее развалинах СССР, а «за Россию советскую, демократическую, федеративную», в которой власть будет принадлежать «рабоче-крестьянской интеллигенции», правящей, «равняясь по интересам большинства народа» и руководствуясь чувством «простой целесообразности». Он утверждал, что в ВКП(б) существуют две активные силы: «левая оппозиция» и «национальное течение», то есть коммунисты, вроде Обухова, «которые страдают за Россию». Но Обухов становится на позицию Белой армии, ратуя за «борьбу, просто борьбу» с большевизмом, в то время как надо стремиться к уничтожению не компартии, а ее диктатуры в стране. Причем объединение всей эмиграции в этой борьбе, к чему призывает Обухов,

¹⁵¹ Цит. по: *Lollius*. Выброшенные волной. На докладах Обухова и Жигулева.

совершенно неприемлемо: «Нужно создать единение лишь с теми, кто разрушал императорскую Россию»¹⁵².

А еще через месяц в «Последних новостях» было напечатано следующее письмо:

Многоуважаемый Г-н Редактор.

Не откажите в любезном разрешении обратиться через посредство редактируемой вами газеты к лицам, добровольно отказавшимся от занимаемого в СССР привилегированного положения из чувства протеста против существующего в России режима и частью заявившим об этом открыто, как-то – Ярославский, Кравец, Обухов, Жигулев и другие, а частью оставшимся неизвестными в зарубежье.

Уважаемые соотечественники!

Образовавшееся в Париже «Организационное бюро» беспартийных и коммунистов, добровольно порвавших с СССР, ставит себе целью продолжение той борьбы, которую мы начали фактом своего добровольного ухода в эмиграцию. К настоящему времени мы должны организованным путем заявить о следующем:

1. Мы должны констатировать, что в СССР никакого социализма нет, что там в уродливых, следовательно, во вредных для страны, формах развиваются частнокапиталистические отношения.

2. СССР является той страной, где нет ни политических, ни гражданских свобод, где есть только неограниченное господство верхов коммунистической партии.

3. СССР является для русской коммунистической партии плацдармом к развитию мировой революции.

4. Все население России, вместе с огромной массой рядовых членов коммунистической партии, недовольно существующим строем в России.

5. Трудовые массы в Европе живут в несомненно лучших материальных условиях, нежели рабочие и крестьяне СССР.

6. Здесь полная политическая свобода.

7. Народы Европы революции не желают, да она и не нужна им, так как принесла бы только ухудшение их материальной и духовной жизни.

Вот тот минимум, который мы можем засвидетельствовать, сравнивая Западную Европу и СССР. Для означенной цели и дальнейшего расширения нашей совместной деятельности Организационное бюро просит всех, как заявивших уже свой протест, так и желающих это сделать, прислать о себе сведения по адресу: Oboukoff, 15, rue de Lyon. Grand Hotel de Lyon. Paris. Организационное Бюро.

P.S. Другие газеты просим перепечатать.¹⁵³

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Письмо в редакцию // Последние новости. 1927. №2207, 8 апреля.

Вслед за этим «Оргбюро» начало распространять свой отпечатанный на пишущей машинке листок «Набат», в редакционной статье которого, в частности, говорилось:

С 1926 г. за границу, часто легально, т<о> е<сть> получив советские паспорта, а часто нелегально – попросту бежав из СССР, в Зарубежье прибыло несколько человек, которые и по своему служебному и по социальному положению принадлежат к отношению привилегированной среде. Здесь они заявили, что из чувства протеста против существующего в России порядка добровольно отказываются от занимаемого положения и не желают возвращаться в СССР. Имена их в той или иной мере стали известны из эмигрантской прессы: это – Ярославский, Обухов, Кравец, Жигулев, Моисеенко, Бадьян, Климов, Гаврильченко, Тимошук и другие, кто промелькнул перед вниманием тех, кто внимательно следил за этим течением, просто под именами бежавших. По своему социальному положению этот контингент лиц совершенно однороден (это или крестьяне, или рабочие) и изрядно различен по своему служебному положению: здесь и ответственные работники ГПУ, и активные члены ВКП, и беспартийные советские работники. Каждый из них заявлял, что не может более равнодушно смотреть на то, что творится в России...¹⁵⁴

Впрочем, на листок «добровольных эмигрантов», в котором ставился вопрос о необходимости замены ВКП(б) гипотетической Российской крестьянско-рабочей партией, или РКРП, включающей четыре сектора: коммунистический, социал-демократический, эсеровский и трудовых демократов, – похоже, откликнулась лишь парижская газета «Родная земля», издававшаяся Г.А.Алексинским. Сожалея по поводу непоследовательности редакции «Набата», которая, с одной стороны, «считает себя порвавшей с большевизмом», а с другой, «мечтает о полусохранении полубольшевизма», газета с иронией замечала:

Разжижить большевистскую диктатуру путем прибавки к ней Дана с Абрамовичем и Чернова с Керенским не значит возродить национальную Россию. Для этого нужен не оппортунизм и надежды на мирную эволюцию советской власти, а большевистская борьба с большевистской тиранией. И пока «добровольные эмигранты» не встанут на позицию борьбы, они будут ничемно сидеть между двух стульев и вызывать к себе подозрительное отношение со стороны активных антибольшевиков, которые будут видеть в их проповеди не набат национальной революции, а наивную или прикрытую наивностью форму соглашательства, смеховеховства и кусковщины.¹⁵⁵

¹⁵⁴ Цит. по: *Энь-Эрь*. Между двух стульев // Родная земля (Париж). 1927. №1, 1 августа.

¹⁵⁵ Там же.

Отвечая «Родной земле» в первом и единственном номере газеты «Набат», в которой были перепечатаны материалы из одноименного машинописного листка, приверженцы РКРП заявляли, что не собираются вдаваться в полемику с Зарубежьем, ибо задача их бюро «узко практическая: создать организационный центр для бывших сторонников советской власти, по идейным соображениям отказавшихся от советского гражданства». Цель же Алексинского – «не помочь, а смешать с “бадьянизмом”» тех, кто вступил на путь борьбы с диктатурой ВКП(б), и напротив, внушить подозрение к тем кто рассчитывал в процессе дружественного общения с эмигрантской интеллигенцией совместно определить методы построения «новой России»¹⁵⁶.

Позже Жигулев не без гордости вспоминал, что в «Набате» были впервые сформулированы характерные признаки зарождавшегося течения «советской» политэмиграции, а именно – «искреннее желание найти общий язык со старой эмиграцией, пересмотревшей свое отношение к положительным завоеваниям Октябрьской Революции», и понимание необходимости «образования Крестьянско-Рабочей Партии с такой организационной структурой и программой, при которой возможен был бы единый фронт в СССР, от коммунистов до советских демократов, для защиты Советского Союза от возможного капиталистического наступления»¹⁵⁷.

Перечисляя тех, кто, отказавшись от «обеспеченного» положения на родине, перешел в ряды «борющейся политической эмиграции», редакция «Набата» признавала, что некоторые из порвавших с СССР – «это, скорее всего, крысы, чующие гибель корабля», они «мечутся, спасая свою шкуру». Причем «характерным примером такой “крысы” может служить личность Бадьяна, приехавшего за границу со всей семьей, привлекшего к себе внимание эмиграции различными небылицами и в результате написавшего покаянное письмо Полпреду». Но поскольку «на старый корабль его не пустили, – очевидно, по тактическим соображениям», – «Бадьян кинулся обратно – на эмиграционный». Оргбюро ставило целью защитить новое политическое течение от попыток опорочить его такими лицами, как Бадьян, и «содействовать координации этого течения на совершенно внепартийной основе»¹⁵⁸.

Но, как уже отмечалось выше, в напечатанных в «Набате» статьях Иринина (Жигулева)¹⁵⁹ и некоего Ципировича¹⁶⁰ говорилось, что

¹⁵⁶ *Сторонники РКРП. Наш ответ // Набат. Оргбюро беспартийных и коммунистов, добровольно порвавших с СССР. 1927. №1, 25 сентября. С.4.*

¹⁵⁷ *Иринин М. Третья русская эмиграция. С.4.*

¹⁵⁸ *Цель и значение организационного бюро // Набат. 1927. №1. С.1.*

¹⁵⁹ *Иринин. Государственная форма и единая партия // Там же.*

¹⁶⁰ *Ципирович. Своевременные мысли // Там же. С.2.*

для преобразования СССР в «Российскую Советскую Демократическую Федеративную Республику» необходимо заменить ВКП(б) на «единую трудовую партию», причем в проекте ее программы объяснялось, что, поскольку «в одной стране построить социализм нельзя», «даже небольшое внутреннее осложнение в связи с внешним неизбежно выдвинет русского Бонапарта», во избежание чего необходимо временно отступить, то есть отказаться от идеи пролетарской диктатуры во имя «создания единого, политически организованного, антикапиталистического фронта, действующего в условиях трудовой демократии»¹⁶¹.

По поводу же вооруженной борьбы с партийным режимом газета указывала, что, когда некоторые из добровольно порвавших с СССР, представляя эмиграцию единой и неделимой, настаивали (вроде Обухова) на идейном слиянии с ней перед лицом общего врага – коммунизма – и на немедленном переходе от слов к делу, – они не сознавали, что это звучит призывом к возрождению Белого движения. Прямолинейная военная психология предлагала, казалось бы, простой выход: если в Красной Армии человек сражался за интересы рабочих и крестьян, а в результате увидел, что они попираются, следует объявить войну первоисточнику этой несправедливости – ВКП(б). Но, вступив в борьбу, восставшие, мол, не должны упускать из вида ее классового характера, ибо «восстают против дела рук своих», так как «власть коммунистов не есть власть, завоевавшая русскую нацию, а есть власть, созданная руками части этой нации». Поэтому для уничтожения диктатуры «не требуется Всероссийское Ополчение, а достаточно ополчения той части русского народа, которая привела к власти большевиков, т<о> е<сть> ополчения крестьянско-рабочего, трудового», а не белогвардейского¹⁶².

Уже в мае 1928 Жигулев выпустил первый и тоже, как оказалось, единственный номер «Бюллетеня Организационного Бюро Советской Эмиграции», который открывался лозунгами: «Да здравствует российский союз свободных Советов!» и «Долой диктатуру Политбюро!». В редакционном обращении бюллетеня, не без умысла датированного праздничным днем 1 Мая, объявлялось, что разгорающаяся в СССР борьба с руководством ВКП(б) вызвана его предательством идей раскрепощения труда и защиты угнетенных, готовностью-де капитулировать перед нэпом, иностранными капиталистами и империалистами. «Некоторым из нас, – поясняли члены редакции, – пришлось и эмигрировать. Но примкнуть, слиться с белой эмиграцией мы не можем. Нам чужды ее идеи пораженчества,

¹⁶¹ Схема проекта программы и организационного устава Российской Крестьянско-Рабочей Партии // Там же. С.2-3.

¹⁶² *И.О.<бухов>*. Трудовые ополченцы // Там же. С.3.

интервенции, сотрудничества с иностранцами, поклонение буржуазной демократии. Нам надо организовать самостоятельно. Организовать “Советскую Эмиграцию”: людей, для которых *послеоктябрьская Россия* является естественной исходной точкой для будущего государственного строительства»¹⁶³.

В свою очередь, «Бюро коммунистов и беспартийных, добровольно покинувших <sic!> СССР», заявляло в бюллетене, что «с удовольствием присоединяется к общей борьбе октябрьско-советских кругов, направленной против диктатуры ВКП», но, «стремясь к превращению коммунистической партии в Рабоче-Крестьянскую», принимает «участие в едином фронте советской эмиграции только в пределе начальной фазы открываемой ею борьбы», ибо, выступая против частного капитала, своей конечной целью считает «не создание буржуазно-демократической или фашистской разновидности в быту России, а подлинное осуществление в ней власти трудящихся»¹⁶⁴.

Тогда же был выдвинут и ставший впоследствии столь популярным термин «третья эмиграция», обосновывая который «национал-большевик Петренко» (возможно, это был еще один псевдоним неутомимого Жигулева) пояснял, что если первая, революционная, эмиграция была «разрушающим микробом, ферментом разложения» старого мира, то вторая, белая, – «продукт уже совершившегося разложения». Но «волевая идея» первой эмиграции переросла ее людей, жизнь ушла вперед, «коммунизм провалился в теории и на практике», и поскольку «старая гвардия догнивает», на смену ей уже идет новая, рожденная в революции, сила: «молодые крас<ные> ком<ан>дир<ы>, рабфаковцы, курсанты, вузовцы, комсомольцы». Вступая в борьбу с диктатурой, они, мол, и создадут «кадр третьей эмиграции», которая, наследуя традиции первой, завершит ее дело¹⁶⁵.

«В нашем поколении, – зывал к молодежи Жигулев-Иринин, – да не будет враждующих между собой русских коммунистов, социалистов, национал-большевиков, евразийцев и других противников буржуазной России. За единую Рабоче-Крестьянскую Партию. За единый фронт нашего поколения. Против враждующих лагерей старых революционеров. К оружию против Политбюро ЦК ВКП. И если оно не уступит перед нами добровольно, – в бой, молодая гвардия рабочих и крестьян! За российский союз свободных советов! За подлинную власть трудящихся!»¹⁶⁶

¹⁶³ От редакции // Бюллетень Организационного Бюро Советской Эмиграции (Париж). №1. <Май 1928>. С.1. Курсив оригинала.

¹⁶⁴ От «Бюро коммунистов и беспартийных, добровольно покинувших СССР» // Там же. С.1-2.

¹⁶⁵ *Петренко*. Три эмиграции // Там же. С.2-3.

¹⁶⁶ *Иринин*. К Рабоче-Крестьянской Молодежи // Там же. С.3.

Тем не менее, являясь секретарем Оргбюро «советской эмиграции», Жигулев волей-неволей был вынужден общаться и с представителями «белой» эмиграции, подтверждением чему служит, в частности, его письмо от 16 июня, отправленное вместе с бюллетенем историку С.Г.Сватикову – действительному члену Русского библиографического общества и члену правления Тургеневской библиотеки в Париже, состоявшему, кстати, в 1917 комиссаром Временного правительства по ликвидации «заграничной политической агентуры», то есть секретных сотрудников Департамента полиции или, согласно революционной терминологии, «провокаторов», внедренных в круги политэмиграции. Жигулев писал:

М<илостивый> Г<осударь> г-н Сватиков! Охотно исполняя Вашу просьбу, я к настоящему времени, кроме того, имею возможность добавить, что если Вам угодно, то в непосредственной беседе я могу расширить Ваши сведения о нашем оппозиционном течении в ВКП и об истории Бюро за границей. Создание и строго периодическое издание нашего органа за границей в ближайшее время невозможно по ряду уважительных причин. Примите, г-н Сватиков, уверение в моем к Вам уважении.¹⁶⁷

Впрочем, ни редкие издания «добровольно порвавших с СССР»¹⁶⁸, ни их проект организации «классовой партии пролетариата и трудового крестьянства» с горячими призывами к оппонентам почтительно склониться перед идеями Октябрьской революции не встретили со стороны русского зарубежья ни малейшего сочувствия...

4. Заграничное бюро оппозиционеров (Париж, 1929–1931)

В конце 1929, после нашумевшего бегства Г.З.Беседовского из здания советского полпредства в Париже, издательская деятельность А.М.Жигулева (М.Ирина) заметно активизировалась. Выражая намерение содействовать «устранению коммунистической диктатуры» и «расширению хозяйственной и политической свободы в СССР»¹⁶⁹, он начал выпускать «Бюллетень Заграничного бюро оппозиционеров и советских граждан, добровольно покинувших СССР». В первом, декабрьском, номере Жигулев вновь доказывал, что для преодоления кризиса, переживаемого ВКП(б) и всей Россией, недостаточно устранения сталинского руководства, а необходимо допус-

¹⁶⁷ Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC, Nanterre, France). Secteur Russie – exUSSR. GFP 87 Res.

¹⁶⁸ См. также: Бюллетень-Листовка. Бюро коммунистов и беспартийных, добровольно порвавших с СССР. 1928. №1-3; 1929. №1-6 (№1 за 1928 и №1 за 1929 – на франц. яз.).

¹⁶⁹ Бюллетень ЗБО. 1929. №2. С.12-13.

тить в партию «социалистические и советско-демократические элементы, приемлющие Октябрьскую Революцию», преобразовав ВКП(б) во Всесоюзную рабоче-крестьянскую партию (ВРКП)¹⁷⁰.---

Правда, еще летом высланный из СССР Л.Д.Троцкий затеял издание своего «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)», и появление в Париже нового «оппозиционного» бюллетеня с весьма похожим названием снова вызвало подозрение, не имеет ли группа Жигулева «корни в ГПУ»¹⁷¹ и не является ли он сам если не агентом, то, по крайней мере, марионеткой в руках чекистов. Этой точки зрения придерживался, видимо, и Троцкий, который вслед за эмигрантской печатью использовал в отношении Заграничного бюро оппозиционеров (ЗБО) «метод замалчивания» и, как говорится, в упор не видел и дня не состоявшего в партии «дилетанта» Жигулева, хотя тот, напротив, постоянно задирали «перманентного оппозиционера»¹⁷². «Вы спрашиваете, – отвечал Троцкий одному из своих корреспондентов, – что означает литографированный “Бюллетень оппозиции”, выходящий в Париже? Никаких особых данных на счет этого более чем странного издания у нас нет. Ваши предположения считаем вполне вероятными»¹⁷³. Троцкий, негодуя, пояснял Жигулев, не нашел ничего лучшего, как, «устанавливая свое отношение к “Бюллетеню” Заграничного бюро оппозиционеров, бросить в него грязью с намеком, что “Бюллетень” это дело сталинского ГПУ»¹⁷⁴. Считая «красного барина» фактическим вдохновителем Политбюро в его разрушительной работе в СССР, бюллетень ЗБО уверял, будто троцкисты «сами бы поступали точно по примеру Сталина, оказавшись на его месте», и вся теория их вождя «продиктована не объективным анализом современного экономического положения рабочего класса, а навязчивой мыслью противопоставить себя во что бы то ни стало сталинским действиям, хотя бы эти действия совпадали и с желанием тов. Троцкого»¹⁷⁵.

Но гораздо более уничижительно отзывался бюллетень Жигулева об «упрямом идиоте» Сталине, которого, естественно, противопоставлял «мудрому» Ленину:

Он умел быть беспощадным, умел пренебрегать и трусливым саботажем обывательщины и злобным шипением кабинетных

¹⁷⁰ *Иринин М.* К партийному кризису // Там же. 1929. №1, декабрь. С.1-2.

¹⁷¹ *И.* Из бесед с приятелем // Там же. С.4.

¹⁷² Там же. С.3.

¹⁷³ Почтовый ящик. Н.Н. // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. №9, февраль–март. С.36.

¹⁷⁴ *Иринин М.* Третья русская эмиграция. Очерк характеристики // Оппозиционная правда. 1931. №2, февраль. С.4.

¹⁷⁵ *Цитирович М.* «Оппозиционеры» // Бюллетень ЗБО. 1930. №4, март. С.13-14.

доктринеров, но в нужную минуту мог поступиться чистотой идеалов и сломать мертвящую догму ради жизни. В гоме кронштадтских пушек он расслышал подлинные нужды народа и решительно сдал в прошлое военный коммунизм, необходимый и спасительный в огненном кольце блокады, но ставший стеснительным и мертвящим на переходе к мирному утверждению завоеваний Октября.

Так родился НЭП. Началось чудесное восстановление еще недавно лежавшей в руинах великой страны. Рабочий вернулся к станкам в рамках трудовой дисциплины, регулируемой профсоюзами; крестьянин, ставший полновластным хозяином всего земельного фонда бывшей державы Российской, в добром соседстве с добровольными коллективами исподволь привыкал к высшим социалистическим формам труда и жизни; высоко квалифицированный специалист в творческой работе восстановления находил искупление и оправдание прошлых, часто жестоко несправедливых, лет.

В мирном соревновании обобщественного и частного хозяйства зарождался единственный в мире трудовой быт, росла и крепла единственная в истории республика рабочих и крестьян. Но Ленин умер. Его место, после ряда гнусных интриг и подлой провокации, направленной часто против самых достойных и заслуженных вождей и героев революции, занял человек, не прославленный ни в кабинете, ни на баррикадах, но зато вполне обладающий качествами, наиболее губительными у правящих — глупостью и упрямством.

Когда в <19>17 году Ленин взял земельную программу у эсеров, это было политически мудро, потому что эта программа составлялась по наказам с мест и еще задолго до декретизации стала проводиться явочным порядком. Сталин ради власти и одоления правых одолжился программой у левых, и эти безнадежно глупо-троцкистские наказания не ведут дальше кабинетов высококвалифицированных мечтателей, ввиду перманентного пребывания в подполье поверивших в биосоциологическую нормальность непрерывной революции. Вдобавок, не обладая собственным умом, не умея самостоятельно координировать идею и действительность, Сталин проводит троцкистскую программу так, как и подобает глупому фанатику — невзирая ни на что, во что бы то ни стало.

В результате едва ли может быть найден в мировой истории революционер, столь добросовестно работающий на самую черную реакцию. Терпение масс в революции безгранично. Голод, кровь и бесправие, все переносится из-за боязни прошлого и веры в будущее. Терпение безгранично, но и у него все-таки есть предел, за которым начинается стихийное отвращение к настоящему и его обманчивым идеям и готовность поддаться любому «генералу» и даже самому «белому царю».

Так было в истории мира неоднократно, и Сталин, до конца испытывая народное терпение, лишний раз доказывает баналь-

ную истину, что только талантливым людям удастся творить историю, – остальных она топчет, как хочет. Маниакальный бред «пятилетки», превративший весь Союз в сумасшедший дом, и является тем порогом, на котором, если генеральная линия продлится, Октябрьская революция неизбежно должна отступить и выпустить из рук все, ценой стольких жертв добытые, завоевания.

Многочисленное крестьянство, которое благодаря специфическому общинному быту, исторически подготовлено к восприятию добровольной коллективизации через уже освоенную им вполне кооперацию, новыми нагачными «барщинами»-колхозами неизбежно отбрасывается к самым темным собственническим инстинктам, к самой черной злобе против тех, кто во имя голой идеи грабит, разоряет и лишает крова не помещиков, не дворян, не кулаков, наконец, а всех, кто работает и живет не так, как хочется упрямому идиоту в Кремле. Снова, как было до революции, в селе растет и зреет ненависть не только против правящих, но и против города вообще, – отсюда приходят декреты и оттуда же приезжают орды новых опричников и инструкторов, после недельных «курсов» обучающих крестьянина, как ему землю пахать.

В рабоче-крестьянской республике крестьянин стихийно и непримиримо восстанавливается против рабочего, и это самый страшный удар, который Сталин и пребывающие у него под пятой партийцы наносят рабочему классу. Лишенный свободных профсоюзов, очинченный, придавленный рабочий, теряя все то, что давала ему его революционная значимость, приобретает взамен одну тяжелую и несправедливую ответственность за все то «социалистическое разрушение» великой страны, которое проводится от его имени терроризированной и разлагающейся под невиданной диктатурой компартией.¹⁷⁶

Бюллетень ЗБО призывал «людей Октября» объединиться, чтобы вместе бороться за «реабилитацию» их революции, ибо они и только они «не спустят страну на тормозах к буржуазному термидору, не взорвут ее на неумеренном огне коммунистических утопий, а найдут и уже находят ту золотую середину, которую единственно признает история: все от революции, что уже стало жизнью, и то от прошлого, что не перестало жить и без насилия не перестанет»¹⁷⁷. Жигулев заявлял, что если «люди Октября» смогли «отшвырнуть в сторону эпигонов буржуазного Февраля», то тем паче сумеют «расправиться с извратителями Октября», и, призывая «оппозиционеров» раздавить «сталинскую бюрократическую клику», с энтузиазмом восклицал: «Победа будет за нами!»¹⁷⁸

¹⁷⁶ К познанию революции // Бюллетень ЗБО. №3, февраль. С.1-2.

¹⁷⁷ Там же. С.3.

¹⁷⁸ Иршин М. Тверже шаг // Там же. №4, март. С.1-2.

* * *

Негативное отношение к Сталину и Троцкому ненадолго сблизило Жигулева и его сторонников с одним из первых большевистских оппозиционеров, репрессированных еще при жизни Ленина, – вожаком так называемой «Рабочей группы», некогда представлявшей левое крыло «рабочей оппозиции», Гавриилом Ильичом Мясниковым, более известным, впрочем, своим участием в убийстве великого князя Михаила Александровича.

После исключения в феврале 1922 из партии и двух арестов Мясников в мае 1923 был выслан в Германию, но, посчитав, что его активная политическая деятельность за границей представляет еще большую опасность, ему вскоре разрешили вернуться на родину, где уже 19 ноября он снова оказался за решеткой. Лишь в феврале 1927, после почти трех с половиной лет одиночного заключения на Лубянке и в Томской и Вятской тюрьмах, неоднократно объявлявший голодовку Мясников был сослан в Эривань, откуда в ноябре 1928 бежал в Персию «в одной нижней рубашке, с портфелем, набитым манускриптами»¹⁷⁹.

Переплыв Аракс, он был задержан в персидской Джульфе и, отсидев более трех с половиной месяцев в тюрьмах Тавриза и Тегерана, в мае 1929 депортирован в Турцию. Там его едва не приговорили к четырехлетнему тюремному заключению за «пропаганду», но в конце концов он получил разрешение на въезд во Францию и пополнил ряды «советской эмиграции». Правда, через пятнадцать лет, в январе 1945, Мясников, прошедший к этому времени нацистский концлагерь, откуда бежал, и новый период нелегалщины, роковым образом повторит свою ошибку, то есть опять наивно поверит, что его простили, вернется в Москву, где вновь окажется на Лубянке и после девятимесячного следствия 16 ноября 1945 будет казнен за «измену Родине».

Как показывал Мясников на одном из допросов в НКГБ, вскоре после своего приезда в Париж в мае 1930 он познакомился с издателем французской анархо-синдикалистской газеты «Рабочий-Коммунист» Приюдомо, который свел его с невозвращенцем Жигулевым-Ирининым, бывшим якобы по своим политическим убеждениям анархистом. Последний, вспоминая Мясников, «в то время являлся небольшим предпринимателем по чистке стекол (витрин) в магазинах и устроил меня к себе на работу»¹⁸⁰. Кроме того, в редак-

¹⁷⁹ Карпелянский В. Мытарства Мясникова // Знамя борьбы (Берлин). 1930. №27-28. С.31.

¹⁸⁰ Мясников Г. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова / Публ. Б.И.Беленкина и В.К.Виноградова // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С.172.

тируемом Жигулевым органе ЗБО, который с мая выходил под заголовком «Путь труда», были помещены две написанные Мясниковым еще в Турции статьи, клеймившие троцкистов за капитуляцию перед Сталиным¹⁸¹.

Обвинения вождя «Рабочей группы» вызвали желчный комментарий в бюллетене Троцкого, который напоминал, что его «забывчивый» оппонент еще недавно сам «вел переговоры с советским консульством в Трапезунде об условиях своего возвращения в СССР»¹⁸², а на вопрос одного из корреспондентов по поводу органа, в котором печатаются статьи Мясникова, пояснял: «Мы уже отвечали в номере 9 Бюллетеня о весьма двусмысленном литографированном “Бюллетене заграничного бюро оппозиционеров”, выходящем в Париже. Ваша ссылка на М<ясникова> правильна в том смысле, что лично это лицо, конечно, вне подозрений. Но именно М<ясников> по характеру своему как бы создан для попадания в такого рода ловушки»¹⁸³.

Впоследствии, в показаниях от 1 февраля 1945, Мясников, на вопрос о своей «активной подрывной работе против советского государства» совместно с Жигулевым-Ирининым, объяснял, что первое время имел в виду сотрудничать в его газете:

Однако вскоре между нами обнаружили разногласия, и я порвал с ним всякую связь. Дело в том, что Жигулев-Иринин казался мне весьма подозрительным человеком, и я считал его агентом французской полиции или, во всяком случае, связанным с какой-либо белогвардейской организацией. Он настойчиво предлагал мне познакомиться с известным белоэмигрантом Бурцевым, в то время как сам Бурцев в издаваемой им газете «Общее дело» поднял против меня «шумиху», обвиняя в организации убийства Михаила Романова. Эта кампания была подхвачена всей белогвардейской печатью, и я вынужден был не только не встречаться с Жигулевым-Ирининым, но и скрываться у своего знакомого француза <...>, у которого прожил около полугода, не выходя с квартиры. Только в начале 1931 г. я сумел устроиться на работу слесарем...¹⁸⁴

В свою очередь, в июньском номере «Пути труда», открывавшемся лозунгами: «Да здравствует советская демократия! За государство трудящихся в СССР! Долой господство бюрократии!», утвержда-

¹⁸¹ Мясников Г. 1) Капитуляция // Бюллетень ЗБО. 1930. №4, март. С.2-8; 2) Капитуляция и кровавая черта // Путь труда: Орган Заграничного бюро оппозиционеров. 1930. №1, 16 мая. С.3-8.

¹⁸² М<аркин> Н. Забывчивый Мясников (Небольшая справка к сведению ультралевых) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. №11, май. С.43.

¹⁸³ Почтовый ящик: Н-ову // Там же. С.44.

¹⁸⁴ Мясников Г. Философия убийства. С.172-173.

лось, что редакция вступила в переписку с Мясниковым лишь после того, как получила из Константинополя его послание от 15 февраля 1930, в котором говорилось: «Мне совершенно случайно попал Ваш “Бюллетень”, и я хочу воспользоваться Вашим присутствием в Париже для следующих целей: я не могу добиться ни в одну страну визу...»¹⁸⁵. А уже в апреле, предлагая объединиться и издавать общий печатный орган, Мясников горячо уговаривает Жигулева:

Ясное же дело, что при слиянии Вас с Рабочей Группой Вы не только не ослабнете идейно и политически, но значительно усилитесь, у Вас будет политическое лицо, а не какое-то серое пятно, Заграничное бюро оппозиционеров, которое ни в СССР никому не известно, ни за границей никто не знает. Для кого же оно существует? Как в вопросах о государстве, диктатуре и демократии в Вас сказывается влияние Коминтерна, так и здесь бюрократия наложила на Вас такой отпечаток, который долго будет <давать> себя знать. Давайте вычтем все пункты, в которых Вы согласны с Рабочей Группой, и что останется у Вас? Почти ничего. И для этого-то «почти ничего» Вы считаете необходимым существование организационной самостоятельности и раздробленности. Вы же должны понять, что Рабочая Группа не может влиться в Заграничное бюро оппозиционеров. Не можете, конечно, рассчитывать и на переход меня в свои ряды...

Надо отбросить Все лишнее, мешающее мобилизации сил пролетариата в борьбе за высоты Ноября <sic!>, и все силы положить на это великое историческое дело. <...> Если вычтешь из Вашей платформы все, что содержит платформа Рабочей Группы, то останется безыдейность. Если же иметь в виду Вашу слабость и неизвестность, то даже хорошие идеи под Вашим знаменем делаются слабыми и неизвестными.

А теперь представьте другое – Ваш орган начинает выходить как орган «Временного Центрального бюро по организации Рабочих Коммунистических Партий Союза», и редактором его я становлюсь вместе с Вами. Какой идейный ущерб принесет это Вам? Никакого. Вы продолжаете отстаивать на страницах журнала все пункты своих расхождений с проектом платформы Четвертого Коммунистического Интернационала, в процессе работы разногласия сглаживаются.

Выигрываете ли Вы что-нибудь? Безусловно, и идейно и организационно, приобретая старое знамя борьбы в СССР и более или менее прочную связь во всех странах. Влияние сразу вырастает, и мы можем действительно себя крепко противопоставить бюрократической идеологии Коминтерна и именитой оппозиции. Подумайте над этим.¹⁸⁶

¹⁸⁵ Цит. по: *Ципирович М.* К пониманию мясниковщины // Путь труда. 1930. №2, июнь. С.11.

¹⁸⁶ Там же. С.10.

Но, как указывал Ципирович, нескольких личных бесед с Мясниковым оказалось «достаточно, чтобы оправдалось наше осторожное отношение к его предложению об организационном слиянии, – об этом не могло быть и речи. Перед нами был, в лучшем случае, фанатик, убежденный, что он был и остался умнее Ленина и поэтому призван теперь исправить ошибки тов. Ленина, поведя за собой международное рабочее движение. Для него существует только про и контра – или с Мясниковым, или против него, и в борьбе со своими противниками он в средствах стесняться не будет»¹⁸⁷.

* * *

Считая, что «именитые оппозиционеры» Троцкий и Мясников зовут международный пролетариат на путь «революционного авантюризма»¹⁸⁸, Жигулев-Иринин и его сторонники полагали необходимым бросить все силы «на разрушение еще не окрепшего бюрократического государства в СССР», его «демократизацию» и осуществление в нем реальной власти трудящихся. Но, убежденные, что «большевизм бессмертен, пока существует эксплуатация человека человеком», и поэтому надо «продолжить борьбу за осуществление лозунгов Октябрьской революции», жигулевцы призывали уберечь ленинскую партию от окончательного разрушения сталинским режимом, перестроив ВКП(б) на принципиально новых началах.

«Чтобы разрушить бюрократическую эксплуатацию и не допустить возвращения капиталистической, – объяснял Иринин в своей программной статье, – нам необходим единый организованный антикапиталистический фронт, объединяющий все группы, союзы, партии, ставящий своей целью защиту интересов трудящихся. Для такого фронта мы выдвинули название Всесоюзной рабоче-крестьянской партии, которая для организационной целесообразности должна быть разделена на три сектора: коммунистический, социалистический, советско-демократический. Реализация этого фронта в СССР должна произойти путем устранения сталинской компании от руководства партией и соответствующей реорганизации после этого самой партии»¹⁸⁹.

Согласно опубликованному Ирининым проекту «платформы» ВРКП, она ставила целью «защиту интересов рабочих, крестьян и других трудящихся категорий <...> от эксплуатации», для чего предусматривались:

– свободные выборы в советы с активным и пассивным избирательным правом «для всех граждан СССР, которые не признаны по

¹⁸⁷ Там же. С.11.

¹⁸⁸ Там же. С.12.

¹⁸⁹ Иринин М. Наш путь // Там же. №1. С.2-3.

суду эксплуататорами, преступниками и другими социально опасными элементами»;

– «свобода всем партиям, союзам, не борющимся против государства трудящихся»;

– передача в ведение советов рабочих депутатов тех государственных фабрик и заводов, где рабочие пожелают нести полную ответственность за свое предприятие;

– передача земли, остающейся в собственности государства, в пользование крестьянам;

– свобода профессиональным организациям «с правом организации ими стачек, независимо от характера и места предприятия»;

– всемерное государственное содействие развитию кооперации «с постепенной передачей ей функций Внешторга и Наркомторга»;

– свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды;

– гласный суд, «свободный от всякого партийного влияния», и т. д.¹⁹⁰

Позже Жигулев-Иринин отмечал, что проект переорганизации ВКП(б) в Всесоюзную рабоче-крестьянскую партию вызвал обвинения в его утопичности:

Друзья говорили, что этим подрывается диктатура пролетариата в СССР, и, следовательно, ни один идейный член партии не сможет усвоить точку зрения З.Б.О. Враги же не видели разницы в монополии ВКП(б) или ВРКП и намекали на близость З.Б.О. к сталинцам. Те и другие замечания были опровергнуты в «Бюллетенях» З.Б.О.¹⁹¹. Для всякого непредвзятого мнения было очевидно, что борьба идет за возврат к истокам Октябрьской Революции, ничего общего не имеющих ни с нынешней сталинщиной, ни с ее врагами из контрреволюционного лагеря. Лозунг «Советская демократия» в изложении З.Б.О. наполнялся содержанием более совершенным, чем понятие буржуазной демократии. Монополия же Вс<есоюзной> Раб<оче-> Кр<естьянской> Пар<тии> ставила крест на коммунистической монополии, но не нарушала диктатуры пролетариата в СССР.¹⁹²

* * *

Понятно, что ЗБО не могло равнодушно относиться к «беседовщине», сравнивая ее с «бадьяновщиной»¹⁹³, и опасалось, что ставка

¹⁹⁰ Иринин М. Интернационал и партия. Проект платформы Всесоюзной рабоче-крестьянской партии // Путь труда. №2. С.4-7.

¹⁹¹ См.: 1) И<ринин>. Беседа с тов. X и с господином Y // Бюллетень ЗБО. 1929. №1. С.3-11; 2) И<ринин>. Из бесед с приятелем // Там же. 1929. №2. С.3-6; 3) И<ринин>. Период шатаний // Там же. 1930. №3. С.5-9; 4) И<ринин>. Никто, как свой // Бюллетень ЗБО. №4. С.8-13.

¹⁹² Иринин М. Третья русская эмиграция // Оппозиционная правда. №2. С.2.

¹⁹³ Цитирович А. Бадьяновщина // Бюллетень ЗБО. №1. С.13-14.

на советских невозвращенцев станет программой и тактикой русского зарубежья.

«Опомнитесь», – пытался усюветить Жигулев «творцов и детей Октября», порицая их за стремление найти общий язык с белой эмиграцией. «Или вы, – негодовал он, – “дорогие и уважаемые товарищи” Бажановы, Соломоны, Беседовские и другие, уже пришли к окончательному заключению, что не бывать рабоче-крестьянской России, а поэтому: “Да здравствует буржуазия”, “Да здравствует ее господство в России”, – быстрее в лагерь тех, от кого хотя и мертвечиной несет, но зато и деньгами пахнет». Думалось, сетовал Жигулев, что «на такой скачок могут быть способны лишь подонки», но, увы, «бадяновщина усиливается за счет товарищей и идейно и интеллектуально более доброкачественных», а это уже «предательство очевидное»¹⁹⁴.

Вторая Жигулеву, Ципирович тоже писал, что «перебежчики не побеждают, они пресмыкаются», и «ставка на Беседовских», которую делают милуковские «Последние новости» и бурцевское «Общее дело», рано или поздно все равно окажется битая. Конечно, никто не поверит советской печати, будто все Беседовские – растратчики, негодяи и преступники, но и сложно допустить, что бывшие ответственные коммунисты, чекисты и дипломаты стали искренними борцами с диктатурой ВКП(б). Тем более, что «все эти персонажи ведут свою родословную от Яшки Бадьяна и так же, как и он, занимаются тем, что, каждый по-своему, бадьянят в эмигрантской прессе, т<о> е<сть> оплевывают свое прошлое, кого можно предают из своих вчерашних товарищей и вообще всячески стараются угодить своим новым хозяевам: один (Бажанов. – В.Г.) истерически кричит: “Да здравствует Муссолини”, другой (Беседовский. – В.Г.) лезет через забор и, перебравшись, становится “На путях к Термидору”, и т. д.»¹⁹⁵.

Противопоставляя «беседовщине» деятельность ЗБО, Ципирович напоминал, что «еще два с лишним года тому назад “Оргбюро беспартийных и коммунистов, добровольно покинувших СССР”, выпустило один номер газеты “Набат”, в котором намечались контуры, характеризующие это течение и ставящие его между официальной правительственной линией в СССР и между контрреволюционной линией эмиграции, остающейся непримиримой к Октябрьской революции». При этом, подчеркивал Ципирович, некоторые из лиц, выпустивших «Набат», до сего времени «остаются за границей, насчитывая уже до пяти лет эмигрантского стажа, давно забыв “уют” бюрократических кабинетов и заменив их станком в ателье или другим соответствующим “доходным местом”. На путь отказа от своих

¹⁹⁴ *Иринин М.* Опомнитесь // Там же. №3. С.1-3.

¹⁹⁵ *Ципирович А.* Кто победит // Там же. С.3-4.

прошлых идей никто из них не встал. Отход от генеральной линии не значил еще для них уход в лагерь контрреволюции: традиции советской среды остались им так же дороги и ценны, как и прежде»¹⁹⁶.

Иное дело Беседовский и его последователи, фактически сдавшиеся на милость «белогвардейщине», о чем та больше всего и мечтала:

Поставить идеологически на колени тех, кто 10–13 лет вел борьбу с идеями эмигрантской контрреволюции, это значит одержать победу над советской общественностью и открыть бурный приток в свои ряды советских людей. Такой поток должен быть перерезан оппозиционной плотиной, которая должна остановить и заставить задуматься всякого перебежчика из наших рядов, по ошибке решившего последовать за контрреволюционной колесницей.¹ Правда, от ставки на всех «невозвращенцев» эмиграция уже отказалась: урок Бадьяна и присутствие за границей оппозиционеров, в рядах которых находятся основоположники целого течения невозвращения, заставляет ее быть осторожной. Сейчас ее ставка только на беседовских <...>.

Эмиграция помогает беседовщине. Беседовский уже перешагнул Бадьяна: у того не хватило духу пойти до конца, позоря и предавая все то, чему только вчера служил, и он, показав соответствующее место эмиграции, предпочел ей 10-летнюю ссылку в Сибирь. Беседовский заменил Бадьяна, он намерен идти до конца, благо имеется достаточный стаж в преодолении препятствий (забор, сундуки, двери). Правда, мы можем быть уверены, что через некоторое время перед беседовщиной несомненно откроется несколько концов, из которых наиболее вероятен опять-таки конец или Бадьяна или тех невозвращенцев, которые перешли в ряды оппозиции. Свой конец у беседовщины – это торговля оптом и в розницу своим прошлым, настоящим и будущим; другого стержня, вокруг которого она может вертеться, у нее нет.¹⁹⁷

«Путь труда» доказывал, что у «советской эмиграции», то есть у тех, кто стал ею в результате несогласия с политикой сталинского правительства и сохранил гражданство СССР, не может быть ничего идеологически общего с белой эмиграцией, которая всячески старается «перевоспитать» первую в духе политических течений, существовавших до Октябрьской революции, а если это невозможно, то, по крайней мере, соответствующим образом использовать новоприбывших для усиления собственного престижа за границей.

Но если оппозиционеры не имеют почти ничего общего с контрреволюционной буржуазией, то близко с ней соприкасаются «невозвращенцы-перебежчики», которые «считают возможным вести политическую работу под одним из ее знамен», и «невозвращенцы из-

¹⁹⁶ Ципирович М. Беседовщина // Путь труда. №1. С.8.

¹⁹⁷ Там же. С.8-9.

за долларов», которые, «потеряв всякую идеологию, устраивают свои дела и делишки не только с эмиграцией, но и с кем угодно». Но главную, мол, опасность для сталинщины и белогвардейщины представляют «политические невозвращенцы», которые, оставаясь советскими людьми не только формально, но и идеологически, начинают свою борьбу против диктатуры ВКП(б) в СССР «с политической игры и продолжают ее, оказавшись в рядах контрреволюционной эмиграции», хотя, конечно, желательно, чтобы, вступая на этот опасный путь, товарищи не заигрались и не наделали ошибок, которые потом трудно будет исправить¹⁹⁸.

Впрочем, сам Жигулев, касаясь сотрудничества невозвращенцев в белоэмигрантских изданиях, проявлял завидный оптимизм и с убежденностью заявлял:

Враг напрасно думает, что большевики, составляющие советскую эмиграцию и остающиеся большевиками, изменяют себе, когда занимаются саморазоблачением. В этом – природа большевиков: не бояться своих ошибок и говорить о них открыто. Не укладываются эти «саморазоблачения» на страницах советской прессы, большевик идет и пишет на страницах белогвардейской прессы. Враг, естественно, не может допустить, чтобы его печатью большевики пользовались для своих целей, и, тем не менее, не может отказать тем из них, кто идет и «разоблачает»... Дав на своих страницах место Обухову, Бадьяну, Кравцу и многим другим, он не убедился еще окончательно, что если большевик и перестает быть большевиком, заявляя об этом открыто, то и это им делается во имя тех же идей, которым он служил в Октябре.

Однако враг уже настороже. Советскую эмиграцию он начинает не с Обухова, Кравца и др., исполнивших свой долг перед трудящимися массаами Союза и партией, показавших через буржуазную прессу, к чему ведет сталинский авантюризм, и ушедших на время с политического горизонта. Противник в восторге от тех невозвращенцев, которые не только сами убежали, по его мнению, с советского корабля, но и продолжают тащить с него и других в эмигрантское болото, крича на весь мир, что они навсегда порывают со своим прошлым. Противник считает третью эмиграцию начавшейся с Бажанова, Крюкова, Беседовского и других перебежчиков, на которых он сделал ставку...¹⁹⁹

Однако, резюмировал Жигулев, напрасны ожидания врага, что «третья» эмиграция, в целом, примет вместе с ним участие в потоплении своего Великого Советского Корабля. Задача этой части советской эмиграции – другая: изменить состав команды на своем корабле; самый же корабль не только не останавливать, но на ходу дать ему нужный ремонт, держа курс все в том же направлении –

¹⁹⁸ Хроника // Там же. №2. С.15-16.

¹⁹⁹ Жигулев А. О чем говорит противник // Там же. №4. С.4.

мимо буржуазных берегов, через трудовой пролив, в социалистическое море»²⁰⁰. Хотя Жигулев, по его словам, встречался с Беседовским и даже изложил содержание их разговора (или, вернее, собственных обличительных монологов) в «Пути труда», они разошлись как идейные противники²⁰¹.

Об уровне теоретических изысканий «Заграничного бюро оппозиционеров», свидетельствует и его обращение к единомышленникам, в котором объявлялось, что «с 1926 г. тов. Иринин-Жигулев в публичных выступлениях и ЗБО в периодических изданиях утверждали три основных положения, сводящихся к следующему: 1) указывалось на наличие в ВКП(б) оппозиционных сил, отрицающих целесообразность продолжения монополии ВКП в СССР; 2) обращалось пристальное внимание на оппозиционные настроения в среде совработников за границей; 3) намечались идеологические контуры этих двух течений...»²⁰².

Гордясь своей прозорливостью, Жигулев и компания не скрывали удовлетворения, что первые два положения «подтвердились почти полностью», то есть «оппозиционная борьба в Партии все отчетливее приобретает тенденции борьбы не только за демократию в Партии, но и за демократию в Союзе», а работники советских загранучреждений дали «политическое невозвращенчество», в связи с чем начинает проходить проверка идеология борьбы за демократизацию СССР, которая должна объединить всех оппозиционеров и невозвращенцев²⁰³.

Вместе с тем стремление «тов. Ирина закрыть глаза на подлейшие преступления, совершенные теми, кто составляет беседовщину», во имя объединения «третьей эмиграции» вызвали гневное порицание со стороны одного из его соратников, подписавшегося «Б<ывший> борьбист» (то есть недавний член возглавляемой Беседовским группы «Борьба»), который с негодованием заявлял:

Не верилось, что все эти заслуженные члены Коммунистической Партии, составляющие беседовщину, в сотню раз хуже и преступнее Бадьяна. Эта крепко спевшаяся банда патентованных перебежчиков примет все меры, чтобы избежать нашего разоблачения их преступной деятельности как задания ГПУ. Из этой полойной ямы уже направлялась струя зловония на «Путь труда». Но пока у нас остается хоть один сантиметр в кармане и пока держится перо в руках, мы не прекратим освещения этой коллективной азефщины, этих величайших преступников, которых когда-

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Жигулев А. Из разговора с б. советским дипломатом // Там же. №2. С.7-9.

²⁰² От Заграничного Бюро Оппозиционеров // Путь труда. 1930. №3, июль-август. С.4.

²⁰³ Там же.

либо видел мир. Буржуазный мир не видел у себя людей Октябрьской Революции, борющихся с ее извратителями, и пусть бы он никогда не знал эти позорнейшие для нашей Революции имена, группирующиеся вокруг «Борьбы».

Я с величайшим напряжением внутренних сил пробыл некоторое время вблизи этой компании дельцов, которая бесстыдно делает гешефты на крови и страданиях оппозиционеров и политических невозвращенцев. Об объединении ли думать с теми, в мыслях у которых коммерческие предприятия для личного обогащения? Из шайки политических проходимцев не сделаешь идейных борцов за советскую демократию и государство трудящихся, для них идеология нужна постольку, поскольку на ней можно хорошо заработать и легко морочить голову наивным оппозиционерам и невозвращенцам, из среды которых они думают нанять лиц, готовых к самопожертвованию для уничтожения диктатуры разложившейся ВКП(б). Бессовестно делая плагиат основных установок заграничного бюро оппозиционеров, эта компания авантюристов достойна своего творца – Сталина.²⁰⁴

* * *

Весьма колоритную фигуру среди авторов «Пути труда» представлял собой Илья Григорьевич Добковский, в прошлом – известный эсер-максималист, который в октябре 1906 участвовал в нашумевшей экспроприации в Фонарном переулке в Петербурге (брошенными бомбами был остановлен экипаж помощника начальника портовой таможни, похищено около 400 тыс. руб.). Заплатив годами каторги за свою непримиримость к царскому насилию, рассказывал Добковский, после перемены власти он состоял «главным следователем по делам бывшего корпуса жандармов и охранных отделений»²⁰⁵. Но еще до большевистского переворота Бурцев обвинил Добковского, что тот, находясь в каторжной тюрьме, вел переговоры с жандармами, каялся и даже принял крещение, которое объяснял наставлением явившейся, будто бы, к нему в камеру... Божьей Матери²⁰⁶.

Тем не менее, в январе 1918, согласно подписанному Лениным и Сталиным декрету об учреждении Еврейского комиссариата при Наркомате по делам национальностей, Добковский получил высокую должность товарища комиссара по еврейским делам²⁰⁷. А вскоре

²⁰⁴ Б<ывший> борьбист. Тина невозвращенческая. Развитие беседовщины // Там же. №4, сентябрь. С.2-3.

²⁰⁵ Добковский И.Г. Бурцев и ГеПУ. Открытое письмо русским эмигрантам // Путь труда. №1. С.12.

²⁰⁶ См.: Бурцев В.Л. В борьбе с провокаторами // Иллюстрированная Россия (Париж). 1939. №23(733). С.18.

²⁰⁷ См.: Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. №14(59), 21 января / 3 февраля.

заклученный в тюрьму Бурцев подвергся допросу следственной комиссии Верховного ревтрибунала, инкриминировавшей ему возведение клеветы на своего товарища-революционера. Хотя Бурцев, как он впоследствии утверждал, в присутствии Добковского «в самых резких выражениях стал обвинять его, как предателя, за сношения с жандармами и рассказал о его крещении в тюрьме»²⁰⁸, 21 февраля «Известия» напечатали письмо в редакцию, в котором «товарищ комиссара» напоминал текст резолюции о своей реабилитации, опубликованной в эсеровском «Деле народа» еще 19 октября 1917:

Следственно-юридическая комиссия военного отдела ВЦИК Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> сообщает, что на ее рассмотрение, по инициативе тов. Ильи Добковского (Мишеля), поступило дело по обвинению его в сношениях с департаментом полиции. При допросе целого ряда свидетелей, в том числе В.Л.Бурцева и тов. Закгейма, а также на основании представленной переписки, комиссия пришла к заключению, что обвинение тов. Добковского в провокации есть злостная выдумка тех членов департамента полиции, против которых Добковский все время боролся и в настоящее время продолжает делать разоблачения.²⁰⁹

Но уже в июне 1918 в тех же «Известиях» появилась заметка «Дело провокатора Добковского», в которой отмечалось, что следственная комиссия решила провести «психиатрическую экспертизу для установления психического состояния» названного лица, для чего предполагается «пригласить лучших московских психиатров», представив также на их рассмотрение «прошения и заявления Добковского на имя охранного отделения, ввиду того, что эти документы заставляют сомневаться в нормальности Добковского в период сношений с охранным отделением»²¹⁰.

Правда, уже день спустя газета поместила новое заявление следственной комиссии, которая указывала на досадную ошибку, допущенную в заголовке предыдущей заметки, ибо «квалификация деяний гр. Добковского как провокатора ни в какой мере, по данным предварительного следствия, признана правильной быть не может, почему и ответственность за такую квалификацию деяний Добковского следственная комиссия Революционного трибунала при ЦИК с себя снимает»²¹¹.

На состоявшемся 11 июля заключительном заседании следственной комиссии отмечалось, что по делу Добковского были допроше-

²⁰⁸ Бурцев В.Л. В борьбе с провокаторами. С.18.

²⁰⁹ Добковский И.Г. Письмо в редакцию. Изменникам память изменяет // Известия. 1918. №30, 21 (8) февраля.

²¹⁰ Там же. №133, 29 июня.

²¹¹ К делу Добковского // Там же. №134, 30 июня.

ны как сам обвиняемый, так и свидетели, с которыми он сидел в Гродненской и Виленской тюрьмах, а также посещавший его в Московской каторжной тюрьме «общественный раввин» Я.И.Мазе, бывший начальник Белостокского охранного отделения П.А.Фуллон, член коллегии Комиссариата по еврейским национальным делам С.М.Цвибак и другие лица. К делу был приобщен ряд документов, в том числе показания Бурцева и материалы Следственно-юридической комиссии Военного отдела ЦИК первого созыва. Вынесенное постановление гласило:

На основании добытых следствием данных Следственная комиссия пришла к заключению, что Добковский вошел в сношения с чинами Белостокской и Петроградской охраны с исключительной целью разоблачения ее деятельности и противодействия ей, причем во время этих сношений никого не выдал, кроме <Арона> Вайнштейна, который арестован не был; из остальных же назвал лиц, относительно которых имел достаточно данных об их прикосновенности к охране. На эти сношения с охраной он был уполномочен, по взаимному уговору, гражд<анином> Бурцевым в бытность свою в Париже, в целях организации революционного Контр-Департамента Полиции. В те времена и в тех организациях, в которых работал Добковский, подобные сношения с охраной не только не воспрещались, но поощрялись и были в порядке вещей, что выразилось между прочим в том, что об одновременном состоянии <Мирона> Сегаля и членом организации и сотрудником охраны знали, кроме Добковского, еще несколько ответственных партийных работников.

Характер сообщений Добковского Департаменту Полиции носил настолько явно вымышленный характер, что Департамент Полиции официальным извещением поставил в известность чины охраны, что он сведениям, получаемым от Добковского, «никакого значения не придает». Содержание затем подаваемых Добковским из Петропавловской крепости и, в особенности, из Московской каторжной тюрьмы недопустимых для революционера и позорных прошений на имя царских палачей может быть всецело объяснено невозможными условиями, в которых он содержался, нравственными и физическими мучениями, им испытываемыми в «сучьем кутке», исключением из среды политических насильственным крещением.

Произведенной, по постановлению Следственной комиссии, над Добковским психиатрической экспертизой, с предъявлением экспертам относящихся к делу документов, установлено, кроме того, что в период времени с 1909 по 1913 год Добковский страдал «явно выраженным душевным расстройством... в форме... галлюцинаций, бредовых идей, ряда немотивированных поступков...», причем заболевание протекало с колебаниями, в зависимости от условий тюремного заключения». Экспертами также констатировано, что и по настоящее время со стороны психики

у Добковского «ослабление умственной деятельности и недостаточная критика к прежним бредовым идеям», так как Добковский и теперь, «не будучи человеком формально психически больным, должен быть признан страдающим психическим вырождением».

Согласно с вынесенным заключением, Следственная комиссия постановила: «Обвинение Добковского в сотрудничестве в охранном отделении отвергнуть. Считая установленным факт санкционирования Добковским, наряду с другими членами организации, вхождения Сегалья и др. одновременно в партийную организацию и в охрану; факт сношения Добковского с чинами охраны, хотя бы и в целях ее разоблачения; факт составления и подачи им недопустимых для революционера прошений на имя чинов охраны и Высочайшее имя, хотя бы и оставляемых охраной без внимания и хотя бы и в болезненном состоянии, – направить всю переписку по этому поводу на усмотрение Президиума ЦИК на предмет предания Добковского за эти деяния междупартийному суду, ввиду неподсудности этих деяний общим уголовным судам и суду трибунала, а также ввиду отсутствия в них состава провокации и невоспоследования тяжелых для кого бы то ни было из названных им в этих прошениях лиц последствий».²¹²

Небезынтересно, что, сняв с обвиняемого клеймо провокатора, обе следственные комиссии ссылались на показания Бурцева, который в своих воспоминаниях, напротив, изображал себя непримиримым обличителем Добковского. Тем не менее, тот неожиданно посетил его в Париже то ли в 1920, то ли в 1921. Хотя, переменив к этому времени фронт, Добковский предлагал Бурцеву напечатать в его «Общем деле» разоблачающие большевиков материалы, Бурцев считал их вздорными и наотрез отказался подтвердить реабилитацию бывшего комиссара, после чего он, припоминая Бурцев, «начал против меня целую кампанию в польской, еврейской и французской печати»²¹³.

Уже в 1927, во время судебного процесса в Париже по делу об убийстве Петлюры, Добковский объявил, что убийца действовал не столько из чувства мести за еврейские погромы на Украине, сколько по приказу ГПУ. В зачитанном на заседании суда письменном показании, озаглавленном «Убийство Петлюры и провокация на Еврейской улице, или Голос еврея», Добковский утверждал, будто ГПУ создана в Париже тайная организация с целью физического устранения видных антибольшевистских деятелей, а также что погромы на Украине представляли собой «естественную реакцию народа против передачи власти Зиновьеву, Троцкому, Каменеву и Свердлову». В этой связи московская «Правда» писала о Добковском: «Он в на-

²¹² Дело Добковского // Там же. №146, 13 июля.

²¹³ Бурцев В.Л. В борьбу с провокаторами. С. 18.

стоящее время является собственником небольшого магазина в Париже. В 1918 г. Добковский был разоблачен как бывший провокатор, был привлечен в 1919 г. в Петрограде к суду и избежал наказания лишь потому, что его сочли умалишенным»²¹⁴.

Бурцев вспоминал:

Г.Б.Слиозберг, выступавший свидетелем на процессе Шварцбарда, для того, чтобы парализовать заявление Добковского, прочитал на суде мое к нему письмо, где я характеризовал Добковского как человека не вполне нормального и с грязным прошлым, следовательно, не заслуживающим доверия. После процесса Добковский потребовал от меня объяснения и написал несколько ругательных мне писем. В них он грозил мне (назначил даже срок), что если я не реабилитирую его, он через несколько дней меня убьет, предупреждал, что он ходит с револьвером и т. д. К этим его угрозам я отнесся совершенно спокойно, но, на всякий случай, его письма я показал моим приятелям. Те, без моего ведома, об этих угрозах Добковского сообщили в Сюртэ Националь, и сейчас же состоялось постановление о высылке его из Франции. Мне стоило больших трудов и хлопот добиться аннулирования этого постановления.²¹⁵

Тем не менее в «Пути труда» Добковский, рекомендуясь «главным следователем и уполномоченным французской “Лигой прав человека и гражданина” Жуэнвиля», инкриминировал Бурцеву ни много ни мало, как «тайное соглашение со Сталиным, прокурором Крыленко и их агентами»! В материале «Бурцев и ГеПУ. Открытое письмо русским эмигрантам», который предваряла заметка А.Жигулева «В чем здесь дело?»²¹⁶, Добковский пояснял, что уже нескольких лет тщетно добивается опубликования в зарубежной прессе своих обвинений, но эмиграция склонна больше верить инсинуациям Бурцева, будто его оппонент «ненормален», является душевнобольным.

«Я, – пояснял Добковский, – действительно Бурцева обвинял еще при правительстве Керенского в “Верховно-Следственной Комиссии Муравьева” и в “Военно-Следственной комиссии при Всероссийском ЦИК Советов р<абочих>, кр<естьянских> и с<олдатских> д<епутатов>” под председательством меньшевика Чхеидзе, что он, Бурцев, все дело Азефа сознательно извратил и ложно осветил, что он оговорил невинно целый ряд лиц, послал ложными путями террора десятки юных революционеров, заплативших за это смертными приговорами и каторгой, что он с первых дней почти

²¹⁴ Дело об убийстве Петлюры // Правда. 1927. №242, 22 октября. См. также: Шумов С. Петлюровщина. М., 2005. С.130.

²¹⁵ Бурцев В.Л. В борьбе с провокаторами. С.19.

²¹⁶ Путь труда. №1. С.11-14.

переворота февральского стал таскать из архивов департамента полиции и охранного отделения компрометирующие его бумаги, освободив из тюрьмы в первые дни революции тех же самых лиц и членов действительной полиции, которых он годы обвинял в уголовных преступлениях, совершенных ими вместе с Азефом...»²¹⁷.

Более того, взятый под стражу после Октябрьского переворота, Бурцев якобы отказался от очных ставок с бывшими агентами охраны, хотя некоторые из них, сумев проникнуть в состав ЦК большевиков и советского правительства, поспешили, мол, выпустить на волю заведовавшего «отделом провокаторов» и арестованного Добковским с целью разоблачения бывшего вице-директора Департамента полиции С.Е.Виссарионова. «Сталин и Крыленко, – уверял Добковский, – боялись гласности моего расследования, и они, с Чека, Бурцева освободили». Но уже в Париже тот якобы снова вступил в «тайное соглашение с агентами Чека» по делу об убийстве Петлюры и с целью недопущения Добковского в зал суда объявил его «душевнобольным», чем спас, мол, истинных организаторов покушения.

Признаваясь, что угрожал Бурцеву убийством и заклеил его «помощником ГПУ» на страницах польских буржуазных газет «Эпоха» и «Час» за 27 и 28 марта 1929, Добковский также замечал, что крещение – это акт личной совести человека, никоим образом не лишаящий его права быть свидетелем в суде, хотя тюремный священник был якобы только игрушкой в руках московских охранников, которым во что бы то ни стало требовалось скомпрометировать опасного революционера в глазах других политических заключенных²¹⁸.

Не ограничившись упомянутым «открытым письмом», Добковский вторично обратился к «честным политическим эмигрантам» за содействием в учреждении Жуэвильским отделением «Лиги прав человека и гражданина» специальной комиссии, перед которой он смог бы доказать основательность своих обвинений и реабилитировать себя. «Вспомните дело Петлюры и роль в нем Бурцева, – писал Добковский. – Благодаря Бурцеву роль чекиста Володина с его сообщниками осталась скрытой от суда. Шварцбард, будучи близок к Володину, искренне мстил Петлюре за погромы, но оказался в руках ГПУ, через Володина, только подходящим орудием. Благодаря тому, что Бурцев дал ложные показания французскому суду и реабилитировал Володина, процесс принял формы национальной тяжбы между евреями и украинцами... Украинцы правильно утверждали, что убийство Петлюры дело рук ГПУ, но они неправильно считали

²¹⁷ Там же. С.12-13.

²¹⁸ Там же. С.13-14.

Шварцбарда агентом ГПУ. Чекистом был Володин, он и использовал Шварцбарда в целях Чека»²¹⁹.

— Так и не добившись реабилитации, Добковский, по сведениям Бурцева, уехал в Польшу, но через несколько лет снова объявился в Париже. «Пришел ко мне, — утверждал Бурцев, — как кающийся грешник, в самом жалчайшем виде. Добковский обратился ко мне с просьбой хлопотать за него, чтобы его более не тревожили во Франции. После моих хлопот он получил нужную ему отсрочку. В это время он каялся в той кампании, которую при его помощи вели против меня какие-то неизвестные поляки, и тогда же мне дал написанную его рукой рукопись, где он рассказывает, как при Сталине он служил в ГПУ и потом, как агент ГПУ, был послан для работы в Польше и т. д. Работать агентом ГПУ в Польше он мог с тем большим успехом, что в это время он уже был польским гражданином»...²²⁰

* * *

Выпустив четыре номера «Пути труда», Жигулев-Иринин переименовал его в «Оппозиционную правду», которая вышла как «орган рабоче-крестьянской оппозиции» в ноябре 1930 под тем же лозунгом, что и центральный орган ВКП(б), — «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». В газете был напечатан очерк истории «третьей», советской, эмиграции, в котором Жигулев-Иринин доказывал, что никак нельзя отделять ее от «второй» только по формальному критерию:

Среди людей Октября не переставали покидать <родину> отдельные люди с первого дня Октябрьской революции, и, попадая за границу, они сливались с общей эмигрантской массой. Количественное увеличение этой массы за счет нескольких десятков новых перебежчиков из советского лагеря совершенно не дает основания считать их особой, третьей, эмиграцией. «На путях к термидору» Беседовского ничем не отличаются от «26 тюрем и побега с Соловков» Безсонова²²¹, и было бы бессмысленно относить одного автора к третьей эмиграции, а другого ко второй только потому, что один был членом коммунистической партии, а другой нет. Третья эмиграция тем и отличается от первой и второй русской эмиграции, что она формально является виновницей второй, а идеологически — носительницей идей, отличных от идей первой и второй эмиграции.²²²

²¹⁹ Добковский И.Г. Бурцев на службе ГПУ. К честным политическим эмигрантам // Путь труда. №4. С.3.

²²⁰ Бурцев В.Л. В борьбе с провокаторами. С.19.

²²¹ Безсонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris, 1928.

²²² Иринин М. Третья русская эмиграция // Оппозиционная правда. №1. С.2.

Считая, что «поднятая на щит “Последними новостями” третья эмиграция будет играть роль или тактического эпизода в деятельности контрреволюционной эмиграции или будет ее могильщиком», Жигулев-Иринин повторял, что она делится на три группы: беспринципных, перекидываемых обстоятельствами из одной крайности в другую; «перебежчиков» (типа Агабекова, Беседовского или Бажанова – автора «Заметок бывшего помощника Сталина», печатавшихся в парижском «Возрождении» в 1928–1929); «оппозиционеров» (Троцкий, Мясников) и «политических невозвращенцев» – то есть коммунистов и беспартийных советских граждан, которые, занимая служебное положение в заграничном аппарате, отказались вернуться в СССР по идейным мотивам и «перешли к открытой оппозиционной работе за границей»²²³.

Доказывая, что «третья эмиграция» должна решить, с кем она – с пролетариатом или капиталистами, «Оппозиционная правда» настаивала на организации съезда политических невозвращенцев и оппозиционеров и предлагала им свою программу возвращения к ленинизму:

1) перестроить свои ряды соответственно хозяйственным потребностям Союза и включить в пролетарский авангард представителей мелкой буржуазии (непролетарская интеллигенция и крестьянство);

2) ВКП(б), переорганизованная во Всесоюзную рабоче-крестьянскую партию, должна быть примером энергии материального бескорыстия в проведении намеченной пятилетки;

3) прекратить культивирование авантюристической идеи о социализме в одной стране, заменив это идеей советизма – промежуточных хозяйственных форм между капитализмом и социализмом в эпоху пролетарской государственности;

4) дать свободу частной трудовой инициативе в промышленности и сельском хозяйстве: а) не рассматривать ошибки спецов вредительством, б) хозяйственного крестьянина – кулаком, если в своем индивидуальном хозяйственном творчестве они согласуют свои интересы с интересами государства и с интересами своих исполнителей;

5) выяснить возможность перенесения метода организации РККА в советское хозяйство, привлечь отдельных старых собственников к его организации на условии получения ими кредита у международной буржуазии и подчинения контролю совета рабочих депутатов предприятия;

б) прекратить высокую оплату труда иностранных специалистов и свести их количество в СССР к минимуму.²²⁴

²²³ Там же.

²²⁴ Нужна ли пятилетка? // Там же. С.1.

Очередной и последний номер «Оппозиционной правды» (с фотографией «М.Иринина» на первой странице) вышел в феврале 1931. «Сталинское руководство, – негодовала газета, – продолжает угощать партию острыми блюдами, а в партии пока не находится соответствующих сил, которые были бы способны или научить кавказского “повара” другой “кухне” или совсем выпроводить его из партии». В редакционной статье подчеркивалось, что построенный сталинцами «социализм», по сути, является «столь презируемым ими государственным капитализмом, при котором произошла лишь замена роли буржуазии – бюрократией». Вновь предлагая взять курс на «советизм» – органическое сочетание пяти общественно-экономических укладов: патриархального хозяйства, мелкого товарного производства, частнокапиталистического хозяйства, государственного капитализма и социализма, «Оппозиционная правда» звала к воссозданию в СССР подлинного государства трудящихся, для чего требовала уничтожить власть партийной бюрократии и ее «сумасшедшего командира», преобразовав ВКП(б) в ВРКП²²⁵.

Однако еще до выхода в свет «Оппозиционной правды» упоминавшийся выше перебежчик Бажанов язвил в «Возрождении», что не стоит, мол, говорить серьезно об «органе Заграничного бюро оппозиционеров», ибо наверняка «тов. Жигулев – мальчик на побегушках у какого-то небольшого агента ГПУ. Рассмотрев у тов. Жигулева ярко выраженную графоманию, ГПУ поручило ему издавать журнальчик для уловления крайних болванов рабоче-крестьянского происхождения, которые могут по ошибке свихнуться с советского пути, но по отсутствию мозгов далеко не уйдут. Жигулев и пишет об “Октябрьской Революции” (с больших букв), о “Великих Завоеваниях Власти Трудящихся” и о советском рае вообще и в частности. Кажется, только т. Сталин ему почему-то не нравится...»²²⁶.

* * *

Хотя 11 и 25 ноября 1931 редактор «Оппозиционной правды» участвовал вместе с Беседовским в собрании «Дней» и даже был записан для выступления в прениях по докладу Керенского «На переломе кризисов»²²⁷, три месяца спустя, 25 января 1932, Горький пересылает в Москву полученное им письмо от «некоего Иринина», скупно поясняя Сталину: «Я не знаю – кто он, но слышал, что служит

²²⁵ Сталинщина и нормальный партийный курс // Там же. 1931. №2. С.1; М.И<ринин>. К проекту платформы Всесоюзной рабоче-крестьянской партии // Там же. С.2-3.

²²⁶ Бажанов Б. Третья эмиграция // Возрождение. 1930. №125, 9 сентября.

²²⁷ См.: Дни. 1931. №142, 7 ноября. С.10; №143, 22 ноября. С.10.

в одном из наших Берлинских учреждений. Письмо сумбурное, как видите»²²⁸.

Увы, новоявленный «покаянец» тоже искал пути отступления и, начиная сдавать идейные позиции, не только убеждал Горького в необходимости введения в СССР двухпартийной системы для... борьбы с оппозицией в ВКП(б), но и фактически просил довести свои мысли до сведения «товарища Сталина», которого сам же еще недавно обзывал «упрямым идиотом»:

Уважаемый г. Горький.

Старый большевик, Вы вызываете животную злобу в рядах врагов большевизма, и поэтому естественно, что хочется как можно ближе подойти к Вам и через Вас проверить большевистскую правду. В генеральной линии партии эта правда для меня кажется не отчетливой, – может быть, потому, что она еще не развернута до конца. Во всяком случае, при ней, при большевистской правде в партии, развитие оппозиции немыслимо. И если сама оппозиция в ВКП(б) никогда не может явиться носительницей большевистской правды, то она, однако, всегда является основным доказательством того, что эта правда не для всех членов ВКП(б) ясна.

Объявленное социалистическое наступление в СССР должно было вскрыть капиталистическую агентуру и неустойчивые элементы в партии, но оно не могло грозить самому существованию ВКП(б). И коль скоро натиск на партийное руководство со стороны троцкистов, правых и т. п. не может не кончиться катастрофой для партии, то это говорит или о величайшем загнивании пролетарской диктатуры в СССР, или о промахах партийного руководства, т-о> е-сть>, вообще говоря, о неясности большевистской правды для партии.

Одними административными мерами оппозиционной борьбы в ВКП(б) не уничтожить, необходим еще к этому общий правильный курс партии, чтобы оппозиция потеряла всякую почву. Свобода ей в ВКП(б) не может быть дана, так как это было бы равносильно разрушению ленинской партии. Но, чтобы парализовать оппозицию, возможно двухпартийное построение авангарда пролетариата. Конкретно говоря: целесообразно создание в СССР, параллельно ВКП(б), Всесоюзной Рабоче-Крестьянской партии (большевиков) с теоретическим фундаментом Маркс-Ленин, с программой от ВКП(б), при незначительном ее изменении.

Мера эта, конечно, тактического характера, и назначение ее содействовать распылению сил, направленных на разрушение большевизма. Нынешнее состояние ВКП(б) таково, что ей становится все труднее выдерживать натиск разрушающих ее сил. И переход к двухпартийной системе в СССР не только ослабит

²²⁸ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.718. Л.134.

этот натиск, но и откроет высшую фазу развития большевизма и создаст лишнюю гарантию его несокрушимости.

Перед осуществлением этой грандиозной задачи ступевались бы многие обострившиеся сейчас вопросы в СССР. Я не буду заниматься перечислением их, достаточно указать, что почва и из-под троцкистов и из-под правых окажется выбитой, т. к. советская демократия будет налицо, репрессии против оппозиции будут оправданы, т. к. она занималась тем, что мешала проведению генеральной линии партии. Возникнут, конечно, новые острые вопросы – это естественно. Но в условиях советской демократии и при прочности диктатуры пролетариата они всегда найдут свое разрешение. Важно лишь освободить эту диктатуру от натиска такого опасного врага как оппозиция в ВКП(б) и суметь укрепить ее двухпартийной системой.

Наконец не менее существенный вопрос в подготовке к третьему периоду Мировой Революции. СССР в этой революции будет играть роль революционного тыла, и от его организации будет зависеть поход Мирового Октября. Если двухпартийная система будет проведена в жизнь СССР, то тыл будет достаточно крепок, чтобы противостоять любому антибольшевистскому натиску.

Вообще, по-моему, осуществление двухпартийного укрепления диктатуры пролетариата в СССР будет соответствовать политической надстройке, которая диктуется экономическим базисом, сложившимся в СССР в результате пятилетки. И неувязка в этом вопросе чревата величайшими опасностями. А его правильное разрешение и даст партии, пролетариату и трудящимся массам ту правду, которая им сейчас так необходима.

Я сам уже шесть лет борюсь за эту правду, искал ее в оппозиции, приехал за границу и, наконец, пришел к тем соображениям, отчасти которые изложил в этом письме. Остается их проверить. Поэтому я и решил, т. Горький, написать Вам настоящее письмо. Вы, старый большевик, близки к т. Сталину. Проверьте мои соображения о двухпартийной системе. Правильны ли они с точки зрения интересов пролетариата и Мировой Революции? Если неправильны, то почему Вы это так считаете? Я буду Вам очень признателен, если Вы найдете возможным мне ответить.

Через «Monde» я Вам посылаю «Оппозиционную Правду». После двух номеров я ее прекратил, т. к. это была большевистская правда. Прошел уже год. Я пришел к тому заключению об оппозиции, которое высказал в этом письме. Критика партруководства возможна, но лишь в форме большевистской лояльности; всякая же оппозиционная борьба с партруководством является антибольшевизмом.

Мой Вам революционный привет.

М.Иринин²²⁹

²²⁹ Там же. Л.138-140.

Впрочем, он не получил ответа ни от Горького, ни от Сталина, и уже два месяца спустя в «Последних новостях» появилось объявление о том, что 25 марта 1932 редактор «Оппозиционной правды» А.М.Иринин выступит со вступительным словом к «беседе», устраиваемой «Рабоче-крестьянским объединением» на тему: «Что делать для защиты интересов рабочих, крестьян и интеллигенции в советской России»²³⁰. О дальнейшей судьбе Жигулева-Иринина ничего, к сожалению, не известно...²³¹

Приложение

Периодические издания, редактировавшиеся А.М.Жигулевым (М.Ирининым). Роспись содержания

НАБАТ. Оргбюро беспартийных и коммунистов, добровольно порвавших с СССР (Париж, 1927).

№1. 25 сентября 1927: *Иринин*. Цель и значение организационного бюро. – С.1; *Цитирович*. Государственная форма и единая партия. – С.1; *Н.Н.* Своевременные мысли. – С.2; *И.О.<бухов>*. Схема проекта программы и организационного устава Российской Крестьянско-Рабочей Партии. – С.2-3; Трудовые ополченцы. – С.3; *Минор М.* Активист из СССР. – С.3; К старой русской интеллигенции. – С.4; К товарищам. – С.4; *Сторонники РКРП*. Наш ответ. – С.4.

БЮЛЛЕТЕНЬ ОРГАНИЗАЦИОННОГО БЮРО СОВЕТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (Париж, 1928).

№1. <1 мая 1928>: От редакции. – С.1; От «Бюро коммунистов и беспартийных, добровольно покинувших СССР». – С.2-3; *Национал-большевик Петренко*. Три эмиграции. – С.2-3; *Иринин*. К Рабоче-Крестьянской Молодежи. – С.3; *Жигулев А.* От Организационного бюро советской эмиграции. – С.3; *Иванов С.* Коммунистическая религия. – С.4; «*К.Рябцев*», *б.<ывший> комсомолец*. Письмо от комсомольца. – С.4.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЗАГРАНИЧНОГО БЮРО ОППОЗИЦИОНЕРОВ И СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, ДОБРОВОЛЬНО ПОКИНУВШИХ СССР (Париж, 1929–1930; с №4 – Бюллетень Заграничного бюро оппозиционеров).

№1. Декабрь 1929: *Иринин М.* К партийному кризису. – С.1-2; *И.<ринин>*. Беседа с тов. X и господином Y. – С.3-11; Сравнительная гра-

²³⁰ Хроника // Последние новости. 1932. №4018, 23 марта.

²³¹ Автор выражает искреннюю признательность Татьяне Гладковой (Bibliothèque de documentation internationale contemporaine, France), Ричарду Дэвису (Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds, UK) и Марии Магидовой (Slavonic Library, National Library of the Czech Republic) за предоставленные материалы и ценные консультации.

фическая схема реорганизации ВКП во Всесоюзную Рабоче-Крестьянскую Партию. – С.12; *Ципирович А.* Бадьяновщина. – С.13-14; *Жигулев А.* Можно ли верить Вл. Бурцеву. – С.5-22.

№2. Декабрь 1929: *Иринин М.* Опомнитесь. – С.1-3; *И<ринин>*. Из бесед с приятелем. – С.4-7; *Жигулев А.* Политическая ошибка. – С.8-10; *Противник ленинских заветов*. Еще одно письмо к комкору. – С.11; Разное. – С.11-13.

№3. Февраль 1930: К познанию революции. – С.1-3; *Ципирович А.* Кто победит. – С.3-4; *И<ринин>*. Период шатаний. – С.5-9; *Жигулев А.* Русский рабочий класс и ВКП. – С.10-11; Хроника: *Комсомолец-опозиционер*. В клубе Le Faubourg. – С.11-12; Белогвардейские происки. – С.12.

№4. Март 1930: *Иринин М.* Тверже шаг. – С.1-2; *Мясников Г.* Капитуляция. – С.2-8; Никто, как свой. – С.8-13; *Ципирович М.* «Оппозиционеры». – С.13-14; Ж. К. К. <? > – С.14.

БЮЛЛЕТЕНЬ-ЛИСТОВКА. Заграничное бюро оппозиционеров (Париж, 1928–1929)²³²:

№1. К европейскому пролетариату (на франц. яз.)

№2. К русским революционерам в эмиграции

№3. Открытое письмо в ЦК ВКП

№4. Ответ товарищам

№5. Оппозиционеры и перебежчики.

ПУТЬ ТРУДА (Париж, 1930. Подзаголовки: №1 – Орган Заграничного бюро оппозиционеров, №2 – Орган оппозиционной борьбы и невозвращенского движения, с №3 – Орган оппозиционной борьбы и невозвращенческого движения):

№1. 16 мая 1930: *Иринин М.* Наш Путь. – С.2-3; *Мясников Г.* Капитуляция и кровавая черта. – С.3-8; *Ципирович М.* Беседовщина. – С.8-10; *Рябцев К.* Уважаемые «Последние Новости». – С.10-11; *Жигулев А.* В чем здесь дело? – С.11-12; *Добковский И.Г.* Бурцев и ГеПУ: Открытое письмо русским эмигрантам. – С.12-14.

№2. Июнь 1930: Оппозиционеры и невозвращенцы. – С.2-4; *Иринин М.* Интернационал и партия. Проект платформы Всесоюзной рабоче-крестьянской партии. – С.4-7; *Жигулев А.* Из разговора с б<ывшим> советским дипломатом. – С.7-9; *Ципирович М.* К пониманию мясниковщины. – С.10-12; Фантазия и действительность. – С.13-15; Хроника. – С.15-16; От Заграничного бюро оппозиционеров. – С.16.

№3. Июль–август 1930: *Иринин М.* Шестнадцатый партийный съезд. Сталинщина в свете свободной критики. – С.1-3; *Ципирович М.* Беседа с батюшкой Махно. – С.3-4; *Жигулев А.* О чем говорит противник. – С.4; Из нашей переписки: Отрывок из письма маленького человека. Оппозиционер ли Троцкий? Письмо от (К.Рябцева). – С.4; От Загранич<ного> Бюро Оппозиционеров. – С.4.

№4. Сентябрь 1930: О соглашателях и бюрократах. – С. 1; *Рябцев Николай, член Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.* Надвигаю-

²³² Содержание №1–5 за 1929 приведено в Бюллетене ЗБО (№2. С.12)

щийся позор на СССР. Возможность еврейских погромов в СССР, причины этого и идеологические меры предотвращения. – С.1-2; *Игрек*. Эмиграция, политневозвращенцы и перебежчики. – С.2; *Б<ывший> борьбист*. Тина невозвращенческая. Развитие Беседовщины. – С.2-3; *Цитирович М.* Из хроники зарубежья. – С.3; *Добковский И.Г.* Бурцев на службе ГПУ. – С.3; *Кобзарь*. За свободные Советы. – С.4; *Жигулев А.* О чем говорит противник. – С.4; Из нашей переписки и информации. – С.4; К заграничным бюрократам. – С.4.

ОППОЗИЦИОННАЯ ПРАВДА. Орган Рабоче-крестьянской оппозиции (Париж, 1930–1931):

1930. №1, ноябрь: Нужна ли пятилетка? – С.1; *Ц-вич*. В порядке дискуссии. – С.1-2; *Игрек*. Из письма к товарищу. – С.2-3; *Иринин М.* Третья русская эмиграция: Очерк характеристики и истории. I. Общая характеристика; II. Начало политневозвращенческого движения; III. Позор заграничного представительства оппозиционной группы в ВКП(б) «Рабочая Правда» – Я.И.Бадьян; IV. Третья эмиграция в своих истоках. – С.2-4; *Старый политневозвращенец*. Нужен съезд оппозиционеров и политневозвращенцев. – С.3; Из переписки и информации. – С.4.

1931. №2, февраль: Сталинищина и нормальный партийный курс. – С.1; *М.И<ринин>*. К проекту платформы Всесоюзной рабоче-крестьянской партии. – С.1-2; *Редакция*. «Оппозиционная правда» должна жить. К нашим читателям-сторонникам. – С.1; *Иринин М.* Третья русская эмиграция: Очерк характеристики (Продолжение: V. Заграничное бюро оппозиционеров; VI. Типичные лица третьей эмиграции: Троцкий. Бажанов). – С.2-4; *Б<ывший> комсомолец-активист*. Молчать! – С.2-3; *Большевик*. Еще раз тверже шаг! – С.3; *Ленинец*. Открытое письмо т. Сталину. – С.4; Почтовый ящик. – С.4; Перечень нескольких статей из предыдущих изданий З.Б.О. – С.4.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН²³³

Агабеков Георгий Сергеевич (1895–1938) – член ВКП(б) с 1920; уроженец Асхабада, из семьи кузнеца, окончил гимназию; участник Первой мировой войны (1914–1916); по окончании Ташкентской школы прапорщиков (1917) служил командиром взвода и переводчиком с турецкого языка при штабе 46-го запасного полка на Румынском фронте; участник Гражданской войны на Восточном фронте (1918–1920), позже – сотрудник Екатеринбургской ЧК (с 1920), контрразведывательного отдела ТуркГПУ (с 1922), ИНО ОГПУ в Кабуле (под прикрытием должности помощника зав. бюро печати полпредства СССР в Афганистане, с 1924), резидент ИНО ОГПУ в Персии (под прикрытием должности инспектора торгпредства, 1926–1928), начальник Восточного сектора ИНО ОГПУ (1928–1929), резидент ИНО ОГПУ

²³³ В указатель не вошли справки о широко известных лицах.

в Турции и на Ближнем Востоке, включая Сирию, Палестину и Египет (1929–30). Влюбившись в англичанку Изабел Стритер, у которой брал уроки английского языка, бросил службу и в июне 1930 отправился вслед за ней из Стамбула в Париж, откуда в августе выслан в Бельгию; контактировал с зарубежными разведслужбами и сотрудничал в редактируемом Г.З.Беседовским журнале «Борьба», газетах «Последние новости» и «Сегодня», опубликовавших его воспоминания; автор книг «ГПУ: Записки чекиста» (1930) и «ЧК за работой» (1931); арестован в Брюсселе по делу «шайки воров-взломщиков и поддельвателей ценных бумаг» (1935), осужден за хранение краденого (1936); убит в Париже чекистами.

Акулинин Иван Григорьевич (1880–1944) – генерал-майор (1918); помощник атамана Оренбургского казачьего войска (1917), позже – зам. председателя Войскового правительтва, командующий войсками и гл. начальник Оренбургского военного округа, командир 2-го и 1-го Оренбургских казачьих корпусов; в эмиграции – в Югославии (с 1920), затем – во Франции: член Главного совета «Российского центрального объединения» и корреспондент газеты «Возрождение».

Апетер Иван Андреевич (1890–1938) – чл. ВКП(б) с 1917; уроженец Латвии; комиссар Ставки Верховного главнокомандования в Могилеве (1918), начальник Особого отдела Всеукраинского ЧК, 12-й армии и Западного фронта (1919–20), Административно-организационного управления ВЧК (1920–21), зам. начальника ИНО ВЧК (1921–22), начальник Особого отдела (ОО) и Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Западному краю (1922–23), ПП ОГПУ по Уралу (с 1924), по Крыму и ОО Черноморского и Азовского флотов (с 1926), по Центрально-Черноземной области (с 1928), зам. полпреда ОГПУ по Московской обл. (с 1930), начальник Главного управления исполнительно-трудовых учреждений Наркомата юстиции РСФСР и замнаркома (с 1931), прокурор Саратовского края (с 1934), начальник санитарно-курортного отдела АХУ НКВД СССР (с 1934), начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД (1937); старший майор госбезопасности; расстрелян 22 июня 1938.

Арбатов Зиновий Юрьевич (1893–1962) – журналист и писатель, в эмиграции – в Берлине (после 1922): сотрудник «Руля» и других эмигрантских изданий, автор романов «Путь скорби» (Берлин, 1925), «Таня Ветрова» (Париж, 1928), воспоминаний «Екатеринослав. 1917–1922 гг.» (Архив русской революции. 1923. №12); после Второй мировой войны жил в Испании, сотрудник газеты «Русская мысль».

Бажанов Борис Георгиевич (1900–1983) – член ВКП(б) в 1919–1928; из семьи врача, учился в МВТУ (1920–1922); секретарь уездного комитета РКП(б) на Украине (1919–20), инструктор орготдела ЦК РКП(б) (с 1922), сотрудник Секретариата Сталина и помощник зав. Бюро Секретариата ЦК (1923–24), помощник зав. финансово-экономическим бюро НКФ СССР (1925–26), консультант Института экономических исследований (1926–27), зав. заочными курсами по подготовке финансовых работников (1927), управделами и зав. секретариатом ЦК Компартии Туркмении (с ноября 1927); в ночь на 1 января 1928 бежал из СССР в Персию, откуда приехал в Париж; в период Советско-финляндской войны формировал из военно-

пленных Русскую народную армию; автор воспоминаний «Заметки бывшего помощника Сталина», печатавшихся в газете «Возрождение» (1928–29) и вышедших отдельным изданием под заголовком «Воспоминания бывшего секретаря Сталина» (1980, 1990, 1992).

Безсонов (Бессонов) Георгий (Юрий) Дмитриевич (1895?–1970) – штабс-ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка, зам. коменданта Зимнего дворца (1917), участник Гражданской войны, командир сотни Черкесского конного полка; позже – заключенный Соловецкого лагеря особого назначения (с 1924); бежал из пересыльного пункта близ Кеми в Финляндию (1925); автор книги «26 тюрем и побег с Соловков» (Paris, 1928).

Бережанский (наст. фамилия Козырев) Николай Григорьевич (?–1935) – журналист, редактор литературно-художественных альманахов «Русская женщина» (Берлин, 1924), «Москва» (Берлин, 1925), газеты «Слово» (Рига, 1925), один из основателей газеты «Сегодня».

Беседовский Григорий Зиновьевич (1896 – после 1962) – левый эсер с 1917, член Украинской партии левых социалистов-революционеров (борьбистов) с 1919, член ВКП(б) в 1920–1929; из семьи приказчика, учился во Франции, окончил Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства; член Полтавского губкома КП(б) Украины и Всеукраинского ЦИК (1921), зав. консульским отделом полпредства и поверенный в делах УССР в Австрии (1922), секретарь полпредства и поверенный в делах УССР в Польше (1922–23), советник полпредства СССР в Польше (1923–1925), член правления «Амторга» (1925–26), советник полпредства СССР в Японии (1926–27) и во Франции (1927–1929); отказавшись вернуться в СССР, пытался объединить советских невозвращенцев: организатор политической группы и редактор одноименного журнала «Борьба» (Париж, 1930–1932), призывавшего к «третьей революции» против сталинского режима; автор воспоминаний «На путях к термидору» (1930–31); участник французского движения Сопротивления; после Второй мировой войны занимался фабрикацией вымышленных мемуаров и дневников реальных (А.Власов, М.Литвинов) и выдуманных (К.Калинов, И.Крылов, Б.Сванидзе) персонажей.

Бунге Андрей Иванович (1877–1933) – журналист; выпускник юридического факультета Петербургского университета, состоял присяжным поверенным Петербургского судебного округа, юрисконсультom страхового общества; участник Первой мировой войны; в эмиграции – в Германии (с 1921): корреспондент газеты «Возрождение», член редакции органа «русских нацистов» – газеты «Новое слово» (Берлин, 1933–1943).

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – участник революционного движения с 1883; родился на форте Перовский, из семьи офицера, учился на математическом и юридическом факультетах Петербургского и Казанского университетов; член народовольческого кружка, сослан в Иркутскую губ. (1886), откуда бежал за границу (1888); в политэмиграции – во Франции (1888–1891, 1904–05, 1907–1914) и Великобритании (1891–1903); редактор газеты «Свободная Россия» (1889), журнала «Народовец» (1897, 1903), историко-революционного сборника «Былое» (1900, 1906–1914, 1917), газет «Общее дело» (1909–10) и «Будущее» (1911–1914), разоблачитель провока-

торов (Азефа и др.); после возвращения в 1914 в Россию сослан в Туруханский край, но в конце 1915 амнистирован и жил в Петрограде; после большевистского переворота – в заключении в Петропавловской крепости и в «Крестах» (октябрь 1917 – февраль 1918); в эмиграции во Франции (с 1918), редактор газеты «Общее дело» (1918–1922, 1928–1934) и сборника «Былое» (1933), член редакции журнала «Борьба за Россию» (1926–1928); умер в крайней нищете.

Быстрых Николай Михайлович (1893–1939) – член ВКП(б) с 1917; уроженец Пермской губ., из рабочих, участник Первой мировой войны (1914–1917); в органах ВЧК на Урале (с 1918), начальник особых отделов 16-й и 6-й армий, Крымского ЧК и Харьковского военного округа (1920–1922), затем – в ГПУ УССР; начальник Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ СССР (1931–1933), Главной инспекции милиции (1931–32), зам. полпреда ОГПУ по Средней Азии (1933–34), гл. инспектор пограничных, внутренних войск и милиции НКВД СССР (1934–1936), зам. начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции (1936–1938); комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935); арестован 23 октября 1938, расстрелян 23 февраля 1939.

Виссаронов Сергей Евлампиевич (1867–1918) – из семьи штаб-офицера, окончил Московский университет, служил по судебному ведомству (с 1889); прокурор Ярославского окружного суда (с 1906), чиновник особых поручений при министре внутренних дел, и. о. вице-директора и зав. особым отделом Департамента полиции (с 1908), вице-директор Департамента полиции (1912–13), член совета Главного управления по делам печати и и. о. председателя Петербургского комитета по делам печати (1913–1915), член Совета министра внутренних дел (с 1915); действительный статский советник.

Волковский Николай Моисеевич (1881–1941?) – журналист; уроженец Ковно, из семи провизора, выпускник юридического факультета Петербургского университета; до революции – сотрудник «Биржевых ведомостей» и др. газет (с 1902), редактор столичного отделения московской газеты «Утро России», секретарь городского головы, зав. отделом печати Центрального военно-промышленного комитета; после революции – организатор и председатель первой районной думы, учредитель Дома литераторов и член правления Союза писателей в Петрограде; выслан в Германию (1922), работал постоянным корреспондентом рижской газеты «Сегодня» в Берлине (с 1926) и Варшаве (с 1934); с октября 1939 жил в Кременце близ Тернополя.

Володин Михаил – руководитель Союза эсеров-максималистов на Дальнем Востоке (1920); в эмиграции – в Польше и Чехословакии, откуда за участие в рабочих беспорядках выслан в Германию (1922); сотрудничал в «Анархическом вестнике», в котором опубликовал материалы «Трагедия Николаевска-на-Амуре. Отрывок из истории сибирского повстанчества. 26 мая 1920 г. – 26 мая 1923 г.» (1923. №1. С.47–50; №2. С.44–46; №3–4. С.42–44); ««Работа» коммунистов в Чите» (№2. С.57–58); подозревался в связях с полпредствами СССР в Праге и Берлине; с 1925 жил в Париже, где украинский эсер Н.Ю.Шаповал и бывший макси-

малист И.Г.Добковский инкриминировали ему организацию убийства С.В.Петлюры.

Григорьев Николай Александрович (1878-1919) – штабс-капитан, служил в войсках Центральной Рады, у гетмана П.П.Скоропадского и С.В.Петлюры (1917-18), в Красной армии (с 1919): командир 1-й Заднепровской бригады, 6-й Украинской стрелковой дивизии; в мае поднял мятеж, потерпев поражение, присоединился к Н.И.Махно, по приказу которого был убит.

Закгейм Моисей Давыдович (1885–1938) – из семьи ткача; член Бунда с 1903, партии социалистов-революционеров с 1904, эсер-максималист с 1906, левый эсер с 1919; уроженец м. Ружаны Гродненской губ. (по другим сведениям – Белостока), подвергался арестам – в Белостоке (1905) и дважды в Петербурге (1906); член исполкома Боевой организации группы максималистов, совершившей экспроприацию 400 тыс. руб. в Фонарном переулке в Петербурге, приговорен к 15 годам каторги (1908), отбывал ее в Петропавловской крепости; за покушение на белостокского полицмейстера в 1905 вторично осужден Виленской судебной палатой к 8 годам каторги (1909), которую отбывал в Виленской тюрьме (1909-10) и Шлиссельбургской крепости (1910–1917); впоследствии – упаковщик артели «Технохимик» в Москве; арестован 21 января и расстрелян 9 мая 1938.

Клим (неправильно: Климов) Казимир Мартынович – перебежчик; уроженец Гродненской губ., шофер, прапорщик, участник Гражданской войны, командир эскадрильи; направлен на Высшие военно-академические курсы (1923), исключен за пьянство и «распутный образ жизни»; командир 17-го авиаотряда в Киеве (с 1926); узнав об отстранении от должности, перелетел 1 февраля 1927 в Польшу, где в Лодзи жил его брат; собирался уехать в США.

Крюков (Крюков-Ангарский) Николай Павлович (1889–?) – социалист-революционер с 1905, член ВКП(б) с 1917; уроженец Ельца Орловской губ., потомственный почетный гражданин, из семьи оружейного полкового мастера, не окончил шести классов гимназии; арестован 23 августа 1907 при ограблении почтальона (по его собственной версии, «за экспроприацию и убийство черносотенца»), приговорен к 13-летней каторге, которую отбывал в Орловском центре; с 1916 – на поселении на Ангаре; после свержения монархии окончил Александровское военное училище, прапорщик (1917); в период Гражданской войны – выборный командир гвардии Петроградского полка, военный комиссар штаба Воронежского отряда, Южного участка завесы, Южного фронта и 1-й Воронежской стрелковой дивизии, помощник начальника отдела военного контроля (контрразведки) Южного фронта (1918), военный комендант г. Козлова и уезда (1918-19), инспектор пехоты штаба Каспийско-Кавказского фронта и 11-й Отдельной армии, инструктор информационного отдела штаба Восточного фронта, сотрудник ТуркЧК и уполномоченный командующего войсками внутренней службы Туркестанского фронта (1919-20), начальник отдела командного состава Реввоенсовета Республики; окончил Военную академию РККА (1924); после демобилизации – управделами и секретарь правления треста «Северолес» (1924–1926) и Внешторгбанка (1926–1928), генеральный секретарь правления советского «Banque Commerciale Pour l'Europe Du Nord» в Париже (1929-30); невозвращенец, секретарь исполнительного бюро группы

«Борьба», сотрудничал в журнале «Борьба» и газете «Последние новости» (1930); в качестве свидетеля привлекался к следствию по делу об убийстве своего бывшего парижского сослуживца Д.С.Навашина (1937).

Ландау Григорий Адольфович (1877–1941) – журналист и общественный деятель; сын известного еврейского публициста и издателя, выпускник юридического факультета Петербургского университета; член партии кадетов с 1905, в эмиграции – в Германии (с 1921): зам. главного редактора газеты «Руль» (1921–1931), автор книг «Сумерки Европы» (1923), «Эпиграфы» (1927); позже – в Риге (с 1938), сотрудничал в газете «Сегодня»; арестован в 1941 и погиб в Усольяге.

Лацис Мартын Иванович (наст. имя Судрабс Ян Фридрихович; 1888–1938) – уроженец Веденского уезда Лифляндской губ., из крестьян, учитель; в 1905 вступил в Социал-демократию Латышского края; сослан в Иркутскую губ. (1915), бежал в Петроград (1916); член ПК РСДРП(б) и Петроградского ВРК (1917), комиссар отд. местного управления НКВД (1918) и член коллегии ВЧК (1918–1921), начальник отдела по борьбе с контрреволюцией, председатель ЧК, Военного трибунала и член РВС Восточного фронта (1918), начальник секретно-оперативного отдела ВЧК (1918–19, 1919–20), председатель Всеукраинской ЧК (1919), позже – председатель Главсоли ВСНХ и правления Солесиндиката, зам. начальника Главного управления горной промышленности ВСНХ, председатель правления Госсельсиндиката и совета Моссельбанка, Литературного издательства, отв. инструктор и зам. зав. отдела ЦК ВКП(б) по работе в деревне; директор Института народного хозяйства им. Г.В.Плеханова (с 1932); делегат VI, VIII–X съездов партии, член ВЦИК и ЦИК СССР; арестован 29 ноября 1937, расстрелян 11 февраля 1938.

Львов Лоллий Иванович (1888–1967) – журналист, поэт, литературный и художественный критик; уроженец Москвы, окончил историко-филологический факультет Московского университета (1915), оставлен на кафедре русской истории; в эмиграции – в Финляндии (с 1919), Эстонии (1920–1922), позже – в Болгарии, Чехословакии, Германии и Франции: член редколлегии газеты «Россия и славянство» (1928–1934); сотрудничал в пронацистских изданиях и в качестве переводчика выезжал на оккупированную немцами территорию СССР; после войны – в Мюнхене (с 1945), сотрудник русской службы радиостанции «Свобода» и Института по изучению истории и культуры СССР.

Мазе Яков Исаевич (1860–1924) – религиозный и общественный деятель; уроженец Могилева, учился в гимназии в Керчи и на юридическом факультете Московского университета; казенный раввин Москвы (с 1893), учредитель Общества любителей древнееврейского языка, эксперт на процессе М.М.Бейлиса (1913), член президиума еврейских общин России (1917); арестовывался как участник сионистского движения (1920); автор мемуаров (Тель-Авив, 1936).

Медведев Сергей Павлович (1885–1937) – член ВКП(б) в 1900–1933; уроженец дер. Кортино Московской губ., из крестьян, рабочий-токарь; член ВЦИК (1918), член РВС 1-й армии (1918–19), председатель ЦК Союза металлистов и лидер «рабочей оппозиции» (1920–22), позже – председатель правления синдиката «Всецветмет» (1928–29); сослан в Карелию (1933),

арестован 24 января 1935 и приговорен к 5 годам заключения в лагере, которое до января 1937 отбывал в Медвежьегорске на строительстве Бело-мор-Балтийского канала; расстрелян 10 сентября 1937.

Мясников Гавриил Ильич (1889–1945) – родился в Чистополе, в бедной многодетной семье, окончил 4 класса ремесленного училища; с 1905 рабочих на заводе в Мотовилихе; занялся революционной деятельностью, участвовал в экспроприациях оружия; неоднократно арестовывался, совершал побеги из тюрьмы; после революции возвращается в Мотовилиху, 13 июня 1918 участвует в расстреле вел. кн. Михаила Александровича; после падения Перми – комиссар дивизии на фронте (декабрь 1918), затем председатель Пермского губкома (1920); переходит в оппозицию к ВКП(б), в 1922 исключен из партии; арестован, в мае 1923 выслан в Берлин, в ноябре обманом возвращен в Москву и арестован по делу т. н. «Рабочей группы»; отсидел 3 года в тюрьме, отправлен в ссылку в Ереван, откуда бежал в Иран (ноябрь 1928), содержался в иранских и турецких тюрьмах; после создания в Германии «Комитета помощи Мясникову» освобожден, получил въездную визу во Францию; участвует в политической жизни местных «левых» (см. наст. статью); после ареста (1934) и угрозы высылки его политическая деятельность сходит на нет; во время оккупации Франции был арестован, совершил побег, жил в Париже по чужим документам; с 1929 по 1934 неоднократно обращался к советскому правительству с просьбой о разрешении вернуться, в конце 1944 получил разрешение; в январе 1945 вернулся в Москву, арестован и после 9-месячного следствия расстрелян.

Погуляев Нахим Ананьевич (1899–1937) – член ВКП(б) с 1920; уроженец Томска; работал в харбинском Губбюро РКП(б) Полосы отчуждения КВЖД (1923); впоследствии – инженер завода «Динамо» им. Кирова в Москве; арестован 19 ноября и расстрелян 29 декабря 1937.

Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) – член ВКП(б) в 1903–1927 и 1930–1933; уроженец Болхова Орловской губ., из семьи священника, учился на юридическом факультете Московского университета; после революции – председатель Уральского обкома РКП(б) (1918–19), член редколлегии газеты «Правда» (1919–20), секретарь Уфимского губкома РКП(б) (1920), секретарь ЦК РКП(б) (1920–21), член коллегии Наркомата финансов РСФСР и председатель Финансового комитета ЦК РКП(б) и СНК РСФСР (1921–1923), зам. председателя Главконцесскома (1924–1927); отбывал ссылку за участие в левой оппозиции; работал в Госплане Татарской АССР, зам. председателя Нижегородского краевого планового комитета, член коллегии Наркомата легкой промышленности СССР, зам. начальника центрального планово-финансового отдела Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР; арестован 20 декабря 1936, расстрелян 13 июля 1937.

Рыклин Григорий Ефимович (1894–1973) – член ВКП(б) с 1920; уроженец с. Литовск Стародубского у. Черниговской губ., журналист, печатался в еврейских коммунистических изданиях в Белоруссии (с 1918), газетах «Правда» и «Известия» (с 1924), редактор журнала «Крокодил» (1938–1948).

Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942) – историк, доктор философии; присяжный поверенный Петроградской судебной палаты, комиссар Временного правительства по ликвидации политической агентуры Депар-

тамента полиции (1917), товарищ управляющего отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (с 1919); в эмиграции – во Франции: член Русского библиографического общества и правления Тургеневской библиотеки, автор книг «Россия и Дон. 1569–1917» (Вена, 1924), «Россия и Сибирь» (Прага, 1930).

Слиозберг Генрих Борисович (1863–1937) – уроженец Минской губ., из семьи талмудиста, окончил Полтавскую гимназию (1882) и юридический факультет Петербургского университета (1886); юрисконсульт в МВД (с 1888), помощник (с 1893) и присяжный поверенный Петербургской судебной палаты (с 1904), редактор журнала «Вестник права» (1899–1903), юрисконсульт хозяйственного департамента МВД (с 1906), присяжный стряпчий при Петроградском суде (с 1915); организатор Еврейской народной группы, член ЦК еврейского колонизационного общества, товарищ и и. о. председателя Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (с 1912), организатор ЦК помощи евреям – жертвам войны (1915), председатель Петроградской еврейской общины; с 1918 председатель Центрального комитета помощи жертвам войны, был арестован и бежал в Финляндию; в эмиграции – в Швеции и Франции (с 1920): член Союза русских адвокатов за границей, дирекции Общины русских евреев в Париже, совета профессоров Франко-русского института, организатор Лиги борьбы с антисемитизмом, вице-председатель Комитета помощи нуждающимся евреям в России и т. д.; автор мемуаров «Дела минувших дней» (1933–34).

Соловейчик Самсон Моисеевич (1884–1974) – журналист, эсер; до революции – присяжный поверенный и мировой судья в Одессе; в эмиграции – в Берлине и Париже: ближайший помощник А.Ф. Керенского по редактированию газеты «Дни» (1922–1928) и журнала «Новая Россия» (1936–1940); позже – в США, профессор Канзасского университета (с 1946).

Соломон Георгий Александрович (1868–1934) – участник социал-демократического движения с 1890-х, член РСДРП с 1902, член РКП(б) с 1917; из семьи бессарабского помещика, учился в Военно-медицинской академии, из которой исключен в 1891 после ареста «за участие в беспорядках на похоронах писателя Шелгунова»; служил помощником государственного контролера на строительстве Забайкальской железной дороги (с 1894) и на Московско-Курской дороге (с 1898); являясь связным между петербургским и московским «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса», стал близким другом семьи Ульяновых; в 1901 арестован и провел два года в тюрьме; вновь арестован в 1905, приговорен к ссылке в Сибирь, замененной через год высылкой за границу; секретарь Брюссельской группы РСДРП (1907–1909); вернувшись в Россию, служил в банках; с мая 1917 по июль 1918 жил в Стокгольме, затем – 1-й секретарь полпредства РСФСР в Германии и консул РСФСР в Гамбурге (1918), зам. наркома внешней торговли РСФСР (1919–20), уполномоченный НКВТ РСФСР в Эстонии (1920–21), содиректор общества «Аркас» в Лондоне (1921–22); отказавшись вернуться в СССР, проживал в Бельгии (с 1923); автор воспоминаний «На советской службе», печатавшихся в газете «Последние новости» (1929), и книг «Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе» (1930), «Ленин и его семья (Ульяновы)» (1931); сотрудничал в журнале Г.З. Беседовского «Борьба» (1930–31).

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – генерал-майор, начальник Киевского охранного отделения (с 1903), дворцовой охраны (с 1906), ялтинский градоначальник (с 1916); в эмиграции – в Париже, затем – в Нью-Йорке (с 1950); автор книг: «Записки жандарма» (1930, 1991), «Raspoutine» (1950), «Великая война и Февральская революция. 1914–1917» (1960) и др.

Старчаков Александр Осипович (1893–1937) – член ВКП(б) с 1919; уроженец Киева; журналист, драматург, член Союза писателей СССР, зав. Ленинградским отделением редакции газеты «Известия»; арестован 4 ноября 1936, расстрелян 20 мая 1937.

Татаринов Владимир Евгеньевич (1892–1961) – журналист; уроженец Ялты, из дворян, окончил Петербургский политехнический институт и естественный факультет Харьковского университета (1916); участник Первой мировой войны; секретарь гор. и губ. комитетов партии кадетов в Харькове (1917); во время Гражданской войны – корреспондент Донского телеграфного агентства, зав. Симферопольским отделением Крымского пресс-бюро (1919); в эмиграции – в Константинополе (1920), Берлине (с 1920) и Париже (с 1933); секретарь и член редакции газеты «Руль» (Берлин, 1920–1931); масон (с 1924), член Пореволюционного клуба в Париже (1934); генеральный секретарь Объединения русской эмиграции по сближению с Советской Россией (1945), получил советский паспорт (1946), но остался во Франции; сотрудник газет «Русские новости», «Новое русское слово», «Русская мысль».

Тимошук Петр Т. – перебежчик; авиамоторист 17-го авиаотряда в Киеве, вместе со своим командиром К.М.Климом перелетел 1 февраля 1927 в Польшу; добровольно вернулся в СССР; 8 мая 1927, за сообщение польским властям сведений о состоянии Киевского гарнизона, Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни, замененной лишением свободы, без поражения в правах, сроком на 6 лет (см.: Дело моториста Тимошука // Правда. 1927. №98, 4 мая; №103, 10 мая; Приговор по делу Тимошука // Там же. №102. 8 мая).

Товстуха Иван Павлович (1889–1935) – член ВКП(б) с 1913; из семьи приказчика; находился в политэмиграции (1912–1917); секретарь Наркомата по делам национальностей (1918–1921), помощник генерального секретаря ЦК РКП(б) и зам. зав. бюро Секретариата ЦК (1922–1924), помощник директора Института Ленина (1924–1926), зав. особым сектором Секретариата ЦК ВКП(б) (1926–1931), зам. директора Института Маркса-Энгельса-Ленина (1931–1935).

Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883–1940) – член ВКП(б) с 1901; уроженец Астрахани, из семьи приказчика, окончил реальное училище, профессиональный революционер; в 1909 приговорен к 8 годам каторги, отбывал ее в Шлиссельбургской крепости, с 1914 – в ссылке; секретарь Иркутского совета, член Центросибири (1917), председатель Иркутской губ. ЧК, зам. председателя и комиссар Сибирского верховного командования, начальник штаба Прибайкальского фронта (1918), председатель Амурского обкома РКП(б) (1919) и обл. ревкома, член Дальбюро ЦК РКП(б) и Госполитохраны ДВР (1920), зав. Дальневосточным отделом и член президиума

ИККИ, начальник 14-го спец. отделения Особого отдела ВЧК (1921), помощник начальника ИНО ВЧК-ОГПУ (1921-22), начальник ИНО ОГПУ (1922-1929), зам. председателя ОГПУ (1926-1929); член ЦКК ВКП(б) (1927-1934) и ее Президиума (1930-1934), зам. наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР (1930-1934), член Комиссии сов. контроля при СНК СССР и ее уполномоченный по Дальневосточному краю (с 1934), член Президиума и кандидат в члены Секретариата ИККИ (1935-1938); арестован 23 ноября 1938, расстрелян 2 февраля 1940.

Фехнер Андрей Вильгельмович (Васильевич) (1901-1937) – уроженец Москвы, из семьи врача, окончил гимназию (1918); 2-й секретарь полпредства СССР в Германии, референт 1-го Западного отд. НКВД, поверенный в делах СССР в Литве, помощник, и. о. зав. и ответственный референт 1-го Западного отд. НКВД; репрессирован (?).

Филлер Самуил Ионович (1882-1954) – член РСДРП с 1905, ВКП(б) с 1910; подвергался ссылкам в Вологодскую (1912) и Иркутскую (1916) губ.; член Городского райкома РСДРП(б) в Москве (1917), председатель районного ЧК (1918), член коллегии МЧК (1919-1921) и одновременно комиссар Подмосковского каменноугольного бассейна; отв. секретарь Мурманского губкома РКП(б) (1921-1924), член ЦКК и Партколлегии ЦКК (1924-1934), председатель ЦК профсоюза работников суда и прокуратуры (1935-1937), позже – в ВЦСПС; персональный пенсионер (с 1946).

Финисов Петр Николаевич (? – 1953) – инженер; выпускник Института инженеров путей сообщения (1904), служил на железных дорогах на юге России; в эмиграции – во Франции: председатель Федерации русских инженеров, генеральный секретарь Российского Центрального Объединения, профессор Высшего технического института; умер в Париже.

Фуллер Петр Александрович (1873-1936) – уроженец Казани, где окончил юнкерское училище; из лейб-гвардии Петербургского полка перешел в Отдельный корпус жандармов (1900), младший офицер Варшавского жандармского дивизиона, прикомандирован к Московскому губ. жандармскому управлению, затем – чиновник для поручений при Московском охранном отделении (с 1905), прикомандирован к Гродненскому губ. жандармскому управлению (с 1906), исполнял должность начальника Белостокского охранного отделения; во время Первой мировой войны прикомандирован к штабу 11-й армии, позже – в распоряжении московского градоначальника, полковник гвардии; во время Гражданской войны состоял в Морском штабе; в эмиграции в Константинополе, с 1923 – в США.

Хольмсен Иван Алексеевич (1865-1941) – офицер лейб-гвардии Семёновского полка, генерал-лейтенант (1919); в Первую мировую войну – командир бригады, с 1915 – в германском плену; военный представитель А.В.Колчака в Берлине (с 1919), П.Н.Врангеля в Берлине (с 1920) и Париже (с 1922), начальник 1-го отдела РОВС (с 1924), главный казначей РОВС (с 1930); умер в Осло.

Цвибак Самуил Моисеевич (1894-1937) – член ВКП(б) с 1914; уроженец Севастополя; член коллегии Комиссариата по еврейским национальным делам (1918); впоследствии – управляющий Ленинградской конторой «Экспортлеса»; арестован 8 июля и расстрелян 10 ноября 1937.

Шварцбард Самуэль (Шмуэль) (1886–1938) – анархо-индивидуалист; уроженец Измаила, работал часовщиком в Балте Подольской губ., где организовал еврейскую самооборону; участник революции 1905–1907; эмигрировал в Австро-Венгрию, затем жил в Швейцарии (с 1907) и Франции (с 1910); владелец часового магазина в Париже; служил в Иностранном легионе (1914–1916); вернувшись на родину (1917), участвовал в Гражданской войне на Украине; позже – снова в Париже, где выпустил сборник стихов на идиш «Мечты и действительность» (1920); являясь членом еврейской анархистской группы, совершил покушение на С.В.Петлюру (25 мая 1926), но был оправдан судом присяжных (октябрь 1927); автор сборников рассказов «На войне – сам с собою» (Чикаго, 1933) и «В потоке времени» (Чикаго, 1934), воспоминаний и статей, печатавшихся в британских и американских газетах на идиш; умер в Кейптауне (Южная Африка), куда приехал в 1937, собирая материалы для «Еврейской энциклопедии».

Югов (наст. фам. Фрумсон) Аарон Абрамович (1886–1954) – член РСДРП с 1903, меньшевик; уроженец Ростова-на-Дону, окончил юридический факультет Петербургского университета; до революции четыре раза подвергался арестам, больше года провел в тюремном заключении, был в ссылке; член Московского комитета (1917) и секретарь ЦК РСДРП (1918); зав. пищевым отделом ВСНХ, дважды арестовывался (1921) и содержался в Бутырской тюрьме (1921–22); выслан за границу, состоял представителем Мосвнешторга в Германии (1922); секретарь Заграничной делегации РСДРП; позже – во Франции и США; умер в Нью-Йорке.

Юзефович Иосиф Сигизмундович (1890–1952) – член Бунда с 1905, группы объединенных с.-д. интернационалистов в 1917, позже – в ВКП(б); ответственный секретарь Союза кожевников (1917–1924), председатель его ЦК (1924–1928), ответственный секретарь Профинтерна (1928–1931), затем – на подпольной работе в США; председатель ЦК Союза водников и речников (1933–1936), впоследствии – в Совинформбюро (1941–1945), член Еврейского антифашистского комитета (с 1942), после войны – сотрудник Института истории АН СССР; арестован 13 января 1949, расстрелян 12 августа 1952.

Ярославский Александр Борисович (1896–1930) – поэт, писатель; уроженец Томска, из семьи военного врача, учился на физико-математическом факультете Петербургского университета; мобилизован в армию (1916), дезертировал и скрывался во Владивостоке; анархист (1918–1920), комиссар Центросибири по проведению декрета об отделении церкви от государства (1917–18); при белых арестован и содержался в тюрьмах во Владивостоке и Иркутске (1918–19); участник Гражданской войны в Сибири; председатель президиума «Северной группы биокосмистов-иммортиалистов» (с 1922), разъезжал по России с литературными и антирелигиозными лекциями; автор тринадцати поэтических сборников (1917–1927) и романа «Аргонавты Вселенной» (1926), отмеченного А.Эйнштейном; выехав в Берлин для лечения безной жены, объявил себя невозвращенцем (1926), но через год вернулся в СССР, где был приговорен к пятилетнему заключению в концлагере (1928); расстрелян на Соловках «за неудачный побег».

А.А.Данилевский
**КАК СДЕЛАНЫ «ПРАВИЛА ИГРЫ»
МИХАИЛА ИВАННИКОВА**

Александру Васильевичу Лаврову

К моменту публикации в марте 1956 рассказа «Правила игры» (далее – *ПИИ*)¹ его автор Михаил Дмитриевич Иванников (1904–1968)² уже снискал некоторую известность опубликованными в самых престижных изданиях русского зарубежья тремя рассказами³ и

¹ См.: *Иванников М.* Правила игры // Новый журнал (Нью-Йорк). 1956. №44. С.5-21.

² Биографические сведения об Иванникове см. в работах: *Волынский М.* <Рафальский С.М.> Последний долг // Русская мысль (Париж). 1968. №2707, 10 октября; *Таубер Е.* 1) Годы дружбы с М.Д.Иванниковым // Новый журнал. 1969. №96. С.93-96; 2) О довоенных рассказах Михаила Иванникова (Окончание) // Там же. 1970. №2782, 19 марта. С.8; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). <Београд, 1990>. С.7, 47, 57, 91, 104, 108, 123-127, 147, 151, 158, 256, 266, 269, 270, 285; *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. С.159-160; Вокруг «Скита» / Публ. О.М.Малеви́ча // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С.180, 218, 219, 233, 239; *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступит. ст., общ. ред. Л.Н.Белошевской; сост., биогр. Л.Н.Белошевской, В.П.Нечаева. М., 2006. С.247-249.

³ См.: *Иванников М.* 1) В степи // Своими путями (Прага). 1924. №1/2. С.3-7; 2) Лорд // Последние новости (Париж). 1931; перепеч.: Новый журнал. 1962. №67. С.67-74; 3) Авио-рассказ // Современные записки (Париж). 1936. №61. С.137-146. См. также: *Мих. И.* <Иванников М.Д.> Эскиз // Годы (Прага). 1926. №1 (указ. в ст.: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.248).

двумя повестями⁴. Эти произведения вызвали в свое время весьма благоприятные отклики И.А.Бунина⁵, Г.В.Адамовича⁶, В.Ф.Ходасевича⁷ и других литераторов⁸. Благоклонно встретил Адамович и *ПИ*, написав в июле 1956 в «Русской мысли»: «“Правила игры” – вещь на редкость талантливая»⁹. Несколько ранее тот же Адамович высказался в письме от 5 июня 1956 Ю.Иваску: «Читали Вы Иванникова в “Но<вом> Журнале”? Смесь Сирина с Белым, но очень талантливо, хотя “воняет литературой” за сто верст. <...> Кто этот Иванников? Если он не стар, это настоящий писатель»¹⁰. Из следующего письма маститого критика тому же адресату (от 19 июля 1956) узнаем о реакции на *ПИ* писателей-эмигрантов старшего по-

⁴ См.: *Иванников М.* 1) Сашка // *Современные записки*. 1935. №57. С.80-131;

2) *Дорога: Повесть* // Там же. 1937. №65. С.130-163; 1938. №66. С.42-96.

⁵ О благоприятном отзыве И.А.Бунина на рассказ «Лорд» известно со слов Е.Л.Таубер, вспоминавшей в 1969: «Литературный его <Иванникова> успех начался с рассказа “Лорд”, который был напечатан в “Последних новостях”. Я помню, как прибежал ко мне Иванников, размахивая газетой, с первым своим напечатанным рассказом. Он сиял. “Сам Бунин хвалил и спрашивал обо мне”, – рассказывал он, забыв обычную сдержанность. Бунин был его кумиром» (*Таубер Е.* Годы дружбы с М.Д.Иванниковым. С.94). Весьма благоклонно принял Бунин и повесть Иванникова «Дорога» (подробнее об этом см.: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М.Иванникова «Дорога» // *Вторая проза: Сб. ст. / Ред. И.Белобровцева и др. Таллинн, 2004. С.246, 272-273*). Высокая оценка Буниным творчества молодого белградского писателя сохранилась на долгое время – в письме М.А.Алданову от 15 февраля 1946 он писал: «перечитываю кое-какие разрозненные кн<и>ги “Современных” з<а>писок». Перечитал еще “Дорогу” Иванникова. *Просто удивительный* (здесь и далее везде все неоговоренные выделения авторские. – *А.Д.*) талант!» (Цит. по: И.А.Бунин: *Pro et contra*. СПб., 2001. С.59).

⁶ См.: *Адамович Г.* 1) <Рец.> «Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // *Последние новости*. 1935. №5082, 21 февраля; 2) <Рец.> «Современные записки». Кн. 61. Часть литературная // Там же. 1936. №5606, 30 июля; 3) <Рец.> «Современные записки», кн. 65. Часть литературная // Там же. 1938. №6144, 20 января; 4) <Рец.> «Современные записки», №66. Часть литературная // Там же. 1938. №6276, 2 июня.

⁷ См.: *Ходасевич В.* 1) <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 57 // *Возрождение (Paris)*. 1935. №3592, 4 апреля; 2) <Рец.> Книги и люди: «Современные записки» №61 // Там же. 1936. №4038, 8 августа; 3) <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 65-я // Там же. 1938. №4120, 25 февраля; 4) <Рец.> Книги и люди: <...> «Современные записки» кн. 66-ая // Там же. №4137, 24 июня.

⁸ В этой связи см., например, отклик Ю.К.Терапиано на перепечатку иванниковского «Лорда» в 1962: *Терапиано Ю.* <Рец.> *Новый Журнал: Книга 67-ая. Часть литературная // Русская мысль*. 1962. №1834, 5 мая.

⁹ *Адамович Г.* <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Там же. 1956. №921, 5 июля.

¹⁰ Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А.Богомолова // *Дiaspora: Новые материалы*. Вып. 5. СПб., 2003. С.485-486.

колениа: «По-моему, крайне способен и М.Иванников (в “Нов<ом> Журнале”). <...> Я читал его рассказ со скукой (“литература”) и с восхищением. <...> Pour une fois¹¹, Алданов тоже в восторге от Иванникова, а Зайцев, наоборот, вздымает очи к небу»¹².

Адамович предложил и первое – пока единственное – развернутое истолкование *ПИ*. Однако вначале напомним содержание рассказа, в котором, по выражению В.Казака, автор «рисует психологическую раздвоенность рус<ского> эмигранта, ощущающего себя преследуемым и преследователем одновременно»¹³.

В центре повествования – фигура некоего Радкевича, наделенного мизерабельной внешностью (неказистого, лопухого, с уродливой горбатой фигурой) и всячески третируемого и преследуемого окружающими: людьми, животными и даже неодушевленными предметами. Даже после чрезвычайно удачного для него, эмигранта, поступления на отнюдь не обременительную службу и сопутствующего ему «переезда из общежития на квартиру, к уличным и трамвайным пыткам, доселе истязавшим его, прибавлялись все новые и новые; судьба, побаловав его, вымещала на нем же свою минутную добряческую слабость: мансардная одиночка, которую он осторожно приручал к себе, оказалась ужасно привередливой и неуживчивой, и с нею и с ее приданым постоянно что-то приключалось – дурно и с неохотою закрывался дверной замок, прожорливая печка заглатывала слишком много дров, и постоянно по зимнему делу замерзали водопроводные трубы в уборной; и не лучше – глядя на комнатушку – вела себя и лестница: длинная, крутая, с обратной по возвращении со службы одышкой, она постоянно оступалась ступеньками, и электрические кнопки под яростно требовательным перстом иногда озаряли ее светом, иногда же – чаще – не озаряли, а, кроме того, в воздухе и на площадках шерстяными бесами летали, порскали, шипели коты – жирные, оскаленные, со стеклянными глазами, может быть, даже бешеные... И Радкевич выпускал клычки и со страхком и наслаждением хлестал их тростью, и, чего греха таить, и сам немного попорскивал, пошипывал»¹⁴.

¹¹ На этот раз (*франц.*)

¹² Там же. С.487-488. В этой связи см. также в рецензии Адамовича: «рассказ <...> “Правила игры” <...> вызвал суждения до крайности разноречивые. Говорю, конечно, о прессе “устной”: отзывов печатных было до сих пор немного, да по количественной своей скудости наша зарубежная печать и вообще не может сколько-нибудь отчетливо отразить колебания и расхождения в читательских оценках» (*Адамович Г.* <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Русская мысль. 1956. №921, 5 июля.).

¹³ *Казаков В.* Лексикон русской литературы XX века. С.159-160.

¹⁴ *Иванников М.* Правила игры // Новый журнал. 1956. №44. С.6-7. Далее все цитаты из текста рассказа и ссылки на него даются по этому изданию непо-

Это тотальное преследование героя с самого начала повествования заявлено как имеющее некий метафизический характер: «И всю жизнь, всю жизнь: с самых первых дней его квеленького, лопоухого детства, и в дни одинокой завистливой юности, и потом в зрелые, без единого дня радости, годы, всю жизнь, всюду – в России, в беженских переездах и плаваниях, и теперь здесь, за границей – тяготело над Радкевичем это никогда не иссякаемое проклятие всеобщего: враги, одни враги были вокруг него – бесчисленные, неотступные, изнурительные, вне всякого сомнения связанные между собою кругового заговорщицкою порукою: следить за ним, вредить ему, издеваться над ним» [5].

Фатальное неблагополучие героя усугубляется тем обстоятельством, что, наряду с непрезентабельной внешностью и жизненной «обойденностью», он наделен обостренным сознанием собственной индивидуальности, повышенным самоощущением, сильным характером, упрямством и изощренным и изворотливым интеллектом. Поэтому Радкевич вовсе не склонен довольствоваться выпавшей на его долю участью изгоя и жертвы – напротив: непрерывные «удары судьбы» породили в нем сильнейшее ответное стремление реализовать отпущенные ему дарования и с их помощью утвердить себя в положении лидера. Поприщем для социальной и интеллектуальной самореализации он избирает некую неопределенную деятельность, именуемую в тексте игрой, в тоже не совсем понятном эмигрантском «Обществе», единственном месте в чужом городе, где «Радкевич не мучился хронической зябкостью от вражеских сквозняков: общественники, рассеянно, мешковато и мимоходом <...> пребывающие на этой земле, рассеянно, мимоходом здоровающиеся с ним, <...> почти не замечали его особливости, как вообще не замечали почти ничего: горный хлад ледяных пределов давно выморозил в них мелкое человеческое любопытство к ближнему.

Это вовсе не значит, что бытие “Общества” было овеяно поволокой райского дружелюбия и безмятежности, нет, совсем нет: и здесь, в сокровенном и напряженнейшем гуле давней и всеобщей подозрительности кипела борьба, и здесь всюду таились неразгаданные коварства хитроумных ловушек, внезапных, исподтишка, нападений, засад, подвохов: но, Боже мой, как мало походила вся эта недобрая и восхитительная игра на ту пыточную, круговую, на которую сызмальства был обречен Радкевич, – хищно ощерясь где-нибудь в уголку зальца, подплывающего в бранных клубах табачного дыма, он часами следил за ходом прославленных мастеров, и нетерпеливое

сердце его билось в горячих тенетах с трудом сдерживаемых желаний: издавна, невнятно <...> подозреваемый им мир, мир, где он, победительный и неуязвимый, все преодолевая и все преодолев, приближается к мстительной и фанфаровой всепобеде, – мир этот наяву намечался перед ним.

Но спокойствие, спокойствие... За годы каждодневных испытаний он до полной послушности вышколил в себе индийское терпение; и теперь, несмотря на дерзостное и необманное предчувствие несомненной удачи, несмотря на то, что его порою просто подергивало судорогами от нетерпения ринуться поскорее к зеленому боевому столу, во всю ширь, во всю длину распахнутому посредине комнаты, – он, примеряясь и примеряясь, продолжал отсиживаться в своем вожделенном уголку: время его для безоглядных отлучек горé, к высоким потехам, еще не пришло. Неизменные дела его все еще неблагоприятны: и с котами и уличными мальчишками, с сослуживцами и со всей прочей сволочью было все еще очень хлопотно – шипели, пялились, приставали. И пренебречь всем этим он, конечно, не мог.

Но через год, через два, может быть, через три года <...> [8-9].

И действительно: спустя некоторое время, обретя устойчивый социальный статус, относительное бытовое благополучие и протекающие отсюда душевное равновесие и уверенность в себе, Радкевич «наконец не выдержал и с давно заждавшейся страстностью предался этой ни с чем все-таки не сравнимой игре» [10]. Средства при этом он избрал неблагоприятные, но в сфере политических «игрищ» эффективные и потому издавна в них укорененные: многоходовую интригу, провокацию, порочащую противника сплетню или даже просто «скверный намек, еще мучительнее, если полунамек, и уж совсем нестерпимо мучительное – мерцание затаившегося во тьме намечка, хитрющий, крохотный, остренький и нечистый глазок его: на-ме-че-чек» [11].

Объектом этих скрытых атак Радкевич выбрал старца Васильчикова, заслуженного, опытного и властолюбивого лидера, около десяти лет бессменно руководившего «Обществом». Многолетние тайные и кропотливые усилия принесли плоды: настал момент, когда «Радкевича, вяло и кокетливо сопротивляющегося, впихивали на новое, последнее завоеванное им место: рядом с Васильчиковым.

И уж никто не сомневался в том, что в эту, десятую по юбилейному счету зиму, старику, наверное, не суждено снова победно и бодро переть бородой и натужным фасом <...> – дела его были неважные; не сомневался в своей победе и Радкевич, – хотя нет, неправда, все-таки иногда и сомневался: старик <...> выглядел уж слишком самоуверенно» [12]. «Последнюю всепобедно фанфаровую расправу над ним он <Радкевич> с бережливостью и вкусом рас-

четливого лакомки приберегал к главному дню – дню общего собрания.

И все обстояло как нельзя лучше, все складывалось в полном согласии с его тайными, выпестованными в многочисленных подвижнических трудах замыслами; было готово все <...> – отливающая лоском совершенства всепобедная речь его, повестки, объявления, и был предусмотрен даже фотограф: теперь он уже нисколько не сомневался в своей победе. Он еще заметнее за эту зиму подрос, выпятился, задрался носом; в голосе его заблестал металл, глаза затянуло надменной поволокой. Но тут – он ахнул, схватился за голову – куцега, полнокровного, вспухшего от нестерпимых обид Васильчикова хватил апоплексический удар» [14].

«Васильчикова похоронили, и погребальная церемония <...> даже приглянулась Радкевичу, даже взбодрила его своею чопорною ритмичностью и чистотою исполнения <...> Всхлипывающая <...> музыка неслышно звучала и потом в особнячке во время траурного чествования, когда Цык, <...> Браудэ и уже опять заледеневший в корректности Радкевич говорили о заслугах покойного, незримое присутствие которого все мы в настоящую минуту ощущаем, господа, – и действительно: наспех увеличенный и обвитый по бордюру черными лентами Васильчиков как ни в чем не бывало пер бородой и фасом – будто и не помирал вовсе. И с беспокойством и с надеждою ожидал от него Радкевич дальнейших диверсий.

Но увы, увы, Васильчиков <...> перестал быть, несмотря на всю свою заупокойную бодрость, <...> со смертью его что-то катастрофически тронулось, подалось в некогда внешне разноголосом, однако же крепком своею потаенною ладностью, высококом, симфоническом быту особнячка, подалось непоправимо <...>» [14-15].

Смерть «подсизживаемого» Радкевичем Васильчикова обернулась кануном его собственной катастрофы: «<...> удар, уготованный им старику, по извилистому и небезопасному закону бумеранга – он не постерегся – поразил в темечко его самого <...>» [17]. Предпринятые им после похорон попытки оживить внутреннюю жизнь «Общества» провалились; вскоре вслед за тем вернулись его прежние беды и фобии, повлекшие разлад с таким трудом налаженного им быта, утрату физического здоровья (см.: «Это был конец – <...> все вокруг него и внутри его подплывало неким шатким туманцем всерападения, подобным тому, который впервые тлетворно одурманил его в день смерти Васильчикова, <...> – он в отчаянии, на глазах у всех уменьшался в росте, терял осанку, шарм жеста, и у него рос горб, оттопыривались уши, <...> от недавнего его накрепко, наглухо счастливого молодечества не оставалось ничего» [17]), а затем и нарушение душевного равновесия. Последнее, в свою очередь, обострило мнительность героя, породило в нем манию пре-

следования, усугубило и без того неадекватное восприятие действительности (сослуживцы стали представляться ему оборотнями [см. 20]) и, в конечном итоге, привело к тому, что однажды он самовольно покинул место службы, которой в свое время столь напористо добивался. Завершающее рассказ его исчезновение преподнесено с налетом фантазмагии: «Никто его не задерживал, никто не заметил» [21].

Вернемся к интерпретации *ПИ*, данной Адамовичем. Суждения авторитетнейшего критика эмиграции, посвященные трем внешне различным проблемам (художественный метод Иванникова¹⁵, «У кого Мих. Иванников учился?»¹⁶ и характер главного героя¹⁷), на деле актуализируют одну, главную, на которой, как правило, и сосредоточивалось основное внимание всех когда-либо писавших об иванниковском творчестве, в том числе (в предвоенные годы) и самого Адамовича. Это – проблема отношения Иванникова к различным отечественным повествовательным традициям. В случае с *ПИ* рассмотрение данной проблемы оказывается тем более актуальным, что рассказ этот, как совершенно справедливо подметил тот же Адамович, – «сделанный»: отображение в нем несемантизированной

¹⁵ «“Правила игры” – рассказ, который, разумеется, не может нравиться тем, кому в творчестве дороги непринужденность, безыскусственность, все то общее, что обычно определяется расплывчатым, опасным и загадочным словом “простота”. Поистине об Иванникове можно было бы заметить, что он “словечка в простоте не скажет”, а читатель, которого в конце концов привели бы в ужас и раздражение все его стилистические фокусы, вспомнил бы, пожалуй, и Тургенева: “воняет литературой”. Да, совершенно верно, литература эта ни на минуту не дает иллюзии, будто она литературой быть перестает, будто грань между нею и жизнью или жизненной правдивостью окончательно уже стерта. Нет сомнения, что великие наши законодатели “правдивого” жанра, Толстой и Чехов, прочли бы “Правила игры” с недоумением и даже отвращением. Но это – не довод против такого рода писаний, во всяком случае – довод не против Иванникова исключительно, а против всего, что произошло в литературе и искусстве за последние полвека, и о чем судить надо бы в целом, приняв во внимание общеисторические и общекультурные причины *происшедшего*» (Адамович Г. <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Русская мысль. 1956. №921, 5 июля).

¹⁶ «Прежде всего, по-видимому, у Андрея Белого. Самая фраза его звучит, как фраза Белого, с напоминающим “Петербург” или “Котика Летаева” нагромождением диковинных эпитетов, то никчемных, то блестяще удачных, с прерывистым, будто спотыкающимся ритмом, с язвительным юмором, подсаживающим внезапные перебои этого ритма» (Там же).

¹⁷ «Герой рассказа – некто Радкевич, ведущий двойное существование: с одной стороны, он среди иностранцев, на службе – новейшая разновидность Акакия Акакиевича Башмачкина, готовый обратиться к окружающим с бессмертным башмачкинским вопросом: “зачем вы меня обижаете?”, с другой – он видный член “общества”, подкапывающийся под членов еще более видных, и сам себе представляющийся, значит, величиной, особой, персоной» (Там же).

действительности явно отступает на второй план, уступая место решению сугубо литературных задач.

Поэтику и прагматику такого специфического текста мы и попытаемся выявить ниже.

В этой связи напомним: судя по воспоминаниям близко и долго знавшей Иванникова Е.Л.Таубер, «Бунин, Толстой и Чехов были его любимыми писателями. Достоевского он не любил»¹⁸. Отклики критиков и литературоведов на тексты раннего Иванникова демонстрировали полное соответствие приоритетам самого писателя (печатно, впрочем, им нигде не заявленным): в качестве традиции, наследуемой и развиваемой начинающим автором, указывалась (и продолжает указываться) идущая от Толстого чеховско-бунинская повествовательная традиция¹⁹. В этом плане характерно заглавие уже первого рассказа Иванникова, корреспондирующее с названием знаменитой чеховской повести – «В степи» (1924), тематически он очевидно перекликается с чеховскими же «В овраге» и «Мужиками», с бунинскими «Деревней» и «Суходолом». В свою очередь, о рассказе «Лорд» (1931) современный сербский исследователь О.Джурич справедливо заметил: «Это та разновидность лаконичного чеховского рассказа, где животные открывают свою печальную душу таким же образом, как и несчастный человек»²⁰.

В повести «Сашка» (1935), по мнению Адамовича, влияние Бунина было очень заметно: «все <...> взято не то из “Жизни Арсеньева”, не то из “Деревни”, и все подернуто идущей от Бунина словесной прелестью»²¹. Сходным образом высказался и В.Ходасевич:

¹⁸ Таубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым. С.95. Завороженность творческой манерой Бунина и восхищение его личностью сохранились у Иванникова буквально до конца жизни: согласно той же Таубер, «Бунин был его кумиром. О “Жизни Арсеньева” он мог говорить часами. <...> Даже в своем последнем письме ко мне, за два месяца до кончины, он писал: “Бунин был и остался моею самой большою любовью в русской литературе. Его все больше и больше печатают в России... А в Западной Европе, несмотря на его лауреатство, он будет всегда чужим, автором единственно понятного иностранцам “Господина из Сан-Франциско”, которого я, со всеми его потрохами, отдам за одну страницу “Суходола”, не говоря уже о “Днях Арсеньева”, самой блистательной русской прозе за последние полстолетия”» (Там же. С.94).

¹⁹ Этому противоречит лишь мнение Б.Кодзиса, никак, правда, не аргументированное: «Прозаики <...> М.Иванников, В.Федоров в своих первых произведениях испытали влияние А.Ремизова, Б.Пильняка и советской “орнаментальной прозы”» (Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. München, 2002. С.257).

²⁰ Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. С.125.

²¹ Адамович Г. <Рец.> «Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // Последние новости. 1935. №5082, 21 февраля.

согласно ему, повесть «всецело» укладывалась «в рамки той добротной реалистической традиции, которая давно уже не способна ничем удивить — зато и спасает автора от риска, неизбежно сопряженного со всяким новаторством или экспериментаторством. Если искать прямых учителей Иванникова, то придется назвать Бунина, Куприна. Скорее, впрочем, первого из них, так как Иванников более склоняется к бескрайней, гравюрной манере Бунина, нежели к стилю Куприна, всегда живописному»²².

Однако уже в откликах на повесть «Дорога» (1937–1938) обозначился знаменательный разнородный критических мнений: если Адамович указал на первостепенное значение для ее автора традиции Достоевского²³, то гораздо более его нахваливавший «Дорогу» В.Ходасевич усмотрел в ней «влияние» В.Сирина-Набокова²⁴. Правыми оказались (каждый по-своему) оба критика: на деле «Дорога» замышлялась и создавалась Иванниковым как произведение принципиально гетерогенное и металитературное, в нем Иванников демонстративно столкнул две полемичные по отношению друг к другу отечественные традиции художественной наррации, дабы тем самым наглядно утвердить актуальность и неослабевающую продуктивность линии русского классического реализма, идущей от Пушкина через Толстого к Чехову и далее — к Бунину и к В.Сирину, не менее наглядно противопоставив ее развиваемой преимущественно модер-

²² Ходасевич В. <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 57 // Возрождение. 1935. №3592, 4 апреля.

²³ См., в частности: «Конечно, иванниковский герой — не Алеша Карамазов, но в дальнейшем с ним родстве он, пожалуй, все-таки состоит» (Адамович Г. <Рец.> «Современные записки», №66. Часть литературная // Последние новости. 1938. №6276, 2 июня). Чуть выше несколько раздраженным тоном Адамович риторически вопрошал: «Но невольно хотелось все-таки спросить: как можно писать так, после Пушкина, Толстого и хотя бы Чехова? Что это, новизна? Что это, завоевание, движение вперед? В вопросе был бы заключен и приговор, если бы литературные формы существовали и развивались сами по себе. Но они — лишь отражение того, что происходит в сознании художника, и нельзя о них судить независимо от человека. Ну, а человеку законы не писаны, и то, что просто для одного, то вычурно для другого — и никакая “уравниловка” тут не применима. В природе все естественно только потому, что все ограничено (органично? — А.Д.)» (Там же).

²⁴ См.: «В манере письма на этот раз у Иванникова чувствуется некоторое влияние Сирина, но я говорю это совсем не в упрек ему. Сирин сейчас — самый сильный из новых авторов, и нет ничего ни удивительного, ни стыдного в том, что его влияние сказалось у такого еще молодого писателя, как Иванников. Если угодно, тут есть даже признак известного мужества, проявленного Иванниковым, который не побоялся учиться там, где учиться следует. Во всяком случае, “Дорога” мне представляется самой удачной вещью из всего, что случилось читать за подписью Иванникова» (Ходасевич В. <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 65-я // Возрождение. 1938. №4120, 25 февраля).

нистами и авангардистами линии Достоевского». Соответственно, «ясная» и пластическая – толстовско-бунинская – манера образительности намеренно сочеталась в «Дороге» с модернистско-авангардными принципами моделирования персонажной и сюжетно-композиционной структур, а равно и с характерными для «нового искусства» приемами ввода и использования в тексте «чужого слова»²⁵.

Не предназначенное для печати и известное нам лишь из письма Адамовича Иваску определение *ПИ* как «смеси Сирина с Белым»²⁶, а также и его (подхваченное затем В.Казаком) указание на «двойственность» характера Радкевича²⁷ наводят на мысль о том, что в этом рассказе, появившемся спустя 18 лет после публикации «Дороги», Иванников вернулся к некогда апробированной стратегии претворения опыта своих литературных предшественников.

Принципиальная гетерогенность *ПИ* проявляется прежде всего в уже отмеченных нами амбивалентности и полисемии описания игры, занимающей Радкевича, и изображения самого «Общества», в котором он «играет», – они суть «подсказки» автора: аналогичным образом моделирован весь образный строй рассказа. И действительно: возьмем хотя бы географическую привязку разворачивающихся в *ПИ* событий. Казалось бы, страна, приютившая эмигранта Радкевича, легко определяется по неоднократно повторенной в тексте ономастике, передразнивающей язык аборигенов (см., например: «Чужой язык, двоюродный брат русскому, грубоватый, с частоколом крк-трк согласных, с дальней мелодией русского смысла – был ему не по зубам» [6]; ср.: «смысл коего за крк-трк частоколом» [6]; «долго и сердито из-за задиристого крк-трк частоккола чем-то угрожал ему» [20]). Но на деле подобным образом представленный язык может в равной степени оказаться как чешским, так и сербско-хорватским²⁸. В этой же связи укажем на демонстративное соседство

²⁵ Подробнее см. в нашей работе: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М.Иванникова «Дорога». С.251-254, 267-269.

²⁶ Ср. в печатном отклике: «Мне пришлось слышать предположение о влиянии Набокова на автора “Правил игры”. Нет, Набоков гораздо глаже, стремительнее, эластичнее: здесь скорей Андрей Белый, да кстати и сарказмы автора над интеллигентствующими “бородачами”, руководителями некоего эмигрантского “Общества”, с жалкими интригами, сплетнями и борьбой самолюбий, напоминают страницы Белого, посвященные московским профессорам, приятелям его отца, известного математика Бугаева» (*Адамович Г.* <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Русская мысль. 1956. №921, 5 июля).

²⁷ См. примеч. 17.

²⁸ Так, по-чешски звукосочетание “trk” составляет основу глагола «бодать», а по-сербско-хорватски – «бег», “krk” на чешском означает “шея”, а весьма схожее с ним “krka” на сербско-хорватском одновременно служит для обозначения супа из виноградного сока и болезни гусят.

в тексте *ПИ* взаимоисключающих описаний внешности протагониста: в повествовании четырежды подчеркивается его горбатость [см. 5, 17 и 19], однако здесь же, в середине текста, находим: «и почти совсем не горбатый» [13].

Отмеченная гетерогенность образной структуры *ПИ* получает закрепление на интертекстуальном уровне организации текста. Одновременно здесь же наиболее отчетливо эксплицирована и установка Иванникова на металитературность. Так, для моделирования образа Радкевича очевидна, с одной стороны, актуальность восходящей к Пушкину, Гоголю и к «вышедшим из “Шинели”» писателям традиции изображения «маленького человека», «бедного чиновника». Об ориентации на нее же свидетельствует и неоднократно обращаемый Радкевичем к самому себе призыв «Но спокойствие, спокойствие» [см. 9, 12], перекликающийся с «Ничего, ничего, молчание!», – этой своеобразной речевой визитной карточкой гоголевского Поприщина²⁹. Но, с другой стороны, в качестве релевантной для *ПИ* одновременно заявлена и иная – нацеленная на преодоление Гоголя и «натуральной школы» – традиция раннего Достоевского: фраза Радкевича «Но спокойствие, спокойствие» служит грамматически и интонационно-синтаксически закрепленной перекличкой с фразой, которую произносит в «Скверном анекдоте» Достоевского псевдолиберал и статский генерал Пралинский, без приглашения, из псевдогуманных побуждений «пожаловавший» в дом своего подчиненного, типичного «бедного чиновника», и оказавшийся в ложной и неприятной для его самолюбия ситуации (ср. у Достоевского, в сцене позора и унижения Пралинского: «Нет, строгость, одна строгость и строгость! – шептал он <...> “Не выдержал!” – сказал он про себя и в бессилии опустил на стул»³⁰). В то же время это – отсылка к той душевной и духовной эволюции, которую проделал в раннем творчестве Достоевского позаимствованный им у Гоголя главный герой – пресловутый «маленький человек»: от господ Голядкина и Прохарчина и до подпольного парадоксалиста (ср. с приведенными выше отрывками

²⁹ См. в его «Записках» – от «Октября 4»: «Ничего, ничего, молчание!»; от «Ноября 8»: «<...> ничего, ничего... молчание»; от «Ноября 11»: «<...> ай, ай, ай! Ничего, ничего... молчание»; от «Ноября 12»: «<...> ничего, молчание!»; от «Ноября 13»: «Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчание!». В свою очередь, убеждение Радкевича во всеобщей к нему враждебности явно имеет прецедентом этого же рода мироощущение Поприщина (см., например, в его записях – от «Ноября 13»: «Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения. Ведь поклялся же человек непримиримою ненавистию – и вот вредит да и вредит, на каждом шагу вредит»; от «Января того же года, случившегося после февраля»: «О, это бестия Полиньяк! Поклялся вредить мне по смерть. И вот гонит да и гонит...».

³⁰ Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. Т.5. Л., 1973. С.44.

из *ПИ*, например, следующее высказывание героя «Записок из подполья»: «я чувствовал в эти минуты конвульсивные боли в сердце и жар в спине при одном представлении о мизере моего костюма, о мизере и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мукамученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, – всех умнее, всех развитее, всех благороднее, – это уж само собою, – но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная»³¹).

Наконец, с третьей стороны, все то же «аутотренинговое» закливание Радкевича напрямую отсылает к весьма приметному произведению эмигрантской литературы – к опубликованному в 1928 в парижских «Современных записках» рассказу Б.Темирязева (Ю.П.Анненкова) «Домик на 5-ой Рождественской»³², – тексту подчеркнуто гетерогенной природы и с подчеркнутой же установкой на металитературность³³. Понятно, что прагматика такого рода отсылки – в манифестировании Иванниковым схожей природы собственного рассказа.

Таковую же прагматику имело, помимо всего прочего, и включение в повествовательную ткань *ПИ* переключек с «Мелким бесом» Сологуба³⁴, – еще одним текстом с принципиально гетерогенной образ-

³¹ Там же. С.130.

³² См. любимое изречение утрировано типичного «бедного чиновника», «маленького человека» Петушкова, например, в сцене, изображающей его унижение (во время сбора им подаяния) некими молодыми людьми в пору «военного коммунизма»: «Глеющий окурок <...> полетел в протянутую <Петушковым> шляпу. Это было очень остроумно, и молодые люди, весело засмеявшись, пошли дальше.

– Спокойствие, спокойствие, спокойствие, – твердил Петушков, продолжая неподвижно стоять <...>, и <...> рука, державшая шляпу, иногда вздрагивала <...>» (Темиряев Б. Домик на 5-ой Рождественской // Современные записки. 1928. №37. С.208); ср. в другом месте: «в этот решительный день он впервые произнес известное свое изречение:

– Спокойствие, спокойствие, спокойствие!

Петушков подолгу взвешивал слова прежде, чем облечь в них нужную мысль, и потом любил повторять удачную фразу в подходящих случаях» (Там же. С.199; ср.: Там же. С.211).

³³ См. об этом: Данилевский А. Домик на 5-ой Рождественской Ю.П.Анненкова и «Петербургский текст русской литературы» // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции. Таллинн, 12–14 сентября 2002 / Ред. В.Хазан, И.Белобровцева, С.Доценко. Иерусалим; Таллинн, 2004. С.44–69.

³⁴ Указано О.А.Лекмановым. Пользуемся случаем выразить признательность ему, А.С.Немзеру и другим коллегам-русистам, принявшим участие в обсуждении: нашего доклада «Статус писателя в рассказе М.Иванникова “Правила игры”», прочитанного 26 сентября 2004 в рамках прошедшей в Тарту междуна-

ной структурой и особо выраженным металитературным настроением³⁵. Речь идет прежде всего об очевидной ориентированности Радкевича – в его ипостаси всеми третируемого изгоя – на охваченного манией преследования Передонова (в этой связи вспомним в «Мелком бесе» прежде всего следующее: «злобно и коварно смотрели на Передонова и люди, и скоты. Все было ему враждебно, он был один против всех»³⁶). Особо показательной представляется вражда Радкевича с обитавшими на его лестничной площадке котами, совсем уж было им изгнанными, но затем вернувшимися и ознаменовавшими этим роковым своим возвращением жизненное фиаско героя и его последующее исчезновение (см.: «...Но однажды, когда он вот так неизменно опаздывая <...>, на ощупь <...> поспешал по ступенькам, ни с того, ни с сего, – а на самом деле, конечно, с предумышлением, – неожиданно и ярчайше во весь пролет полыхнула вдруг какая-то давно перегоревшая лампочка, – полыхнула, и он, пораженный и ослепленный ее внезапным <...> воскресением, вздрогнул, стал, – и сейчас же вздрогнул вторично: на нижней неправдоподобно яркой площадке, круто выгнувшись ворсистою ярко-черною дугою, змеевидно киваясь и ярясь концом вздетого кверху хвоста, его поджидал сумрачный и крупный кот, ходок и разведчик некогда изгнанной им отсюда стаи <...> Бесовские глаза его в большой и черной морде пылали. Радкевич покрылся мурашками, выпустил клычки, поднял трость – кот сгинул; но мгновенное зловещее и тошнотворное яркое видение его, да еще с утра, да еще на дороге, да еще в такое пронзенное опасностями время – ничего доброго не предвещало» [18-19]). История эта имеет своим очевидным прецедентом ситуацию с уже повредившимся в уме Передоновым, охваченным мистическим страхом перед собственным домашним котом³⁷, причем момент, ког-

родной конференции «Статус писателя в русской литературе XX века: Метрополия и диаспора». Особая благодарность – коллегам по тартуской кафедре русской литературы, Э.Успенски и М.Обижаевой (Белград), Н.Тамарович (Рига), Д.Б.Азиатцеву (Санкт-Петербург) и О.А.Коростелеву (Москва).

³⁵ См. об этом: Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А.А.Блока и русская культура XX века: Блоковский сб. III. Тарту, 1979. С.106-114 и др. (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 459).

³⁶ Солозуб Ф. Мелкий бес: Роман. Рассказы / Сост., вступит. ст. В.В.Ерофеева; коммент. О.И.Дарка. М., 1989. С.240. Ср. в др. местах: «А на земле, в этом темном и вечно враждебном городе, все люди встречались злые, насмешливые. Все смешалось в общем недоброжелательстве к Передонову, собаки хохотали над ним, люди облайвали его» (Там же. С.215); «На улице все казалось Передонову враждебным и зловещим» (Там же. С.178).

³⁷ См., напр.: «“Точно оборотень”, – пугливо подумал <о коте> Передонов» (Там же. С.113); «Но Передонов вдруг нахмурился. Кот уже стал ему страшен, и чиханье его показалось ему злою хитростью. “Начихает тут чего не надо”, –

да этот страх достигает максимума, оказывается кануном жизненной трагедии Ардалиона Борисовича (сумасшествие и убийство им Володина, – ср. с ситуацией в *ПИ*).

Кроме того, посредством переключек с «Мелким бесом» в *ПИ* актуализируются темы безумия и «бесовства» главного героя³⁸, в особенности – тема карточной игры³⁹. Этому же служит очевидная ориентированность охваченного азартом Радкевича на главного героя «Игрока» Достоевского (в том числе – и в ипостасях «заграничный русский» и «герой-идеолог»). Вспоминается при чтении *ПИ* и рассказ Л.Н.Андреева «Большой шлем» (особенно изображение в его финале внезапной смерти одного из играющих).

Очевидна, наконец, и спроецированность Радкевича на всецело поглощенного шахматными ристалищами набоковского Лужина, как очевидны, впрочем, и различия в их характерах и жизненных судьбах. Прагматика данной проекции – в расширении *pes plus ultra* амбивалентности и полисемантической понятия игры в рассказе.

Особого внимания заслуживает использование в *ПИ* фамилии «Васильчиков». Известно, что Васильчиковы – древний дворянский род, с 1839 – княжеский, многие представители которого после Октября оказались в эмиграции⁴⁰, а некоторые из них даже проживали

подумал он, полез под кровать и принялся гнать кота. Кот дико мяукал, прижился к стене и вдруг, с громким и резким мяуканьем, шмыгнул меж рук у Передонова и выскочил из горницы.

– Черт голландский! – сердито обругал его Передонов.

– Черт и есть, – поддакивала Варвара, – совсем одичал кот, погладить не даешь, ровно в него черт вселился» (Там же. С.206-207); «Кота и не было, – померещился он Передонову, – кот с широко-зелеными глазами, хитрый, неутомимый враг» (Там же. С.215); «И кот грозил Передонову, сверкал глазами и мяукал дерзко и грозно» (Там же. С.229). Отметим наделение животных в обоих случаях – и у Сологуба, и в *ПИ* – ярко выраженными супранатуральными атрибутами.

³⁸ См. об этом: *Мицц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С.111.

³⁹ В этой связи см., например, в комментариях О.И.Дарка к сологубовскому роману: «В “Мелком бесе” тема карточных игр, карт особенно важна. Это стихийное, непредсказуемое, роковое (бесовское) начало, вносимое в грубую, заданную, запрограммированную, как аристон, действительность» (*Сологуб Ф.* Мелкий бес. С.471).

⁴⁰ Например, кн. Борис Александрович Васильчиков (1860–1931; Ментона, Франция), шталмейстер Двора е. и. в., псковский губернатор (1900–1903), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1906–1908) в правительстве П.А.Столыпина, член Государственного Совета с 1906 по 1917; эмигрировал в 1920, автор воспоминаний, изданных его племянником, зарубежным историком и литератором (см.: *Васильчиков Б., кн. 1*) Воспоминания: Об охоте и не только о ней...: <Фрагм. 3-х гл. кн.> / Предисл., публ. и примеч. Г.И.Васильчикова // Наше наследие. 2002. №63/64. С.104-127; 2) Воспоминания. Псков, 2003). В этой связи см. также воспоминания кн. Иллариона Сергеевича

до середины 1920-х в столице Воеводины – г. Нови Сад, т. е. в непосредственной близости от Белграда, с которым с 1921 оказалась связанной судьба Иванникова (там поселились его родители) и в котором он сам окончательно осел в мае 1930. Однако для Иванникова важным было напоминание не о них, а о самом известном Васильчикове – об Александре Илларионовиче (1818–1881), который прославился как публицист либерально-народнического направления, как общественный деятель-земец, писатель и, самое главное, как секунд-данти в роковой дуэли Лермонтова с Мартыновым (конечно же, детально памятной автору *ПИ*, родившемуся поблизости от Пятигорска). Привлекая эту фамилию, Иванников актуализировал для восприятия и понимания *ПИ* лермонтовскую традицию, прежде всего – с целью понудить читателя соотнести строки, написанные по поводу гибели Пушкина, с участью «своего» Васильчикова: «Пал, оклеветанный молвой, / <...> / Поник он гордой головой!... / Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид, / <...> к чему теперь рыдания, / Пустых похвал ненужный хор...» Нужно ли в этой связи напоминать, что «На смерть поэта» – также металитературный текст?

Но главным ориентиром для Иванникова в работе над *ПИ* оказалась непосредственно сама пушкинская прозаическая традиция и, конкретнее, канонизированная им в русской литературе тема «карточной игры» (по-своему, напомним, продолженная Гоголем, Лермонтовым, Л.Толстым, Достоевским в «Игроке»⁴¹ и с оглядкой на

Васильчикова (1881–1969) и кн. Марии Илларионовны Васильчиковой (1917–1978, Лондон) и особенно «Предисловия» к ним Г.И.Васильчикова (*Васильчиков И., кн.* То, что мне вспомнилось...: Из архива семьи Васильчиковых / <Подгот. текста, предисл., послесл. и коммент. Г.И.Васильчикова>. М., 2002; *Васильчикова М., кн.* Берлинский дневник. 1940–1945 <Из архива семьи Васильчиковых; Пер. с англ.> / Предисл, послесл., коммент. и примеч. Г.И.Васильчикова. М., 1994).

⁴¹ В этой связи напомним наблюдение В.Б.Шкловского: «Годы, карты заменяли жизнь. Германн в “Пиковой даме” Пушкина пытался выиграть удачу. Игра давала иллюзию жизни. Выигрыш в игре давал иллюзию, что можно выиграть счастье. Проигрывались поэмы, имения. Гоголь написал комедию “Игроки”. В поэме Лермонтова “Казначейша” чиновник проигрывает гусару жену. Жизнь была заперта. Играли все. Играл Некрасов. Играл, проигрывая в карты и бильярд, Толстой и написал “Записки маркера”, “Два гусара”. Играл в молодости Достоевский и написал повесть “Игрок”» (*Шкловский В.* Повесть о художнике Федотове. М., 1965. С.177-178). В этой же связи напомним, что в 1841 Лермонтовым была также написана повесть «Штосс», а в самом начале его «Фаталиста» находим строки, с которыми отчасти перекликается сюжет *ПИ*: «Он (Вулич. – А.Д.) был родом серб <!>, как видно было из его имени. <...> Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн <...>. Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал все и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство».

которую писали «Мелкого беса» Сологуб⁴² и «Защиту Лужина» Набоков⁴³). Читатель, впервые ознакомившийся с сообщением о том, как Радкевича раздрало желание «ринуться поскорее к зеленому боевому столу, <...> распахнутому посредине комнаты <“Общества”>», предрасположен воспринять эти строки как вступление к последующему изображению именно карточной игры, – по аналогии с «Пиковой дамой»⁴⁴ и вслед за ней. Соответственно первоначальное желание Радкевича удержать себя до поры до времени от вступления в игру напрямую соотносится с известными строчками из первой главы «Пиковой дамы»: «— А каков Германн! – сказал один из гостей, указывая на молодого инженера, – отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного паролы, а до пяти часов сидит с нами и смотрит на нашу игру! – Игра занимает меня сильно, – сказал Германн, – но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее».

Столь же очевидно переключается душевный склад Радкевича с характеристикой пушкинского Германна во второй главе повести: «Впрочем, он был скрытен и честолюбив <...>. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, <...> а между тем, целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры».

Наконец, нельзя не отметить актуальность для *ПИ* in соgrope фразы «Вся наша жизнь – игра» Германа оперного⁴⁵.

⁴² См. об этом: *Миц 3.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С.112.

⁴³ В этой связи см. у А.А.Долинина: в «Защите Лужина» «Набоков, по-видимому, осознанно отталкивался от концепции игры в “Пиковую даму”, заменяя карты (игру случая) на шахматы (игру расчета) со всеми вытекающими отсюда последствиями. <...> По тонкому замечанию Е.А.Тоддеса, <...> с которым я полностью солидарен, почти вся русская проза Набокова вышла из “Пиковой дамы”» (*Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С.56, примеч. 13).

⁴⁴ Ср. во второй главе повести: «Поздно воротился он <Германн> в смиренный свой уголок; долго не мог заснуть, и, когда сон им овладел, ему пригрелись карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев».

⁴⁵ Ср. со сходной ситуацией в «Защите Лужина»: «В восьмой главе романа имеются и две аллюзии к “Пиковой даме”: сначала будущий тесть Лужина задает ему нелепый вопрос, который проецирует на шахматы карточную мечту Германна <...>; вскоре после этого упоминается некая престарелая княгиня Уманова, “которую называли пиковой дамой (по известной опере)”. Отсылка к опере Чайковского (которую Набоков не любил) вместо повести Пушкина – типичный набоковский прием полусокрытия прямо не названного подтекста» (*Долинин А.А.* Истинная жизнь писателя Сирина. С.56, примеч. 13).

Ориентацией на повесть Пушкина (и музыкально-поэтический текст братьев Чайковских) обусловлено в *ПИ* и «традиционное сопряжение игорного ритуала и похорон»⁴⁶, и бесславный конец отмеченного печатью рока Радкевича. В свою очередь, «идея роковой обреченности героя, который стремится самоутвердиться или трансформировать реальность процессуальностью игры, обуславливает своеобразную мифологизацию игорного пространства»⁴⁷.

В этом плане обращают на себя внимание подчеркиваемые Иванниковым лопухость Радкевича, целенаправленное наделение его образа зооморфными – «хищническими» – атрибутами и коннотациями⁴⁸ (оборотничество⁴⁹) и особенно его горбатость. Горб, как известно, форма «хтонической асимметрии», «которой в мифе и фольклоре часто наделяются персонажи демонической природы, живущие в пограничной зоне между мирами живых и мертвых. <...> восходящие к фольклору, <они> встречаются и в новой литературе – обычно в роли носителей недобрых, вредоносных начал»⁵⁰. Актуализированный Иванниковым в «Правилах игры» контекст «Пиковой дамы» позволяет «дешифровать» мифологизированную подоплеку изображаемых в *ПИ* событий и самого образа главного героя. Одним из «ключей-шифров» к пониманию сокровенной сути Радкевича служат строки из четвертой главы пушкинской повести: «– Этот Германн, – продолжал Томский, – лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля»⁵¹.

⁴⁶ *Спроге Л.* Рассказ Г.Адамовича «Рамон Ортис»: Дискурс игры // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация: Материалы международного семинара. <Тарту, 1997>. С.221.

⁴⁷ Там же. С.220.

⁴⁸ См., например: «Радкевич, с мелкими, хищноватыми, вдоль щеки мешочками» [6]; «хищно ощерясь где-нибудь в уголку зальца» [8]; «И Радкевич тоже задирает брови в мелком, хрящевато хищном лице своем» [11]; «Радкевич, с лирическим клеточком в голосе» [15]; «И Радкевич вынул клячки и со страхом и наслаждением хлестал их тростью, и, чего греха таить, и сам немного попорскивал, пошипывал» [7; ср. 16, 18].

⁴⁹ В данной связи см. определение новейшего специалиста по данному вопросу: «Слово “оборотень” означает человека, способного принимать облик животного» (*Пелевин В.* Священная книга оборотня. М., 2004. С.211).

⁵⁰ *Щеглов Ю.К.* Комментарий к роману «Двенадцать стульев» // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Роман. М., 1995. С.614. В этой же связи вновь вспомним Лермонтова – самое начало его «Тамани»: «Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, <...> горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою».

⁵¹ Выявляющееся таким образом «наполеоноподобие» Радкевича эксплицитно закреплено неоднократным упоминанием его головного убора («по плечи ему “здравствуй-прошай”» [5]; ср. в другом месте: «его соломенное “здравств-

Итак, «оборотень», «демон», «мелкий бес», «сатанинское отродье» и «наполеон из эмигрантов»... Прагматика всех этих уподоблений и, соответственно, общий замысел *ПИ* могут быть поняты лишь после освещения проблемы прототипов. У Радкевича их, как минимум, три, и все они имеют отношение к русской литературе XX в. – в различной мере и по-разному.

Первый из них – Константин Болеславович Родзевич (в некоторых источниках – Радзевич; 2 ноября 1895, С.-Петербург⁵² – конец февраля 1988, под Парижем), ко времени написания *ПИ* уже «увековеченный» в истории отечественной изящной словесности стараниями любившей его М.И.Цветаевой: «Большое чувство, связавшее Ц<ветаеву> и Родзевича осенью 1923 г. <в Праге>, нашло отражение и в лирике и в двух поэмах Ц<ветаевой> (“Поэме Горы” и “Поэме Конца” (1924))»⁵³.

О несомненной ориентированности образа Радкевича на К.Б.Родзевича свидетельствуют, прежде всего, очевиднейшая перекличка их фамилий, затем наличие определенного сходства во внешнем облике (подобно Родзевичу, герой *ПИ* низкорослый, но при этом не лишен изящества⁵⁴) и, наконец, сам факт неоднократного пересечения жизненных путей Иванникова и человека, чью прототипичность мы здесь пытаемся обосновать. В этой связи напомним, что «осенью 1924 Михаил Иванников поступил на Русский юридический факультет в Праге»⁵⁵. К тому времени К.Б.Родзевич проучился на этом же

вуй-прощай”, слишком все-таки вызывающее, слишком все-таки за границу приподавшее» [8]), – этой трагестии Бонапартовой треуголки.

⁵² *Бросса А.* Групповой портрет с дамой: Гл. из кн. «Агенты Москвы» / Пер. с франц. Е.Погожевой // Иностранная литература. 1989. №12. С.228. И.Кудрова годом рождения Родзевича называет 1896 (см.: *Кудрова И.* Комментарии // Цветаева М. Письма к Анне Тесковой / Подгот. изд., предисл. и коммент. И.Кудровой; вступит. ст. З.Матгаузера и В.Морковина. СПб., 1991. С.169).

⁵³ Там же. О К.Б.Родзевиче см. также: *Саакянц А.* Комментарии // Цветаева М. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. А.Саакянц. Т.1. М., 1988. С.670-671; *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. <М.> 1992. С.81-102 и др.; *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 2003. С.279-291, 404.

⁵⁴ Так, по свидетельству Ариадны Эфрон, «он был миниатюрный весь, деликатный» (цит. по: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. С.82); близко знавший его эмигрантский поэт А.В.Эйснер вспоминал: «<Константин> Болеславович> был красивый, изящный человек, небольшого роста, чем-то он напоминал мне Андрея Болконского» (Там же. С.83); приведем также отзыв евразийца П.П.Сувчинского: «un petit coq <маленький петух>» (Там же). По словам бывшего эмигранта, а затем сотрудника НКВД К.Хенкина, Родзевич (под чьим руководством он сражался в Испании в 1936–1938) «прилагал немало усилий, чтобы казаться выше своих 165 сантиметров» (цит. по: *Бросса А.* Групповой портрет с дамой. С.227).

⁵⁵ *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.247.

факультете Карлова университета как минимум год и стал – благодаря своей социальной и политической активности – весьма заметной фигурой в эмигрантских молодежных кругах, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что именно он был избран председателем прошедшего 22 ноября 1924 общего собрания Союза русских студентов⁵⁶, которое первокурсник Иванников едва ли отважился проигнорировать.

Однако даже если быстро сообразивший, «что из него никогда не выйдет юриста»⁵⁷, и летом 1925 уехавший из Праги в Белград, где жили его родители и сестра, Иванников манкировал этим и иными подобного рода мероприятиями, он все же не мог разминуться с человеком, чей любовный роман с М.Цветаевой «“вся <русская> Прага” знала, обсуждала и судила»⁵⁸. Знакомство, пусть и «шапочное», наверняка состоялось: слишком много было у них общих знакомых – как в студенческом, так и в литературно-журнальных кругах. А Иванников в Праге с головой окунулся в литературу: активно посещал пражский литературный кружок «Далиборка», впервые выступил в печати – в пражском студенческом журнале «Своими путями» (в №1 за 1924 опубликовал рассказ «В степи»), а 8 декабря 1924 уже представил один из своих рассказов на собрании пражского «Скита поэтов»⁵⁹ и вскоре стал его полноправным членом (под номером двенадцать)⁶⁰. Между тем, человеком, отобравшим для публикации текст Иванникова, был один из редакторов журнала «Свои-

⁵⁶ См. об этом: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общ. ред. Л.Белошевской. Прага, 2001. Т.1: 1919–1929. С.170. Здесь же см. информацию и о других акциях того же года с участием нашего героя: «23 января <...> – НАЦИОНАЛЬНОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. Обмен мнениями по беседе на тему “Духовные и душевные основы эмиграции”. В дискуссии приняли участие С.А.Острогорский, А.А.Хитков, К.Б.Родзевич (здесь и ниже курсив наш. – А.Д.), А.Б.Эфрон, Я.Н.Зеленкин, В.И.Завадский, К.К.Цегоев, П.Л.Дружинин, А.Ф.Рафальский. Заключительное слово – П.Б.Струве» (Там же. С.130); «26 августа – Заседание РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ в связи с предстоящей конференцией Русского национального союза. Доклады Б.Н.Неандера, В.И.Власьева. В прениях выступили П.Н.Савицкий, ген. И.В.Новицкий, кн. П.Д.Долгорукий, К.Б.Родзевич» (Там же. С.160).

⁵⁷ Белошевская Л.Н., Нечаев В.П. Михаил Дмитриевич Иванников. С.248. Здесь же узнаем, что за время обучения «он сдал один зачет и не сдал ни одного экзамена».

⁵⁸ Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. С.285.

⁵⁹ См. об этом: Волинский М. <Рафальский С.М.> Последний долг; Белошевская Л.Н., Нечаев В.П. Михаил Дмитриевич Иванников. С.247.

⁶⁰ «20 марта 1925 Иванников выступал на вечере “Скита”, организованном Чешско-русским объединением и Союзом русских писателей в Чехословакии» (Там же).

ми путями», студент-философ С.Я.Эфрон⁶¹ – муж Цветаевой и близкий друг и единомышленник Родзевича⁶²; «скитовцы» же Цветаеву читали и высоко чтили, изначально поддерживая с нею дружеские и творческие отношения (и даже провели 20 ноября 1922 «Интимный вечер “Скита поэтов” с участием Марины Цветаевой»⁶³), так что один из основателей «Скита» и многолетний близкий друг Иванникова С.М.Рафальский⁶⁴ наверняка подробно поведал ему

⁶¹ О степени их знакомства можно судить по следующему пассажиру в письме Эфрона (от 1–5 февраля 1927, Париж) Е.Л.Недзельскому, другому редактору журнала «Своими путями»: «Помните Иванникова? Он в Сергиевском Подворье студентом. Никогда бы не подумал» (Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л.В.Зубовой; примеч. Е.И.Лубянской, Л.В.Зубовой, Е.Б.Коркиной, Г.В.Ванечковой. Аbo; Turku, 1994. С.42).

⁶² «Скитовец» А.В.Эйснер сообщал по этому поводу: когда Родзевич в 1920 очутился в Константинополе, «он познакомился с Эфроном, который его завлек в Прагу – учиться. Этот человек был абсолютной противоположностью Сережи: ироничный, мужественный, даже жестокий» (цит. по: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. С.83). Эйснера дополняет дочь Цветаевой и Эфрона: «Следует помнить, что К<онстантин> Б<олеславович> приехал в Берлин вместе с Сергеем Яковлевичем и был его другом. Их тогда связывали общий пройденный путь, стремления и идеалы. <...> я К.Б. расспрашивала. Он рассказывал о своем друге <...>: “<...> Сергей Яковлевич был искренний и правдивый человек, но увлекающийся. <...> Я сам тогда не имел твердой и ясной политической позиции. <...> Я был моряком, но не был белогвардейцем. Сергей Яковлевич же был добровольцем. Потом он сам писал о своем разрыве с добровольцами. Он был слишком искренний <...> Сам я тогда был очень слаб и в отношениях с ней (М.Цветаевой. – А.Д.), и вообще: я был разбросан, политически захвачен <...> Была и дружба с Сережей, виновность перед ним... <...>, а я был на распутье: полуэмигрант <...>, у меня самого не было твердой позиции <...> я был на бездорожье. <...> Я сомневался, моя личная жизнь была неустроена, у меня не было настоящих устоев, ни бытовых, ни идеологических, нам обоим было трудно...”» (Там же. С.90-91). См. также: «В своей книге “Страницы воспоминаний” она <А.С.Эфрон> упоминает о Родзевиче, не называя его: “<...> скажу, что Сережа любил его, как брата”» (*Бросса А.* Групповой портрет с дамой. С.235). А вот с точки зрения хорошо знавшего обоих П.П.Сувчинского, у Родзевича «были странные отношения с Сергеем Яковлевичем. Но в связи с ним она <М.Цветаева> написала величайшую поэму. А это самое важное»; он же указывал: «История с К.Б. была в Праге. А когда они все появились в Париже, всем известно было абсолютно и несомненно, что Мур был сыном К.Б.» (цит. по: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. С.83, 100).

⁶³ См. об этом: «Скит». Прага 1922–1940. С.703.

⁶⁴ См.: «Иванников поступил на Русский юридический факультет в Праге. Кроме того, он участвует в работе Института изучения России, в Социальном кабинете, руководимом К.Р.Кочаровским <...> Там он знакомится с Сергеем Рафальским, дружба с единственным из “скитников” будет продолжаться всю жизнь. Даже после того, как оба уехали из Праги в разные страны Европы, они продолжали переписываться. <...> Со “Скитом поэтов” М.Иванникова познакомили С.Рафальский и К.Р.Кочаровский» (*Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.247).

как о перипетиях пражского романа Цветаевой, так и о ее избраннике⁶⁵.

Следующая встреча (или встречи) автора *ПИ* с К.Б.Родзевичем не могла не произойти в Париже, где они оба оказались в конце 1920-х: Иванников, (видимо, с осени 1926 года) учился в Богословском институте на Сергиевском подворье, Родзевич же, к тому времени уже закончивший Карлов университет, – в Сорбонне⁶⁶. Кроме того, он, подобно С.Эфрону, «становится деятельным сторонником евразийского движения, дошедшего во второй половине двадцатых годов и до Парижа. Так, например, 12 февраля 1927 года он участвует в дискуссии о евразийстве и выступает против П.Н.Милюкова. <...> А документ, подписанный Сувчинским и датированный октябрём 1929 года, “удостоверяет, что г-н Родзевич Константин работал в редакции журнала “Евразия” в качестве заведующего отделом с 1 августа 1928 года по 1 октября 1929 года”»⁶⁷.

Политической деятельностью Родзевича и обусловлено – отчасти – наделение ориентированного на него протагониста *ПИ* зооморфными атрибутами. Прагматика данного приема – в актуализации расширительного значения слова «оборотень». В этой связи напомним: уроженец имперской столицы, выходец из генеральской семьи, добровольцем пошедший на Первую мировую и дослужившийся до мичмана, в годы Гражданской войны Родзевич резко поменял социальные и политические ориентиры и вначале стал «комендантом Одесского красного порта и участвовал в борьбе с иностранной интервенцией, затем – одним из командиров Нижне-Днепровской красной флотилии. Под конец Гражданской войны попал в плен к белым»⁶⁸. Был приговорен ими к расстрелу, но затем помилован.

А.Бросса так пишет об этом:

В своих мемуарах «У времени в плену» Ольга Ивинская, подруга Бориса Пастернака, предлагает, видимо, самую правдоподобную версию: «Константин командовал большевистской флотилией, действовавшей в южной части Днепра, а затем попал

⁶⁵ В этой связи см. следующее утверждение В.Лосской: «О драме, с которой связано создание “Поэмы горы” и “Поэмы конца”, помнят все, кто знал Марину Цветаеву в Праге, так как она не скрывала свою любовь к К.Б.» (*Лосская В. Марина Цветаева в жизни. С.81-82*).

⁶⁶ По этому поводу см. у А.Бросса: «В Праге, когда последний жар поэтического “романа” <с Цветаевой> угас, Родзевич становится лицензиатом права, женится на дочери теолога Сергея Булгакова. В 1925-26 годах он предпринимает продолжительную поездку в Ригу, в Латвию <...>. Так или иначе в конце 1926 года Родзевич оказывается в Париже и снова встречается с Цветаевой, с ее мужем Сергеем Эфроном. Он поступает в Сорбонну, намереваясь стать доктором права. Живет в Клараме» (*Бросса А. Групповой портрет с дамой. С.230*).

⁶⁷ Там же. С.231.

⁶⁸ *Саакянц А. Комментарии // Цветаева М. Соч. Т.1. С.670.*

в плен к белым и был приговорен к смерти, но генерал Слащев <...> отменил приговор и предложил Константину сотрудничать. Тот согласился и немедленно был заочно приговорен к смерти большевиками. Но через несколько лет этот приговор, в свою очередь, отменили». Узловой момент, первый ключ к пониманию личности: с самого начала человек с двойным дном. Это драматическое «перерождение» допускает различные интерпретации <...>. Во всяком случае, из гражданской войны он вышел через «белую» дверь <...>: в 1920 году константинопольское «Русское паспортное бюро» (учреждение белых) выдает ему разрешение на пребывание в этом городе. Опять же с помощью белых Родзевич попадает в Прагу и становится студентом-стипендиатом чехословацкого правительства.⁶⁹

Таким образом, за короткий срок – с 1917 по 1920 – Родзевич дважды оказался «оборотнем», политическим «перевертышем». Но этими двумя случаями дело отнюдь не ограничилось. Весной 1926 года Родзевич направился в Париж в качестве делегата Зарубежного съезда⁷⁰, что само по себе должно было свидетельствовать о его значительном политическом «поправении». Вот, однако, как он сам преподносил свое участие в работе съезда много позднее:

Потом мой отъезд из Риги был представлен как участие в Зарубежном съезде.

<...> Я <...> попал на Зарубежный съезд не как сторонник его политики, а просто потому, что мне хотелось в Париж. Я поехал на съезд ради Парижа. Я тогда был симпатичный и способный малый, и Зарубежный съезд был для меня средством выдвинуть-

⁶⁹ Бросса А. Групповой портрет с дамой. С.229. Ср. в воспоминаниях знавшего Родзевича по Праге, Парижу и Испании А.Эйснера: «В 1918 г. К<онстантин> Б<оленславович> командовал Южной флотилией Красной армии, попал в плен, был приговорен к расстрелу. Потом этот приговор отменили, и он очутился в Константинополе. Там он познакомился с Эфроном, который его завлек в Прагу – учиться. <...> Он тоже был евразийцем, а затем стал резидентом ГПУ. Его послали в Испанию, в батальон белых эмигрантов. Полковник этого батальона считал К.Б. немного подозрительным. <...> На войне он был довольно жесток, и его боялись» (цит. по: Лосская В. Марина Цветаева в жизни. С.83-84).

⁷⁰ Напомним, что «этот съезд, проведенный с 4 по 11 апреля 1926 г. в парижском отеле “Мажестик” под председательством Струве, был значительным событием в истории эмиграции. <...> Организаторы съезда стремились создать центр на разросшемся правом фланге: созвать своего рода эмигрантский Земский Собор и на надпартийной основе объединить эмиграцию вокруг вождя – великого князя Николая Николаевича <...> При этом организаторы съезда подчеркивали, что выдвигают его “не как претендента на престол, а как символ национальной России”. Но для фланга Миллюкова-Керенского уже это было слишком “реакционным” и они отказались от участия. <...> На съезд прибыло около 450 представителей от 200 русских организаций из 26 стран» (Назаров М. Миссия русской эмиграции. Изд. 2-е, доп. М., 1994. Т.1. С.50).

ся, но это была больше игра <!>, чем убеждения. <...> Моя принадлежность к ним – это было желание выйти из узкой провинциальной жизни. Это был авантюризм, в хорошем смысле слова, не карьеризм.

<...> Позднее я от идеологии и людей съезда отошел и был на некоторое время захвачен Евразийством.⁷¹

Из области политики цинизм перекинулся затем в область житейской морали: 13 июня 1926 в церкви на Сергиевском подворье (93, rue de Stimée) Родзевич обвенчался с Марией Сергеевной Булгаковой, – женился на ней без любви, руководствуясь исключительно корыстными побуждениями, в чем сам же признавался позднее: «Моя женитьба – это оппортунизм, мне нужно было устроиться в Париже. У меня не было любви к М.Б., но женитьба обеспечивала быт»⁷².

Но и это не все. Вновь процитируем А.Бросса, предварительно еще раз напомнив, что в 1928–1929 Родзевич был членом редакции парижского евразийского журнала:

В галактике, именуемой «Евразия», особое место занимал одноименный журнал, руководимый в конце двадцатых годов С.Эфроном и, главным образом, П.Сувчинским. <...> журнал оставался независимым, но по мере его политизации советская «перспектива» отвоёвывала все большее место.

Эта тенденция достигла апогея в 1929 году, и несколько инициаторов евразийского движения публикуют брошюру с красноречивым названием: «Журнал “Евразия” – не евразийский орган». Не поднимая слишком деликатной проблемы подрыва изнутри и не рассматривая «криминального» аспекта проблемы, авторы статьи бесстрашно разоблачают «операцию по самоунич-

⁷¹ Цит. по: Лосская В. Марина Цветаева в жизни. С.92-93.

⁷² Цит. по: Там же. С.92. Ср. ниже: «Потом я попал под опеку М.Б. (М.С.Булгаковой. – А.Д.). Она мне предоставила устройство и бытовую организованность. Все это теперь я критикую, а тогда мне это казалось правильным» (Там же. С.92-93). Ср. в письме М.Цветаевой от 1 июля 1926 одной из своих парижских знакомых: «Жалею М.С., потому что знаю, как женился! <...> Он ее не любит. “Ну хоть тянетесь к ней?” – “Нет, отталкиваюсь”. Стереть платочком причастие – жуткий жест. Она вышла за него почти против его воли (“Так торопит! Так торопит!”). – Дай ей Бог ребенка, иначе крах» (цит. по: Там же. С.98-99). В этой же связи см. характеристику Родзевича, данную М.С.Булгаковой: «Марина на всех наговаривала. Я этого тогда особенно не замечала, так как была влюблена в любовника Марины. Потом я вышла за него замуж. Это был аморальный человек <...> очаровательная свинья <...> совершенное ничтожество» (цит. по: Там же. С.97). В свою очередь, в связи с этим последним высказыванием см. относящееся к лету 1931 года воспоминание Т.П.Милютиной: «Дочь о. Сергия Булгакова Мария Сергеевна, все еще сумрачная и трагическая после развода со своим трудным и странным мужем» (Милютина Т. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С.74).

тожению евразийства», чрезмерные восхваления Революции, которыми пестрят колонки журнала, «ассимиляцию евразийства с Октябрьской революцией», обращение в марксизм его руководителей, публикацию советской официальной информации без всякой критической оценки и т. д.⁷³

Иными словами, в упомянутой брошюре редакция журнала «Евразия» по сути дела обвинялась в сотрудничестве с советскими спецслужбами.

Однако даже если допустить, что означенная брошюра не попала на глаза будущему автору *ПИ*, а его слуха не коснулись весьма оживленные эмигрантские пересуды о несомненном «оборотничестве» ведущих сотрудников «Евразии» (Родзевича, прежде всего), все это наверняка стало для него актуальным в самом конце 1953 (то есть за два года до публикации *ПИ*), когда в парижском журнале «Возрождение» появилась любопытная статья. А.Бросса так описывает ситуацию:

...была перепечатана статья некоего молодого автора, написанная еще в 1928 году. Имя автора не названо, сказано лишь, что вскоре он погиб во время нелегальной поездки в Россию. Статья называлась «Евразийцы и Трест»⁷⁴. Двумя из трех основных агентов, участвовавших в тщательно спланированных действиях по инфильтрации евразийского движения в Париже советскими агентами, в ней названы Эфрон и Родзевич. И если за Эфроном все же признаются некоторые положительные качества, то Родзевич представлен в довольно зловещем свете: «Это расчетливый карьерист, без всяких моральных устоев»⁷⁵, с одним желанием – играть роль, не брезгуя средствами. В качестве идеолога он не выступает, писать не умеет. Его быстрое продвижение объясняется, очевидно, какими-то организационными заслугами».

Не менее интересен комментарий, которым редакция «Возрождения» предваряет публикацию: в статье опущены все фамилии, упоминавшиеся в 1928 году, за исключением трех руководителей евразийцев (Эфрона, Родзевича и Савицкого), поскольку «боль-

⁷³ Бросса А. Групповой портрет с дамой. С.231-232. Подразумевается изданная в 1929 в Париже брошюра, в состав которой вошли следующие статьи: *Савицкий П.Н.* Газета «Евразия» не есть евразийский орган; *Алексеев Н.Н.* О газете «Евразия»; *Ильин В.Н.* Социальные цели и достоинства евразийства; Приложение: Письмо в редакцию газ. «Евразия» Н.С.Трубецкого, Постановление Совета Пражской группы евразийцев от 16 декабря 1926 г., Обращение к редакции газ. «Евразия» Пражской группы евразийцев, Выдержки из обращения Белградской группы евразийцев к редакционной коллегии еженедельника «Евразия», Выдержки из постановления группы евразийцев в Париже.

⁷⁴ См.: А.Б. Евразийцы и Трест // Возрождение: Литературно-политические тетради (Paris). 1953. №30, ноябрь–декабрь. С.117-127.

⁷⁵ В тексте статьи – не совсем так: «Большую роль играет К.Б.Родзевич – расчетливый карьерист, без всяких моральных устоев» (Там же. С.121).

шевики лучше (пропущено: нас. – А.Д.) *осведомлены о конспиративной работе этой верхушки <...>*. Стало быть, для белой эмиграции не составляло секрета, что Родзевич – агент...⁷⁶

Другим прототипом иванниковского Радкевича послужил известный белградский эмигрантский поэт и журналист Евгений Михайлович Кискевич (1891–1945)⁷⁷. Кискевич был фактическим организатором, вдохновителем и – длительное время – председателем белградского Книжного кружка (1925?–1935?)⁷⁸, в который сразу после возвращения из Парижа весной 1930 года влился Иванников⁷⁹; позднее оба они входили в основанное И.Н.Голенищевым-Кутузовым объединение «Литературная среда» (1934–1938)⁸⁰ и в Союз русских писателей и журналистов в Югославии (Иванников – с 25 марта 1935⁸¹). Кискевич был близок с поэтессой Лидией Алексеевой (урожд.

⁷⁶ *Бросса А.* Групповой портрет с дамой. С.232. С содержанием статьи из «Возрождения» белградец Иванников мог ознакомиться непосредственно или с помощью своих парижских друзей – С.М.Рафальского и Е.Л.Таубер, поддерживающих с ним интенсивную переписку (см. об этом выше; см. также: *Таубер Е.* Годы дружбы с М.Д.Иванниковым. С.94, 95, 96). С их слов Иванников мог знать и о дальнейшей судьбе Родзевича: прочно обосновавшись в Париже, тот вскоре «вступил там в коммунистическую партию и занялся активной политической работой; был связан с левыми французскими организациями. В период создания во Франции правительства Народного фронта сотрудничал в “Ассоциации революционных писателей и артистов”. <...> С 1936 по 1938 г. Родзевич сражался в рядах Интернациональных бригад в Испании, а во время оккупации Франции гитлеровскими войсками стал участником французского Сопротивления. Арестованного в 1943 г. Родзевича в течение двух лет перебрасывали из одного немецкого концлагеря в другой; в 1945 г. в Ростке его освободила Красная Армия. Вернувшись в Париж, он возобновил там свою прежнюю политическую деятельность. Одновременно стал заниматься рисованием и деревянной скульптурой» (*Саакянц А.* Комментарии. С.670-671).

⁷⁷ См. о нем: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941. С.67-74.

⁷⁸ О кружке см., напр.: *Манчха Г.П.* Книжный кружок // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М., 2000. Т.2: Периодика и литературные центры. С.204. В этой связи см. следующее замечание современного исследователя: «Центрами, объединяющими и организующими литературную жизнь молодежи в Белграде, были не печатные органы (они далеко не всегда готовы были предоставить свои страницы неизвестным авторам), а литературные кружки» (*Шешкен А.Г.* Молодая поэзия «русского Белграда» // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен: Материалы международной научной конференции. М., 2003. Ч.2. С.24).

⁷⁹ См. об этом: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.248. Авторы объясняют этот факт влиянием и посредничеством уже известного нам К.Р.Кочаровского (в ту пору – библиотекаря белградской Народной библиотеки), одно время руководившего Книжным кружком.

⁸⁰ См. о нем, напр.: *Манчха Г.П.* «Литературная среда» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.216.

⁸¹ *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.248.

Девель; 1909–1989, Нью-Йорк), в 1937–1949 – женой будущего автора *ПИ*⁸².

О прототипичности Кискевича по отношению к протагонисту *ПИ* свидетельствуют, как и в предыдущем случае, очевидное сходство их фамилий и сходство внешнее: Кискевич был горбат, каковое обстоятельство и определило трагизм как его мироощущения, так и его поэзии⁸³. В свою очередь, указанными прототипическими отношениями отчасти обусловлено отмеченное нами выше наличие в повествовательной ткани *ПИ* отсылок к творчеству Лермонтова: последний был для Кискевича наиболее значимым поэтическим ориентиром⁸⁴ – недаром основанное им литературное объединение одно время носило название «Книжный кружок имени М.Ю.Лермонтова»⁸⁵.

В описании же интриг Радкевича, направленных против старца Васильчикова, десятилетие возглавлявшего «Общество», опосредованно отразилась аналогичная деятельность Кискевича против известного критика, историка литературы и писателя Евгения Васильевича Аничкова (1866 – 1937, Белград)⁸⁶, – об этом мы знаем со слов белградской исследовательницы русской литературы Э.Успенски. В этой связи напомним: 1 октября 1925 в Белграде, на первом собрании только что образованного Союза русских писателей и журнали-

⁸² «В октябре 1944 она без него бежала от приближавшихся советских войск и затем, после пяти лет беженского пребывания в Австрии, в 1949 переселилась в Нью-Йорк» (*Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. London, 1988. С.36).

⁸³ В конце войны он был обвинен советскими военными властями в сотрудничестве с гитлеровцами, арестован и по приговору югославского суда расстрелян.

⁸⁴ Это утверждение, впрочем, в равной мере применимо и к большинству молодых белградских поэтов – в этой связи см., напр.: «Предисловие к сборнику И.Голенищева-Кутузова (“Память”. Париж, 1935. – *А.Д.*) написал Вяч. Иванов, который подчеркнул глубокую связь молодого поэта не только с непосредственными предшественниками, но и с русской классикой, в частности, с М.Лермонтовым. Эта точка зрения справедлива как в отношении самого И.Голенищева-Кутузова, так и в отношении других поэтов “русского Белграда”. <...> Мотивы изгнанничества, бегства, одиночества, судьбы, рока, размышления о горькой судьбе своего поколения, столь важные для поэта XIX века, получают широкое распространение в лирике ряда молодых авторов, но звучат по-новому, в новом историческом контексте. Можно добавить, что не менее значимым был и другой поэтический ориентир – лирика А.Пушкина» (*Шейкен А.Г.* Молодая поэзия «русского Белграда». С.28-29).

⁸⁵ См. об этом: *Манча Г.П.* Книжный кружок. С.204.

⁸⁶ См. о нем, напр.: *Тименчик Р.Д.* Аничков Евгений Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.77-78; *Трущенко Е.Ф.* Аничков Евгений Васильевич // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. М., 1995. Ч.3. С.190-193.

стов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (название Югославии до 1929) Е.В.Аничков был избран его почетным членом (наряду с А.И.Куприным, И.А.Буниным и В.И.Немировичем-Данченко)⁸⁷. Однако в скором времени этот, по определению А.В.Амфитеатрова, «типический русский барин-либерал, <...> красноречивый»⁸⁸ бородач (ср. с Васильчиковым в *ПИ*; обращаем также внимание на знаменательную переключку двух этих сугубо дворянских фамилий: Аничков – Васильчиков⁸⁹), стал одним из лидеров и вожаков Союза и оставался таковым весьма продолжительное время, – во всяком случае, еще 15–17 января 1936 под его председательством прошло «общее годовичное собрание»⁹⁰ (ср. в *ПИ*: «И уж никто не сомневался в том, что в эту, десятую по юбилейному счету зиму, старику, наверное, не суждено снова победно и бодро переть бородой» [12]). Менее чем через год, 20 октября 1937, немного не дожив до очередного «общего годовичного собрания», Аничков умер (ср. с судьбой Васильчикова в *ПИ*), и эта смерть оказалась кануном распада эмигрантского писательского сообщества (как и «Общества» в *ПИ*): «Последняя из сохранившихся афиш о мероприятиях <белградского> Союза датирована 1 ноября 1937; вскоре после этого Союз прекратил свое существование»⁹¹.

Как видим, пресловутое «Общество» в *ПИ* ориентировано и на идейно-политическое движение, и на писательское содружество. Но одновременно оно очевидно ориентировано и на явление синтетического (применительно к этим двум) характера – на знаменитую «Зе-

⁸⁷ См.: <Б.н.> Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940) // Российский литературоведческий журнал. 2000. №13/14. Ч.2. С.289.

⁸⁸ Амфитеатров А. Веселонравный ученый <Некролог> // Сегодня (Рига). 1937. №306, 7–8 ноября.

⁸⁹ В этой связи см. следующее воспоминание А.В.Амфитеатрова: «Произнесите эту старую дворянскую фамилию с ударением на втором слоге, на и, потому что за ударение на первом слоге Евгений Васильевич в былые годы обижался и “вносил поправку”: – Аничков, а не А́ничков. Что такое А́ничков? Даже не существительное, но прилагательное, притяжательное употребление pro substantivo, обозначая принадлежность Аничке. Я же никакой Аничке не принадлежу и принадлежать не намерен» (Там же).

⁹⁰ См. об этом: <Б.н.> Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940). С.318. В повестке собрания значились: «Отчет о работе и выборы правления. Избраны: А.И.Ксюнин (председатель), А.Х.Даватц, Ю.В.Офросимов, Ф.С.Пельтцер, Ю.Ракитин, Л.Терешкович, В.Шульгин» (Там же).

⁹¹ Шумихин С.В. Союз русских писателей и журналистов в Югославии // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.464. Ср.: «1 ноября <1937>. – Союз русских писателей и журналистов. Одно из последних собраний Союза» (<Б.н.> Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940). С.319).

леную лампу», парижское регулярное массовое литературно-интеллектуальное собрание, своего рода дискуссионный клуб⁹², призванный, по замыслу его вдохновителей, З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского, выполнять функцию некоего «инкубатора новых идей», лаборатории, «в которой вырабатывается программа жизни и исканий русской эмиграции»⁹³. Первое собрание «Зеленой лампы» состоялось 5 февраля 1927 (напомним: именно этим днем помечено письмо С.Я.Эфрона, извещающее о состоявшейся накануне его встрече с будущим автором *ПИ* в Париже), «после первых же заседаний внимание литераторов и общественности русского Парижа к новому обществу <...> стало постоянным вплоть до <26 мая> 1939 <...>. На отдельных заседаниях, проходивших в зале Русского торгово-промышленного союза, аудитория доходила до нескольких сот человек»⁹⁴.

Страницы *ПИ*, изображающие вечера в «Обществе», разительно напоминают оставленные мемуаристами описания заседаний «Зеленой лампы». Вот, например, как вспоминал о них Ю.К.Терапиано:

Собрания начинались по возможности точно в девять часов вечера.

Администрация «Зеленой лампы» <...> и очередной докладчик – выходят на эстраду из-за кулис и размещаются по установленному раз навсегда порядку за большим столом, покрытым зеленым сукном <...>. Георгий Иванов, председатель, посредине.

Справа и слева от него по концам стола – Д.Мережковский и Зинаида Гиппиус.

Докладчик занимает свое место за столом. <...> Реплики с мест и всякие попытки перебивать докладчика не допускаются.

Лишь изредка, когда докладчиком является Мережковский, Зинаида Гиппиус вдруг вставляет реплику, но и ее председатель немедленно призывает к порядку.⁹⁵

⁹² См. о нем, прежде всего: *Терапиано Ю.* «Воскресенья» у Мережковских и Зеленая лампа // Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С.43-48 и след.; *Озерцовский Г.* Русский блистательный Париж до войны: Организации. Философы. Писатели. «Простые смертные». Любовь. Париж, 1973. С.130-135; *Терапиано Ю.* «Зеленая лампа» // Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С.38-79; *Пахмусс Т., Королева Н.В.* «Зеленая лампа» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.167-174.

⁹³ Там же. С.169.

⁹⁴ Там же. С.168.

⁹⁵ *Терапиано Ю.* «Зеленая лампа». С.40. Ср.: «на эстраде за большим столом, покрытым зеленым сукном, рядом с председателем сидели учредители – Мережковские и очередные докладчики, в первых рядах места занимали литераторы старшего поколения И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, М.А.Алданов, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, Н.А.Тэффи и др. Частыми посетителями были философы Н.А.Бердяев, Л.Шестов, литературовед К.В.Мочульский, публицист Г.П.Федо-

А теперь сравним – особенно с последней фразой – текст в *ПИ*: «...час ежевечернего таинства приближался: подоспевший дежурный член <...> распахивал зеленое поле раскладного стола, и соучастники сборища, <...> встряхиваясь и кхакая горлом, словно певцы перед тем, как возгреть, один за другим возникали на пороге: им уже не терпелось принять участие в служении. И Радкевич <...> был опять деятельно, без суетливости бодр и сдержанно, до боли в скулах, счастлив: он обожал взбудораживающий и нервящий чин этих повечерий – тревожный по сердцу звук первосвященнического гонга, всеобщую зябкую, переминающуюся нерешительность после него, затем первый альтовый вызов Цык и тотчас же ответный басовый отзыв Васильчикова, и как на перекличке возникающие там и сям поддужные валторновые голоса остальных <...>, и мелодия, покорная его необманному и повелительному камертону, оживала вновь – Цык, глотнув воды, Васильчиков, отпыхавшись, снова сливались в басово-альтовом дуэте обоюдоненависти» [12-13].

В приведенном отрывке особое внимание обращает на себя фигура «пятидесятилетней» Цык, постоянной оппонентки Васильчикова и его конкурентки в борьбе за лидерство в «Обществе»⁹⁶. Уже сама ее фамилия, явно «аббревиатурного» свойства (ср.: ЦИК и ЦК), отсылает к «Ге-пе-ус», – аналогичного происхождения парижскому прозвищу З.Н.Гиппиус⁹⁷ и, соответственно, к ее личности (в том числе, и внешности). Вот, например, какой увидела Гиппиус около 1926 (примерно тогда, когда ее наблюдал и будущий автор *ПИ*) Н.Н.Берберова: «Я помню ярко, как они (Мережковские. – *А.Д.*) вошли: <...> Господину с бородкой, маленького роста, было на вид лет

тов, редакторы и ведущие сотрудники “Современных записок”, “Последних новостей”, “Возрождения” и др.» (*Пахмусс Т., Королева Н.В.* «Зеленая лампа». С.168).

⁹⁶ Ср. в др. местах: «... в “Обществе” после каждого заседания все ярче, после каждого пленума все звучнее разверзлось трагическое фортиссимо раздора и брани – на всякий сокрушающе ревуший ход Васильчикова, Браудэ – Цык отвечала вскидистой, с захлебом, тенорово-альтистой отповедью» [9]; «Цык, несмотря на ее неослабевающий с годами альтовый напор, несмотря на все ее влияние и заслуги, тоже особенной опасности <для Радкевича> не представляла: фатальная злопахотельская бабья дурь обуревала ее перед самым финишем <...> – и так уж Бог весть в который раз, двумя-тремя голосами не дотянув до председательского престола, неизменно оставалась ни при чем» [10].

⁹⁷ В этой связи см. в воспоминаниях Дон Аминадо (А.П.Шполянского) «Поезд на третьем пути» (1954): «Молодые поэты читали стихи друг другу, а добившись славы, выступали на вечерах “Зеленой лампы”, и лорнировала их в лорнет Зинаида Гиппиус, которую за несносный нрав называли Зинаидой Ге-пе-ус, да еще тонким фальцетом учил уму-разуму Мережковский» (цит. по: *Дон Аминадо.* Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политич. памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступит. ст., коммент. В.И.Коровина. М., 1994. С.682).

шестьдесят, рыжеватой даме – лет сорок пять»⁹⁸. Впрочем, в восприятии и памяти многих младших современников Мережковские были неразрывно связаны, – у той же Берберовой находим, например: «в памяти моей они сливаются вместе, словно одно существо в двух аспектах, словно голос, поющий длинную песнь под аккомпанемент, и то она поет, а он аккомпанирует, то (пожалуй, чаще) он поет, а она следует за ним»⁹⁹ (ср. у Терапиано: «Мережковские – т. е. Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна Гиппиус – о них невольно вспоминаешь всегда вместе»¹⁰⁰).

Вместе с тем, прототипическая основа образа Цык очевидно не исчерпывается лишь этими двумя проекциями: наличие у нее потомства¹⁰¹, равно как и некоторые детали внешнего облика, темперамент – видимо, взяты от Н.А.Тэффи¹⁰², тогда как «мережковское» начало

⁹⁸ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. New York, 1983. Т.1. С.277. Напомним, что в описываемое мемуаристкой время З.Н.Гиппиус (1869–1945) уже исполнилось 55.

⁹⁹ Там же. С.287. Обратим внимание на случайную, но знаменательную перекличку с ПИ: на актуализацию в обоих случаях темы пения.

¹⁰⁰ Терапиано Ю. Встречи. С.23. Ср. в дневниковой записи В.Н.Муромцевой-Буниной от 16 августа 1925: «Адамович думал, что Мережковский и З.Н. ничего общего не имеют. Я сказала, что наоборот – З.Н. всегда говорит “мы”, а не “я”, и трудно сказать, где кончается она и начинается он» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М.Грин. В 3 т. <Frankfurt am Main:> Посев, <1981>. Т.2. С.147).

¹⁰¹ См.: «Цык тоже была теперь полусвоя, полудесь: вся ее клокочущая <...> пятидесятилетняя страстность – любвеобильной лавиной обрушилась – после смерти вдохновенно ненавидимого Васильчикова – на внука Тютика, ребенка совершенно необыкновенного: он говорил уже ау, говорил уже ау, он рос не по дням, а по часам, и постоянное прибавление в весе <...> озарялось удивительной понятливостью – проблесками будущей гениальности; и <...> Цык все просила представить себе все это, <...> и Радкевич, учтивым крючочком предстоящий перед ней, с учтливой ненавистью глядел на ее запудренное, колышущееся нежным, позалечившимся жирком альтовое горло, и со страхом науськивал в себе невыносимое желание – выпустить клычки» [16]. Возможно, впрочем, что приведенный пассаж иносказательно отражает постоянный интерес Гиппиус и Мережковского к литературной молодежи, – в этой связи см., например, следующее воспоминание Ю.К.Терапиано: «Но постоянный кадр “воскресений” (в парижской квартире Мережковских в доме 11-бис на улице Колонель Бонне. – А.Д.) составляло “младшее поколение” – поэты и писатели, начавшие литературную работу уже в эмиграции» (Терапиано Ю. Встречи. С.43); «Насколько я знаю, интерес к молодежи у Гиппиус был всегда. <...> После Блока и Белого эмигрантские молодые писатели и поэты должны были казаться Гиппиус не столь уж сложными для ее расшифровки» (Там же. С.39).

¹⁰² Ср.: «Тэффи, в сущности, была единственной “дамой” литературного Парижа – не литературной “дамой”, а очаровательной, хорошо воспитанной и “столичной” дамой» (Шаховская З. Тэффи // Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С.267).

очевидно наличествует и в образе напористого бородача Васильчикова: в этом убеждает определенное внешнее сходство их с Цык междуособиц с памятными многим мемуаристам публичными и едва ли не наигранными спорами между Мережковскими¹⁰³.

Вместе с тем, наряду с «мережковским» рефлексом в образе Васильчикова и особенно в характере его взаимоотношений с остальными членами «Общества» опознается гораздо большая ориентация на личность И.А.Бунина – многолетнего конкурента Д.С.Мережковского в гонке за Prix Nobel¹⁰⁴, постоянного соперника уже обоих Мережковских в борьбе за лидерство и влияние в литературе «русского Парижа» и эмигрантской словесности в целом¹⁰⁵, постоянного

¹⁰³ См., например: «Во время публичных прений в “Зеленой лампе” Гиппиус любила с места подавать реплики. На этой почве у нее постоянно возникал спор с Мережковским – к удовольствию публики. Этот спор легко можно было принять за подготовленный заранее прием, но я думаю, такое объяснение было бы неправильным. Устремленные к общей цели, озабоченные поисками пути к ней, Мережковский и Гиппиус и дома были способны “сражаться” друг с другом по идейным вопросам. Несмотря на свой почтенный возраст, они сохранили способность увлекаться и переживать, как молодые люди. В них вообще было очень много энергии и какой-то неуываемой жизненной силы» (Терапиано Ю. Встречи. С.38-39). Ср.: «А как она <Гиппиус> властвовала над всеми, когда <...> ее чуть скрипучий голос покрывал другие голоса, или когда говорил Д.С., а она выжидала момент, чтобы напасть на него, или поддержать его, или вступить в разговор между ним и его оппонентом. Как она властвовала над людьми, и как она любила это, вероятно, превыше всего, любила эту “власть над душами”, и все ее радости и мученья были, я думаю, связаны именно с этим властвованием» (Берберова Н. Курсив мой. С.288). Ср., наконец, третье свидетельство: «В публичных дискуссиях общество наслаждалось острыми репликами, которыми Зинаида Гиппиус прерывала тирады своего супруга» (Кнут Д. С Ходасевичем, Мережковским и Гиппиус // Кнут Д. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. и коммент. В.Хазана; вступит. ст. Д.Сегала. Иерусалим, 1997. Т.1. С.275).

¹⁰⁴ См. в письме М.Цветаевой А.А.Тесковой от 24 ноября 1933: «Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина. <...> кандидат был Мережковский, <...> Мережковский и Гиппиус – в ярости. М. б., единственное, за жизнь, простое чувство у этой сложной пары. Оба очень стары: ему около 75, ей 68 л<ет>. Оба – *страшины*. <...> Их сейчас все боятся, ибо оба, особенно она, злы. Злы – как дүхи. Бунина еще не видела. Я его *не люблю*: холодный, жестокий, самонадеянный *барин*» (цит. по: Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. С.91).

¹⁰⁵ В этой связи см. относящееся к 1932 наблюдение В.П.Крымова: «Бунин постарел, но по-прежнему красивый мужчина. Совсем бритый, совсем Будда. Во всяком случае, мэтр. Так себя и держит. <...> Понятно, он считает себя самым большим из живущих русских писателей» (Крымов В. Портреты необычных людей. Париж, 1971. С.189). См. также след. воспоминание Е.В.Постниковой в письме Р.В.Иванову-Разумнику от 16 мая 1942: «Опять к Гиппиус, она и он <...> вовсе были не в фаворе. Вечеринки “Зеленая Лампа”, которые она устраивала, не привлекали к ней молодежи. Несправедливо к ним относились: молодежь высмеивала, старшие завидовали их удельному весу, а вручение

объекта их насмешек и нападок¹⁰⁶. Речь, повторяясь, идет не о внешнем сходстве (в этом плане все строится как раз по принципу «от обратного»: Васильчиков – усатый, бородатый и «полнокровный»¹⁰⁷), как не идет речь и о значительном сходстве их характеров: для Васильчикова Иванников позаимствовал у своего кумира лишь памятные многим современникам бунинские страстность и нетерпимость¹⁰⁸, его крайнюю, легко переходящую в ярость и даже бешенство несдержанность в разговоре¹⁰⁹, наконец, его обидчи-

Бунину Нобелевской премии было для них явной обидой» (Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступит. ст., подгот. текста и коммент. О.Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С.228).

¹⁰⁶ В этой связи см. прежде всего: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Т.2. С.134, 135-136, 145, 156, 183; ср.: С.18, 32, 41, 56-57, 59-60, 69, 92-93, 101, 185. См. также у Н.Берберовой: «Как она (З.Н.Гиппиус. – А.Д.) властвовала над людьми, и <...> любила эту “власть над душами”, <...> Бунин бывал с ней настороже, но, конечно, ему редко удавалось победить ее в споре. Пленительная, старомодная примитивность Бунина забавляла ее и давала ей озорное желание спорить с ним в своем собственном ключе, потому что его – житейский, элементарный, двухмерный, бытовой – ключ был ей смешон, а Д<митрию> С<ергеви>чу скучен. Он так и говорил: “Мне Бунин скучен”. Но она считала, что скучных людей вообще нет и что Бунин “забавен”, забавен для нее, во всяком случае, потому, что если его нельзя переубедить или переделать, то его, во всяком случае, можно удивить» (Берберова Н. Курсив мой. С.288). Ср. у В.С.Яновского: «Бунин порой вызывал улыбку за чайным столом Мережковских, где спорили о Третьем Завете, о Прусте, о доктрине Трубадууров. Следует помнить, что Бунин был конкурентом Мережковского по линии Нобелевской премии, и это не могло порождать добрых чувств. Он все реже заглядывал в эту гостиную. Придаться к Бунину, интеллектуально беззащитному, было совсем не трудно. Как только речь касалась понятий отвлеченных, он, не замечая этого, терял почву под ногами» (Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб., 1993. С.133). См. также: Седых Андрей <Цвибак Я.М.>. Далекое, близкое. <М.,> 1995. С.192-193 (особенно воспроизведенные на с. 193 слова Бунина «Ведь я знаю, как Мережковский и Зина всю жизнь меня ненавидели. А ведь они люди страшные...»). См. также: Кнут Д. С Ходаевичем, Мережковским и Гиппиус. С.279.

¹⁰⁷ Ср., например: «Бунин на собраниях или в гостиной был наряжен и любезен. Тщательно выбритый, с белым лицом, седой, иногда во фраке, подчеркнута сухой и подтянутый, дворянин, европеец» (Яновский В.С. Поля Елисейские. С.135).

¹⁰⁸ О «страстности и нетерпимости Бунина» как об обратной стороне «творческого его богатства» рассуждает З.Шаховская, см.: Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. С.274.

¹⁰⁹ См., напр., у Берберовой: «Характер у него был тяжелый, домашний деспотизм он переносил и в литературу. Он не то что раздражался или сердился, он приходил в бешенство и ярость, когда кто-нибудь говорил, что он похож на Толстого или Лермонтова, или еще какую-нибудь глупость. Но сам возражал на это еще большей нелепостью. <...> Окружающие испуганно и неловко молчали. Часто бешенство его переходило внезапно в комизм, в этом была одна из самых

вость¹¹⁰ (ср. в *ПИ*: «старик был ревуч и страшен в словесных поединках»; «уязвленный старик вскипал кумачовой яростью, и в тряском и ревучем исступлении пер напралом» [11]; «рык Васильчикова» [12]). От Бунина – «своего рода предводителя дворянства в нашей литературе»¹¹¹ – у Васильчикова также его барство и «княжеская» фамилия: как известно, домашние прозвища Ивана Алексеевича были «Князь от литературы», «Светлейший» и просто «Князь»¹¹²; проекцией Васильчикова на Бунина объясняется, опять же отчасти, и актуализация для *ПИ* контекста лермонтовского творчества: первому русскому нобелевскому лауреату оно, как мы знаем, было необычайно близко¹¹³.

милых его черт <...> В такое же бешенство, если не большее, приводили его разговоры о современном искусстве» (*Берберова Н.* Курсив мой. С.290-291). Ср.: «Бунина можно было и любить и ненавидеть. Он <...> легко поражал <...> своей несдержанностью, часто доходившей до грубости житейской мелочностью и эгоизмом. Было в нем много горечи, чувства какой-то литературной несправедливости, жертвой которой он стал» (*Седых А.* Далекие, близкие. С.246).

¹¹⁰ См.: «Но сам Бунин самый обидчивый из писателей...» (*Крымов В.* Портреты необычных людей. С.191).

¹¹¹ *Варламов А.* Алексей Толстой. М., 2006. С.108.

¹¹² См., например, в воспоминаниях художницы Т.Д.Муравьевой-Логиновой: «А Иван <Алексеевич> получил прозвище – “Князь литературный”, или “Светлейший”» (*Муравьева-Логинова Т.Д.* Живое прошлое: Воспоминания об И.А. и В.Н. Буниных // Лит. наследство. Т.84. Кн.2: Иван Бунин. М., 1973. С.312). См. в ее письмах: «Дача Бельведер <...>. Пальма давала тень на площадку перед домом, на которой стояли большой стол, стулья, кресла. Тут пили чай и вели бесконечные разговоры – русская литературная стихия, которой предводительствовал “Князь”, как я прозвала И.А. позже»; «Иван же Алексеевич введен был в княжеское достоинство – “князь от литературы”, или просто “Князь”, на что он снисходительно улыбался» (Письма Буниных к художнице Т.Логиновой-Муравьевой (1936–1961). <Paris:> YMCA-Press, <1982>. С.7, 9). Здесь же см. в письмах В.Н.Муромцевой-Буниной – от 12 сентября 1949: «Мы, то есть Князь пока вечера не устраивает» (Там же. С.122); в письме от 18 октября 1949: «Князь все задыхается» (Там же. С.123, см. также: С.125, 127, 128, 129, 130). Об этих прозвищах Иванников мог знать хотя бы от входившей в бунинское окружение Е.Л.Таубер (см.: *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. С.760).

¹¹³ См. об этом, например, у А.В.Бахраха: «важно отметить, что когда-то (если не ошибаюсь, в конце двадцатых годов, в пору повсеместного увлечения “романсированными биографиями”) Бунин намеревался написать книгу о Лермонтове, собирал для этого задуманного им труда материалы, “изгрыз” посвященный Лермонтову щеголевский “монтаж” (т. е. двухтомник Щеголева «Книга о Лермонтове». – *А.Д.*). Но затем, хотя о предстоящем выходе книги было уже объявлено, – от своего намерения отказался, очевидно, поняв, что для завершения этого труда у него не будет под рукой всех необходимых материалов и может не хватить усидчивости» (*Бахрах А.* По памяти, по запискам // *Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах.* <München>, 1966. №12. С.276-277). Ср. у С.Ю.Прегель: «Если б Ивану Алексеевичу

Однако, повторимся еще раз, в спроецированности представленного в *ПИ* лидера эмигрантского «Общества» на первого писателя Зарубежной России¹¹⁴ убеждает более всего характер его взаимоотношений с окружающими: его непричастность к имеющимся в возглавляемой им организации «общественникам» (ср. с принципиальной социально-политической индифферентностью бунинского художественного творчества¹¹⁵), его близость и сотрудничество с Браудэ¹¹⁶ (фамилия которого явственно «рифмуется» с фамилией бунинского любимца и постоянного vis-à-vis – Марка Алданова¹¹⁷: Ландау¹¹⁸); его противостояние с Цык (читай: с Мережковскими) и,

удалось прожить еще несколько лет, он, несомненно, написал бы книгу о Лермонтове. Мысль об этом не переставала его мучить. Он все упорнее думал о судьбе Лермонтова, об его неизбежном, трагическом одиночестве, и все чаще повторял величавые в своей простоте слова: “Выхожу один я на дорогу...”» (*Прегель С.Ю.* Из воспоминаний о Бунине // Лит. наследство. Т.84. Кн.2. С.357).

¹¹⁴ В этой связи см., например, следующий «расклад» в письме С.П.Постникова Р.В.Иванову-Разумнику от 20 апреля 1942: «Я в курсе эмигрантской литературы. <...> Но тут всякого добра есть. Самый знаменитый новый <...> писатель считается Сирич <...>. Из старых писателей на первом месте – Бунин» (*Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника.* С.196-197).

¹¹⁵ В этой связи см., напр., у Д.Кнута: «не рискуя быть причисленным к писателям-общественникам, Бунин продолжал высокую традицию классиков» (*Кнут Д.* Собр. соч. Т.1. С.287).

¹¹⁶ Приведем его портрет из *ПИ*: «согбенный, с расслабленною барскою картавинкой из-под неба, предсмертно истекающий пенно-белою бородою Браудэ был стар, немощен, и все чаще и чаще с последним изумлением предчувствовал свой скорый уход туда, где не было никаких обществ, заседаний, баллотировок – и вообще, как ни финти, ничего, видимо, не было» [10]. Фамилию для данного персонажа Иванников, по всей вероятности, позаимствовал у А.И.Браудо (см. о нем, например: Александр Исаевич Браудо. 1864–1924. Очерки и воспоминания. <Париж:> Изд. кружка русско-еврейской интеллигенции в Париже, 1937. См. также: *Брауде И.* В советском суде: Из записок защитника. 1922–1928. Рига: Книга для всех, <1929>).

¹¹⁷ Ср.: «в писательской среде было у него (Бунина. – А.Д.) несколько любимцев, которых он всегда расхваливал, которых всегда любил читать, с которыми любил общаться и по отношению к которым – это, действительно, можно счесть за исключение – он никогда не допускал ни малейшей иронии. В последние десятилетия его жизни этими “фаворитами” было два человека, очень по своей природе несхожие. Это были М.А.Алданов, у которого едва ли был более ревностный поклонник, чем Бунин, и Г.В.Адамович» (*Бахрах А.* По памяти, по запискам. С.288). См. также: «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Из переписки И.А.Бунина и М.А.Алданова / Вступ., публ., подгот. текста и примеч. А.Чернышева // Октябрь. 1996. №3. С.115-156.

¹¹⁸ С общеизвестными шепетильностью и «комильфотностью» М.А.Алданова весьма показательно корреспондирует следующий пассаж в *ПИ*: «Браудэ, которого он <Радкевич> попробовал натравить на Цык, молча поцеловал его в лоб, а затем, изловчившись – Радкевич не успел ощериться и отпяться, – рухнул ему на плечи, как на плетень, затрясся и очень удачно и обильно поплакал.

наконец, его же борьба на и за выживание с Радкевичем. Эта последняя, ее перипетии и полускрытый ее характер и оказываются наиболее знаменательными и информативными, поскольку за ее внешними описаниями без труда опознается длительное личностное и эстетическое противостояние Бунина с А.М.Ремизовым¹¹⁹, каковое на деле и определяло как литературную ситуацию в «русском Париже», так и характер русской эмигрантской прозы 1920-х – 1950-х в целом¹²⁰.

Он совсем рассолодел после смерти Васильчикова, – приближался и его черед переступить ужасную грань» [15]. В этой же связи напомним, что Алданов ушел из жизни спустя более чем три года после смерти Бунина и через год после опубликования *ПИ*.

¹¹⁹ См. отзывы Бунина о Ремизове в письме П.М.Бицилли от 16 мая 1936 (опубл.: Русская литература. 1961. №4. С.154-155), в письме Л.Д.Ржевскому (Суражевскому) от 27 сентября 1952 (опубл.: *Ржевский Л.* Встречи и письма (О русских писателях Зарубежья 1940–1960-х гг.) // Грани (Frankfurt/Main). 1990. №156. С.73. Об отношении Ремизова к Бунину см. дневниковую запись Ремизова от 14 ноября 1956 (опубл.: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, <1959>. С.300). См. также: *Кодрянская Н.В.* Встречи с Буниным; *Прегель С.Ю.* Из воспоминаний о Бунине. С.341-351; 352; *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С.12 и др.; *Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.189; *Вейдле В.* О тех, кого уже нет: Воспоминания. Мысли о литературе / Публ. Г.Поляка // Новый журнал. 1993. №192/193. С.325; *Седых Андрей.* Далекие, близкие. С.120-121. См., наконец, у Н.А.Струве: «Бунин и Ремизов – составляют классическую литературную пару, как Толстой и Достоевский, Блок и Гумилев, основанную на общности судьбы и крайней противоположности писательских темпераментов. Жили они неподалеку друг от друга, но встречались редко. Друг друга не любили, не понимали – да и читатели до сих пор делятся кто за классика Бунина, кто за причудливого и фантастического Ремизова»; «Лед и пламень не столь различны между собой... как были Бунин и Ремизов. Ремизов весь в причудах, в фантазии, в словесном сплетении: из снов, из глубины времен он старается заглянуть в область неведомого. Бунин без причуд, строго-классичен, на мир смотрит нарочито острым, беспощадно-объективным глазом. Ремизов весь в изломах, в изгибах, он идет от Достоевского, в нем многое из Подполья. Бунин держится прямо, подобранно, он прячет свою душу от других, страх смерти у него запрятан глубоко, как можно глубже, – он идет от Толстого, в нем многое от Ивана Ильича. Ремизов окружил себя густым бытом, передал вещам жизнь своей души. Бунин безбытен, его квартира ничем не отличается от других эмигрантских квартир, разве что беспорядка больше, чем обыкновенно. Принимать он любит в столовой – там чуть приятнее, чем в других комнатах, – но она ничем не примечательна. Ремизов никуда не выходит, или почти, ему живется по-настоящему только в кукушкиной; Бунин не прочь пойти в гости, проветриться, развлечься» (*Струве Н.* Встречи с писателями <1. Ремизов; 2. Бунин (К столетию со дня рождения)> // Вестник РСХД. 1971. №100. С.306, 309-310). В этой же связи см.: *Доценко С.Н.* А.Ремизов и И.Бунин: Что скрывается за антагонизмом двух писателей? // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2003. Кн.2. С.342-345.

¹²⁰ См. об этом у В.Маркова: «в определенный период литература “получается” только тогда, когда в ней есть две противоположные величины, как бы

Встречался ли автор *ПИ* с Ремизовым, был ли с ним знаком?¹²¹ Свидетельствами о знакомстве мы не располагаем, а вот видеть и даже общаться мог вполне – в годы своего пребывания в Париже (1926–1930), в период, когда, по свидетельству В.Яновского, Ремизов был особенно популярен среди эмигрантской пишущей молодежи¹²². Иванников также мог наблюдать этого прототипа своего Радкевича на собраниях «Зеленой лампы» или на весьма популярных регулярных вечерах чтения Ремизова в зале парижского отеля «Лютеция»¹²³.

плюс и минус, между которыми и рождается поэтическое электричество <...>, если их нет, литература хиреет. Однако даже при их наличии не всегда легко установить, кто они. <...> одна из двух друг другу противостоящих величин обычно недооценивается как критикой, так и своим антагонистом – общепризнанным, стоящим в центре внимания и громко обсуждаемым. <...> классическим примером может служить проза русской эмиграции. С одной стороны, нобелевский лауреат Бунин, <...> с другой – <...> Ремизов, у которого к смерти остались неопубликованными больше десятка книг. <...> Впрочем, для Ремизова характерна не столько непризнанность, сколько ее странное сосуществование с большой известностью» (*Марков В.* Неизвестный писатель Ремизов // *Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. by G.N.Slobin.* <Columbus, Ohio:> Slavica, <1987>. P.13). Ср.: *Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.325.

¹²¹ Что касается Бунина, то с ним Иванников состоял в переписке (см.: Leeds University Library Department of Special Collections. MS 1066/3018; частичное воспроизведение письма от 24 мая 1938 см. в статье: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М.Иванникова «Дорога». С.272-273) и непосредственно общался 27 августа 1937, во время визита нобелевского лауреата в Белград, подтверждением чему служит воспроизведенное в кн. О.Джурича фото, на котором Иванников сидит четвертым слева от Бунина, справа от Бунина – Л.А.Иванникова-Девель, см.: *Турин О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (вклейка между с.256 и 257).

¹²² См.: «В конце двадцатых в начале тридцатых годов Ремизов был кумиром молодежи в Париже. А через несколько лет о нем уже все отзывались с какой-то усмешечкой и редко к нему наведывались. Как ни странно, о Ремизове часто отзывались таким образом: – Вот подождите, я когда-нибудь сообщу всю правду про него» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.186-187); «Популярность у молодежи льстила Ремизову: на этой карте он удачно обошел Бунина. Одно время за его воскресным часом собиралось человек тридцать новых литераторов. Но продолжалось такое оживление не долго. Уход молодежи оставил еще одну язву в обожженном сердце» (Там же. С.190); «В его <Ремизова> злобном отношении к Бунину чувствовалось нечто классовое, словное» (Там же. С.189).

¹²³ В этой связи см. в беллетризованных воспоминаниях Г.Озерецковского, относящихся к рубежу 1920-х – 1930-х: «Катя и Головин пошли на Ремизова, который устраивал вечера чтения в одной из зал гостиницы Лютеции <sic!>. Всегда ходили. – И поддержка писателю и удовольствие. Зала бывала полна. Можно сказать, что публика была “избранная”. Стояла почти тишина, как бывает на концертах знаменитостей. – Лишь полу-голоса. Он знал, что пришли люди – его друзья – ценители. И выходил, как гном из-под земли: маленький, почти горбатенький уродец с широким скуластым морщинистым лицом и большими



Российский генеральный консул в Мукдене
Сергей Александрович Колоколов



Первая встреча Бориса и Глеба Колоколовых с братом Всеволодом и двоюродными сестрами в СССР. Слева направо (верхний ряд):
Б.С.Колоколов, Г.С.Колоколов,
Н.Н.Колоколова (по мужу Фонякова), В.С.Колоколов;
(слева направо нижний ряд): М.Н.Колоколова (с внучкой),
О.К.Колоколова (жена Н.А. Колоколова, родного брата
С.А.Колоколова), О.Н.Колоколова.
Ленинград. Конец 1950-х



А.М.Арнштам перед отъездом из России.
Москва. Сентябрь 1921



Сыновья А.М.Арнштама: Георгий, Игорь и Кирилл (в центре).
Берлин, 1922



А.М.Арнштам с женой Розой Адольфовной. 1927



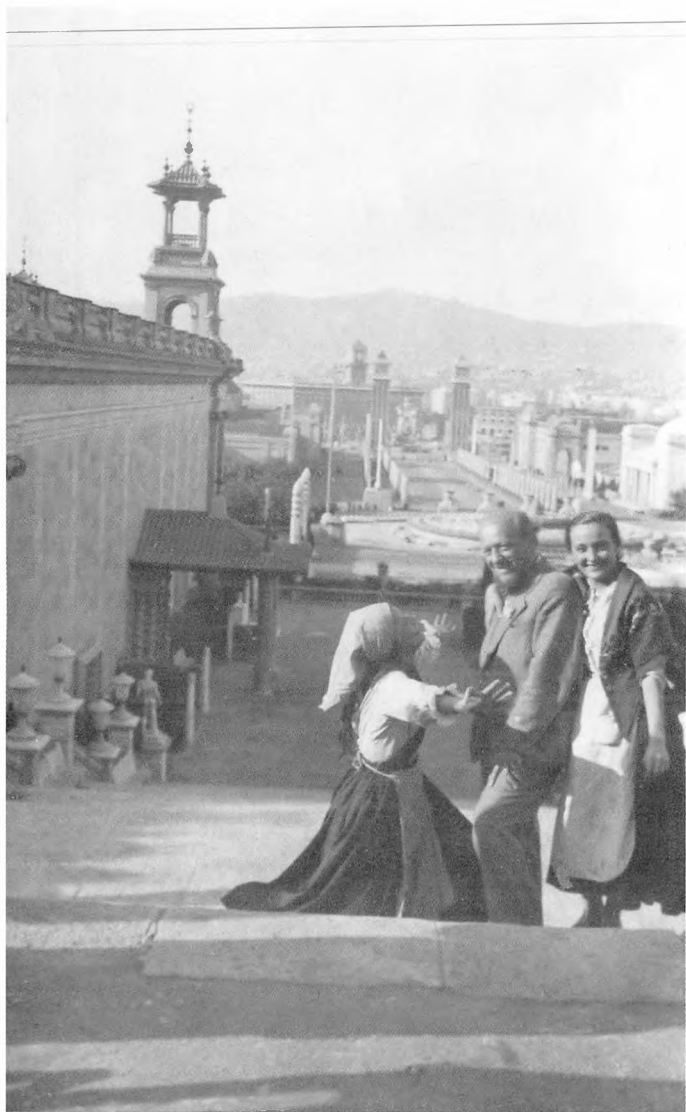
Александр Арнштам в своей мастерской.
Берлин, 1926



На съемках фильма «Возвращение домой». 1928



На студии УФА. Берлин, 1928



На съемках фильма «Алала».
Барселона, 1933



A. Burov

Александр Павлович Буров

RINALDO KÜFFERLE

All' Acquirente Ignoto
Rinaldo Küfferle
1934

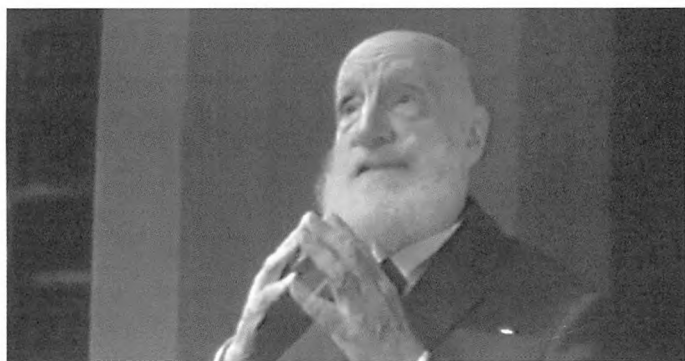
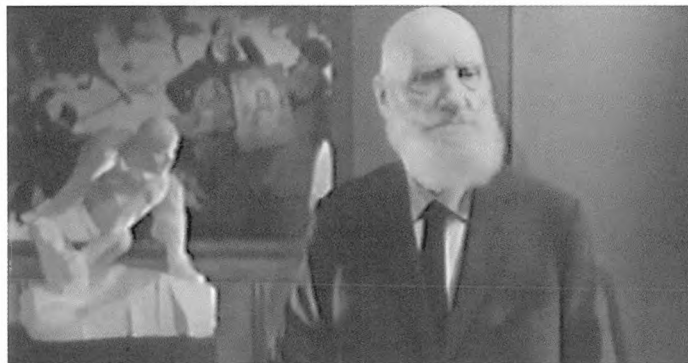
PERSONE
E
PERSONAGGI



49.

EDIZIONI "LA PRORA,, MILANO

Фронтиспис книги Р.Кюфферле «Персоны и персонажи»
с рисунком Б.Зуева и с авторской надписью:
«All'Acquirente Ignoto <Неизвестному покупателю>».
Rinaldo Küfferle. 1934. XII <12-й год фашистской эры>».
Экземпляр Библиотеки Академии Брера, Милан



В.В.Шульгин. Кадры из документального фильма
«Перед судом истории» (1965)



Виктор Дмитриевич Дувакин. 1972

тумана и подымавшегося сильного волнения, для Комерика, — вследствие нападения акулы. Стартовавшему вторично Фиркетеру удалось, наконец, добиться высшей чести — переплыть канал в новом рекордное время.

Автобиография Я. И. Бадьяна.

Родился я в 1888 году, в станциѣ Доросувѣ, Забайкальской области. Отецъ, сапожникъ и сейчасъ живетъ въ Варшавѣ. Когда мнѣ исполнилось 12 лѣтъ, меня отдали для обученія въ сапожную мастерскую въ Читѣ. Въ 1908 году я примкнулъ къ с.-д. партіи. Въ 1914 г. былъ арестованъ въ Варшавѣ, до 1917 г. сидѣлъ въ самарской тюрьмѣ. Въ 1917 г. былъ освобожденъ изъ тюрьмы и всту-



пилъ въ партію РКП и находился до 1921 г. въ красной арміи на должности уполномоченнаго военнаго контроля восточнаго фронта командантомъ особаго отряда восточнаго фронта, комиссаромъ 42 стрѣлк. бригады, начальникомъ экспедиціи Киртурк. края, председателемъ сельхозопераций въ Китаѣ. Имѣю званіе почетнаго красноармейца былъ комиссаромъ формирования войскъ восточнаго фронта, четыре раза раненъ въ гражданской войнѣ, принималъ участіе въ бояхъ противъ чеховъ, Врангеля и Колчака, до дня моего отъѣзда за границу состоялъ въ партіи РКП. Кроме этого участвовалъ на всероссийскихъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, участвовалъ на многихъ губернскихъ конференціяхъ. Состоялъ членомъ горсовета Оренбургской губерніи послѣдняго сезона.

Радио-программа „Руля“

на среду, 1 сентября.

3.30 ч. д. «Объ ангелахъ и черткахъ» (беседа для дѣтей), разскажетъ Герруда Пубе. 4.30—6 ч. д. Дневной концертъ берлинской Радио-канцеляри подъ упр. ф. Шпановскаго, въ progr.: Эйленберга, Вальдтейфеля, Лахиеръ, Невальда, ф.-Влонъ, флотовъ, Сомервилль, Нейкиссъ, Логаръ, Никольсъ. Совѣты по хозяйству, программы театровъ и кино. 6.30 ч. д. Е. Енгельбрехтъ: «Обзоръ преступности въ южно-германскихъ городахъ». Серия лекцій о большой германской радио-выставкѣ. 7 ч. в. Д-ръ Михаль: «Большая германская радио-выставка — самая большая выставка въ мірѣ». 7.30 ч. в. Альфредъ Керр: «Вступительное слово къ передачѣ трагедіи «Герцогъ Теодоръ ф.-Готландъ». 8 ч. в. «Герцогъ Теодоръ ф.-Готландъ», трагедія въ 5-ти дѣйств. Хр. Дитриха Гробо, обработка для радио Клаудина и А. Брауна, музыка Курта Вейля, въ исп. берлинскаго Радио-оркестра. Дирижируетъ Вейдлеръ-Виндлеръ, режиссура А. Брауна; участіе: Теодоръ Лоосъ, Вернеръ Краусъ, Юганна Хоферъ и др. Сообщение погоды, времени, новостей дня, спорта.

Автобиография и портрет Я.И.Бадьяна, опубликованные
в берлинской газете «Руль» 1 сентября 1926

На странице справа: письмо А.Жигулева С.Г.Святикову,
отправленное вместе с №1 Бюллетеня Организационного бюро
советской эмиграции 16 июня 1928.

BDIC. GFP 87 Res

Коммунистическая религия

Письмо от комсомольца

Коммунисты сами не понимают, что они, в сущности, религиозные люди. В коммунистическом манифесте они видят евангелие новой правды. Маркс — новый бог и Ленин — его пророк. Путь интернационала — путь миссионеров. Мистика — вот основа коммунистической идеологии в России, ибо разумный анализ не может доказать, почему человек должен жертвовать своей жизнью во имя отдаленного счастья неизвестных ему будущих поколений. Важное стремление к самопожертвованию есть уже мистика.

Любовь — мистика христианства. Ненависть — мистика коммунизма. Они своей противоположностью. Идеал коммунистического общества — тот-же монастырь. Но

монастырь, построенный на любви — вещь обыденная, а настоящее коммунистическое общество (построенное на зависти и насилии) до сих пор еще не удалось построить. Кто служит не ради выгоды, а ради идеи — бессознательно подчиняется материальное нематериальному; сам того не понимая, он служит Богу, ибо Бог — есть Любовь; а им движет любовь к идее. Евразийцы, одно из новых течений русской общественной мысли, — именно так и подходят к этому вопросу. Они верят, что жерелничность коммунистов — рано или поздно перейдет в религиозность полудиную. Есть много оснований согласиться с их утверждением.

С. Иванов.

Уважаемые граждане, с большим сочувствием узнал о вашем начинании, давно пора подумать об организации советской эмиграции. С бездельем или не створиться, с коммунистами вы вступили в борьбу. Конечно, задуманное вами дело — создание Организационного Бюро — полезно, однако, на этом не надо останавливаться. Бюро — это нечто скорее техническое — а нам нужно еще объединение политическое. Мне кажется, как только обстановка позволит — ваше Бюро должно созвать какой-нибудь, хоть небольшой, но съезд советских эмигрантов, на котором можно было бы створиться о способах борьбы с коммунистической властью и образовать «Союз Советских Эмигрантов». Их Франция в ужасе, но охоту им будут проводить ваши идеи на своем новом месте жительства. Примите мой сочувственный привет. Б. комсомолец «К. Рыбчик».

Цена № Бюллетеня в продаже 50 сен.

M.T.
Г-н Свайтков

БДС

Очень ценю Вашу просьбу, а к дальнейшему вниманию Ваше дело, и если возможно добавите, что если Вам угодно, то в ближайшее свободное время я могу рассмотреть Ваши сведения об инициативе организации в В.К.П. и об организации бюро за границей. Стараюсь а скоро предпринять и Ваше дело, а если возможно по ряду уважительных причин, то в ближайшее время и Ваше дело, а если возможно по ряду уважительных причин, то в ближайшее время и Ваше дело.

Примите, Г-н Свайтков, уверение в моей к Вам уважительности.

Ваш преданный друг, А.И.И.

14/11/28



Н. Васильевич
Димитриев

Николай Васильевич Димитриев

Из ремизовского внешнего облича Радкевичу переданы самые достопамятные, ставшие притчей во языцех приметы: маленький рост, необычайная сутулость, курносый задранный нос, высоко задранные же брови, пристрастие к нелепой одежде (вспомним «соломенное “здравствуй-прощай”, слишком все-таки вызывающее, слишком все-таки за границу приподдавшее» [8]), общее впечатление крайней необычности и странности¹²⁴.

По воле автора *ПИ* судьба Радкевича экспонировала и основные темы ремизовского творчества: бедности, неизбежности человеческого страдания¹²⁵, роковой обездоленности и гонимости человека людьми и миром, его подчиненности судьбе¹²⁶, тему «подполья»¹²⁷,

лукавыми глазами из-под сильно увеличивающих стекол очков» (*Озерцовский Г.* Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С.141; на с.141-143 – изображение ремизовского чтения).

¹²⁴ Сошлемся здесь хотя бы на того же В.Яновского, подытожившего многочисленные мемуарные описания: «Все воспоминания о Ремизове начинаются с описания горбатого гнома, закутанного в женский платок или кацавейку, с тихим внятным голосом и острым, умным взглядом...» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.186). Ср. также в письме Е.И.Замятина К.А.Федину от 22 февраля 1932 из Франции: «На днях видел Ремизова; спина <у него> совсем пошла колесом, горбун, ведьмак» (цит. по: «Молчание – моя основная литературная профессия» (Письма Е.Замятина К.Федину) / Публ. Н.К.Фединой и Л.Ю.Конюваловой; вступит. ст. и коммент. Л.Ю.Конюваловой // *Русская литература*. 1998. №1. С.104). Ср. у В.В.Смиренского – в воспоминаниях об увиденном в Петрограде в 1920–1921 (*Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е.Р.Обатниной // *Лица: Биографический альманах*. Т.7. М.; СПб., 1996. С.166, 168, 169); ср. у Л.Белозерской-Булгаковой – в изображении начала 1920-х, Берлин: «Вспоминаю писателя Алексея Ремизова – сгорбленный “чертушечка”. Волосы бобриком, бритый, курносый, хитрые глазки» (*Белозерская-Булгакова Л.Е.* Воспоминания. М., 1990. С.33). Ср. также: *Зернов В.* Русский врач в Париже // За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж: УМСА-Press, <1973>. С.396; *Берберова Н.* Курсив мой. С.305, 306. Также ср. у Н.А.Струве – о Ремизове в Париже перед войной: «Совсем маленький, сгорбленный, вихрастый» (*Струве Н.* Встречи с писателями. С.307).

¹²⁵ Ср., например: «Ибо надо сказать о главном – тема Ремизова – *человеческое страдание, людские страсти – и оправдание земных мук*» (*Сосинский Б.* О Алексее Ремизове // *Числа* (Париж). 1931. №5. С.258. Ср. также: «Сила Ремизова была в сознании и приятии страдания» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.132-133).

¹²⁶ См.: «людские страсти, муки Господни – у Ремизова проникнуты мудрой <...> примиренностью и подчиненностью судьбе <...> И если даже бунт – <...> то все же оказывается рука водителя достаточно крепкой – смирение все перборит <sic!>» (*Сосинский Б.* О Алексее Ремизове. С.259). Ср. у В.Вейдле: «неизбежность судьбы» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.324).

¹²⁷ Ср.: «И тут, в этих страницах, внезапно открывается такое “подполье”, с такой страстью и мукой, что и Достоевскому впору» (*Адамович Г.* <Рец.> Литературные заметки: А.Ремизов. Три серпа. Т.П. Париж, 1929 г. // Последние

«многомерности мира»¹²⁸ и его тотальной одушевленности¹²⁹, «дьявольщины»¹³⁰. В высшей степени знаменательно, однако, что творчески осмысляя и преображая Ремизова, Иванников повествует о нем его же писательским «языком»: исходит из ремизовской эстетики, использует ремизовский же творческий метод и средства его творческого арсенала. Как известно, «в биографии и творчестве Ремизова немало случаев, когда литература и жизнь (или, по определению З.Г.Минц, “тексты искусства” и “тексты жизни”) причудливым образом переплетались, так что и в творчестве Ремизова далеко не всегда легко обнаружить границу между жизнью (биографией) и творчеством, между реальностью и вымыслом (как неким искусственно созданным “сюжетом”). Эмиграция Ремизова может быть тому примером»¹³¹. В этой связи важно отметить, что уже в 1930, в статье, вряд ли оставшейся не известной будущему автору *ПИ*, проницательный И.Н.Голенищев-Кутузов приблизился к нынешнему пониманию специфики творческой личности Ремизова:

Почти все большие писатели довоенного поколения (за исключением Сологуба) верили в то, что искусство и жизнь – одно. Отсюда заключалось, что жизнью своею писатель уже создает искусство. Отсюда преувеличенное значение, которое получила биография для уразумения произведения того или иного автора. Жизнь, превращенная в искусство, в игру, в некое действо (сравним с «игрой» в *ПИ!* – *А.Д.*), оказалась многим не под силу. <...> Кажется, только Алексей Ремизов сумел как-то непосредственно, не мудрствуя лукаво, сочетать каждодневную жизнь со своим творчеством.¹³²

новости. 1929. №3165, 21 ноября. Ср. у него же в рецензии на ремизовские «Три желания»: *Адамович Г.* <Рец.> «Современные записки» №47. Часть литературная // Там же. 1931. №3865, 22 октября.

¹²⁸ *Сосинский Б.* О Алексее Ремизове. С.259.

¹²⁹ См., например: «Неодушевленному нет места в ремизовском мире!» (*Голенищев-Кутузов И.* <Рец.> «По карнизам». Повесть Алексея Ремизова <Белград, 1929> // *Голенищев-Кутузов И.Н.* От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет. М., 2005. С.230 (впервые опубли.: *Россия и славянство* (Париж). 1930. 21 июня).

¹³⁰ См.: «А дьявольщина, и не только она, но и человеческое грязцо <...> – было то, что Ремизов не хуже понимал, чем раны бедности и страдания» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.128-129).

¹³¹ *Доценко С.* Литература как предисловие к биографии (Об эмиграции А.Ремизова) // *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции.* Таллинн, 12–14 сентября 2002. Иерусалим; Таллинн, 2004. С.35.

¹³² *Голенищев-Кутузов И.* <Рец.> «По карнизам». Повесть Алексея Ремизова. С.229. См. об этом же у другого литературоведа-эмигранта – В.Вейдле, хорошо знавшего Ремизова лично: «Кто знал *Ремизова* хоть немного – как знал его я, – не может читать его или о писаниях его думать, его не вспоминая. Второго та-

Осознав конститутивную для судьбы и творчества Ремизова антитезу «жизнь – искусство», Иванников наделил Радкевича только теми приметам ремизовского внешнего облика, которые уже обрели литературный статус – подверглись переосмыслению и мифологизации в его (Ремизова) собственных произведениях¹³³, прежде всего, в текстах игровой природы – квазиавтобиографических, дозированно совмещающих реальность и вымысел: в «ретроспективных» – «Кукхе» (Берлин, 1923) и «Взвихренной Руси» (Париж, 1927), в «эмигрантских» – «По карнизам» (Белград, 1929) и «Учителе музыки» (частично опубликован в 1931¹³⁴), наконец, в книге «Подстриженными глазами» (Париж, 1951). Понятно, что в таком своем статусе пресловутые ремизовские благоприобретенные горбатость и курносость, его намеренное «чужачество» и проч. требовали постоянной культивации с его стороны – их всевозможного обыгрывания, выпячивания, подчеркивания (и «возвращения», таким образом, из литературы в жизнь). Многие ремизовские современники понимали это¹³⁵, как понимал это и Иванников (см. в *ПИ* – «совершенно не горбатый!»), но не многие принимали¹³⁶. Автор *ПИ* к числу этих по-

кого, то есть сколько-нибудь сравнимого с ним писателя, не только, кажется мне, у нас, но и нигде не было в нашем веке – такого не просто вросшего в свое писательское дело, но и сделанного или переделанного им, обоюдно с ним сросшегося на равных началах: весь он в писательстве, но и оно все в нем – в его делах и словах, в житейском его облике и укладе, в интонациях, повадках, смешках, шуточных проделках, в почерке рисованном, хитром – другого больше у него и не было, – в хитрой, себе на уме, хоть и приветливой, улыбке. Все это – Ремизов в той же мере, как и все, написанное им. Придешь к нему: сидит, нагнувшись, над столом <...>, читает или пишет. Горб себе нажил, просидел так всю жизнь» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.322-323).

¹³³ См. работы современного исследователя на эту тему: *Безродный М.* 1) Генезис лейтмотивов у А.М.Ремизова // Русская филология V: Сб. трудов СНО филол. фак-та. Тарту, 1977. С.98-109; 2) Об одной подписи А.Ремизова // Русская литература. 1990. №1. С.224-228.

¹³⁴ См.: *Ремизов А.* Учитель музыки: Повесть // Воля России (Прага). 1931. №1/2. С.3-43; №7-9. С.563-596; №10-12. С.691-727.

¹³⁵ Сошлемся на В.Яновского: «Алексей Михайлович притворялся чудаком, хромым и горбатым» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.13).

¹³⁶ Характерным в этом плане представляется отношение В.Вейдле, утверждавшего, что со временем «одна осталась у него <Ремизова> игра, от которой не мог он отказаться, которую он, быть может, и не замечал. Об одном актере (немцеком) было сказано, что он и в жизни продолжал играть – самого себя. Так и Алексей Михайлович не переставал играть Ремизова – на людях, а быть может, и наедине с собой. Переигрывал иногда, это именно людей и раздражало. Но ведь подлинный был все же и писатель, и человек. Нельзя этого забывать. Да и как же было, особенно в последние его годы, не только сквозь книги (та же игра!), но и в игре умирающего актера не почувствовать этой его живой души. <...> Играл Алексей Михайлович, играл самого себя <...>. Какой святой и каторжный труд! Какое чувство слова и какая к нему лю-

следних, очевидно, не принадлежал, – отсюда негативная в целом подача им своего Радкевича-Ремизова¹³⁷ и наделение его бесовской и прочими скрытыми сущностями.

Осознано и отражено Иванниковым и заданное все той же конститутивной оппозицией стремление Ремизова перевоплощаться в повседневности в своих излюбленных фольклорных (нежить) и литературных персонажей¹³⁸ (еще одно значение концепта «оборотничества»!), прежде всего – в героев Достоевского, в «подпольного парадоксалиста» же – в первую очередь¹³⁹.

Своеобразное преломление получила в *ПИ* и порожденная игровым поведением Ремизова, памятная многим, но, опять-таки, неоднозначно воспринимаемая мемуаристами ремизовская провокатив-

бовь! Подвижником подлинным он был, совершая свой писательский подвиг. Играл, покуда мог, других “разыгрывал”, но писательством было и это. “Сочинял”, но ведь на то “сочинителем” и был» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.328-329).

¹³⁷ Ср. с типологически сходным отображением Ремизова в созданном прилизительно в одно время с *ПИ* набоковском «Пнине» (1953–1955); в этой связи см.: *Безродный М.* Супруги Комаровы: Заметки на полях «Пнина» // В.В.Набоков. Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В.Набокова: Антология. СПб., 2001. Т.2. С.924-928.

¹³⁸ См., например, у Яновского: «Разные его позы – гнома, колдуна, болотного попка, недотыкомки – были игрой, обязательной данью того времени. Тут и Блок, Лесков, “Мелкий бес”, Мельников-Печерский со всеми Ярилами и Перунами» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.192).

¹³⁹ В этой связи см. в воспоминаниях З.Шаховской: «Пока я писала <...> о Ремизове, мне вдруг как-то открылось, что то, что делало его совершенно отличным от других русских писателей, с которыми мне пришлось встретиться, – это что Ремизов в сущности был единственным из них, который мог бы быть персонажем Достоевского, одним из униженных и оскорбленных, с его горделивым приниженьем и духовным изломом. В нем уживались подлинная трагедия и шутовство, жалость к человеку и издевка над ним. Он был человеком подполья. <...> И вот так, перед всеми унижаясь и презирая тех, перед которыми он унижался, находил свою свободу Ремизов, в сущности, самый загадочный из писателей, которых довелось мне увидеть. “Страдание – да ведь это единственная причина сознания”, – утверждает человек из подполья; и дальше: “...сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовольствия”. Сила Ремизова была в сознании и приятии страдания» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.132-133). По этому же поводу см. воспоминание В.Вейдле, в котором отслеживается ремизовское подражание многочисленным «униженным и оскорбленным»: «В тридцать третьем году, в Париже <...> Алексей Михайлович, щуплый, сутуленький, взъерошенный <...> себя подает <...> уродцем. Прибедниваться любит, казанским сиротою и в церкви стоит, держится чаще всего в одинаковом расстоянии от шутовства и от надрыва. Говорить обыкновение имсет вкрадчиво» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.326-327).

ность (страсть к «безобразиям») ¹⁴⁰: «его любовь не без ехидства пошутить и даже, – о, на словах! – так *съострить* <sic!>, “пустить слух”, что это похоже – на “подложить свинью”» ¹⁴¹ (вспомним «на-мек», «полунамек» и «на-ме-че-чек» Радкевича), – равно как и его, по выражению Яновского, «Вечные намеки на несуществующие, подразумеваемые обиды и гонения» ¹⁴².

Наконец само моделирование образа Радкевича и его судьбы (наделение его скрытыми ипостасями и претекстовая закодированность его деяний) осуществлено Иванниковым в полном соответствии с духом и буквой поэтики «неомифологизма» ¹⁴³, активно разрабатываемой в первой трети XX в. Ремизовым ¹⁴⁴ вкупе с соратниками по «новому искусству» – Д.С.Мережковским, Федором Сологубом («Мелкий бес»), Андреем Белым, Б.Темиряевым (Ю.П.Анненковым) и др.

Подведем итоги. *ПИ* – произведение гетерогенное и полифункциональное. Это текст историософский (метаисторический), иносказательно утверждающий идею роковой обреченности русской эмиграции «первой волны» и отображающий сам процесс разложения (изнутри и извне) ее культурных и общественно-политических институтов, самого ее жизненно-бытового уклада.

¹⁴⁰ См. об этом: *Цивьян Т.* Ремизов – своими и чужими глазами // Культура русской диаспоры. Саморефлексия и самоидентификация: Материалы международного семинара. Tartu, <1997>. С.99-118.

¹⁴¹ *Озерецковский Г.* Русский блистательный Париж до войны. С.141. Ср.: *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.128-129; у В.Вейдле: «А еще была у них (А.М. и С.П. Ремизовых. – А.Д.) совместная забота: ссорить между собой молодых или не столь уж молодых, своих друзей, нарушать их душевное спокойствие ревностью, завистью, вожделением и мало ли еще чем. <...> Получалось весело, но для играющих, а не для тех, кем они играли и кто порой переставал у них бывать» (Вейдле В. О тех, кого уже нет. С.328). Ср., с другой стороны, у В.Сосинского: «Боже, как он любил разыгрывать и обманывать людей, даже самых близких и любимых!» (Сосинский В. Рассказы и публицистика. М., 2002. С.153).

¹⁴² *Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.186-187.

¹⁴³ См. об этом: *Миц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов С.76-120.

¹⁴⁴ В этой связи см., напр.: *Данилевский А.* 1) Mutato nomine de te fabula narratur // А.Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сб. VII. Tartu, 1986. С.137-149. (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 735); 2) Герой А.М.Ремизова и его прототип // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Tartu, 1987. С.150-165 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 748); 3) A realioribus ad realia // Литература и история. Tartu, 1987. С.99-123 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 781); 4) О романе А.Ремизова «Пруд» // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. / Подгот. текста, послесл., коммент. А.А.Данилевского; вступит. ст., прилож. А.М.Грачевой. Т.1. М., 2000. С.508-524.

Это также – и более всего – текст металитературный. С одной стороны, он завуалированно живописует последовательное разложение и угасание русской эмигрантской литературы в 1930-е – 1950-е – сначала в славянских странах, затем в Западной Европе, одновременно представляя собой своеобразный ей панегирик.

С другой стороны, он являет собой иносказательную характеристику эмигрантской изящной словесности *in cogroge* и в отдельных ее центрах («русский Белград», «русский Париж», «русская Прага»), опосредованно дает представление о сложившихся – в целом и «на местах» – «расстановке сил» и иерархии, о насущных литераторских проблемах, из коих первая – поколенческая.

Наконец, с третьей стороны, этот же текст представляет свод эстетических ориентиров и творческих предпочтений писателей-изгнанников, их отношения к отечественным художественным традициям. Одновременно здесь же имплицитно представлены литературно-эстетические воззрения, пристрастия и антипатии самого автора *ПИ*. Согласно им, метящий в эмигрантские «литературные наполеоны» Ремизов в качестве такового Иванниковым не воспринимается: ему уготована незавидная, но крайне необходимая, с точки зрения литературной эволюции, роль «мелкого беса» эмигрантской словесности, «темной» фигуры, призванной противостоять первому писателю русского зарубежья – Бунину, служить ему негативным фоном и оттенять его «белизну». С естественным устранением главной фигуры этого противостояния диалектически отпадает, согласно Иванникову, и необходимость в фигуре теневой, фоновой, тем самым ремизовское творчество трех-четырёх последних лет лишается какого-либо значения, а эмигрантский литературный процесс как таковой обрекается на скорое затухание (в этой связи можно с уверенностью предположить, что замысел *ПИ* возник у Иванникова после смерти обожаемого им Бунина 8 ноября 1953).

Повторимся: все эти представления и оценки упрятаны Иванниковым и вычитываются лишь из подтекста рассказа, во всеоружии знаний о множестве его значений. Эксплицитно же для репрезентации необычайно сложной и крайне противоречивой личности Ремизова и для вящей ее выразительности автору *ПИ* потребовалось освоить «язык» ремизовского творчества, самому «заговорить» на нем. Тем самым в творческом развитии Иванникова объективно совершался процесс, уже знакомый нам по литературной эволюции Бунина (в интерпретации Ю.В.Мальцева¹⁴⁵) и В.Сирина-Набокова (в интерпретации А.А.Долинина¹⁴⁶): полемическое освоение чужой и

¹⁴⁵ См.: Мальцев Ю. Бунин. 1870–1953. <Frankfurt/Main:> Посев, 1994.

¹⁴⁶ См.: Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004.

чуждой (модернистско-авангардистской) поэтики обусловило кардинальные изменения в поэтике собственной. Последствия не заставили долго ждать: преодолев в повести «Искус»¹⁴⁷ значительное сириновское влияние, Иванников в рассказе «Чемпионат» (1969)¹⁴⁸ и в незаконченной повести «Счастье»¹⁴⁹ успел перед смертью выговориться собственным, ни на кого не похожим языком.

¹⁴⁷ Иванников М. Искус // Новый журнал. 1963. №74, декабрь. С.96-132; 1964. №75, март. С.43-77.

¹⁴⁸ Иванников М. Чемпионат // Там же. 1969. № 96, сентябрь. С.5-28.

¹⁴⁹ Иванников М. Счастье: Отрывок из повести // Русская мысль. 1968. №2707, 10 октября.

М.В.Шкаровский

МОНАСТЫРЬ ПРЕПОДОБНОГО ИОВА ПОЧАЕВСКОГО В СЛОВАКИИ

Среди нескольких десятков существовавших за пределами России монастырей Русской православной церкви особую и, вероятно, наиболее значительную роль играло монашеское Братство Преподобного Иова Почаевского, существовавшее в 1923–1946 на территории так называемой Пряшевской Руси – в северо-восточной части Словакии, населенной в значительной степени русинами. В начале XX в. произошло их «национальное пробуждение» в Закарпатье и Словакии. В 1939 на этой земле, где во времена Австро-Венгерской империи не было ни одного православного прихода, насчитывалась 121 тысяча православных верующих. Для них была основана епархия в юрисдикции Сербского Патриарха, епископ которой проживал в Пряшеве и имел титул Мукачевско-Пряшевского.

Монастырь Прп. Иова был известен прежде всего своей энергичной и широкомасштабной деятельностью по распространению религиозной литературы. В определенном смысле он являлся центром Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), почти единственным местом в Европе, откуда распространялось православное печатное слово по всем приходам русского зарубежья. Эта обитель в виде книгопечатного монашеского братства была основана в марте 1923 в словацко-русинской деревне Ладомирова (Владимирова) известным церковным деятелем архимандритом (позднее архиепископом) Виталием (в миру Василием Ивановичем Максименко; 1873–1960). До революции 1917 о. Виталий руководил работой самой круп-

ной церковной типографии России в Почаевской лавре¹, издавал журнал «Русский инок» и возглавлял на Воьлини местное отделение Союза русского народа; в 1919 он был схвачен и приговорен к смертной казни поляками, но освобожден по ходатайству Сербско-го Патриарха.

Архимандрит приехал в Ладомирову 25 марта 1923, после того как узнал, что в этой местности население нескольких сел вернулось из униатства к вере своих предков – православию. Отец Виталий ставил своей целью миссионерскую деятельность по распространению православия в Пряшевской Руси, кроме того, Архиерейским Синодом РПЦЗ ему было поручено создать типографию, которая бы продолжила традиции Почаевской. В 1934 архим. Виталий был хиротонисан во епископа и направлен в Нью-Йорк для окормления русских эмигрантов в Америке. Настоятелем обители стал архим. Серафим (Иванов), возглавлявший ее до 1944.

Уже в 1923–1924 в Ладомировой собралось несколько русских иноков. 21 ноября 1923 была заложена каменная церковь Св. Архангела Михаила. Ее строительство по проекту инженера В.Леонтьева завершилось через год, храм освятил православный архиеп. Пражский Савватий. Рядом с церковью в 1924–1926 был построен деревянный дом, в котором разместились миссия и типография. Позднее были возведены большой типографский корпус с домовою церковью, трапезная, экономический корпус, странноприимница и каменная часовня Владимирской иконы Божией Матери. Первоначально, с 1924, типография работала в Вышнем Свиднике, а в 1926 переехала в Ладомирову. В 1932 после технического переоборудования она официально была признана Архиерейским Синодом возобновленной исторической Почаевской церковной типографией. Уже в 1924 увидели свет первые богослужебные книги. Среди периодических изданий первым стал выходить «Православный календарь» (1924–1944).

С 1928 в Ладомировой дважды в месяц начала выходить газета «Православная Карпатская Русь» – единственный печатный орган православного движения на Карпатской и Пряшевской Руси. В ней, среди прочего, публиковались распоряжения Епархиального управления Мукачевско-Пряшевской епархии и информация о деятельности созданного в июле 1929 в Ужгороде Свято-Владимирского братства восстановления православия и охраны русской культуры на Карпатах. В 1934 этот печатный орган был преобразован в единственную в своем роде церковно-общественную двухнедельную газету «Православная Русь», выходившую тиражом 3 тыс. экземпляров и распространявшуюся в 48 странах.

¹ Типография при Свято-Успенской Почаевской лавре (Тернопольская обл., Украина) существовала с нач. XVII в. до 1918.

С 1935 также начал выпускаться ежемесячный журнал для детей и подростков «Детство во Христе» (с 1939 – «Детство и юность во Христе»), с 1939 периодически выходил богословский журнал «Православный путь». В 1936 и 1940 типография в Ладомировой выпускала каталоги своих изданий, которые и сейчас поражают количеством и разнообразием представленной в ней церковной и культурно-просветительной литературы: богослужебные книги и молитвословы, апологетические брошюры, религиозно-нравственные книги, разнообразные издания светского характера².

Кроме того обитель славилась мастерской по изготовлению икон, которые выполнялись в древнерусском стиле, здесь также изготавливались иконостасы, распятия и пр. К примеру, 28 сентября 1941 в с. Вилаги был установлен и торжественно освящен архим. Нафанаилом (Львовым) большой крест, выполненный настоятелем местного прихода о. Василием Птащуком. Распятие написал иеромонах Киприан (Пыжов).

С 1928 братство полностью перешло на монастырский устав и, не снижая объема книгопечатной работы, развернуло широкую миссионерскую деятельность по распространению православия в крае. Монастырь ежегодно посещали 2–3 тыс. богомольцев. Особенно много верующих приходило в обитель в день ее главного праздника Усекновения главы Свт. Иоанна Крестителя – в составе шести крестных ходов из города Межилаборцы и сел Медвежье, Бехерева, Порубки, Крайне Черного и Вагринца. Их привлекала хранившаяся в монастырской церкви святыня – подаренная афонскими монахами часть правой руки Иоанна Предтечи.

В феврале 1930 численность братии достигла 25 человек, пять из них имели высшее богословское образование. Важной частью жизни членов братства были культурные и благотворительные мероприятия. Ежегодно проходил День русской культуры, самым популярным был организуемый в обители с 1930 рождественский праздник «Русская елка». В 1938 его посетило 400 детей из окрестных деревень, и все получили подарки – одежду и елочные украшения. Монахи служили в православных храмах края, устраивали крестные ходы и т. д. В результате этой миссионерской работы численность членов православных общин в Словакии возросла с 2100 в 1921 до 12500 – в 1940³.

² Среди них книга И.Шмелева «Старый Валаам», словарь наиболее употребительных церковнославянских слов, книга прот. Иоанна Чернавина «Пушкин как православный христианин» и ряд др.

³ См.: *Harbulova L. Ladomirovske reminiscencie. Z dejin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej 1923–1944.* Preshov, 2000; *Ales P. Pravoslavna cirkev u nas.* Preshov, 1998; *Нафанаил (Львов), архим.* Страничка из жизни обители Преподобного Иова // Православная жизнь. 1996. №7. С.21-27.

С момента основания монастырь подчинялся Архиерейскому Синоду, но монахи обслуживали окрестные приходы Мукачевско-Пряшевской епархии, находившиеся в юрисдикции Сербской православной церкви, и поэтому состояли в ее клире, что создавало различные препятствия для деятельности братства. В 1937 игумен Серафим (Иванов) по поручению архиеп. Виталия (Максименко) составил положение о «Почаевско-братской типографии», в котором предлагалось изменить существующее положение:

Мотивы, побуждающие братство восстановленной Почаевской типографии прп. Иова во Владимировой просить о выходе из клира Карпаторусской Мукачевско-Пряшевской епархии:

1) Главная цель братства – восстановить Почаевскую типографию для будущей России, а до того времени служить общерусским церковным нуждам рассеяния.

2) Вторая цель – создать ядро идейного русского монашества из эмигрантов и вообще всех русских людей для будущей работы по восстановлению монашества в возрожденной России.

3) Устав епархии Мукачевско-Пряшевской определенно указывает, что настоятель монастыря и братский собор должны быть чешскими гражданами. Клаузула, что временно может быть настоятелем иностранный подданный, не может быть использована, ибо вопрос идет о постоянном устройстве типографского братства. Возобновители Почаевской типографии не могут и не имеют намерения сделаться чехословацкими гражданами, т. к. готовят себя для церковной работы в будущей России.

4) Предстоящая неизбежность автокефалии Православной Церкви в Чехословакии, если братство останется в клире этой Церкви, естественно сузит рамки деятельности Почаевской типографии и отвлечет ее от работы на общерусской церковной ниве со специальными заданиями, указанными в п. 1 и 2.⁴

В соответствии с этим предложением члены братства в дальнейшем перешли в юрисдикцию РПЦЗ, монастырь высылал Архиерейскому синоду ежегодные взносы на общецерковные нужды.

После раздела Чехословакии и ее частичной оккупации немцами и венграми ситуация существенно изменилась. Вследствие присоединения территории Закарпатья к Венгрии 15 марта 1939 Мукачевско-Пряшевская епархия была разделена государственной границей на две части. Подавляющее большинство православных приходов отошло к Венгрии, и на территории Словакии, формально провозглашенной независимым государством, осталось лишь 10 приходов епархии (по другим сведениям, 13 общин, пять из которых окормляли русские монахи), монастырь Прп. Иова и две церковные общины

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.6343. Оп.1. Д.275. Л.1, 8-15.

в юрисдикции митрополита Евлогия (возглавлявшего Западноевропейский экзархат Вселенского Патриархата) в Братиславе и Нитре.

Возглавлявший Мукачевско-Пряшевскую епархию епископ Владимир (Райч) фактически потерял возможность связи с Сербской церковью. Обсудив донесение игумена Серафима от 25 июля 1939 «о желательности при данной политической обстановке передачи православных приходов в Словакии из юрисдикции Сербской Церкви в юрисдикцию Епископа Берлинского и Германского <Серафима (Ляде)>» и приложенную к нему копию докладной записки благочинного приходов в Словакии прот. Василия Соловьева епископу Владимиру с аналогичными предложениями, Архиерейский Синод РПЦЗ 4 августа 1939 постановил:

- 1) Признать, что не встречается препятствий к осуществлению предложенного прот. В.Соловьевым мероприятия, если Сербская Церковная власть нашла бы осуществление его желательным;
- 2) О положении православных церквей в Словакии доложить Архиерейскому Собору, для чего передать при выписке из сего определения в Соборную Канцелярию все относящиеся к сему материалы.⁵

Но решение этого вопроса затянулось на два года.

Осенью 1940 была предпринята попытка открыть двухгодичные пастырско-богословские курсы с целью подготовки священников и иноков-миссионеров для русского зарубежья и в будущем – для освобожденной от советской власти России. 23 сентября Архиерейский Синод постановил:

Уведомить Преосвященного Архиепископа Берлинского и Германского Серафима о предположенном открытии при Типографском Братстве Прп. Иова Почаевского Пастырско-Богословских Курсов, предложив ему оказать этому делу всю возможную поддержку, о чем послать ему указ и уведомить указом же Настоятеля Типографского Братства архимандрита Серафима.⁶

В тот же день Архиерейский Синод заслушал устный доклад архим. Нафанаила (Львова) о выработанном духовным собором братства проекте положения о пастырско-богословских курсах и утвердил этот проект. В постановлении Синода отмечалось: «Курсы имеют целью подготовку приходских священников и монахов – миссионеров для церковной работы, как в эмиграции, так и в будущей освобожденной России». Начальником курсов был назначен настоятель монастыря архим. Серафим (Иванов), преподаватели назначались из кандидатов, представленных Архиерейскому синоду начальником курсов по соглашению с духовным собором братства.

⁵ ГАРФ. Ф.6343. Оп.2. Д.180. Л.1-2.

⁶ Там же. Д.195. Л.1.

Братство брало на себя содержание курсов, предоставляло им помещение и возможность для учащихся пользоваться монастырской библиотекой. Помимо двухгодичного богословского отделения имелось одногодичное общеобразовательное (подготовительное) отделение, на которое принимались православные верующие не старше 25 лет, а на первый (богословский) курс – не старше 50 лет. Число вакансий на каждый курс составляло от 5 до 12 человек. Выпускники могли быть настоятелями приходов, разъездными миссионерами, законоучителями в народных школах и младших классах средних учебных заведений. Соответствующий указ 4 октября 1940 подписал председатель Синода митр. Анастасий (Грибановский)⁷.

Была произведена запись учащихся. Приезду большинства из них помешала разгоравшаяся война, и в Ладомировой собралось лишь 13 юношей, в основном из деревень Пряшевской Руси⁸. Хотя словацкое Министерство просвещения к лету 1941 еще официально не разрешило деятельность курсов⁹, занятия фактически уже начались и в той или иной форме продолжались до 1944.

Учащиеся помогали в издательской деятельности. В октябре 1941 братство обратилось к русским жителям Словакии с призывом поступать работниками в типографию. При этом указывалось, что «лица, имеющие хотя бы неполное среднее образование, в свободное от работы время могли бы за зиму подготовиться к церковной работе в качестве священника или псаломщика»¹⁰. Всего за время существования монастыря в нем было подготовлено 20 священников.

Ладомировская обитель весь период своего существования была важнейшим центром русской эмиграции в Чехословакии. Братство поддерживало тесные контакты с эмигрантскими организациями в Праге и русскими обществами в Братиславе, Кошицах, Мукачеве и Ужгороде. Монастырь неоднократно посещали видные представители как церковной, так и светской эмиграции: бывший министр церковных дел Временного правительства А.В.Карташев, писатель И.С.Шмелев, философ И.А.Ильин, великие князья и пр. В частности, великий князь Никита Александрович, который 4 сентября 1943 переехал в Словакию из Италии, жил в обители вместе с семьей (женой Марией Романовой, сыновьями Никитой и Александром) более девяти месяцев – с 12 сентября 1943 по 30 июня 1944. Его дети учи-

⁷ См.: Православная Русь. 1940. №20. С.7.

⁸ Среди них был Василий Шкурла – ныне митрополит Лавр, Первоиерарх РПЦЗ.

⁹ Православная Русь. 1941. №10-11. С.7.

¹⁰ Там же. №17-18. С.7.

лись в монастырской школе. Покинуть Ладомирову великого князя заставила только эвакуация обители в связи с военной опасностью¹¹.

Число братии не было постоянным, оно изменялось – и в связи с тяжелыми условиями жизни, и по ряду других причин. Так, в 1930-е духовником обители и членом редакционного совета «Православной Руси» был старец с Афона иеросхимонах Кассиан, которого очень высоко ценил епископ Мукачевско-Пряшевский Дамаскин; в дальнейшем старец вернулся на Афон, где и скончался. Несколько лет в монастыре находился иеромонах Антоний (Медведев), будущий архиепископ. Еще одним известным насельником обители в 1930-е был иеромонах Алексей (в миру Александр Иванович Дехтерев), в 1934–1938 главный редактор «Православной Руси» (на этом посту его сменил архим. Серафим). Отец Алексей вел активную работу по внешкольному воспитанию и образованию детей, писал и выпускал книги для юношества и взрослых, в том числе труд о свт. Игнатии (Брянчанинове). В 1937 о. Алексей поселился в Мукачево, где стал редактором «Православного Карпатского вестника», затем служил в Ужгороде, Белграде, Александрии; в 1950 он был хиротонисан во епископа Пряшевского, а закончил свою жизнь архиепископом Виленским и Литовским (в юрисдикции Московского Патриархата)¹².

Помимо отъездов из обители, происходила естественная убыль – в связи со смертью некоторых насельников. Так, в 1932 скончался иеродиакон Иоанн (Нилябович), в 1933 – ближайший помощник архим. Виталия в издательской деятельности иеромонах Иов (Щуров), в 1936 – монах Дионисий (Ларкин). Их погребли на монастырском кладбище вблизи храма. Однако обитель постоянно пополнялась новыми членами.

К 1941 братия вместе с послушниками насчитывала около 30 человек, которые трудились в трех отделах: типографском, издательском и иконописном. Среди них были: архим. Серафим (в миру Леонид Иванов, будущий архиепископ), архим. Нафанаил (Василий Львов, будущий архиепископ, сын обер-прокурора Святейшего Синода В.Н.Львова), игумен Савва (Константин Струве, позднее архимандрит), игумен Филимон (Феомепт Никитин), иеромонахи Иов (Владимир Леонтьев, позднее архимандрит), Антоний (Иван Ямщиков, позднее архимандрит), Михаил (Никифоров), Георгий (Пыжов), иеродиакон Сергей (Борис Ромберг, позднее архимандрит) и Киприан (Кирилл Пыжов, благочинный братства, известный иконописец, позднее архимандрит), монахи Виталий (Ростислав

¹¹ См.: *Harbulova L. Ladomirovske reminiscencie. S.72.*

¹² См.: *Бувевский А.С. Алексей (Дехтерев) // Православная энциклопедия. Т.1. М., 2000. С.665.*

Устинов, будущий митрополит), Вячеслав (Владимир Нестеренко), Владимир (Николай Линдеман), Михаил (Канчуха), Афанасий (Федор Денчик), послушники Александр Кривопусков, Николай Ершов, регент хора Александр Белонин, Дмитрий Пыжов, Василий Винокуров, Борис Пелиг, Феодосий Чепак, Лев Павлинец, Василий Ванка, Иван Цупер, Василий Шкурла (будущий митрополит Лавр), Иван Чокина (позднее игумен Игнатий) и священник Михаил Курятник.

До нападения Германии на Сербию монастырь находился в непосредственном ведении Архиерейского Синода РПЦЗ, но затем связь с ним резко осложнилась. 10 апреля 1941 духовный собор обители постановил просить находившегося в юрисдикции РПЦЗ архиепископа Берлинского и Германского Серафима (Ляде) о покровительстве, и 16 сентября того же года владыка Серафим написал настоятелю, что берет на себя управление братством, а в апреле 1942 издал указ об оставлении монастырю права ставропигии¹³. Осенью 1941 архиеп. Серафим приезжал в Братиславу и рукоположил там во иеромонаха о. Виталия (Устинова), который с того времени служил по воскресеньям и праздникам в трех селах – Медвежье, Порубка и Корневци.

После нападения Германии на Югославию в апреле 1941 епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир был интернирован, а затем выслан на родину в Сербию, и православные приходы остались без архипастырского окормления. В ответ на их ходатайства архиеп. Серафим письмом от 16 сентября 1941 известил настоятеля монастыря о том, что принимает в свои руки управление словацкими приходами. Евлогийские общины также перешли в его ведение согласно договоренности от 3 ноября 1939, сохранив при этом свое юрисдикционное отношение к митр. Евлогию (Георгиевскому). 28 ноября 1941 архиеп. Серафим обратился в Рейхсминистерство церковных дел с ходатайством о включении словацких православных приходов в Германскую епархию. Министерство ответило согласием, о чем 12 декабря известило шефа полиции безопасности и СД, а 5 января 1942 – Министерство иностранных дел¹⁴.

26 мая 1942 Архиерейский Синод РПЦЗ принял решение о преобразовании Германской епархии в Среднеевропейский митрополичий округ во главе с Серафимом (Ляде), возведенным в сан митрополита. В состав этого округа вошли и все православные общины

¹³ См.: Русский Православный календарь на 1941 г. Ладомирова, 1940. С.20-27; см. также: Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей (АГЕ). Книга постановлений Духовного собора монастыря прп. Иова 1934–1948 гг. Б/л. (далее – Книга постановлений).

¹⁴ См.: Синодальный архив РПЦЗ в Нью-Йорке (далее – СА). Д.15/41. Л.16; Bundesarchiv Berlin (BA). R 901/69301. Bl. 110.

в Австрии, Словакии, протекторате Чехии и Моравии, значительная часть которых формально оставалась в сербской юрисдикции. Обеспокоенный председатель Сербского Синода митр. Иосиф 3 июля обратился к председателю Архиерейского синода РПЦЗ митр. Анастасию (Грибановскому) с просьбой иметь в виду права Сербской церкви на ее приходы в связи с образованием округа. В ответе владыки Анастасия от 11 июля говорилось, что сербские общины не рассматривались как составные части Среднеевропейского округа (в юрисдикционном плане).

9 июля 1942 митр. Анастасий написал митр. Серафиму, в ответ на письменную просьбу владыки от 11 апреля о возведении в сан архимандрита о. Саввы (Струве), что, со слов еп. Владимира (Райча), игумен Савва и сейчас считается состоящим в сербской юрисдикции, и поэтому может быть возведен в сан архимандрита только Сербским Синодом по представлению благочинного приходов в Словакии прот. В.Соловьева. В связи с этим Анастасий отметил, что хотя для дела православия необходимо попечение владыки Серафима о церквях сербской юрисдикции в Словакии, инициатива возведения в новый сан о. Саввы должна исходить от приходов, которым следует испросить на это разрешение у Сербского Синода.

Первоиерарх РПЦЗ предупреждал, что Сербская церковь «несколько обеспокоена, чтобы внешние условия не отразились на ее прерогативах и в частности, чтобы мы не присоединили окончательно к своей Церкви некоторые ее пределы, в настоящее время от нее отрезанные, в том числе и приходы в Словакии». Впрочем, продолжал Анастасий, Сербский Синод сам обратится с посланием к митр. Серафиму: «Сделанными там указаниями или выраженными там пожеланиями Ваше Высокопреосвященство, конечно, и будете руководствоваться на будущее в предупреждение возможных осложнений в отношениях между двумя Церквями, которые были бы особенно нежелательны в настоящий момент»¹⁵.

Послания Сербского Синода так и не последовало, но 11 и 15 июля митр. Анастасий еще дважды писал владыке Серафиму о необходимости считаться с юрисдикционными правами Сербской церкви. 12 августа 1942 последовал эмоциональный ответ митр. Серафима, в котором он отверг все обвинения о покушении на эти права:

Прежде всего, открытие и организацию Средне-Европейского Митрополичьего Округа я понял, конечно, только в том смысле, что в состав этого Округа входят только приходы, находящиеся в юрисдикции Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, но не сербские приходы. Я прекрасно понимаю, что захват мною сербских приходов только еще более

¹⁵ СА. Д.24/42.

осложнил бы положение нашего Архиерейского Синода. Поэтому я никогда не покушался на сербские приходы, не подчинил их моей юрисдикции...

Православные приходы в Словакии. Я откровенно признаюсь, что я взял эти приходы в мое временное управление. Я никак не предполагал, что это нежелательно Свящ. Синоду Сербской Православной Церкви, ибо после основания самостоятельного словацкого государства Преосвященный Владимир, Епископ Мункачский, настоятельно просил меня взять эти приходы в свое управление, так как он лишен возможности управлять этими приходами. Но ведь Преосвященный Владимир и теперь не в состоянии управлять этими приходами, и они фактически оказались без высшего епископского управления. А между тем, по требованию словацкого правительства, эти приходы должны легализовать свое существование, в противном случае они лишатся правительственной субсидии. Сознывая безвыходность <положения> приходов, администратор, назначенный Преосвященным Епископом Владимиром, прот. В.Соловьев, просил меня взять введенные ему приходы в мое временное управление. Желая легализовать эти приходы и этим облегчить их ненормальное положение, я поехал в Братиславу и после ознакомления с положением церковных дел посетил Министерство, заступился за эти приходы и выхлопотал им правительственную денежную помощь.

Как прежде, так и теперь прот. В.Соловьев является администратором всех православных приходов в Словакии, вообще все осталось по-прежнему, без всяких изменений. Еще раз повторяю, что я никогда не решился бы на этот шаг, если бы Преосвященный Владимир не обращался ко мне с многократными соответствующими просьбами. Думаю, что Преосвященный Владимир не откажется подтвердить это мое утверждение. Вся моя деятельность носила только характер братской помощи приходам, оказавшимся в тяжелом положении.

Мне кажется, что Сербский Синод должен был бы благодарить меня, а не протестовать против этой моей помощи, совершенно бескорыстной. Неужели интересы Сербской Православной Церкви пострадают вследствие того, что я временно принимаю на себя заботы о приходах, находящихся в настоящее время вне сферы влияния Сербского Архиерейского Синода и Преосвященного Епископа Владимира? Ведь моя помощь только временная мера в пользу Сербской Православной Церкви... Я полагаю, да и ныне полагаю, что мой долг – делать все от меня зависящее ради спасения Православия. Неужели это преступление?¹⁶

В конце концов конфликт с Сербской церковью был улажен, и митр. Серафим управлял православными приходами Словакии до начала 1945.

¹⁶ СА. Д.24/42.

При этом неоднократно возникали новые осложнения. Активная издательская и миссионерская деятельность братства Прп. Иова еще до начала войны с СССР вызывала сильную тревогу у немецких властей.

23 октября 1940 Главное управление имперской безопасности (РСХА) отправило специальному уполномоченному при немецком посланнике в Братиславе штурмбаннфюреру СС Хану письмо по поводу проводимой монастырем потенциально опасной для Германии панславянской деятельности:

Было установлено, что панславянские круги внутри Православной церкви на территории генерал-губернаторства поддерживают тесные связи с Владимировским (Ладомировским. – *М.Ш.*) монастырем в Словакии. Настоятель монастыря архимандрит Серафим руководит русофильской православной церковной деятельностью в восточном пространстве. Насколько здесь известно, эта миссионерская работа организуется при поддержке бывшего чешского сенатора Юрко Лазо, который в свое время принадлежал к партии Бенеша. Главной областью интересов этой миссии являются Восточная Словакия, Закарпатская Украина и Лемковщина в генерал-губернаторстве.

Архимандрит Серафим ранее был старшим лейтенантом артиллерии в царской армии. Настоящим руководителем работы является его заместитель – русифицированный немец проф. Петр Струве¹⁷. В монастыре имеется собственная типография, в которой издается газета «Православная Русь». Через священника Ткачука, который, как и Струве, по убеждениям является русифицированным немцем, этот центр панславянской православной миссии имеет связь с Берлинским архиепископом Серафимом.

Характерной чертой данной панславянской православной миссии являются попытки отколоть украинские группы от общекраинской массы. Это пытаются сделать, прежде всего, на Лемковщине с помощью русофильского течения в православном духовенстве. Глава данного русофильского течения – священник Павлишин, который, как доказано, до осени 1939 года тесно сотрудничал с польскими ведомствами. Так как возникло подозрение, что эти русофильские течения могут быть каким-либо образом связаны с просоветскими движениями, а, кроме того, поскольку в Краковском округе наблюдались сильные волнения среди украинского населения, просим собрать более точные сведения о Владимировском монастыре и объеме его деятельности. Намечен перевод священника Павлишина из Кзарне в Радомский

¹⁷ Ошибка. Имеется в виду игумен Савва (в миру – Константин Петрович Струве), сын известного ученого-экономиста П.Б.Струве, в эмиграции – редактора выходивших в Париже газет «Возрождение» (1925–1927), «Россия» (1927–1928), «Россия и славянство» (1928–1934).

округ, вследствие чего, могут быть ослаблены связи с Владимировой.¹⁸

Штурмбаннфюрер Хан исполнил данное ему поручение и 5 декабря 1940 посетил братство. В его письме от 15 декабря (пересланным в РСХА 14 января 1941) говорилось, что на момент посещения обители три типографских станка печатали газету «Православная Русь», журнал «Детство во Христе», книги псалмов и религиозные листки. При этом отвергалась версия, что появившиеся в Словакии коммунистические листовки напечатаны в монастыре, который ведет пропаганду не в «московском», т. е. советском, а в имперском духе: «Теперь становится ясным, что Ладомировский монастырь станет опорным пунктом Российской империи, своего рода подготовительным и сборным пунктом для будущего царской России в том случае, если ситуация начнет развиваться таким образом, а также если благодаря чрезвычайно притягательному влиянию этого монастыря русские и украинские эмигранты начнут собираться, и усмотрят в стремлениях украинцев к самостийности “жало в собственной плоти”». Хан также отмечал, что если в Словакии и дальше будут применяться террористические методы против украинцев, то монастырь может значительно расширить свое влияние, так как мечты о Российской империи у местных набожных украинцев «падают на благодатную почву». При этом монастырь имеет своих приверженцев и среди словаков католиков и униатов, поскольку они знают монахов как бывших царских офицеров, «то есть офицеров того государства, от которого ранее ожидали блага все славяне Австро-Венгрии»¹⁹.

Следует отметить, что в обители, возможно, издавали не только церковную литературу. По некоторым сведениям, в монастырской типографии печаталась программа («Схема») подвергавшейся репрессиям нацистов русской политической организации Народно-трудовой союз²⁰.

В связи с тем, что основное направление деятельности братства нацистами оценивалось негативно, чинились всевозможные помехи распространению его периодических изданий на территории Третьего рейха. Поначалу, 29 января 1941, отдел прессы при правительстве Германии, а 19 февраля также и Министерство церковных дел разрешили ввоз этих изданий. Но когда монастырь запросил Общество

¹⁸ Institut fuer Zeitgeschichte Muenchen (IfZ). MA 558. Bl. 381222-381223; см. также: *Seide G.* 1) Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Wiesbaden, 1983. S.280-283, 298; 2) Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Muenchen, 1984. S.64-71.

¹⁹ IfZ. MA 558. Bl. 381224-381229.

²⁰ См. об этом: *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Т.1. М., 1994. С.333.

по торговле иностранными изданиями, то оно, вероятно по указу РСХА, 4 апреля сообщило издателям, что их желания «не могут быть удовлетворены по принципиальным соображениям». На новый запрос последовал повторный отказ – от 1 августа 1941. Архим. Серафим (Иванов) писал 4 августа в немецкое посольство в Братиславе, что приходится отправлять «Православную Русь» из Словакии по почте, причем газета доходит до получателей только в Берлине и в Вене, и то нерегулярно, а в провинциальные города и на территорию протектората (то есть в Чехию) вообще не попадает²¹.

Вскоре после начала войны с СССР от своего разрешения отказался также и отдел прессы. 17 ноября 1941 он известил МИД, что начальник полиции безопасности и СД Гейдрих запретил ввоз на территорию рейха и в оккупированные районы религиозных периодических изданий, печатаемых в Словакии. Эти издания попадали под действие запрета на русскую эмигрантскую литературу, изданного отделом прессы с согласия МИД 12 октября 1941²². Наложённый запрет касался и оккупированных территорий.

Начало войны между Германией и СССР было воспринято иноками братства как сигнал для практической работы по возрождению Русской православной церкви. 22 июня 1941 духовный собор обители постановил:

...всем братством присутствовать на следующий день на утрени и литургии, оставить образы русских святых в церкви на все время войны и во все это время совершать перед ними ежедневно молебен Спасителю, Божией Матери и всем русским святым; всем мантийным монахам ежедневно творить по 25 поклонов с молитвой: «Господи Иисусе Христе, спаси Россию и воскреси святую Православную Русь»; в конце иноческих служб петь: «Все святые земли Русския, молитесь Бога о нас».²³

28 июня в первом после начала войны номере «Православной Руси» была опубликована «Молитва о спасении России». В сопроводительной редакционной статье архим. Серафим писал:

В эти дни совершающегося суда Божия над безбожным коммунизмом, нам, русским зарубежникам, первым делом, главным подвигом своим надо поставить горячую молитву ко Господу о воскресении святой Православной Руси. Это не значит, что мы должны оставить все наши дела и житейские попечения и всецело предаться молитве. Конечно, благо тому, кто может так поступить. Воистину он больше всех сделает для спасения России. Но встать раньше обыкновенного на полчаса и лечь позже обычного на то же время, отдав этот освободившейся час молитве, каждый

²¹ ВА. R 901/69300. В1. 90-95.

²² Там же. R 901/69301. В1. 1.

²³ АГЕ. Книга постановлений.

сможет. И, одновременно, в продолжение всего рабочего дня, держать посильно в уме и сердце святые слова: «Господи Иисусе Христе, воскреси святую Православную Русь».²⁴

Хотя в отношении немцев у монахов были разные точки зрения, большинство из них после нападения Германии на СССР не сомневалось в ее поражении. В 1994 митр. Виталий (Устинов) писал епископу Григорию (Граббе):

...мне вспомнилось время начала Второй мировой войны, когда Вы были чрезвычайным энтузиастом того факта, что восстал Гитлер, и что он, как великий вождь, сокрушит большевизм и вернет нам нашу Родину. Я тогда бесконечно спорил с Вл<адыкой> Нафанаилом, тогда еще Архимандритом. Мы спорили невероятно, т. к. он был исполнен какой-то патологической неприязнью ко всему Германскому народу и, конечно, Гитлеру. А я ему на это отвечал: «батюшка, разве Вы не видите, что он идет на свою гибель и на страшное поражение своей родины? Разве можно ненавидеть такого человека и такую нацию, которая идет к своей гибели?» Во время войны перед нашими воротами днями и ночами шли немецкие эшелоны. В подтверждение мною сказанного, наш праведный о. Филимон с нами поделился однажды своим сном, в котором он видел, что идут немцы в шлемах, а возвращаются без шлемов. Это было до какой-то степени подтверждение моих чувств, что Германия погибнет. А Вы тогда были полны энтузиазма...²⁵

16 сентября 1941 настоятель монастыря писал архиеп. Серафиму (Ляде), что посетивший Ладомирову эмигрант из России барон фон Каульбарс (позднее, в 1944, участвовавший в антигитлеровском заговоре немецких офицеров) согласился взять с собой на территорию СССР своего знакомого иеромонаха Иова (Леонтьева) – в качестве корреспондента «Православной Руси». Отца Иова снабдили антиминсом, священными сосудами и облачением для совершения богослужений, дали для распространения два тюка богослужебных книг, иконок и газет. Иеромонах также планировал посетить некоторые русские города с целью осмотреть исторические святыни и указать, на какие нужно обратить внимание, чтобы они не погибли. Каульбарс обещал через четыре-пять недель после возвращения о. Иова устроить поездку в Россию и архим. Серафима и еще нескольких монахов, с тем, чтобы объехать лагеря военнопленных и посетить с богослужениями русские города. Но эти планы не осуществились.

Питая надежду на возможность перенесения всей деятельности братства в Россию, архимандрит Серафим указывал:

²⁴ Православная Русь. 1941. №12. С.1.

²⁵ СА. Личное дело еп. Григория (Граббе).

Мы продолжаем спешно готовить для освобождающейся Русской Церкви миссионерскую литературу, а попутно и сами готовим себя для миссионерской работы там. От нашего аввы Владыки Виталия мы имеем уже благословение при первой возможности перенести нашу миссионерскую работу в Россию, так что с этой стороны препятствий не будет.²⁶

Подобное разрешение было получено и от председателя Архирейского Синода митр. Анастасия. Еще 22 июня 1941 настоятель обители от имени всех насельников обратился к Синоду с просьбой располагать всеми силами братства для «возможной миссионерской работы на русской территории, или с русскими пленными, или иными какими путями». Одновременно о. Серафим предложил для тех же целей все имеющиеся на складе запасы религиозных изданий (в это время заканчивалось печатание 2,5 тыс. экз. Великого Сборника и 1,5 тыс. экз. учебника Закона Божия). 27 июня митр. Анастасий благословил миссионерскую работу братства и распорядился заняться составлением противоатеистических брошюр²⁷.

В конце сентября 1941 настоятель монастыря известил митрополита о поездке о. Иова. В ответном письме от 10 октября владыка спрашивал, не может ли Каульбарс помочь скорейшему разрешению общего вопроса о перенесении церковной работы Зарубежной русской церкви «в родные пределы». Митр. Анастасий также поблагодарил о. Серафима за разумный выбор выпущенных книг и порекомендовал добавить издание Нового Завета небольшого формата для снабжения им советских военнопленных и населения занятых немцами областей России²⁸.

При личной встрече с архим. Серафимом в Белграде в марте 1943 митрополит указал ему:

1. В случае если <...> призовут на работу в Россию в качестве типографского братства, поехать, врозь же не ездить, разве для информации послать одного-двух <монахов>. 2. При работе в России стараться сохранить подчинение Заграничному Синоду, если же это будет не полезно, подчиняться митр. Алексию (Громадскому, главе Украинской автономной Церкви. – *М.Ш.*), но ни в коем случае не митр. Сергию <Страгородскому>.²⁹

Однако поездка иеромонаха Иова оказалась одним из немногих исключений – переселение братства на оккупированные восточные территории не было разрешено.

И все же монастырь, резко увеличив объемы своей издательской деятельности, смог существенно помочь церковному возрождению

²⁶ СА. Д.15/41. Л.16-17.

²⁷ Православная Русь. 1941. №12. С.4; №13-14. С.6.

²⁸ СА. Д.15/41. Л.9.

²⁹ АГЕ. Книга постановлений.

на Родине. С 30 октября 1941 «Православная Русь» стала выпускаться со специальным приложением, которое определялось как «первый дар русских за пределами России освобожденному от большевизма Отечеству» (в редакционный совет газеты входили архимандриты Серафим, Нафанаил и игумен Савва). По просьбе архиеп. Серафима (Ляде) это приложение и брошюры, предназначенные для России, решено было печатать в новой орфографии, уже ставшей привычной для жителей бывших советских территорий.

Обстановку в монастыре того времени хорошо передает письмо жительницы Словакии Е.Сомовой в Швейцарию, вскрытое немецкой цензурой в Вене и пересланное для сведения Верховному командованию вермахта:

Как же это прекрасно! Монахов здесь не так много, всего 12 человек, зато количество помощников, а также послушников гораздо больше. Все они трудятся для России. Проводятся курсы для священников. Типография печатает книги с целью проповедования Евангелия, а также распространения его в России. Некоторые монахи уже уехали в Россию в качестве миссионеров. Теперь другие, с высоким школьным образованием, юные и энергичные также служат делу. Но ядро образуют монахи, бежавшие во время <Гражданской> войны из России (представители крупнейшего русского монастыря Почаевской Лавры)³⁰.

Несмотря на запрет, «Православная Русь» «всеми правдами и неправдами» попадала в оккупированные восточные районы, прежде всего при помощи русских переводчиков и солдат-русинов, служивших в словацких подразделениях в составе вермахта. В одной из послевоенных брошюр РПЦЗ об этом рассказывалось так:

Немцы строжайше запрещали отправку какой бы то ни было литературы в занятые ими области. Но благодаря тому, что население России за духовную литературу щедро вознаграждало людей, приносивших ее, многие солдаты словацкой армии перед отъездом на фронт приходили в монастырь преп. Иова и, получая там религиозные издания, передавали их населению в занятых немцами областях, а монастырь получал трогательные благодарственные отклики даже из-под Сталинграда.³¹

Для раздачи словацким солдатам в монастырской типографии также отпечатали запас иконок: Спасителя, Божией Матери, прп. Серафима Саровского, свт. Николая Чудотворца и прп. Иова Почаевского. Стараясь использовать любые возможности для распространения духовной литературы, в апреле 1942 братство обратилось даже к главе Румынской православной миссии в Транснистрии

³⁰ ВА. R 5101/22183. В1. 38-40; R 901/69292. В1. 65.

³¹ Православная Русская Зарубежная Церковь. Монреаль, 1960. С.17.

(то есть на юго-западной Украине) – с предложением содействия в снабжении литературой.

Вторым главным регионом распространения печатной продукции обители стала Германская епархия. В середине 1942 архиеп. Серафим (Ляде) сумел добиться отмены общего запрета на ввоз изданий монастыря на территорию Третьего рейха, протектората (Чехии), Бельгии, Голландии и Сербии. Вскоре Епархиальный миссионерский комитет передал типографии братства два крупных заказа – на печатание 60 тыс. кратких молитвенников и 300 тыс. Евангелий от Иоанна. Они предназначались для распространения среди восточных рабочих и военнопленных.

Кроме того, монастырь издал и другие Евангелия, 5 тысяч требников в четырех частях, церковные календари и большое количество брошюр религиозно-нравственного содержания. Так, в 1942–1943 были изданы шесть выпусков апологетических брошюр миссионерской серии «За Веру»: «Есть ли Бог?», «Был ли Христос», «Почему коммунисты гонят Христа?», «Православие и неправославие» и др. Авторами некоторых изданий являлись насельники обители, в частности в 1941 – начале 1942 были выпущены написанные архим. Нафанаилом учебники для начальных школ по Ветхому и Новому Завету, а также апологетическая брошюра «Беседы о Боге и духовном мире». Об объемах типографской деятельности можно судить по тому, что в январе 1943 настоятель ходатайствовал в Братиславе о получении очередного разрешения на вывоз из Словакии четырех с половиной тонн литературы.

Для осуществления этой работы монахи собирали пожертвования местных жителей. Так, иеромонах Иов с 15 марта по 1 июля 1942 собрал в 12 населенных пунктах Западной Словакии 17 518 крон, еще несколько тысяч собранных в Братиславе, Мартине и Зволине пожертвований внесли архим. Серафим и иеромонах Виталий. Однако для издательской деятельности нужны были куда более значительные суммы, и их удалось получить от Синода Болгарской православной церкви. Первый взнос в 300 тыс. левов поступил в июле 1942 по ходатайству митрополита Берлинского Серафима (Ляде), что дало возможность напечатать 3 тыс. экземпляров на престольного Евангелия. В знак благодарности в обители на первой тысяче сделали надпись «Дар освобожденной Русской Церкви от братской Болгарской Церкви».

В марте 1943 настоятель братства архим. Серафим лично приехал в Софию. Результаты поездки превзошли все ожидания. Священный Синод предоставил 600 тыс. левов на печатание 100 тыс. экз. Евангелия от Иоанна, а также требника и служебника; кроме того, проживавшие в Софии русские эмигранты за два дня собрали 7700 левов. Болгарский Синод обещал взять обитель под свое покровитель-

ство и впредь постоянно оказывать ей моральную и материальную поддержку. На пути в Болгарию и обратно архим. Серафим посетил Белград, где доложил митр. Анастасию о жизни обители и собрал пожертвования местных русских эмигрантов на сумму, равную 16300 левам³². В середине ноября 1943 состоялась вторая поездка архим. Серафима в Софию. Он был принят председателем Синода митрополитом Видинским Неофитом и некоторыми другими болгарскими иерархами, получил 300 тыс. левов на печатание четвертой части требника и 40 тыс. апологетических брошюр. Русские прихожане в Болгарии собрали еще 40 тыс. левов, а в Белграде (где о. Серафим вновь сделал доклад о работе братства митр. Анастасию) – 11 тыс. динаров³³.

Помимо выпуска литературы в монастыре также изготавливали и необходимые для возрожденных российских церквей антиминсы. Так, 24 декабря 1941 настоятель писал архиеп. Серафиму (Ляде), что вышлет ему вскоре 20 антиминсов для освящения и просит пять из них вернуть обители. К июлю 1942 более 100 напечатанных в братской типографии на шелковых платах антиминсов были освящены Серафимом и отправлены в Россию, Белоруссию и на Украину. К этому времени на них уже служили в ряде церквей Смоленской, Минской, Могилевской, Витебской и Киевской епархий. В целом их было изготовлено значительное количество: только в августе 1942 было закуплено полотно для производства 500 антиминсов, к октябрю отпечатано более 400, из которых большая часть уже была освящена архим. Серафимом и послана в Россию; осенью 1943 братство изготовило еще 400 антиминсов³⁴.

В конце 1942 было получено разрешение на ввоз в рейх газеты «Православная Русь». При этом германские власти поставили такие условия: «Уличная продажа была строго запрещена, а разрешено исключительно распространение по подписке и продажа внутри православных церквей». Но использовать это послабление пришлось недолго. С 10 января 1943 издание «Православной Руси» было вообще прекращено словацкой администрацией по требованию немецких властей (или, по другой версии, «из-за недостатка в стране бумаги»). Вместо газеты братство стало издавать сборники «Летопись

³² См.: АГЕ. Книга постановлений; ГАРФ. Ф.6343. Оп.1. Д.375. Л.126; см. также: *Seide G. Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland*. S. 120; *Никитин А.К.* Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998. С.338.

³³ См.: Поездка настоятеля братства препод. Иова Почаевского архим. Серафима в Болгарию // *Жизнь Церкви*. Вып. 2. Владимирова, 1943. С.37-38; *Церковная жизнь*. 1943. №12. С.171.

³⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.500. Оп. 1. Д.456. Л.226; *Seide G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland*. S.282.

Церкви» и «Жизнь Церкви» с освещением текущих церковных событий³⁵.

В появлении запрета, возможно, сыграли свою роль и внутренние словацкие обстоятельства. Еще в сентябре 1941 правительство выразило пожелание, чтобы Православная церковь в этой стране, если уж ее нельзя сделать самостоятельной, была некоей автономной единицей, более опосредованно входящей в РПЦЗ, по возможности с собственным епископом, имеющим подданство Словакии. 11 ноября 1941 архим. Серафим (Иванов) также писал митр. Анастасию (Грибановскому) о попытке министерства устроить в Словакии из Церкви автономию. На этой почве порой возникали конфликты с русским духовенством. Так, 8 сентября 1942 немецкое посольство сообщало в Берлин:

Архимандрит Нафанаил Ладомировский, несмотря на неблагоприятную позицию правительства, пытается основать епископскую кафедру в Прессбурге <Братиславе>, чтобы таким образом содействовать распространению Русской церкви. В качестве епископа он рассматривает себя самого. Если же этому плану не суждено осуществиться, то он собирается основать епископскую кафедру в Вене и оттуда окармливать Словакию.³⁶

Осуществить этот план не удалось. В сентябре 1942 словацкое правительство потребовало официального введения должности администратора с назначением на нее гражданина Словакии, которому должны подчиняться все местные православные священники. В середине сентября состоялись две приема министром Ф.Тисо архим. Серафима (Иванова) и благочинного православных приходов прот. Василия Соловьева. Правительство приняло к утверждению устав Православной церкви в Словакии, предусматривавший создание в стране автономной православной епархии во главе с епископом или временно заменяющим его администратором. Согласно уставу, епархия (а временно администрация) являлась составной частью Средневропейского митрополичьего округа РПЦЗ.

Кандидатура о. Василия в качестве администратора не вызвала особого одобрения с немецкой стороны. 14 октября 1942 из пражского отдела СД писали в Главное управление имперской безопасности, что словацкое правительство, возможно, в обозримом будущем произведет временное назначение Соловьева.

Вскоре благочинный прот. В.Соловьев все-таки был назначен администратором, причем братство Прп. Иова согласилось, чтобы он в церковно-административных делах представлял обитель перед го-

³⁵ См.: Православная Русь. 1947. №1. С.1; Никитин А.К. Нацистский режим и русская православная община в Германии. С.338.

³⁶ IfZ. MA 558, VI. 381249; SA. D.15/41. Л.16.

сударственными властями. Отец Василий оставался в этой должности до 7 сентября 1944, затем указом митр. Серафима (Ляде) был уволен и запрещен в священнослужении, а на его место назначен уже упоминавшийся игумен Савва (Струве)³⁷.

В целом каких-либо значительных антицерковных акций в Словакии, в отличие от нацистской Германии, не было. Можно предположить, что это было связано с тем, что во главе этого славянского государства в годы войны находился католический священник Иосиф Тисо³⁸. Однако униаты все же подвергались государственному давлению с целью заставить их перейти в католичество, в результате их число уменьшилось на 60 тыс. Число же православных почти не изменилось: в 1940 – 12500, в 1943 – 12 тыс.³⁹.

Первая попытка добиться возобновления выхода газеты «Православная Русь», предпринятая настоятелем монастыря Прп. Иова в январе 1943, оказалась неудачной. 1 февраля 1943, рассказывая об итогах своей поездки в Братиславу на заседании духовного собора обители, архим. Серафим обрисовал положение как серьезное: «на Православие нажим. Священники лишаются подданства. Об открытии “Православной Руси” не может быть и речи». Весной 1943 власти получили донос, что монахи якобы «воспитывают детей из словацких сел в русском духе и действуют во вред словацкому государству». Разбираться в его обоснованности в обитель приехала полиция, проводившая допросы насельников⁴⁰.

Но в мае 1943 братству все-таки удалось возобновить газету, выпуск которой осуществлялся непрерывно вплоть до эвакуации обители в августе 1944. При этом запрет на ее ввоз (как и другой духовной литературы) в оккупированные восточные области сохранялся до конца войны. Тираж «Православной Руси» во второй половине 1943 – 1944 был значительно меньше, чем до закрытия, – всего 500 экз., из них 250 рассылались по подписке в Словакии, 100 – в Болгарии и 20 – в Швейцарии, в Германию пересылку так и не решились⁴¹.

Доклад архим. Серафима об издательской деятельности обители был специально заслушан 25 октября 1943 на единственном в годы

³⁷ См.: Ebenda; Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа. Берлин, сентябрь 1944. С.2 (далее – СР, с указанием даты и страницы); Православная Русь. 1942. №16.

³⁸ Иосиф (Иозеф) Тисо (Josef Tiso; 1887–1947) – в 1939–1945 президент Словакии. Обвинен в национальной измене, казнен в 1947.

³⁹ См.: *Adrianyi G. Geschichte der Kirche Osteuropas im 20 Jahrhundert*. Paderborn, 1992. S.86.

⁴⁰ См.: СА. Д.38/43.

⁴¹ См.: АГЕ. Книга постановлений.

войны Архиерейском совещании РПЦЗ в Вене. После обсуждения доклада совещание вынесло братству благодарность «за громадную неутомимую и успешную издательско-просветительную работу». Митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму была высказана просьба и далее оказывать помощь братству, способствуя получению им разрешения на распространение изданий в Германии и восточных областях. Совещание также выразило благодарность Синоду Болгарской православной церкви за щедрую помощь монастырю и высказалось за издание в первую очередь Праздничной Минеи, так как «в ней ощущается большая нужда». Относительно орфографии при печатании молитвословов было признано желательным наряду с церковнославянским текстом помещать русский перевод в новой орфографии⁴².

Несмотря на загруженность типографской работой, монахи по мере сил оказывали помощь и так называемым остарбайтерам (восточным рабочим). Летом 1942 они стали встречать на словацких станциях впервые появившиеся эшелоны с людьми, насильно угоняемыми на работы в Германию, снабжали их провизией, крестиками, духовной литературой. Позже от этих восточных рабочих в обитель приходили сотни писем о тяжелой жизни в Третьем рейхе, которые частично публиковались. В Братиславе в то время находилось около 300 русских эмигрантов, и почти все они тоже приходили на вокзал, приносили остарбайтерам еду, папиросы, иконки, молитвенники. Братиславский русский приход выделил деньги на продукты, передал 1 тыс. крестиков и заказал еще 3 тыс.

В праздник Пресвятой Троицы иеромонах Иов (Леонтьев) после богослужения в братиславской церкви призвал прихожан к сбору средств на помощь остарбайтерам, который дал 1 тыс. крон. Словацкие власти сначала пытались помешать этой работе, но затем предоставили право посещать эшелоны о. Иову, 25 представителям русской колонии Братиславы и настоятелю местного прихода архим. Михаилу (Дикому). Братиславский приход также отправил в Россию несколько священнических облачений и разнообразную церковную утварь⁴³.

В ноябре 1942 в монастыре стали появляться первые беглецы, покинувшие принудительные работы, а также советские военнопленные, бежавшие из лагерей. Сначала их оставляли при обители, но когда весной 1943 число беженцев возросло, монахи, используя свои связи, начали устраивать их на службу в различные учреждения и хозяйства. Таким образом за лето 1943 через монастырь прошло 40 человек. Осенью вышел новый закон, по которому Словакии запрещалось давать у себя приют беженцам из Украины и России без специального

⁴² См.: СА. Д.38/43.

⁴³ См.: Православная Русь. 1942. №11-12; №13-14.

разрешения германских властей, но братство по-прежнему помогало им, выдавая за беглецов из Венгрии, Румынии и Сербии.

Вскоре по требованию немцев в Словакии был создан лагерь на 105 человек для пойманных беглецов, не сумевших достать необходимые документы. Архим. Нафанаилу (Львову) удалось устроить в лагере временную церковь и трижды провести богослужения, но затем словаки выдали всех заключенных Германии. Спасение беглецов продолжалось и в 1944, в это время при помощи монахов на работу в различные места уже было устроено более 100 человек. Братство оказывало и денежную помощь. К примеру, получив в апреле 1943 деньги за свою литературу, посланную в Германию, монастырь пожертвовал их на строительство православной церкви в с. Медвежьем и часовни в с. Порубка. А 24 сентября 1943 духовный собор обители постановил выделить 15% всех своих средств на нужды русских, пострадавших при бомбардировке Берлина⁴⁴.

Различные германские ведомства все время войны пытались осуществлять надзор за деятельностью насельников обители. Так, 14 октября 1942 пражский отдел СД сообщил в Главное управление имперской безопасности, что в Ладомировском монастыре воспитывают всех русских православных священников в Словакии, которых особенно много в области Пряшова. 26 ноября полицейский атташе Германского посольства в Словакии доложил в венский отдел СД о переводе из-за границы значительных денежных сумм в Ладомирову, 12 декабря 1942 о том же сообщил и пражский отдел СД. Наконец, 11 сентября 1943 полицейский атташе посольства еще раз напомнил венскому отделу СД о результатах своего наблюдения за монастырем и предложил сделать совместный доклад шефу Полиции безопасности и СД⁴⁵.

31 июля 1944, ввиду приближения советских войск, в соответствии с указанием митр. Анастасия «в случае прихода большевиков, взяв с собой главные святыни, всей братии уходить всеми возможными путями», большая часть насельников покинула обитель и переселилась в Братиславу. В обширном здании на берегу Дуная (ранее использовавшемся под склад), предоставленном одним из русских эмигрантов, была устроена домовая церковь Прп. Иова и иноческое общежитие. Но в монастыре все же до января 1945 оставалось шесть насельников во главе с игуменом Саввой (Струве).

В отсутствие архим. Серафима переселение в Братиславу организовал благочинный и эконом иеромонах Иов (Леонтьев). 24 октяб-

⁴⁴ См.: Нельский Е. <архим. Нафанаил>. Очерки жизни русских в Германии (1942–1947 гг.) // Православная Русь. 1947. №2. С.9-11; №3. С.9-12; №5. С.6-8; №6. С.12; м. также: АГЕ. Книга постановлений.

⁴⁵ См.: IfZ. MA 558. Bl. 381250-381253. Текст доклада не сохранился.

ря 1944 Архиерейский Синод РПЦЗ постановил возвести о. Иова во игумена за успешную эвакуацию братского имущества (в том числе 10 тонн богослужебных книг), а также наградить наперсным крестом иеромонаха Киприана (Пыжова) за сооружение храма на подворье обители в Братиславе.

К этому времени состав братии несколько изменился. В первой половине 1942 умер служивший на приходе в с. Чертежное иеромонах Михаил (Никифоров), а 20 июля того же года – иеромонах Георгий (Пыжов), пятый насельник, похороненный на братском кладбище. После смерти о. Михаила обслуживать церковь в Чертежном и общину в расположенном неподалеку г. Межилаборцы (где находилось кладбище русских воинов, павших в Первую мировую войну) из монастыря был направлен местный уроженец о. Игнатий (Чокина), возведенный в сан игумена. Архиерейский Синод, кроме того, был вынужден рассматривать дело самовольно покинувшего обитель монаха Вячеслава (Нестеренко), постановив лишить его монашества, если он в месячный срок не вернется в монастырь. Правда, к такому наказанию прибегать не пришлось, о. Вячеслав вскоре вернулся. Постепенно появлялись новые насельники: иеродиакон Геласий (Майборода, позднее архимандрит), священник Константин Махлячук, послушники Борис Рыбников, Яков Демиденко и Василий Ковшов.

В конце 1944 уже в Братиславе в братство вступил послушником бывший член тайной иосифлянкой общины Петр Чернобыль (в дальнейшем архим. Нектарий), эвакуировавшийся с Украины. В своих воспоминаниях о. Нектарий писал, что в числе посещавших храм русских эмигрантов, беженцев и восточных рабочих был один тверянин, отбывавший в 1930-е срок заключения в лагере вместе с катакомбным схиепископом Петром (Ладыгиным). Этот очевидец рассказал о схиепископе и мучениях заключенных в советских лагерях на специально устроенной встрече с братией⁴⁶.

Даже в сложных условиях временного пребывания в Братиславе монахи смогли наладить типографскую работу и, по многочисленным просьбам мирян, напечатать тысячу церковных календарей на 1945 год и один номер «Православной Руси» (от 22 октября 1944). Кроме того, они ездили окормлять паству в соседние городки и села. Больше всего иноки беспокоились о судьбе духовных книг, которых оставалось на складе еще более 50 тонн. В конце концов их удалось отправить в трех вагонах в Германию в надежде на спасение. Но два вагона сгорели при бомбардировках в Карлсбаде и Ульме, а третий достался советским войскам в Вене. Удалось спасти лишь три боль-

⁴⁶ См.: *Нектарий (Чернобыль), архим.* Воспоминания. Джорданвилл, 2002. С.47.

ших ящика литературы в Карлсбаде, которые в дальнейшем стали главным источником богослужебных книг для почти двухсот православных приходов в послевоенной Германии.

С 26 июля по 1 августа архим. Серафим обсуждал дальнейшую судьбу обители и миссионерской типографии в Берлине и Торгау с митр. Серафимом (Ляде), был намечен маршрут эвакуации. В начале января 1945 братство вместе с сопровождавшими лицами в количестве 49 человек выехало из Братиславы в Берлин, затем в начале февраля основная часть – в Баварию, где, окормляя части вооруженных сил Комитета освобождения народов России, оставалась до конца войны. 18 мая 1945 в составе 17 человек братство прибыло в Швейцарию⁴⁷.

После отъезда большей части братии в Берлине остались архим. Нафанаил (Львов), исполнявший обязанности настоятеля кафедрального собора Воскресения Христова, и иеромонах Виталий (Устинов). Отец Нафанаил опубликовал в 1947 интересные воспоминания о религиозной жизни русских берлинцев во время четырех последних месяцев войны:

Какой изумительный подвиг совершался на наших глазах. Эти юноши и девушки, поработанные жесточайшей немецкой властью, угнетенные каторжной, нечеловеческой работой на фабриках и заводах тоталитарной войны, – они по воскресеньям, часто после бессонной ночи, проведенной на работе, спешили толпой в церковь... И гестапо было вынуждено сдать: народное море переплеснулось через края преград. Лагерные начальники пытались их попросту не выпускать из лагерей. Но девушки и юноши по утрам переползали через заборы, пробирались под колючей проволокой, окружающей лагерь, и все-таки приходили в церковь... И с самого раннего утра по воскресеньям безостановочной густой лентой шла эта родная толпа от ближайших станций метро к православным церквам. Немецкие власти не решались пойти на крайние средства и признали себя побежденными духовной жадой этих людей... С пяти часов утра все многочисленные иереи соборного клира, все бесчисленные священники, съехавшиеся в Берлин, множество батюшек, пришедших на богослужение из лагерей, где они сами работали как простые рабочие, – в общей сложности иногда до двух-трех десятков священников по разным углам храма начинали исповедовать говеющих.⁴⁸

По свидетельству архим. Нафанаила, в феврале 1945, после эвакуации из Берлина немецких центральных учреждений, для право-

⁴⁷ См.: Григорий (Грabbе), *еп.* Завет Святого Патриарха. М., 1996. С.328; Seide G. Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. S.70; АГЕ. Книга постановлений; СР. Июнь 1944. С.2; Там же. Ноябрь 1944. С.3.

⁴⁸ Нельский Е. Очерки жизни русских в Германии (1942–1947 гг.) // Православная Русь. 1947. №7. С.9–10.

славного духовенства открылась перспектива почти неограниченной возможности работать. От чиновников, оставшихся без контроля со стороны начальства, можно было за небольшую взятку (кофе, шоколад, батарейки и т. д.) получить что угодно: «За эти блага мы покупали у лагерь-фюреров, у маленьких агентов арбайтсфронта и других людей, влиявших на жизнь наших остов, разрешения на открытие церквей по лагерям, на устройство там школ или просто на преподавание там Закона Божия». Таким же образом удалось освободить из лагерей многих священников, которым поручали совершение богослужений во вновь открываемых церквях. При кафедральном соборе были организованы курсы Закона Божия, посещавшиеся сотнями восточных рабочих, и т. д. Всего отцы Нафанаил и Виталий за февраль – апрель 1945 совершили богослужения в 20 лагерях, в пяти из которых создали церкви. Только 30 апреля, уже во время штурма Берлина советскими войсками, оба монаха покинули город и добрались до Гамбурга, где стали служить в местной русской церкви⁴⁹.

В Ладомировой в январе 1945 добровольно оставались трое насельников: возведенный в сан архимандрита о. Савва (Струве) – он один из немногих имел чехословацкое гражданство, монах Вячеслав (Нестеренко) и послушник Василий Винокуров. Здания монастыря сильно пострадали от бомбардировки советской авиации: типографский, экономский корпуса, трапезная, странноприимница и сарай были превращены в развалины. Однако обитель в Ладомирове под окормлением епископа Пражского Сергия (Королева) существовала еще больше года, закрыли ее уже новые чехословацкие власти в 1946 (в это время о. Савва тяжело заболел). Последний настоятель монастыря архим. Савва скончался 13 марта 1949 и был похоронен на кладбище вблизи храма обители. Церковь Св. Архангела Михаила сохранилась и в наши дни служит приходским храмом.

4 марта 1946 Архиерейский Синод постановил:

1. Разрешить основному составу Братства Прп. Иова во главе с настоятелем архим. Серафимом отбыть в Америку, чтобы присоединиться к Свято-Троицкому монастырю и с ним вместе вести работу среди местного населения; 2. Образовать в Европе два подворья братства – временное в Женеве и постоянное в Мюнхене, для того чтобы эта часть братства послужила ядром для образования обителей в Европе; оба подворья сохранить в непосредственном подчинении Синода на правах ставропигии; настоятелем подворья в Германии назначить игумена Иова (Леонтьева) с возведением в сан архимандрита.⁵⁰

⁴⁹ Там же. С.11-12, №8. С.4; см. также: СА. Д.24/42.

⁵⁰ См.: СА. Протоколы заседаний Архиерейского Синода, 1940–1948 гг.

Значение монастыря Прп. Иова в истории русской церковной эмиграции трудно переоценить. Он вел самую активную издательскую, миссионерскую и культурно-просветительную работу среди всех обителей русского зарубежья. Особенно уникальное явление представляет собой деятельность монастыря в годы войны, ставшая возможной потому, что Словакия формально являлась самостоятельным государством и власти нацистской Германии не могли прямо вмешиваться в события, происходившие на ее территории. Хотя после окончания войны обитель в Ладомировой прекратила свое существование, однако ее насельники фактически создали два главных монастыря РПЦЗ, существующие в наши дни: Прп. Иова Почаевского в Мюнхене (Германия) и Пресвятой Троицы в Джорданвилле (США).

Несмотря на то, что участок земли для Свято-Троицкого монастыря в штате Нью-Йорк был куплен в середине 1930-х, лишь приезд 15 декабря 1946 в Джорданвилл 13 монахов Иово-Почаевского братства с их святыней – чтимой иконой прп. Иова с частицей мощей святого позволил создать полноценную обитель. Архиеп. Виталий (Максименко), основатель Ладомировского братства, стал настоятелем Свято-Троицкого монастыря, он же создал в Джорданвилле типографию, издательство и Духовную семинарию, став ее первым ректором. Кроме того, Ладомировская братия явилась «кузницей кадров» архиереев РПЦЗ. В состав братии в разное время входили пять будущих архиепископов и два последних Первоиерарха РПЦЗ: митрополит Виталий (Устинов) и нынешний глава Церкви митрополит Лавр (Шкурла).

Д Эпистолярная

«...МЫ С ВАМИ ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ ЛЮДИ»

Письма Г.В.Адамовича А.П.Бурову (1933–1938)

Публикация О.А.Коростелева

Александр Павлович Буров (наст. фам. Бурд; 1870–1957) остался в истории литературы преимущественно как человек, субсидировавший журнал «Числа», да как прототип рассказа Набокова «Уста к устам». Но в эмиграции его знали также и по другим причинам. Одни видели в нем плодовитого литератора, автора более полутора десятков книг, выходявших также и в переводах на немецкий и французский языки, сотрудника «Иллюстрированной России» и «Чисел». Для других главный интерес был не в этом. Буров по сравнению с большинством эмигрантов был довольно состоятельным человеком и вдобавок страстно любил литературу, трепетно относясь к печатному слову и охотно идя навстречу просьбам о помощи, а таких просьб от эмигрантских литераторов поступало очень много. Изрядная часть упоминаний его имени в переписке эмигрантских писателей (и в примечаниях современных исследователей) связаны именно с этим обстоятельством. К.Д.Померанцев позже написал: «Можно сказать, что вместе с находящимся в Нью-Йорке “Литературным фондом” помощи русским писателям и ученым в изгнании существовал “Буровский фонд” такой же помощи, и одному только Богу известно, какой из этих фондов больше помогал»¹.

Вряд ли сейчас кому-нибудь придет в голову переиздавать произведения Бурова. Однако в последнее время появились публикации из его архива, и весьма любопытные: обстоятельный обзор фонда с фрагментами переписки Бурова с Бунинным, Тэффи, Оцупом, Даманской, Балакшинным и другими эмигрантскими писателями², а также письма к Бурову

¹ Померанцев К. Александр Павлович Буров // Русская мысль. 1957. №1125, 24 октября. С.5.

² «Чудак, дурак, “писатель”, богатей...» (Александр Буров и его корреспонденты) / Обзор С.В.Шумихина // Встречи с прошлым. Вып. 10. М., 2004. С.551-644 (далее – Встречи с прошлым, с указанием страницы). В своем обзоре

редактора берлинской газеты «Новое слово»³. Данный материал развивает эту тему.

Биография Бурова достаточно подробно изложена в обзоре С.В.Шумихина, и возвращаться к ней еще раз необязательно. Но было бы вполне уместно дополнить некоторыми деталями историю его взаимоотношений с Адамовичем и «Числами».

Подробный разбор коллизии Бурова с «Числами», легшей в основу рассказа В.Набокова «Уста к устам», проделан в книге С.Давыдова⁴. Давыдов обстоятельно проанализировал рассказ Набокова и пришел к выводу: «Вымысел и изощренная фантазия <...> здесь уступает место действительности, факту, документу»⁵. Рассматривая комплект «Чисел» в качестве фона создания рассказа, Давыдов нашел множество возможных заимствований и подтекстов и сделал ряд остроумных наблюдений, не все из которых, впрочем, имеют отношение к реальности.

Дело в том, что рассказ Набокова написан в конце 1931. Брайан Бойд, ссылаясь на дневник Е.И.Набоковой, приводит точную дату завершения рассказа «Уста к устам» – 6 декабря 1931⁶. К тому времени вышли четыре книги «Чисел» (пять номеров, в том числе один сдвоенный – №2/3). После выхода четвертого номера его соредактор и патрон Ирма де Манциарли прекратила финансирование журнала, и Н.А.Оцуп, оставшийся единоличным редактором, стал усиленно искать мецената для продолжения издания. С пятого номера в «Числах» и появился Буров, до того вынашивавший планы собственного журнала. Именно эта ситуация (разумеется, радикально преображенная набоковским пером) и легла в основу рассказа.

Параллели, сравнения и сопоставления Давыдова, построенные на материале позднейших номеров «Чисел» (а Давыдов находит заимствования и в шестом, и в сдвоенном седьмом/восьмом, и в девятом номерах), относятся, скорее всего, как раз к области «вымысла и изощренной фантазии»⁷.

С.Шумихин пишет: «Точную дату смерти “чудака”, “писателя”, “богатея” установить пока не удалось. Упоминание о нем как об умершем некоторое время назад в Амстердаме появилось в нью-йоркском “Новом русском слове” 16 октября 1957 года» (Встречи с прошлым. С.573). В сообщении парижской газеты указана точная дата: «8 октября после краткой, но тяжелой болезни в Амстердаме скончался А.П.Буров. Погребение состоится в Амстердаме в субботу 12 октября» (Русская мысль. 1957. №1120, 12 октября. С.6). Та же дата значится и в некрологе: «Во вторник 8 октября в Амстердаме на 88-м году жизни скончался» (Померанцев К. Александр Павлович Буров).

³ «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...»: Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову (1934–1938) / Публ. С.В.Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Т.8. СПб.; Париж, 2007. С.301-338.

⁴ Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. München: Verlag Otto Sagner, 1982. С.10-51 (далее – Давыдов, с указанием страницы).

⁵ Там же. С.40.

⁶ Boyd Brian. Vladimir Nabokov: The Russians years. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1990. P.373.

⁷ Давыдов рассматривает «интересные случаи метонимической подстановки по смежности», когда «от случайной синтагмы “Г.А. – Анна Таль” в “Числах” идет прямая линия к протагонистам рассказа Галатову и И.Б.Талю (псевдоним:

Впрочем, главного факта это не отменяет, и в основном Давыдов, безусловно, прав. Прототипами рассказа Набокова послужили именно редакторы «Чисел» и Буров. Другое дело, что отношения их были гораздо более долгими и прочными, чем в рассказе. Публикации Бурова появились во всех пяти последних книгах «Чисел». Редакция напечатала его роман «Была земля» (растянув его на три книги: №5, 6 и 7/8), а также два рассказа: «Мужик и три собаки» (№9) и «С одинокими Господь» (№10). На известной, неоднократно воспроизводившейся групповой фотографии сотрудников «Чисел» присутствует и Буров как один из постоянных авторов.

В письмах Адамовича к Бурову «Числа» почти не упоминаются, всю переписку по финансовым вопросам журнала вел Оцуп. Зато в письмах других литераторов к Бурову «Числа» фигурируют очень часто, причем, по преимуществу, в самом нелестном контексте. Можно сказать, что к прекращению «Чисел» приложили руку многие эмигрантские литераторы.

Адресаты Бурова с характерной для россиян любовью к ближнему один за другим спешили отметить в осуждении финансируемых им «Чисел»: А.Ф.Даманская 16 марта 1931: «О “Числах” – это “Альманахи” для дефективных подростков <...> Очевидно, Манциарли, субсидирующая журнал, убедилась уже в том, что “заплачут ее денежки”»; А.В.Амфитеатров 3 марта 1932: «Странное издание! Каких, должно быть, огромных денег оно стоит, и как жаль, что этакие суммы в подобное тяжкое время уплывают на голый эстетический снобизм!»; И.А.Бунин 27 июня 1933: «Хотел написать Вам, поругать “Числа”»; В.М.Деспотугли 29 июня 1933: «Пусть же он покроет как следует господ из “Чисел” за последнюю книжку. <...> девятая книжка “Чисел” – арапская»; О.Дымов 15 июля 1933: «“Числа” – до чего убого почти все и жалостливо»; П.П.Балакшин 28 ноября 1934: «В недавней заметке

Анненский» (Давыдов. С.47), и делает неожиданные предположения: «Псевдоним “А.Ильин”, которым редакция “Ариона” подписала пролог к роману Ильи Борисовича, может быть, навеян псевдонимом Михаила Осоргина (М.А.Ильин)» (Там же. С.216). Вообще-то решение начинающего литератора взять псевдоним И.Анненский смешно само по себе, без всяких дополнительных смыслов. Думается, других целей Набоков в данном случае не имел. Если сравнивать все со всем (руководствуясь советом Ю.Олеши), можно вспомнить не только Осоргина, но и любого другого Ильина (в эмиграции одних только философов Ильиных вон сколько было, в жизни и творчестве каждого из них нетрудно найти массу остроумных параллелей с рассказом Набокова, не говоря уж об «интересных случаях метонимической подстановки по смежности»). Пользуясь этим увлекательным приемом, можно сделать много других, не менее интересных сравнений. К примеру, фамилия Евфратский с тем же успехом могла произойти от запретного плода. Именно так трактует Ю.Левинг (со ссылкой на пояснение Д.В.Набокова к переводу «Волшебника») употреблявшееся В.В.Набоковым выражение «эвфратский абрикос» (Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. Т.5. С.653). «Арион» вполне мог отсылать не напрямую к стихотворению Пушкина, а к петербургскому кружку искусств, в деятельности которого в 1918 принимали участие будущие столпы «Чисел» Георгий Иванов и Георгий Адамович. Ну, и так далее. Эти словесные игры можно было бы продолжать сколь угодно долго, будь в них хоть какой-то смысл, помимо развлечения.

о десятой книге “Чисел” я привел, как ключ к парижской поэзии, непревзойденные слова Адамовича (Вашего “Виссарионовича”): “голубое ля-ля-ля”⁸. Немудрено, что в конце концов Буров сдался, в дальнейших субсидиях «Числам» отказал, и лучший в эмиграции молодежный журнал прекратил существование (надо думать, ко всеобщей радости).

Адамович в письмах со свойственной ему деликатностью пытался объяснить Бурову, каким он видит его творчество, и, похоже, даже не очень кривил душой. Во всяком случае, его отзывы о Бурове в письмах другим литераторам не так уж радикально отличаются от мнений, высказанных в печати и в письмах самому Бурову (с необходимыми поправками на вежливость Адамовича и обычный для него светский тон). Отзывы из писем Адамовича к Бурову (равно как и из писем Бунина к нему же) можно свести к одной нехитрой фразе: «Пока что выходит не ахти как, но продолжайте, может, когда и получится».

Любопытно, что Адамович, многими исследователями безоговорочно определяемый как «издавний враг»⁹, вечный оппонент и непримиримый противник Набокова, в письмах Бурову все время Набокова защищает, хотя, казалось бы, с расхожим мнением о «травле» Набокова «числовцами» (по уверениям некоторых, Адамовичем и организованной) это никак не согласуется.

Чуть подробнее стоит остановиться на отзывах Адамовича о творчестве Букова. Среди исследователей по этому поводу нет единодушия, одни пишут, что критик невероятно льстил бездарному автору ради денег, другие предполагают, что он делал это во имя спасения «Чисел». Не знаю, брал ли кто-нибудь на себя труд ознакомиться с этими крохотными заметками, времени это заняло бы немного, поскольку все они крайне невелики по объему.

Трудно сказать, что должен был думать автор, да и читатели о таком, например, отзыве (рецензия приводится целиком):

«Под небом Германии» Александра Букова – книга, не лишенная достоинств. Автор вспоминает о России, рассказывает о теперешнем житье-бытье в эмиграции, – и порой читать его интересно... Этот сборник рассказов и очерков едва ли кого-либо взволнует или увлечет, но многие перелистают его с удовольствием.¹⁰

Следующим был долгожданный для Букова отзыв о нем как писателе в самой популярной газете эмиграции «Последние новости». Правда, в общем обзоре очередного номера «Чисел» о нем было всего несколько слов, которые, к тому же, затруднительно счесть грубой лезтью:

У Букова в «Мужике и трех собаках» есть страницы удачные – и рядом другие, полные условностей. Это очень неровный писатель, у которого притом крупные нелады с русским языком. Но одушевленные его неподдельно.¹¹

⁸ Цит. по: Встречи с прошлым. С.563, 589, 605-606.

⁹ Давыдов. С.38.

¹⁰ Иллюстрированная Россия. 1931. №18(311), 25 апреля. С.21.

¹¹ Последние новости. 1933. №4481, 29 июня. С.4.

Остальные рецензии не намного больше и ничем не отличаются от обычных дежурных отзывов Адамовича на новые издания. Книга «Была земля» удостоилась рецензии в один абзац:

Если бы тот проблематический «будущий историк», о котором так любят говорить критики, пожелал ознакомиться с душой и настроениями русского эмигранта, незадачливого «беженца», щепки срубленного леса, – книга Бурова была бы ему полезна. В ней не только есть внимание к жизни, но и понимание ее. Представлен, как говорится, калейдоскоп людей <...>. ¹²

Единственный полновесный отзыв (на полторы журнальных страницы и вдобавок подписанный полным именем, а не инициалами) Адамович дал о книге «Земля в алмазах», опубликовав его в десятом номере «Чисел». Преследовала ли эта рецензия, помимо всего прочего, цель спасти умирающий журнал, трудно сказать. Во всяком случае, цели этой она не достигла, далее финансово поддерживать «Числа» Буров отказался, десятый номер стал последним. Остается удивляться, как Адамович ухитрялся даже в таких случаях говорить в рецензиях то, что хотел сказать:

В этой книге есть одно большое достоинство: она написана страстно. <...> Под напором страсти, в пылу одушевления, автор нарушает литературные традиции, насилует язык, сбивается с вымысла на исповедь, нередко попадает даже в смешное положение... Но оглядываться ему некогда. Ему надо как можно скорее рассказать о том, что «наболело в груди». Все остальное ему кажется пустяками. <...> Он непрерывно нажимает педаль, не придавая никакого значения чистоте звука. Порой он даже кое-где сфальшивит, «смажет». <...> Чего не хватает Бурову? Чувства меры, прежде всего. Его книга, в сущности, сплошной крик, на одной ноте. <...> Сборнику предпослано курьезное предисловие под названием «Слышишь ли, батько?» <...> Конечно, таких предисловий писать не полагается, – кто этого не знает? Но применять мерки добрых литературных нравов и доброго вкуса к странной, многоречивой, какой-то неистовой книге Бурова невозможно. Она от таких мерок ускользает, а те, которые к ней действительно подходят, – совсем другого порядка. ¹³

Количеством и качеством отзывов иностранной критики Буров мог бы похвастаться с гораздо большим основанием. Какие именно отношения связывали его с французскими и немецкими литераторами, пока что остается только гадать. Возможно, причины были те же самые, а возможно, в переводах его произведения выглядели более пристойно, чем на языке оригинала (сборник рассказов Бурова на французском, к примеру, вышел с предисловием академика Жюль Ромена).

Добывание денег для «Чисел», для друзей и для себя лично, безусловно, входило в задачи Адамовича. Но чрезмерных похвал в его рецензиях на Бурова не заметно. Больше похоже, что он действительно писал то, что думал. Другое дело, что не будь необходимости спасать «Числа», он эти книги

¹² Числа. 1933. №7/8. С.272 (подп.: Г.А.).

¹³ Там же. 1934. №10. С.282-283.

вообще вряд ли стал бы читать и тем более рецензировать, выбирая для отзывов другие темы.

Все рецензии Адамовича на книги Бурова написаны исключительно в период «Чисел». После войны Адамович отзывов на его произведения не публиковал, хотя их отношения и переписка продолжались еще многие годы.

25 мая 1950 Адамович сообщал в письме В.Н.Буниной:

Вы мне писали о «грандиозном» обеде для бедных в Русском Доме. Как раз в день получения Вашего письма я у Руманова встретился с Буровым, который мне сообщил, что деньги дал он. Впрочем, Вы это, вероятно, знаете. Кстати, Буров, как ни в чем не бывало, бросился меня обнимать и, кажется, был удивлен только моими словами, что с меня все его писания как с гуся вода. Зато когда я ему сообщил, что И<ван> А<лексеевич> идиотскую его книгу читал и всеми его выдумками наслаждался, он схватился за голову, завопил «ой, ой, ой!» и сел на пол. (Это вполне точно.) *A part cela*¹⁴, он мне менее противен, чем некоторые другие конфреры¹⁵, которые сумасшедшими не притворяются.¹⁶

После войны Буров продолжал, выражаясь языком более поздней эпохи, «занимать активную жизненную позицию» в большинстве актуальных для эмиграции вопросов. Он то вновь и вновь обличал кадетов и прочих «губителей России» (преимущественно в своих беллетристических книгах, изданных за собственный счет), то обращался к общественности с призывами возродить Тургеневскую библиотеку, то пытался собирать и угощать весь эмигрантский бомонд¹⁷.

На чествовании А.П.Бурова по случаю 50-летия его литературной деятельности 26 декабря 1953 в зале Русского музыкального общества с речами выступили В.Н.Ильин, Ю.К.Терапиано, А.В.Руманов, П.С.Ставров и др. Адамович и на этот раз сумел увильнуть и на собрании не присутствовал. 21 января 1954 он писал В.Н.Буниной: «Получил сегодня письмо от Бурова, который “рвет и мечет”, что Зайцев не был на его чествовании. Я тоже не был, и на меня тоже сыпятся его горькие упреки, – впрочем, с добавлением, что я должен искупить свой грех статьей о нем в “Н<овом> Р<усском> Слове”»¹⁸.

Отзывы литераторов о себе Буров, судя по всему, любил страстно и добивался их всеми способами. Еще до войны он выпустил отдельным изда-

¹⁴ Помимо этого (*франц.*).

¹⁵ От *confère* (*франц.*) – брат, коллега.

¹⁶ Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В.Адамовичем (1926–1961) / Публ. О.Коростелева и Р.Дэвиса // И.А.Бунин: Новые материалы. Вып. 1. М., 2004. С.96.

¹⁷ См., например, свидетельство К.Д.Померанцева: «В прошлом году по инициативе Александра Павловича и на его средства в день Рождества был устроен завтрак-встреча русских зарубежных писателей, журналистов, артистов и художников. Такие встречи – целью которых было хоть на несколько часов, в тесном дружеском кругу, заставить забыть русских изгнанников о их тяжелой судьбе, – должны были устраиваться ежегодно» (*Померанцев К. Александр Павлович Буров*).

¹⁸ Там же. С.117.

нием собрание критических отзывов о себе (их было совсем немного, зато брошюра вышла на русском языке с параллельными переводами на французский и английский)¹⁹. После войны печатал отзывы в приложениях к собственным книгам, переняв этот прием у иностранных издателей. Так, к его трехтомному опусу «Бурелом. Роман-летопись поколений последних императоров» (Париж, 1955–1957) прилагались отзывы Г.Иванова, В.Сперанского, В.Рудченского и др. 18 сентября 1956 Адамович писал А.А.Полякову: «Жоржа Иванова о Бурове я тоже читал с удивлением, – но относилось оно не к Жоржу, а к редактору. Жоржа Вы хорошо знаете: ему все все равно, лишь бы были деньги. А тут, конечно, без денег не обошлось, да он этого и не скрывает»²⁰.

Среди эмигрантских писателей находилось немало тех, кто готов был за деньги Бурова сравнить его хоть с Шекспиром. Были, впрочем, и такие, кто вполне искренне восхищался его писательским дарованием (среди них не только приятели Бурова В.Деспотули, О.Дымов, П.Балакшин).

И Георгий Иванов, и многие другие благосклонностью и простодушием Бурова пользовались не раз. Адамович считал это простительной слабостью, прекрасно понимая бедственное положение эмигрантских литераторов. 8 июля 1958 в письме к Одоевцевой Адамович выражал недоумение по поводу лести Георгия Иванова в адрес С.Маковского, добавляя: «Я понимаю писать, что Буров – Лев Толстой»²¹. Сам он, однако, принимать в этом участия не хотел, не считая при этом зазорным давать советы попавшим в трудное положение приятелям, объясняя, как вести себя с Буровым. Отдельные фрагменты писем с такого рода советами публиковались²², при желании можно без труда найти и другие примеры.

Адамович на все уговоры Бурова так больше никогда и не поддался и, несмотря на настойчивые требования, отзывов в печати о нем не давал. Когда вышла его книга «Одиночество и свобода», многие эмигрантские литераторы (в том числе и Буров) были крайне обижены, не увидев в ней даже упоминания своего имени. 18 октября 1955 Буров писал С.К.Маковскому:

Читали Вы книгу Адамовича «Одиночество и свобода»? Куда делась *литературная советь*²³ этого моего большого приятеля тридцатилетней давности?! Писать о... фельетонистке Тэффи, приписывая ей гоголевские слезы через смех <так!>, и ни единой строкой о нас?! Ни о Вас, ни слова о Крымове, ни звука о Г.Иванове, ничего

¹⁹ *Bourov A. / Буров А.* Под небом Германии; Земля в алмазах; Была земля. Берлин: Парабола, <1935>.

²⁰ VAR. A.A.Poliakov Collection. Box 1. F.1.

²¹ Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955–1958) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С.490.

²² См. фрагменты писем Адамовича к Л.Д.Червинской, а также Георгия Иванова к С.И.Аничковой-Таубе в примечаниях к публ.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды... С.425.

²³ Здесь и далее в письмах курсив автора.

об А.П.Б.²⁴, – куда же еще переть?! Хотя немало рецензий (и лестных) писал о моих книгах, – но нас в книгу не включил.²⁵

Готовя к печати свой «Бурелом», Буров был особенно настойчив в требованиях отзывов, и 6 января 1956 Адамович писал Одоевцевой: «Само по себе это почти хамство напоминать (как Буров в письмах ко мне, требуя статьи о “Буреломе” – еще на днях)...»²⁶. В отдельные периоды, когда сетования Бунова заходили слишком далеко, наступало охлаждение в отношениях. 22 декабря 1956 Адамович писал Одоевцевой: «На завтрак Бунова не иду, т. к. у меня в 3 часа идиотская лекция для студентов Петербургского университета. Но после моей переписки с Буновым этой осенью, я и рад, что не могу пойти»²⁷. Размолвки, однако, обычно были недолгими. Отходчивый Буров вскоре менял гнев на милость и вновь принимался добиваться расположения критика, однако Адамович оказался «жестокосердечным»²⁸.

Прочитав в «Русской мысли» от 12 октября 1957 сообщение о смерти Бунова, Адамович написал В.Н.Буниной 30 октября 1957: «Сегодня получил с большим запозданием «Русскую Мысль» и узнал о смерти Бунова. Еще один»²⁹.

Письма Адамовича (и многих других литераторов) в конце 1930-х были переданы А.П.Буровым в Русский культурно-исторический музей в Праге. Ныне хранятся в РГАЛИ (в декабре 1990 в составе архивного фонда №2274 были переведены со спецхрана на общее хранение). Публикуются по оригиналам (РГАЛИ. Ф.2274 (А.П.Буров). Оп. 1. Ед. хр. 16). Сохранились ли послевоенные письма Адамовича к Бурову, нам неизвестно.

1.

11, rue Daguerre
Paris, XIV
12 мая 1933

Глубокоуважаемый Александр Павлович,

Спасибо за милое письмо и память. Не ответил Вам сразу, так только на днях вернулся из Ниццы¹. Кроме того, думал, что

²⁴ Так Буров именует сам себя.

²⁵ Встречи с прошлым. С.558.

²⁶ Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды... С.423.

²⁷ Там же. С.437.

²⁸ Так его назвал А.А.Яблоновский, комментируя в своем фельетоне коллизию, вспыхнувшую вокруг статьи М.Цветаевой «Поэт о критике» (Яблоновский А.А. В халате // Возрождение. 1926. №338, 6 мая. С.3). Подробнее см.: Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояния / Предисл., сост. и примеч. О.А.Коростелева. М., 2000. С.141-149.

²⁹ Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В.Адамовичем (1926–1961). С.146.

Вы в Париже были проездом, – и лишь вчера узнал, что Вы еще здесь.

Примите мой самый сердечный привет.

Искренне Вам преданный

Георгий Адамович

¹ Адамович провел в Ницце почти всю весну и лето 1933, с редкими короткими приездами в Париж, – в марте тяжело заболела его мать, жившая в то время в Ницце на вилле своей сестры (тетки Адамовича) Веры Семеновны Белей (20.10.1861 – 1944). Сведения о дате рождения, сохранившиеся в записях Покровской церкви г. Одессы, любезно предоставлены Н.Н.Панасенко.

2.

Nice (A.M.)
Villa Bayley
Avenue Gustave Nadaud
6 августа 1933

Глубокоуважаемый Александр Павлович,

Сердечно Вас благодарю за Ваше милое письмо, за память и сочувствие¹. Я был очень тронут Вашим вниманием.

Очень рад, что Вы собираетесь перебраться в Париж. Спасибо и за приглашение бывать у Вас. Шлю Вам низкий поклон и самый искренний привет.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ Буров выражал соболезнование, прочитав в газетах о смерти матери Адамовича (Елизавета Семеновна после долгой болезни скончалась 22 июля 1933).

3.

26, rue de la Sablière
Paris, XIV
23/II-1934

Многоуважаемый Александр Павлович,

Спасибо за память. Очень рад был получить Ваши несколько слов, хотя и с упреками! Но упреки, кажется, добродушные. Кстати, я только на днях прочел конкурсные рассказы «Ил<люстрированной> России»¹, – о которых собирался написать². Без всякого колебания я бы дал Вам *первый* приз за «Сына гренадера»³. Это, ко-

нечно, самый живой рассказ из всех – и самый талантливый. Tous mes compliments⁴.

Всего доброго. Если Вы в Париже надолго, надеюсь как-нибудь встретиться.

Искренне преданный Вам

Георг. Адамович

А Сирий все-таки писатель замечательный, хотя и автомат. Он мне несколько не интересен и не «нужен», но не могу ему не удивляться⁵.

¹ Конкурс на лучший рассказ журнал «Иллюстрированная Россия» проводил в 1933. Со 2 сентября по 28 ноября 1933 (№№ 30–44) было опубликовано под девизами 16 рассказов (отобранных редакцией из более чем сотни присланных на конкурс). Победители определялись большинством голосов читателей, отданных за тот или иной рассказ. Условия конкурса были опубликованы в журнале летом (К нашим читателям: Литературный конкурс // Иллюстрированная Россия. 1933. №30(428), 22 июля. С.4) и позже несколько раз напоминались читателям (Правила литературного конкурса // Там же. №36(434), 2 сентября. С.4; Окончание литературного конкурса «Иллюстрированной России» // Там же. №44(442), 28 октября. С.9; №45(443), 4 ноября. С.5).

Версия С.В.Шумихина, что А.П.Буров стал победителем конкурса лишь потому, что вносил деньги в конкурсный фонд, вряд ли верна. Деньги Буров действительно вносил, но об этом было известно лишь редакции журнала, а определяла победителей не она, а читатели. В конце года были подведены итоги конкурса, раскрыты имена выступавших под девизами участников и опубликованы фотографии трех победителей (см.: Литературный конкурс «Иллюстрированной России» // Там же. №51(449), 16 декабря. С.10-11). Большинство голосов было отдано за рассказ «Учитель», автором которого оказалась проживавшая в Сирии Мария Михайловна Нахичеванская (это было ее первым выступлением в печати). Она и получила первую премию в 500 франков. Вторую премию (а не первую, как указано у С.В.Шумихина) в 300 франков получил рассказ А.П.Бурова «Сын гренадера». Третья премия в 200 франков досталась Михаилу Сергеевичу Тимроту за рассказ «Бегство». Остальные рассказы принадлежали перу еще менее известных непрофессиональных авторов, имена которых в большинстве своем ничего не говорят даже специалистам: П.Семевский, Б.М.Баскевич, Н.Н.Новаковский, З.А.Алексеева, Е.Павловская, Н.Н.Былов, А.И.Формаков, П.Д.Осипов и др. Конкурс проводился с целью выявить новые литературные силы, и еще до его завершения редакция опубликовала другие произведения некоторых из участников (уже под настоящими именами, как полноправных авторов), в частности, рассказ Бурова «2379 львиц и 11 львов» (Иллюстрированная Россия. 1933. №44(442), 28 октября. С.15-18).

Позже в качестве приложения к журналу в «Библиотеке «Иллюстрированной России»» вышло несколько книг Бурова: Кн.11. *Буров А. Была земля / Предисл. О.Дымова.* Париж: Изд. журн. «Иллюстрированная Россия», 1937; Кн.12. *Буров А. Земля в алмазах.* Париж: Изд. журн. «Иллюстрированная

Россия», 1937; Кн.14. Буров А. «Господи... Твоя Россия»: Роман-летопись. Париж: Изд. журн. «Иллюстрированная Россия», 1938.

² Адамович отозвался о конкурсе с некоторым запозданием, почти дословно повторив в статье те же выражения, что и в письме, но разбавив их претензиями к стилю и даже грамматике:

Если бы я принимал участие в голосовании, то предложил бы присудить первую премию А.Бурову за «Сына гренадера». В этом рассказе, как, впрочем, всегда у Булова, не все благополучно по части грамматики. Стиль неправилен. Но в самой этой неправильности – есть страсть, есть кипучий напор, не успевающий с обычным синтаксисом поладить. А главное – в «Сыне гренадера» есть волнение, которое передается и читателю. Не скажу, что это самый совершенный из рассказов, представленных на конкурс, но уверен, что самый живой из них. Цитирую во второй раз Александра Блока и добавляю, что тут «в чернила попала капелька крови».

(Адамович Г. После конкурса // Иллюстрированная Россия. 1934. №12(463), 31 марта. С.14).

³ «Сын гренадера» был опубликован под девизом «Нет страны прекраснее России!» как «девятый конкурсный рассказ» (Иллюстрированная Россия. 1933. №36(434), 2 сентября. С.4-7). В повествовании о поступлении в петербургский Технологический институт Абрама Соловейчика из Житомира, преодолевающего сито процентной нормы, отчетливо ошутимы автобиографические мотивы: описание детства Соловейчика, его хромого отца и некоторые другие эпизоды очень напоминают фрагменты автобиографии Булова, присланной им С.К.Маковскому в 1953 (см.: Встречи с прошлым. С.553).

⁴ Мои поздравления (франц.).

⁵ Судя по всему, Буров выразил в письме неудовольствие по поводу завышенной, с его точки зрения, оценки Адамовичем творчества Набокова в незадолго до того опубликованной статье: Адамович Г. Сиринов // Последние новости. 1934. №4670, 4 января. С.3.

4.

26, rue de la Sablière
Paris, XIV
26 февраля 1934

Многоуважаемый Александр Павлович,

У меня к Вам большая просьба. Не удивляйтесь, пожалуйста. Мне правда трудно Вам писать об этом, и только крайняя необходимость побуждает меня сделать это.

У меня очень серьезно и тяжело больна сестра¹. Болезнь длится уже долгие месяцы. Сейчас мне нужно срочно перевести ей 2500 фр. на операцию. Мне обещали эти деньги сегодня, но только что выяснилось, что достать их невозможно. Я в полном смысле слова не

знаю, что делать, и вспомнил о Вас. Не можете ли Вы выручить меня из беды и одолжить мне эту сумму? Я понимаю, конечно, что у меня нет никаких прав обращаться к Вам, но в таком случае о правах думать не время. Я был бы Вам бесконечно благодарен за эту услугу. Если это возможно, предлагаю такие сроки возврата: 1000 фр. – через месяц, точнее, 31 марта, и по 500 фр. в конце трех следующих месяцев. Могу дать Вам расписку, т<о> е<сть> доверенность на «Последние новости»², если Вам это угодно.

Прошу Вас, во всяком случае, Александр Павлович, не отказать ответить мне как можно скорее, по возможности сегодня же. *Это до крайности срочно и неотложно.* И еще: надеюсь на соблюдение тайны, т<о> е<сть> на то, что это останется «между нами». Впрочем, думаю, что просить Вас об этом излишне, т. к. Вы это поймете сами.

Всего доброго. Простите, пожалуйста, за это письмо. Но мне кажется, что Вы знаете и понимаете *жизнь*, – значит, поймете и его.

Искренне преданный Вам

Георгий Адамович

¹ Осенью 1929 родную сестру Адамовича Ольгу разбил паралич. 8 ноября 1929 Адамович писал З.Н.Гиппиус: «У моей сестры случился паралич на почве сердечной болезни. Это очень серьезно, и если она поправится, будет очень долго <лежать>. Она не говорит и, по-видимому, наполовину потеряла рассудок» (Письма Г.В.Адамовича к З.Н.Гиппиус. 1925–1931 / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Н.А.Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Т.3. Париж; СПб., 2002. С.528). После смерти матери в 1933 Адамович заботился о сестре до ее кончины в 1952.

² Адамович порой занимал деньги под будущие гонорары в «Последних новостях», контора газеты в таких случаях выступала в роли гаранта.

5.

Nice. Villa Bayley
Av<venue> Gustave Nadaud, Cimiez
20 апреля 1934

Дорогой Александр Павлович,

Спасибо за письмо, и простите, что не сразу отвечаю.

О Вашей «душевной лаборатории» я собираюсь писать в «Числах» и с Оцупом об этом говорил уже. Но когда «Числа» выйдут?¹ Не опоздать бы мне. Надеюсь, пошлю в срок.

Насчет Вашей книги мне многое хотелось бы сказать, – но трудно говорить автору в лицо (одинаково трудно – хорошее и плохое, то, в чем соглашаюсь, и о чем хотел бы спорить, все). В статье, как о третьем лице, легче и привычнее. Особенно потому – что Ваша

тема *боль* (всегда, всегда у Вас, по-моему), а об этом и говорить как-то неловко. Гласно, печатно – как на эстраде, в собрании – говоришь обо всем, как под хлороформом.

Два слова о «грамматике», за которую Вы меня укоряете². Вы пишете о пожарном, который кишку направил не в самое пекло... Да, это верно. Но я забочусь о грамматике не для нее самой, не ради нее, а для того, чтобы через нее *лучше дошло то, что должно дойти*. Нужны хорошие провода, чтобы был хороший свет. Нужен и язык, который покорно служит писателю, а не вступает с ним в борьбу. Вот от чего я говорил про «нелады с грамматикой», – не из эстетства, а из внимания к главному и важному.

Пишу я, кажется, невнятно и расплывчато. Не взыщите. У меня всякие дела и заботы, да и времени совсем нет.

Всего доброго. Искренне желаю Вам здоровья и всяких успехов.

Преданный Вам

Георгий Адамович

¹ Десятый номер «Чисел» вышел в конце июня 1934. В нем была опубликована рецензия Адамовича на книгу Бурова «Земля в алмазах» (С.282-283).

² Речь идет об отзыве Адамовича на рассказ «Сын гренадера». См. примеч. 2 к письму 3.

6.

3 июня 1934

26, rue de la Sablière
Paris, 14e

Дорогой Александр Павлович,

Благодарю Вас сердечно за Ваши два письма, простите, что не сразу отвечаю.

Впрочем, и письма Ваши были «не требующие ответа»!

Сейчас собираюсь писать о «Земле в алмазах». Мое основное впечатление – что Вам *тесно*, в мире, в литературе, везде. Все герои в книге задыхаются, – и, кажется, автор больше всех.

Причем, это непоправимо, и ни от каких восстановлений порядка и благополучия не зависит.

А насчет России – по-моему, Вы видите <ее> иной, чем она есть. Она беднее, проще, она не так легендарно-сказочна, и не сплошь же состоит из «удал-добрых молодцев» вроде Пономаренка¹.

Ну, всего не скажешь, а споры все равно ни к чему не ведут.

Примите мой искренний привет. Всего доброго.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ Речь идет о рассказе «Пономаренков путь» из сборника Бурова «Земля в алмазах» (Берлин: Парабола, 1934. С.111-165). В рецензии Адамович ото-

звался о рассказе довольно недвусмысленно: «Пономаренков вызывает симпатию, но “путь” его, приводящий к метанию бомб в Кремль, – неубедителен. Картина, задуманная правдиво, становится размашистым лубком. Нет в этом смысле почти ни одной “неиспорченной” вещи в книге Бурова, но зато возможность настоящих удач есть везде» (Числа. 1934. №10. С.282-283).

7.

Суббота, 23^{го}/VI <1934>¹
26, rue de la Sablière
Paris, XIV

Дорогой Александр Павлович,

Насчет Агеева² – я с Вами не согласен. Я читал всю рукопись, еще год тому назад. По-моему – это очень талантливо. Но он еще мальчик, – и со срывами, конечно. Во всяком случае, бранить я его не буду. Есть два типа людей: одни от брани вянут, другие расцветают, как бы подзадоренные, разозленные. Мне сдается, что он первого типа. Это, вероятно, тепличное растение³, которое надо холить, а не сразу выносить на мороз, хотя бы и только критически.

Бема читал⁴. Бывало и хуже. Мне абсолютно все равно, что он пишет: это мерзавец, начитавшийся книг, но без одной своей мысли в голове.

Вот – о литературе.

Теперь о других делах, менее возвышенных и приятных.

Простите, Александр Павлович, за вопрос: не можете ли Вы одолжить мне еще пятьсот франков? Я отдам Вам *весь* свой долг наверно не позднее 10-го июля. Но сейчас мне надо опять срочно послать сестру в Ниццу: она ждет, и ей неоткуда взять. А я тоже не могу ускорить получение денег, которые должен получить через две недели, не ранее.

Мне правда все это крайне неприятно и совестно. Но Вы сами мне сказали, что с Вами можно об этих делах говорить, ничего не портя в отношениях, – и я этому верю.

Всего доброго. Не будьте на меня в претензии: жизнь. А она заставляет иногда делать то, что делать не хочешь.

Преданный Вам

Г.Адамович

Буду очень благодарен за быстрый ответ. Мне надо послать сестре телеграмму.

¹ Год установлен по содержанию. В публикации С.В.Шумихина (Встречи с прошлым. С.575) письмо было неверно датировано 1936 годом (23 июня выпадало на субботу в 1934).

² Буров выражал недовольство публикацией в десятой книге «Чисел» первой части («Гимназия») романа М.Агеева (*Агеев М. Повесть с кокаином* (По запискам больного) // Числа. 1934. №10. С.31-69). В той же книге «Чисел» было напечатано произведение самого Булова «С одинокими Господь» (С.96-125) – рассказ о казаках-эмигрантах, зарабатывавших кулачными боями, случайно убивших партнера и ждущих суда в тюрьме под Гамбургом. Свой отзыв о десятой книге «Чисел» Адамович начал с Агеева, посвятив ему большую часть рецензии, откровенно восторженной:

На этот раз «Числам» посчастливилось: они «открыли» настоящего писателя. Это настолько ясно, настолько несомненно, что едва ли возникнут споры. <...> Повесть Агеева я прочел в рукописи довольно давно – около года тому назад. <...> Повесть изучала какой-то магнетизм, покоряла, захватывала. С первых же страниц в ней все было оживлено талантом. <...> надо все-таки иметь в виду, что «Повесть с кокаином» написана в одиночестве, в далекой турецкой глуши. <...> Агеев еще у подножия творчества, а не на высотах его, – но этот волшебный дар ритма, этот «нерв» у него есть.

(Адамович Г. «Числа». Книга десятая // Последние новости. 1934. №4844, 28 июня. С.2).

О Булове в этой же рецензии Адамович отозвался гораздо более коротко и двусмысленно:

Буров, как всегда, – взволнован, неровен и порывист. Его рассказы, при внешней, обманчивой расплывчатости, довольно сжаты. Так, в рассказе «С одинокими Господь» есть материал для большой повести, которую автор умышленно сокращает, предпочитая отдельные мгновенные вспышки равномерному последовательному освещению. Из писателей, представленных в «Числах», Буров решительнее всех делает ставку на непосредственность, на чувство, на «нутро», – и наперекор другим не склонен верить в расчет, в осторожную творческую настойчивость и культуру. Добавлю, что кое в чем он напоминает Шмелева, с его достоинствами и слабостями. Особенно во «вкусе к страданию», постоянной его теме.

(Там же).

³ С.В.Шумихин в своем обзоре резонно замечает, что «мальчику» в то время было уже 35 лет и биография его никак не напоминает судьбу «тепличного растения» (Встречи с прошлым. С.635). Однако Адамович не мог знать биографию М.Л.Леви и судил о характере М.Агеева исключительно на основании его произведений.

⁴ В своем очередном «Письме о литературе» А.Л.Бем написал о «горестных самопризнаниях» в статье З.Н.Гиппиус «Четвертая цензурная дверь» (О «Числах»)» (За свободу. 1931. №177, 8 июля) и рецензии В.Ходасевича «Избранные стихи Брюсова» (Возрождение. 1934. №3228, 5 апреля), а также о «самообнажении» в статье Адамовича «Памяти Андрея Белого» (Встречи. 1934. №2. С.56-58), напомнившей ему рассказ Достоевского «Бобок»:

Это «самообнажение» Г.Адамовича рядом с самопризнаниями В.Ходасевича и З.Гиппиус производит особенно тягостное впечатление. Поистине, неблагополучно у нас в Датском королевстве.

(Бем А. Самопризнание и самообнажение // Меч. 1934. 17 июня).

8.

Nice (A.M.)
 Villa Bayley
 Av<enue> Gustave Nadaud, Cimiez
 22/VIII-1934

Дорогой Александр Павлович,

Получил Ваше письмо в Ницце, где живу уже больше месяца. Спасибо, что вспомнили.

На «Меч» рекомендую не обижаться¹ и с ними не считаться²: это пристанище буйных сумасшедших³ – или тихих дураков, вроде Бема. Кстати, если бы я терял 1 кило после каждого их «комплимента», то давно бы стал легче эфира⁴. Но я их нарочно еще подразнил в «Ил<люстрированной> России»⁵, чтобы они вскипели окончательно. В нашем скучном быту – развлечение и это!

Желаю Вам успеха в работе над новой вещью. А насчет «опереточного ощущения России» – не понимаю, в чем оно. Давно я собирался Вам писать по другому поводу – не литературному. Я «терзаюсь» угрызениями, что до сих пор не отдал Вам денег, которые Вы мне так дружески (что я очень оценил тогда же) одолжили. Простите. У меня дела все не устраиваются, и я никак не могу свести «концы с концами». Надеюсь, в конце лета – удастся отдать. Мне очень неприятно, если я нарушил своей неаккуратностью какие-либо Ваши дежурные расчеты. Поверьте, что это – вопреки моей воле, а только потому, что иначе не вышло.

Шлю Вам сердечный привет и жму руку.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ В варшавском «Мече» появилась рецензия А.Л.Бема на книгу Бурова «Земля в алмазах»:

В основу почти всех рассказов А.П.Бурова положен «случай» или, как прежде сказали бы, «анекдот» из эмигрантской жизни. Нигде автору не удается поднять этот случай до события внутренней жизни его героев. Не спасает его и тот, часто ложный, пафос, который он вкладывает в свои рассказы. <...> Книга читается легко, местами не без интереса, но какой-то органический недостаток мешает автору поднять свои рассказы до уровня значительности. Мне кажется, я не ошибусь, если назову этот недостаток «литературным провинциализмом». <...> Все же в книге А.Бурова есть что-то подкупающее, несмотря на все ее явные недостатки. Он пишет о том, что его задевает, что его волнует. <...> Он живет и болеет вместе со своими героями, он переживает с ними и прошлое России и ее тяжелое настоящее. И за это хочется ему простить многое <...>. Автору необходимо преодолеть свой художественный провинциализм и мес-

течкувую психологию. Она объяснима в его героях, но несносна у автора.

(Меч. 1934. №13/14, 5 августа. С.28-29).

Тот же номер открывался статьей Мережковского, продолжавшего по-прежнему о молодой эмигрантской литературе (*Мережковский Д.С.* Около важного (О «Числах») // Меч. 1934. №13/14, 5 августа. С.3-5). Полемико о «столице» и «провинции», изрядную часть которой составляла полемика о «Числах», было посвящено немало статей в первых номерах «Меча», и Буров вряд ли мог оставаться к этому равнодушным. Диапазон мнений был чрезвычайно широк. Ю.Терапиано был убежден в победе «Чисел»: «Еще два года назад никто не посмел бы открыто написать, что современную новую литературу читатель должен научиться чувствовать, что он должен читать “Числа”» (*Терапиано Ю.* О новом русском человеке и о русской литературе // Меч. 1934. №15/16, 19 августа. С.6). Д.В.Философов, отдавая безусловное предпочтение «Современным запискам», писал, что десятая книга «Чисел» «производит старомодное впечатление», «от нее веет сильным душком разложения», «“Числа” уже не в состоянии поддерживать средний уровень столичной (парижской!) “культурности”», и выражал надежду, что «Числа» «выберутся из стоячего болота безответственного и бездейственного эстетизма» (*Философов Д.В.* Как не надо учить культуре (Около «Современных записок» и «Чисел») // Там же. С.22-27). См. также: *Федоров В.* Бесшумный расстрел (Мысли об эмигрантской литературе) // Меч. 1934. №9/10, 8 июля. С.8-9; *Вебер Е.С.* Знак равенства (О зарубежной литературе) // Там же. №11/12, 22 июля. С.13-14; *Философов Д.В.* Письма к неизвестным (В защиту «г. Федорова из Чехословакии») // Там же. №13/14, 5 августа. С.5-8; *Мережковский Д.С.* О хорошем вкусе и свободе // Там же. №17/18, 2 сентября. С.3-4; *Бем А.Л.* Свое и чужое // Там же. С.5-7; *Цуриков Н.А.* При особом мнении: Мысли читателя // Там же. С.7-8; и др. Подробнее об этих полемиках см.: *Коростелев О.* Пафос свободы: Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., примеч. О.А.Коростелев, Н.Г.Мельников; подгот. текста, предисл., преамбулы О.А.Коростелев. М., 2002. Ч.1. С.3-35.

² Немного позже, 12 сентября 1934, Адамович о том же писал М.Л.Кантору: «Мне безразлично, что “Меч” пишет» (Якорь: Антология зарубежной поэзии. Сост. Г.В.Адамович и М.Л.Кантор / Под ред. О.Коростелева, Л.Магаротто и А.Устинова. СПб., 2005. С.264). О конфликте Мережковских с Д.В.Философовым из-за Адамовича, приведем к расколу в редакции «Меча», подробнее см. в примечании к этому письму (Там же. С.265).

³ К «буйным сумасшедшим» Адамович, по всей видимости, относил Д.В.Философова, который уже со второй половины 1920-х то и дело нападал на него в своих изданиях, и Адамович 12 октября 1927 писал З.Н.Гиппиус: «Я искренно недоумеваю, что я дался Философову? “Барин, ты меня не трогай, я иду своей дорогой, я и сам социалист” <...>. Во всем этом много раздражения и нервов, – но больше ничего» (Письма Г.В.Адамовича к З.Н.Гиппиус. 1925–1931. С.495).

⁴ Критики «Меча» так усердствовали в обвинениях Адамовича, что Мережковский счел необходимым заступиться за него:

Страстно обсуждая «неблагополучие» нашей печати, «Меч» неизменно упоминает всякий раз Адамовича; не то как пример, не то как пособника этого неблагополучия. Жалобы или негодование – без Адамовича никто не обходится. Через две-три фразы – «безответственный» Адамович. Это умный и тонкий литературный критик, сейчас даже единственный, пишет прекрасным языком. О нем и его писаниях много можно было бы сказать, но никто ничего не говорит: «безответственный» Адамович, и кончено. Быть может, это просто вывод из того обстоятельства, что критик пишет в газете Милюкова?

(Мережковский Д.С. О хорошем вкусе и свободе // Меч. 1934. №17/18, 2 сентября. С.3-4).

⁵ В своей колонке (ставшей его последней публикацией в «Иллюстрированной России») Адамович написал:

Мне хотелось бы дать характеристику недавно появившемуся варшавскому журнальчику «Меч», – но это дело затруднительное: как характеризовать пустое место? Слов много, а мыслей не заметно. В первом номере были помещены «лозунги» – вроде того, что лошадь должна есть сено, а эмигрант должен ненавидеть большевиков. Затем последовало несколько не вполне грамотных статей и совсем безграмотный роман на евангельские темы. Все это было бы ничего и не заслуживало бы очередной «улыбки снисхождения», если бы «Меч» не заявил во всеобщее сведение, что призван нести цивилизацию и обновить мир. При таких претензиях снисхождение неуместно. В лучшем случае хочется только пожелать сотрудникам курьезного «Меча» немедленно устроить кружок самообразования и саморазвития. С удивлением и грустью читаешь, что одним из редакторов журнальчика состоит Д.С.Мережковский. Это, надо полагать, какое-то недоразумение. Не может Мережковский принять на себя ответственность за то, что в «Мече» написано.

(Адамович Г. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. 1934. №34(484), 18 августа. С.16).

9.

26, rue de la Sablière
Paris, 14^e
<1934>¹

Дорогой Александр Павлович,

Спасибо. Буду очень рад пообедать с Вами и Оцупом. (Завтракать я не могу – никогда не завтракаю).

На *любой* день: понедельник, вторник... И где угодно.

Буду ждать от Вас сообщения.

Ваш Г.Адамович

¹ Письмо без даты, с абсолютной точностью датировать его по содержанию невозможно. Однако по адресу 26, rue de la Sablière, Paris, 14-е Адамо-

вич жил в 1934, поэтому можно предположить, что обед с Оцупом и Буровым имел целью уговорить мецената дать деньги на продолжение журнала, и, в таком случае, письмо скорее всего относится ко второй половине 1934, то есть промежутку от выхода десятой книги «Чисел» до письма Бурова Оцупу с категорическим отказом продолжать финансирование журнала (см.: Встречи с прошлым. С.566-567). Учитывая, что лето 1934 Адамович провел в Ницце, письмо относится, скорее, к осени.

10.

26, rue de la Sablière
1-го ноября <19>34

Дорогой Александр Павлович,

Вы, пожалуй, правы, требуя огня, пылания, сияния – и т. д. Но не упрекайте все-таки тех, кто, не имея огня, *не притворяется* пламенными. Эти презираемые Вами литераторы ведут *честную* игру, – и не раз уж бывало, что от скромности и скудости больше оставалось, чем от «горения». Уж как горел Бальмонт! А догорел – и ничего нет. Нечего даже вспомнить. Вообще: все это и так – и не так. Но у Вас такое ощущение *боли* жизни, и особенно теперешней нашей жизни, что Вам удивительно, что другие не бьются головой об стену, чтобы хоть головой пробить ее...¹

Не умею рассуждать – спорить в письмах.

Как поживаете? Много ли работаете? Надеюсь, что как-нибудь с Вами встретимся – и поговорим.

Всего доброго.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ На полях этого абзаца помета рукой Бурова: «Как верно!! (А.Б.)».

11.

26, rue de la Sablière
Paris, XIV
<9 ноября 1934>¹

Дорогой Александр Павлович,

Это недоразумение: *записки* с тем вопросом, о котором Вы говорите, не было. Кто-то (какой-то седой человек неопределенно-актерского типа) сказал это с места, – на что я ему тут же ответил. Так что вины Георгия Иванова в этом нет. Относительно того, что Вы хотели выступить, мне ничего не известно, и если тут Георгий Иванов в чем-либо виноват, это дело другое. Но едва ли с его стороны был

умысел. Слоним слишком распелся, а он просто не сообразил вовремя унять его².

Вообще же вечер был глупый. Как, впрочем, почти все вечера. Вы, может быть, думаете, что я «готовился»... Я только в тот день стал подгонять свои мысли к заранее возвещенным пунктам. Мне сейчас не до того, и вообще я придаю значение только слову *печатному*, а всякая такая болтовня только для Слонимов и создана. Каждый упивается сам собой, себя самого слушает – и думает не о том, чтобы сказать правду, а показаться поумнее перед публикой, которой тоже все все равно. Voilà. Все это суета сует, – и не надо бы писателям этим заниматься, если бы, к сожалению, не приходилось по соображениям практическим.

Пункт второй: о Вашем рассказе в «Ил<люстрированной> России»³.

Когда я читаю Вас, неизменно думаю: что этот человек хочет – и притом так мучительно – сказать? То ли, что сказал? Не совсем. У Вас боль больше слова – волнение больше фабулы. Рассказ хороший и искусный, с «достоевскими» отзвуками, но привкус, который он оставляет, *горше* и тревожнее всех колчедановских⁴ приключений. В один прекрасный день Вы, может быть, сядете и напишете то, что вырвется из Вашего сердца, как крик – у человека, который сам себя держал за горло – и вдруг отпустил руку...

Я не знаю, *о чем* это будет. Но думаю, что будет.

Пункт третий. Увы, увы, совсем о другом.

Я Вам должен деньги. И в срок не вернул. Казалось бы, на этом все разговоры такого рода должны бы кончиться. Казалось бы, так!

Но у меня сейчас *ужасное* положение, опять. Семья, Ницца, всякие болезни – и долги самого изнурительного типа, вроде лавки напротив. Рассказывать не стоит, да и Вам не интересно.

Я знаю, что у всех сейчас дела не блестящие. Помимо того, просить у Вас – не имею права. Но Вы наверно можете мне устроить где-либо заем – под две или три доверенности на гонорар в «Посл<едних> новостях».

Мне нужно 1500 фр. Это со всякими урезками, *minimum*. Доверенность, к сожалению, могу дать только начиная с 1-го февраля 1935 г. – по 500 фр. в месяц. Для верности могу добавить письмо администратора-кассира с подтверждением. И какие угодно проценты, – если это нужно.

Не можете ли Вы мне это устроить, Александр Павлович? Гарантия при таком письме – самая солидная. Может быть, можно?

Не добавляю жалких слов, надеюсь на понимание. Мне и так *очень тяжело* писать Вам об этом. Лекция не дала того, что я думал, – и я не знаю, что делать.

Если можно, сделайте, пожалуйста. И простите, что наши отношения для Вас так печально надоедливы.

Пункт четвертый.

Пожалуй, Вы можете подумать: «Вот плут, сначала о литературе, о чувствительных и туманных вещах, – а потом и о денежках!»

Если бы Вы это подумали, я не обвиняю и не упрекаю. Естественно и даже, как это ни грустно, – человечно!

Но хитрого плана у меня нет. Верьте или не верьте, – как хотите! Думаю все-таки, что Вы мне поверите. Я устал от жизни – и мне хотелось бы, чтобы друг другу верили все и никто никого ни в чем не подозревал. И еще: не делал бы боли. Это, кстати, и Ваша тема.

Всего хорошего. Надеюсь на быстрый ответ и верю в добрый ответ.

Ваш Георгий Адамович

¹ Датируется по содержанию.

² 8 ноября 1934 в парижском Musée Social состоялся литературный вечер, в первом отделении которого Адамович прочитал лекцию «Литература в 1934 году». Во втором отделении состоялась беседа с участием Мережковского, Гиппиус, Алданова, Слонима и др.

³ Буров А.П. Первый возлюбленный // Иллюстрированная Россия. 1934. №42(492), 13 октября. С.8-9; №43(493), 20 октября. С.16-18.

⁴ Главным персонажем рассказа Бурова «Первый возлюбленный» был Иван Колчеданов, золотоискатель в Родезии.

12.

26, rue de la Sablière
Paris, 14e
15 ноября 1934

Дорогой Александр Павлович,

Спасибо за письмо, простое и «человечное». Вы понимаете, что оно меня огорчило по существу. Но что же делать! Нельзя, так нельзя.

Должен только повторить, что я не просил денег лично у Вас. Я просил устроить, найти, дать совет... Я думал, что при Ваших деловых связях это возможно, и оттого упомянул о «солидной гарантии». Слова эти не относились к Вам, а к какому-то воображаемому дельцу.

По странной случайности, как раз сегодня я имел подтверждение Вашим утверждениям, что обращаются к Вам со всех сторон. В «Последних новостях» отводит меня в сторону одна пожилая писательница, несчастный и одинокий человек, и спрашивает: «Знаете ли Вы А.П.Б<урова>?» – «Знаю». – «Не можете ли Вы ему написать... Он на меня, кажется, обижен... Не знаю, за что... Он мне не раз уже помогал... Я так нуждаюсь... М<ожет> б<ыть>, он мог бы помочь еще раз...». Я обещал передать ее просьбу, – но предупредил, что только передам,

без всяких личных добавлений. Вы, вероятно, уже догадались, что это – А.Ф.Даманская¹. Мне стало стыдно, что я тоже Вам писал, а ей, вероятно, хуже, чем мне. Хотя Бог знает, кому хуже, кому лучше.

Статью о «Б<урове>» я когда-нибудь напишу, – хочу написать о всех русских писателях, в продолжение того, как в «Соврем<енных> зап<исках>» уже написал о Бунине и Мережковском². Только я не совсем еще «Бурова» чувствую и не вполне его понимаю в его разладе сердца с умом (больше чувствую сердце, чем ум). Оставьте мне время подумать и вчитаться.

Всего доброго. Еще раз благодарю за ответ, по существу для меня грустный, но не холодный, не равнодушный, – и одним этим уже приятный.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ Несколько писем А.Ф.Даманской Бурову, а также ее отзывы о нем другим лицам см. в обзоре С.В.Шумихина (Встречи с прошлым. С.565-566, 583-586). В переписке с Даманской Адамович и позже поминал Бурова, см. его письмо от 4 февраля 1957:

Насчет Бурова должен Вам сказать, что он и меня одно время забрасывал письмами (все больше об Алданове или Ремизове или о том, что его «Бурелом» – новая «Война и мир»). Я ему пытался объяснить, почему не могу о нем писать, – но не уверен, что он понял. Это странный человек, не бездарный, делающий много добра, – но не вполне грамотный, во-первых, а во-вторых, обливший грязью людей, которые никак этого не заслуживали. Ну, Бог с ним! Говорят, в делах у него голова ясная, но в литературе это человек полупомешанный. Досадно – потому, что мог бы издавать журнал, если бы там согласились дать ему первую роль (т. е. если бы <его> участие при этом было бы в журнале возможно).

(BAR. Coll. Damanskaia).

² Осенью 1933 года по предложению В.В.Руднева и М.В.Вишняка Адамович начал в «Современных записках» цикл статей об эмигрантских прозаиках. См. его письмо к В.В.Рудневу от 10 августа 1933:

Я собирался – по уговору с Вами и Марком Вениаминовичем – написать короткое обозрение эмигрантской литературы со множественством имен. Но написав его, я пришел в ужас: получилось слишком уж бойко, слишком с «птичьего полета». О каждом два слова, будто какой-то смотр. Поэтому я это обозрение уничтожил, а написал другую статью, где речь только о Бунине. Мысль моя остается прежней: написать обо всех или хотя бы о главнейших. Но невозможно так поверхностно и коротко. У меня теперь вышла как будто только первая глава большой статьи. Поэтому я приписал: «продолжение следует». (Дальше я думал бы написать о Мережковском).

(Адамович Г. *Одиночество и свобода* / Сост., предисл. и примеч. В.Крейд. М., 1996. С.392).

Первая и вторая статьи были написаны и опубликованы: *Адамович Г.* 1) Лица и книги <I. Бунин> // *Современные записки.* 1933. №53. С.324-334; 2) Лица и книги. II. Мережковский // *Там же.* 1934. №56. С.284-297. На второй статье цикл оборвался, продолжения не последовало. Аналогичной статьи о Бурове Адамович, разумеется, так никогда и не написал.

13.

Среда
1, rue Jacques Mawas, Paris 15e
<23 мая 1935>¹

Дорогой Александр Павлович,

У меня к Вам большая просьба. Завтра, в четверг, вечер Довида Кнута² – прекрасного поэта и человека. Не будете ли Вы <так добры> завтра взять 2 билета по 10 фр. – или хотя бы один?

Если это Вас не затруднит, буду очень благодарен. Шлю Вам сердечный привет.

Преданный Вам Г.Адамович

¹ Датируется по содержанию.

² Адамович принимал участие в подготовке вечера и опубликовал рекламную заметку в газете: *Вечер Довида Кнута // Последние новости.* 1935. №4809, 24 мая. С.3 (подп.: Г.А.).

14.

<7 июня 1935>¹

Дорогой Александр Павлович,

Простите, что отвечаю с опозданием. Я уезжал на три дня из Парижа.

К «премии» я не имею отношения. На собрании² не был, – и знаю о нем только по отчетам³ и рассказам. Все это – затея И.Н.Коварского⁴.

Если Вы окажетесь лауреатом – буду очень рад.

Как Вы живете, – помимо всего этого?

Шлю Вам самый сердечный привет.

Преданный Вам Г.Адамович

¹ Дата проставлена рукой Бурова.

² 30 мая 1935 в парижском помещении УМСА Товарищество объединенных русских издательств устроило совещание писателей и представителей издательств по вопросу о присуждении ежегодной русской литературной премии. Председательствовал на совещании Б.К.Зайцев, с докладом

выступил И.Н.Коварский. Адамович на совещании не присутствовал (он действительно уезжал на несколько дней в Ниццу).

³ Газетный отчет о совещании был опубликован 1 июня 1935 в «Последних новостях».

⁴ Коварский Илья Николаевич (1880–1962) – врач, общественный деятель, член партии эсеров, гласный Думы, депутат Учредительного собрания. С 1919 в эмиграции в Париже, основатель издательства «Родник», член, а потом председатель Мечниковского медицинского общества во Франции (в 1919–1940); с 1940 – в США, председатель Общества российских врачей в Нью-Йорке, член корпорации «Нового журнала».

15.

<24 июля 1935>¹

6, Avenue Gustave Nadaud
Nice (A.M.)

Дорогой Александр Павлович,

Ваше письмо от 4 июля я получил только на днях в Ницце.

Как раз я сейчас в отпуску – и, вдали от литературных мирков, мысленно совершаю «переоценку ценностей». У меня это всегда бывает летом: отойдешь в сторону – все видишь яснее.

Я понимаю в целом Ваш вопль, Вашу тоску и недовольство. Но лично не могу этим зарядиться. Тут не только разница темпераментов, но и вера в иные приемы... Я не только не могу, но и не хочу стать посреди площади, бить в набат и начать кричать, что Россия гибнет, литература идет к черту и т. д. Вы же, кажется, именно этого от меня требуете. Литература есть *тихое* дело, в особенности в такое громкое и крикливое время, как наше.

Насчет Сирина – не могу с Вами согласиться. Соглашаюсь только, что он *отталкивающий* писатель, – но с удивительным (и для меня еще неясным) даром. Во всяком случае, уверяю Вас, – он глубже и правдивее, при всех своих вывертах, чем Божья коровка Борис Зайцев, которого Вы причисляете к «подлинным»: читали ли Вы его несносный и весь какой-то мармеладно-паточный «Дом в Пасси»? ²

Рассказов в «Ил<люстрированной> России» я еще не читал³. У этого журнала сделалось такое глупо-злое и беззубое «направление»⁴, что я почти не в силах его читать. Видели ли Вы, например, что они сочинили о Ал. Толстом⁵? Хамство белое и патриотическое для меня ничуть не лучше, чем хамство красное и коммунистическое.

Всего доброго. Много ли Вы работаете и собираетесь ли куда-нибудь ехать? Я здесь до октября. Если будете в здешних краях – надеюсь, известите. Крепко жму руку.

Ваш Г.Адамович

¹ Дата проставлена рукой Бурова.

² Роман Зайцева «Дом в Пасси» печатался в «Современных записках» (1933. №№51–52; 1934. №№53–54), а затем вышел отдельным изданием (Берлин: Парабола, 1935). Адамович не без скептицизма отзывался как на журнальную его публикацию (Последние новости. 1933. №4362, 2 марта. С.3; 1934. №4711, 15 февраля. С.2), так и на отдельное издание (Адамович Г. Русский дом // Последние новости. 1935. №5271, 29 августа. С.3).

³ В 1935 «Иллюстрированная Россия» проводила второй конкурс рассказов. Объявление о конкурсе появилось в юбилейном пятисотом номере (1934. №50(500), 8 декабря. С.20). С 16 марта по 29 июня (№№12–27) в журнале были опубликованы под девизами 15 рассказов, отобранных редакцией из около 100 присланных на конкурс. А.П.Буров и на этот раз принял участие в конкурсе. Его рассказ «Профессорский уголок» был опубликован под девизом: «Золото пробуют огнем, женщину – золотом, мужчину – женщиной» (Иллюстрированная Россия. 1935. №26(527), 22 июня. С.8-11, 14-15). Однако результаты второго конкурса оказались для Булова куда менее утешительными: его рассказ по итогам читательского голосования занял четырнадцатое место (на последнем, пятнадцатом месте, оказался небезызвестный литератор из Сан-Франциско Петр Балакшин, на десятом – берлинский приятель Булова В.Деспотули). Первая премия досталась Ирине Маркозовой из Либавы, вторая – В.Никифорову-Волгину из Нарвы (информацию см.: Иллюстрированная Россия. 1935. №40(542), 28 сентября. С.10). В следующих конкурсах (а их редакция «Иллюстрированной России» проводила еще несколько раз) Буров уже не участвовал.

⁴ После того как основатель «Иллюстрированной России» Мирон Петрович Миронов (1893–1935) продал журнал Борису Абрамовичу Гордону (1881–1952), редакция делала попытки привлечь новых читателей (в том числе большей политизированностью, насколько позволял формат). Адамович вел в журнале колонку под названием «Литературная неделя» – с июня 1929 по июнь 1931 почти еженедельно, в период редакторства А.И.Куприна (с июля 1931 по июль 1932) – примерно раз в месяц, а за 1933–1934 писал для «Иллюстрированной России» лишь трижды, после чего в журнале больше не печатался.

⁵ К открытию международного конгресса писателей в Париже (см. о нем: Фрезинский Б. Великая иллюзия – Париж, 1935 (Материалы к истории международного конгресса писателей в защиту культуры) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 24. СПб., 1998. С.166-239) редакция «Иллюстрированной России» приурочила следующую заметку:

«Граф» А.Толстой защищает культуру!

На международный съезд большевиканских писателей по защите (!) культуры в Париже, в числе делегатов СССР, прибыл бывший граф А.Толстой. За последнее время пред своим сменовеховством Толстой до смерти надоел всем в Париже, вымогая деньги взаймы и устраивая за счет буржуев дебоши в ресторанах, откуда его неоднократно выводили под руки.

Ныне «граф» А.Толстой представляет русский пролетариат и признается, что в его советской родине сейчас, в 1935 г., рай по сравнению с 1924 г., но все же СССР до Англии еще далеко.

О своих парижских впечатлениях Ал. Толстой пишет в «Известиях» от 29 июня следующее:

«Просперити было последним грандиозным обманом трудящихся, последней попыткой буржуазии пройти с завязанными глазами по гнилой доске через пропасть. Просперити закончилось кризисом... Мы в СССР не представляем себе всех бедствий и разорений, какие продолжает творить кризис... Автомобильный фабрикант Ситроен нагромождал несколько лет тому назад огненные рекламы на Эйфелеву башню. Вчера его племянник и компаньон подошел ко мне и, протягивая руку, сказал с бодрящим смешком:

– Вы видите перед собой пролетария. Хотелось бы, хотелось бы повидать, что у вас там делается в СССР...»

Приятного аппетита!

(Иллюстрированная Россия. 1935.
№29(531), 13 июля. С.20).

16.

3 октября 1936
6, Avenue Gustave Nadaud
Cimiez, Nice

Дорогой Александр Павлович,

Я Вам не ответил сразу – т. к. хотел написать уже в Париж, – не ловить Вас по «заграницам». Спасибо, что вспомнили меня. Очень был рад получить Ваше письмо.

Книги¹ Вашей я еще не видел – только читал объявление о выходе ее. Судя по тому, что Вы о ней пишете – и по подзаголовку «для отцов», – это книга *страстная*: а страсть – главное для меня Ваше творческое достоинство. Знаете, «о, если бы ты был холоден или горяч...», как вспоминает Верховенский в «Бесах» перед смертью². К Вам этого упрека не отнесешь.

Буду в Париже через 15–20 дней. Надеюсь прочесть книгу там, если не получу ее еще здесь. Всего доброго. Шлю Вам самый сердечный привет.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ Буров А. Еще одна баррикада: Роман для отцов. Берлин: Парабола, 1936.

² В «Бесах» Софья Матвеевна читает заболевшему Степану Трофимовичу Верховенскому из Апокалипсиса (Откр. 3: 14-17), что приводит его в большое волнение: «Это... и это в вашей книге! – воскликнул он, сверкая глазами и приподнимаясь с изголовья, – я никогда не знал этого великого места! Слышите: скорее холодного, холодного, чем теплого, чем только теплого» (Бесы. Глава седьмая: Последнее странствование Степана Трофи-

мовича. II). Позже в романе Достоевского это же место из Апокалипсиса Тихон читает Ставрогину, на что тот реагирует по-иному: «Довольно, – оборвал Ставрогин, – это для середки, для равнодушных, так ли?» (Глава девятая: У Тихона. I).

17.

3 авг<уста> 1938

Дорогой Александр Павлович,

Простите, что отвечаю не сразу. Я был эти дни очень занят – делами домашними и литературными.

Спасибо большое за книгу¹. Я прочел ее внимательно, как Вы просили. Много хотел бы сказать Вам, – но не уверен, что выражу верно. Письмо – не живая речь: нет интонаций, дополняющих смысл слова.

Вы, конечно, – прирожденный писатель. Всегда я это знал, и сразу почувствовал снова над последней Вашей книгой, – кстати, могу засвидетельствовать, что всегда такой взгляд на Вас я отстаиваю и в тех частных разговорах, которые ведутся по редакциям и кружкам. У Вас – наверное, Вы это сами знаете! – много «отрицателей» и «недоброжелателей» (литературных). Первое, однако, что надо признать, – это что Вы пишете «по призванию» и не писать не можете.

Но мы с Вами очень разные люди. Читая Ваш «роман-летопись», гневный и страстный, я не раз думал: да ведь это он надо мной издевается, меня бранит и обличает! Не думайте, чтобы по самонадеянности я именно себя у Вас искал и узнавал. Нет, но людей моего склада и все то, что мне близко и что я люблю! Вашу позицию, Вашу боль я понимаю. Но чувствую, что уничтожить Вы в тоске своей стремитесь и меня, – и естественно, обороняюсь. Для меня Россия, особенно в Вашем свято-русском, неясном внутренне, уклончивом, темном, подвижнически-юродивом (простите – беру это слово без обидного оттенка) представлении, никогда не была главным – и не будет. Главное – образ жизни, жизненный стиль, который я в идеале мечтаю как *сдержанно-героический*, а не навязчиво-мужественный и нетерпимый.

О самой книге. Ее, конечно, трудно читать спокойно. В ней многое спорно и с точки зрения литературных правил. Но увлечение и искренность заражают. Только должен признаться чистосердечно: я не уверен, что люблю именно то, что любите Вы, и хочу того, чего Вы хотите. Не помню, говорили ли мы с Вами когда-нибудь о Достоевском. Он, в сущности, – Ваш учитель. От него я всегда отталки-

ваюсь – и сдаюсь ему в конце концов только потому, что ему нельзя сопротивляться.

Практически: о критике и отзыве. Что меня смущает у Вас – это намеки. Кого надо разуть под Вашими псевдонимами? Книга полна выпадов, которые явно личны и индивидуальны. Очень жаль, что Вы не удержались от этого – или *не назвали имени полностью*. Помоему, это было бы лучше. «Иду на вы» – и всякий знает, о чем речь. А так, наоборот, всякий связан догадками и толками, а любители пасквилей хихикают по углам. Во всяком случае, я подожду «Певца зарубежной печали»², – которого очень прошу прислать мне.

Простите, Александр Павлович, если не все в моем письме Вам придется по душе. Пишу то, что действительно думаю, – и считаю, что поступаю правильно. Вы неистовый, неуживчивый писатель и человек. Смешно было бы предполагать, что Вы не знаете, какую литературную судьбу сами себе приготовили.

За книгу еще раз искренно благодарю. Она – по Апокалипсису – не «теплая», а ледяная или огненная, а это самое важное.

Хочу написать Вам еще в ответ на Ваши несколько милых слов, что вспоминаю Вас всегда с лучшими чувствами и рад был бы повидаться с Вами, когда вернусь в Париж. В порядке откровенности признаюсь, что две строки Вашего письма меня смутили. Вы пишете: «советую... питаться курицей по пятницам, чаще 7 раз в неделю к жене не приставать, долги платить, но не сразу все, а честно и аккуратно-медленно». Не знаю, вспомнили ли Вы при этом, что я должен Вам деньги. Я не «вспомнил» только потому, что помню об этом всегда. Простите, что «аккуратная медленность» до сих пор мне не удавалась. У меня дела всегда трудные, а сейчас – особенно. Надеюсь все-таки в скором времени приняться за платежи – и прошу извинить, что пишу об этом. Иначе понять Ваш «совет», право, никак было нельзя.

Шлю Вам самый сердечный привет и жму руку.

Искренне Ваш

Г.Адамович

Мой адрес до 1-го октября:

6, avenue Gustave Nadaud, Cimiez. Nice

¹ Буров А. «Господи... Твоя Россия»: Роман-летопись. Париж: Изд. журн. «Иллюстрированная Россия», 1938.

² На протяжении всей весны 1938 года «Иллюстрированная Россия» публиковала рекламные объявления о скором выходе в свет новой книги Букова, обещая выпустить ее в качестве приложения к журналу сперва в апреле, потом в конце июня. Книга в конце концов была напечатана, но уже не как приложение, а как издание автора: Буров А. Певец зарубежной печали (Книга священного гнева): Роман-летопись. Париж: Изд. автора, 1938.

18.

<21 августа 1938>¹
av<enue> Gustave Nadaud
Cimiez, Nice (A.M.)

Дорогой Александр Павлович,

Опять прошу прощения за опоздание с ответом – и по Вашему желанию напишу вам «откровенно».

Спасибо за обещание сохранить все «между нами». Я ничего не собираюсь Вам написать такого, что не мог бы показать кому-либо другому, но тайну корреспонденции считаю все-таки святой.

После Вашего вопроса, собираюсь ли я дать о Вашей книге² статью в «Посл<едних> нов<остях>», я опять роман Ваш перечел. Остаюсь при первом впечатлении о нем, как о вещи горячей, сильной и искренней. (Кстати, я Вам цитировал из Апокалипсиса и «Бесов» Достоевского. Вы не разобрали мой почерк: «о, если бы ты был холоден или горяч, но поелику ты тепел...» У Вас этого порока нет!) Но как Вы хотите, чтобы я о книге этой писал, не поговорив предварительно с П.Н.Милюковым и не показав ему ее?

Не уверен, имели ли Вы его в виду. Но *всякий*, читая Ваш роман, решит, что речь о нем. Как же я могу в *его газете* давать отзыв о книге, где он высмеивается? Ведь, будучи сотрудником «Посл<едних> нов<остей>», я как бы приглашен им в его дом, – и вот в доме этом буду передавать то, что о нем говорится отрицательного! Minimum вежливости и лойяльности не допускает этого! Самое большое – я могу по приезде в Париж побеседовать с ним и, если он книги не видел, *показать ему те места, которые считаю к нему относящимися*: после этого об отзыве хоть может идти речь. До этого – ни в коем случае.

Поймите меня, Александр Павлович, дело вовсе не в том, что я у кого-то «в рабстве», как Вы предполагаете. Поступи я так, как Вам в данном случае желательно, я сам потерял бы к себе всякое уважение. Я могу открыто сказать Милюкову: вот тут-то про Вас то-то написано... Но не могу исподтишка, в отсутствие <его> из Парижа пытаться что-то протиснуть. Кроме того, я совсем иного мнения о нем, чем Вы, – и, так сказать, за него «обижен». На этого человека вешают всех собак. А он едва ли не один верен тому, чему и стоит только быть верным – человеку и свободе. Ал<ександр> Абр<амович> Поляков³ совершенно не при чем во всем том, что я Вам пишу. Он никогда бы не стал примешивать свое личное отношение к чему-либо в вопросе принципиальном. Здесь же именно принцип: Вы сами сделали все, что было в Ваших силах, чтобы в «Посл<едних> нов<остях>» отзыв о Вас был бы невозможен⁴.

Если я писал Вам о той литературной судьбе, которую <Вы> сами себе уготовили, то вот новое этому подтверждение! Ваша роль, Ваше место – в «гласе вопиющем в пустыне», но раз это так, нельзя требовать, чтобы глас этот встречался «общественным сочувствием»⁵. К чему оно Вам, как Вы хотите с ним поладить? Вы меня благодарили за прежние мои отзывы. Искренно ли, дорогой Александр Павлович? Для Вас нужен такой отзыв, чтобы «камни вопияли» и земля рушилась, и неслись всякие стенования и рыдания, – а вовсе не корректно-сдержанная, уклончиво-осторожная, двусмысленно-похвальная рецензия, в том духе, как пишу я.

Надеюсь, Вы не рассердитесь на меня за откровенность. Вы сами о ней настойчиво просили. Шлю сердечный привет и крепко жму руку.

Преданный Вам

Г.Адамович

¹ Дата проставлена рукой Булова.

² Речь о книге-памфлете, в которой Булов вывел карикатурные описания видных эмигрантских деятелей: *Булов А. Певец зарубежной печали* (Книга священного гнева): Роман-летопись. Париж: Изд. автора, 1938.

³ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) – журналист. С ноября 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1922 – в Париже, секретарь редакции, затем заместитель редактора газеты «Последние новости»; с 1942 – в США, сотрудник редакции газеты «Новое русское слово».

⁴ На полях этого абзаца помета рукой Булова: «Адамович сов<ершен> прав, – но правдой огненной – не поступлюсь. А.П.Б.».

⁵ На полях помета рукой Булова: «Ибо, увы, одна всего парижская газета – Миллюкова!».

«...ДУШЕВНО ТЯНУСЬ»

Письма Н.В.Вольского М.М.Карповичу (1956–1957)

Публикация, вступительная статья и примечания Аллы Зейде

Публикуемые письма Николая Владиславовича Вольского (1879–1964; псевд. Н.Валентинов, Е.Юрьевский) Михаилу Михайловичу Карповичу (1888–1959) являются небольшой частью обширной коллекции писем, хранящейся в его архиве¹. М.М.Карпович был профессором Гарвардского университета², редактором «Нового журнала» (1945–1959), одним из основателей русистики в Америке³. Он занимал видное положение в эмиграции и

¹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University). M.Karpovich Collection. Box 3. Ser. 1. F. Volsky (далее – BAR). Тексты писем приводятся по этому архиву без отсылок.

² Карпович был приглашен в Гарвардский университет в 1927, до 1946 – лектор на кафедре истории, после 1946 – профессор, с 1947 по 1954 – зав. департамента славянских языков и литературы.

³ Биографические сведения о Карповиче публиковались многократно, из содержащих очерк его жизни и описание различных аспектов его деятельности и взглядов см. следующие: *Mosely Ph. E. Professor Michael Karpovich // Russian Thought and Politics / H.McLean, M.E.Malia, G.Fischer (eds.). Cambridge, Mass., 1957. (Harvard Slavic Studies. Vol. IV); Юрьевский Е. Семидесятилетие М.М.Карповича // Русская мысль. 1958. №1249, 9 августа; №1251, 14 августа; см. некрологические статьи: Новый журнал. 1959. №58. С.5-23; Russian Review. 1960. Vol. 19. №1. P.56-76; см. также: Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В.Вернадский, М.М.Карпович, М.Т.Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С.16-46, 88-102; Бирман М.А. Карпович и «Новый журнал» // Отечественная история. 1999. №5. С.124-134; №6. С.112-116; из недавно опубликованного см.: Zeide A. Creating «Space of Freedom»: Mikhail Mikhailovich Karpovich and Russian Historiography in America // Ab Imperio (Казань). 2007. №1. С.241-307.*

как редактор известного журнала и как публицист, а среди той части американского академического сообщества, для которой все имеющее отношение к «России прошлой и настоящей»⁴ приобрело после окончания Второй мировой войны необычайный интерес и политическое значение, – как один из ведущих специалистов по русской истории. О роли Карповича в развитии американской русистики писалось неоднократно⁵. Один из участников его семинаров (в 1947 и 1948), ставших знаменитыми в анналах американской русистики, Мартин Мэлья настойчиво повторял, что Михаилу Михайловичу «удалось успешно пересадить в Америку такое отношение <к русской истории>, которое смогло не поддаться давлению коммунистической угрозы и не соблазниться идеей исключительности русской души; ту трезвость, которой так не хватало всем, занимавшимся изучением России среди хаоса “холодной войны”», и что «лучшего основателя дисциплине найти было бы невозможно»⁶.

Н.В.Вольского современный читатель знает как автора нескольких интересных и ценных книг-воспоминаний «Встречи с Лениным»⁷, «Два года с символистами»⁸, «Ранние годы Ленина» (на англ. яз.)⁹, «НЭП и кризис партии»¹⁰ и «Малознакомый Ленин»¹¹. Но в таком качестве он стал извест-

⁴ Из подзаголовка журнала «The Russian Review. An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present». Карпович принимал непосредственное участие в организации этого журнала (основан в 1941), был соредактором и короткое время (1946–47) его редактором.

⁵ Один из историков-американистов, занимающийся международными отношениями в периоды «холодной войны» и «академического мира», написал: «В самом прямом смысле Карпович создал заново дисциплину русской истории в своем семинаре по русской истории» (*Engerman D. The Ironies of the Iron Curtain. The Cold War and the Rise of Russian Studies in the United States // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 45. №3–4. P.475*). О научной деятельности бывших студентов Карповича см.: *Zeide A. Creating «Space of Freedom»*. С.303–307 (библиография научных работ бывших студентов Карповича за первые пятнадцать лет после 1948).

⁶ *Malia M.E. Michael Karpovich, 1888–1959 // Russian Review. 1960. Vol. 1. №1. С.61*; см. также: *The Historiographical Legacy of Terence Emmons // Russian History / Histoire Russe. 2005. Vol. 32. №2. P.133*.

⁷ *Валентинов Н. Встречи с Лениным / Предисл. М.Карповича. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953*.

⁸ *Валентинов Н. Два года с символистами / Под ред., с предисл. и примеч. проф. Г.П.Струве. The Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University (Stanford, California), 1969; в России впервые: Два года с символистами / Под ред., с предисл. и примеч. проф. Г.П.Струве. М.: XXI век – Согласие, 2000*.

⁹ *Valentinov N. The Early Years of Lenin / Transl. and ed. by R.H.W.Theen. Ann Arbor; University of Michigan Press, 1969*.

¹⁰ *Вольский Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Воспоминания / С предисл. Б.Вульфа (на англ. яз.). Stanford: Hoover Institution Press, 1971*.

¹¹ *Вольский Н. Малознакомый Ленин / С предисл. Б.Суварина (пер. с франц.). Paris: Librairie des Cinq Continents, 1972*.

тен лишь в настоящее время. За исключением «Встреч с Лениным», остальные книги были изданы посмертно; их собрали из статей, печатавшихся в различных журналах и газетах (в «Новом журнале», «Новом русском слове», «Русской мысли»), и дополнили находившимися в архивах текстами.

Ценность этих книг была отмечена авторами их предисловий, рецензентами, читательской аудиторией. Предваряя книгу воспоминаний «Два года с символистами», отдельные фрагменты которой вызвали немало порицаний в печати, Г.П.Струве отмечает ее несомненную документальную ценность и ее «вклад в историю русского символизма и ее деятелей»¹². Что до книг Вольского о Ленине, то в предисловии к английскому изданию «Встреч с Лениным» Леонард Шапиро написал, что каждый читатель, знакомый с недавно появившейся литературой о Ленине, не может не увидеть, в каком долгу перед Валентиновым-Вольским авторы этих книг¹³.

Письма Вольского к Карповичу охватывают период с 1948 по 1959, регулярной их переписка становится с 1952, большая часть (тринадцать из тридцати четырех) писем приходится на 1959 – год смерти Карповича. В научный оборот, насколько мне известно, корреспонденция Вольского до сих пор не вводилась, если не считать отрывков из его переписки с Б.И.Николаевским¹⁴. Между тем его эпистолярное наследие должно быть весьма интересным. Человеком он был страстным, отзывчивым, всегда открытым для новых впечатлений, с нетривиальным взглядом на происшедшее и происходящее.

В ряду многочисленных корреспондентов Вольского Карпович занимал особое место – и по тому чувству, которое Вольский питал к нему, и по той громадной роли, которую Карпович сыграл в его жизни. Но по мере знакомства с письмами Вольского становится понятно, что и Вольский в жизни Карповича занял осязаемое место. Об отношениях этих людей, принадлежавших, по определению Вольского, к «интеллигентской» эмиграции, пойдет речь в данном вступлении.

В современной литературе об эмиграции имя Вольского возникает нечасто, поэтому будет нелишним начать с его краткой биографии¹⁵ и расска-

¹² Валентинов Н. Два года с символистами. С. XII.

¹³ Shapiro L. Foreword // Valentinov N. (N.V.Volsky). Encounters with Lenin / Transl. by P.Rosta and B.Pearce. London: Oxford University Press, 1968. P.V.

¹⁴ Приводится в: Валентинов Н.В. Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. Benson, Vt.: Chalidze Publications, 1990. С.197-205.

¹⁵ Биографические данные о Вольском имеются практически во всех предисловиях к его книгам. По просьбе Карповича Вольский написал автобиографическую справку для предисловия к «Встречам с Лениным»: «Я понимаю, что Вы хотели бы об их авторе (“Встреч”. – А.З.) знать более того, что Вам известно. Для этого, выбрасывая всякие приключения и перипетии моей жизни, я составил прилагаемый отчет о моей активности как журналиста и литератора. Он только для Вас. Чем меньше он Вам пригодится – тем будет лучше. Ведь чтобы подчеркнуть и проанализировать то, что я сообщаю о Ленине, – а не это ли главное? – моя фигура не нужна. И критический разбор того типа интеллигента (“молодого человека, жившего 50 лет назад”), который проступает в моих воспоминаниях, в описаниях дальнейшей жизни этого интеллигента тоже совер-

за об обстоятельствах его жизни к началу завязавшейся переписки. Формальным поводом для этого стала находящаяся в редакции «Нового журнала» статья Вольского¹⁶. В 1948 его знали в узких меньшевистских кругах, и это имя, разумеется, было знакомо редакторам различных эмигрантских газет и журналов, в которых до войны он регулярно печатался – «Современные записки», «Русские записки», «Социалистический вестник», «Новая Россия» Керенского, «Последние новости» и др. Карпович о Вольском, несомненно, слышал – у них были общие друзья, да и статьи Вольского в «Современных записках» не могли пройти мимо него¹⁷.

В эти послевоенные годы жизнь Н.В.Вольского была до крайности печальна. Он жил в полуразрушенной голодной Франции, над которой висела угроза прихода к власти французских коммунистов. Наблюдая активное вмешательство Москвы в политическую жизнь страны и зная, каким образом может произойти захват власти, Вольский приходит от этого в бессильную ярость. «Извините меня, – пишет он Карповичу в августе 1953, – что начал письмо длинными политическими lamentациями, очень меня все это волнует, ночи не сплю, я люблю Францию, я не могу, прожив в ней так долго, относиться к ней просто как “иностранец”». В молодости Вольский был недолгое время большевиком, до лета 1917 – меньшевиком («всегда был очень плохим меньшевиком, от линии меньшевизма уклонялся то “вправо”, то “влево”»). После Октябрьской революции, «уклоняясь сначала от работы с большевиками», должен был в конце концов поступить к ним на службу и стал в 1921¹⁸ заместителем редактора «Торгово-промышленной газеты», органа ВСНХ; в начале 1928 был «отпущен» на лечение в Германию, а в конце 1928 командирован в Париж в качестве редактора органа советского торгпредства в Париже «Экономическая жизнь Советов / La Vie Economique des Soviets». Летом 1930 он ушел из торгпредства и стал эмигрантом.

В качестве редактора ли, журналиста, писателя или исследователя, на жизнь Вольский зарабатывал, по его выражению, писанием. До 1940 заработков находил, хотя не всегда такой, как ему хотелось бы. В 1933 он долго болел¹⁹, и надо было расплачиваться с накопленными за время болезни долгами. Вольский вспоминал:

...вошел в мерзейший период моей жизни: я стал «негром». В качестве «негра» написал 400 страниц об СССР для одного польского издателя. В 1935 г. написал 380 страниц для Базили, они составляют

шенно не нуждается...» (BAR). Далее подробности о жизни Вольского приводятся по этому эссе без отсылок.

¹⁶ Речь идет о статье: *Валентинов Н.* Трагедия Г.В.Плеханова (К 30-летию со дня его смерти // *Новый журнал.* 1948. №20. С.270-293.

¹⁷ В «Современных записках» были напечатаны следующие статьи Е.Юрьевского: «За кулисами пятилетки» (1932. №49), «СССР на путях эволюции» (1935. №58), «От первой пятилетки ко второй» (1936. №60), «Путь шведского социализма» (1937. № 65), «Национальное и мировое» (1940. №70).

¹⁸ В некоторых текстах Вольский датирует начало своей службы 1922 годом.

¹⁹ См. автобиографическую справку Вольского: «В 1933 г. я подвергся большой операции (вырезали часть желудка и кишок), после нее заболел воспалением легких, потом гнойный плеврит, и, еле выжив, пролежал 9 месяцев».

больше половины «его» книги «Россия под советской властью», изданной на 4 языках²⁰. За эту книгу этот господин получил премию от Академии *Sciences morales et politiques*. В 1938 г. написал 700 страниц для книги Мани Гордон-Струнски «Workers Before and After Lenin»²¹ <...>. Итак, за несколько лет, не считая более мелких работ для других авторов, я написал для трех авторов 1480 страниц. Откровенно говоря, никогда себя прежде не представлял в такой мало-приятной и обидной роли.²²

После 1940 все литературные заработки прекратились: «О дальнейших годах говорить нечего: это годы оккупации и всяких мерзостей, а потом годы непрерывных болезней». Несмотря на старания друзей-меньшевиков в Нью-Йорке облегчить финансовое положение Вольского, он бедствовал и болел. Мучило желание написать и опубликовать лежащие в памяти тексты – у него была поразительная фонологическая память. Свою автобиографическую справку, написанную для Карповича, Вольский заканчивает так:

Блока я очень не люблю и не ценю, но все же процитирую в качестве концовки моей к моей архискучной «автобиографии»:

«Я, не спеша, собрал бесстрастно / Воспоминанья и дела: / И стало беспощадно ясно: / Жизнь прошумела и ушла»²³.

Или еще короче: *acta est fibula!*²⁴

Таковы были обстоятельства жизни Вольского, когда редактор либо сам запросил автора о статье, либо ответил на его предложение. Скорее второе, судя по началу письма: «Многоуважаемый Михаил Михайлович. Благодарю Вас за письмо, буду рад, если статью о Плеханове²⁵ поместите хотя бы в декабрьском №». В своем первом письме Вольский затронул темы, которые не могли не подкупить Карповича, – и о любви к «Былому и думам», и о желании написать о С.Н.Булгакове²⁶ («Это замечательная, чарующая, глубинно последовательная фигура»); проскользнула фраза, свидетельствовавшая о его нерасположении к Бердяеву. Если бы он специально старался доставить удовольствие Карповичу, то более удачных тем подобрать бы не смог.

1952 год Карпович провел в Европе, виделся с Вольским, – и эхо этой встречи звучит затем во многих письмах. 23 июля 1954 в очередном письме возникает важная, особенно для послереволюционной эмиграции этого поколения, тема памяти: Вольский пишет, что только теперь пришло к нему

²⁰ О Базили и его книге см.: Письмо Александра Бенуа Николаю де Базили / Публ. О.Будницкого, предисл. и примеч. Б.Бернштейна // Диаспора: Новые материалы. Т.3. СПб.; Париж, 2002. С.648-651.

²¹ «Рабочие до и после Ленина»; см.: *Gordon M. Workers before and after Lenin*. New York: E.P.Dutton & Company, 1941.

²² Здесь и далее в письмах курсив автора.

²³ Вторая строфа стих. А.Блока «Весенний день прошел без дела...» (1909).

²⁴ Спектакль закончен! (*лат.*)

²⁵ Имеется в виду статья «Трагедия Г.В.Плеханова».

²⁶ С.Н.Булгаков был профессором Киевского политехнического института в Киеве (1901–1903), и Вольский принимал участие в его экономическом семинарии.

осознание того, как важно «для полного понимания настоящего – знать даже мелочи прошлого. Когда ныне молодые люди меня спрашивают о прошлом – я стремлюсь им рассказать все, все, что знаю». Дальше он перечисляет, о чем хотел бы написать:

Если бы была у меня возможность, – я, подражая Вейдле²⁷, написал бы семь очерков – из них пять о том, что видел и слышал (встречи), а два на темы, штопором сидящие в меня в мозгу. 1) До какой степени в общественном сознании России сильна была искони мысль, что стране суждено пойти не европейским путем, сказать «новое слово» и 2) как мучительно и неугасимо с <18>60-х годов наша литература и подполье ставили проблему: «все ли позволено», цель оправдывает ли средства? Я составил конспекты этих очерков – общее заглавие их «На рубежах. Люди и мысли» и хотел послать их, если Вы *разрешите*, Вам...

Тема продолжена в письме от 27 июля:

Непозволительно, скажу сильнее, даже нахально нарушая Ваш летний отдых, осмелюсь послать Вам конспект «сочинений», содержание которых давно сидит в моей голове и меня мучает: ведь если мне не удастся это сказать – все пропадет, а это – вне всякого отношения ко мне – право, интересно.

Посылая конспект, Вольский объясняет, что для того, чтобы заниматься только писанием книги, «нужно в это время быть как-то обеспеченным. That is the question²⁸ – в это все упирается... Больше ничего к этому не прибавлю, так как за этим следуют 12 страниц “конспекта”, и их, чувствуя при этом большую неловкость, прошу Вас найти когда-нибудь полчаса, чтобы прочитать»²⁹.

Уже к 1 сентября 1954, получив от Карповича сообщение, что ему будет выплачиваться пособие, Вольский пишет:

Дорогой Михаил Михайлович, с чувством большой, очень большой благодарности крепко жму Вашу руку за субсидию от Бахметьевского фонда. Если то, что я Вам представил в моем конспекте, имеет какой-то интерес и значение и если, следуя по канве этого конспекта, мне удастся написать книгу, – то этим я буду обязан Вам, выхлопотанной Вами субсидии³⁰.

²⁷ Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) – искусствовед, мемуарист, автор ряда книг по проблемам культуры и общества. Вольский имеет в виду его книгу очерков: *Вейдле В.* Вечерний день: Страница из истории европейской архитектуры, искусства, литературы. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1952.

²⁸ Фраза из монолога Гамлета «Быть или не быть».

²⁹ Ср. в этом же письме: «Б.И.Николаевский советовал мне представить содержание на 4 стран<и>цах», я делаю это на 12, хотя даже такой расширенный конспект не охватывает того, что хотелось бы отметить как важное».

³⁰ Вольский мучается чувством неловкости и довольно пространно объясняет: «В самом деле – при каких условиях я могу приниматься за книгу или вообще за то, что не есть какая-нибудь статейка в “Нов<ое> рус<ское> слово” <или> “Соц<и>алистический” вестник”? Чтобы писать, нужно иметь какие-то возможности “жить”, иметь какой-то заработок, например – служить. Но я не могу

Начиная с 1954 Вольский ежегодно (за исключением одного года, когда его работу оплачивала Исследовательская программа при Колумбийском университете) получал субсидию в размере 1200 долларов от корпорации «Гуманитарный фонд», директором которой Карпович стал после смерти Б.А.Бахметева. Идея книги очерков по какой-то причине не была осуществлена, но обещанные в «конспекте» воспоминания были написаны и опубликованы именно в 1954–1959; изданные на их основе книги сделали имя Вольского-Валентинова-Юрьевского известным.

Скажем просто: Карпович Вольского спас – от физической нищеты и духовной неудовлетворенности, в этом и заключалась его роль. Но отношения их, конечно же, не были обусловлены благотворительной помощью «Гуманитарного фонда» и участием Карповича в судьбе Вольского. С полным основанием можно говорить об участии Вольского, не в судьбе, конечно, но в жизни Карповича. Начать с того, что Вольский всегда был ревнивым читателем «Нового журнала» – комментировал появляющийся материал, полемизировал с Карповичем по поводу отдельных статей, если они пересекались с его интересами, отмечал наиболее ценные, с его точки зрения, публикации самого Карповича³¹. Он болел за благополучие журнала, и его восхищение Карповичем-редактором было неподдельным: «самое издание, самое ведение “Нового журнала”, да еще в тех условиях, в которых он живет (без мецената), считаю подвигом. Мы все поняли, что если бы не было такого журнала, в духовной жизни эмиграции был бы провал. Потеряв “Современные записки”, все острее чувствуют, насколько нужен толстый журнал».

Когда Фонд Форда прекратил финансирование журнала, по Парижу ползли слухи о неминуемом его закрытии. Откликаясь на призыв редактора к эмиграции подписываться на журнал, Вольский и его жена «купили десять номеров и, раздавая их разным знакомым, <...> добивались от них, чтобы они подписывались на журнал»³². Многого сделать Вольский, разумеется, не мог, но потребность соучастия была велика: он предлагает не выплачивать ему гонорар за публикацию о Белом: «это создаст у меня приятное чувство, что я, хотя бы такой мелочью, помогаю “Новому журналу”»³³. Он даже подыскивает возможного мецената для журнала и уговаривает Карповича серьезно отнестись к этой идее, потому что «невозможно

иметь такой службы по той простой (и пакостной) причине, что не в состоянии, как того требовала бы служба, каждый день ездить в Париж. В метро я задыхаюсь почти до потери сознания». Вольскому было в это время 75 лет.

³¹ Комментируя 46-й номер «Нового журнала» за 1956, Вольский отмечает статью Карповича о воспоминаниях Степуна «Бывшее и несбывшееся»: «Я уже третий раз вижу, что мой взгляд на вещи почти, а может быть, и полностью совпадает с Вашим. 1907–1914 гг. не период реакции, а хозяйственного, культурного, если хотите, и политического подъема страны» (письмо от 22 декабря 1956).

³² Письмо от 22 декабря 1956. Ср. также в письме от 23 июля 1956: «С радостью узнал от Вас, что есть финансовая база для “Нового Журнала”. Возможность, что журнал может исчезнуть, казалась просто чудовищной».

³³ Письмо от 23 июля 1956.

допустить, чтобы такой нужный и ценный журнал, как Ваш, – в финансовом отношении висел в воздухе»³⁴.

Тема журнала и необходимости его для эмиграции поднимается Вольским и в статье, посвященной семидесятилетию Карповича. Только на этот раз центром в его тексте становится редактор:

Еще памятно обращение Карповича к эмиграции. <...> Все обращение носило характер взволнованной просьбы. Но почему волновался М.М.Карпович? Нужно прямо сказать – *лично ему как литератору журнал не нужен*. Для печатания своих произведений пред ним широко открыты страницы американской печати. «Новый журнал» нужен нам, эмигрантам. Не будь его – значительная часть произведений наших беллетристов, поэтов, авторов разных мемуаров, очерков по литературе, искусству, политике, культуре, экономике и т. д. не увидела бы света. Это было бы потуханием культурной акции эмиграции, уже и без того придавленной тьмой неблагоприятных условий.³⁵

В этой своей догадке Вольский был, скорее всего, прав, но только отчасти. Определенный элемент жертвенности в служении «культурной акции эмиграции» в редакторстве Карповича, несомненно, был. Но помимо этого журнал был нужен и ему самому в функции некоего суррогата непосредственного общения с Россией. Метонимически журнал и являл собой Россию, по крайней мере, стремился к этому. При отсутствии физической земли, которая всегда несет в себе эманацию культуры, в широком смысле этого слова, каждый человек в эмиграции начинает для другого выполнять функцию исчезнувшего целого. В необычной дружбе Карповича и Вольского, а незаурядность ее отрицать невозможно, был этот не поддающийся рационализации элемент. Вольский стал близким Карповичу человеком, потому что с ним можно было говорить на темы, которые занимали Карповича всю его «послероссийскую» жизнь – о предвоенной России и о европеизме развития русской истории. Обеим темам посвящены многие письма Вольского.

В феврале 1959 Вольский пишет Карповичу поразительное письмо на шестнадцати страницах, из которых восемь заполнены текстом о политике правой и левой оппозиций в середине 1920-х и являются ответами на затронутые в письме Карповича вопросы. Расправившись с историей и прокомментировав оценку «Дзешошинским (Вашим бывшим учеником)» политической позиции Дзержинского, Вольский переходит «к некоторым признаниям, имеющим, как Вы увидите, весьма интимный характер». За последние годы, пишет он, «я мог для себя установить, что среди огромного числа моих знакомых <...> только три человека меня интересуют и что к ним я как-то по-особому притягиваюсь». Такими людьми были для него Кускова и Алданов. И продолжает:

Нет теперь ни Е<катерины> Д<митриевны>, ни Алданова. И остался у меня только *один* человек, к которому я действительно душевно тянусь. <...> Кто этот третий человек – Вы догадаться можете.

³⁴ Письмо от 1 сентября 1954.

³⁵ Юрьевский Е. Семидесятилетие М.М.Карповича.

Это Вы, и Вы можете теперь понять, с каким волнением я прочитал, что Вы пишете о Вашей душевной и идейной близости ко мне. Вам я не говорил, но Кусковой после второго Вашего приезда в Париж написал: «Карповича я не просто ценю, а люблю», на что она мне в ответ: «А Вы думаете, что я его не люблю! Люблю, и давно люблю». Когда я писал о Вашем 70-летию, мне хотелось выразить не только почтение и уважение к Вам как к писателю и ученому. По всей статье несомненная любовь к Вам, но, сознаюсь, я очень боялся показаться «институткой».

И далее, без всякого перехода:

Ваше замечание о разнице нашего отношения к тому, что схематически может быть названо западноевропейством, – очень тонко. Вероятно, так и есть: меня одолевает мысль, что этому западничеству *противодействовало*, а Вас интересует мысль о том, что ему *содействовало*. Я должен только к этому добавить, что до эмиграции меня больше всего интересовало отыскание, обнаружение всего того, что в России западничеству содействовало.

Через восемь месяцев после этого письма Карповича не стало. По странному совпадению, он умер 7 ноября 1959. Вольский умер 26 августа 1964, не дотянув три дня до шестнадцатилетия начала своей переписки с Карповичем. В одном из благодарственных писем он сильно сокрушался, что ему нечем ответить на то, что он назвал «путевкой в жизнь», полученной им от Карповича:

*Do ut des*³⁶ – гласит поговорка. От Михаила Михайловича полностью и во всех видах идет *do*, и никакого *des* с моей стороны, в том смысле, в каком *des* должен быть. Слов благодарности мало. Мне хотелось бы мою благодарность, *des*, выразить делом. Как, в какой форме?³⁷

Статья Е.Юрьевского, посвященная семидесятилетию Карповича, была и пока остается единственной, написанной о Карповиче-историке на русском языке. Обращенные к Карповичу письма Вольского – очень личные. Но в них проступает такой модус отношения к нему, такое чувство ответственности за сделанный ему судьбой подарок, такое чувство благодарности за участие, которое Карпович принял в его судьбе, что это личное само по себе становится объективной ценностью.

Письма хранятся в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. M.Karpovich Coll. Box 3. Ser. 1. Публикуются с разрешения администрации. Тексты писем приведены к современной орфографии и пунктуации (за исключением некоторых авторских особенностей написания имен и названий). Авторские конъектуры раскрыты в угловых скобках, подчеркивания выделены курсивом.

³⁶ Даю, чтобы дал (*лат.*).

³⁷ Письмо от 27 мая 1955.

1.

<8 октября 1956>

Дорогой Михаил Михайлович, глубоко трогает меня Ваше дружественное ко мне отношение, в последнем письме снова выражающееся в предложении денег из Humanities фонда¹. Вы пишете, чтобы я не отказывался от них, если не уверен, что «без лишений и самоограничений» не могу обойтись без них до конца года. На то, что я получил за работу от Columbia University², позволяет нам без больших самоограничений дотянуть до конца года, потому сердечно, сердечно благодарая Вас, прошу мне денег не посылать. Конечно, соблазн иметь дополнительно 300 долларов очень велик, они в громадной степени увеличили бы наш месячный бюджет, но я бы сильно мучился, себя грыз и себя упрекал, если бы поддался такому соблазну. Я считаю, если у человека имеется более или менее обеспечивающий его существование заработок, он в *это время* не смеет, не должен думать о дополнении заработка субсидией из Обществ<енного> фонда, хотя бы такая субсидия очень повысила его уровень жизни. Вот когда нужно пустить в ход волю и от такого соблазна отказаться. Но к 1957 г. работа моя для Columbia University окончится, других платных работ я не предвижу, и тут-то для нас с Валентиной Николовной³ огромное успокоительное значение приобретают Ваши слова, что в декабре Вы поставите вопрос о посылке мне субсидии в течение 1957 г. Крепко с благодарностью жму за это Вашу руку. Эта уверенность, что на целый год – вне зависимости от всяких обстоятельств, обеспечен «и стол, и дом» – создает особый спокойный взгляд на будущее. В годы старости, когда сильно понижены способности биться за жизнь, – это спокойствие имеет грандиозное значение.

Я не знаю, сколько еще частей Вы возьмете из моих встреч с Бельм⁴. Раз Вы что-то из этого материала берете для «Нового Журнала» – не может быть и речи, чтобы этот материал я пробовал где-то еще напечатать⁵. У меня шла речь о другом. Я понял, что Эллиса, Брюсова или мою ругательную статью о Блоке – Вы печатать не будете, поэтому-то – чтобы все это не загнивало, – я и захотел пропустить через «Новое Русское Слово». Но пока пустил в ход только Эллиса⁶. Очерки о Брюсове⁷ и Блоке⁸ нужно несколько (для газеты) переработать, сократить, а на это нет воли. Напала такая слабость, что даже такую нужную для меня работу, как записки для Columbia, – делаю с возмущающей меня самой медлительностью.

Хотел бы очень ответить Ульянову⁹, – но нет на то времени, а у меня есть, чем ему возразить. Я все-таки не думал, что он, *сознательно*, так *уродски* будет представлять мои взгляды¹⁰. Он ненавистник социализма и отчаянный националист. С.П.Мельгунов¹¹

говорил, что «национализм Ульянова такой густоты, что просто непереносим». Ульянов многое не договаривает и очень многое прячет. Между прочим – Америку ненавидит, но дипломатично о том скрывает, конечно, в некоторых его письмах эта ненависть бурлит.

Милый и дорогой Михаил Михайлович – еще и еще раз горячая благодарность за все, что делаете для нас. От нас обоих самый сердечный привет Вам и Татьяне Николаевне.

Ваш Вольский

8 окт<ября> 1956

¹ «Гуманитарный фонд» – корпорация, основанная в 1936 Б.А.Бахметевым, он был директором фонда (до своей смерти в 1951) и его главным спонсором, «направляя на его нужды средства, заработанные в “спичечном” бизнесе» («Совершенно лично и доверительно!» Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка. 1919–1951: В 3 т. / Под ред. О.В.Будницкого. Т.1. М., 2001. С.86). После смерти Бахметева президентом корпорации стал Карпович. Начиная с 1954, Вольскому выплачивалась субсидия в размере 1200 долларов; чек в размере 300 долларов высылался ему каждые три месяца. См.: VAR. Coll. Bakhmetev. Box 14. F. Karpovich.

² При Колумбийском университете в 1955–1957 была создана Исследовательская программа по истории КПСС. Вольский написал для этой программы следующие тексты: «Рождение НЭР. Появление оппозиции. Болезнь и смерть Ленина» и «Суть большевизма в изображении Пятакова». См.: VAR. Coll. Research Program on the History of CPSU. Box 5. F. Volskii.

³ Валентина Николаевна Вольская (урожд. Лукьянова, 1881–1971) – жена Вольского, актриса, певица. До революции много гастролировала.

⁴ В «Новом журнале» (далее – НЖ) были напечатаны четыре очерка о Белом, см.: *Валентинов Н.* 1) Встречи с Андреем Белым: Первое знакомство с Белым // НЖ. 1956. №45. С.181-194; 2) Встречи с Андреем Белым: Марксизм, апокалипсис, идея «взрыва» // НЖ. 1956. №46. С.84-106; 3) Встречи с Андреем Белым: От «Кремневых людей» к «Петербургу» // НЖ. 1956. №47. С.133-153; 4) Встречи с Андреем Белым: Пленение Андрея Белого «Вехами» Гершензона // НЖ. 1957. №49. С.177-188. Эти публикации вошли в книгу «Два года с символистами», вышедшую в 1969, после смерти Вольского.

⁵ Один очерк о Белом в «Новом русском слове» (далее – НРС) был напечатан (см.: *Валентинов Н.* Дух, летавший по Москве // НРС. 1958. 27 апреля), однако в «Новом журнале» этот материал не публиковался.

⁶ Эллис (Лев Львович Кобылинский, 1879–1947) – поэт, критик, переводчик. В «Новом русском слове» были напечатаны следующие очерки Вольского: *Валентинов-Юрьевский Н.* 1) Бодлер и Эллис // НРС. 1956. 19 августа; 2) Эллис о символизме // Там же. 26 августа.

⁷ См.: *Валентинов Н.* Знакомство с Брюсовым // НРС. 1957. 25 января.

⁸ Очерк о Блоке под названием «Чревоушатель невнятиц» (опубл.: НРС. 1961. 4, 5 и 6 июня) вошел в книгу «Два года с символистами». Г.П.Струве пишет, что Карпович отказался в свое время напечатать материал Вольско-

го о Блоке в «Новом журнале» (*Струве Г.П.* Предисловие // Два года с символистами. С.ХІ).

⁹ Ульянов Николай Иванович (1905–1985) – историк, публицист; в эмиграции после Второй мировой войны, в США – с 1955, преподавал русскую литературу и историю в Йельском университете (подробнее о нем см.: *Зельковский С.А.* Верный флагу. Памяти Николая Ивановича Ульянова // НЖ. 1985. №160. С.268-278). Вольский писал Карповичу об Ульянове и раньше, см., например, в письме от 23 июля 1956:

С интересом буду ждать статьи Ульянова и особенно Ваших комментариев <так!>. Об Ульянове скажу – он весьма симпатичный, способнейший человек, увы, сверхнационалист и шовинист ужасный. Покойный Мельгунов сам имел некое душевное касание к национализму, тем не менее, мне говорил, что временами Ульянов для него нестерпим. В некрологе, посвященном Мельгунову, Ульянов заявил – главное и единственное это родина, а не ее режим. Если так, почему Ульянов здесь, а не там. В одном письме ко мне он с такой ненавистью говорит об Америке, что я написал ему – не удивлюсь, если узнаю об его отъезде в Россию. Его критика эмиграции очень односторонняя, за нею кроется – и я понимаю, откуда это – большевистский душок. Очаровательный он человек, а ладить с ним трудно. В наше время быть таким националистом – несчастье, и опасное.

¹⁰ Речь идет о статье Н.Ульянова «Комплекс Филофея» (опубл.: НЖ. 1956. №45. С.249-273), являющейся одновременно экскурсом в историю теории «Третьего Рима» и полемическим выпадом против статьи Вольского (см.: *Юрьевский Е.* Антиевропеизм и византизм в русском сознании // Социалистический вестник. 1956. №4.

¹¹ Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – общественный и политический деятель, историк, публицист; в эмиграции с 1922, один из основателей альманаха «Голос минувшего», издатель альманахов «На чужой стороне» и «Голос минувшего на чужой стороне», редактор журнала «Возрождение» (1949–1954). Подробнее о нем см.: С.П.Мельгунов и С.В.Панина // НЖ. 1957. №48. С.243-245).

2.

<9 апреля 1957>

Прошу это, от руки написанное, письмо прочитать первым, а «тапированное» на машинке уже после.¹

Дорогой Михаил Михайлович, адрес Вашего места кратковременного отдыха Вы не указали, – поэтому адресую в Cambridge. И *хорошо*, что не указали, это, без получения всяких писем, даст Вам более спокойный отдых. То, что Вы пишете о Вашем здоровье, ей Богу, волнует и не только меня и Вал<сентину> Ник<олаевну>. Вы, вероятно, даже не знаете, с каким уважением, с какой симпатией –

относится к Вам та среда, которую я назвал бы «интеллигентской» эмиграцией². Нужно было видеть лица тех, кому я сообщил, что «Карпович болеет». В медицине я ничего ровно не понимаю, я даже не разобрал в Вашем письме, какие это «железы у Вас расшатались». Но то обстоятельство, что для лечения их пришлось в *госпитале* прибегать к каким-то сильным средствам и что, по словам докторов, произошло «значительное улучшение», а улучшение не значит еще устранение, одоление полное болезни, слышать это очень печально. Не запускайте болезнь, если для поправки нужно временно отойти от всякой работы, и уже, во всяком случае, – утомляющей Вас работы, – нужно на это пойти. Мне думается, что в Harvard'e³ у Вас такое положение, что для сохранения Вашего здоровья – там на все Ваши требования пойдут. Бросьте работу хотя бы на полгода, найдите какое-нибудь тихое, спокойное, удобное для отдыха место и, отгоняя мозговую работу, попробуйте пожить только «физиологической жизнью». Уверен, что это будет хорошо и для Татьяны Николаевны. Я почти уверен, что Вы оба любите природу, – и что может быть лучше – прожить без всяких забот, напряжений, дум где-нибудь, среди природы, вот такой, которая бы ласкала, успокаивала. Ведь это на всем организме и на этих Ваших больных железах должно благотворно отразиться! Ну, стоит ли пенять на себя, что не приготовили очерка о Белом и Гершензоне! Да черт с ними! Есть о чем беспокоиться!

Придется теперь перейти к моей «повести». Работу мою для Columbia я кончил – обе части ее у Вас есть, хотя я не знаю, имел ли я право посылать Вам копию моих записок. Я написал раза в *четыре* больше того, что значилось в первоначальном плане, и если бы Мозли⁴ и Мейер⁵ отнесли ко мне, скажем, более правильно, им не следовало бы просить меня дополнить написанное очерком о Пятакове. Очерк этот (а в нем главное, буквально меня потрясшая, беседа с Пятаковым в Париже в марте 1928⁶) я напишу, но работу для Columbia считаю оконченной. Вы ведь знаете, что главными авторами в research program on the History of the C.P.S.U.⁷ <являются> Эрлих⁸ и лондонский проф. Leonard Schapiro⁹. Слышал, что Эрлих нашел, что вторая часть моих записок очень интересна, а что касается Шапиро – тот мне прислал большое письмо, убеждая меня продолжать записки (я их могу дать еще сотни три страниц), которые, по его словам, он читал «с увлечением». Словом, выходит, что не зря написал около 450 стр. Но и вот тут-то и начинаются мои мучения.

Вам известно, что нечто параллельное предприятию Мозли ведет Р.А.Абрамович¹⁰ – двухтомник истории советской революции и коммунистической партии. Он пригласил и меня работать для его предприятия, даже деньги мне послал и обещал хорошо платить.

Участие в предприятии Рафаила Абрамовича меня смущало сначала потому, что я боялся, не станет ли его работа некоторым *самооправданием* меньшевиков. Но теперь не это является главным препятствием. Приходится констатировать, что хотя мне нет еще 80 лет, я уже *не могу* выполнять никакие срочные работы. За последний год мы с Валентиной Николоевной ужасающе постарели. После почти двух месяцев болезни (грипп с возвращением) она стала очень плохо слышать. Глухота, очевидно, уже давно надвигалась, потихоньку, ну а теперь она уже стала явной. И изменилась Валентина Николоевна тоже явно: как-то сразу стала старушкой. Со мною еще хуже – тут все напасти – туберкулез, язва желудка, негодное сердце. Ходить могу только медленно, все время останавливаюсь и задыхаюсь. Выполнять работы не срочные я, конечно, еще могу, но с печалью констатирую – прежняя работоспособность отлетела. И вот нужно написать Абрамовичу, что помогать ему (а на это он рассчитывал!) я не могу. Сижу и мучаюсь – как ему об этом написать!

Для него это будет крайне неприятно, ведь он целиком ушел в свой двухтомник, для него это цель последних годов его жизни, он даже от редакции «Социалистического Вестника»¹¹ для этого отошел. Он меня соблазнял, что гонорар, который он будет мне посылать, *плюс* то, что я буду получать из Humanities Fund – создадут для нас с Валентиной Николоевной такие *превосходные* условия жизни, что мы забудем наш возраст и болезни. Этот соблазн я, разумеется, принять *бы не мог*. Если бы я получал деньги от Рафаила Абрамовича, то от субсидии Бахметевского фонда, конечно, конечно *так!>, отказался бы*. Но все теперь перевертывается: приходится с великой благодарностью брать субсидию из Вашего Фонда, а от гонорара Абрамовича отказаться. Он сейчас мне прислал 118 тысяч, но я их ему возвращаю. (Ему или его дочери, сестре – кому он укажет.) Я ему об этом еще не написал – все думаю – как бы сделать менее болезненным мой отказ. А Рафаила Абрамовича я очень ценю, он лучший, наиболее сердечный из всего состава «Социалистического Вестника». И его слепота – ведь он почти ничего не видит, читать не может, – сущая трагедия. Просто чудо – как он может еще писать и как он может редактировать, исправлять писание других.

До сих пор не могу прийти в себя от неожиданной смерти Алданова¹². Близким с ним я не был, но мы много с ним переписывались. Не могу забыть, помню до мельчайших деталей, последний разговор с ним, в течение почти 3 часов, в ресторане, а потом в кафе – у Porte S^{aint} Cloud. Говорили о «детерминизме» и «случае» в истории, войне 1914–1918, октябрьской революции. Когда-нибудь стоит этот разговор передать, но так как все, кто хоть раз видел Алданова,

пишут о «встречах» с ним, теперь этого делать не буду. Когда мы расставались, Алданов мне сказал: «Вы намного старше меня и более, чем я, болеете, а все-таки я умру раньше Вас, меня ударит “кондрашка”». Мысли о смерти у Алданова уже давили давно. В его произведениях почти всегда есть кто-то (а это сам Алданов), говорящий о смерти. Этот момент входит составной частью в общее крайне пессимистическое мировоззрение Марка Александровича. Последнее его произведение «Самоубийство», должествуемое завершить серию его исторических романов, и в том числе «Истоки» (его лучшее, по моему, произведение!), мне не очень нравится, так же мало, как «Бред». Талант Алданова здесь в упадке. Фигура, например, Ленина, представлена с большими искажениями в стиле гротеск. Но нужно принять во внимание, что и «Бред» и «Самоубийство» Алданов писал будучи уже больным. «Я на наклонной плоскости, – сказал он мне. – Прежде, когда писал, мне не нужно было держаться за перила, а теперь нужно». Что точно должна означать эта фраза – не знаю¹³.

Еще до получения Вашего письма – я Вам написал большое послание, но не послал его Вам, так как оно затерялось среди кучи в беспорядке лежащих разных бумаг и записей на моем столе. Часть этого письма, давно написанного, устарела, и я ее выбрасываю, а другую часть – о Чернышевском¹⁴ – попросил Вал<ентину> Ник<олаевну> переписать на машинке (этим искусством я не владею) и ее прилагаю. Не люблю я этого писателя, он мне чужд. Третьего дня по поводу моей статьи о Плеханове¹⁵ (она пойдет в «Социалистическом» В<естнике>») поучил невероятно грубое письмо Николаевского¹⁶, на которое, вопреки всем моим правилам, ответил столь же грубым. Никол<аевский> странный человек: он стоит на страже марксизма «до 1898 г.» и всякие уклонения от его понимания этого марксизма считает невежеством. С одним немцем он лет 20 тому назад написал книгу о Марксе¹⁷, но его Маркс не Маркс, а Павел Борисович Аксельрод¹⁸. По мнению Ник<олаевского>, никто не знает так хорошо марксистскую историю, как он, никто кроме него не знает историю советской революции, что делалось и делается сейчас в Кремле. Некоторые его статьи о СССР – сплошная фантазия, но он требует, но он требует <так!>, чтоб ему верили, а кто не верит, делается его врагом, недругом, невеждой. От такого его отношения к людям, с ним не соглашающимся, просто коробит. Приходится с ним ссориться, хотя у меня до сих пор было правило ни с кем вообще, а тем более со старой гвардией, не ссориться!

В момент писания этого письма пришел чек от Humanities Fund. От всей души благодарю Вас за него. За отказом от гонорара и от работы для Раф<аила> Абр<амовича> субсидия Ваша – основа нашей жизни. Разумеется – считаю своим священным долгом – делать

за нее какую-то работу, которую Вы считаете полезной, в какой-то степени интересной и нужной. Года три или два с половиной назад я составил для Вашего осведомления план, «перечень» тем, работ, которые я мог бы вести для оправдания получки <так!> субсидии от Humanities Fund. Я этот перечень не могу сейчас найти, куда-то засунул его. Да и кроме того, он устарел – так как некоторые темы в нем («Символизм», встречи с Белым, встречи в 1921–1928 гг. с коммунистическими властителями, и т. д.) уже исполнены, в частности, – в записках для Колумбийского Университета. Я постараюсь составить другой перечень тем и пошлю его Вам на выбор и утверждение. Эта работа мне доступна и даже приятна, так как она не будет иметь срочный характер, а к такого рода активности я теперь окончательно неспособен, хотя сознавать это очень неприятно.

Оба мы Вас очень благодарим и посылаем большой привет Татьяне Николоевне.

Ради Бога! Не болейте, выздоравливайте!

Ваш Вольский

9 апр<еля> 1957

¹ Надписано сверху. По поводу письма о Чернышевском см. примеч. 14 к наст. письму.

² Ср. написанное о Карповиче Вольским в юбилейной статье:

В русской эмиграции сейчас нет «вождей». Вероятно потому, что нет партий, в том виде, в каком они существовали до Первой мировой войны. Но при отсутствии вождей, разъединенности или очень малой объединенности эмиграции, в ее среде есть люди на примете, к которым «прислушиваются», с их мнением, даже когда его не разделяют, считаются и, в том или ином случае, готовы прибегнуть к их арбитражу. К таким лицам – вне всякого сомнения – принадлежит М.М.Карпович. К нему действительно, и с большим почтением, «прислушиваются».

(Юрьевский Е. Семидесятилетие М.М.Карповича).

³ Прав.: Harvard. Имеется в виду Гарвардский университет, в котором Карпович преподавал на факультете истории с 1927 по 1957.

⁴ Мозли Филипп Е. (Mosely; 1905–1972) – историк, профессор международных отношений, администратор; один из организаторов Русского института при Колумбийском университете; ряд лет сотрудничал с Госдепартаментом в качестве консультанта по отношениям с Советским Союзом.

⁵ Мейер Альфред (Alfred G. Meyer, 1920–1998) – один из ведущих специалистов в области советской политики, профессор политологии Мичиганского университета в Анн Арборе; автор широко известных книг: «Leninism» (Cambridge: Harvard University Press, 1957; переизд.: Boulder, Colorado: Westview Press, 1986), «Communism» (New York: Random House, 1960; переизд. в 1963 и 1967).

⁶ Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) – советский партийный и государственный деятель, в 1928 занимал пост руководителя торгового представительства СССР во Франции. Здесь и состоялся разговор, о котором пишет Вольский и который является ключевым моментом в его очерке «Суть большевизма в изображении Ю.Пятакова». Его потрясло длинное рассуждение советского деятеля о природе большевизма и возможностях большевистской коммунистической партии, «не связанной никакими законами, ограничениями, препонами». «Большевизм, – по формулировке Пятакова, – есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым» (цит. по рукописи. – BAR. Research Program on the History of CPSU. Box 5. F. Volsky). Очерк сначала был напечатан в «Новом журнале» (1958. №52. С.140–161), а затем в расширенном виде вошел в книгу Вольского «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина».

⁷ Исследовательская программа по изучению истории КПСС при Колумбийском университете (1955–1957), финансировалась Фондом Форда.

⁸ Эрлих Александр (Erlich; 1912–1985) – американский экономист, профессор экономики в Колумбийском университете (1955–1981). Автор известной работы: *Erlich A. The Soviet Industrialization Debate: 1924–1928*. Harvard University Press, 1960 (перезид. 1967).

⁹ Schapiro Leonard (1908–1983) – британский историк, специалист в области русской политики; профессор политологии в Лондонской экономической школе. Автор исследования «The Communist Party of the Soviet Union» (New York: Random House, 1960; расширенный и исправленный вариант – 1970).

¹⁰ Абрамович Рафаил Абрамович (Рейн, 1880–1963) – деятель еврейского и российского социалистического движения, публицист; эмигрант с 1920, жил в Берлине; один из основателей «Социалистического вестника», один из редакторов журнала (1920–1951), председатель «Заграничной делегации»; с 1939 в Париже, с 1940 в Америке. Вольский упоминает двухтомник, затем пишет о трехтомнике, но книга о революции вышла в одном томе и посвящена, в основном, периоду после октябрьских событий: *The Soviet Revolution, 1917–1939 / Introd. by Sidney Hook*. New York: International Universities Press, 1962. Возвращаясь к работе Абрамовича над этой книгой в другом письме (от 29 июля 1956), Вольский в постскиптуме пишет:

У меня глубокое убеждение, что история русской революции и ее во многом загадочный ход – совсем не написана, а написать же ее можно лишь учитывая в ней борьбу двух мощных национальных течений мысли, триста лет, с 17 века, – в ней враждующих. Одно течение – это европеизм, другое – то, что я называю византизмом, филофейством. Убежден, без учета этих двух факторов – не может быть написана история советской революции, весь мир всколыхнувшая и в какой-то степени управляющая им. Ленин двойственен. Драпировка у него – ортодоксально-марксистская, а под нею народническая вера. С нею делалась октябрьская революция и с нею Ленин жил до 1921 г., до НЭП. С переходом к НЭПу, с отходом от народничества (в генезисе от Филофея) Ленин становится на путь европеизма и

в 1923 г. (перед третьим ударом) возглашает: «долгой скоропалительно-быстрое движение, для начала нам достаточно буржуазной / европейской культуры».

¹¹ «Социалистический вестник» – орган меньшевиков-эмигрантов (1921–1963).

¹² Алданов Марк Александрович (Ландау, 1886–1957) – писатель, автор многочисленных исторических романов, очерков, эссе. Родился в Киеве, до революции химик, с 1919 в эмиграции (Берлин, Париж); с 1921 постоянный автор журнала «Современные записки», после начала Второй мировой войны переехал в США, один из основателей, совместно с М.О.Цейтлиным, «Нового журнала», с 1947 во Франции.

¹³ Карпович посвятил Алданову две статьи. В первой из них «1. Философия случая. 2. Философия компромисса» (НЖ. 1954. №37. С.266-275) он рассматривает книгу философских диалогов Алданова «Ульмская ночь: Философия случая» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953) и книгу «Из воспоминаний» В.А.Маклакова (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954). Внутреннее родство между этими книгами Карпович видит в понятии «картезианское состояние ума», которым оперирует Алданов и значение которого определяется Карповичем как «отрицание абсолютизма в мышлении», особенно в области политики и политической морали (С.267); последовательная защита Маклаковым «философии компромисса», с точки зрения Карповича, является проявлением того, что Алданов называет «картезианским состоянием ума» (С.274-275). В другой своей статье – «М.А.Алданов и история» (НЖ. 1956. №47. С.255-260) Карпович трактует алдановскую философию истории как близкую герценовскому утверждению, что история сама по себе никаких целей не имеет и иметь не может, и только разум и воля человека могут вносить цели и смысл в стихийный исторический процесс (С.259).

¹⁴ Отдельное письмо о Чернышевском было вызвано его упоминанием в статье Карповича «Традиции русской общественной мысли», появившейся незадолго до того (опубл.: Судьба России: Сб. ст. / Под ред. И.Курганова. Нью-Йорк: Изд. Объединения российских народников, 1957. С.5-25). Утверждая, что среди основных черт русской общественной мысли дореволюционного времени были «необыкновенно сильная этическая струя, ярко выраженное моральное чувство», Карпович пишет: «Я сознательно оставляю в стороне спорный вопрос о якобинских элементах в политических взглядах Чернышевского. Я готов согласиться с Н.Вольским, что они у него были и что именно они оказали сильное влияние на молодого Ленина. Но думаю, что для большинства революционеров того времени личность и учение Чернышевского значили нечто другое» (Там же. С.21). Вольский же и в данном письме Карповичу, и везде, где это приходилось к месту, настаивал, что якобизм Ленина имел отечественные корни и что именно Чернышевский определил ленинский подход к русской революции.

¹⁵ Плеханов Георгий (Юрий) Валентинович (1856–1918) – философ, теоретик и пропагандист марксизма, деятель российского и международного социал-демократического движения, один из основателей РСДРП и лидеров меньшевизма. Статью Вольского найти не удалось, но «ссора» с Б.И.Николаевским, видимо, была вызвана несовпадением их взглядов на Плехано-

ва, изложенных Николаевским в статье «Вокруг юбилея Г.В.Плеханова» (Социалистический вестник. 1957. №23).

¹⁶ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – общественный и политический деятель, историк, публицист; в социал-демократическом движении с 1901, меньшевик после 1904; выслан из СССР в 1922, с 1940 в США, последние годы жизни работал в Гуверовском институте войны, мира и революции при Стэнфордском университете (штат Калифорния). Автор многочисленных публикаций, создатель уникального архива.

¹⁷ Речь идет о книге: *Nicolaievsky B., Maenchen-Helfen O. Karl Marx. Man and fighter / Transl. by G.David and E.Mosbacher. Philadelphia; London: J.V. Lippincott Co, 1936.*

¹⁸ Аксельрод Павел Борисович (1850–1928) – участник революционного движения, член РСДРП, один из лидеров меньшевизма; после 1917 в эмиграции, идеолог правого течения в зарубежном меньшевизме.

3.

<19 мая 1957>

Дорогой Михаил Михайлович,

Очень благодарю за большое, обстоятельное, во всех отношениях исключительно интересное письмо. Им как-то сразу многое осветилось, на многое, Вас касающееся, получил ответ. Начало его – грустное, и это понятно: нелегко проститься с университетом, в котором преподавали 30 лет!¹ У меня сердце больно забилось, когда я читал Ваше сообщение. Ведь с этим прощанием отрезывается целый, главенствующий, период Вашей жизни. И немедленно, в связи именно с этим, приходят на память несколько строк из Тургенева, а откуда – не помню.

«Бросить холодный, ясный взгляд на всю свою прошедшую жизнь, – вот как прохойжий, оборачиваясь, глядит с высокой горы на пройденное им поле. Но это можно только в известные годы. Пока мы молоды – такого рода оглядки невозможны».

Вот и Вы теперь с «горы» оглядываетесь на тридцать лет жизни в университете. На этой горе Ваша прежняя жизнь кончается, новая начинается. Когда мы молоды, переход от одной жизни к другой, новой, совершается, в сущности, просто – это вроде переезда с одной квартиры на другую. Но в Ваши годы, а Вы немолоды, – этот резкий переход от того, чем была жизнь в течение 30 лет, – к чему-то иному – не может не волновать. Вся мудрость теперь в том, что<бы>, забравшись на гору, устроить новую жизнь с максимумом умелости, удовлетворенности и, по возможности, «философского» спокойствия. Быть полным хозяином того этапа жизни, начинающегося на горе! Тут – для жизни – крайне, крайне важно умение поддерживать здоровье. Без него новая жизнь на горе – будет споты-

каться. Когда Вы мне раньше писали, что шалят Ваши лимфатические железы, – я совершенно не отдавал себе отчета, что это значит. Потом расспросил об этом моего доктора, который, объяснив в чем суть болезни, поведал, что с нею можно жить десятки, десятки лет, но регулярно проверять себя и *вовремя* клиническим лечением предупреждать возможность обострения. Я очень хотел бы думать, что Вы это будете делать, т<о> е<сть> будете стойко держаться настороже. Ведь это нужно – чтобы новая жизнь была приятной! Не понимаю, почему мигрень у Татьяны Николаевны не поддается лечению. У этой болезни, не опасной, но отравляющей жизнь, подкладкой могут быть разные причины. Их и нужно найти. У меня в Москве в течение <многих> лет была адская мигрень. Думали, что она от какой-то шишки в мозгу, появившейся в результате ранения в 1902 г., нанесенного мне саблей полицейского. Русские врачи не могли меня вылечить от мигрени. Хотели даже сделать трепанацию черепа для удаления шишки в мозгу. А вот немцы в 1928 г. нашли причину и от мигрени меня вылечили². И знаете, чем лечили? Лошадиными дозами снотворного <нрзб.>, т. к. мигрень была от острого недостатка сна. Глубоко уверен, что мигрень излечивается. Нужно только, если неясны ее причины, перепробовать десятки средств.

Бесконечно нас обрадовало Ваше сообщение, что собираетесь в Европу³, полагаете быть в августе в Париже и у нас, следовательно, будет надежда, возможность Вас видеть. Вы даже представить себе не можете (в этом я убежден!), как велика наша радость по этому поводу! Ведь интересных людей, русских Вашего «размера» – почти уже нет. Об одном только Бога молю: быть к Вашему приезду на ногах, а не в том состоянии, как сейчас. Со времени Вашего приезда в Париж – и я, и Валентина Николаевна постарели страшно. Валент<ина> Ник<олаевна>, которая долго бодро держалась, превратилась теперь в настоящую старушку (ей 76, но она об этом не навидит говорить, а мне, когда ее о том спрашивают, года на два уменьшает возраст). Однако пир по случаю Вашего приезда – будет гигантский, и, разумеется, будет варение из смородины и из нее же наливка, т. к. знаем, что эти вещи Вы любите.

После разъездов по Европе Вы, совершенно правильно, хотите где-нибудь пожить спокойно «в простом месте, на природе». Но вот что меня смущает. Татьяна Николаевна хочет «гарантированной солнечной погоды». Сильное солнце при мигрени – может ее только усиливать. А солнце и море может ее усиливать еще в большей степени. В этом отношении нужно быть осторожными, нужно найти такое место для отдыха, которое Вам и Татьяне Ник<олаевне> подходит. И почему ехать в Италию? Во Франции можно найти для спокойного отдыха чудесные места, а я буду о них узнавать. А кро-

ме того, такой еды, как во Франции, Вы в Италии в «простых» местах не получите.

Ваш отзыв о моей работе, написанной для Columbia, — меня привел в самое радужное настроение духа. Если такой человек, как Вы, ее хвалит — значит, не зря я ее писал. Значит, еще не полностью развалился. Для меня было крайне ценно знать, что в моих записках Вы нашли «много нового». Записать то, что знаю я, а другие (случайно и по разным причинам) не знают, передать то, что навеки пропадет из оборота «истории», если я это не сделаю, — и составляет цель оставшейся у меня жизни. Это «новое» мало кому известное я хотел передать в моих «Встречах с Лениным»⁴, в моих воспоминаниях о символистах (их весьма лестно аттестовал М.А.Алданов, даже хотел к ним писать предисловие!) и в моих записках для research program on the History of C.P.S.U. Эти записки я, конечно, *не окончил*. У меня есть еще много интересного сказать о встречах с Рыковым⁵, много интересного о тех спорах, которые происходили в «Лиге Наблюдателей»⁶, о Пятакове, Каменеве⁷. Для research program я обещал дать 100 страниц, а написал 430 и намекнул, что если дирекция research program хочет, чтобы в 1957 г. я продолжал для нее писать, то нельзя ограничиваться гонораром, предназначенным для 1956 г., а нужно его увеличить. Я указал, что меня для своего трехтомника приглашает Абрамович, а так как для него и research program у меня нет сил работать, то пусть они решат, как выйти из этого положения. Предложи они в этот момент получать дополнительный гонорар, я продолжал бы писать для Columbia. Но колумбийцы этого не сделали, заявив, что не желают меня «монополизировать» и желают удачи предприятию Абрамовича⁸. Кстати — не могли ли Вы мне разъяснить, что такое прощение с проф. Мейером, с которым (и только с ним) я в течение года вел деловую переписку? Циркулярно Mosely известил (это извещение получил и я), что доктор А.Г.Мейер не состоит больше директором Research Program и его место с 1 мая занимает Mrs. Josephine Bruno⁹. У меня такое впечатление, что Mosely, перегруженный всякими функциями и работами, даже и <на> минутку не заглядывал в мои для Columbia записки. Мне очень, очень хотелось бы, что<бы> при случае Вы сказали бы ему, что нашли мою работу интересной. Ее хвалит Вишняк¹⁰, хвальныйное письмо мне прислал о ней лондонский проф. Leonard Шапиро, который за огромный гонорар (говорят 20 000 дол<ларов>) пишет для research program историю советской революции. А вот от дирекции Res<earch> Pr<ogram> я словечка не услышал — вся работа точно в дыру провалилась. Скажу теперь о Р.А.Абрамовиче. Я очень хотел бы ему помочь, быть ему полезным. Но, во-первых, меня, я, кажется, о том Вам писал, смущает, что в его трехтомнике советская революция может быть представлена под углом оправдания меньшевизма.

И второе – для него мне нужно спешно работать, выполнять срочные вещи, а на это я – увы – уже более не способен. Я отошел от острого припадка болезни, но невероятная слабость, принуждающая меня все время лежать, остается. И самое гнусное, это, вероятно, от этой слабости, я несколько раз в день теряю сознание, погружаюсь в небытие. Поэтому работать для Р<афаила> А<брамовича> не могу. Иное дело писать для Hum<anities> Fund. Здесь не нужно работать срочно, спешно, под хлыстом. И возьмусь я, как это Вы и желаете, за описание того, что видел и слышал в моих разъездах по России в 1908–1914 гг. Тема эта меня крайне увлекает. Люди того времени в своих воспоминаниях писали, что делается в Петербурге, около правительства, в Госуд<арственной> Думе. А я покажу, что происходило в это время в стране. Материалом для этого – встречи с десятками людей всех сословий в десятках городков и сел. Мне кажется, что эти очерки будут *гораздо интереснее того*, что написал о 1921–27 гг., и по духу своему будут очень близки к *мыслям Вашим* в статьях о 1905 г. и о Феврале в последней книжке «Нового Журнала»¹¹. В трактовке этой темы я очень близок к Вашей позиции, *ближе, чем* к какому-либо другому писателю. В очерке о 1908–1914 – я приведу факты, подтверждающие Вашу линию.

Вы пишете, что получите субсидию – для написания ряда исторических работ. Меня крайне, крайне интересует, на какую тему или, вернее, какие темы Вы хотите развить? Еще один вопрос: даете ли Вы мне разрешение части моих воспоминаний о символистах, не помещаемые в «Нов<ом> Жур<нале>», напечатать в «Нов<ом> Рус<ском> Слове»?

Исписал 6 страниц и выдохся, устал так, что должен лечь.

Оба мы Вам и Татьяне Николаевне шлем самый горячий, самый сердечный привет, ни одной минуты не забывая о той радости, которую нам доставит Ваш приезд во Францию!

Ваш Вольский

19 мая¹² 1957. Посмотрите до чего дошел! Хотел написать «19 февраля»¹³.

¹ В 1957 Карпович, в соответствии с законом о возрасте, лимитирующем работу в университетах, вышел в отставку.

² В начале 1928 Вольский получил разрешение выехать в Германию для лечения.

³ Карпович был в Европе летом 1957. В его бумагах не удалось обнаружить упоминания о встрече с Вольским.

⁴ См.: *Валентинов Н.* Встречи с Лениным / Предисл. М.Карповича. Нью-Йорк, 1953. В письме от 7 июня 1953 Вольский пишет: «Дорогой Михаил

Михаилович, шлю Вам большую, большую благодарность за предисловие к моим “Встречам с Лениным”. Признаюсь – на столь лестный для меня отзыв о книге я не рассчитывал. Для меня было крайне приятно то, что Вы отметили “мою любовь к конкретности”».

⁵ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский партийный и государственный деятель; член РСДРП с 1898, после революции – нарком внутренних дел первого советского правительства, с 1918 возглавлял ВСНХ, сторонник НЭПА; в 1937 исключен из партии, арестован, расстрелян.

⁶ Имеется в виду меньшевисткая группировка, существовавшая в 1924–1927 в ВСНХ, которая, по сути, управляла внутренней советской экономической политикой. Вольский посвятил «Лиге наблюдателей» статью «Рождение НЭПа и “Лига наблюдателей”» (впервые опубли. в России в сб.: *Валентинов Н. (Н.Вольский)*. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания / Сост. и авт. вступит. ст. С.С.Волк; коммент. В.У.Раджапов. М., 1991. С.28–64), а также упоминает ее в своей статье «Дзержинский в ВСНХ СССР» (Там же. С.152–216). См.:

...исключительно влиятельное положение, занятое в ВСНХ при Дзержинском пятью беспартийными, пятью бывшими меньшевиками, а из них никто не сделал даже малейшей попытки вступить в коммунистическую партию, хотя на этот счет им делались предложения. Очень важное место в Главном экономическом управлении ВСНХ занимал А.М.Гинзбург, в отделе торговой политики – А.Л.Соколовский, в финансовом отделе – А.Б.Штерн, в статистике ВСНХ – ее начальник Л.Б.Кафенгауз, а на посту фактического редактора органа ВСНХ, «Торгово-промышленной газеты», – пишущий эти строки.

(приводится по: <http://alkir.narod.ru/ssc/oral/11dzer.html>)

⁷ Каменев Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936) – советский государственный и партийный деятель; член РСДРП с 1901. Участник революции 1905–1907 и Октябрьской революции 1917. После революции занимал ряд ответственных административных и партийных постов: в 1918–1926 председатель Моссовета, в 1923–1926 заместитель председателя Совнаркома СССР и директор Института им. Ленина, член Политбюро ЦК в 1919–1926, член ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован в 1935, расстрелян в 1936.

⁸ Первоначально Абрамович с небольшой группой экспертов надеялись, что их проект по истории революции 1917 г. будет осуществляться в рамках Исследовательской программы по истории КПСС при Колумбийском университете. О перипетиях этого эпизода см.: *Liebich A. From the Other Shore. Russian Social Democracy After 1921*. Harvard University Press, 1997. P.322–324.

⁹ Идентифицировать данное лицо не удалось.

¹⁰ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1977) – публицист, политический деятель, юрист; с 1905 в партии эсеров, принимал активное участие в подготовке Учредительного собрания; с 1919 в эмиграции. Один из редакторов «Современных записок» (1920–1939), ответственный секретарь «Русских записок» (1937–1939); с 1940 – в США. Автор трех книг воспоминаний и сотен статей по самым разнообразным вопросам политического, социологического, юридического и исторического характера.

¹¹ Вольский имеет в виду две статьи Карповича: «Комментарии. 1905 год – пятьдесят лет спустя» (НЖ. 1955. №43. С.234-247) и «Комментарии. О Феврале» (НЖ. 1957. №48, С.227-241).

¹² Зачернуто: «фев<раля>».

¹³ 19 февраля – официальный день отмены крепостного права (1861).

4.

19 июня 1957

Дорогой Михаил Михайлович.

Пишу Вам, сверх обыкновения, маленькое письмо. В нем только 3 пункта. *Первый*. Со слов приезжих из СССР стало известно, что там интересуются эмигрантскими изданиями и больше всего «Новым Журналом». Это Вам, как редактору, должно быть приятно. И знаете – что больше всего интересуется там в журнале? Всякого рода мемуары, воспоминания. Так оказывается, что там кое-кто читал все, что я писал о Ленине!!!

Пункт второй. Ожидаем с нетерпением Вашего и Татьяны Николаевны приезда в Париж. Уже сейчас думаем, чем Вас угостить. Недавно беседовал с одним американцем о том, как едят в Париже. Он мне сказал – все можно, и в блестящем виде, получить в Нью-Йорке, но там нет такой телятины, такой вкусной и белой, как в Париже. Это верно, *нигде* в мире не подают в ресторанах такую телятину. Почему? Да потому, что *нигде* в мире не затрачивают такого количества молока (и неснятого!) на кормление телят. В l'enquête agricole¹ до войны (на стр. 446) я нашел, что 23% всего молока, поступающего от коров, идет на кормление телят. Этого действительно нет *нигде* в мире. Телят молоко так кормят, что в несколько месяцев теленок превращается в огромное животное. В России (хотя «буржуи» там хорошо ели) ножка теленка в возрасте малом – была маленькой и темной, а во Франции огромной и белой. После этого разговора с американцем – вытекает, что, помимо всяких закусок, угощать Вас нужно телятиной. Не забываем, конечно, что Вы любите варенье из смородины и из нее наливки!

III. В журнале «Contrat Social»² с великим удивлением увидел перевод моей статьи о Ленине и Чернышевском³ из «Нового Журнала»⁴. Для меня это было неожиданным! Суварин⁵, насколько я мог понять, играющий главную роль в редакции этого нового журнала и поместивший в нем крайне интересную и остроумную статью «Le Spectre du marxisme»⁶, мне пишет, что моя статья (article)

– a été plus lu et le plus appréciée de tout notre №. On m'en parlè de tous côtés: pour le lecteur français qui s'intèresse à ces choses, c'ètait une rèvelevation. On ignore totalement Чернышевский en France⁷.

Если это сообщение для меня как автора приятно, то полагаю, оно должно быть приятным и для Вас. Ведь это по *Вашему* предложению, по *Вашей* инициативе, исполняя *Ваш «заказ»*, я написал о Чернышевском и Ленине. Ведь эти статьи появились в «Новом Журнале» еще в 1951 г., т.е. задолго до выхода моей книги «Встречи с Лениным». У меня сохранилось Ваше письмо, где Вы указываете, что уже давно думаете, что есть какая-то линия преемственности, идущая от Чернышевского и Ткачева⁸ к большевизму и Ленину, и этот вопрос следовало бы детально выяснить⁹. Инициатива написать статью о Чернышевском и Ленине, повторяю, исходила от Вас.

Все три пункта исчерпал и после этого снова хочу сказать, с каким нетерпением мы (Валентина Николоевна и я) ожидаем Вашего приезда в Париж.

Ваш Вольский

А как здоровье? И покончили ли Вы с последними лекциями в Университете?

¹ Сельскохозяйственная анкета (франц.)

² Имеется в виду «Le Contrat Social. Revue historique et critique des faits et des idées» – журнал, посвященный вопросам культуры и политики, основанный Борисом Сувариним. Выходил в Париже в 1957–1968.

³ См.: *Valentinov N. Tchernychevski et Lénine // Le Contrat Social. Mai 1957. Vol. 1. №2. P.73-76; Juillet 1957. Vol. 1. №3. P.162-172.*

⁴ См.: *Валентинов Н. Чернышевский и Ленин // НЖ. 1951. №26. С.193-216; №27. С.225-249.*

⁵ Суварин Борис (наст. фам. Лифшиц; 1895–1984) – французский политический деятель, один из основателей Французской коммунистической партии; журналист, в конце 1930-х редактор газеты «Figaro»; автор одной из первых биографий Сталина, см.: *Souvarine B. Staline. Aperçu historique du bolchévisme. Paris: Plon, 1935.*

⁶ «Призрак марксизма» (франц.). См.: *Le Contrat Social. Mai 1957. Vol. 1. №2. P.73-76.*

⁷ «...самая читаемая и наиболее ценяемая во всем номере. Мне отовсюду о ней говорили: для французского читателя, которому эти вещи интересны, это было откровением. Чернышевский во Франции совершенно неизвестен» (франц.).

⁸ Петр Никитич Ткачев (1844–1885/6) – публицист, один из идеологов революционного народничества, участник революционного движения 1860-х. Сотрудник журналов «Русское слово» и «Дело». Неоднократно арестовывался; в 1871 был осужден по делу Нечаева, в 1873 бежал за границу. В 1875–1881 издатель журнала «Набат».

⁹ История общественного движения в России была любимой темой Карповича, он занимался ею всю свою жизнь в Америке. Отвечая на просьбу

Вальдемара Гурьяна, философа и редактора журнала «Review of Politics», дать материал для журнала, Карпович сообщает, что у него есть несколько готовых глав незаконченной книги:

Это не общая история социализма в России, и это не история русского марксизма <...>. Я пытаюсь проследить развитие максималистской концепции русской революции (идея «интегральной» революции, немедленный переход к социализму, и т. д.) от Герцена к Ленину. Главы в книге будут следующими: 1) Герцен, 2) Бакунин, 3) Лавров, 4) Чернышевский, 5) Ткачев, 6) Народовольцы, 7) Появление марксизма, 8) Большевизм и меньшевизм, 9) Ленин и русская революционная традиция. <...> Первые пять глав готовы. Четыре предстоит написать.

(BAR. Ms. Coll. Karpovich. Box 4. Пер. с англ. А.З.)

Статья о Ткачеве была напечатана: *Karpovich M. Forerunners of Lenin: P.N.Tkachev // Review of Politics. 1944. Vol. 6. №1. P.336-350.*

**«ГРЕШНЫЙ АНГЕЛ»,
ИЛИ «ОДИССЕЙ» НИКОЛАЯ ДИМИТРИЕВА,
РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ**

Вступительная статья, публикация и
примечания М.Матросовой

Художник и скульптор Николай Васильевич Димитриев¹ (Dimitrieff; 1888–1978), автор первого памятника А.С.Пушкину в США (1941)², не оставил архива или коллекции своих произведений; его имя не попало в справочник Д.Северюхина и О.Лейкинды «Художники русской эмиграции» или в каталог некрологов «Незабытые могилы», и только новейший биографический словарь Е.А.Александрова дает скромную справку о нем³.

Публикуемые ниже письма Н.В.Димитриева конца 1960-х годов – фактически автобиография художника, едва ли не единственный сохранившийся и уникальный по полноте сведений источник о его жизни, мироощущении и творческой карьере. Они адресованы в Бельгию троюродной сестре – Софье Марковне Бакуниной (урожд. Любоцинской; 1889–1979?)⁴, с кото-

¹ Именно так до последнего дня жизни он писал свою фамилию.

² Открыт 31 августа 1941 в Кассвилле (Cassville, New Jersey). См. об этом: *Стрем А.Л.* Н.В.Димитриев // Русский вестник. 1941. №112, 1 сентября. С.8-9; *Двойченко-Маркова Е.М.* Памятник А.С.Пушкину в г. Джеконе (Кассвиле), США // Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966. С.123-124; *Рагозин С.* Первый памятник Пушкину в США // Русский американец. 2000. №22.

³ *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С.176. Редакция будет благодарна читателям «Диаспоры» за информацию о настоящем местонахождении картин Н.В.Димитриева.

⁴ Первую публикацию документов из ее фонда см.: «Там так легко дышится...»: Из архива Г.В.Вернадского / Публ. и примеч. М.Ю.Сорокиной // Диаспо-

рой художник не виделся и не общался около шестидесяти лет и благодаря которой его письма сохранилась в составе ее личного фонда в Бахметевском архиве (BAR) Колумбийского университета США⁵. Передавая сюда письма Дмитриева, С.М.Бакунина так представляла своего нового корреспондента куратору Бахметевского архива Льву Флориановичу Магеровскому:

Мой троюродный брат Николай Васильевич Дмитриев, N.Y. U.S.A. Его мать, Селина Казимировна Жудро⁶, двоюродная сестра моего отца (т<о> е<сть> Марка Марковича Любошинского⁷). Последний раз мы виделись, вероятно, на моей свадьбе, т<о> е<сть> в апреле 1908 г. Затем в прошлом году Кити Старицкая⁸ написала мне, что Николай в USA, и прислала его адрес.

Тетя Селина, его мать, часто бывала у нас, Любошинских, в Москве на Zubovском бульваре⁹. Мы ее очень любили. Она была веселая, живая, большая оригиналка и очень образно рассказывала. Михаил Ал. Кропоткин¹⁰ очень любил ее слушать, когда встречал у нас. Тетя Селина называла сына «великовозрастный дурень», – так он у нас в семье и назывался, так что когда Кити мне написала, – и когда я ей пишу, – то называю его «дурень», т. к. всегда в переписке с СССР избегаем употребления фамилий.

Я совершенно забыла о его существовании, хотя в Москве и Дмитриевы у нас бывали – и мы у них. Помню танцевальный вечер у них и почему-то черненькую Машу Родичеву (дочь Федора Измайловича)¹¹.

Я вообще люблю людей, а своих родных и старых знакомых особенно. Тех, кто знает наше прошлое, т<о> е<сть> семейное. Я вскоре ему написала. Результат моего письма – прилагаемые письма. Мы продолжаем часто переписываться.

Софья Бакунина 15.9.<19>69¹²

ра: Новые материалы. Т.6. Париж; СПб., 2004. С.624, 653-655, 657, 660, 664, 665, 668.

⁵ Фонд передавался С.М.Бакуниной по предложению Г.В.Вернадского.

⁶ О семье Жудро см. ниже во вступительной статье и в письмах Дмитриева.

⁷ Марк Маркович Любошинский (1864–1952) – юрист, внук хирурга Н.И.Пирогова. Служил в 1-м департаменте Сената, после выхода в отставку в 1893 жил в имении в Тамбовской губ. В течение 12 лет возглавлял Козловское общество сельского хозяйства. С 1912 – в Москве, занимался управлением делами частных лиц и организацией административно-хозяйственного надзора за постройкой жилых домов. После 1917 неоднократно арестовывался и высылался (Тобольск, Пермь). С 1926 – завхоз Сапропелевой станции КЕПС АН СССР в Залу-чье (быв. имение Н.С.Таганцева). С 1931 жил в Чехословакии, с 1939 – в Болгарии, где и скончался. Прах захоронен на Введенском кладбище в Москве.

⁸ См. о ней примеч. 1 к письму 12 наст. публ.

⁹ Мать С.М.Бакуниной – Анна Егоровна Любошинская (урожд. Старицкая; 1865–1930) до своей кончины проживала в Москве на Zubovском бульваре.

¹⁰ Кропоткин Михаил Александрович (1881–1935), князь – юрист; похоронен на Новодевичьем кладбище.

¹¹ Дочь известного кадета Федора Измайловича Родичева (1854–1933).

¹² BAR. S.M.Bakunina Coll. Box 2.

Даже в этой небольшой заметке С.М.Бакунина не скрыла чувства интеллектуального превосходства, которые испытывали многие люди родовенного ей либерального круга по отношению к дворянским сынкам, прожигавшим, по их мнению, жизнь и капиталы в традиционно барских развлечениях уходящей эпохи – на скачках, псовой охоте, в кутежах с цыганами и т. п. Круг общения ее «большой» семьи (Любошинские, Старицкие, Бакунины, Вернадские и др.) совершенно иной: в Москве на Зубовском бульваре, 15, в доме, принадлежавшем Любошинским, в течение многих лет жили Шаховские, Кокошкины, Новгородцевы, Булгаковы и многие другие представители дореволюционной либеральной элиты Москвы.

Весьма симптоматично, что траектории жизненного пути Николая Дмитриева и его сестры разошлись не после Гражданской войны, а задолго до нее. Частная история полного интеллектуального, духовного, событийного и личностного расхождения судеб внутри одной большой дворянской семьи в проекции на дореволюционную историю России означала атомизацию того социума, который мог и должен был определять устойчивость российского общества. Революция 1917 года и последовавшая за ними Гражданская война спрямили эти траектории, но практически всех бывших либералов это изменение конфигурации их «мира» привело к постепенному, но неотвратимому угасанию, а для многих «правых» стало, напротив, катализатором взрыва биографий.

Судьба Николая Дмитриева – одно из ярких свидетельств тому. Он прожил невероятно насыщенную разновеликими, но всегда бурными и драматическими событиями жизнь и до преклонных лет сохранил поразительную витальность. «Курские зубры» – борзятники, лошадаки и черносотенцы, донские казаки и столичные адвокаты, кинематограф Ханжонков и цыганские исполнители романсов, Романовы в Крыму и премьер Керенский, офицеры-добровольцы, французские скульпторы и русские художники, Православная церковь в США и тибетские боги – вот только несколько сюжетных локусов собрания его писем, достойного стать основой увлекательного романа.

К публикуемым письмам добавим немного фактических сведений, почерпнутых в основном из личных дел Дмитриева-студента, сохранившихся в фонде Московского университета¹³.

Николай Дмитриев родился 19 августа 1888¹⁴ в Орловской губернии в семье потомственных дворян. Его отец – Василий Сергеевич (ум. 1919) был записан в дворянскую родословную книгу Харьковской губ., с 1892 – во вторую часть дворянской родословной книги Орловской губернии. Он владел примерно полуторами тысяч десятин земли (что приблизительно равно такому же количеству гектаров), при этом служил мелким чиновником – делопроизводителем Орловского отделения Государственного дворянского земельного банка, затем инспектором правления Соединенного банка в

¹³ Центральный исторический архив г. Москва (ЦИАМ). Ф.418. Оп.322. Д.522; Оп.471. Д.247.

¹⁴ Сам Н.В.Дмитриев указывает именно этот год рождения, хотя в документах Московского университета, а также на его могиле на кладбище Ново-Дивеевского православного монастыря указана другая дата – 1887.

Москве. Мать – Галина (Селина) Казимировна Жудро (ум. 1921), полька по происхождению и католичка по вероисповеданию, занималась семьей. Похоронены супруги Дмитриевы на Новодевичьем кладбище (Москва), в соседнем ряду с Любошинскими¹⁵.

В 1903–1906 Н.В.Дмитриев учился в частном реальном училище К.К.Мазинга в Москве и вполне оправдывал характеристику «дурня», – его аттестат заполнен исключительно тройками, за исключением истории, рисования и Закона Божьего, которые, как оказалось, и стали впоследствии сферами приложения его интересов. В последующие годы он сменил несколько учебных заведений (частное реальное училище И.Г.Морозова в 1907, Коммерческий институт в 1908), пока в 1909 не поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил весной 1913 со званием кандидата права и дипломом 2-й степени (то есть без дипломного сочинения)¹⁶. Той же весной Дмитриев отправился в Париж для подготовки магистерской диссертации, которая так и осталась незавершенной, т. к. ее автор занятиям юриспруденцией предпочел занятия в скульптурных мастерских Эмиля Бурделя и Огюста Родена. С началом Первой мировой войны он вернулся в Россию и в 1915 в чине поручика конной артиллерии участвовал в боях на Северном фронте, а затем в звании капитана прошел всю Гражданскую войну – с первого Кубанского похода и до эвакуации Крыма. В 1923 Дмитриев попал в США, где первое время зарабатывал на жизнь самой «черной» работой – покраской детских колясок, мебели и т. п., но после знакомства в 1929 с С.Т.Коненковым снова занялся валянием и даже выиграл в 1938 конкурс на проект памятника А.С.Пушкину на ферме РООВА в Кассвиле (штат Нью Джерси).

Скончался Н.В.Дмитриев 23 января 1978 в Нью-Йорке и похоронен на кладбище православного женского Ново-Дивеевского монастыря.

Рукописные оригиналы всех публикуемых писем хранятся: ВАР. S.M.Bakunina Coll. Box 2.

1.

Воскресенье, 19 мая 1968

Дорогая Соня!

Спасибо за Ваше хорошее, ласковое письмо... Много лет прошло... почти 60 лет как мы не видались! За это время (должно быть, лет 15 тому назад) я слышал от полковника Ник. Дм. Плешко¹ (он был здесь, в Нью-Йорке, издателем журнала «Новик»), что получена родословная Бакуниных² от Вашего мужа... Из этой родословной я

¹⁵ См.: *Кипнис С.* Новодевичий мемориал. М., 1998. С.215.

¹⁶ В эти годы он жил в Москве по следующим адресам: Гагаринский пер., дом Эфрон, кв. 3; Пречистенка, д. 38, кв. 10.

узнал, что Вы живы и находитесь вне пределов Советской России... Хотел я Вам написать и запросить, известно ли Вам что-нибудь о моей сестре Ксении... (Родителей, отца и матери, уже не было среди живых!) Сестру Ксению я не видал и ничего о ней не слышал почти 50 лет... А только год тому назад возобновилась связь письмами. Она в Москве теперь.

Вы, милая Соня, хотите, чтобы я написал о себе, о том, как моя жизнь складывалась с 1909 года – года моего поступления в Императорский Московский университет. Хорошо, но давайте условимся, что будем писать друг другу прямо, открыто... с поднятым забралом! Окончил я этот Московский университет в 1913 году. 3 июня держал последний государственный экзамен, а 7 июня женился на Марианне Владимировне Коншиной, – и мы уехали в Швейцарию... потом в начале сентября обосновались в Париже, где я при Сорбонне писал свою диссертацию на магистра права; также стал учеником Emil A. Bourdelle³. Bourdelle обнаружил во мне «дар» портрета – дар передать сходство и жизнь! Ваши портреты, говорил он, «ils sont parlent»⁴ – и в декабре 1913 привел меня в atelier grand Maître August Rene Rodin⁵. И начал я работать с маэстро Rene Rodin – так я работал до августа 1914 года, когда была получена телеграмма от отца: «Возвращайся немедленно». Мобилизация застала меня уже в Варшаве, а объявление войны – на пути в Москву. Прибыли... Пробовал я заниматься адвокатурой, был помощником Ник. Пав. Измайлова⁶, также был помощником начальника 8 отдела Комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны⁷. В комитете я познакомился и сдружился с Владимиром Владимировичем фон Мекк⁸ и его женой Варварой Геннадиевной – связывала нас любовь и преклонение перед талантом художника Врубель⁹ (с Владимиром Владимировичем и его женой много лет спустя мы встретились уже здесь, в Нью-Йорке, и наша дружба продолжалась до самой смерти Владимира Владимировича).

Работа в комитете и адвокатура, несмотря на то, что я отлично зарабатывал, меня не захватили. Мое подсознание все время твердило: «не то...», «не то...». К тому же весной 1915 года я закрутил роман с начинающей кинематографической актрисой, которую я устроил в студию к Алекс. Алекс. Ханжонкову¹⁰ – Ханжонков мой двоюродный брат по отцу (сын сестры отца). Этот роман грозил большим скандалом... Она требовала развода с женою и т. д., и т. д. Выход – уехать на фронт. Поехал в Петербург проситься в хороший полк. Генерал Чернявский¹¹ и другие генералы меня всячески изругали и поместили в Константиновское артиллерийское училище, уже когда прием прошений был закончен и через день – медицинский осмотр. Так я стал юнкером рядового звания из генеральского положения (по должности 5 класса я был «Ваше Превосходительство»).

В 1916 году был произведен в офицеры и вышел в конную артиллерию – был на Северном фронте в 12 армии, командуемой генералом Радко Дмитриевым¹². Был и в боях около Шлока, Тукума. Получил и боевые ордена... Революция и «товарищи» за отказ принять присягу Временному правительству и военному министру господину А.Ф.Керенскому уволили меня в резерв чинов армии и флота! Приехал в Москву... Явился к инспектору артиллерии Московского Военного Округа, и он приказал мне ехать в Орел на должность старшего офицера в 1-ую батарею запасного конно-артиллерийского дивизиона. Когда разложение дошло и до нас и нельзя было больше оставаться, то мы, несколько офицеров, двинулись в Ростов-на-Дону и вступили в Добровольческую армию. Летом, кажется, в июне 1918, меня генерал Алексеев¹³ как своего адъютанта, которому он доверял, перекрестил, поцеловал... и направил в Москву в офицерские боевые организации с приказом: «Не выступать и просачиваться на юг...». В это время я видел в последний раз своих родителей и пробыл с ними 2 месяца. Отец уже был сильно болен и не вставал с кровати...

В августе, вскоре после своего дня рождения, я снова перешел границу и добрался до Ялты и там застрял – вступил в Сводно-гвардейский отряд по охране особ Императорской фамилии, находившихся в Крыму... Официально этот отряд именовался «Штаб обороны Кореизского района». В нашу охрану входили: Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, ее дочь Ольга с мужем Куликовским, Великий князь Александр Михайлович с семьей, Юсуповы, Великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич¹⁴. В Кореизе «несли службу» – жили – не тужили. И лестно, и весело, и приятно. В декабре 1918 получил телеграмму от своих офицеров и командира, что они формируют батарею в Кантемировке Воронежской губернии при Южной армии. (Южная армия возглавлялась полным генералом Николаем Иудовичем Ивановым¹⁵, он же был и председателем Ордена Св. Георгия.) Поехал в Южную армию и в первый день Рождества на рассвете был в бою с красными... Шли в бой при 20-градусном морозе. Не было седел... лошади тащили орудия на веревочных поводах... Мы легко одеты... В марте 1919 Южная армия кончила свое существование, и нас «переключили» в Добровольческую армию с местом нашей активности Каменно-Угольный <так!> район: Константиново, Дебальцево, Юзовка. Дальше нас бросили на Харьков. В Харькове я разыскал сестру Ксению, пробыл у нее около часа... Дальше мы двинулись на Курск, Орел. Когда нас повернули обратно, я заехал в Харьков, чтобы забрать Ксению, но она уже эвакуировалась. В феврале 1920 года мы уже на Перекопе в Крыму, а в декабре того же года (1920) нас вывезли из пределов России.

Вот Вам крохи этапов пройденной жизни в России. Во всех этих перипетиях я был два раза ранен и раз контужен, но, как видите, ангел-хранитель меня уберег до сегодняшнего дня...

Летом 1920 года из Ялты приехала ко мне на фронт моя жена Марианна Владимировна. Говорит, что она плохо питалась в Ялте... Нет и того... Нет и другого... Я ее поместил в нашу хозяйственную часть, где находились жены офицеров. Там она увлеклась заведующим хозяйством конно-артиллерийского дивизиона полковником К. Любовь была пылкая... Любовь была взаимная. Оба просили меня дать ей развод. Я согласился... и, скажу откровенно, в душе был рад. Рад был тому, что у меня словно выросли крылья и снова я свободен...

Я не поехал в Галлиполи, сошел с парохода в Константинополе. Марианна Владимировна со своим верным отплыли в Галлиполи.

Развод Марианна Владимировна получила, но вышла замуж не за полковника К., а за графа Коновницына. Жили они в Югославии, а после 2-ой мировой войны перебрались в Зальцбург, теперь уже оба, она и граф, умерли.

До начала 1923 года я жил в Константинополе, был переводчиком у англичан и free lance¹⁶ у французов. Подрабатывал еще этюдками, которые я писал с Константинополя и окрестностей. Также снабжал рестораны и клубы дикими утками, которых стрелял на полях орошения.

В 1923 году пароходом я приехал в Нью-Йорк. Напишу когда-нибудь Вам о моей жизни здесь.

Боюсь, что утомил и так Вас этой «Одиссеей»¹⁷.

Пишите Вы о себе – о Ваших скитаниях и о Вашей жизни.

Целую ручку.

Всегда Ваш Н.Димитриев

¹ Полковник лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Николай Дмитриевич Плешко (1886–1959), выпускник Пажеского корпуса. В эмиграции – известный генеалог, издатель журнала «Новик» (Нью-Йорк) – органа Русского историко-генеалогического общества (создано в 1938 в Нью-Йорке).

² Бакунин Михаил Алексеевич (1880–1962), дворянин Тверской губернии, последний владелец имений Прямухино (Кувшиновский район, Тверская обл.) и Горная Щель (в Крыму). Активный участник Белого движения. После эвакуации из Галлиполи жил и работал в Болгарии, Бельгии, секретарь правления Русского Национального Объединения. Занимался защитой прав русских эмигрантов, литературной деятельностью. Более подробно о нем и его семье см. в комментариях к письмам М.А.Критского: «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского. С.651-668.

³ Бурдель Эмиль Антуан (Bourdelle; 1861–1929) – французский скульптор-экспрессионист. Ученик Огюста Родена. Преподавал в студии Grande Chaumière (1909–1929).

⁴ «они говорят» (*франц.*).

⁵ Роден Рене Франсуа Огюст (Rodin; 1840–1917) – французский скульптор.

⁶ Измайлов Николай Павлович – московский адвокат, прославившийся участием в «деле Прасолова» (1911; убийство купцом своей жены в ресторане «Яр»; см.: Дело В.В.Прасолова. (Полный отчет). Свидетельские показания. Речи сторон. Переписка. Портреты. М., 1913). В эмиграции в Константинополе.

⁷ Комитет вел. кн. Елизаветы Федоровны (1864–1918), или Елизаветинский комитет, был создан для оказания благотворительной помощи семьям лиц, призванных на Первую мировую войну как из запаса, так и из ополчения. Координировал деятельность свыше 4 тыс. благотворительных учреждений и местных отделений во всех губерниях, занимавшихся учреждением приютов, яслей, приисканием занятий, устройством на работу, выдачей провианта, вещей, топлива и др., назначением денежных пособий.

⁸ Фон Мекк Владимир Владимирович (1877–1932) – меценат, художник. Из семьи известных московских промышленников, племянник председателя правления Московско-Казанской железной дороги и известного коллекционера произведений искусства Н.К. фон Мекка (1863–1929). С юности занимался коллекционированием живописи, был близок кругу «Мира искусства», дружил с М.А.Врубелем и приобрел многие его работы; секретарь вел. кн. Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на Первую мировую войну; в 1923 вошел в комитет Передвижной выставки русского искусства и в качестве переводчика уехал в декабре 1923 в США в составе делегации, устроенной Комитетом по организации заграничных выставок и артистических турне при ВЦИК, для пропаганды советского искусства (вместе с С.Т.Коненковым, И.Д.Сытиным и др.). Скончался в Нью-Йорке. Подробнее см.: *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: Династия фон Мекк. М., 2000. С.68.

⁹ Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – русский художник.

¹⁰ Ханжонков Александр Алексеевич (1877–1945) – предприниматель, организатор кинопромышленности, продюсер, режиссер. Получил военное образование. В 1906–1917 занимался кинобизнесом в Москве. Дважды награжден лично царем за патриотические фильмы. В 1917–1920 в Крыму. В 1920–1923 в эмиграции, вернулся в СССР.

¹¹ Чернявский Василий Тимофеевич (1850–1933) – генерал от артиллерии, начальник Михайловской артиллерийской академии.

¹² Дмитриев Радко (Радко-Дмитриев; 1859–1918) – русский генерал болгарского происхождения. С 1913 болгарский посланник в Петербурге. Принял российское подданство. После Февральской революции вышел в отставку. В октябре 1918 убит большевиками в Пятигорске.

¹³ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – генерал от инфантерии, в августе 1915 – июне 1917 начальник штаба Верховного главнокомандую-

шего; после отречения Николая II – Верховный главнокомандующий (март-май 1917), после октября 1917 бежал в Новочеркасск, занимался формированием Добровольческой армии, с апреля 1918 руководитель Особого содействия при генерале А.И. Деникине.

¹⁴ С конца марта 1917 вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847–1928) провела в Крыму два с половиной года: сначала в Ай-Тодоре, затем в Дюльбере и с марта 1918 в Хараксе, бывшем имении вел. кн. Георгия Михайловича (1863–1919), известного нумизмата и археолога (расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919).

Вел. кн. Ольга Александровна (1882–1960) – младшая дочь императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, художница. В первом браке за принцем Петром Александровичем Ольденбургским (1868–1924), во втором – за полковником Николаем Александровичем Куликовским (1881–1958). С 1920 в эмиграции в Дании, с 1948 в Канаде.

Вел. кн. Александр Михайлович (1866–1933) – генерал-адъютант, адмирал, с 1900 – председатель Совета по делам торгового мореплавания. В 1902–1905 – главноуправляющий торговым мореплаванием и портами. Во время Первой мировой войны зав. авиационной частью действующей армии. Владелец имения Ай-Тодор в Крыму. Эмигрировал, жил во Франции, США; почетный председатель Союза русских военных летчиков. Автор «Книги воспоминаний» (1-е изд. Париж, 1933). Женат на вел. кн. Ксении Александровне (1875–1960), сестре Николая II. Их дочь Ирина была замужем за князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым (1887–1957), принимавшим участие в убийстве Г. Распутина.

Упоминаются также великие князья: Николай Николаевич-младший (1856–1929), генерал от кавалерии; в 1905–1908 председатель Совета государственной обороны; в Первую мировую войну Верховный главнокомандующий (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917), с 1919 в эмиграции (Италия, Франция); Петр Николаевич (1864–1931) – генерал-адъютант, генерал-инспектор по инженерной части (1904–1909), почетный председатель инженерного комитета при Главном военно-техническом управлении, в первом браке женат на вел. кн. Милице Николаевне (1866–1951) из черногорского рода Негушей.

¹⁵ Иванов Николай Иудович (1851–1919) – командующий Петроградским военным округом (1917), с ноября 1918 командовал Особой Южной армией. Умер от тифа в Одессе.

¹⁶ Наемный сотрудник (англ.).

¹⁷ Принятое в начале XX в. название «Одиссеи» Гомера.

2.

Августа 3, 1968

Милая Соня,

Большое спасибо за Ваше письмо, датированное 28.VII.1968. Удивительно, прямо как-то невероятно, что были мы в одних и тех же местах – Ялта, Кореиз, где я был в сводно-гвардейском отряде по охране особ Императорской фамилии, Геленджик, Галлиполи,

Константинополь, и мы никогда не встретились! Как бы какой-то невидимый покров застилал наши глаза! Я, как это Вам не покажется странным, даже получил присланную мне визу в Бельгию, и друзья мои, жившие в Брюсселе, настаивали, чтобы я ехал к ним! Но я предпочел Соединенные Штаты. Был у меня приятель по университету Феликс Эрнестович Поортен¹, и через него я и получил эту визу. У него я жил, когда из Галлиполи попал в Константинополь... Брат его жены Дагмары Андреевны Андрей Юргенс был шофером русского посла в Константинополе Нератова², и в здании посольства ему, Андрею Юргенсу, и священнику посольской церкви был предоставлен отдельный домик.

Все как-то в моей жизни делалось случайно. И я, как «футбольный мяч», был бросаем какой-то невидимой рукой: пришел я случайно на пристань в Галлиполи – грузили на французский пароход (полугрузовик) в трюм больных русских, чтобы везти их в Константинополь. Капитан и команда в изнеможении – никто не понимает их французской речи и все делают «не так». Нет переводчика! Я вдоволь позабавился этой «вампукой»³ и сжалился над капитаном, подошел и спросил его: «Может, Monsieur le Capitain, я смогу Вам помочь?» – «О! Само небо вас прислало!» Словом, я стал распоряжаться по инструкциям капитана... Кончилась погрузка, и капитан взмолился: «Неужели вы нас покинете? Что же я буду делать в Константинополе?» – и уговорил меня прокатиться в Константинополь. Прибыл. Закончилась разгрузка и отправка больных в госпиталь. Пароход должен был стоять 2–3 дня, принять муку и т. д.

Я же отправился в город. Поднялся из Галаты на Пера и на улице Пера меня кто-то заключает в объятия: «Коленька! Какими судьбами? Ты где живешь? Нигде? На пароходе? Через 2 дня еду обратно в Галлиполи. Едем к нам! У нас для тебя найдется место!» И так я и не вернулся на пароход! Через месяц или полтора, когда я приехал в Галлиполи, то был сразу же арестован как дезертир и должен был быть водворен на гауптвахту. Но я в Константинополе демобилизовался и привез письмо от генерала Глобачева (начальника снабжения Добровольческой армии)⁴ генералу Кутепову⁵. Показал это письмо, сообщил, что мне приказано вручить это письмо лично генералу Кутепову. И когда будет готов ответ Кутепова, то без промедления доставить этот ответ генералу Глобачеву. Словом, шахматный ход был таков, что меня оставили в покое. Я избежал гауптвахты и вернулся в Константинополь. Месяца через 3 я там устроился в Allied police control (АРС) в портовую секцию, где и прослужил 2 с лишним года до марта 1923, т<о> е<сть> до моего отъезда в Америку.

И так все всегда. Фигуры шахматной доски жизни складывались так, что нет иного выбора, как пожертвовать какой-то частью своей игры. Помните, у графа Алексея Толстого царь Борис (Годунов) го-

ворит: «Безумен тот, кто из своих сокровищ не бросит часть, чтоб целое спасти!»⁶. Часть прав своих в пучину я бросаю, но свой корабль от гибели спасаю! Попробую иллюстрировать это «картинкой» из моей жизни, и это будет продолжением, на чем я остановился в моем первом письме к Вам.

Война – первая мировая война – застала меня в Варшаве по пути в Москву. Мы, т<о> е<сть> я и жена, остановились там у Шу-шу (Александры Николаевны Воейковой⁷), рожденной Алексеевой, дочери бывшего городского головы и фабриканта Алексеева, она была по бабке двоюродной сестрой Марианны Владимировны. Я так же, как и Ваш покойный муж, был единственным сыном, ратником ополчения 2-го разряда и не призывался на военную службу. В Варшаве пробыл месяц, и там был священник, философ-иезуит, который и помог мне закончить мое кандидатское по церковному праву (магистерское сочинение!). Приехали в Москву, и начал я заниматься адвокатурой. Были интересные уголовные дела. Отец мой устроил меня помощником юрисконсульта Соединенного банка. Владимир Владимирович фон Мекк – управляющий делами Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны пригласил меня на должность помощника начальника 8 отделения (это по оказанию юридической помощи лицам, пострадавшим от войны). Начальником был генерал Потемкин, старенький генерал, который вскоре умер, и я стал начальником 8-го отделения. Великая княгиня была очень милостива и благоволила ко мне. Должность была 5-го класса, т<о> е<сть> по должности я был «Ваше Превосходительство». Пишу это как «увертюру»... И тут – тут страница повертывается, и выплывает силуэт чудной женщины с прекрасным голосом, бесподобно поющей цыганские романсы. Я ее устроил на роли в кинематограф к Ханжонкову (Алекс<андр> Алексеевич Ханжонков – сын сестры моего отца – директор). Она, эта чудная девушка, по матери еврейка, а по отцу родственница знаменитого революционера Нечаева⁸ (учителя Ленина). Так романсы пелись, и роман развернулся во всей полноте. Ездили мы в Петербург. Я – по делам в Татьянинский комитет⁹, она – чтобы быть вместе...

Так все это шло... Мы жили, наслаждались-веселились... Далее, она все более и более настойчиво требовала, чтобы я развелся с Марианной Владимировной и женился на ней! Грозил самоубийством, скандалами и т. д. Выход – единственный выход – уехать на фронт!! Поехал в Петербург к полному генералу Николаю Алексеевичу Винтулову (он был начальником ремонта всей конницы)¹⁰. Генерал меня изругал: «Это для того ты получил высшее образование, чтобы стать пушечным мясом?» и т. д. И так я из генеральского положения стал юнкером рядового звания. Дальше будет служба в конной артиллерии.

Обнимаю Вас Н.Димитриев

¹ Феликс Поортен (19 сентября 1891, Москва – 2 ноября 1945, Брюссель) – юрист. Женат (с 8 июля 1918) на художнице Дагмар Берте Юргенс (21 июня 1892 – 1951, Канада). Сведения любезно предоставлены доктором Г.Байер-Тома из картотеки Э.Амбургера (Институт Восточной Европы, Мюнхен).

² Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938) – товарищ министра иностранных дел (1910–1917). В эмиграции во Франции. Похоронен на Новом кладбище в Аньер-сюр-Сен (Asnieres-sur-Seine).

³ Название одноактной оперы-пародии «Вампука, невеста африканская» (1909; музыка В.Г.Эренберга, либретто М.Н.Волконского) стало нарицательным для обозначения всякой бессмыслицы.

⁴ По-видимому, Глобачев Константин Иванович (1870–1941) – в начале 1920-х начальник информационного бюро контрразведки Русской армии в Константинополе, с октября 1930 по июнь 1934 – начальник контрразведки РОВС, затем в США (Нью-Йорк).

⁵ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – генерал-майор, командовал Корниловским ударным полком, 1-й пехотной дивизией. В 1920 командующий 1-й армией, с которой эвакуировался в Галлиполи. После смерти П.Н.Врангеля возглавил РОВС. В 1930 похищен в Париже советскими агентами, скончался на борту советского судна на пути к Новороссийску.

⁶ Реплика из пьесы «Царь Федор Иоаннович» А.К.Толстого.

⁷ Дочь Николая Александровича Алексеева (1852–1893), городского головы Москвы в 1881–1893.

⁸ Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882) – анархист, террорист, автор знаменитого «Катехизиса революционера».

⁹ Комитет вел. кн. Татьяны Николаевны, дочери имп. Николая II, создан в 1914 для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий.

¹⁰ Винтулов Николай Алексеевич (1845–?) – генерал от кавалерии, в 1911–1915 начальник Управления по ремонту армии; с 1913 член Совета Главного управления государственного коннозаводства. В его ведении были сконцентрированы все вопросы комплектования и пополнения русской армии лошадьми.

3.

Четверг, 8-го августа 1968

Милая Соня,

Я послал в прошлую пятницу 2-го августа Вам длинное письмо. В нем я писал о том, как линии моей жизни «спутались», и чтобы распутать их, был единственный выход – «военная дорога»... Я ничуть не сожалею! Я всегда любил лошадей, спорт, охоту, и эта страсть также привела к тому, что я женился на падчерице Д.Д.Сонцова. Д.Д.Сонцов (имение – станция Сонцово, вторая станция от

Курска в сторону Белгород–Харьков) был офицером в отставке Ингерманландского гусарского полка и был управляющим Курской государственной конюшней¹. Он коннозаводчик и борзятник (имел до 200 борзых). Женился он на матери моей жены Марианны – Марии Николаевне. И у них в их имении до моей женитьбы и после я был принят и чувствовал себя как их родной, близкий. Вели они там у себя очень широкий, открытый образ жизни. Друзья их, назову Милютину² – коннозаводчик, фабрикант, меценат и покровитель скульптора Лансере³. Чудный человек, рыболов князь Дондуков-Шификов⁴, бывший лейб-гусар, друг великого князя Николая Николаевича, был он курский губернский предводитель дворянства. Свербеев Д.А. – управляющий Государственным банком в Курске. В.Веревкин – бывший лейб-гусар, после помещик⁵. Мятлев – поэт и гусар и т. д.⁶ Приезжали Марков II-ой, Пуришкевич, Вязьмитиновы⁷, Юрьевичи. Кстати, Елена Ивановна Юрьевич была лебединой песнею великого князя Александра Михайловича и в эмиграции была его музой, которая и помогала писать ему его книги. Я с нею очень дружил, встречался всегда, когда она бывала в Нью-Йорке. Теперь она тоже «ушла». Этот Д.Д.Сонцов с женою эвакуировались и были в Сербии, где он 25 лет работал кондуктором-вагоновожатым трамвая линии Футоч – Новый сад. С приходом к власти Тито⁸ и во время Второй мировой войны они бежали в Австрию, где Мария Николаевна, его жена, умерла в Зальцбурге. Нашелся ангел-хранитель – красавица женщина Ольга Федоровна де Вульфус, с которой он и укатил в Марокко. Приехал сюда князь Вуся (Владимир Владимирович) Голицын⁹, который мне сообщил, что Д.Д.Сонцов в страшной нужде в Марокеш–Марокко. Я ему написал, получил ответ, где он откровенно пишет: раздет..., разут и т. д. Посылал я им посылки, деньги и через год хлопот получил визу и вывез их из Марокко в Нью-Йорк. Больше года жили они у меня, – потом я им устроил свою собственную квартиру. Прожили они так в Нью-Йорке 7 лет, полтора года тому назад Д.Д.Сонцов скончался – 94 1/2 лет (родился он в сентябре 1872 года). А Ольга Федоровна через 2 недели после его кончины вышла замуж! Так еще одна страничка жизни перевернулась, а у меня в душе осталось удовлетворение, что я как-то, как мог, отплатил Митяю за его ласку, дружбу и расположение ко мне.

Теперь о Вас, милая Соня... Вы ни на что не жалуетесь и заканчиваете свое письмо словами: «И опять новая жизнь!» – и теперь чудесный русский «home»¹⁰. Это все чудесно! Я преклоняюсь перед такой философией жизни. Но, может быть, из скромности Вы не решаетесь сказать, в чем Вы нуждаетесь или что Вам хотелось бы иметь, – не стесняйтесь и пишите! Рад буду сделать для Вас все, что в моих силах, – жить нам осталось немного... Копить и увеличивать свой банковский счет ни к чему. Оставлять все равно некому. Есть

неприкосновенный «запас» на случай болезни, смерти, похорон (не хочу, чтобы друзья меня хоронили на свой счет!), я еще здоров и зарабатываю реставрацией, перепродажей предметов искусства: картин, икон (русских, тибетских и т. д.), и если могу помочь своим друзьям, то радуюсь, что могу это сделать! Знайте это! В виде первой ласточки пошлю Вам американские чулки, и очень прошу их принять и не считать себя чем-то мне обязанной! I beg you to do! Re-sevez cela petit rien d'un cœur qui vous aime bien.¹¹

Обнимаю. Ваш Н.Димитриев

¹ Сонцов Дмитрий Дмитриевич (1872–1967) – владелец одного из известных конных заводов рысаков – Никольского конного завода Д.Д.Сонцова и Н.А.Иевского (в родовом имении в с. Никольское Тимского уезда Курской губ.); его отец (ум. 1914) – земский деятель, садовод, автор «Альбома пятидесятилетнего юбилея Московского общества любителей конского бега, 1834–1884 гг.» (М., [1884]) и книги «Мой сад» (Курск, 1913). Архив Д.Д.Сонцова-младшего находится в ВАР.

² Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), граф, выпускник Пажеского корпуса, флигель-адъютант (1871). Участник Хивинского похода (1873), Русско-турецкой войны (1877–78). В 1880–1886 командовал крымским национальным дивизионом, сформированным в основном из крымских татар и частично из караимов. В 1888 харьковский вице-губернатор. В 1892–1902 – курский губернатор; генерал-лейтенант. Смещен имп. Николаем II за якобы неудовлетворительное обеспечение проведения военных маневров в 1902 под Курском.

³ Скульптор Евгений Александрович Лансере (1848–1886) владел двухэтажным домом в селе Нескучное Харьковского уезда Курской губ., где скончался и похоронен. Женат на художнице Екатерине Николаевне Бенуа (1850–1933). Их дочь – художница З.Е.Серебрякова (1884–1967), сын – художник Е.Е.Лансере (1875–1946).

⁴ Ошибка памяти: в 1909–1912 и 1915–1917 курским губернским предводителем дворянства был Лев Иванович Дондуков-Изьединов (1864–1939), с 1895 адъютант, с 1900 управляющий двором князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского; полковник лейб-гвардии Гусарского полка (1901); с 1906 в отставке, председатель Курского спортивного общества «Русский сокол». В 1912 на выставке Товарищества курских художников выставлял свои работы – резьбу по кости.

⁵ Владимир Петрович Веревкин жил в родовом имении – с. Чаплыгино Болховского уезда Орловской губ.

⁶ Мятлев Владимир Петрович (1868–1940-е) – поэт, монархист, внук поэта И.П.Мятлева. Окончил военное училище, взводный командир в Конно-гвардейском полку в Петербурге. Владелец имения Голубино (Новооскольский уезд, Курская губ.), новооскольский уездный предводитель дворянства (1906–1917). В 1917–18 жил в Орле, в 1918–19 – в Киеве и в Одессе. До эмиграции издал 7 томов собрания своих стихотворений. Эмигрировал в конце 1919 или в начале 1920. Жил во Франции, Германии.

⁷ Упоминаются следующие лица:

Марков (2-ой) Николай Евгеньевич (1866–1945) – правый монархист, черносотенец, член 3-й и 4-й Государственной Думы от Курской губернии, член курского «Союза русского народа», антисемит. В эмиграции (Финляндия, Германия).

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – крупный помещик, один из основателей черносотенных «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Умер в Новороссийске.

Вязьмитинов Василий Ефимович (1874–1929) – генерал-лейтенант Генерального Штаба, командир 6-го Сибирского армейского корпуса, военный и морской министр в Южно-русском правительстве, начальник военного управления в правительстве П.Н.Врангеля. С 1921 в эмиграции в Болгарии, с 1923 в Белграде, активный деятель РОВС.

⁸ Тито Иосип Броз (1892–1980) – председатель правительства (1945–1963), президент Югославии.

⁹ Владимир Владимирович Голицын (1887–1974) – московский уездный предводитель дворянства; камер-юнкер Высочайшего двора; в эмиграции в Югославии, США.

¹⁰ Дом (англ.). По-видимому, речь идет о русском доме для престарелых.

¹¹ Я прошу Вас это сделать! (англ.); Примите эту малость от сердца, что Вас очень любит (франц.).

4.

18 августа 1968

Милая Соня,

получил я Ваше милое письмо от 14.VIII.68. Рад, что моя первая посылка Вам дошла благополучно. С моими посылками в СССР много хуже. В посылке, застрахованной и оплаченной здесь пошлиной (таможенной), моей сестре Ксении получилось что-то для меня мало понятное... Были посланы 2 пары туфель на низких каблучках. Пришли: одна на высоком каблучке (!) и обе пары на резиновой подошве, когда обе были посланы на кожаной подошве! Было 8 lipsticks¹, и сестра пишет: lipstick один белый, один серый. Я таких не посылал. Выслал три шелковых с персидским рисунком довольно ярких платочков air mail Вашей сестре Анне Марковне Сербиной², и моя сестра пишет, что «Ася до сего времени платочков не получила!» Sic! Ну, ничего не поделаешь, должно быть, почтовые служащие в международной почте в Москве, как могут, пополняют свое жалование!!!

Но вы, милая Соня, простите за качество этих чулок – «модные», «сеточкой», и только! Следующие вышлю хорошие, такие, какие моя приятельница, американочка из хорошей шотландской семьи, выписывает себе из Филадельфии и говорит, что здесь, в New York'e, даже в лучших магазинах не имеют этих чулок с двойной пяткой и по-

дошвой. Эта американочка, с которой я в дружеских отношениях более 30 лет, была принята в нашу дружную холостяцкую (из бывших офицеров) семью в качестве «товарищ». Брали ее мы с собой на пасхальную заутреню и разговляться... Брали ее на разные спортивные праздники, на пляж в океан купаться и т. д. Называлась она или «старушка» или «Викушка». Она в переписке с моей сестрой Ксенией и гордо ей пишет: «Эта пасха, это 30-ая пасха, что я и Сари (сокращенное от капитан) проводим вместе». Вижу я ее нормально раз в неделю, но по телефону звонит она каждый день... Здесь, кстати, я должен упомянуть, что завтра 19 августа (6-го августа по русскому календарю), на «Спасов» день, мне исполняется 80 лет! Я еще «полон сил и энергии», единственно «хромает» правый глаз – растет cataract.

Все эти годы в Америке занимался искусством. Сначала лет 10, с <19>23-го года, когда я приехал сюда, я писал декорации, делал всяческую роспись (клубы, рестораны, церкви). Даже у Вас в Брюсселе по моим вместе с художником Сергеем Юрьевичем Судейкиным³ эскизам была поставлена пьеса Николая Николаевича Евреинова «Самое главное»⁴. В 1936 или 1937 году я выиграл конкурс, вылепил и построил памятник Пушкину в Cassville, New Jersey⁵. Есть моя работа в Национальном музее в Вашингтоне (бюст основателя бойскаутского движения Daniel Carter Beard'a⁶). Голова Пушкина в Чикаго, в музее, и в нескольких частных собраниях бронзы, мрамор. Это мои дети! и других (живых) я не хотел иметь... боялся их иметь! Помните поговорку: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Кататься-то! Это было для меня! А саночки возить – тут я твердо верил в birth control⁷... Было лет 35 тому назад... Я получаю письмо от большого своего друга, с которым был вместе в гимназии, университете и Добровольческой армии. Письмо такого характера: У меня рак в тяжелой форме. Жить осталось недолго. У меня жена-француженка и сын 3 лет, умоляю тебя и завещаю тебе сына. Позаботься и дай ему образование! И я ежемесячно помогал матери, протащил мальчика через college École Polytechnique⁸, и теперь этот «кавалер» – инженер, занимает крупное место в министерстве путей сообщения в Париже. На Рождество шлет поздравления мне, имеет жену и 2-х детей... Я никогда не видел ни «мальчика», ни его матери. Видите, Соня, у меня никогда не было уверенности в завтрашнем дне... Пока жив, живи! Наслаждайся и давай радость другим. Это всегда было моим девизом. Должно быть, я был рожден быть богемой... А может, в моем прежнем воплощении я был дикой лошадыю... Шоры и упряжь<ь> это не для меня! А человеческое или от «дикаря»-индейца – это то, что добра и друзей я не забываю. Также не забываю и незаслуженного зла! Теперь, кроме «Викушки Старушки» и Николаши Пономарева, проживающего в Columbia South

America, у меня близких друзей нет... Все друзья уже ушли в «Царство теней».

Обнимаю Вас,

Николай Димитриев

¹ Губная помада (англ.).

² Анна Марковна Сербина (урожд. Любошинская 1902–1986) – родная сестра С.М.Бакуниной; в эмиграции во Франции, затем вернулась в СССР. Похоронена на Новодевичьем кладбище (Москва).

³ Сергей Юрьевич Судейкин (1882–1946) – живописец, график, театральный художник. С 1920 в Париже, в августе 1922 переехал в Нью-Йорк, организовал кабаре «Подвал падших ангелов». В 1924–1931 работал в Metropolitan Opera.

⁴ Николай Николаевич Евреинов (1879–1953) – режиссер, драматург, историк и теоретик театра. В 1925 во время гастролей театра «Кривое зеркало» в Варшаве, уехал через Польшу в Париж. 1926 год провел в США, где консультировал постановку своей пьесы «Самое главное» на сцене Guild-Theatre (22 марта 1926). С 1927 жил в Париже.

⁵ В Кассвилле (Cassville, ныне Jackson, штат New Jersey; в 30 милях от Филадельфии) располагалась ферма основанного в 1926 иммигрантами из России, преимущественно сельскохозяйственными рабочими, Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке (РООВА). В 1934 оно приобщено в центральной части Нью-Джерси 1400 акров земли («Пайн Барренс», или Сосновая Пустошь), где возник русский поселок, получивший название «Фарма РООВА». Здесь были построены дома, библиотека им. Л.Н.Толстого, дом для престарелых имени А.С.Пушкина, две церкви и парк. С течением времени в РООВА стала вступать и интеллигенция (в частности, изобретатель вертолетов И.И.Сикорский), были созданы Общество друзей русской культуры, Ассоциация преподавателей русского языка в американской школе, Общество взаимопомощи и культурного развития русских женщин, Общество им. А.П.Чехова и др. В 1938 архиеп. Виталий (Максименко) основал в Кассвилле, в ознаменование 950-летия крещения Руси, храм-памятник Святого Равноапостольного Князя Владимира. На окраине городка находится Свято-Владимирское кладбище с церковью Божией Матери, где имеется казачий участок с памятником «Казачи – казакам» и памятник жертвам трагедии у г. Линц (Австрия), где в 1945 английское командование выдало Сталину казаков-антикоммунистов с семьями. Здесь был похоронен генерал А.И.Деникин, композитор А.Т.Гречанинов, генералы и атаманы донского и кубанского войск. Часть кладбища отведена для буддистов-калмыков. Подробнее см.: Александров Е. «Фарма» РООВА в Нью-Джерси // Русский американец: Обзорный выпуск. 1997. №21. С.191-194.

⁶ Daniel Carter Beard (1850–1941) – американский художник-иллюстратор, один из основателей бойскаутского движения (1910) и его комиссар в течение 30 лет.

⁷ Контроль за рождаемостью (англ.).

⁸ Знаменитая Политехническая школа во Франции (с 1795).

5.

New York October 5, 1968

Милая Соня,

Получил я Ваше хорошее длинное письмо, и большое Вам спасибо за искренность и прямоту.

Конечно, родная, я Вам устрою подписку на «Русскую Мысль» и Вы будете ее получать, как Вы желаете сами с 1 января 69 г., т<о> е<сть> с Нового года. Не считайте себя чем-то мне обязанной, а смотрите на это как на маленький мой Christmas present¹. Сейчас это немножко рано им высылать подписную плату, а в начале декабря я все оформлю. А пока ко дню Вашего рождения 28 ноября посылаю Вам перчатки и 3 пары чулок. Если перчатки будут не «по мерке», то отдайте их кому найдете подходящим сами или кому Вы пожелаете.

Выслал я Вашей сестре Анне Марковне Сербиной платочки для ее внушек. Выслал я их air mail – месяцы и месяцы прошли, а она их не получала! Наконец я их получил обратно! Посылка возвращена! С подписью: «Требуется ввозное разрешение». На три куска искусственного шелка, правда, красиво раскрашенные платочки! Sic! Не бюрократизм ли это? Или, может, это относится специально к Соединенным Штатам как «не демократической стране»??! (Ведь «там» – своеобразное понятие о демократии: Все, что входит в их орбиту, – это демократия!). Ну да Бог с ними! Найду способ как-нибудь переправить эти платочки! Теперь: если у Вас будет возможность и если еще существует в Брюсселе магазин, где продавались ордена и шелковые ленточки к орденам, то купите для меня:

1/2 метра Анненской (красной с желтой каемкой) ленточки к мини-аторному ордену Св. Анны (ширины около 1 сантиметра) и 1/2 метра такой же ширины, 1 сантимет<етр>, ленточки к ордену Св. Станислава, эта тоже красная, но с белой каймой. И также еще ленточку совсем узенькую, около 2 – 2 1/2 миллиметров, – Владимирскую. Это темно-красная с черным, и если в этом магазине орденов есть орден Св. Николая (Врангелевский), черный крест с золотым Св. Николаем в с<е>редине, то я хотел бы его купить для одного коллекционера.

Обнимаю.

Всегда Ваш Николай Димитриев

¹ Рождественский подарок (англ.).

6.

25 октября 1968

Милая Соня,

Спасибо за Ваше письмо... Я очень тронут, что, несмотря на слабость от впрыскиваний всяческих антибиотиков<ов>, Вы все же удо-

сужились мне написать. Вас интересует, как я живу теперь. Я имею квартиру в старом доме в очень хорошем центральном районе Нью-Йорка. В этих еще уцелевших старых домах большие комнаты, высокие потолки, конечно, паровое отопление, горячая вода, и ее сколько угодно, но нет лифта. У меня 5 окон выходят на юг и 2 больших окна на север. Студия, кабинет, спальня, комнаты, где всякие мольберты, инструменты и т. д. Кухня, уборная + ванная. Надо мною и подо мною живут такие же одинокие холостяки – отшельники, особенно милый и хороший человек надо мною. Американец из хорошей старой ирландской семьи. Лифта нет, но мы имеем все удобства. У меня 3 телефона: в спальне, кабинете и кухне – и это не роскошь, а необходимость. Если я в спальне, то не слышу телефонного звонка в кабинете, и наоборот. Если я в кухне, то не слышу звонка ни в спальне, ни в кабинете. На моей улице несколько хороших дорогих и недорогих ресторанов. Почти под нашим домом станция subway (подземная железная дорога). Прислуги, конечно, нет. Это здесь роскошь, которую могут себе позволить только богатые люди! Я мало трачу времени на эту роскошь – уборку. Прилагаю Вам письмо, где два адреса для орденских ленточек, к несчастью, эти адреса в Париже, – но, может, у Вас есть кто-нибудь в Париже? Право, мне стыдно, что я затрудняю Вас этой просьбой!!!

Вместо пары черных чулок вышлю Вам – хорошие, со второй пяткой и подошвой, бежевые.

Обнимаю.

Всегда Ваш Николай Димитриев

7.

New York, 8 ноября 1968

Милая Соня,

Большое спасибо за Ваше письмо и за ленточки: Анненская и ордена Св. Святослава ленточки – прямо идеал! Размер, цвет и качество – прямо восторг. Ордена Св. Владимира ленточка широка – хотелось бы чуть ли не наполовину уже. Ну, ничего — и эта will serve the purpose!¹ Еще <раз> большое и большое спасибо Вам и Вашему кузену Жедринскому²!

Но, дорогая Соня, подумайте и напишите, чем бы мы с Вами могли бы отблагодарить этого милого вашего кузена. Узнайте, что ему хотелось бы иметь из Америки, и я Вам вышлю. А Вы уже делаете ему Christmas present! Командир 6-ого конно-артиллерийского дивизиона капитан Гунбин³ получил этот орден Святителя Николая за отбитие «на картечь» атаки красной конницы. Гунбин умер от горловой чахотки в Югославии в конце Второй мировой войны (был

он и в Русском корпусе), но что стало с этим его орденом, никому не известно. Это, должно быть, судьба холостяков – «жил как человек, а умер как собака»! Я тоже – сознаю свой возраст и потихоньку ликвидирую свои коллекции. Только что отправил в Лондон тибетскую коллекцию – will be sold at auction by Christie Manson & Woods at their Great Rooms 8 King Street, St James's London S.W. 1 in spring⁴. Коллекция состоит из 18 тибетских paintings (iconography) изумительных и редких и 5 бронзовых изображений тибетских богов. До этого я через Christie продал три тибетских Бога или божества: Jama with his sister Jami Manjushri и третье божество из серии Dharmapala⁵. Все эти три фигурки были отлиты из чистого золота 23+ карата и общий вес их был около 1 kgr золота. Ни один музей ни здесь, ни в Европе не имел таких фигурок, и вывезены они были при бегстве Далай Ламы и его приближенных во время оккупации Тибета китайцами⁶. Брат Далай Ламы здесь: женился на американке, снял с себя монашество и епископский сан и читает лекции⁷! Милый, хороший, культурный человек. Остается у меня еще 3 тибетских бронзовых божества – довольно больших, плюс к тому же или, кроме того, бог Avolokiteśvara⁸, головой showing cosmic relations, – as imagined by Sect⁹. С этим Avolokiteśvara я до конца дней своих не хочу расставаться, считаю его своим patron Saint¹⁰ и своим хранителем! (Не удивляйтесь!) Много лет тому назад граф Des Fours Walderode¹¹ умолял меня уступить ему этого Avolokiteśvara для Naprstek Museum in Prague¹², – но я отказался от соблазна и искушения!!! Люблю этого бога, не расстаюсь и не расстанусь с ним! Чувствую эманации и вибрации, исходящие от этого божества. Повторяю, люблю его, как мать любит свое дитя!!! Чувствую, что со мною что-то случится, если это божество уйдет от меня!

Вот, милая Соня, приоткрываю я Вам еще одну занавеску <так!> в мой внутренний мистический или, если хотите, оккультный мир, – и в этом Вы найдете ключ к пониманию моей живописи. Я собираюсь сделать цветную фотографию со своих картин, а их (картин) накопилось уже довольно много. Но эти цветные фотографии будут стоить довольно много долларов... Ну, ничего, как-нибудь удастся все устроить! И когда будут фотографии, то некоторые, наиболее интересные и значительные, вышлю Вам.

Обнимаю. Всегда Ваш Николай

P.S. Напишите, кто были эти Жедринские в Москве¹³... Ужасно знакомая фамилия. – но стараюсь и не могу припомнить. Откуда и как я их знаю?

Ваш Н.Димитриев

И у нас здесь уже наступила осень!!! Деревья разукрасились яркой осенней листвой. Вчера в первый раз одел легкое пальто, до этого ходил только в костюме и без шляпы.

¹ И эта послужит цели (англ.).

² Жедринский Владимир Иванович (1899–1974) – известный театральный художник, сценограф; до революции учился в гимназии в Москве и художественном училище К.Ф.Юона (где в эти же годы занимался Н.В.Дмитриев; о его родителях см. ниже, примеч. 13); недолго служил в Белой армии, эвакуирован в Сербию, где служил в Белградском театре как художник-декоратор. В 1942 выехал с семьей в Марокко, затем жил и работал во Франции (Ницца). Женат на Марианне Львовне Гальской; сын Николай – кинооператор, дочь Мария скончалась в Марокко в 1950. Подробнее см.: Вагапова Н.М. Владимир Иванович Жедринский: Годы скитаний по Европе // Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах: Очерки. СПб., 2007. С.57-69.

³ Гунбин Федор Васильевич (1886–1948) – подполковник, командир 6-й батареи 2-го конно-артиллерийского дивизиона до эвакуации Крыма. В эмиграции в Сербии; во время Второй мировой войны служил во входившем в состав Вермахта Русском корпусе в Югославии.

⁴ Будет продана на аукционе Кристи в Лондоне весной (англ.).

⁵ Джама и его сестра Джамы Маньюшри (англ.); Дхармапала – боги-защитники Закона.

⁶ Имеются в виду события весны 1959, когда в результате провала антикитайского восстания в Лхасе Далай-лама XIV (Нгагванг Ловзанг Тэнцин Гьямцо; род. 1935) бежал в Индию.

⁷ Имеется в виду старший брат Далай-ламы – Тхуптен Джигме Норбу (Thubten Jigme Norbu; род. 1923) – профессор Блумингтонского университета в Индиане (США).

⁸ Авалокитешвара, «Господь надзирающий» – бодхисаттва, воплощение бесконечного сострадания всех Будд. Воплощением Авалокитешвары считается Далай-лама, который регулярно проводит инициации Авалокитешвары.

⁹ Изображающий Космос – как представлялось его последователям (англ.).

¹⁰ Святой покровитель (франц.).

¹¹ Граф Карел Дефур Вальдероде (Karel Des Fours Walderode; 1904–2000) – потомок одного из знатнейших родов Богемии, коллекционер произведений искусства; в 1949–1989 в эмиграции.

¹² Музей восточной, африканской и американской культур в Праге, названный по имени его основателя – этнографа и политика Войта Напрстека (1826–1894).

¹³ Старицкая Нина Егоровна (1871–1936; в замужестве Жедринская) – родная сестра Н.Е.Вернадской, жены академика В.И.Вернадского. Ее муж Иван Александрович Жедринский (1868–1942) – сын курского губернатора, окончил Пажеский корпус, вице-губернатор Вологды, управляющий отделением Дворянско-крестьянского банка в Перми, Туле. В 1919 волинский вице-губернатор, сотрудник гражданской администрации при П.Н.Врангеле. Скончался в Загребе. В 1920 все Жедринские эмигрировали в Югославию; о сыне Владимире см. выше, примеч. 2.

8.

13 декабря 1968¹

Я сегодня получил Ваше письмо от 8/XII. Удивлен, что Вы не получили моего, где я благодарил Вас за ленточки орденов Св. Станислава и Анны. Ленточки – прямо идеал. Владимирская широковата, но ничего, сойдет. Просил Вас написать, что я мог бы послать Вам для Вашего кузена за его хлопоты и труды и расходы с покупкой этих ленточек. Выслал 2 дня тому назад письмо, где банковский чек – money order на 10 долларов. Этот чек на Ваше имя. Вы его разменяйте на французские франки и вышлите подписку в газету «Русская Мысль» в Париже. Поздравляю с наступающими праздниками Рождества Христова и Новым Годом. Да пошлет Вам Господь всяческих благ.

Обнимаю.

Всегда Ваш Н.Димитриев

The instrument is still wide open and the strings are trembling yet².
With such words, dear Sonya, I can say about myself³!

Эти слова – свободная перефразировка романа «Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали...». Этот роман и другие, как «Почему я безумно люблю, я и сама разгадать не сумею», которые пела Татьяна Михайловна⁴ в 1915 году, до сих пор звучат в моей душе... Был у нее голос меццо-сопрано, но и низкие ноты а ла Варя Панина⁵ удавались ей чудесно! Была божественная фигура, осанка, большие бархатные глаза, и все льстило моему самолюбию... Куда бы мы ни появились, все взоры устремлялись на нее, и я был горд иметь такую возлюбленную!!! Зарабатывал я много. Адвокатская практика плюс всевозможные дела. (Был представителем Витебского акционерного общества по продаже и экспорту льна.) Продавал я этот лен вагонами и вагонами Третьяковской мануфактуре, Карзинкинской мануфактуре и т. д. И эти деньги мои, мною заработанные, я тратил, и широко тратил!!! Но... Но... появились подозрения, что все это неискренно... наиграно, и я в этом окончательно убедился, когда она играла возлюбленную в картине «Великий Магараз»⁶ у Ханжонкова (Александр Алексеевич Ханжонков не мой дядя, а двоюродный брат – он сын сестры моего отца Прасковьи Сергеевны). Вернусь опять к Татьяне Михайловне. Много лет тому назад, еще в России, когда я был сильно ранен под Мариуполем на безымянной косе, мне явилось какое-то откровение, что это была не она, а моя Судьба, которая воплотилась в ней и швырнула меня на военную службу и этим косвенным образом трансформировала мою жизнь!

Теперь, милая Соня, напишите, когда получите чек. На письма я всегда отвечаю без промедления! Это мое правило.

¹ Письмо написано на открытке с изображением рояля.

² Перевод на английский строки из известного романа «Сияла ночь...» (слова А. Фета, музыка Н.Ширяева) – «Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали».

³ Этими словами, дорогая Соня, я мог бы описать и себя (англ.).

⁴ Строка из старинного русского романа «Почему я безумно люблю...» (музыка Б.Гуравича). К сожалению, точно идентифицировать упоминаемую «Татьяну Михайловну» пока не удалось.

⁵ Панина Варя (Васильева Варвара Васильевна; 1872–1911) – исполнительница цыганских и русских романсов и лирических песен. Пела в цыганском хоре А.И.Паниной в ресторане «Стрельна», затем в «Яре», где организовала собственный хор. Пользовалась огромной популярностью в Москве.

⁶ Окультиная драма «Великий Магараз» по новелле О.Уайльда «Преступление лорда Артура Сэвила» была снята режиссером В.К.Туржанским (1891–1976) в 1915. В ней играли: Е.Вахтангов (Забрежнев), М.Горичева (Елена, его жена), И.Лазарев (отец Елены), В.Туржанский (хиломант Магараз), О.Бакланова (актриса), А.Ребикова (горничная Саша), Г.Хмара (см.: *Вишневский Вен. Художественные фильмы дореволюционной России (Фильмографическое описание)*. М., 1945. С.55).

9.

28 декабря 1968

Милая Соня!

At this Christmas Season and throughout the New Year may you be blessed with every Happiness¹. Это мои самые искренние пожелания Вам!!! Надеюсь, что мое письмо придет к русскому Рождеству Христову (7-го января). Вы спрашиваете, как я праздную. С американскими друзьями праздную их Рождество Христово, а с русскими – по русскому церковному календарю. Так что праздную 2 Рождества и один Новый год. Вообще, люблю праздновать, старался всегда, чтобы радость и веселье меня окружали, и чтобы и сама Жизнь была сплошным праздником. Вы помните? – в русской мифологии есть две птицы: Сирин и Гамаюн. Птица радости и птица печали. Сидят эти птицы на одном и том же дереве и едят сладкие и горькие ягоды. Съест горькую, сидит нахохлившись, голова вниз, печальна и не поет. Съест сладкую ягоду – весела, прыгает и заливается песнями. Так эту птицу печали я держу взаперти и плохо кормлю! А забочусь только о птице Радости! Это таким я рожден. Моя покойная мать говорила: «Ты как конь – годен только для езды к куме на блины! – а в дальнюю тяжелую дорогу... тянуть воз это не для тебя!». Права была матушка, царство ей небесное! Мудра была, но характер – увы! а иногда по Островскому... и довольно простоты.

Звали меня на Рождественские праздники на юг, в штат Техас². Там у моих друзей (мать и дочь) чудное имение и на их земле нефтяные колодцы. Денег много, а синяя птица их очень редко или совсем не посещает! Меня они любят и находят, что я вношу радость в их жизнь. Не знаю, так ли это... Но у матери было уже три сердечных припадков, и, по-моему, она долго не будет здесь! Я не поехал – и не поехал потому еще, что не хотел на праздники оставлять одинокой свою приятельницу, – но тут только чистая дружба, и это уже золото. Я нянчусь и забочусь о ней. Здоровье у нее слабенькое. В ее квартире я ей устроил елку, Рождество. Сам зажарил утку и т. д. На русское Рождество еду в Нью-Джерси к Пимену Максимовичу Софронову³. Это 4 часа автобусом от Нью-Йорка, буду там в русской старовойерческой среде. Словом... там Русью, доПетровской Россией пахнет!!!

Год тому назад я написал стихотворение, посвященное тибетскому Богу Времени – Маха Кала:

Мелькают дни страница за страницей
 От строчки к строчке жизнь бежит
 И перья яркие Жар-Птицы
 Все реже, реже нам дарит.
 А руки тянутся все выше и выше
 Поймать заветное перо –
 Но Время гнет нас ниже, ниже
 И для него мы все – ничто.

Целую. Обнимаю.

Всегда Твой Н.Димитриев

¹ Типографская надпись: «Счастья на это Рождество и в течение всего года» (англ.).

² Штат Техас.

³ Софронов Пимен Максимович (1899–1973) – иконописец, мастер фресковой живописи, реставратор. Старовер-беспопoveц из Посада Черного (близ Печор). Уехал из Эстонии после революции, работал в Риге (1928–1931; собственная мастерская при старообрядческом обществе «Гребенщиковское училище»), в Праге (с 1932), в Югославии (1934–1939; по приглашению короля Александра I для росписи дворцовой церкви; возглавил иконописную школу в монастыре в Раковицах), в Риме (с 1939; в Ватикане хранится 56 икон его живописи). С 1935 вел иконописные курсы в Праге в Кондаковском институте. С 1947 жил в США.

Милая Соня!

Получил Вашу открытку от 5/1 69. Помните, в Библии первый жид, которого Господь сотворил, по имени Абрахам, говорит: «Это

жена, которую Ты мне дал, соблазнила меня!»¹, и так и по сие время продолжается... Все виноваты, «кроме» нас, «несчастливых жидочков»... Мы же «меньшинство», и нас все обижают.

В том, что Вы не получили моего последнего письма, где я Вам писал, что предпочитаю поехать к староверам, где они живут по обычаям и укладам допетровской Руси, и в этом письме было и мое восьмистишие на Новый год. Я виню себя и виною за то, что разукрасил это письмо красивыми «сонтметогатius»² марками, и эти марки, я думаю, и ввели в соблазн или почтальона или живущего в Вашем пансионе, и они присвоили письмо. На праздники Рождества Христова получил целый ряд писем от друзей из Канады, Бразилии, Колумбии, Венесуэлы.

В Канаде у меня друзья из России, которых я знал с 1909 и с которыми много проводил времени в студенческие годы. Это так называемая «немецкая колония Москвы» – Поортен, Юргенс, Вилкинс, Вогау, Браун... Андрей Юргенс в Константинополе был шофером посла Нератова, и я в шоферской квартире в посольстве жил 2 года. Мы на посольской машине с русским 3-х цветным флагом в обществе милых женщин катали по всем окрестностям Константинополя.

Брат Андрея Леонид был женат на Анне Александровне Солодовниковой³, они, т<о> е<сть> Левка с женой, уехали в Италию, где Анна Александровна продолжала развивать свой чудный голос. Потом, в 1923 или 1925, она целый сезон была примадонной вашей Королевской Оперы в Брюсселе. Бросила оперу и посвятила себя семье и воспитала двух дочек, которые сейчас, окончив университет, на канадской государственной службе! Левка умер от рака еще в Брюсселе. Сестра же Андрея и Левки – Мара стала в Москве подружкой моей сестры Ксении. Теперь она потеряла мужа Феликса Поортен<а>, живет в Монреале. Получила признание как художница, и искусство ее кормит. У нее есть дочь и от дочери трое внуков. Старшей внучке 20 лет, кончает college. Затем внук Андрей, 17 лет, первый год в университете, и младший Мишка, 16 лет, кончает High school. Из этого же окружения в Москве Нина Ивановна Вилькинс живет под Нью-Йорком, болеет. Была у нее тяжелая операция, которая ничем не помогла. У нее есть дочка, которая с нею. Николаша Пономарев, сосед по имению в Трубчевском уезде Орловской губернии, живет в Колумбии в Южной Америке, помещик там, скотовод и т. д. Старший брат его Иван в Чехословакии, он агроном и лесовод.

Целую, обнимаю.

Ваш Н.Димитриев

Думаю, что он (Иван) одного выпуска с вашим братом Марком⁴ из Конст<антиновского> артиллерийского училища.

P.S. Пишите, если хотите получать письма от меня.

¹ Искраженная цитата из притчи о злых виноградарях (Мк. 1, 10:13).

² От commemorate (англ.) – праздничный.

³ Анна Александровна Солодовникова (1894 – после 1974) – дочь Ольги Романовны (урожд. Мальмберг; 1873–1931) и Александра Дмитриевича (1868–1931) Солодовниковых; правнучка известного кондитерского фабриканта А.И.Абрикосова, Ее братья: Александр (1893–1974) – православный религиозный поэт; многократно репрессирован, жил на поселении на Колыме до 1956; в 2006 издательством «Паломник» выпущена книга его поэзии «Я не устану славить Бога»; Николай (1898–1940) – писатель и художник; неоднократно репрессирован в 1930-х, умер в тюремной больнице в Карелии; Георгий (1896–1915); Алексей (1910–1942), погиб на фронте.

⁴ Любошинский Марк Маркович-младший (1891–1980) – родной брат С.М.Бакуниной, учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, затем юнкер Константиновского артиллерийского училища в Петрограде, прапорщик 1-й Запасной артиллерийской бригады. В 1919 служил при английском авиационном отряде. В эмиграции – в Чехословакии, управляющий отелем на курорте Песчаны. Некоторое время жил в Индии, управляя делами и дворцами магараджи Бхопала (1938–1946). После войны вернулся в Чехословакию. Женат на Вере Михайловне (урожд. Герценштейн; умерла в конце 1970-х в Праге), дочери убитого чernosотенцами депутата 1-й Государственной Думы М.Я.Герценштейна.

11.

Января 21, 1969

Милая Соня.

Сегодня получил Ваше письмо от 16.I.69. Спасибо! Рад, что наши письма, <о> <есть> Ваши мне и мои Вам, не теряются. На фотографии, которую я Вам послал (на этой фотографии я в темной «рясе», как я называю «лыцарский балахон или мантию», на самом деле это красивого небесного цвета), гроссмейстер – в белой¹. Посылаю в этом письме газетную вырезку аукциона картин и икон и награждение орденом Св. Дионисия городского головы г. Нью-Йорк. Избегаю и не люблю publicity², но время от времени попадаюсь!

Вчера, в понедельник 20-го января, видел в Вашингтоне возведение в сан «аугуров» – анаугурайшон нового президента³. В древнем Риме была такая церемония. Или, вернее, – посвящение в сан аугуров, и считалось, что после этого посвящения верховные жрецы могут по полету птиц и проч. – (помните? – Журавли летят! Весна идет и т. д.) – видеть будущее.

Дай бог новому президенту Соединенных Штатов, чтобы были посеяны им здесь семена света, любви и братства!

Ваше письмо воскресило в моей памяти рассказ из персидской жизни, где среди толпы ходили и продолжают ходить мудрецы. Так вот, был задан вопрос мудрецу: «Что надо запоминать и о чем сле-

дует забывать?». Мудрец ответил: «Если люди сделали тебе добро, запомни это; если ты сам сделал добро людям, забудь об этом». Хотелось бы мне, милая Соня, чтобы Вы прочитали мое письмо к сестре Ксении, где я описывал, как моя страсть и коллекционерство старины и икон привели меня к знакомству и даже дружбе с графиней Гендриковой⁴. Той самой графиней, которая была фрейлиной и другом Государыни Александры Федоровны и которая уехала с царской семьей в изгнание и была расстреляна в Пермской тюрьме. Может, у Ксении это письмо сохранилось, и она его даст переписать кому-нибудь из Ваших для Вас. У меня никогда не бывает черновиков. Пишу всегда экспромтом.

Пишите! Обнимаю. Всегда искренне Ваш

Н.Димитриев.

Аллилуева, дочь Сталина, написала новую книгу⁵, которую Павлик Чавчавадзе⁶, он муж Нины Георгиевны, дочери Великого князя Георгия Михайловича, сейчас переводит на английский язык и говорит, что «very impressive sincere moving book»⁷.

¹ Имеется в виду одеяние кавалеров ордена Св. Дионисия. Подробнее см. письмо от 26 февраля 1969 и комментарий к нему.

² Публичность, реклама (англ.).

³ Им стал Ричард М. Никсон (1913–1994).

⁴ Гендрикова Анастасия Васильевна (1866–1918), графиня – фрейлина императрицы Александры Федоровны. Сопровождала царскую семью из Тобольска в Екатеринбург, позднее была арестована и расстреляна недалеко от Перми.

⁵ Аллилуева Светлана Иосифовна (род. 1926), дочь И.В.Сталина, эмигрировала из СССР в Индию в 1967. Упомянутая новая книга – «Только один год» (1969).

⁶ Чавчавадзе (Chavchavadze) Павел Александрович (1891–1971), князь – писатель и переводчик. После убийства отца большевиками эмигрировал в 1918 в Румынию, затем жил в Англии, где женился на Нине Георгиевне, дочери вел. кн. Георгия Михайловича. С 1927 в США. Автор ряда романов и воспоминаний.

⁷ «Очень впечатляющая, искренняя книга» (англ.).

Милая Соня,

Спасибо за Ваше милое письмо от 16 и 20 февраля 1969 г. Алекс. Ивановича Старицкого¹ я знал и был у него в Петербурге несколько раз! Знал, что у него два сына-лицеиста, но что была дочь, я никогда

не слышал и не встречал ее. Не встречал также и его жену Софью Марковну. Встречал я трех сестер моей мамы. Казимира Казимировна, по мужу Дембинская-Nioga, жила постоянно в имении «Долгополье» Витебской губ. Городокского уезда. Имела 8, не то 9 человек детей, и все какие-то «неудачные», дальше 2 или 3 класса гимназии не пошли, – но она сама, тетя Казимира, была изумительный человек, религиозна, чудно играла на рояле, и, как она говорила, во всех несчастьях она ищет утешения у Бога, и ее игра – это ее молитва Богу! Также знал Генриетту Казимировну, доктор Saloz de Joudra, жила она и практиковала в Женеве². Муж ее был доктор и два сына – Jack³ и Charlie – были студентами-медиками. Jack к тому же был в консерватории, у него был хороший баритон. Ухаживал он за дочерью социал-демократа П.⁴, от чего я не был в восторге.

Теперь относительно ордена св. Дионисия Закинфского...⁵ Я хорошо был знаком с доктором философии Perry Voultos – он мне говорил, что он fully potential⁶ представитель греческого короля Константина⁷, который является гроссмейстером ордена. Это где-то и как-то в подсознании жило, пока не представился случай. И все в моей жизни – случай. Его Величество Случай!!! Было освящение работ – росписи церкви в Ансона, Коннектикут⁸. Всю церковь: иконостас, стенопись, словом, от потолка до купола расписал Пимен Софронов. После освящения был банкет, – и на нем архиерей (теперь он митрополит Американской церкви Иереней⁹) в своей речи даже словом не обмолвился о виновнике торжества, Пимене Максимовиче Софронове, о росписи, а нес какую-то чушь и призывал жертвовать... жертвовать! Получилось впечатление, что зачем вы тратите деньги на какую-то роспись... давайте их лучше мне. Я был мастером церемонии и председателем банкета. Я дрожал от негодования, но Господь послал мне сил, и я не оборвал архиерея и не указал ему, что он говорит «не по существу»... Но «бывает такое время... такова игра лучей, что обида куклы своей обиды тягче»!¹⁰ Так писал поэт Иннокентий Анненский, и я решил, что как-то нужно смыть обиду и... накрутить хвост архиерею. Не знал, как все это «обстрелять», но надо. Надо во что бы то ни стало! Вспомнил о докторе P. Voultos, пригласил его на завтрак во французский ресторан на моей улице и продал ему идею о награждении П.М.Софронова орденом 3<го> класса (шейный) за возрождение древневизантийского искусства в Америке. За проведение этой награды я от себя обещал доктору икону св. Дионисия! Началась переписка с Его Величеством Королем Константином, которая и увенчалась успехом. Награждение состоялось в Бруклине в церкви, им (Софроновым) раньше расписанной... Было большое торжество – около 300 человек приглашенных. Освящение ордена и молебен был совершен другим архиереем в сослужении 5 митрофорных иереев. Иереней не был приглашен:

sic! Банкет, опять я был мастером церемонии. Были и вице-губернатор штата Нью-Йорк¹¹, был и сенатор Роберт Кенедэ¹², бывший городской голова¹³ и другие официальные лица. Все прошло гладко и с большой помпой – появилось описание этого торжества в «New York Times», «Tribune», русских газетах. Доктор Вултос был так растроган, что не знал даже, как меня благодарить, и просил взять должность master of ceremony ордена. Так началась моя служба. Теперь я «дослужился» до master of protocols. Помните, у Алексея Константиновича Толстого, кажется, в «Царе Борисе» сказано: «Нас не судьба возносит над толпою, она лишь случай в руки нам дает»¹⁴. Кстати, знаете ли Вы, что граф Алексей Константинович Толстой не имел и капли крови Толстых¹⁵. Он сын брата и сестры Перовских. Перовские по матери моего отца (она была Перовская) – наши родственники, и мой отец не любил об этом говорить (помните Софью Перовскую? – она была повешена за участие в убийстве Александра II). Тут-то и ключ к семейной хронике.

Целую, обнимаю, всегда Ваш

Николай Дмитриев

¹ Александр Иванович Старицкий (1858–1940) был женат на Софье Марковне (урожд. Любошинской, ум. 1912), родной сестре М.М.Любошинского-старшего. В 1920 эмигрировал во Францию (Париж). Его сыновья – Марк (1893–1944) и Михаил (1897–1956) в 1920 эмигрировали в Румынию, где оба и скончались. Дочери – Мария (1899–?) и Екатерина (1894–1990) выехали в 1921 из Петрограда в Литву в имение отца. Екатерина, окончившая Бестужевские Высшие женские курсы как химик, в дальнейшем работала в США, Германии и Франции, репатрировалась в 1956 и жила в Москве; Мария оставалась в Париже, в последние годы жила в доме престарелых.

² Генриетта Казимировна (Henriette de Joudra; Saloz-Joudra; 1856–1928) окончила медицинский факультет Женевского университета, вышла замуж за швейцарского врача, жила и практиковала в Женеве; о ней см.: *De Haan F., Daskalova K. and Loufi A. (ed.). A Biographical Dictionary of Women's Movements and Feminisms. Central, Eastern and South Eastern Europe, 19th and 20th Centuries.* Budapest; New York: Central European University Press, 2006.

³ Неустановленные лица.

⁴ Так Дмитриев пишет имя Jacques (Жак).

⁵ Имеется в виду греческий орден Святого Дионисия, награждение которым сопровождалось возведением в дворянство.

⁶ полный кавалер (англ.).

⁷ Константин II (род. 1940) – король Греции в 1964–1973; до 1975 во главе Греческой православной автокефальной церкви.

⁸ Православный храм Трех Святителей в Ансона (штат Коннектикут, США), существовавший здесь с 1895, после пожара, случившегося в январе 1954, был полностью реконструирован летом того же года.

⁹ Ириней (в миру Бекиш Иван; 1892–1981) – архиепископ Нью-Йоркский, митрополит всея Америки и Канады (1965–1974).

¹⁰ Неточная цитата из стихотворения Иннокентия Анненского (1855–1909) «То было на Валлен-Коски» (1909) из «Трилистника осеннего» (сб. «Кипарисовый ларец»). Точный текст: «Бывает такое небо, / Такая игра лучей, / Что сердцу обида куклы / Обиды своей жалчей».

¹¹ Им был республиканец Малкольм Вилсон (Malcolm Wilson; 1914–2000).

¹² Роберт Кеннеди (1925–1968), сенатор от штата Нью-Йорк (с 1964).

¹³ В 1954–1966 им был демократ Роберт Ф. Вагнер (Wagner; 1910–1991).

¹⁴ Цитата из пьесы А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

¹⁵ Алексей Константинович Толстой (1817–1875), сын Анны Алексеевны Толстой (урожд. Перовской) и, по мнению ряда современников и историков литературы, писателя Алексея Алексеевича Перовского (1787–1836), хотя, по официальной версии, его отцом являлся граф Константин Петрович Толстой. Софья Львовна Перовская (1854–1881), казненная за участие в убийстве императора Александра II, была внучкой министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского (1792–1856) и дочерью петербургского губернатора Льва Львовича Перовского.

13.

New York, 25 мая 1969

Милая Соня,

Спасибо за Ваше письмо от 21.V.69, – и не знаю, как Вас благодарить за Ваши письма: вдове генерала Кулевского и Павлу Буре¹. Будем надеяться, что они ответят.

В начале июня я Вам вышлю, как и в прошлый раз, банковский чек на Вашу газету. Искренне радуюсь, что хоть чем-нибудь могу доставить Вам удовольствие... Я лично редко – обычно раз в неделю по воскресеньям покупаю здешнюю «русскую» газету. Там иногда бывают статьи, на чтение которых не жалко времени. Обычно я просматриваю «<New York> Times». Тоже жидовская газета, но живем мы... в Jew York'e, и с этим приходится мириться... Кроме того, я, как страус, прячу голову под крыло: не люблю читать объявления о людях, которых знал и которые ушли в иной мир. Но все равно устная газета и телефонные звонки дают знать, что такого-то или такой-то уже нет. Может, Вы знали по Брюсселю Нину Ивановну Вилькинс, это ее фамилия по мужу бельгийцу, она москвичка и вместе с мужем эвакуировалась из Москвы. Была милой, культурной женщиной, типа графини Паниной². После смерти мужа перебралась сюда и жила в New Bronswick (это час езды автобусом от N<ew> Y<ork>). Долго, бедная, болела, но умела всегда показывать жизне-

радостность и интерес ко всему. 3 дня тому назад скончалась, звонила мне и сообщила об этом ее дочь. Моя телефонная книжка, где адреса знакомых за 10 лет, растрепалась, – решил заняться и переписать в новую... Но, к ужасу своему, увидел, что переписывать-то некого... 3/4 и 7/8 адресатов уже перебрались на «постоянный адрес»!!!

Медные иконки и старинные кресты (есть разные) – я собираю их. Они не представляют особой денежной ценности, но эта скульптурная иконопись, без сомнения, принадлежит к числу лучших созданий... Здесь русская народная душа явила самое прекрасное и самое интимное, что в ней есть.

Ваши же иконки серебряные с эмалью, если старенькие, также и риза на иконе с эмалью, представляют ценность, и рыночная стоимость вообще на русское (с русской пробой) серебро, ковши, лари, бокалы здесь высока! Небольшой ковшик Хлебникова³, Овчинникова⁴, Сазикова⁵ стоит 200, 250 долларов и т. д. Также и риза с эмалью, – но лучше, если возможно, сделайте хотя бы любительский фотографический снимок. Также и с картиной Конст. Маковского⁶. Я думаю, что найти покупателя будет нетрудно. Во всяком случае, спрос есть... Особенно ценятся здесь вещи работы Фаберже⁷. Дай им Фаберже – с маркой и пробой!

Знаете, раз Пикассо⁸ показали (ему) его собственную картину. Он только взглянул и сразу говорит: «Fake!» – «Но, маэстро, какой же это fake, когда эта картина была в вашей же собственной студии?» – «Ну что же? Я и сам пишу fake!!!» Так и я... время от времени занимаюсь «проституцией»: пишу а lá Picasso «модерную», «угадай, моя родная» «картину», сажаю ее в раму... не разборчиво, какой-нибудь фамилией подписываю, и на аукцион. И жидочки-«знатоки» покупают и платят за такую «модерн»... 100–200 долларов (аукционеру 20%, рама 10–15 долларов, а остальное в карман за 4–5 часов работы). Не будьте шокированы. Я пишу правду, правду сущую!

В будущую субботу 31-го мая еду в Cassville, New Jersey, где мой памятник Пушкину. Там мне придется на банкете что-то говорить. Конечно, это – «если», – если я себя буду сносно чувствовать! Там постараюсь снять и достать открыток с памятника Пушкину. Если все, все будет, как планируется, то открытка и снимки вышлю Вам.

Обнимаю. Всегда Ваш

Николай Димитриев

¹ Торговый дом «Павел Буре и сыновья», основанный в 1815, получил широкую известность как производитель часов и ювелирных изделий; поставщик часов Императорского двора.

² Панина Софья Владимировна (1871–1956), графиня – известная благотворительница, с 1917 член ЦК кадетской партии. В июле 1917 товарищ министра народного просвещения Временного правительства. В эмиграции

в Чехословакии, Швейцарии, США, где принимала активное участие в работе Комитета помощи русским эмигрантам, возглавлявшегося А.Л.Толстой.

³ Хлебников Иван Петрович (1819–1881) – владелец известной ювелирной фирмы; до 1867 работал в Петербурге, в 1879 основал в Москве «Товарищество производства серебряных, золотых и ювелирных изделий И.П.Хлебникова, сыновей и Ко». Купец 1-й гильдии, поставщик Императорского двора.

⁴ Овчинников Павел Акимович (1830–1888) – основатель фабрики золотых и серебряных изделий (с 1853), одной из крупнейших ювелирных фирм Москвы второй пол. XIX – нач. XX вв. С 1882 – поставщик Императорского двора.

⁵ Сазиков Павел Федорович – основатель фирмы (1793) и фабрики (1810) по изготовлению разнообразных серебряных изделий в «русском стиле», купец 1-й гильдии. С 1837 – поставщик Императорского двора. В 1887 фабрика перешла к фирме Хлебникова.

⁶ Маковский Константин Егорович (1839–1915) – художник, действительный член Академии художеств.

⁷ Образованная в 1842 фирма Фаберже приобрела мировую известность на рубеже столетий. С 1872 ее возглавлял Карл Густавович Фаберже (1846–1920), уроженец Петербурга. Заказчиками фирмы были российские императоры и члены императорской семьи.

⁸ Пикассо Пабло (1881–1973) – выдающийся испанский художник, скульптор, керамист и дизайнер.

⁹ Подделка (англ.).

14.

Воскресенье, 1-го июня 1969 г.

Милая Соня,

Посылаю Вам копию письма от Paul Vuhre – их ответ на Ваше письмо им. Большое Вам спасибо за помощь моим усилиям раздобыть часы с Русским Государственным Орлом. Такие часы получали инженеры путей сообщения за «ведение поезда с Государем». Получали и кавалерийские офицеры как приз за окружную скачку или пробег. Серебряные часы с орлом получали сверхсрочные (вахмистры обычно) за 25-летнюю службу. Ну, ничего... Я не теряю надежды где-нибудь в магазине случайных вещей найти такие часы. Также посылаю Вам и открытку с моим памятником Пушкину.

Как будто наступил перелом в моем здоровье. Сегодня, после вчерашней поездки в Cassville¹ (это 2 часа автомобилем от Нью-Йорка), обед со всяческими «чоканиями», объятьями членов этой организации, потом посещение почти законченного собора: стены возведены и заштукатурены, купола вызолочены, в нижнем этаже

церковь уже закончена... В верхнем этаже уже есть иконостас с иконами. Должна быть фресковая роспись и заказана, но еще не прибыла «мозаичная роспись» снаружи при входе в собор. Все делается со вкусом и любовью в русско-византийском стиле. Трудно себе представить от этих полуинтеллигентных рабочих организаций, объединенных взаимопомощью (страхованиями и т. д.), такой русскости и любви к прошлому России!!! Единственное «но», и большое «но» – это то что: «На Руси пьют... веселью быти»², и здесь пьют и пьют много и слишком много... И это меня отталкивает, и нет желания снова ехать туда, снова обниматься с подвыпившими мужичками – членами этой организации! Банкет был, чтобы собрать пожертвования на погашение задолженности правительству Соединенных Штатов. 10 лет господа «правление» не платили никаких налогов ни штатных (штата New Jersey), ни федеральных! В конце концов их прижали – «плати или все пойдет с молотка!» – Sic!!!

Банкет материально был успешным. Собрали более 35 000 долларов, и подписка на пожертвования еще продолжается. Выехал я из Нью-Йорка вчера в субботу в 9 часов утра. В 12.30 был завтрак, в 6.30 обед и банкет. Вернулся домой в Нью-Йорк после 2 часов утра и сегодня, несмотря на такой утомительный «вчера» – день без отдыха, – чувствую себя, как давно не чувствовал. Надеюсь, что это не «нервная» энергия, а мое выздоровление!

Пишу и описываю Вам «мой вчерашний день» к тому, чтобы Вам наглядно показать, что я еще не «сдал»... и «старушкам» (одна сучит нить жизни, другая с большущими ножницами ждет сигнала от третьей, чтобы оборвать эту нить³), – придется еще подождать.

Обнимаю, Всегда Ваш

Николай Димитриев

¹ 30 мая в США традиционно проводится Memorial Day – день памяти солдат, павших за свободу и независимость страны. 1 июня на «Фарме РООВА» проводилась также традиционная церемония – шествие к памятнику роовцам, павшим в рядах американской армии.

² Неточная цитата из летописи «Повесть временных лет».

³ Имеются в виду мойры – греческие богини человеческой судьбы (Лакхесис, Клото, Атропос).

15.

Июля 17, 1969

Милая Соня,

Сегодня получил Ваше письмо от 13 июля с. г. Спасибо... Хочу Вам отослать письмо завтра, т. к. в субботу и воскресенье почта

«празднует», и даже будущий понедельник 21-го наш президент Никсон желает объявить праздником! Может, все это и хорошо, т. к. вторая половина июля и август здесь самая жаркая пора. Сегодня у нас 96⁰ по Fahrenheit, что приблизительно 36⁰ Centigrade, – и люди, как тараканы, на которых плеснули кипятком, бегут из Нью-Йорка «куда попало». Я тоже собираюсь около 25 июля покинуть Нью-Йорк, – мой приятель художник-иконописец Пимен Максимович Софронов 31 июля летит в Советский Союз. Летит в Москву, Ленинград, Ригу, Ревель, – он сам с Чудского озера. Это, кажется, Эстония теперь, и хочет посмотреть родные места и повидать уцелевших в живых своих племянниц. В его отсутствие я «оккупирую» его дом, – и единственно, что от меня в виде платы за «дачу» (это в южной части New Jersey – 4 часа езды от Нью-Йорка) причитается, это чтобы я поддерживал огонь в лампадах перед святыми иконами! И только! У него большая библиотека, есть рукописные старообрядческие книги, книги русских первопечатников, книги времен Михаила Федоровича, Алексея Михайловича¹. Словом, более 1000 редчайших книг. Чудная коллекция старообрядческих крестов. Несколько ульев с пчелами. Словом, все удобства: горячая вода и проч., и хороший дом, 8 комнат + студия. Вокруг соседи старoverы – милая, хорошая публика, старики говорят только по-русски, молодежь получила образование здесь, и многие окончили college'и. Вокруг фруктовые сады – главным образом, персики, чудные озеро, река, лес! И настоящий, не отравленный газOLIном воздух... 7 миль до и от Атлантического океана!

Если что-нибудь пожелаете черкнуть, то мой адрес будет: Nickolai V. Dimitrieff; c/o Pimen M. Sofronov; 2333 Newcombtown Road; Millville, New Jersey 08332. Вернуть обратно к 1 сентября.

Прилагаю Вам открытку, где художник Тарбеев² вдохновился образом Софронова, – и действительно, маленький, с лицом угодника, лысый, с длинной серой бородой, не от мира сего человек. Не рисуясь, не позируя и не думая, что о нем скажут другие, скромно делает свое дело: отдает свою жизнь почти 60 лет на служение Богу, украшая своей иконописью-молитвою храмы. Пробовал и я учиться у него. Я воображал, что можно писать иконы без «религиозной насыщенности», без Божественного света внутри, а только по указаниям и правилам школы живописи. Но, увы, ничего из этого не вышло. Пробовал я писать ангела-хранителя, и ангел-то у меня получился «грешный», по выражению Софронова. И ему, Софронову, пришлось «приложить руку», чтобы это был действительно ангел.

Другой ангел с лотосом (по индийской религиозной трактовке лотос – символ чистоты, несмотря на то, что растет он в илистом болотном озере). Так этот ангел прижался коленом и раздвигает нависшие ветки, чтобы дать свободу роста лотосу. Все хорошо, но

опять нет духовности, нет «ангельского» в моем ангеле! И придется вилять хвостиком и просить Пимена «одухотворить»!

Обнимаю, всегда Ваш

Николай Димитриев

¹ Царь Михаил Федорович правил в 1613–1645, Алексей Михайлович – в 1645–1676.

² Тарбеев Иван Максимович, художник, много путешествовал по Востоку (Туркестан, Персия, Афганистан, Индия); в эмиграции во Франции, США; см. о нем рассказ А.И.Куприна «Светоч царства» (1930).

16.

October 29, 1969

Спасибо за Ваше письмо, милая Соня.

Жаль, что ни Вы, ни я не списались «вовремя» с Charlie и Jackue <Jacques> Saloz, у них должны были бы быть фотографии, которые бы иллюстрировали Ваши мемуары... Мне больше нравился и «по духу» был ближе Charlie... Jackue же, несмотря на его внешность, хороший голос (баритон), был или должен был быть во вкусе женщин! Ну, да Бог с ними... Царство им небесное и пожелаем, чтобы их путь был бы не очень тернистым к новому перевоплощению. Пимен Максимович Софронов рискнул и посетил места «не для туристов» на Чудском озере, где он родился, где была его семья, братья и сестры (теперь уже умершие) и живут племянники и племянницы с их детьми. Видел он и любовь своих юных лет, – и знаете, – она была чудная девушка! Теперь вся в морщинках, сгорбленная старушка. Прямо плакать хотелось! Но материально всем живется много лучше, чем жилось прежде. И действительно, мы как-то в своих собственных глазах не изменяемся – остаемся как будто без особых перемен, но видим с болью это в других. Расскажу Вам или «иллюстрирую» свою мысль примером из моей жизни. Был я гимназистом 5-го класса. Познакомился я с девушкой, тоже гимназисткой – армяночкой... Держали ее строго! Встречались мы по субботам в церкви Успения на Могильцах в Мертвом переулке (это около Пречистенки). Приходила она туда с нянюшкой, и нянюшка делала «bonne mine»¹ на наше шушуканье! Поздно ночью она пробиралась в кабинет отца и оттуда звонила мне по телефону. Потом потеряли мы друг друга. И уже офицером, после большевицкого переворота, я ее встретил у Бурышкиных² в Москве (был я в это время влюблен в Анну Николаевну Бурышкину), а она была (эта армяночка) женою Федора Федоровича Комиссаржевского – известного режиссера и брата Веры Федоровны Комиссаржевской³. Дальше я ее встречаю в Нью-Йорке:

она – жена Никиты Балиева⁴. По смерти Балиева она выходит замуж за Сусанина⁵, актера Московского Художественного театра. Все время мы не теряли связи, она работает, преподает в большой театральной школе грим. Заведует балетной школой, где более 100 учеников. Повторяю, все эти годы мы встречались здесь. Лет 7–8 тому назад она упала и поломала себе ногу в тазобедренном суставе. Нога неудачно срослась! Снова ногу ломали. Снова срастили. И стала она передвигаться с костылем. Говорили мы иногда по телефону, и раз она мне сказала: «Я теперь инвалид, старуха... Я не хочу, чтобы люди, которые меня знали другой, теперь меня видели!» Sic! Еще была в Москве цыганка Настя Полякова⁶, она из семьи цыган Масальских. Сестры старшие ее: Домна – была замужем за лейб-гусаром (Вирижевым <?> – расшифровано предположительно. – *Публ.*), а другая – за уланом Ее Величества Мальцевым. Так вот эта самая Настя была в молодости, как сон, хороша, и чудный голос! Пела – душу наизнанку выворачивала! И нужно же, здесь, в Нью-Йорке, я помогал Сергею Юрьевичу Судейкину расписывать ресторан, и Настя Полякова там в ресторане пела. Узнала меня, обрадовалась... Через несколько лет у нее сделался рак лица и глаза. Я ее навещал в госпитале. И раз она мне говорит: «Милый, сделай все возможное, чтобы мой гроб был закрыт. Я не хочу, чтобы меня видели безобразной в гробу. Я хочу жить, жить в воспоминаниях людей такой, какой они меня знали прежде!».

Вот Вам иллюстрации из жизни и психологический подход к жизни и возрасту мужчины (Софронов) и двух женщин, причастных к искусству. На днях умерла здесь княгиня Белосельская-Белозерская⁷... Она американка, приняла православие – крестилась и стала из Флорисель – Светланой. Содержала она русскую гимназию Св. Сергия и широко помогала всяким русским организациям. Устроили ей царские похороны. Служба (обедня и отпевание были в сослужении 3 архиереев, 15 или 17 священников в митрах, 2-х протодьяконов) и церковь (собор) были переполнены... Жаль... Была милая, добрая, хорошая. Умерла еще молодой, ей не было и 50-ти. Рак, который перекинулся на легкие. Вот Вам невеселые рассказы, но из которых жизнь создается.

Обнимаю,

Ваш Николай Димитриев

¹ От faire bonne mine а қп. (*франц.*) – быть приветливой.

² Бурышкины: Павел Афанасьевич (1887–1953) – юрист, коммерсант, известный мемуарист, автор книги «Москва купеческая»; Анна Николаевна (урожд. Орчанова; ум. 1940), его жена, известная московская красавица.

³ Федор Федорович Коммиссаржевский (1882–1954) – режиссер; младший брат Веры Федоровны Коммиссаржевской (1864–1910). В эмиграции

в Париже, затем в течение семи лет первый режиссер-иностранец Шекспировского театра в Стратфорде-на-Эйвоне (Англия). С 1938 в США, основал театральную студию, преподавал в Йельском университете.

⁴ Никита Федорович Балиев (наст. имя и фам. Баян Мкртич Асвадурович; 1876 (по другим сведениям, 1877) – 1936) – актер, режиссер, конферансье. Основатель ночного кабаре артистов Художественного театра «Летучая мышь». С 1920 в эмиграции. Вместе со своим театром-кабаре много гастролировал в Европе и США. В 1934 театр закрылся. Последние годы жизни провел в США, весной 1936 работал в созданном им маленьком кабаре в подвале нью-йоркского отеля «Сен-Мориц»; в мае 1936 кабаре закрылось. Имя репутацию закоренелого холостяка.

⁵ Сусанин Николай Ильич – актер Московского Художественного театра, в эмиграции в США. Драматург в Голливуде, в 1929–1939 муж актрисы Ольги Баклановой.

⁶ Полякова Анастасия Алексеевна (1870-е – 1947) – исполнительница цыганских, городских, бытовых романсов. Родилась в семье таборных цыган. В 1920 эмигрировала. Выступала в составе цыганских хоров и соло в престижных парижских ресторанах, нередко участвовала в одних программах с А.Вертинским, Ю.Морфесси, Н.Плевицкой. Около 1933 эмигрировала в США.

⁷ Белосельская-Белозерская (урожд. Флоренс Крейн; Belosselsky-Belozersky) Светлана Ричардовна, княгиня (1909–1969). Американка по происхождению, родилась в Чикаго в семье крупного американского промышленника Ричарда Теллера Крейна. Почетный член-попечительница Зарубежного Союза инвалидов. Жена князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского (1895–1978) – полковника авиации армии США, председателя созданного им Российского комитета освобождения, организатора Славянского института для американцев, интересующихся историей и культурой России и славянства. О благотворительной деятельности этой семьи см.: Во имя России. Нью-Йорк, 1965.

17.

Четверг, 13 августа 1970

Милая Соня,

Сегодня получил Ваше милое ласковое как всегда, письмо! Спасибо за письмо и за сообщение, что книга «Русское искусство» едет к Пимену М. Софронову.

Я, когда был в Сводно-гвардейском отряде по охране Особ Императорской фамилии, 2 месяца был начальником охраны «Харакса» – имения¹, где была вдовствующая Императрица Мария Федоровна и Великая Княгиня Ольга Александровна с ее мужем Куликовским. Видел вдовствующую Императрицу почти каждый день. И всегда, всегда она была такой ласковой, приветливой, хотя никогда не улыбалась, но теплота, доброта какой-то аурой окружали ее. И это мое

преклонение перед маленькой, светящейся добротой – царицей – перешло в обожание, почти обоготворение. И я, как и Вы, прямо <впрямь?> не мог бы продать платочек, который был в руках царицы и потом перешел к ее дочери Ольге. Если будет Вам не трудно, милая Соня, срисуйте монограмму и корону над нею с этого платочка и вышлите мне. Это мне будет память. Кстати, Вы в Вашем письме упомянули жену Павло Старицкого, рожденную Малама². Фамилия Малама мне знакома. Штаб и офицерская квартира нашего отряда по охране Особ Императорской фамилии помещались в Корейзе на даче Малама³, и мы старались бережно оберегать имущество и вещи на этой даче, – отсюда мне знакома фамилия Малама.

Теперь относительно Светланы Аллилуевой. Я с Вами, моя дорогая Соня, не согласен: во-первых, дети не несут ни юридической, ни моральной ответственности за грехи и преступления их родителей! Также и родителей нельзя винить за то, что у них неудачники дети (тетя Казимира Ниора-Дембинская была почти святая женщина. А дети? Лучше не будем о них и вспоминать!), – брат Светланы был офицером, чуть ли не генералом Советской Армии, и ни на какие уговоры немцев не пошел; остался верным России до конца⁴! Sic!

Второе. Я больше виню Ленина и его жидовское окружение за все зверства, начиная с убийства царской семьи и т. д. Также виню либеральную интеллигенцию и дворянство за революцию. Тот же начальник Штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев – плакал и считал себя предателем Царя и Родины! Третье. Во время Гражданской войны – возьмем крымский период, был один сводно-гвардейский кавалерийский полк. Командовал им полковник Ковалинский⁵ (кажется, желтый кирасир?), и что же? Было в этом полку около 15 кадровых офицеров разных гвардейских «полков», а в эмиграции здесь в Америке только оказалось несколько сотен: кавалергарды, конный полк уланов, Ее Величества, Его Величества, лейб-драгуны, конно-гренадеры и т. д., и т. д., и никто из этих господ не принимал участия в Гражданской войне! Эта грязная, полная крови и лишений работа была не для их «белых ручек»! Дальше. Какой-то гипноз или пелена на глазах были вокруг и всюду!!!

Расскажу вам случай из нашей семейной хроники. Приехал я с Северного фронта, уволенный окружным солдатским комитетом в резерв чинов армии и флота за отказ принять присягу Временному правительству и его главе товарищу Керенскому⁶. Приезжаю к родителям на Пречистенку. Отец в кровати – болен (суставной ревматизм, артрит и начало всеобщего склероза). Приехала с юга (Ростова-на-Дону) старшая сестра отца Прасковья Сергеевна Ханжонкова, мать Александра Алексеевича Ханжонкова (Кико). Здесь же домашний доктор Василий Николаевич и еще кто-то. Моя родительница

встречает меня словами: «Радость, радость-то какая! Николашка от-рекса! Все будет по-новому! Праздничек! Светлое Христово Воскресе-ние», и т. д., и т. д.

Я сдержался и сказал только: «Не вижу, чему радоваться. Сруби-ли сук, на котором сидите. Летите в пропасть и радуетесь!», и так было во многих так называемых либеральных домах Москвы, и при таком «освещении» приход к власти большевиков был обеспечен. Дальше – рассуждения монархистов: даже так называемых курских зубров (Марков II, кн. Дондуков-Шификов, Свербеев, Сонцовы и другие) были: «Ну что же! Чем хуже, тем лучше! И на этом точка! И палец о палец не ударим, чтобы не было лучше или хуже!».

Но, очевидно, есть закон – и это выражено в заголовке «Воскресе-ния» Л.Н.Толстого: «Мне отомщение и я воздам!»

Целую, обнимаю

Ваш Н.Димитриев

¹ Имение Харакс принадлежало вел. кн. Георгию Михайловичу. Комплекс зданий имения (дворец, церковь, парк и др.) построен по проекту главного архитектора Ялты Николая Петровича Краснова (1864–1939). После Гражданской войны – дом отдыха для советских и партийных работников Украины.

² Старицкий Павел Александрович (1887–1985) – юрист; эмигрировал в 1920-е, жил в Болгарии, Франции, где работал шофером, стал председателем «Объединения русских шоферов» и создателем «Дома шофера» под Парижем, одновременно – товарищ председателя Союза бывших деятелей русского судебного ведомства. Его жена – Наталья Павловна (урожд. Малама).

³ Здесь жил последний по времени назначения почетный лейб-медик Российской империи (1915) Борис Захарьевич Малама (1878–1972), личный врач вел. кн. Николая Николаевича-младшего (см. также: *Малама В.В.* Род Малама. Родословная роспись. Семейный архив. Родословное дерево. Екатеринбург, 1912).

⁴ Старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили (1908–1943), попавший в плен 16 июля 1941 под Витебском, покончил жизнь самоубийством в концлагере Заксенхаузен.

⁵ Ковалинский Дмитрий Алексеевич (ум. 1920) – полковник, в мае 1919 командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с октября 1920 командир Гвардейского кавалерийского полка. Убит 19 октября 1920 у с. Рождественское.

⁶ Александр Федорович Керенский (1881–1970) возглавлял Временное правительство в июле–октябре 1917.

⁷ Неточно цитируется эпитафия к «Воскресению» Л.Н.Толстого: «Мне отомщение и аз воздам».

18.

7 ноября 1971

Милая и дорогая Соня!

Получил я Ваше письмо от 3.XI.71. Читал и перечитывал, и грустью наполнили Вы мое существо! «Нет сил, даже ходить стало трудно», – милая Соня, не складывайте оружия!!! Боритесь, жизнь даже и в нашем возрасте интересна! Мировые события и все, что делается в свете, чрезвычайно интересно, и мы, как «тотошники»¹ на скачках, с волнением следим, какая «лошадь» победит. Проявите больше интереса ко всему, Вас окружающему. Для поднятия сил (если смею советовать) рекомендую утром овсянку, немножко туда сливок (протеинов) и ложку меда – 3 раза в день по стакану комбинированной смеси:

1/2 стакана кислого молока (ягурт или что у Вас имеется в Бельгии)

1/2 стакана Vishi² и столовую ложку меда – можете добавить и 1/2 рюмочки коньяку.

Ешьте несколько ломтиков лимона с кожурой (под кожей находится вещество, служащее для питания мускулов сердца!).

Избегайте кофе. Чай не крепкий можно – лучше зеленый чай. Я Вам пишу то, что я на себе испытал, – и появилась энергия и желание что-то делать. Еще и еще повторяю – не складывайте оружия! Боритесь!!! Когда будет желание и будет настроение писать – пишите!

Целую, обнимаю

Всегда Ваш Николай Димитриев

¹ На профессиональном жаргоне – игроки на тотализаторе, делающие ставки на лошадей.

² Известная марка французской столовой воды.

D

Varia

«ПОЗВОЛЮ СЕБЕ ВКРАТЦЕ НАПИСАТЬ ТО, ЧТО Я ЗНАЮ О БАХМЕТЕВЕ И ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ...»

Письмо К.Е. фон Замена митрополиту Евлогию (Георгиевскому)*

Публикация и предисловие А.Л.Гуревича

Адресат публикуемого ниже письма не нуждается в особом представлении¹, а вот об авторе его необходимо сказать несколько слов. Конрад Евгеньевич фон Замен родился 12 октября 1874 в Пскове. Среднее образование получил в немецкой гимназии в Риге. В 1896 окончил с золотой медалью Императорский Александровский лицей в Санкт-Петербурге. Значительная часть дореволюционной жизни фон Замена была связана с российскими финансами. После окончания лицея он работал в Министерстве финансов. С 1913 служил вице-директором, а к 1917 – директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, в ведении которой находился и Государственный монетный двор.

В 1919 Замен выехал из России, исполняя обязанности Главноуполномоченного врангелевского правительства по финансово-экономическим делам за границей с местопребыванием в Англии². В этот период он являлся

* Автор выражает особую признательность д. и. н. О.В.Будницкому (ИРИ РАН), без советов и замечаний которого настоящая статья не могла бы быть написана.

¹ Митрополит Евлогий (Георгиевский; 1868–1946) с 1921 управлял русскими православными приходами в Западной Европе. С 1931 возглавил митрополию русских православных церквей в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Подробнее см. его воспоминания: *Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни*. Париж: YMCA-Press, 1947.

² См.: *Будницкий О.В. Дипломаты и деньги // Диаспора: Новые материалы*. Вып. 4. Париж; СПб., 2002. С.487. Деятельность К.Е. фон Замена в качестве финансиста подробно описана во второй части упомянутого выше исследования О.В.Будницкого, см.: Там же. Вып. 5. Париж; СПб., 2003. С.288-289, 291, 297, 305, 311, 315.

распорядителем значительных средств, вывезенных русскими эмигрантами из Российской империи.

Б.А.Бахметев характеризовал К. фон Замена как человека спокойного, обстоятельного и знающего технику банковского дела. Правда, со свойственной ему нередко безапелляционностью Бахметев тут же замечал, что «Замен не умеет вести практические дела», о чем ему известно еще со времени работы Замена управляющим Кредитной канцелярией, что он скверный коммерсант и что «многие частные интересы» им недовольны³.

24 января 1921 фон Замена уходит в отставку с поста Главноуполномоченного врангелевского правительства, передав дела своему заместителю В.И.Новицкому, и переходит на работу в только что созданный Лондонский для восточной торговли банк (London & Eastern Trade Bank / Eastbank)⁴ в качестве члена совета директоров.

Объясняя причины своей отставки, он писал С.А.Угету:

У меня осталось так мало возможностей полезно действовать, что я счел себя вправе <...> <принять> предложение вновь открытого в Лондоне банка, с русскими и английскими акционерами, вступить в состав управления банком. Название последнего – London & Eastern Trade Bank; учредители: английские участники фирмы F.Zerega, русские нефтяники и члены Совета Московского Купеческого Банка. Положение пока скромное. Банк не спешит, при настоящих условиях рынка, бросаться в дела и директорам будет платить весьма умеренно. Но я рад, что буду иметь нормальную работу и кусок хлеба, не участвуя в парижской неразберихе, от которой в конце концов можно дойти до истерического расстройтва.⁵

Действительно, средств в распоряжении фон Замена к моменту его отставки оказалось немного – 180 тыс. из 1700 тыс. фунтов стерлингов к началу врангелевского периода. Остальное было израсходовано на нужды армии⁶.

В 1924 фон Замена принимает участие во внутренних конфликтах London & Eastern Trade Bank, «ориентируясь» на одного из крупных акционеров банка Л.Ф.Давыдова, деятельность которого вызывала недовольство Б.А.Бахметева и С.А.Угета⁷. Постепенно значение К. фон Замена как финансиста сокращается⁸, и он все более активно начинает заниматься делами Право-

³ Там же. С.311.

⁴ Формально это был британский банк с русским капиталом. В основном капитале банка приняли участие Московский купеческий банк, позднее – Петроградский международный банк. Среди акционеров были некоторые другие финансовые структуры и отдельные лица, в том числе киевские банкиры, англичане и пр. Подробнее о деятельности банка см.: Там же. С.283-332.

⁵ К.Е.Замен – С.А.Угету, 15/28 января 1921; цит. по: Диаспора. Вып. 4. С.487.

⁶ Там же.

⁷ Об этом см. письмо М.В.Бернацкого С.А.Угету от 23 ноября 1924, опублик.: Диаспора. Вып. 5. С.315.

⁸ Это, в частности, подтверждает доверенное лицо Б.А.Бахметева в London & Eastern Trade Bank И.И.Сукин, бывший управляющий Министерства иностранных дел колчаковского правительства. Так, уже в начале июня 1922 он

славной церкви (ранее он принял православие с именем Кодрат, по другим сведениям – Кондрат).

До 1927 фон К. фон Замен находился в Лондоне, где активно участвовал в жизни Лондонского русского православного прихода. «Вчерашний день значительно изменил у нас положение, – отмечает он 16 февраля 1927 в письме митр. Евлогию из Лондона. – Еще неделю назад, когда я просил Преосв. Серафима⁹, в заседании Приходского Совета, о временном отказе его от настоятельства в нашем храме, всего один голос поддержал меня. Теперь же нас значительно больше, и на нашу сторону перешел Е.В.Саблин, ранее склонявшийся, как нам казалось, в сторону Архиепископа»¹⁰.

Из писем видно, что митр. Евлогий высоко оценивает вклад фон Замена в церковные дела, на что его корреспондент отвечает с присущей ему скромностью:

В Лондоне же я мог быть полезен только пока около храма было безлюдие. А потом, в 1922 г., когда в Приходской Совет вошли умные и энергичные люди, моя роль стала терять значение. Уже не нужен был человек, иногда подталкивающий и иногда сглаживающий шероховатости. Теперь в Лондоне, слава Богу, все идет гладко и ровно.¹¹

Около 1927 фон Замен переезжает в Вену и поступает на службу в Венский коммерческий банк. Вероятно, деятельность фон Замена на новом месте была не очень успешной, поскольку вскоре он переехал в Париж. С этого времени он занимается церковной работой и становится известной личностью на этом поприще. В течение 22 лет фон Замен состоял членом приходского совета Свято-Сергиевского подворья в Париже (в том числе с 1932 около 10 лет был старостой церкви Прп. Сергия Радонежского на подворье¹²), а также избирался членом ревизионного комитета Парижской митрополии¹³. К концу жизни фон Замен поселился в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, где также выполнял обязанности старосты домово́й церкви Свт. Николая Чудотворца при Русском доме (уже в юрисдикции Московского Патриархата). Кроме того он занимался переводом русских религиозных книг на иностранные языки, а также нес обязанности

писал С.А.Угету: «Замен сошел в тень и лишился всякого влияния...» (И.И.Сукин – С.А.Угету, 1 июня 1922; цит. по: Там же. С.305).

⁹ Архиепископ Серафим (Лукьянов; 1879–1959) – епископ Финляндский и Выборгский (1918), с 1920 – архиепископ. В 1926 переехал в Англию и был назначен настоятелем Лондонского прихода и викарием Западноевропейской епархии, управляемой митрополитом Евлогием (Георгиевским). В 1927 присоединился к зарубежному Архиерейскому Синоду в Сремских Карловцах и переехал в Париж. С 1927 по 1945 возглавлял Западноевропейскую епархию РПЦЗ с центром в Париже. В 1938 получил сан митрополита, в 1945 вошел в состав Московского Патриархата.

¹⁰ ГАРФ. Ф.Р-5919 (митр. Евлогия (Георгиевского)). Оп.1. Д.62. Письма Конрада фон Замена митр. Евлогию. Л.1.

¹¹ Там же. Л.5об.-6.

¹² См.: Церковный вестник Западноевропейской епархии (Париж). 1932. №5. С.4.

¹³ Там же. 1936. №8-9. С.16.

генерального секретаря-казначей Попечительства русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа. К.Е. фон Замен скончался 20 августа 1959 в Русском доме и был похоронен на этом кладбище¹⁴.

В фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) в архивном собрании митр. Евлогия (Георгиевского) отложились четыре письма К.Е. фон Замена. Судя по листу использования, эти документы ранее не вызывали особого интереса у исследователей, а публикуемое ниже письмо (наиболее содержательное) нам удалось обнаружить впервые.

Дат на письмах автор не проставлял, в описях ГАРФ они условно датируются 1927 годом, то есть временем острых внутрицерковных споров в русской эмиграции и разделения Русской православной церкви в зарубежье на отдельные юрисдикции. Эта датировка представляется нам верной. Можно было бы предположить, что публикуемое ниже письмо относится к 1922, когда Б.А.Бахметев после отставки в течение нескольких месяцев путешествовал по Европе и не оставлял надежд на возврат к активной политической деятельности. Однако упоминание фон Заменом конфликта в Лондонском приходе делает более вероятной дату 7 августа 1927. Место написания также говорит о том, что письмо, скорее всего, написано после указанного конфликта и переезда фон Замена в Вену.

Письма фон Замена были сохранены митр. Евлогием и в 1940 в составе единого фонда переданы им на постоянное хранение в Русский зарубежный исторический архив в Праге (РЗИА). Позднее, после окончания Второй мировой войны, этот фонд перешел на хранение в ГАРФ¹⁵.

В публикуемом письме (ГАРФ. Ф.Р-5919. Оп.1. Д.62. Л.6-9об.) опущены незначительные фрагменты, касающиеся личных отношений К. фон Замена и митр. Евлогия. Наряду со сведениями о Б.А.Бахметеве, письмо содержит также информацию о деятельности Американской епархии в конце 1910-х – первой половине 1920-х, представляющую интерес для историков Русской православной церкви в Америке. Надеемся, что впоследствии нам удастся написать об этом сложном периоде жизни американского православия более подробно.

Вена, 7 августа <1927>

Глубокопочтимый Владыко Архипастырь,

...Одним из главных вопросов, которых я хотел бы коснуться, были церковные дела в Америке. Я виделся и беседовал с Б.А.Бахметевым¹, очень желавшим встретиться и посоветоваться с Вами, Владыко. Тем временем Вы сами изволили ему написать, следовательно, Вы уже осведомлены.

¹⁴ См.: Хроника жизни Русской православной церкви в Западной Европе (Экзархат Московского Патриархата) (Париж). 1953. №14. С.11; 1958. №10. С.17, 18; 1959. №11. С.13-14.

¹⁵ Подробнее об этом фонде см. нашу статью: Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского) в ГАРФ. – http://zarubezhje.narod.ru/texts/evlogy_garf.htm.

Все же я позволю себе вкратце написать то, что я знаю о Бахметеве и Церкви в Америке. Вам приходилось, вероятно, слышать разные отзывы, и возможно, что в некоторых сказывалась известная партийность. Страсти горят и в Америке.

Не могу сказать, что я очень близко знаю Бахметева, но знаком с ним лет пять и многое знаю о нем через его сотрудников, бывших ранее моими сослуживцами. Наконец его единоутробный брат, С.А.Шателен², мой близкий друг.

Б.А.Бахметев происходит из доброй русской дворянской семьи и воспитан в уважении к Церкви. Семья была благочестивая.

Сам он дружил в молодости с левыми, но деятельность Посла в Америке и пережитые тяжелые годы научили его многому. Он бросил левизну, стал горячим патриотом-государственником и полюбил от души церковное дело.

В Америке ему пришлось, по необходимости, столкнуться с церковными делами. Как Вам известно, там Церковь находилась в ужасном материальном положении; многие храмы были заложены евреям³. Кроме того, были раздоры в среде православных приходов.

Как мне говорил мой бывший сослуживец Угет⁴ (преемник Бахметева), беда была в том, что Архиепископ Александр⁵, хороший человек и богомолец, совершенно не пригоден для управления имуществом. Он слушает всяких проходимцев и необычайно доверчив и легкомыслен. Угет говорил мне, что часто бывали такие разговоры: «Владыко, мы же только что с Вами распутали дело, что же Вы опять заложили имущество?» В ответ: «Да, да, вижу, напутал опять».

Бахметев считал, что надо одновременно достигнуть двух целей: 1) поддержать авторитет Архиепископа, пока не будет законно назначен на его место другой Архипастырь. Если не поддержать авторитет, то отпали бы не-русские прихожане, и 2) изъять имущество из единоличного распоряжения Арх^епископа Александра. Для этого он провел учреждение Хозяйственного Совета Православной Церкви в Америке, под покровительством Архиепископа, в составе 3 священников и 3 мирян. Совет признан американской властью как единственный законный распорядитель имущества («Trustee»). Совет от себя передает приходам все управление, кроме продажи и закладки недвижимости.

Наиболее деятельного из мирян я довольно хорошо знаю. Это Буймистров⁶, бывший секретарь принцессы Ольденбургской.

Митрополит Платон⁷ в начале, кажется, не особенно сочувствовал учреждению Совета, но потом примирился. Отношения между Митрополитом и Бахметевым теперь, по-видимому, самые лучшие. Перед отъездом Бахметева Митрополит благословил его иконой и устроил ему торжественное чествование в Соборе, называл «защитником Церкви в Америке».

Но хотя теперь, при помощи и на средства Бахметева, многое распутано и налажено, тем не менее еще много есть затруднений. Есть и недовольные, главным образом, карпато-россы. Они пишут доносы в Карловцы, и может быть, там бывает трудно судить, кто прав и кто нет⁸.

Особенно же много огорчения доставил приезд Епископа Антония⁹. Бахметев говорит о прямом соблазне.

Ввиду всех этих трудных дел Бахметеву было бы очень важно подробно переговорить с Вами, Владыко, и получить Ваш совет и указания, как ему поступать и как укрепить единство и авторитет церковной власти в Америке.

В заключение позвольте еще сказать следующие слова для личной характеристики Бориса Александровича Бахметева. Он очень умный, талантливый и энергичный человек. Ловкий политик, со всеми плюсами и минусами, отсюда вытекающими, но честный человек и патриот. Дело же Церкви он принимает необычайно горячо к сердцу, хотя и говорит, что никогда не считал себя церковным человеком.

Простите, Владыко, что написал Вам столько о Бахметеве и Америке, не зная даже, желаете ли Вы вообще, чтобы я касался этого дела. <...>

Горячо преданный слуга Ваш,

К.Замен

¹ Бахметев Борис Александрович (1880-1951) – российский посол в США. Оказывал существенную помощь русским эмигрантам в их устройстве в США. Основатель и первый руководитель Российского гуманитарного фонда в США (впоследствии Бахметевский гуманитарный фонд) и Бахметевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры, созданного при Колумбийском университете (США). Подробнее о нем см.: *Будницкий О. В.* Б.А.Бахметев – посол в США несуществующего правительства // Новая и новейшая история. 2000. №1. С.134-166.

² Шателен Сергей Андреевич – близкий родственник Б.А.Бахметева (возможно, сын Ольги Шателен, крестной матери Бахметева), заместитель министра финансов России в предреволюционный период.

³ Отчасти это соответствует действительности, но не вполне точно. Некоторые русские православные церкви в Америке (не все, но, к примеру, Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке) действительно были заложены. Среди кредиторов, вполне вероятно, были и финансисты еврейского происхождения – в частности, среди кредиторов Американской епархии в начале 1920-х упоминается, например, некий американский финансист Филипп Либерман. Однако имелось немало кредиторов и русского, и американского происхождения. Так, в 1921 в числе кредиторов были упомянуты, в частности, г-жа Ломакина, Фекла Гашиц, г-жа Туттль, Игнатий Даук, г-жа Лупи-

нович, Г.А.Извольский и др. (см.: ГАРФ. Ф.10003 (Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира). Оп.3. Документы посольства России в США. Карт. 133. Кат. 243). Вероятно, точнее было бы сказать, что некоторые церковные помещения и предметы церковного имущества были заложены тем лицам, которые давали под них кредиты, и среди таких лиц встречались финансисты еврейского происхождения.

⁴ Угет Сергей Антонович – видный российский финансист, в конце 1910-х – 1920-е поверенный в делах и финансовый атташе Российского посольства в США, ближайший сотрудник Б.А.Бахметева. После отставки Бахметева с поста посла исполнял в 1920-х – 1930-х обязанности поверенного в делах.

⁵ Архиепископ Александр (Немоловский; 1875–1960) – в 1909 был хиротонисан во епископа Аляскинского, первого викария Алеутской епархии, с 1918 епископ Алеутский и Североамериканский. В 1921 переехал в Константинополь, после 1928 – в Бельгию, где был назначен настоятелем Брюссельского прихода в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1959 возведен в сан митрополита.

⁶ Буймистров Владимир Владимирович – в 1920-е председатель Общества помощи Русской церкви в Америке. Некоторое время (в начале 1920-х) также исполнял обязанности председателя попечительского совета Североамериканской архиепископии Русской православной церкви.

⁷ Митрополит Платон (Рождественский; 1866–1934) – с 1907 по 1914 архиепископ Алеутский и Североамериканский. В эмиграции с 1920. В 1921 принял управление Североамериканской епархией. В 1922 на Всеамериканском Соборе в Питтсбурге был избран митрополитом Североамериканским и Аляскинским, главой Американской митрополии.

⁸ В отношении карпатороссов это утверждение не совсем точно. Архиепископ Адам (Филипповский) попытался создать из американских карпатороссов отдельную епархию под омофором Карловацкого Синода (РПЦЗ), но без особого успеха. До настоящего времени многие видные епископы, священники и богословы Православной церкви в Америке (Orthodox Church in America), являющейся прямой наследницей Американской архиепископии, носят западноукраинские фамилии. В качестве примера можно назвать бывшего предстоятеля этой Церкви митрополита Феодосия (Лазора), заведующих канцелярией протопресвитеров Даниила Губяка и Родиона Кондратика, ответственного секретаря по связям с общественностью протоиерея Григория Гавриляка и мн. др.

⁹ Епископ Антоний (Дашкевич) – настоятель православной церкви в Копенгагене, в 1921 хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. По поручению Карловацкого Синода занимался исследованием деятельности в Америке епископа Александра (Немоловского). Вскоре возвратился в Югославию.

Ринальдо Кюфферле
ПЕРСОНЫ И ПЕРСОНАЖИ
Очерки о русской эмиграции
Публикация, перевод и комментарии М.Г.Талалая

Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle) – сын обосновавшегося в России в конце XIX в. скульптора-веронца с немецкими корнями Пьетро Кюфферле (1871–1942) и литовки Анны Больдайтис.

Он родился в Петербурге 1 ноября 1903, и его детство проходило в трехязычной среде – итальянской, немецкой и русской. Гимназистом известной немецкой гимназии Анненшуле Ринальдо встретил революцию, и некоторые трагические воспоминания того периода легли в основу его мемуарных очерков «Cavallo cosacco» («Казачий конь», 1931).

Во время Гражданской войны семейство Кюфферле репатриировалось в Италию. Ринальдо, в совершенстве овладев итальянским языком, закончил филологическое отделение Миланского университета и остался жить в столице Ломбардии (в то время как его родители переехали в Тоскану, в Понтедере, где отец получил ряд крупных заказов).

В Италии литератор продолжал культивировать свою «русскость», поддерживая знакомства, в том числе и творческие, с русской эмиграцией. Основным его профессиональным занятием стали переводы классической литературы – Пушкина, Тургенева, Достоевского и др., а также переводы либретто опер для театра Ла Скала. Одновременно Кюфферле-переводчик знакомит итальянских читателей с писателями-эмигрантами – Алдановым, Зайцевым, Амфитеатовым, Тэффи, Мережковским, Буниным. Свой богатый русский потенциал литератор реализует в серии «Biblioteca russa» миланского издательства «La Voce». Вместе с тем он пробует свои силы и как очеркист, в течение многих лет сотрудничая с газетой «Corriere della sera», с альманахом «Nuova Antologia» и другими периодическими изданиями. Он также пишет стихи, а увлекшись учением Штейнера, становится в Италии пионером антропософии.

Его знание русской эмиграции нашло отражение не только в нескольких эссе, опубликованных в сборнике «*Personne e personaggi*» (1934)¹ и в периодике, но и в художественной прозе. Кюфферле – автор единственного в итальянской литературе романа о жизни беженцев: «*Ex Russi*» (1935).

Литератор скончался в Милане 20 февраля 1955².

Русскому читателю его творчество представляется впервые.

1.

Среди писателей русской эмиграции в Париже³

Поднимаясь в квартирку Ивана Бунина, слышу доносящиеся из недр дома русские фразы. Кто-то жарит лук. На ступеньках лестницы – гвардия бутылей, оставленных молочником. Подхожу к двери, у которой висит листок бумаги с надписью карандашом: «Дорогой Б. Играем в бридж у К. Иди скорей!». Останавливаюсь, чтобы переvestи дух, но кто-то, заслышав мои шаги, тут же отпирает дверь. Это – Борис Зайцев, переводчик Данте. Восклищая «*Viva l'Italia!*», он заключает меня в объятия. В конце коридора, в гостиной сидят Тэффи, Бунин и его молодой ученик Леонид Зуров⁴.

«Не раздевайтесь, – кричит мне Бунин. – Уходим *tout à l'heure*⁵».

В самом деле, уже поздно. Я не сразу нашел эту улочку, рю Жак Оффенбах⁶.

«Алданов, – сообщает Зайцев, – замещает в газете заболевшего друга и придет к нам сразу в “*Cloches de Moscou*”⁷».

Тэффи улыбается, копясь в сумочке: она хочет сначала прочесть одно курьезное письмо. Его автор – казак, ныне бруссельский таксист. Однажды он прислал ей малограмотный рассказ из своей жизни, и Тэффи его так и опубликовала, разъяснив читателям происхождение текста. Читатели ей как сатирику, конечно, не поверили,

¹ Обложка книги оформлена художником-эмигрантом Борисом Васильевичем Зуевым (1873, Новочеркасск – 1978, Милан), также обосновавшимся в Милане.

² Подробнее о его жизни и творчестве см.: *Скандура К. Ринальдо Кюфферле, поэт и переводчик // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции / Под ред. М.Г.Талалая. М., 2006. С.354-360.*

³ Опул.: *Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. 1936. P.325-332.*

⁴ Леонид Федорович Зуров (1902–1971), участник похода армии Юденича на Петроград; в 1929 по вызову Бунина приехал в Париж, став помощником писателя.

⁵ сразу (*франц.*).

⁶ Бунин жил по этому адресу вплоть до своей смерти в 1953.

⁷ «Московские колокола», известный русский ресторан в Париже.

но пришли в восторг от «придуманного» трагикомического персонажа. Таксист теперь выражал свою благодарность – в первую очередь, за присланный чек – такими словами: «То, что душе становится легче, я понял, когда доверил бумаге случай, который со мной произошел, но не верится до сих пор, что за это платят и что мой рассказ нравится!».

Молодой Зуров, который в пятнадцать лет пошел с винтовкой на невскую столицу, чтобы выбить оттуда красных, прищуривает свои зелено-голубые глаза: «Выстраданные вещи попадают прямо в сердце». Он сам написал роман «Древний путь»⁸, с трагическим сюжетом, пусть и написанным, в духе его учителя, сдержанным языком. В нем рассказывается о судьбах трех молодых солдат после распада царской армии. Первый пытается вернуться к буржуазной жизни, от которой осталось только название; второй возвращается в деревню, к мирному труду, но вынужден, мстя большевикам, вновь проливать кровь; третий, пьяница и воришка, использует войну и большевизм как удобный повод для своих авантюр; в итоге его, с карманами, полными патронов, поймали немецкие патрульные и повесили на дереве. «Древний путь»... Человечество как будто повернуло вспять, так называемые ценности ничего больше не значат, царствует жестокость и насилие, согласно первобытному *homo homini lupus <est>*⁹.

«Однако и выстраданное надо, как Данте, сдерживать искусством, – замечает Зайцев. – В противном случае и воспоминания наших генералов, и хроники советских газетчиков становятся литературой».

«Думайте о том, что, – роняет Бунин, цитируя Гёте, – но еще более о том, как!»

В разговор саркастично вступает Тэффи: «Теперь нет ничего святого. Люди предпочитают не хорошо написанные вещи, а анекдоты какого-нибудь врача или чтиво, что дают на океанских пароходах».

«Теперь как всегда, – завершает Зуров, понимая, что его начальная фраза была полуправдой. – Однако когда от современности даже и эха не останется, эти choses vues¹⁰, говоря словами Виктора Гюго, спустя двадцать или пятьдесят лет попадают в сердца именно благодаря “как”».

На улице Зуров прощается, и мы остаемся вчетвером. Садясь в такси, Бунин спрашивает у шофера: «Русский?». Тот утвердительно кивает. Мимо окон проносятся витрины магазинов, огни рекламы и

⁸ Роман печатался в «Современных записках» (1933. №51. С.142-177; №52. С.152-183) и затем вышел отдельным изданием (Париж: Современные записки, 1934).

⁹ Человек человеку волк (лат.).

¹⁰ Здесь: увиденное, испытанное (франц.).

фланирующая толпа, а Бунин рассказывает мне о проблемах русских шоферов в Париже. Французская демократия часто проявляет жесткость: малейшее нарушение правил, и *monsieur agent*¹¹ отнимает водительские права, а с ними – и право на работу. Иностранец без работы должен уехать из Франции. Куда? Если не знает, то ему грозят три месяца тюрьмы, по отбытию которых перед ним встает дилемма: или уехать, или снова три месяца заключения. А ведь у некоторых даже нет денег на поезд! Приходится снова садиться в кутузку.

«Сколько наших беженцев в Италии?» – спрашивает меня Бунин.

«Чуть более тысячи – в Риме, Неаполе, Флоренции, Милане и Сан-Ремо».

«А в Париже нас около двухсот тысяч. Есть целые русские кварталы».

«По этому поводу, – говорит Тэффи, – у нас есть анекдот. Один француз, житель Пасси, покончил самоубийством из-за тоски по родине».

Придя в «Cloches de Moscou», мы проходим среди столиков в дальний уголок, расположенный на небольшом возвышении. Клиенты и официанты радостно приветствуют любимых писателей. Кто не смеялся – сквозь слезы – над страницами «Книги Июнь» и «Городка» (о «русской столице» на Сене) Тэффи? Кто не возвышался духом при чтении «Афона» Зайцева? Кто не восторгался «Сверчком» Ивана Бунина?

Мы садимся за столик с блестящей от крахмала скатертью. На нем появляется водка и закуски: пирожки со сметаной, икра, осетрина, пражская селедка. После первых тостов Зайцев предлагает выпить за Италию, на которую несправедливо наложены санкции¹². Водка быстро заканчивается, и ее сменяет перцовка – адская настойка на перце. Тэффи, как и я, ее чуть пригубила, но Бунин и Зайцев пьют не моргнув и глазом. Между прочим, начинаю разоблачать абсурдные слухи о положении Италии во время экономической блокады. Миланские домохозяйки после событий, описанных Манцони¹³, не грабили булочные, а электричество в городе после девяти вечера вовсе не отключают.

«Это гадко, – подводит итог Бунин, – что на вашу страну возводят столько лжи!»

Я отказываюсь без сожаления от солянки – холодной соленой ухи, от которой хочется пить, и радуюсь приходу Алданова, в том

¹¹ господин инспектор (франц.).

¹² После нападения муссолиниевской Италии на Эфиопию в октябре 1935, Лига Наций наложила на страну экономические санкции.

¹³ В романе Алессандро Манцони «Обрученные» (1884) описывается хлебный бунт в Милане в 1630-х.

числе и потому, что это помогает скрыть мой невежливый отказ. Марк Алданов (Ландау) мне кажется не похожим на фотографии последних лет. Он отяжелел, и на дряблом лице появились следы усталости. Оглядываю остальных. Тэффи, с мягкими волосами цвета перламутра, с выстриженной челкой, не выглядит на свои годы. Бунин, бритый по-английски и безукоризненно одетый, тоже выглядит молодожаво. С непринужденностью джентльмена он сыплет отборной площадной бранью.

«С помощью этого словарного запаса, – завершает он, – я выиграл словесную дуэль с крестьянами, которые пришли ко мне в усадьбу убивать меня».

«Неплохо, – улыбается Тэффи, – и по части запретного лексикона вы подражатель Пушкина!»

У Зайцева, немного неуклюжего, похожего на доброго медведя, подрагивают от смеха плечи.

Во время беседы узнаю, что русских парижан не принимают во французских домах. Французы избегают общения с иностранцами – то ли из-за своей врожденной необщительности, то ли из-за крайнего наплыва эмигрантов: «белых» русских, немецких евреев, испанских монархистов, венгерских оппозиционеров и прочих. Кроме того, они боятся, что их отношения с «правыми», пусть и случайные, получат политическое толкование. Так например, когда Бенжамен Кремье¹⁴ в 1933 году выдвинул идею устроить писательский банкет по случаю присуждения Бунину Нобелевской премии, его никто не поддержал, и банкет не состоялся. А ведь премия была впервые присуждена представителю русской литературы (автору «Войны и мира» и «Анны Карениной» в свое время предпочли Сюлли-Прюдома¹⁵). Кроме того, выбор Шведской академии, павший на фигуру изгнанника, имел особое значение: ядро русских писателей-эмигрантов, следующих традиции, не прерывающейся от Пушкина, внесло большой интеллектуальный вклад в европейскую культуру. И если в изменившихся условиях произведения эмигрантов приобрели новые черты, то это их не обедняет и не лишает первоначальной силы. Напротив, слово этих обездоленных людей сегодня, в нынешний тяжкий момент истории, как никогда уместно.

Некоторые утверждают, что литература русской эмиграции умрет от «истощения»: когда у стариков иссякнет их автобиографический запас, никто из молодежи не встанет «на смену гвардии». Другие ее упрекают за капитуляцию перед современностью и перед ее нераз-

¹⁴ Бенжамен Кремье (Benjamin Crémieux; 1888–1944) – французский литератор, участник Сопротивления, погиб в Бухенвальде.

¹⁵ Сюлли-Прюдом (Sully-Prudhomme, наст. имя Рене Франсуа Арман Прюдом; 1839–1907) – французский поэт. В 1901 получил Нобелевскую премию.

решимыми проблемами – и за удобное бегство в историю (Алданов), в предысторию (Мережковский), в чистое искусство (Бунин), в невозвратимое, пусть и драматическое, прошлое (Шмелев). Но подобные спорные утверждения вызваны лишь поверхностным знакомством с положением вещей и исчезают при беспристрастном анализе.

Глубокие истоки «золотого века», не иссякая, питают литературную парижскую группу. Одно из направлений получило от Александра Амфитеатрова, друга и гостя Италии, название «неотургеневизм». Оно преобладает по двум причинам: первая, внешняя, вызвана поисками художественного переосмысления жизни, исходя из условий существования за рубежом, и, следовательно, через призму западной точки зрения; вторая, внутренняя, обусловлена необходимостью преодолеть хаос, страдания, пагубные страсти и пережитые ужасы. Другому, «достоиевизму», следует один лишь Иван Шмелев, который, не колеблясь, погружается в самые тонкие душевные сферы и смело, в духе Эдгара По, фантазирует: его «Это было»¹⁶ по своему горячечному кошмару не уступает «Системе доктора Гудрона»¹⁷. Его «Солнце мертвых»¹⁸, летопись Крыма, агонизирующего под ярмом большевиков, этот шедевр психологического и стилистического импрессионизма, стал неумолимым обвинением большевизму, что звучит сейчас и в Нюрнберге перед всей цивилизованной Европой¹⁹.

Беседуя со своими сотрапезниками в «Cloches de Moscou», я не мог не задуматься об их внутреннем мире – в надежде понять их более полно. Каждый из нас происходит из дальних миров и идет своей дорогой: не взаимная симпатия, не восхищение перед талантами, а глубокое понимание и признание высших интересов образуют между нами надежные преправы.

Тэффи принесла с собой по-пушкински легкий и всепрощающий юмор; ее грустная улыбка, полная светлого сочувствия, развязывает самые тугие узлы²⁰.

¹⁶ Книга Шмелева «Это было» (Берлин, 1923) вышла в переводе Кюфферле под названием «Cid che è stato» в 1945 в Милане (изд. Bompiani).

¹⁷ Имеется в виду рассказ Э.По «Система доктора Гудрона и профессора Плюма».

¹⁸ Сразу после эмиграции Шмелев начал публиковать главы «Солнца мертвых» в эмигрантской периодике (Звено. 1923. №10, 9 апреля; №18, 4 июня; №25, 23 июля; За свободу. 1923. №85, 18 апреля; №174, 5 августа; Окно. 1923. №2. С.23-91; №3. С.23-182). На следующий год вышло отдельное издание (Париж: Возрождение, 1924). Уже во второй половине 1920-х появились переводы на многие европейские языки.

¹⁹ В 1936 в Нюрнберге проходил конгресс, имевший антикоммунистическую (и антисемитскую) направленность.

²⁰ Кюфферле, который был главным редактором серии «Biblioteca russa» в миланском издательстве «Fratelli Boscа», в 1932 опубликовал «Авантюрный ро-

Алданов, изразлит, совсем иной. В тетралогии «Дьявол-мыслитель»²¹ (по одной из химер, сидящих у водостоков собора Нотр-Дам) его «персонаж-зритель» со зловещим именем Ламор²², также как и долгожитель Исабей из «Последней симфонии», воплощает скептицизм ветхозаветного Экклезиаста и пессимистическое восприятие мира самим литератором. Vanitas vanitatum²³ – вот тот темный вход, которым пользуется автор и его герои из «Девятого Термидора», «Чертова моста», «Заговора» (против Павла I) и «Св. Елены» (о физическом коллапсе Наполеона)²⁴.

Борис Зайцев не вполне правомочно назван критикой «деликатным акварелистом чеховской школы». Он, в отличие от Чехова, не стремится обличать мещанство и пошлость, хотя в плане формы также часто использует миниатюру. На помощь писателю, открытому для полной цветовой гаммы, приходит его православная вера, – он творит ясно и с помощью красок общается с Богом. Наряду с романами, его «Преподобный Сергей Радонежский» – впечатления от путешествий на Афон и на остров Валаам – ведет к духовным высотам среди перипетий быта²⁵.

У Ивана Бунина удачно перемешались приемы Пушкина и Толстого в создании насыщенного и одновременно прозрачного рисунка, в то время как от Тургенева он усвоил музыкальную изысканность слога²⁶. В своей повести «Воды многие»²⁷ он превзошел гончаровский дневник кругосветного плавания. Пантеизм его души кочевника выразился в «Сверчке», торжественном и поэтическом размышлении об ином мире, у Средиземноморья. Вершина сюжетного повествования, на мой взгляд, им достигнута в «Господине из Сан-

ман» («Un romanzo di avventure») Тэффи в переводе И.В.Амфитеатровой, жены А.В.Амфитеатрова.

²¹ Название русского оригинала – «Мыслитель».

²² La mort (франц.) – смерть.

²³ Суета сует (лат.).

²⁴ Кюфферле опубликовал почти все упоминаемые произведения Алданова в своих переводах, см.: Sant'Elena. Piccola isola. Milano: Casa editrice Bietti, 1930; 9 Thermidor. Romanzo storico della rivoluzione francese. Milano: Universum, 1933 (пер. Л.Рикотти, предисл. Р.Кюфферле); L'ultima sinfonia. Milano: Minerva, 1935.

²⁵ В переводах Кюфферле вышли следующие книги Зайцева: L'Athos. Milano: Bietti, 1933 (переизд.: Al monte Athos. Padova: Franco Muzzio, 1997); Casa di Passy. Milano: Martello, 1930; Ricamo d'oro. Milano: Corbaccio, 1930; La vendicatrice. Milano: Corbaccio, 1930.

²⁶ Книги Бунина, вышедшие в переводах Кюфферле: L'affare dell'alfiere Elaghin. Milano: Bietti, 1932 (переизд.: Palermo: Sellerio, 1992); La giovinezza di Arseniev. Milano: Bietti, 1933 (пер. В.Долгина, предисл. Р.Кюфферле); L'amore di Mitja e altre prose. Milano: Mondadori, 1934.

²⁷ Дневник путешествия Бунина в Египет и Цейлон в 1911 был опубликован в Париже в 1925–1926.

Франциско» с каприйским фоном. Если Вячеслав Иванов для того, чтобы стать русским, направился в сторону эллинизма, то Бунин с этой же целью проделал путь более длинный – от Синая до Цейлона, от Орла до Алжира.

Вспомнив Иванова, князя русского символизма, я захотел спросить о другом великом поэте «старой гвардии», Бальмонте. К сожалению, ни он, ни Куприн, автор «Гранатового браслета» и других стилистически непогрешимых рассказов (хотя он более известен своим разоблачением проституции, книгой «Яма»), оба теперь не принимают, по состоянию здоровья.

Возникшее было над нами легкое облачко грусти Зайцев предложил развеять походом в кафе «Naroli» и «Murat». В первом из них встречается поэтическая молодежь, которой верховодит Ладинский²⁸, прекрасно заявивший о себе в «Нероне и Целестии»²⁹ и в «Северном сердце»³⁰. В другом кафе за столиками собираются молодые прозаики.

Яновский, с дебютным «Колесом» и с тревожным «Миром»³¹, в прошлом году неожиданно написал шедевр. Врач и писатель, в повести «Любовь вторая» он вывел русскую женщину, которая после изнурительного поиска работы находит и вскоре теряет ее (в результате банкротства заводика, устроенного соотечественниками), проходит все ступени нищеты и ночует под мостами Сены с клошарами. Но, опускаясь на самое дно, среди страданий и унижений (изнасилованная матросом, она беременеет), она бессознательно обретает «другую любовь», христианское умение понимать и прощать. Поднявшись однажды на Нотр-Дам с ужасной мыслью не спускаться боль-

²⁸ Антонин Петрович Ладинский (1896, Общее Поле Псковской губ. – 1961, Москва) – поэт, прозаик, журналист, участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1920 в эмиграции в Египте, с 1924 в Париже, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925; с октября 1926 член правления), сотрудник редакции газеты «Последние новости», с 1944 член Союза русских патриотов, сотрудник редакции газеты «Советский патриот», в сентябре 1950 выслан из Франции, жил в Дрездене, в марте 1955 вернулся в СССР.

²⁹ Скорее всего, Кюфферле имеет в виду исторический роман Ладинского «XV легион» (Таллин: Русская книга, 1937), позже переиздававшийся под названием «В дни Каракаллы».

³⁰ Вторая книга стихов А.Ладинского «Северное сердце» (Берлин: Парабола, 1931) получила высокую оценку критики.

³¹ Яновский Василий Семенович (1906–1989) – врач, писатель, мемуарист. С 1922 в эмиграции в Польше, с 1926 – в Париже, член Союза молодых поэтов и писателей, участник объединения «Круг» (1935–1939), в конце 1930-х литературный обозреватель журнала «Иллюстрированная Россия»; с 1942 в США. Кюфферле упоминает его первые книги: «Колесо» (Париж; Берлин: Парабола, 1930), «Мир» (Берлин: Парабола, 1931), «Любовь вторая» (Париж: Изд. Объединения писателей, 1935).

ше вниз, она вдруг чувствует прилив вышних сил, которые вместо холодного ветра смерти дают ей тепло веры. С той поры она впадает в некое состояние опьяненного блаженства. Ее внутренний катарсис не предотвратил, однако, физической катастрофы. На последних двух страницах – рассказ врача, который осмеливается оспорить трагедию смерти, находясь перед умершими женщиной и ребенком. Книга в итоге излучает твердую и мужественную уверенность в вышнем оправдании любого креста, несомого людьми.

«Я знаю “Любовь вторую” Яновского, – говорю я Зайцеву, – а что касается вашего художественного наследия, то руки мои готовы для его принятия и бескомпромиссного служения».

Материальные затруднения не обескуражили молодых литераторов: они основали некий «издательский коллигиум»³², который поддерживает их на «трибуне». Увы, они почти покинуты публикой, – книги на русском языке, даже произведения писателей старшего поколения теперь покупаются крайне мало; издательства сидят на голодном пайке.

Зачем же проводят вечера за столиками кафе эти люди, днем чаще всего занимающиеся совсем не писательским трудом? Рядом с этими героями пера понимаю, что искусство – это в первую очередь не триумф, а необходимость и жертва. У посетителей обоих кафе – суровая литературная дисциплина. Никто из них не верит, что книги, выходящие в СССР, имеют какую-нибудь иную ценность, кроме документальной (за редчайшими исключениями).

Светлый луч – подобно разноцветной радуге, начинающейся от духовного завещания Пушкина, переметнулся через беспокойные небеса Европы и опустился на Париж. В честь отца национальной литературы представители самых разных направлений, интеллектуальных и политических, сплотились, чтобы отметить 100-летие со дня смерти поэта, 11 февраля 1937 года. Даже Серж Лифарь, танцовщик Оперы, участвует в этих чествованиях – публикацией тома писем поэта к возлюбленной³³. Две соперничающих газеты, «Возрождение» и милюковские «Последние новости», мирно сходятся на пушкинской почве.

³² 13 декабря 1934 при Объединении поэтов и писателей была организована издательская коллегия в лице Г.Газданова, Ю.Фельзена и В.Яновского. В 1935–1936 объединение устроило несколько выставок русских зарубежных изданий и выпустило ряд книг эмигрантских писателей младшего поколения, среди них «Письма о Лермонтове» Ю.Фельзена (1935), «Любовь вторая» В.Яновского (1935), «Роман с кокаином» М.Агеева (1936).

³³ Серж Лифарь в 1936 осуществил факсимильное издание писем Пушкина к Наталье Гончаровой, которые он приобрел в Париже на собственные средства.

Как будто вновь совершается чудо оливкового венка, возложенного в 1880 году Аксаковым, главой славянофилов, на Тургенева, главу западников, после памятной речи Достоевского³⁴.

Италия, волшебный край,
Страна высоких вдохновений!³⁵

После паузы, когда мы приступили к фруктам, Зайцев процитировал Пушкина, меланхолично отметив, что автор «Бориса <Годунова>» тщетно мечтал о путешествии в Италию.

«Должен сказать, что в этом мне повезло больше, чем Пушкину. Почти двадцать лет, до и после войны, Италия для меня была главной целью всех моих паломничеств. В Притыкине, в моем разграбленном доме, когда я заканчивал перевод в прозе дантова «Ада»³⁶, я чувствовал себя как бы опьяненным чашей этрусского вина. В Москве вместе с Павлом Муратовым в одну голодную зиму мы открыли «Studio italiano»³⁷: перед замерзавшей публикой мы рассказывали о

³⁴ 8 июня 1880 на втором заседании Общества любителей российской словесности, где присутствовал и Тургенев (он выступал накануне), Достоевский произнес свою знаменитую речь, после которой был увенчан огромным лавровым венком. Современник вспоминал: «Вы сказали речь, – обратился Аксаков к Достоевскому, – после которой И.С.Тургенев, представитель западников, и я, которого считают представителем славянофилов, одинаково должны выразить вам величайшее сочувствие и благодарность» (*Страхов Н.Н. Пушкинский праздник (Из «Воспоминаний о Ф.М.Достоевском») // Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников: Сб. В 2 т. М., 1964. Т.2. С.349*) Что до Аксакова, якобы возложившего венок на голову Тургенева, Кюфферле явно заблуждается. Ср. в воспоминаниях А.Ф.Кони, также участвовавшего в пушкинских торжествах июня 1880 в Москве: «...в зале Дворянского собрания был первый из трех устроенных в память Пушкина концертов. <...> в конце вечера, под звуки музыки все участники вышли на сцену с ним <Тургеневым> во главе, и он возложил на голову бюста лавровый венок, а Писемский затем, сняв этот венок, сделал вид, что кладет его на голову Тургенева, – весь зал огласился нескончаемыми рукоплесканиями и громкими криками «браво»» (*Кони А.Ф. Из воспоминаний: Тургенев. Достоевский. Некрасов. Апухтин. Писемский. Языков // Кони А.Ф. На жизненном пути. В 2 т. М., 1916. Т.2. С.98*).

³⁵ В оригинале приводится вольный перевод Кюфферле из стихотворения Пушкина «Кто знает край, где небо блещет...» (1828). У Пушкина: «...Волшебный край, волшебный край / Страна высоких вдохновений».

³⁶ Перевод дантовского «Ада» (начат в 1913), выполненный Зайцевым ритмической прозой, публиковался в 1928 парижской газетой «Возрождение» (третья и пятая песни), в 1931 в парижском сборнике «Числа» (восьмая песнь), в 1955 – в нью-йоркском журнале «Опыты» (введение и пятая песнь). Полностью опубл.: *Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад / Пер. Бориса Зайцева. Париж: YMCA-Press, 1961* (переиздан в Москве в 2001).

³⁷ Институт итальянской культуры «Lo studio italiano», открытый в феврале 1918, объединил москвичей-италофилов (П.П.Муратов, Б.К.Зайцев, Б.А.Грифцов, А.Г.Габричевский, С.В.Шервинский и др.; среди основателей был итальянец Одоардо Кампо). Прекратил существование в 1923. См. о нем: *Комо-*

Рафаэле и Микеланджело, читали и комментировали Петрарку. Это было противоядие окружающему мраку, бальзам для сердца от духовных даров вашей великой страны».

Когда Зайцев говорит, лицо Бунина освещает довольная улыбка. Мне вспоминаются его сицилийский цикл стихов, его каприйские прозаические сюжеты. Тэффи признается мне, что сейчас собирает средства, чтобы в сентябре поехать в Италию (сейчас, когда я пишу эти строки, она уже осуществила это приятное обещание).

«И Мережковский, которого я видел недавно, – говорю я сотрапезникам, – готовится к поездке в Верону, Равенну и Флоренцию, в надежде поработать над своей книгой о Данте»³⁸.

Алданов, к моему испугу, подняв рюмку перцовки, провозгласил тост за переводчика, благодаря которому имел счастье быть прочитанным в Италии. Губами, обожженными от перцовки, я бормочу слова благодарности и спрашиваю Алданова, смущенный, о соотношении его исторической тетралогии «Дьявол-мыслитель» с романами о современности «Ключ», «Бегство», – в них клубятся перевоплощения персонажей из «Дьявола». Хочу спросить его о теории «вечного возвращения», но не настаиваю из деликатности.

Тэффи собрала в одной книге, с названием «Ведьма», с дюжину фантастических рассказов, где пережитки славянской мифологии и суеверия о колдунях перемешались с современной жизнью. Это – книга о «древнем в новом». Зайцев написал автобиографическую прозу «Путешествие Глеба», после того, как в «Доме в Пасси» (1935)³⁹ он обрисовал жизнь русской эмиграции в Париже.

«Симптоматично, – замечает Зайцев, – что и мой Анатолий, и ваш Андрей из «Ех Russi»⁴⁰ имеют те же моральные изъяны. Значит, область наших наблюдений снабдила нас сложим материалом».

Очень любопытен роман-монолог Шмелева, с народным колоритом, «Няня из Москвы». От начала до конца повествование ведется от лица старушки; другие персонажи в книге ничего не говорят, а их речи угадываются в ответных репликах героини. В «Приглашении на казнь» Сирина-Набокова удивляет смещение автора «Защиты

лова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века. М., 2005. С.90-100 (гл. «“Студио Италияно” в Москве»).

³⁸ Летом 1936 Д.С.Мережковский приехал (вместе с З.Н.Гиппиус) в Италию по приглашению правительства и находился там до конца года, получая государственную субсидию для работы над книгой о Данте. В 1938 книга в переводе Кюфферле вышла в Болонье в изд. Zanichelli; см. Демидова О.Р. «Образы Италии» и зарубежная Россия // Русские в Италии. С.265-266; Додеро-Коста М.-Л. О книге Мережковского «Данте» // Д.С.Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С.82-88.

³⁹ Зайцев Б. Дом в Пасси: Роман. Берлин: Парабола, 1935.

⁴⁰ Своему роману о русских эмигрантах в Италии, написанному в 1935, Кюфферле дал программное название «Бывшие русские».

Лужина» и «Короля, дамы, валета» в сторону стилистической невразумительности. Если прежде некоторые его виртуозные построения могли вызывать восхищение – передача ощущения движения, например, – то теперь та же техника, примененная к области психологии, вызывает неприятное головокружение.

А что же готовит Нобелевский лауреат, кроме переиздания «Полного собрания сочинений»? В первую очередь, книгу о Льве Толстом, что, вслед за «Жизнью Тургенева», написанной Зайцевым (1932), призвана обновить репертуар критических биографий, того серьезного и взвешенного жанра, что пока теряется в море «балетризованных жизней». После «Юности Арсеньева» Бунин написал роман «Она»⁴¹, где в совершенной прозе отразил два важных этапа отрочества – первую любовь и первый зов искусства.

У дверей «Cloches de Moscou» Бунин говорит: «Публикую сейчас и мой одесский полемический дневник “Окаянные дни”. Европейской культуре нужен этот тревожный выкрик перед лицом коммунистического варварства. Вернувшись в Италию, расскажите, пожалуйста, о русской эмиграции, и что эти люди, видевшие над собой чудовище Апокалипсиса, желают Западу избежать катастрофы. Каким образом? Каждый должен работать для этого в меру своих сил. Что-то мы уже сделали. Были ли наши усилия напрасны – покажет время».

2.

Доктор с другой планеты⁴² <Паоло Трубецкой>

Сойдя с парома, пересекшего зелено-свинцовые воды Лаго-Маджоре, я увидел над одним прибрежным строением полинявшую вывеску: «Ресторан». Внутри чуланоподобного помещения, куда была втиснута газовая плита с печальным кофейником и кухонный столик, уставленный бутылками с разноцветными остатками, корзинкой со свежими хлебцами и овальным тазом, прикрытым наощенной бумагой («может, – подумалось мне – там ветчина!»), меня встретил официант с полотенцем, переброшенным через руку. Не размышляя долго, я заказал ему пару добрых бутербродов – ведь близился полдень, а мне предстояла туманная перспектива обеда у князя Трубецкого⁴³, известного вегетарианца.

⁴¹ В тексте указано название романа Бунина «Lei» <«Она»>; возможно, это рабочее название книги «Митина любовь», также переведенной Кюфферле.

⁴² Опул.: A colloquio con Troubetzkoy [Беседа с Трубецким] // Corriere della Sera. 1932. 10 nov.; перепеч.: Il dottore di un altro pianeta // Persone e personaggi. Milano: La Prora, 1934. P.199-209.

⁴³ Паоло (Павел Петрович) Трубецкой (1866, Интра – 1938, Суна), князь – итало-русский скульптор, художник. Помимо обширной отечественной литера-

Погода стояла неопределенная. Потихоньку из самых низких туч начал струиться дождь, в то время как другие участки побережья заливал ясный, пусть и холодный солнечный свет.

Облачившись в плащ и надвинув пониже шляпу, вступаю на мост, откуда рукой подать до Палланцы⁴⁴ с ее военным мавзолеем, где лежит священный прах солдат, навсегда причаливших к родным берегам, и с мысом Кабьянка⁴⁵, составлявшим мою цель.

У меня еще оставалось время (встреча с Трубецким была назначена на час), а придти раньше – так же неучтиво, как и опаздывать. Пользуясь паузой в дожде, иду в сад Сан-Ремиджо⁴⁶.

Костлявый сторож, с крюкастыми руками и черным торбаном на голове, не отказавшись от дани, послал меня в сторону обязательной главной аллеи. Фонтанчики, розарии, балюстрады, беседующие ста-

туры см. о нем иностранную библиографию: *Pica V. Artisti contemporanei: Paolo Troubetzkoy // Emporiim. 1900. Vol. XII (luglio); Jarvis W. Paul Troubetzkoy sculptor // Scribner's Magazine. 1902. Vol. XXXI, 2 (feb.); Klingsor T. L'Art russe. Le prince Troubetzkoy V // Revue de l'art ancienne et moderne. 1902. Vol. XI; Borgmeyer C.L. Prince Paul Troubetzkoy // Fine Arts. 1911. Vol. 1 (july); Angeli D. La mostra di Paolo Troubetzkoy all'espansionismo di Roma // L'illustrazione italiana. 1913. I semestre; Giolli R. Paul Troubetzkoy. Milano, 1913; Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der bildenden Kunstler. T.XXXIII. Leipzig, 1939; Griani J.S. Le sculpteur Troubetzkoy, parisien d'election // Gazette des Beaux-Arts. 1985. №1396-97; Poli G. de Il periodo sapigliato del principe Troubetzkoy // Verbanus (Pallanza). 1988. №9; Paolo Troubetzkoy, 1866–1938 / A cura di G.Piantoni e P.Venturosi. Venaria, 1990; см. также некрологи в эмигрантской прессе: Возрождение. 1938. №4119, 18 февраля; Сегодня. 1938. №45, 14 февраля; Харбинское время. 1938. №67, 13 марта (автор Вас. Логинов). Наиболее полные воспоминания о П.Трубецком оставил его младший брат Луиджи (1867–1959), впоследствии они были опубликованы, см.: Verbanus. 1982. №3; 1985. №5. Наш перевод этих воспоминаний (с сокращениями) на русский язык готовится к печати в сб. «Невский архив» (СПб.). О судьбе Трубецкого после революции см: *Сосницкая М.С. Скульптор Паоло Трубецкой: Последние 20 лет жизни // Русские в Италии. С.514-526.**

⁴⁴ Pallanza – поселение на западном берегу Лаго-Маджоре. Вместе с соседними поселками Интра, Суна и несколькими другими селениями слилось в одно урбанистическое и муниципальное образование с названием Вербания; административно эти земли входят в состав региона Пьемонт, хотя в культурном и историческом плане всегда тяготели более к Ломбардии и к Милану.

⁴⁵ Ca' Bianca, иначе Sabianca (Белый дом), вилла в местечке Суна на берегу Лаго-Маджоре, купленная П.Трубецким в 1912; здесь он провел последние годы жизни. По завещанию скульптора в 1938 вилла перешла к его брату Луиджи. Большая часть коллекции П.Трубецкого, хранившаяся на вилле, погибла в результате поджога, устроенного фашистами в марте 1945 с карательными целями.

⁴⁶ Villa San Remigio – усадебно-парковый комплекс в Палланце, основанный британским дипломатом Питером Брауном и капитально расширенный его внуками маркизом Сильвио Делла Валле ди Казанова и Софией Браун (будучи кузенами, они стали и супругами); с 1977 – собственность региона Пьемонт.

туи в нишах, ковры лишайника, выстроенные перспективой проходы – и над всем этим влажная тишина. «Вот, – подумалось, – время больше не идет». Неумолимые часы показали, однако, что уже без десяти час, и я заспешил к боковому выходу. Оказалось, что сад Сан-Ремиджо имеет скромный сельский задник. Нанимаю такси и еду в Кабьянка.

На нижнем этаже, в необыкновенно просторном салоне, меня встретил, потирая руки, скульптор. Он только что вернулся из собственной купальни под открытым небом.

На лице, изрезанном морщинами, выражение сердечности, смеются голубоватые глаза. Его внушительная фигура легко движется среди многочисленных реликвий. На сияющем черном рояле выстроился целый отряд фотографий с дарственными надписями: Толстой, Роден, Горький, Шалапин, Мэри Пикфорд – личности на любой вкус. На главном месте – превосходный портрет Дуче с лапидарной хвалой в адрес «непревзойденного импрессиониста». У стен – полки с книгами, подаренными их авторами – Толстым, Шоу, Стриндбергом, Д'Аннунцио.

– У вас, князь, превосходная библиотека!

– При этом я в жизни не прочел ни одной строчки! – смеется Трубецкой. – Когда я первый раз лепил Толстого, сознался в этом его дочери Татьяне. И знаете, что мне сказал автор «Войны и мира»? – «Наконец-то мне удалось познакомиться с человеком, у которого есть собственные идеи!» Правда, и ему захотелось, чтобы я стал читать, и он подарил мне брошюру «Царство Божие внутри вас», сказав: «Мне любопытно узнать мнение человека, абсолютно девственного в смысле литературы, об этих моих теориях». Я же отдал брошюру матери, с просьбой пересказать мне содержание. Набравшись духом, возвращаюсь в Ясную Поляну. «Прочитали?» – «Конечно!» – «Понравилось?» – «Вы, граф, – самый оригинальный мыслитель в России!» Однако он принялся расспрашивать меня о подробностях, и пришлось сознаться, что брошюра прочитана, это так, но – не мною⁴⁷. Впрочем, иногда я почитываю, – смягчил свой рассказ мой

⁴⁷ Трубецкой познакомился с Толстым в 1899 в Москве, когда работал над бюстом писателя, а также изготовил первую из своих известных фигур, изображающих писателя верхом на коне. По свидетельствам современников, Толстой благоволил к молодому скульптору за «его простую открытую душу, правдивость, ненависть к светским условностям, любовь к животным, вегетарианство» (см.: *Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. Л., 1969*). Анекдот о непрочитанной книге стал широко известен, и согласно одной из версий, скульптор просто оставил в прихожей подаренную ему книгу. Два скульптурных портрета Толстого, выполненных Трубецким, хранятся в Государственном Русском музее, один – в парижском Музее Орсе, а подготовительные модели – в Музее пейзажа Палланцы.

экстравагантный собеседник, заметив, вероятно, плохо скрытую кислую мину на моем лице. – Каждое утро я просматриваю газетную хронику об автодорожных катастрофах с мудрой целью сдерживать скорость моего авто. Но потом мчусь все равно! Демон скорости неукротим!

За столом, понятно, речь зашла о вегетарианстве. Трубецкой с ходу заявляет мне, что из одной утренней яичницы могло бы вырасти четыре-пять веселых цыплят.

– Дорогой князь, – вкрадчиво начинаю я, – в одном, не помню уж каком, европейском музее мне довелось увидеть поучительную китайскую вышивку. Очень хорошо, кстати, сделанную. Так вот, на ней был вышит длинный фриз из рыб – начиная с самых ужасных и больших, которые глотали собратьев поменьше, а те, в свою очередь, глотали еще меньших...

– При чем тут Ваша китайская вышивка? – нетерпеливо оборвал меня князь. – Рыбы – это особая категория. А вот человек, лошадь, бык, ягненок – все они травоядные. Если бы вы, например, в состоянии крайнего голода, пролезли на ферму, где под фруктовым деревом пасется на привязи теленок, что б вы сделали? Пошли бы за ножом, чтобы зарезать невинное животное, или сорвали бы фрукт?

– Сорвал бы фрукт... Но не отказался бы, если б кто-нибудь предложил мне порцию жаркого.

– Вот она, главная ересь человечества: «Я не преступник, потому что преступления ради меня делает иной!»

– Простите, князь, но разве не доказано, что умственная работа, самая тяжелая из работ, нуждается в соответственной пищевой компенсации?

– Именно, что доказано! И именно поэтому Ньютон, Толстой, Платон, Леонардо да Винчи и другие светлые умы человечества питались только овощами и фруктами. Да и Шоу тоже! Вегетарианство для меня – главная цель в жизни. Я и в скульптуре дважды пытался его пропагандировать, изваяв раз ягненка с потупленным взором, а потом – человека за едой, у ног которого примостилась гиена. Но пластика все выразить не может, и поэтому я сочинил комедию с названием «Доктор с другой планеты»⁴⁸.

Не переставая жевать салат, Трубецкой принялся декламировать мне на память целые куски из своего театрального шедевра, отвергнутого всеми труппами из-за технических трудностей: требовалось представить на сцене нудизм и вегетарианство, которые по мере развития сюжета претворялись в рай земной.

⁴⁸ Пьеса Трубецкого «Il dottore di un altro pianeta. Azione scenica in tre atti» («Доктор с другой планеты. Сценическое действие в трех актах») опубли.: Verbanus. 1988. №9. P.21-30.

Наша беседа обратилась к тайнам космоса и жизни, – князь Трубецкой встречает их и в мерцании звезд, и внутри себя, и в ничемной травинке.

– Иногда, – признается он мне, – когда леплю модель, у меня возникают музыкальные идеи. Тогда ухожу из студии и импровизирую на рояле песни – о неземном, о великом Всём.

– Князь, вы также и музыкант?

– Давным-давно Умберто Джордано⁴⁹ обучил меня азам композиции – в обмен на несколько уроков живописи. Бах и Бетховен всегда мне были дороги. Потом, конечно, Палестрина, Фрескобальди, Чимароза, Лулли. Из современников предпочитаю Перози⁵⁰. Недавно я решился, – Трубецкой, вдыхая запах фруктового салата, недоверчиво уставился на меня голубоватыми глазами, – обнародовать свои песни.

– Где? Когда?

– Скоро! Здесь, в Италии.

– И слова в песнях тоже ваши? – я боюсь обнаружить, что неомузыкант стал еще и поэтом.

– Нет, к сожалению, не мои... Я написал было слова, но служанка затеряла.

– *Lieder ohne Worte*⁵¹, значит?

– Что-то вроде.

Беседа, Трубецкой не переставал раскатывать мякиш хлеба между большим и указательным пальцем. Обыденный жест моего отца, тоже скульптора⁵². Хлебный мякиш, наконец, расплавлен на столе, и я следую за маэстро в его студию. По дороге расспрашиваю Трубецкого о скульптуре, но он уклоняется от ответов.

– Все, что я хотел сказать, уже выражено в моих произведениях. Созерцая их, вы поймете, что моя главная задача вложить жизнь – точнее, кусочек жизни, что трепещет во всей вселенной, – в мой материал.

– И как искусно! – пытаюсь я продолжать тему.

– Однако оставим скульптуру говорить за себя! Предпочитаю вернуться к вегетарианству.

– Князь! – начинаю спрашивать я, но он внезапно останавливается:

⁴⁹ Umberto Giordano (1867–1948) – композитор, автор популярных на рубеже XIX–XX вв. опер.

⁵⁰ Lorenzo Perosi (1872–1956) – ватиканский капельмейстер.

⁵¹ романс без слов (нем.).

⁵² Скульптор Пьетро Кюфферле (1871–1942) на рубеже XIX–XX вв. работал в Петербурге. Автор ряда надгробных памятников, среди которых наиболее известно надгробие генеральши А.А.Вершининой на петербургском Новодевичьем кладбище.

– Знаете, как представил меня публике ректор филладельфийского университета, после моих настойчивых просьб? «Говорящее животное!» Вот именно так! Я – адвокат животных, я их брат. И в Филадельфии я говорил не об искусстве, а о вегетарианстве. Я даже взял с собой двух лаек, хотя сначала профессора и слышать про них не хотели: со времен основания университета в Пенсильвании собаки в него не входили. Я же привел в актовыв зал два хороших сибирских экемпляра⁵³.

Зайдя в студию, молчу. Мои глаза с удовольствием изучают подготавливаемые модели известных статуй и новые работы.

– Если не ошибаюсь, ваш отец преподавал ваение в царском Пажеском корпусе?

– Да. А вы, князь, преподавали в московском Художественном училище?

– Ничего особенного я там не сделал. У меня было шестьдесят учеников, конечно, не все гении. Я пошел на это, дабы избавить их от кошмара – от профессора, который бы их заставил копировать слепки. Греки уже все сказали, нет смысла их копировать! Но я и не хотел, чтобы они подражали мне. Кроме того, таланту не учат, или у вас он есть, или меняйте ремесло. В своей вводной лекции я разъяснил все это своим шестидесяти ученикам и уехал в Италию, чтобы не подвергать своему влиянию. В конце курса у меня остались два ученика, но это были гении.

Слушая Трубецкого, я разглядывал необыкновенно живые портреты выдающихся людей, затем остановился у энергичного и открытого лица «блондина-полководца»⁵⁴.

– Я изваял его 27 лет от роду для конкурса на памятник Гарибальди. Однажды в мою неаполитанскую студию зашел элегантный юноша с моноклем. Затем в «Mattino» появилась похвальная статья, с подписью молодого энтузиаста – Габриэле Д'Аннунцио⁵⁵.

⁵³ О выступлении Паоло в университете Филадельфии сообщает и Луиджи Трубецкой: «В день конференции огромная толпа брала штурмом вход в университет: бесконечная вереница машин подвозила самую избранную публику. Собрался весь интеллектуальный цвет Филадельфии. Паоло не подготовил заранее никакой речи, но ничуть не волновался, потому что знал, что говорить. Кратко представив себя, он стал восхищаться красотой природы, жизнью и пластикой живых существ, людей и животных. <...> Именно это восхищение и уважение к жизни сделали его вегетарианцем, не принимающим участия в уничтожении невинных созданий. И тут он отставил тему искусства и всю конференцию проговорил о пользе вегетарианства. Конференция закончилась всеобщими аплодисментами».

⁵⁴ «Biondo condottiero» – одно из прозвищ Джузеппе Гарибальди.

⁵⁵ Статья вышла в газете «Mattino» 12 июля 1892; об отношениях П.Трубецкого и Д'Аннунцио см.: *Griani J. Storia di un'amicizia: d'Annunzio e Troubetzkoy // Nuovi quaderni del Vittoriale. 1995. №2.*

Любезный хозяин предлагает доставить меня в Палланцу – «с быстротой молнии». Перед отъездом мы стоим над озером, гладь которого вздрагивает от взрывов в карьерах Бавено.

- Князь, где вы обычно живете?
- Да везде, я космополит.
- А сюда часто приезжаете?
- Конечно, я ведь родом из Интры⁵⁶.

3.
Дары милости⁵⁷
<Вяч. Иванов>

В поезде на Павию беседую с моим приятелем-философом, которого принимаюсь упрекать за то, что он «спрятал в стол» свое оригинальное исследование о Владимире Соловьеве.

– И Вячеслав Иванов призывает меня к публикации, – назвав имя поэта, приятель склоняет голову в знак почтения.

Это имя действительно способно создать безмолвную атмосферу звездного мерцания. В старые добрые времена, когда ответственные за жизнь души преступно уснули, в России засверкала, подобно небесным телам, плеяда последних поэтов и мыслителей. Вячеслав Иванов был одним из тех звездных кормчих. В историю интеллигенции вошли «среды» Ивановых (покойная Лидия Зиновьева-Аннибал оставила свой сверкающий путь на небесах поэзии и мысли), что проходили на шестом этаже «башни» на Таврической улице в Петербурге.

Бердяев рассказывает, что их квартира превратилась в первостепенную культурную лабораторию, где вырабатывались идеи и литература. Иванов вдохновил и новое религиозное движение, дышавшее чистым эфиром, – при этом в его энергичном начинании не было ничего сектантского. В «средах» участвовали и чуждые по *forma mentis*⁵⁸ люди: позитивистски настроенные любители поэзии, марксисты с литературными пристрастиями. Бердяев вспоминает, напри-

⁵⁶ Луиджи Трубецкой о рождении брата сообщает следующее: «Отец <князь Петр Петрович> решил обосноваться в этом красивом краю и зажечь спокойной жизнью. Seriously увлекаясь ботаникой, он искал место с разнообразной флорой. С этой целью он выбрал окрестности Вербани, в один прекрасный день прибыл в Интру, где снял домик, бывшую литейную мастерскую братьев Терцаго, расположенную в квартале Саксония, у запруды Сан-Бернардино. В этом домике, прозванном “Тростниковым” <Casa Canpa>, 15 февраля 1866 г. и родился мой брат Паоло».

⁵⁷ Опубл.: I doni della grazie // Personc e personaggi. P.211-220.

⁵⁸ образу мышления (*лат.*).

мер, беседу об Эросе – одну из центральных тем проходивших «сред». Кроме Иванова, о Любви тогда говорили Андрей Белый, известный эллинист Зелинский и Луначарский, увидевший в современном пролетариате реинкарнацию античного Эроса, а также один материалист, не допускавший ничего лишнего за пределами физиологии. Однако преобладали на «башне» символисты и религиозные мыслители. Из самых видных участников «сред», помимо упомянутых, назову Котляревского, Мейерхольда, Блока, Бакста, Сомова, Нувеля, Ремизова, Кузмина. Не обходилось без участия Дмитрия Мережковского и его жены Зинаиды Гиппиус и многих иных. Говоря о науке с ученым, о живописи с художником, о музыке с музыкантом, о театре с актером, о социальных проблемах с политическим деятелем, Иванов не только постигал умонастроения этих людей, но и умело вводил собеседника в свою собственную мистическую ауру. В общем, он стремился создать у себя дома нечто вроде платоновского симпозиона⁵⁹.

После смерти жены⁶⁰, признанной вдохновительницей собраний, «среды» прекратились. Опустела «башня», светившая подобно маяку в те три судьбоносных года России – годы Русско-японской войны и кровавого народного бунта. У зарубежной славы Иванова – о, фатальная судьба поэтов, пьющих нектар из золоченых чаш, – крылья подрезаны, хотя его престиж эрудированного филолога и тонкого мыслителя не остался невостребованным в сокровищнице итальянской литературы.

Толкователь «Vita Nuova» Данте и сонетов Петрарки, Пиндара, Вакхилида, почти всего Эсхила, а также Новалиса и Байрона, автор глубокой монографии «Дионис и прадионисийство», нового критического подхода к Достоевскому как к трагику, мифотворцу и мистику, создатель трагедий «Тантал» и «Прометей» (современных по содержанию, но строго классических), Иванов выразил в своем творчестве этапы собственного духовного восхождения: от Диониса, Гераклита и Ницше – к новым вершинам, достигнутым под благословенным итальянским небом, к католической вере и еще неизданным римским сонетам.

В дороге приятель-философ учит меня азам православия и, используя ряд исторических экскурсов, интерпретирует новое кредо Иванова.

⁵⁹ Автор пересказывает статью Н.Бердяева «Ивановские среды» (см. в кн.: *Иванова Л.В. Воспоминания: Книга об отце / Подг. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. С.319-323: впервые: Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т.3. Кн.8. М.: Мир, [1917]. С.97-100.*

⁶⁰ В 1907.

– От него мы все и узнаем, – завершаю я дорожную беседу нетерпеливым жестом, открывая дверь купе.

Мы идем по залитым солнцем узким улочкам Павии, как будто пробитым сквозь застывшую лаву. Из высокого атриума колледжа Борромео в лицо ударил приятный порыв свежести. Над портиком тяжело нависло опаловое летнее небо, ограниченное квадратом двора. Просим привратника доложить «профессору». Вскоре в глубине темного вестибюля открывается дверь.

– Добро пожаловать! – приветствует Иванов⁶¹.

Сначала не замечаю ни простора огромной сводчатой комнаты с суровыми стенами, как в монашеской келье, ни синеватой дымки, парящей в воздухе. Передо мной – лицо с выражением сердечным и, если можно так сказать, недоступным. Два ясных зрачка за стеклами очков в золоченой оправе иногда неожиданно всплескивают, как блики солнца на водной глади. Превосходно очерченный рот с задумчивыми складками в углах, розоватый лоб с бровями медного цвета, слегка вьющаяся мягкая шевелюра, похожая на берет или на нимб.

Обменявшись с нами первыми фразами, Иванов показывает свою единственную комнату: этажерки с книгами и на полу – ящик с кипой листов, исписанных, с многочисленными зачеркиваниями. Это его долгожданная поэма о Человеке⁶².

– А это портрет моей дочери, – Иванов снимает его с письменного стола. – Лидия сочиняет музыку. Училась в Риме у Респиги. Пишет сейчас симфонию «Primavera danzata»⁶³. Это не танец весны. Она сделала, например, «La danza dell'Orsa Maggiore»⁶⁴. Но это – другое.

Завершив показ, поэт предлагает пройти в Зал диспутов:

– Пойдемте, пойдемте! Я вам покажу фрески.

Меня трогает усердие, с которым он старается показать нам с лучшей стороны здание, которое любит и которое стало его тихой гаванью.

– Студенты сейчас на каникулах, – сообщает Иванов прерывающимся от подъема по лестнице голосом. Старинные ключи позвяки-

⁶¹ Иванов преподавал в колледже Борромео в Павии с осени 1926 по весну 1934; подробнее об этом см.: *Иванова Л.В.* Воспоминания. С.163-194 (гл. II «Павия»).

⁶² Поэма «Человек» в переводе Кюфферле издана в 1946 в миланском издательстве «La Voce». Об этой работе см.: *Malcovati F.* La traduzione italiana de L'Uomo di Viaceslav Ivanov // Dalla forma allo spirito. Studi in onore di Nina Kautchischvili / A cura di R.Casari, U.Persi, G.P.Piretto. Milano: Guerini, 1989. P.109-126.

⁶³ В дословном переводе – «Станцованная весна» (*итал.*).

⁶⁴ «Танец Большой Медведицы» (*итал.*).

вают у него в руке, когда он демонстрирует нам ложную перспективу на плафоне, теперь с небом легким и прозрачным.

Он открывает в Зале дебатов окна, обращенные к зеленой долине и к лениво текущему Тичино.

– Подождите, – говорит, – идите сюда, в угол. Не похоже ли это на вход в Сикстинскую капеллу?

Услышав это, я решил, что наступил, возможно, единственный удобный случай спросить его о внутренних побуждениях, приведших к католической вере. Вопрос прозвучал слишком поспешно... Однако Иванов пристально взглядевшись в меня и как будто убедившись в отсутствии фривольного любопытства, отвечает решительно. Он тщательно взвешивает слова – не из-за недоверчивости, а желая быть точным, желая не допустить словесного шлака.

– Произнеся Символ Веры 17 марта 1926 года, в день, когда в России празднуют память св. Вячеслава, за которым следовала формула присоединения, перед алтарем моего Небесного покровителя, столь дорогого славянским сердцам, в базилике Св. Петра, в то время как на соседней гробнице князя апостолов меня ждала церковно-славянская литургия и святое причастие под двумя видами, согласно греческому обряду, я впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, в полном стяжании священного сокровища, данного мне уже при крещении, но потускневшего от долгих лет неприятного ощущения, превратившегося в страдание, от разделения с другой половиной этого же сокровища, живого в святости и в милости, от пользования, подобно туберкулезному больному, одним лишь легким. Я ощутил великую радость умиротворения и свободы, прежде неведомую, от причащения к сонму святых, от которых я так долго отрекался, против моей воли, к их помощи и милости, ощутил удовлетворение от совершения моего личного долга и, от моего лица, долга моего народа, ощутил, наконец, осознание исполненной воли Божией к соединению, Его последней заповеди забыть себя, пожертвовать собою ради всеобщего дела. И, поразительно, я враз себя почувствовал в руках Христовых: вчера я Его погребал, сегодня я – вместе с Ним, воскресшим и прославленным⁶⁵.

Мне никогда не доводилось слышать столь утешительной речи. Ни у одного русского эмигранта я не видел подобного ясного приятия пережитой исторической драмы. С благодарностью произношу:

– В ваших словах есть многое для размышлений...

⁶⁵ Почти буквальное совпадение этого абзаца с фрагментом статьи Вяч. Иванова, написанной в форме письма к Шарлю дю Босу (см.: *Vigile. 1930. Cahier 4. P.42-50*), позволяет предположить, что Кюфферле воспользовался этим печатным источником. Ср. перевод этого текста с французского, выполненный Ольгой Дешарт (*Иванов В.И. Собр. соч. Т.3. Брюссель, 1979. С.429*).

Мы спускаемся вновь на нижний этаж. Православный приятель-философ, услышав речь Иванова, естественно, насупился.

На просьбу прочесть что-нибудь поэт опять сдается, как и при вопросе об обращении в католицизм. Хозяин и его комната кажутся мне подернутыми холодным голубоватым светом духовности. Я как будто и сам получаю дары от этого державного сердца.

Иванов листает одну из своих самых интенсивных книг – «Cor ardens». Его губы не читают, они доверяют нам страстный шепот «Пути в Эммаус»:

День третий рдяные ветрила
К закатным пристаням понес...
В душе – Голгофа и могила,
И спор, и смута, и вопрос...

Значит, над Голгофой спустилась уже третья ночь, и земля еще не знает о благой вести. Смерть смыкает уста, темнота пеленает надежды.

И женщин белых восклицанья
В бреду благовестят – про что?..
Но с помаваньем отрицанья,
Качая мглой, встает Ничто...

И Кто-то, странный, по дороге
К нам пристаёт и говорит
О жертвенном, о мертвом Боге...
И сердце – дышит и горит...⁶⁶

В поезде на Милан мой приятель-философ молчит. Я выглядываю в окно, стараясь разглядеть колледж Борромео среди низких павийских домов. Там, в «воздушных спиралях», – Вячеслав Иванов, в мире с собой и с Богом. Мы же душевными сумерками возвращаемся вновь к нашим обыденным заботам и неясным мечтаниям⁶⁷.

⁶⁶ Иванов Вяч. Путь в Эммаус // Cor ardens. Ч.1. М.: Скорпион, 1911. С.57. В оригинале стихотворение приводится в переводе Кюфферле.

⁶⁷ См. также переписку Иванова и Кюфферле: Ruffolo D. Vjaceslav Ivanov – Rinaldo Küfferle: Corrispondenza // Archivio italo-russo <I> / A cura di D.Rizzi e A.Shishkin. Trento, 1997. P.563-601.

«...Я ИДУ С ТЕМ, ЧТО ПРИДЕТ»
Рассказ В.В.Шульгина о жизни в эмиграции
Публикация Д.Б.Спорова

Об эмигрантском периоде биографии легендарного Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) известно не так уж много. И хотя не исключено, что еще появятся новые материалы, в том числе и самого Шульгина, устный рассказ всегда дает много и для анализа записанной информации, и для составления психологического портрета автора. Сам Шульгин называл свою – в буквальном смысле – вековую жизнь щеголевато: *casus Schulgini*. В ряду эмигрантов «первой волны» его имя заметно, он памятен работой в Думе, сотрудничеством с Временным правительством, затем – активной антибольшевистской деятельностью. Очутившись в эмиграции, Шульгин принялся за воспоминания, которые и составлял, несмотря на все жизненные драмы, более 50 лет. В письме киевскому товарищу, сотруднику РЗИА Л.Ф.Магеровскому, Василий Витальевич писал:

Я не теряю надежды, что когда-нибудь разживусь средствами настолько, что издам целый ряд годов, своеобразную библиотеку, вроде гессенского архива, но подобранного хронологически и связанного если не единством места и времени, то, во всяком случае, единством действующих лиц. В эту работу, конечно, должны войти и воспоминания бывших азбучников, если таковых удастся привлечь.¹

Задуманная эпопея так и не была составлена, но всю жизнь Шульгин работал именно на осуществление своего плана. Его воспоминания исчезали и под огнем белградских бомбардировок, и в недрах Лубянки, и просто в чужих руках². Он описал 1920 год, вернулся к 1919 и описал уже более крат-

¹ Письмо от 27 января 1925. – ГАРФ. Ф.974. Оп.1. Д.69. Л.2. «Азбучники» – члены подпольной организации «Азбука», которую В.В.Шульгин создал после революции в Киеве с целью борьбы с большевизмом.

² См. об этом подробнее в предисловии к публикации воспоминаний Шульгина: *Шульгин В.В. 1917–1919* / Предисл. и публ. Р.Г.Красюкова, комм.

кими очерками 1921 год³. Судьба личного архива Шульгина действительно трагична. Однако в своих рассказах он не сетует, что приходится вновь и вновь повторять уже описанное, а со свойственной ему основательностью в деталях восстанавливает прошлое, фрагмент за фрагментом. Впрочем, это и общее свойство Шульгина-писателя. «Вы пишете отдельными картинками, штрихами, без какой бы то ни было внутренней связи», – отмечал в письме Шульгину в 1924 В.А.Маклаков⁴.

В январе 1973 (5, 6, 7 и 8 января) рассказы Шульгина записал на аудио-ленту Виктор Дмитриевич Дувакин (1909–1982) – один из первых специалистов в области «устной истории», автор методик сбора устных воспоминаний⁵. Было записано четыре беседы общей продолжительностью 610 минут. Последняя, четвертая, беседа (181 мин.)⁶ была посвящена эмигрантскому периоду.

Шульгин в то время жил во Владимире, в маленькой комнатке, один, опекаемый местной женщиной. «Дед», как многие называли Шульгина, был безусловно фигурой знаковой, – к нему ехали, по Шульгину сверяли личное представление об истории давно минувшей, которой, казалось, живого свидетеля и, главное, участника уже не найти. Шульгин понимал эту свою уникальность и жил, как бы выполняя определенную социальную роль.

Его собеседник Виктор Дмитриевич Дувакин занимался работой по фиксации истории русской культуры первой трети XX в. при кафедре научной информации МГУ. По свидетельству известного историка П.А.Зайончковского, также собеседника Виктора Дувакина, ректор Московского университета И.Г.Петровский (который активно поддерживал деятельность Дувакина) тоже посещал Шульгина во владимирской ссылке⁷. Дувакин напрямую информировал ректора о проделанной работе. Кстати, беседы с Шульгиным в официальные отчеты не заносились и были обнародованы лишь с передачей собрания Дувакина в библиотеку Московского университета в 1988.

Среди многих качеств в Шульгине несомненно присутствовала писательская тяга рассказчика, – другими словами, Шульгин хотел вспоминать и

Б.И.Колоницкого // Лица: Биографический альманах. Т.5. М.; СПб., 1994. С.121; см. также: *Шульгин В.В.* Пятна / Предисл. и публ. Р.Г.Красюкова // Лица. Т.7. М.; СПб., 1996. С.317-318; *Жуков Д.А.* Жизнь и книги В.В.Шульгина // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С.68.

³ См.: *Шульгин В.В.* 1) 1920 // Русская мысль. 1921. №3-4 (первая публ.); 2) 1921 // Русская газета. 1923. 31 декабря; 1924. 7, 14, 21, 28 января; 4, 18, 25 февраля; 3, 10, 24, 31 марта; 7, 14, 24 апреля; 13, 18, 22 мая. Книга «1920» неоднократно переиздавалась в России, а цикл очерков «1921» был опубликован: *Шульгин В.* 1921 год / Публ. Е.А.Осьминой // Континент. 2002. №114; 2003. №117, 118. О воспоминаниях «1919» Шульгин писал В.А.Маклакову и указывал объем планировавшейся книги – 36 листов (ГАРФ. Ф.5974. Оп.1. Д.152. Л.6).

⁴ Там же. Л.26.

⁵ Подробнее см.: *Споров Д.* Живая речь ушедшей эпохи: Собрание Виктора Дувакина // Новое литературное обозрение. 2005. №74. С.454-472.

⁶ В переводе на машинописный текст – ок. 2,5 авторских листов.

⁷ Запись беседы с Зайончковским хранится в Отделе устной истории Научной библиотеки МГУ (ОУИ НБ МГУ. №746.4).

нуждался в аудитории. Яркий и противоречивый человек, склонный, по его собственным словам, к писательству значительно более, нежели к политике, он обладал бесспорным ораторским и литературным дарованием и фактически, начиная с 1920, непрерывно вспоминал и записывал пережитое. Воспоминания для него стали необходимостью. Рассказы Шульгина, устные и письменные, похожи в большей степени на литературное повествование, но это относится только к форме, – в плане фактографии Шульгин точен и последователен. Шульгин привык надиктовывать, в последние годы жизни за ним записывали многие (судьба ряда рукописей до сих пор неясна). Близкий к Шульгину в последние годы Р.Г.Красюков, записывая рассказ о жизни на Лазурном берегу Франции, строительстве байдарки и прочих бытовых подробностях, не выдержал: «Кому же это интересно читать?». Шульгин с огорчением заметил: «Вы, оказывается, совсем меня не поняли. Это ведь и есть настоящая жизнь, которую я любил и ценил. А политика... Политиком я стал вынужденно, чтобы защитить эту жизнь. Политику же я ненавидел всегда»⁸.

С самого начала четвертой беседы Дувакин предлагает определенные условия дальнейшей работы: не повторять, но лишь дополнять ранее написанные воспоминания, заведомо исключая рассказ о посещении Советской России в 1925–1926, а также историю насильственной репатриации в 1945, тюремное и послетюремное бытие. Такое ограничение было связано в большей степени с дефицитом пленки и времени, нежели с желанием упорядочить повествование. В качестве главного принципа работы Дувакин декларировал максимальное невмешательство в предварительно оговоренную повествовательную канву рассказчика. И хотя в итоге общение приобрело формы традиционного и полезного, с точки зрения информативности, диалога, при анализе созданного документа этот фактор должно непременно учитывать.

Шульгин последователен в своем рассказе. Каждый образ или размышление имеют свое сюжетное развитие, логически верную структуру, систему убеждения собеседника. Разные этапы своей жизни Шульгин записывал по два, три, четыре и даже больше раз⁹, каждый из таких рассказов можно бы сравнить с записанными «пластинками». Этот факт, а также присущая Шульгину мозаичность, активное участие в диалоге Дувакина (уточняющее, а не структурирующее) превратили устный текст в «лоскутное одеяло».

К этим сюжетам относится, например, особенно важное для Шульгина общение с ясновидящей Анжелиной Васильевной Сакко. В Париже Шульгин нашел Сакко по объявлениям, которые она давала в «Возрождении» и «Последних новостях»: «М-ме Анжелика Сакко, docteur és sciences occultes и ясновидящая. Прием ежедневно, кроме воскресенья от 4–7 часов. 3, rue des Usines, Métro: Grenelle». Именно Сакко сообщила Василию Витальевичу

⁸ Шульгин В.В. 1917–1919. С.128.

⁹ Подробнее см. предисловие Р.Г.Красюкова к публикации воспоминаний Шульгина об эмиграции: Шульгин В.В. Эмиграция. Фрагменты воспоминаний // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2004. №1. – <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/Krasjukov.pdf>.

о том, что его сын находится в сумасшедшем доме в Виннице, и в дальнейшем она не раз помогала Шульгину Все, что касалось мистики, представляло для Шульгина особый интерес, но об этом в беседе немного, поскольку история знакомства и отношений с Сакко связана со скандально известной поездкой в Советскую Россию.

В беседе упоминается некто Сергей Андреевич, названный другом. Речь идет, вероятнее всего, о С.А.Френкеле, гимназическом товарище, одном из немногих людей, с кем наш герой был на «ты». Френкель также был связан с Сакко и в переписке выступал как наставник в теософских увлечениях Шульгина¹⁰. Одно время Френкель содержал кинокюро в Париже, и когда Шульгин во время пребывания в Clos de Patase написал киносценарий о русском мичмане, полетевшем на воздушном шаре, – и Френкель, и журналист А.И.Филиппов, о котором также идет речь (см. ниже), содействовали в приеме сценария к постановке. По протекции Филиппова, написавшего несколько сценариев (в том числе для фильма В.К.Туржанского «Очаровательный принц»), работа Шульгина была переведена (с кардинальной правкой Филиппова) на английский язык, но, видимо, дальнейшего хода эта затея не имела.

Шульгин упоминает о своей публичной ссоре с издателями «Русской газеты» и «Вечернего времени» А.И.Филипповым и Е.А.Ефимовским. История эта вспоминалась долго. После определенных изменений политической позиции «Русской газеты» (по отношению к П.Н.Врангелю и по вопросам престолонаследия) он прекратил сотрудничество и снял свою фамилию из списка редколлегии. Этот сюжет – отголосок большой свары в эмиграции в связи с самопровозглашением в 1924 великого князя Кирилла Владимировича императором Всероссийским в изгнании. Шульгин придерживался позиции о невозможности провозглашения императора вне России и хлестко резюмировал: «нужно заняться разрыванием навозной кучи и искать жемчужину в Советской России»¹¹. В письме П.Б.Струве, отвечая на приглашение сотрудничать в «Возрождении», Шульгин писал:

На всякий случай, сообщаю Вам, что с газетами «Русская газета» и «Вечернее время», в которых я пописывал, у меня руки в настоящее время развязаны. С «Русской газетой» у меня вышла маленькая размолвка, без каких-нибудь крупных неприятностей, но все же я там больше не пишу (открытое письмо о Ефимовском, Филиппове и Маркове – не в счет). <...> С Филипповым же мы разошлись потому, что он несколько страдает «страхом иудейским»: можно возводить хулу на кого угодно, но ни единого слова, хотя бы оно дышало всей свойственной мне в этом вопросе объективности <так!> (не улыбайтесь, это так), проронить на страницах «Русской газеты» нельзя. Так как Филиппов очень полезен на других фронтах, то я причину моей с ним размолвки держу в секрете.¹²

Сообщал Шульгин и В.А.Маклакову об этом инциденте:

¹⁰ См., напр.: ГАРФ. Ф.5974. Оп.1. Д.198. Л.16.

¹¹ Там же. Д.152. Л.33.

¹² Письмо от 20 мая 1925. – Там же. Д.75. Л.4-5.

Я там <в «Русской газете»> сначала писал, но после того, как Ефимовский стал проповедовать, что низы армии можно противопоставить ее верхам, я вышел из этого почтенного издания, ибо каким бы то ни было способом участвовать во втором издании приказа №1 не желаю.¹³

С первых слов беседы с Виктором Дувакиным Шульгин обращается к предполагаемому слушателю, не сомневается в исторической ценности записи и, главное, старается зафиксировать «свою историю», почти независимую от адресата рассказа. Заметна его привычка работы с литературным секретарем: Шульгин диктует новеллы, а в промежутках – общается с собеседником.

В.Д.Дувакин в беседе проявляет значительную для интеллигента советского времени осведомленность в реалиях эмигрантской жизни и положении Романовых за границей. Дело в том, что Дувакины и родственные им Веселовские были основательно связаны с Белым движением. Однако создается впечатление, что круг литературных и научных знаменитостей русской эмиграции был Шульгину неинтересен, он отвечает односложно, отговариваясь незнанием¹⁴. Шульгин рассказывает, что в споре с неким русским профессором-славянофилом он согласился с высказыванием Ивана Тургенева «о том, что у русского человека мозги набекрень»¹⁵. О встречах с Иваном Буниным вспоминает только, что писатель спросил у него: «Почему вы не пишете беллетристических произведений?»¹⁶. И все. Шульгин сконцентрирован на собственном мнении и самовосприятии действительности, он похож на художника, рассказывающего о прошлом по своим картинам (например, описание посетителей ресторана на Stettiner Bahnhof в Берлине). Возможно, впрочем, что к концу беседы Шульгин просто устал и не хотел говорить.

Из текста беседы полностью исключен рассказ о первой встрече с представителями «Треста» и эпизоды, связанные с нелегальной поездкой в Советскую Россию¹⁷. Прочие сокращения связаны, в первую очередь, со спецификой редактирования устного текста, цель которого – утилитарное облегчение восприятия его читателем. Сокращения обозначаются знаком <...>, добавления публикатора заключены в угловые скобки. Отдельно не оговаривается мелкая литературная правка текста (снятие повторов, в т. ч. несогласованных словоформ; слов «значит», «вот» и «так сказать»). Пленки с записями бесед с В.В.Шульгиным хранятся в Отделе устной истории Научной библиотеки МГУ им. М.В.Ломоносова. Публикуется впервые.

¹³ Письмо от 2 августа 1923. – Там же. Д.70. Л.1об.

¹⁴ Дувакин вынужден констатировать: «По линии Ваших контактов с деятелями литературы, искусства и так далее, тут я особой, кажется, поживы достать не могу». – ОУИ НБ МГУ. № 278.81.

¹⁵ Там же. №276.58.

¹⁶ Там же. №278.74.

¹⁷ Об этом подробнее см.: *Флейшман Л.* В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

* * *

Дувакин. Мы дошли с вами до заграничного периода вашей жизни. <...> Расскажите, как Вы очутились за рубежом... Причем мы договорились, что рейд <...> в Советскую Россию, с целью розысков сына, мы опустим, так как он у Вас описан... Так? Ну, и дальше наступает примерно двадцать пять лет Вашей заграничной жизни. Этим мы и завершим, а в дальнейшем... ну, что же, остальное известно. <...> Даю вам слово. Продолжайте, пожалуйста.

Шульгин. Сейчас я приступаю к рассказу о своей зарубежной жизни, продолжавшейся около двадцати пяти лет, с тысяча девятьсот двадцатого по начало тысяча девятьсот сорок пятого года. Поэтому считаю нелишним отметить мой собственный возраст. <...> А именно, в двадцатом году мне было сорок два года. <...> В сорок пятом году, значит, мне было сколько?

Д. Сорок два плюс двадцать пять – шестьдесят семь лет.

Ш. Шестьдесят семь лет. Как начался этот продолжительный период? Тут надо сказать, что подробно это изложено в книге под заглавием «1920 год», к которой я и отсылаю моего предполагаемого слушателя. Эта книга имела особую судьбу: ее перед кончиной прочел Ленин, и она была напечатана без всяких купюр <...> в Советской России. Перепечатана из заграничного издания. Тут я только кратко скажу об этом двадцатом годе, чтобы ясно было последующее. (*Пауза.*) Летом двадцатого года я с другими бежал из Одессы на шлюпке в направлении Крыма и попал на маяк Тендровский. Тендровский маяк называется так, потому что он находится на узкой косе, называемой остров Тендра. Отсюда я с другими попали в Севастополь, а затем обратно прибыли на Тендру, потому что мы оставили в Одессе кое-кого из друзей, которых предполагалось вывезти. Поэтому были вот такие набеги на Одессу. Во время одного из них мы попали в сильнейшую бурю, и нас выбросило на румынский берег в устье Днестра. Это и надо считать началом моей зарубежной жизни. Из Румынии я попал в Константинополь в конце концов и, продолжая розыски своего сына, был в Галлиполи и жил в Константинополе полгода. Эта жизнь моя до сих пор не запечатлена. Она может быть, где-то записана, но это утеряно¹⁸. Следовало бы рассказать об этом.

¹⁸ В предисловии Р.Г.Красюкова к публикации «Пятен» В.В.Шульгина сказано, что Василий Витальевич сумел написать воспоминания об эмигрантской жизни вплоть до «драматических событий в Югославии» в 1944. Написаны эти воспоминания были летом 1970, т. е. за два с половиной года до встречи с Дувакиным (*Шульгин В.В. Пятна. С.317-318*). Ниже Шульгин упоминает Ростислава Григорьевича Красюкова в связи с тем, что у последнего хранится рукопись с описанием плавания 1921 года из Варны в Крым на поиски сына. В третьей

Д.: Русские в Галлиполи.

Ш.: Нет, не русские в Галлиполи... Потому что в Галлиполи были только войска, а остальная масса была в Константинополе и на другом острове, где были казаки. Но, может быть, об этом я расскажу позже.

Д.: Как хотите.

Ш.: Сейчас я хочу упомянуть, что в тысяча девятьсот двадцать первом году я совершил плавание из болгарского города Варна в Крым. Рассказ об этом рискованном путешествии, которое тоже имело целью розыски моего сына, сделан, написан мною и находится у одного моего молодого друга – капитана второго ранга Ростислава Григорьевича Красюкова, если он не сдал эту рукопись в какой-нибудь архив. (*Перецелк магнитофона.*)

Д.: Вы вернулись в Варну. Вот с этого и продолжайте.

Ш.: Да. <...> По прибытии у меня были очень неприятные... встреча с жандармами болгарскими, из которой меня выручили, как это ни странно звучит, болгарские коммунисты.

Д.: А чего было жандармам болгарским-то до вас? Ну, эмигрант ездил. <...>

Ш.: Они меня обвинили в том, во-первых, что я еврей, который скрывает свое еврейство, а во-вторых, что я коммунист советский. Вот в чем меня обвиняли и старались мне доказать, что это так. Коммунисты, которые стояли во главе городского управления в Варне.

Д.: Значит, болгарские коммунисты, возглавлявшие городское управление, выручили вас из жандармерии, которая с вами дурно обращалась?

Ш.: Да-да. Некоторое время я пробыл еще в Болгарии, именно в Софии. И затем мы с Марией Дмитриевной уехали из Болгарии в Чехию. Я расскажу о своей жизни в Чехии. Точка. Жили мы в гостинице, которая называется «Беранек». Это средняя гостиница. Но первое, что нас поразило, что там не топят. Приходилось платить

беседе, после упоминания Шульгина о совместной работе с Р.Г.Красюковым над воспоминаниями, Дувакин настойчиво, не скрывая интереса, пытается выяснить, что является хранителем рукописи. Шульгин отвечает с неохотой, не веря в то, что написанное сохранилось. В 1923–1924 в парижской «Русской газете» был опубликован цикл его очерков о событиях 1921 года (о жизни «русского Константинополя»). В то время Шульгин предполагал подготовить сборник воспоминаний о жизни русских по обе стороны Черного моря в 1921 и написал очерки «На Босфоре» и «Inter partes». Подробнее см. предисловие к первой публикации очерков Шульгина в России: *Шульгин В. 1921 год // Континент. 2002. №114.* – <http://magazines.russ.ru/-continent/2002/114/shulg.html>. В настоящее время Р.Г.Красюков проживает в Германии и готовит к публикации воспоминания В.В.Шульгина.

отдельно за дрова. Но в хорошем месте, на Вацлавском Наместье¹⁹. Это большая площадь, центральное место Праги. В Чехии в это время уже было достаточно русских эмигрантов.

Вообще говоря, чехи встретили нас крайне любезно, вообще, эмиграцию русскую. Создано было два университета: русский и украинский²⁰. Преподавали там исключительно русские профессора. Затем, русские студенты получали содержание, очень хорошее, девятьсот крон в месяц. Можно было жить прекрасно. Но должен сказать, что русские студенты отличались от чешских тем, что праздничный отдых, в воскресенье, чехи проводили в здоровом спорте, а русские сидели по кофейням и дымили сигареты <так!>, за что я очень бранил своего молодого друга Вовку²¹. Спорт был главным образом по реке Влтаве. В субботу <...> на байдарках вниз по реке. Они возвращались в воскресенье вечером, уже целыми флотилиями, и пели песни. Против течения они двигались так: барышня сидела в байдарке, правила веслом, а студент, на манер наших бурлаков, тащил байдарку на бечевке, потому что течение сильное. Вообще в Праге поражало здоровье молодежи.

Д.: Очень приятно. Теперь, наверное, хуже.

Ш.: Это объясняется тем, что уже давным-давно в Чехии образовалось спортивное общество под названием «Сокола»²². Эти «сокола», действительно, занимались гимнастикой, полезными телесными <упражнениями>... Но это была и политическая организация, славянофильская, очень славянофильская, в особенности славянорусская. Некоторые члены Государственной Думы, например, стали почетными соколами. <...>

Д.: Кто, например, не помните? <...>

Ш.: Например, если не ошибаюсь, Маклаков, ну и потом менее известные там... граф Бобринский²³. Это были почетные сокола, но-

¹⁹ Гостиница находилась в нескольких минутах ходьбы от площади: Vělehradská, 110.

²⁰ Русский народный университет в Праге был образован в 1923, Украинский свободный университет создан в Вене в 1921 и вскоре переведен в Прагу.

²¹ Имеется в виду Лазаревский Владимир Александрович (1897–1953) – племянник В.В.Шульгина, журналист, сотрудник «Киевлянина», участник Белого движения. С 1920 в эмиграции в Праге, затем в Париже, основатель Российского национального союза.

²² Сокольство – всеславянское спортивно-патриотическое движение, основанное в Праге в 1862 Мирославом Тыршом (Пражское гимнастическое общество). Созданное по примеру немецких гимнастических обществ, оно стремилось противостоять австро-венгерскому давлению на славян; выработало свой особый вид вольных движений и гимнастическую терминологию.

²³ Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) и Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927) – крупные общественные и политические деятели предреволюционной России и эмиграции.

сили очень красивую сокольскую форму. Конечно, в гимнастических упражнениях они не участвовали. <...>

Там, в Чехии, мы после краткого пребывания в отеле «Беранек», дорогого, поместились в пригородном городке, то есть в городке тоже на реке, но ниже, на частной квартире, и там некоторое время жили, но поддерживая постоянную связь с Прагой. Там мы сблизилась с семьей, вот фамилию я забыл. Он был чех, она была (его жена) полька. Он долгое время служил в России в имениях Балашова, в качестве агронома. У него было три дочери: Мария – украинствующая, Генриетта, которая говорила: «Я как муж». А муж попеременно был то русским, то украинствующим. Был он из Киева (в Киеве всегда была большая колония чешская) и служил в книжном магазине некоего Розова. <...> И младшая Владислава, еще ходившая в гимназию, очень красивая девушка лет пятнадцати. Она была бешено русская. <...> Причем интересно, что я-то подружился с Марией, с украинствующей. Причем однажды я пришел в неурочное время: она лежала в постели, зеленая, больная. Я говорю: «Что с вами?» – «Читаю ваше произведение и оттого заболела». Мы с ней постоянно ругались и очень дружили, и путешествовали с нею по туристическим тропинкам, по реке, – словом, были в дружбе и ругались. Но в конце концов она мне сказала: «Если вы когда-нибудь будете малороссийским гетманом, то возьмите меня фрейлиной». На что я ей ответил: «Охотно, но <гетману> фрейлин <...> нельзя брать». (*Смеется*.) <...> С этой семьей мы сблизились. А потом мы перешли еще немножко дальше, не помню, как она называлась, кажется, она называлась очень характерным для нас названием – Забеглицы.

Д.: Ага, забегаловка.

Ш.: Да. <...> Когда наступила весна, буйно цвела белая акация. И вот туда ходить – это было одно наслаждение, через эту рощу.

Д.: Ну, а вы чем же жили?

Ш.: Вот сейчас могу объяснить. Мое имение Курганы вместе с вальцовою мельницей перешло к Польше²⁴. А управлял им мой родственник, ну, седьмая вода на киселе, некий Каминский²⁵, которому я дал полную доверенность. Он очень был энергичный человек и целую выдержал крупную борьбу там, в Курганах, потому что Курганы уже захватили так называемые осадники. Осадники – это были

²⁴ До революции: Курганы Островского уезда Волынской губернии (от этой губернии Шульгин был депутатом Государственной Думы). В Курганах Шульгин собирался организовать мыловаренный завод для финансового и хозяйственного прикрытия опорного пункта «Треста». Этот план потерял актуальность лишь в 1927, после саморазоблачения Э.О.Оперпуга (подробнее см.: *Флейшман Л.* В тисках провокации. С.91).

²⁵ Каминский Вацлав Цезаревич. Неоднократно приезжал к Шульгиным в Югославию.

отставные польские солдаты, которых польское правительство наделило землей. Вот они грозили его убить, но он как-то отбился и их выкурил. Точно так же перед судом он выступал, прокурор бросил на стол мою <?> статью, относительно Украины – «Этот край русский, русский, русский...»²⁶. <...> В ответ на этот... жест прокурора Каминский сказал: «Да, это так, но Шульгин сейчас и не может сюда приехать, и вообще я тут хозяин! А мой отец был там повстанцем и вообще...» А вы знаете, когда поляки очень волнуются, то они всегда говорят, что их предки были польские крылы. (*Смеется.*) Вот и Каминский имел эту слабость, хотя в общем был человек замечательный. Словом, он отбил от всех и стал там управлять, пустил мельницу, и она стала давать доход. И он мне переводил деньги в долларах секретным образом. На это я и жил.

Д.: Это была его, в сущности говоря, добрая воля. Вы не могли его заставить.

Ш.: Нет, нет. Он просто в отношении нашей семьи...

Д.: Был порядочным человеком.

Ш.: ...то есть меня и моей сестры, просто был джентльмен. Вот вы меня спросили, на что я жил. Вот на это я жил. <...> Этими деньгами я, конечно, делился. Я взял на себя Марию Димитриевну²⁷, потом Вовку, еще кого-то. Но нам хватало. Что еще сказать о пребывании там, в Чехии? Так как там было два университета, то был целый ряд профессоров.

Д.: Да-а. Вот кого вы там знали? Там я многих знаю.

Ш.: Вот там я прежде всего вновь встретился с Петром Бернгардовичем Струве²⁸.

Д.: А-га! Вот это фигура интересная.

Ш.: А через него с этим... большим чешским политическим деятелем... ох, как мне... Я потом вспомню фамилию.

Д.: Не Масариком?²⁹

Ш.: Не-ет, нет. Масарик – это была не моя симпатия, нет. Это был большой русофил, женатый на русской, Абрикосовой, когда-то очень богатой женщине³⁰. Он во время войны был посажен в тюрьму

²⁶ Упомянутая статья была напечатана В.Я.Шульгиным, отцом Василия Витальевича, в первом номере «Киевлянина» за 1864 и стала своего рода девизом сына в украинском вопросе.

²⁷ Шульгина Мария Дмитриевна (урожд. Сидельникова; 1900–1967) – вторая жена В.В.Шульгина.

²⁸ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – политический деятель, экономист, историк, публицист.

²⁹ Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) – чехословацкий государственный деятель, первый президент Чехословакии.

³⁰ Имеется в виду Крамарж Карел (1860–1937) – чешский политический деятель, первый премьер-министр независимой Чехословакии (1918–1919). В 1918–

австрийскими властями за русофильство и приговорен к смертной казни, но император заменил ему крепостью. Ну, потом, когда война кончилась, его выпустили. Он имел великолепный <...> домик, на высоком холме, напротив града, то есть такого исторического места, где вот я у него вместе с Петром Бернгардовичем часто бывал, пил там чай, очень уютный...³¹ Прага еще чем замечательна тем, <что> это вообще красивый город. Но он красив не только при солнечной погоде, но и при черных зловещих тучах, которые ходят над городом, очень красиво, такой красотой осойбой. <...> Там много исторических памятников. Например, мост с целым рядом средневековых фигур. И там еще была интересная вещь. По инициативе чехов образовался так называемый Русский архив, куда были собраны все произведения, которые выходили в общем в эмиграции: и в рукописях, и напечатанные. Заведовал этим молодой приятель мой, киевлянин, бывший сотрудник этого... «Киевлянина»³². <...> Затем там были еще молодые сотрудники «Киевлянина». Все это окружало меня такой атмосферой дружелюбия и помощи. Один из них женился на дочери какого-то чешского генерала, так что имел влияние известное. <...>

Д.: В Праге в это время собралась большая группа русских профессоров, частью эмигрантов, частью там были все-таки уже какие-то связи с Советской Россией, в двадцать втором, двадцать третьем году. <...> Там очень мощная группа русских лингвистов была. <...>

Ш.: Не знаю.

Д.: Там был такой... русский еврей, профессор Якобсон, сейчас имеющий мировое имя, Роман Осипович. <...> Недавно скончавшийся советский профессор (он пятнадцать лет жил в Праге как раз вот в это же время) Петр Григорьевич Богатырев. <...> Затем, там жили сбежавшие, так сказать, как эмигранты, поэтесса Цветаева, сын Леонида Андреева, <...> Вадим³³. <...>

1931 депутат парламента. Стронник военной интервенции в Советскую Россию. Активно помогал А.И.Деникину. С 1900 женат на Надежде Николаевне Абрикосовой (урожд. Хлудовой; 1862–1936).

³¹ Имеется в виду пражская вилла на Баште. В настоящее время резиденция чешских премьер-министров.

³² Имеется в виду Магеровский Лев Флорианович (1896–1986) – доктор права, известный общественный деятель русского зарубежья, один из основателей РЗИА и заведующий его газетным отделом.

³³ Перечисляются Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – лингвист, один из основателей европейской ветви структурной лингвистики, в 1920-е жил в Чехии, профессор русской филологии и чешской средневековой литературы в Университете Масарика в Брно; Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971) – этнограф, фольклорист, литературовед, совместно с Якобсоном организовал Пражский лингвистический кружок (В.Д.Дувакин записал беседы с Р.О.Якобсоном и П.Г.Богатыревым); Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – поэт,

Ш.: А-а, Вадим, может быть, но я его там не встречал. <...>

Д.: Это вот я все называю фамилии лиц, которых я лично знаю теперь уже, которые до двадцать третьего, двадцать пятого года жили в Праге, потом перебрались в Париж. Значит, с этой литературной, филологической интеллигенцией вы контактов не имели?

Ш.: Нет. Я только еще как раз, разговаривая со Струве, познакомился с одним русским профессором, <...> таким славянофилом, фамилию забыл, который с возмущением говорил о том, что Тургеев написал, что у русского народа мозги набекрень. <...> (*Посмеиваясь.*) А я разделял это мнение. <...>

Д.: И революцию считал выражением этого качества национального?

Ш.: Он не говорил этого, я не знаю. Не могу говорить то, что я не помню. Вот это я вам точно говорю. <...>

Д.: Василий Витальевич, скажите <...> еще, подробнее и, так сказать, в смысле характеристики, о Петре Струве. Это ж все-таки очень крупная фигура... общественная. Вы знаете, он же был зачинателем марксизма в России, еще до Ленина. <...>

Ш.: Он был сотрудником Ленина. Так называемый манифест, изданный, кажется, в Англии, писал Струве³⁴. Он был марксист убежденный. <...> Затем он постоянно после девятьсот пятого года – он увидел лицо революции – и стал постепенно праветь. Он уже был кадетом во Второй Государственной Думе. <...> А потом он постепенно все время правел, так что к концу жизни он был правее меня.

Д.: Ах, даже так! <...> То есть он был монархистом?

Ш.: Да. Он на одном собрании, когда вот этот самый Илья Толстой³⁵ устроил скандал, он очень громко кричал – Струве – и стукал книгой по столу, что каким-то указом государя императора были в отношении него приняты такие-то и такие-то простительные меры. <...> Наружность его описана мною в кратких стишках. Он тогда жил в Лесном... в Петербурге, преподавал там политическую экономику.

Бровями рыжий, лбом косматый,
Но мыслью доброю чреватый,
Согбенный Струве мрачно жил.

в 1922–1925 жила с семьей в Праге; Андреев Вадим Леонидович (1902–1976) – писатель, сын Л.Н.Андреева, с 1922 жил в Берлине, с осени 1924 в Париже, часто бывал в Праге.

³⁴ Имеется в виду Манифест I съезда РСДРП 1898 года.

³⁵ Толстой Илья Львович (1866–1933) – сын Л.Н.Толстого, мемуарист, писатель (псевд. Илья Дубровский). Служил чиновником, служащим банка, агентом русской компании социального страхования, агентом по ликвидации частных имений, в Красном Кресте. В 1916 уехал в США. Скончался в Нью-Хейвене (США). Подробности указанного инцидента установить не удалось.

Д.: Понятно. Образ есть. <...>

Ш.: Таким он был... сохранился навсегда, только уже стал седым, а не рыжим. В то время он очень дружил с этим чехом влиятельным. И мы там постоянно встречались.

<В те годы> Мария Димитриевна заболела туберкулезом. Вообще, Чехия по туберкулезу очень страна опасная: климат там такой, очень сырой. Ну вот сейчас же мне выхлопотал Струве бесплатно, значит, путевку. И она там пробыла несколько недель, в этой санатории. <...> Она поправилась. <...> Тут я должен сказать, что мы через некоторое время переехали в Германию³⁶. Переехали мы в Германию не потому что нам было плохо в Чехии, а потому что в Германию можно было жить очень дешево. В то время марка падала, и падала неуждливо. Каминский же присылал мне деньги в долларах. На доллары можно было жить на гроши, и мы переехали в Германию. После Чехии это было поразительное впечатление: чехи такие здоровые; немцы худые, заморенные голодом, и взяточники – все сплошь! Но взяточники честные. То есть: они брали там известную взятку, недорогою, – и делали. Так мы получили визу в Германию. Был в Киеве когда-то учитель немецкого языка, сын его уже был русский и дослужился до чина полковника. Во время гражданской войны он <...> стал себя называть атаман Клименко³⁷. И этот атаман Клименко составил не украинский – малороссийский отряд и там, значит, существовал. Вот как-то я с ним вошел в контакт, и он выхлопотал нам визу за два доллара... мы получили визу, визы давали области, не государство. Вот такая-то область давала визу на въезд туда-то. Он нам это прислал и вообще уже нам помогал и дальше. А надо вам сказать, что налоги в это время были сумасшедшие. Невозможно было их уплатить. Но он сказал: «Налоги надо платить, но дайте мне несколько долларов на взятку, и я вам сделаю прилично, то есть, что возможно заплатить». И так и было. Мы платили там эти налоги, которые нужно <платить> в Германии. И жили мы сначала в Берлине, а потом в таком Birkenwerder. <...>

Жили в пансионе у такого Хофмана, который брал с нас долларами, и это гроши стоило – пребывание в хорошей комнате и с хорошим столом. Был у него сын, молодой Хофман. Я иногда ездил с ним поездом. Помню один разговор. У меня было странное впечатление, когда я ездил. Там, в общем, местность ровная, унылая, и стоят огромные дома отдельно. И у меня <...> вроде какое-то такое видение было: мне казалось, что какая-то гигантская рука берет эти

³⁶ Шульгины переехали в Германию осенью 1922 года.

³⁷ Кейхель (Клименко) Ричард Ричардович (?–1924) – атаман воинских формирований антибольшевистского движения на Украине. Один из организаторов Курневского восстания против большевиков весной 1919.

дома и разрушает. Я на это смотрел, но ничего не говорил этому молодому Хофману. Но заметил, что он очень грустный. Я спросил грустившего молодого немца в стиле (*поет*):

О чем задумался, детина, –
Ездок приветливо спросил, –
Какая на сердце кручина
Или тебя кто огорчил?

Молодой человек ответил, что веселиться нечему, потому что, как он выразился, «мы все ляжем, мы все погибнем». Я говорю: «Как так?». «Да, – говорит, – наше поколение все погибнет. Следующее – может быть, увидит хорошую жизнь».

Д.: Что ж, это интересно. Идеолог погибшего поколения. <...> Потерянного поколения.

Ш.: Ну, затем мы ехали дальше. Я, чтобы отвлечься от этого грустного разговора, вспомнил стихи, которые я сочинил относительно курящих и некурящих. У немцев очень это строго разделяется – отдельные вагоны. И поэтому я так сочинил:

Идут Raucher'ы собаки
Бурны, как поток,
Прямо в грязные клоаки
Никотины сток.
А Nichtraucher'ы тихонько,
Презрев Raucher'ский содом,
Идут все душой прозревшей
В чистенький свой дом.

И мы ехали дальше по печальным полям тогдашней Германии. <Следует> рассказать об одном инциденте, который характеризует бедственное положение тогдашней Германии. Существует такой вокзал Stettiner Bahnhof, то есть вокзал на город Stettiner. Мы иногда поздно возвращались из Берлина, так поздно, что между трамваем и отходом поезда оставалось много времени. Тогда в каком-то ресторанчике около этого вокзала мы что-нибудь ужинали. Вот однажды (там еще была одна русская) мы заказали с Марией Димитриевной (я тогда еще не был вегетарианцем) сосиски. А эта русская очень заволновалась: «Не берите!» – «Отчего?» – «Оттого что эти сосиски из человеческого мяса». – «Да что вы говорите!» – «Да!». Ну, мы не взяли сосисок, но рассуждали: «Какие только глупые слухи распространяют!». А прошло несколько лет, и в берлинских газетах было напечатано, что тогда-то в районе Штеттинерского вокзала, действительно, был притон, куда заманивали молодых девушек, и из их мяса делали сосиски. Это людоедство, конечно, было причиной <так!> большого бедствия, бедственного положения тогдашнего Берлина.

Теперь еще об этой маленькой гостинице, то есть ресторане. Мы сидели там, а за соседним столом были немецкие дамы и господа. Мы обратили внимание на их вольное, крикливое поведение. Старый лакей, который нам подавал, подошел и сказал вполголоса: «Вы думаете, что это какие-то девки? Нет. Это жена судьи, а это там жена какого-то чиновника. Но это теперешний Берлин».

Д.: Это, значит, двадцать третий год, да?

Ш.: По-видимому. С семьей Ефимовских³⁸, <...> которые иногда провожали нас из Stettiner Bahnhof, мы постоянно виделись. Ефимовский был когда-то, как и я, киевлянин, хотя он кончил Московский университет, и состоял сначала в кадетях, а потом перешел в шульгинскую группу. Это был человек живой, но такой немножко легкомысленный. Откуда-то у него были какие-то средства. Иногда мы там ужинали у них. И как-то меня посадили рядом с каким-то пьяным человеком, который мне страшно надоел, потому что он все время повторял, обращая ко всем: «Какой же это Шульгин? Это же не Шульгин. Это же египетский фараон». Он и называл даже имя этого <...> фараона. Напротив сидела молодая дама, сравнительно молодая, с такой улыбкой загадочной на устах... Я ее еще не знал тогда. Потом у ней все-таки любопытство взяло верх – <...> она взглянула на фараона, какой он есть. И тогда я увидел, к своему удивлению, что у нее египетские глаза, длинные, с поволокой. А потом эта дама много раз встречалась на моем пути. Она была киевлянка. У отца ее был магазин красок, фамилия их была Мюллер (была еще сестра). Затем, когда началась война и немецкие фамилии были не в моде, они стали Мельниковы, и так и жили под этой фамилией во Франции. Может быть, об этом лучше рассказать, когда я буду говорить о Франции.

Д.: Ну, смотрите, как вам будет видней.

Ш.: Я с ними встретился во Франции потом. Поэтому я оставляю этот эпизод пока. Продолжаю о Берлине, иначе Биркенвердере. Рядом с этим пансионом была санатория, которая велась русскими врачами для больных туберкулезом³⁹. Я принужден был войти

³⁸ Ефимовский Евгений Амвросиевич (1885–1964) – историк, адвокат, редактор газеты «Голос Киева»; в эмиграции с 1919, редактор газеты «Славянская заря» в Праге, основатель и бессменный председатель Союза народно-конституционных монархистов. С 1923 – в Париже, издавал с А.И.Филипповым «Русскую газету», после Второй мировой войны редактор «Русского воскресения», сотрудник «Возрождения» и «Нового журнала».

³⁹ Этот санаторий в 1920-е давал регулярную рекламу в берлинской газете «Руль»: «Санаторий Биркенвердер для страдающих внутренними болезнями (заразные формы не принимаются). Открыт круглый год. Медицинской частью ведают врачи: И.Н.Альтшуллер, Г.Г.Вестфален, Sanit.-Rat W.Croner и Я.О.Немировский. При санатории оборудована водо-электро-лечебница, рентген, гор-

в сношения с этой санаторией, потому что Мария Димитриевна, у нее опять возобновился процесс. Но это была дорогая санатория, поэтому я переговорил с врачом, который сказал: «Вам не нужно лежать у нас, а вы (раз вы находитесь в хороших условиях) положите ее у себя. Надо сбить температуру. Пока у нее регулярно повышается температура около пяти часов, пусть лежит. И кормите ее. Пусть лежит, пока температура не понизится. Тогда пусть встает». Я так и сделал. И действительно, это помогало. Но это все-таки не было решение вопроса. Решение вопроса было позже, когда мы приехали во Францию.

Здесь же жизнь текла с разными историями домашнего типа. Я вдруг заболел в этом самом отеле Хофмана, заболел так, что мне казалось, что я на корабле, и сильнейшая морская качка, то есть у меня было головокружение. Мария Димитриевна испугалась, побежала за врачом. Пришел молодой немецкий врач, который <...> взял пульс, а потом обратился ко мне: «Вы понимаете по-немецки?» – «Понимаю». – «Вы слышите меня?» – «Очень хорошо». – «Я вам пропишу лекарство, но вы должны каждые две недели консультироваться с врачами, иначе вы умрете на улице». Он ушел, а Мария Димитриевна упала без чувств. Я, несмотря на качку, все-таки встал, вызвал хозяев – кое-как это удалось ликвидировать. Но я подумал: «Эге! Дело-то слабо». Однако оказалось, что вовсе не так. Постепенно я стал поправляться, хотя, конечно, был слабоват. Но затем, когда мы переехали во Францию, я совершенно излечился и даже прекрасно ездил на велосипеде.

Еще была история с врачами, в Берлине. У меня заболел зуб, пошел я по соседству к врачу. Это была молодая немка, очень здоровая, и она начала мне рвать зуб, но никак ничего не могла сделать, только кричала все время: «Donnerwetter»⁴⁰, и щипцы соскакивали с зуба, причиняя мне невероятные страдания. Наконец она сказала: «Я не могу ничего сделать». Я поехал в Берлин. В Берлине я встретился со своим другом Сергеем Андреевичем, случайно. Он говорит: «Да что ты, вот тут есть превосходный врач, русский еврей». Ну, поехали туда. И этот действительно оказался хорошим врачом. Он посмотрел и сказал: «Ну, как же она вас обидела!» И впрыснул в меня сильное замораживающее средство, и вытащил этот зуб. Ужасно было неприятно слышать, как что-то ломается во рту, но боли не было. Боль была потом, два часа очень болело. Вот это у меня встречи с немецкими врачами самые печальные.

ное солнце, лаборатории, специальная диетическая столовая. Санаторные здания расположены среди прекрасного соснового леса. 50 мин. езды по железной дороге от Берлина (Stettiner Vorortbhf.). Почтовый адрес: Sanatorium Birkenwerder bei Berlin. Тел.: Amt. Birkenwerder 184».

⁴⁰ Черт возьми (нем.).

Д.: Это что ж вы считаете, что у них вообще врачи малоквалифицированные? Или просто случайные эпизоды?

Ш.: Не знаю. Может быть, случайные. Может быть и неслучайные, потому что Мария Димитриевна обращалась к ним там по женским болезням – тоже бог знает что делали. Но такие же французские оказались впоследствии. Вот минуточку закройте, давайте я подумаю. (*Перецелк магнитофона.*)

Д.: В Германии возник Высший монархический совет.

Ш.: Марков, Ефимовский, Ольденбург-младший...⁴¹

Д.: А на кого же они ориентировались: на Кирилла или на Владимира?

Ш.: Кирилл еще, кажется, не объявил себя императором⁴².

Д.: А Николай Николаевич не заявлял претензий? <...>

Ш.: Нет, никогда. Он был очень далек по порядку наследования. Он выдвинулся потом как предполагаемый Верховный правитель.

Д.: Дядя... А Кирилл – это кто же, двоюродный брат? Кирилл Владимирович.

Ш.: Кирилл Владимирович? Да. <...>

Д.: У Александра II был сын Николай, который умер молодым, наследник престола, потом царствовавший Александр и, значит, еще был Владимир... это что же – младший брат Александра III, что ли?

Ш. (*тихо*): Не знаю.

Д.: Поэтому, я думал, что это вы знаете подробно, но не важно.

Ш.: Не помню уже.

Д.: Так, значит вы все время сейчас говорили о Германии, о Германии периода инфляции, то есть мы в основном находимся в двадцать третьем году.

Ш.: В двадцать третьем году я жил под Берлином в Биркенвердере. <...> В настоящее время я говорю <...> о следующем: Мария Димитриевна соскучилась по своим родным и уехала в Югославию.

⁴¹ Перечислены: Марков 2-й Николай Евгеньевич (1866–1945) – политический деятель, один из лидеров Союза русского народа, глава фракции крайне правых в 3-й и 4-й Государственной Думе, в 1921 на состоявшемся в Рейхенгале (Германия) «Всероссийском» съезде монархистов избран председателем Высшего монархического совета, который возглавлял до 1927, ориентировался на вел. кн. Кирилла Владимировича, а также на Германию (в то время как другие – на вел. кн. Николая Николаевича и на Францию); Ольденбург Сергей Сергеевич (1887–1940) – историк, публицист, эсер, участник Белого движения, с 1920 в эмиграции в Берлине, с 1922 – в Праге, член редакционного комитета газеты «Россия и славянство» (1928–1934).

⁴² Вел. кн. Кирилл Владимирович (1876–1938), сын вел. кн. Владимира Александровича, третьего сына Александра II, двоюродный брат Николая II, основываясь на законе о престолонаследии, объявил себя императором Российским в изгнании 13 сентября 1924.

Я некоторое время оставался в Германии, а потом переехал во Францию⁴³. При таких обстоятельствах. Во-первых, я должен был обратиться к своему полковнику <...> Клименко, чтобы он мне дал отпускное от финансового ведомства. Кто уезжал из Германии тогдашней, должен был доказать, что он заплатил все эти... налоги. Ну, он мне это сделал. Значит, я будто бы заплатил. Конечно, я заплатил те налоги, которые он же сам и составил. Теперь он мне дал желтую бумажку, по которой, значит, я мог выехать из Германии. Затем я направился, конечно, на запад, на границу Франции и Германии. Это там было недалеко от Франкфурта-на-Майне. Там я прожил примерно месяц в очаровательной местности – это какие-то там были ключи, источники, где я принимал ванны и там жил некоторое время. Затем я получил приглашение от Маклакова, который был в Париже и еще считался послом...

Д.: Ах, считался еще послом <...> Временного правительства.

Ш.: Да. Франция, словом, его признавала.

Д.: Признавала. Еще признавала. Еще Красин не приехал⁴⁴.

Ш.: Да. Он меня пригласил к себе, чтобы у него пожить. Но надо было перейти границу. А граница – это была просто дорога, на дороге стоял столик, за которым сидел французский офицер, который меня спросил документы. Я говорю, что я вот такой-то, русский эмигрант, показывал ему приглашение Маклакова. – «Пожалуйста!»

Д.: Да, просто было тогда. <...> И никакой даже пошлины с вас не взяли за выезд?

Ш.: Нет, уже ж я заплатил там свои долги, в Берлине. Пошел я брать билет. Взял. Пятьсот тысяч марок.

Д.: Ну, это тогда небольшая была сумма. <...>

Ш.: В Германии мы жили так. Если мы что-нибудь покупали, то мы покупали в понедельник, потому что цены в магазинах устанавливались в понедельник, но в субботу...

Д.: В два раза дороже уже. <...> Мы тоже так жили. Но вы не помните. <...>

Ш.: Да. Сел в вагон – и поехал. Приехал, значит, во Францию, в Париж и отправился к Маклакову. Маклаков занимал еще <...> по-сольское помещение – это номер 6 rue Grenelle⁴⁵, улица такая узенькая, но хорошая считалась. Помещение это было еще по-старому оборудовано, был контингент служащих... Ну, немножко поменьше

⁴³ Дата прибытия Шульгина во Францию – 23 июля 1923 (см.: ГАРФ. Ф.5974. Оп.1. Д.1. Л.1).

⁴⁴ Л.Б.Красин был назначен полпредом СССР во Франции в конце 1924.

⁴⁵ Адрес русского посольства был: 79, rue Grenelle.

все это... жили они хорошо. А сестра Маклакова⁴⁶, <...> она считалась как бы посллица.

Д. (смеется): Жена посла.

Ш.: Да. Очень энергичная женщина, до крайности. Она содержала русскую гимназию в Париже, причем собирала...

Д.: На это деньги?

Ш.: Да, просто лично делала какой-нибудь спектакль отчаянный, и лично развозила билеты, и собирала большие деньги. Я же к этому времени уже очень обеднел, кое-что еще было, но очень плохо. Она, значит: «Ну, что вы будете делать?» Я говорю: «Пока я живу у вас, я ничего не буду делать. Но пойду предложусь в какую-нибудь студию кинематографическую». <...>

Д. (удивленно): Вы, в кинематографическую?

Ш.: Да. Ну, надо ж деньги получать. <...> Статистом. Пришел. Такие конторы были, которые набирали. <...>

Д.: Вспомнили, что вы на фараона похожи. <...>

Ш. (смеется): Да-да. И какая-то француженка меня допрашивает: «Что вы умеете делать? Ездить верхом умеете?» – «Умею». – «На велосипеде ездите?» – «Езжу». – «Можете править рулем?» – «Нет». – «На воде?» – «На байдарке, – говорю, – байдарочник, и под парусами». – «Очень хорошо». Еще что-то такое она у меня спросила. А потом сказала: «Да, все это хорошо, но все ж таки, знаете, обыкновенным статистом вы очень мало будете получать. Вам нужно немножечко подучиться. Это мы можем сделать. За сто франков мы вас подучим, и вы сможете уже что-то получать побольше». Ну, я сказал: «Благодарю вас», – и больше туда не ходил, потому что я понял, что это просто выцыгивание ста франков, больше ничего. Тогда Маклакова говорит мне: «Ну, у вас хорошая стройная фигура. Я могу вас сделать натурщиком». (*Оба смеются.*) Я говорю: «Спасибо. Голым стоять мне холодно». – «Ну, так что вам?» Я говорю: «Что-нибудь получше». – «Ну, – говорит, – я вам такое придумала! Вы только сумейте этим воспользоваться. Вот что я вам скажу. Во-первых, должна вам сказать, что у нас завтра будет на завтраке Станиславский и эта... Книппер⁴⁷ ...»

Д.: А-а-а! Это когда они совершали поездку. <...> Значит, уже двадцать четвертый год.

⁴⁶ Маклакова Мария Алексеевна (1878–1957) – общественный деятель русской эмиграции.

⁴⁷ Далее в процессе беседы Дувакин еще раз спрашивает Шульгина о встрече с К.С.Станиславским и О.Л.Книппер-Чеховой. Но рассказчик снова немногословен: *Д.:* Эта встреча для вас была хоть в какой-то степени, ну, интересный событием? / *Ш.:* Красивый старик, хорошо говорящий по-русски. <...> А Книппер была уже седая... / *Д.:* Уже тогда? / *Ш.:* Да. Особого впечатления на меня не произвело. А вот игра их, конечно, произвела впечатление <...>».

Ш.: Студия, студия, да, там была. «...Это очень интересно. И будет приглашена одна дама, сорокалетка (имейте в виду, что во Франции говорится, что женщина начинается с сорока лет), и её дочь, двадцатилетняя. Но, – говорит, – на двадцатилетнюю никто не будет обращать внимания. А эта – это львица, она известна в Париже, из-за нее стрелялись, из-за нее дуэли были – словом, такая дама. И она стоит во главе самого лучшего цветочного заведения, школы. Вы любите цветы?» Я говорю: «Нет такого человека, который не любил <бы> цветы». – «А вы что, понимаете?» – «Я понимаю то, что понимал мой садовник». (*Оба посмеиваются.*) – «Ну, – говорит, – восемь месяцев обучения, – и вас примут <...> куда хотите, во всей Франции. Только сумейте ей понравиться». – «Ну, – говорю, – я попробую». <...> Вот начался завтрак. Она меня посадила рядом с нею, с этой дамой (действительно, интересная дама), мы начинаем разговор. Разговор идет, конечно, об этой студии. Каждая француженка желала посетить этот театр. «Но, – говорит она, – я ж ничего не буду понимать, кто ж мне будет переводить?» Я молчу. Она говорит: «Вот вы не могли ли бы? У меня будет ложа». Я вижу, Маклакова делает мне рыбий глаз, что вот сама же судьба идет... <...> А я, «быстрый разумом Ньютон», подумал: «Фрак, лакированные ботинки, приличное пальто, шляпа... не такси же, а мотор какой-нибудь лучше, конфеты – так быстро – две тысячи франков. Откуда я их возьму?» Я поэтому представился, что я не понял. Она страшно обиделась – и дело было покончено. Маклакова меня ругала ужасно.

Д.: А вы объяснили, в чем дело?

Ш.: Я ей говорю: «Мария Алексеевна, <...> фрак, то, другое – две тысячи». – «Ну, да, это верно, что две тысячи, но что же вы, ребенок, не знаете, что делают в этом случае?» – «Нет, не знаю». – «Врут! Вы бы сказали ей, что вы в восторге. А потом написали бы записочку, что вы заболели. И все!» – «Ну, – я говорю, – кончено с этим, нечего разговаривать». <...>

Д.: Так что вы не были на спектакле студии Станиславского?

Ш.: Нет, был, был. Но уже я был в ложе с этими... с молодыми нашими офицерами, которые были рабочими на заводе. <...>

Д.: То есть фрак уже не требовался?

Ш.: Не-ет! (*С усмешкой.*) Какой там! Я вот с ними был и слышал их разговоры. Шел, кажется... я не знаю, не то «Дядя Ваня», не то... Ну кто-то там стреляется, что-то такое...

Д.: «Иванов»? <...>

Ш.: Ну да. Они это слушали и говорят: «Ну как же это так: имеет имение, имеет прекрасную жену, живет, как хочет, – что ему еще надо?! На завод, к Ситроену – вот, пожалуйста, – или в шоферы...».

Д.: Это они так восприняли пьесу Чехова, да? <...> А офицеры работали шоферами многие, да?

Ш.: Очень много было в Париже шоферов, причем они были на превосходном счету. Ну, ездили иногда с правонарушениями... Например, вот, мой приятель возил как-то по Парижу приехавшего сербского короля, так он никаких законов и скоростей не соблюдал. Но так как он шел под флажком королевским, то его не штрафовали. Зарабатывали они хорошо, настолько хорошо, что один месяц в году они брали отпуск, ездили семьями на юг Франции.

Д.: Ну, а у вас, значит, ничего не вытанцевалось с этой... с Маклаковой, в смысле работы? <...>

Ш.: Нет, не вышло ничего. Но вот что вышло. Как-то я пошел на улицу – rue Daug. Это на этой улице стоит русский храм, так высоко, очень красиво стоит храм. Я там прослушал обедню; все вышли, а я вижу, что один человек остался на паперти и смотрит на меня так грустно. Я его узнал. Это был один из сотрудников газеты, которая издавалась в Париже на русском языке и получала субсидию от остатков армии⁴⁸. Они, в общем, раньше стояли за Врангеля, и я у них сотрудничал, когда еще я был в Германии. Потом что за чепуха? – ругают Врангеля! Я им написал письмо, что я не могу у вас продолжать. Причем написал: «Милостивый государь» <...> Александр Иванович⁴⁹, что ли... И вот он стоит. Я вижу, и узнал его и подошел

⁴⁸ Речь идет о «Русской газете» выходившей в 1923–1925 (ее название Шульгин в своих воспоминаниях настойчиво «забывает»). Подробнее о причинах, по которым Шульгин прекратил сотрудничество с этой газетой, см. во вступительной статье.

⁴⁹ Имеется в виду Филиппов Александр Иванович (1887–1942) – журналист, литератор, сценарист; выпускник киевского художественного училища, работал в повременной печати Киева и Петербурга. Журналистскую карьеру в эмиграции начал как сотрудник берлинской газеты «Руль». В 1923–1928 сотрудник «Русской газеты» и «Русском времени». Письмо Шульгина от 3 июля 1923 сохранилось:

Милостивый государь Александр Иванович!

На днях в моем присутствии было заявлено, что Вы дали понять одному из друзей Петра Николаевича <Врангеля>: если не будет оказана денежная помощь, Вы можете выступить против него. Через некоторое время после этого разговора была основана «Русская газета» и появились известные статьи Евгения Амвросиевича <Ефимовского>. Я ни сколько не сомневаюсь в искренности Евгения Амвросиевича и даже хочу думать, что и Вас не поняли и что все это только совпадение. Но все же это совпадение бросает такую тень на «Русскую газету», что я не считаю возможным дальнейшее мое в ней участие. Возвращая Ваш чек, полученный мной в качестве гонорара за напечатанные статьи, я прошу еще не напечатанные – не печатать и снять мое имя с заголовка «Русской газеты».

(ГАРФ. Ф.5974. Оп.1. Д.76. Л.2).

В ответ Филиппов прислал четырехстраничное объяснение, где отвергал свою причастность к выступлениям Е.А.Ефимовского, при этом подчеркивал,

к нему, у него слезы на глазах. Я говорю: «Что с Вами такое?» – «Как Вы могли мне написать “милостивый государь”»? Я говорю: «Потому что Вы так себя повели». – «Да. Мы Вам объясним». «Мы» – это значит еще Ефимовский⁵⁰. А с другой стороны, я побывал у Миллера, который стоял во главе РОВСа⁵¹. <...> И этот мне Миллер говорит... Я-то к нему пришел и говорю: «Мне ничего не нужно от вас. Но, может быть, вам что-нибудь от меня нужно?» Он говорит: «Да. Вы знаете эту всю историю, мы же их субсидируем. Почему они так повернулись против Врангеля? Не можете ли вы разуздать?». Я говорю: «Могу». Они меня пригласили (вот этот самый Александр Иванович и Ефимовский) в кафе, называется кафе «Орега», где столики еще есть, где сохраняется решеточка, где играл Наполеон в шахматы. Вот неподалеку от этого столика мы сошлись. И они объясняют: «И вот мы должны сказать вам следующее: вы, конечно, помните, что мы стояли за Врангеля. Но вдруг приезжает сюда Марков 2-й, явился к нам в редакцию и говорит: – Я только что от великого князя Николая Николаевича. – Ну и что? – Он очень недоволен Врангелем».

Д.: Почему?

Ш.: Почему? Бог его знает – почему. Вероятно, такая всякая сплетня. Врангель занял в эмиграции такую позицию: я стою во главе Общевоинского союза, политикой не занимаюсь, потому что булавочными уколами не занимаюсь. Денег у меня нет. Поэтому если великий князь Николай Николаевич желает заниматься политикой,

что разочарование П.Н.Врангелем «появилось год тому назад», а субсидий газета от него не получает (Там же. Д.195. Л.1).

⁵⁰ Вот что в оправдание своих действий писал Е.А.Ефимовский:

Однажды меня вызывает приехавший из Берлина Марков с полной таинственностью сообщает: «Русский генеральский заговор. В разрез с монархическим движением у них решено вести на престол ген. Врангеля. Для прикрытия ссылаются на <великого> <князя> Николая Николаевича. Его будут держать в тени, а вся игра будет на его “помощнике” и “заместителе” – ген. Врангеле, с тем, чтобы в нужную минуту отстранить вел. князя и самому занять престол. Вел. князь поставлен об этом в известность. Он не может». Я спросил: «Вы мне сообщаете это официально?» – «Совершенно официально и конфиденциально. Кампания должна иметь вид, будто бы она исходит от вашей группы, а не по указанию свыше». <...> Для меня не представляет теперь ни малейших сомнений, что я стал жертвой провокации со стороны Маркова 2-го и что вел. кн. Николай Николаевич не только не желает нападать на ген. Врангеля в печати, но требовал как раз обратного.

(цит. по: Что это? // Новое время. 1925. 9 апреля).

⁵¹ Миллер Евгений Карлович (1867–1937) – военный деятель. Ближайший сотрудник П.Н.Врангеля и вел. кн. Николая Николаевича. С 1930 возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший эмигрантские военные организации во всех странах. Шульгин был членом РОВС с 1924, а с 1933 – членом Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП).

то это его дело. А великий князь Николай Николаевич занимался политикой. <...> Вот явился Марков 2-й. Марков 2-й большой нахал. Они испугались и стали ругать Врангеля. Я говорю: «И вы так поверили все Маркову 2-му? – Да, поверили. Он сказал: – Я прямо от великого <князя>». Я говорю: «Бросьте. Возвращайтесь к старому». – «Да как же мы вернемся?» – «Очень просто. Вы напечатаете передовую статью, которая начнется так: “Мы всегда говорили, что Врангель...” и так далее – “писанный – неписанный, мазаный – немазанный”. Читатель не разберется сначала, потом <подумает>: “Наверное, я что-то пропустил”». Потому что они действительно говорили раньше. Короткое время. Появляется такая статья. Я пришел к этому Миллеру. «Как это вы устроили?» – «Ну, – говорю, – секреты ремесла. Они будут писать за Врангеля». – «Ну, а мы их будем субсидировать». – «Ну и ладно». Вот такой инцидент. Интересно вам?

Д.: (*Перецелк магнитофона.*) Продолжаем в тот же день.

Ш.: Можно?

Д.: Да-да, пожалуйста. <...>⁵²

Ш.: После пребывания в Париже я жил во Франции на уединенном хуторе. Я говорил уже, что на паперти Rue Dagu я встретился с одним человеком, которому я должен был, по просьбе генерала Миллера, устроить там газетные неурядки. А он мне сказал, что его родной брат живет на юге Франции⁵³, в страшной глуши, но очень хорошо, с женой своей вдвоем, что они, конечно, скучают и «очень были бы рады, если б <вы> к ним приехали, и по очень дешевой цене могли бы вас содержать». И я к ним поехал. <...> Это было... называлось Clos de Patase, то есть clos – значит, место такое, как вам сказать... <...> Patase – это название.

Д.: Понятно. Василий Витальевич, но вы уходите уже из квартиры Маклаковых, а вы обещали мне немножко охарактеризовать самого Маклакова. <...>

Ш.: Хорошо. <...> Василий Алексеевич Маклаков, член Государственной Думы трех созывов, в то время <...> русский посол во Франции, человек, говоривший по-французски, как по-русски, образованный, окончил два факультета: юридический и, кажется, филологический. <...> Пользовавшийся влиянием во Франции. Вместе

⁵² Далее опущен рассказ Шульгина о встречах и общении с ясновидящей А.В.Сакко, о ее провидческих способностях и предсказаниях. Попутно Шульгин рассказывает о психических расстройствах в семье своей первой жены – Шульгиной Екатерины Григорьевны (Градовской; 1879–1934). Пересказ знакомства и общения с Сакко был опубликован: Жуков Д.А. Ключи к «Трем столицам» // Шульгин В.В. Три столицы М., 1991. С.418-420.

⁵³ Речь идет о Федоре Ивановиче Филиппове, брате А.И.Филиппова.

с тем я узнал тогда, что он действительно масон⁵⁴. <...> Об этом я уже кое-что знал и раньше, будучи членом Государственной Думы. Однажды, в перерыве, в Екатерининском зале, который... назывались кулуары, Марков 2-й перед группой собравшихся членов Государственной Думы ораторствовал о масонах и называл имена. В это время мы с Маклаковым подошли к этой группе. Он продолжал, Марков 2-й. Тогда Василий Алексеевич вдруг спросил: «Так, Николай Евгеньевич, вы, пожалуй, станете утверждать, что и я масон?» Марков ответил ему весьма вежливо (что редко с ним бывало) так: «Да, Василий Алексеевич, вы масон и очень высокой степени». Маклаков рассмеялся, но ничего не ответил.

Д.: А масонство вот в ту пору преследовалось или нет?

Ш.: Нет, ничего не преследовалось, это была какая-то тайная организация, но никто ее не преследовал, по крайней мере в России. <...>

Д.: А почему вы сказали, что с ним редко бывало... а Марков 2-й отличался грубостью, что ли?

Ш.: Да. Резкостью больше. Он лицом был очень похож на Петра Великого, причем это было наследственное, потому что он, в общем... предки его были Нарышкины. Может, он поэтому думал, что надо говорить грубо. Но иногда он говорил вещи весьма веские.

Д.: Ну, а как же Маклаков держал себя во Франции <...>?

Ш.: Позвольте, я сейчас договорю о Маклакове еще в Государственной Думе, потому что перед тем, как мы подошли к этой группе, где ораторствовал Марков 2-й, мы с Маклаковым вышли из зала заседаний, причем он резко крикнул: «Кабак!». Это был один из таких дней, когда действительно, происходили там какие-то кабаковидные заседания. Увидев меня, говорит: «А вы знаете, что бы надо бы, чтоб было бы, чтобы нас всех возвысило и объединило?» Я говорю: «Что?». Он, оглянувшись на все стороны, сказал мне шепотом: «Война с Германией». Таким образом, уже в последующей своей жизни я понял, что масоны желали войны с Германией, которая и разразилась. И действительно, на первых порах всех подняла и возвысила эта война. Теперь. Вы спрашиваете, как держал себя Маклаков как масон во Франции?

Д.: Ну, я не знаю, как масон ли, но вообще, так сказать, его позиция там, поведение. Ведь это было накануне признания уже?

Ш.: Да, незадолго. Держал себя уверенно, потому что чего ж ему было беспокоиться. А насчет масонства... Он мне никогда не говорил, что он масон, но давал понять, что это так. И объяснял мне следующее: масонство сейчас сильно изменилось, в том отношении, что

⁵⁴ Рассказ о масонстве В.А.Маклакова был, как вспоминают бывавшие у Шульгина люди, одним из наиболее любимых и часто им повторяемых.

оно мало скрывается. Сейчас бывает так называемое *séance blanche*, то есть публичное заседание масонов. Сейчас, говорил он, масонство является большим союзом взаимного страхования, потому что, по масонству, все масоны братья, говорят друг другу на «ты», и какой-нибудь совершенно незначущий человек <при> встречах на этих заседаниях с масонами может встречаться с министрами, обладающими властью, на равных правах. И этот маленький человек может сказать: «помоги мне, брат, я плохо живу». Отклики этого я потом лично подсмотрел на юге Франции. Там один маленький почтовый чиновник жаловался мне, что он ужасно мало получает жалования, и говорил: «Конечно, я мог бы устроиться: стоит стать масоном – и будешь получать больше. Но я не хочу быть масоном». <...>

Д.: Ну, а когда там появился Красин, Маклаков ушел тихо?

Ш.: Маклаков стал председателем Эмигрантского комитета. <...> И все-таки у них остались некоторые средства, потому что от старого времени у послов были средства, в том числе у английского посла, и они эту кассу объединили и могли в известной степени помогать кое-кому.

Д.: Значит, он не сдал средства посольства советскому послу, нет?

Ш.: Он, кажется, сдал, но английский <посол> не сдал⁵⁵. Я знаю, что через Маклакова четыре русских писателя получали тысячу франков в месяц. Я забыл, кто это, но мне Маклаков с возмущением говорил, что когда они немножко запоздают, эти деньги, то эти устраивают скандал, эти четверо⁵⁶. Из... еще из парижской позднейшей жизни. Однажды (я жил уже на юге Франции) я получаю приглашение. Парижские русские евреи затеяли однодневный митинг публичный на тему: «Что же, собственно, антисемитам в евреях не нравится?». Я получил приглашение, и даже предлагали мне деньги на проезд⁵⁷. Я не поехал, ибо считал прямо глупостью говорить о еврейском вопросе на единомысленном митинге. Но в ответ на это я написал веселый том, который был озаглавлен «Что нам в них не нравится»⁵⁸.

⁵⁵ Имеется в виду Саблин Евгений Васильевич (1875–1949) – дипломат, общественный деятель. С 1915 – первый секретарь посольства в Лондоне. В сентябре 1919 принял полномочия посланника от К.Д.Набокова. После отставки в 1924 стал представителем русских эмигрантов в фонде Нансена, возглавил эмигрантскую колонию в Лондоне. Подробнее см.: *Будничкий О. 1) Дипломаты и деньги. 1. «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Т.4. СПб.; Париж, 2002. С.457-508; 2) «Советская дипломатия покажет еще англичанам <...> кузькину мать!» (Из истории советофильства) // Диаспора. Т.7. Париж; СПб., 2005. С.511-550.*

⁵⁶ Подробности данного сообщения установить не удалось.

⁵⁷ Диспут об антисемитизме состоялся 27 мая 1928 в Париже.

⁵⁸ В своей книге Шульгин так объясняет причину отказа приехать на диспут: «за невозможностью прибыть в Париж» (*Шульгин В.В. Что нам в них не нравит-*

Д.: Есть такая книжка?

Ш.: Да, такая книжка вышла. И она существует сейчас, только ее очень трудно достать.

Д.: А где она, в каком городе вышла за границей?

Ш.: В Париже. <...> Издал ее... такой был знаменитый хирург, профессор Алексинский⁵⁹. <...> На это последовали отклики. А в общем, даже странно, что приняли эту книгу дружелюбно и антисемиты, и семиты. Это объясняется следующим. Я разделил антисемитизм на три категории: антисемитизм расовый, о котором я рассказывал, что он во мне отсутствует; антисемитизм политический, о котором я сказал, что он во мне присутствует, в тех случаях, когда евреи ополчались против России; и третий антисемитизм... мистический, о котором на последней странице было сказано: «Мы не чувствуем в евреях благодати. Когда мы это почувствуем, если мы это почувствуем, то они нам, конечно, понравятся». И это сбылось. Надо сказать, что после всего, что евреи претерпели от <...> Гитлера, в этих страданиях, которые были действительно великие, в них появилась какая-то благодать, которая действительно бывает в таких несчастьях. Они стали другими. Некоторые, конечно. Но вот поэтому обе стороны как-то отнеслись сочувственно к этой книге, которая была какое-то разрешение <сомнений>, – когда они нам нравятся.

Д.: Вот это очень интересно.

Ш.: Минуточку, закройте... (*Перецелк магнитофона.*) И Маклаков мне сказал: «Пока я живу, об этом не говорите. Но после моей смерти вы можете сказать. Когда этот был митинг однодневный, то евреи говорили так: “Что в нас не нравится честным антисемитам?” Так вот вы, Шульгин, приняли это на свой счет, что вы чест-

ся... М., 1994. С.6). Книга была воспринята, конечно, по-разному; многим порядком надоел разбор еврейского вопроса, к которому Шульгин был более чем привязан, считая национализм символом XX века и спасением России. «Последние новости», которые и затеяли упомянутый диспут, поместили, еще до выхода книги, статью с ее разбором, при этом замечали: как только писатель прикасается к еврейскому вопросу, «его речь превращается в бред маниака»; это же жельчно повторялось и в «Руле» (см: Загадочная реклама // Руль. 1929. №2508, 24 февраля). «Руль» и раньше откликнулся на статьи Шульгина обвинением в прожектерстве, ибо «идея перманентного всеспасительного фашизма не смотрит в будущее русской государственности, а лишь отражает прошлое русской интеллигенции» (Там же. 1925. №1448, 6 сентября).

⁵⁹ Алексинский Иван Павлович (1871–1945) – хирург, профессор Московского университета (1910). Депутат 1-й Государственной Думы от кадетов. Во Франции возглавлял правление Общества русских врачей им. Мечникова и Объединение русских врачей за границей. Горячий сторонник объединения всех политических и общественных организаций за границей для продолжения борьбы с большевизмом.

ный антисемит. А на самом деле эта фраза относилась ко мне, к Маклакову. Потому что, вот, когда я умру, вы можете сказать: да, я был антисемит»⁶⁰. Вот что интересно, на мой взгляд. (*Перецелк магнитофона.*)

Д.: Почему вы уехали из Франции вообще, в Югославию? Ведь там же хуже.

Ш.: Потому мы уехали из Франции в Югославию, что мы хотели с Марией Димитриевой повенчаться.

Д.: А! Вот это понятно. А разве этого нельзя было сделать во Франции?

Ш.: Ну, мы хотели повенчаться там⁶¹, потому что там была семья Марии Димитриевны <...> и моя тоже: сестры были там⁶². <...>

Д.: И поселились вот в этом городишке...

Ш.: Городишке, его имя Сремские Карловцы. <...>

Д.: Но можно сделать вывод, что, собственно, поселившись в Югославии, вы, в сущности говоря, <...> перестали быть активной политической фигурой эмиграции? (*Пауза.*) Вы больше никакой газеты не издавали...

Ш.: Я газеты не издавал... Вы включили?

Д.: Да-да.

Ш. (громче): Я газеты не издавал, но я участвовал в «Новом поколении»⁶³ – это <...> такая организация антисоветская, которой центр был Белград, но она была и в других странах. <...> Конечно,

⁶⁰ В сохранившейся переписке Шульгина и Маклакова (ГАРФ. Ф.5974. Оп.1. Д.152) присутствует длительная многостраничная полемика по еврейскому вопросу, изучив которую, утверждение Шульгина можно воспринимать как угодно, но только не как убеждение В.А.Маклакова.

⁶¹ Шульгин не был разведен со своей первой женой Е.Г.Шульгиной и, хотя эпитимья была с него снята, он не состоял в браке с М.Д.Сидельниковой, которую, кстати, в официальных письмах именовал своей родственницей. По французским законам того времени, церковное венчание могло произойти только по предъявлении свидетельства о гражданском браке. Церковное венчание, совершенное в Сербии, признавалось за официальное бракосочетание в других странах Европы. В.А.Маклаков, не единожды объяснявший подробности этого дела Шульгину, призывал: «очень прошу Вас здесь, на территории Франции, незаконный не делать», поскольку они могли очень негативно отозваться и на общественном положении самого В.А.Маклакова (ГАРФ. Ф.5974. Оп.1. Д.152. Л.45). Шульгины обвенчались 21 сентября 1924 в городе Нови Сад, неподалеку от Сремских Карловци.

⁶² В Белграде жила Павлина Витальевна Могилевская, в Любляне – Алла Витальевна Билимович, сестры В.В.Шульгина.

⁶³ Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) – праворадикальная организация русской эмиграции. Первый съезд Национального союза русской молодежи (первоначальное название НТСНП), ставший первым общесоюзным съездом, проходил в Белграде 1–5 июля 1930. В нем приняли участие делегаты из Югославии, Франции, Болгарии, Чехии, Голландии.

я не принадлежал по годам к новому поколению, но я работал с ними в качестве такого их руководителя.

Д.: То есть воспитывали смену эмигрантскую?

Ш.: Да. Там же они издавали газету «За Россию», в которую я, не подписываясь, писал, в том числе написал «Открытое письмо Сталину»⁶⁴.

Д.: Вот это для меня страшно интересно. Открытое письмо такое – инвективу? <...>

Ш.: Да, такую очень вызывающую. Что я перечисляю там все главные народы Советского Союза и говорю: «Нет ни одного народа, которого вы не обидели». Вот такой смысл. Не подписано. <...>

Д.: Вы, Василий Витальевич, человек действительно исключительно сложный. Очень. И так переплетаются в Вас разные исторические пласты, вот поэтому с вами так и интересно. <...>

Ш.: Вы знаете, что я хочу сказать в заключение: я с величайшим удивлением замечаю, к концу жизни, что я всегда иду впереди, я иду с тем, что придет, но не пришло, и потому это будущее приходит в борьбу настоящему. <...> Я хочу закончить свою собственную историю каким-нибудь большим актом миролюбия.

Д.: Очень хорошо.

Ш.: Да. Поприщин говорит: «С милыми немками, свет-китайками ты вкусишь, Поприщин, святую хлеб-соль»⁶⁵. (*Дувакин смеется.*) Вот я и на Запад, и на Восток ищу миролюбия. Это, может быть, конечно, невозможно, но идеал всегда идет где-то впереди⁶⁶. <...> Ну, давайте кончать.

Д.: Давайте кончим на этом. Может, вас все-таки удастся мне и пригласить к себе на денек...

Ш.: Вы выключили уже?

Д.: Да. А сейчас, именно пока я еще не выключил, я крепко жму вашу руку.

На этом я заканчиваю мои четырехдневные записи бесед с Василием Витальевичем Шульгиным, которые я проводил у него на квартире во Владимире на улице Фейгина, дом 1, квартира 1. Попытаюсь в будущем записать его в Москве, куда он собирается.

⁶⁴ Статью с подобным названием или подобной тематики обнаружить не удалось.

⁶⁵ Не удалось установить автора фразы. Возможно, образец собственного творчества Шульгина.

⁶⁶ Именно так в беседе с Дувакиным объяснял Шульгин и свои «Письма русским эмигрантам» и прочие общественно-политические выступления последних лет жизни.

Д

Хроника

Рашит Янгиров
ХРОНИКА
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ЗАРУБЕЖЬЯ. ГОД 1929-й

Русское присутствие в мировом кинематографе XX века – интереснейшая тема, заслуживающая внимательного изучения и всестороннего описания¹. Пионером в разработке темы был Ю. Анненков²: избрав форму биофильмографического словаря, далекий от академичности автор полагался лишь на собственную память и эрудицию, и это существенно ограничило полноту и достоверность собранных им материалов, о чем он честно предупредил читателя³. Со времени публикации этой ценной работы в научный оборот вошел огромный пласт материалов, связанных с деятельностью кинематографистов-эмигрантов в 1920-е – 1930-е, и в этом заслуга прежде всего зарубежных исследователей⁴.

¹ Этот сюжет должен был войти отдельным разделом в «Золотую книгу Зарубежья», задуманную в 1960. См.: *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. Доп. вып. Париж, 1973. С.109.

² *Анненков Ю.* Русские в мировой кинематографии // Возрождение: Литературно-политические тетради (Париж). 1968. №200–204 (републ. Е.Цимбалом: Киноведческие записки (М.). 1996. №30). Ср: «Если бы Ю.П.Анненков не произвел этой кропотливой работы, то совершенно исключительное по своему разнообразию участие русских в шестом искусстве осталось бы неотмеченным, и поэтому надо быть благодарными за его труд» (*Ковалевский П.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1971). Париж, 1971. С.275). Отметим ошибку автора: следом за первым кинотеоретиком Р.Канудо западная эстетика XX в. считала кинематограф седьмым искусством (см. об этом: *Аристарко Г.* История теорий кино. М., 1966. С.15–21).

³ *Анненков Ю.* Русские в мировой кинематографии // Возрождение. 1968. №204. С.81.

⁴ См., например: *Borger L.* From Moscow to Montreuil: The Russian Emigres in Paris 1920–1929 // *Griffithiana* (Pordenone). 1989. №35/36; *Thompson K.* The Er-

В последние годы были осуществлены масштабные, хотя и неравноценные по качеству версии общей и тематической хронологизации истории зарубежья⁵, основанные на русских источниках, однако кинематограф в них не представлен вовсе либо занимает незаслуженно скромное место. По-видимому, это – эффект методологического стереотипа, который должен преодолеть профессионал: «Фильмам, созданным за границей, официально присваивалась и присваивается национальность той страны, где они были осуществлены или – просто того языка, на котором была выполнена их “оригинальная версия”. Подлинная национальность создателей фильма не принималась и не принимается во внимание»⁶.

moliëff Group in Paris: Exile, Impressionism, Internationalism // Idem; Хронология русского кинематографа во Франции / Сост. Ленни Борпер // L'Emigration Russe. Chronique de la Vie Scientifique, Culturelle et Sociale 1920–1940 = Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т.4 / Под общей ред. Л.Мнухина. М., 1997; *Fantasies russes. Russische Film-macher in Berlin und Paris. 1920–1930* / Red. Jörg Schoning. München, 1995; *Albera F. Albatros. Des Russes à Paris. 1919–1929*. Paris, 1995; *Film History: An International Journal*. Vol. 11. №2: *Émigré Filmmakers and Filmmaking*; *Langman L. Destination Hollywood. The Influence of Europeans on American Filmmaking*. Jefferson (North Carolina); London, 2000; *Journeys of Desire. European Actors in Hollywood. A Critical Companion* / Ed. by A.Philips and G.Vincendeau. London, 2006; и др.

⁵ См.: *La Vie Culturelle L'Emigration Russe en France. Chronique (1920–1930)* / Etablie par Michelle Beyssac. Paris, 1971; *L'Emigration Russe. Chronique de la vie Scientifique, Culturelle et Sociale en France. 1920–1940* = Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общей ред. Л.Мнухина. М., 1995–1997; *Chronik russischen Lebens in Deutschland. 1918–1941* / Herausgegeben von Karl Schlögel, Katharina Kucher, Bernhard Suchy und Gregor Thum. Berlin, 1998; *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Díl. I-II. 1919–1939* = Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. I-II. 1919–1939 / Под общей ред. Л.Белошевской. Прага, 2000–2001; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Франция (1920–1923)* // Российский литературоведческий журнал (М.). 1993–1996. №1–7; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Германия* // Там же. 1996–1997. № 8–11; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Чехословакия* // Там же. 1999. №12; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Югославия* // Там же. 2000. №13–14; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Харбин и Китай (1918–1945)* / Сост. О.А.Бузуев // Там же. 2001. №15; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Польша (1920–1932)* / Сост. О.В.Розинская // Там же. 2002. №16; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Болгария (1920–1940)* / Сост. Г.Петкова // Там же. 2003. №17; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Эстония* / Сост. С.Г.Исакова // Там же. 2004. №18; *Хроника литературной жизни русского Зарубежья. Финляндия (1918–1938)* / Сост. Э.Хямляйнен, Ю.А.Азаров // Там же. 2006. №20. См. также: *Хроника культурной и общественной жизни русской диаспоры в Финляндии. 1920 – 1930-е гг.* / Сост. Э.Хямляйнен. – <http://ricolor.org/europe/finlandia/fr/8/>

⁶ *Анненков Ю. Русские в мировой кинематографии // Возрождение. 1968. №200. С.122.*

Наша «Хроника кинематографической жизни русского зарубежья (1918–1940)» складывалась постепенно и поначалу определялась прикладными задачами исследовательской работы – главным образом, необходимостью воссоздания фактологии, «списочного состава» участников тех или иных событий и установления их внутренних взаимосвязей. По мере накопления материала стало очевидным, что это вспомогательное «сырье» складывается в полноценный сюжет, открывающий новый ракурс истории русского кинотворчества за рубежом⁷.

При этом мы намеренно отказались от использования архивных документов, предпочтя им печатные источники – мемуаристику, работы историков кино и исследователей художественной культуры эмиграции. Главным источником «Хроники» стала периодика, подтвердившая, что и в этом случае русское печатное слово за границей является неопенимым по содержанию разнообразию информатором и регистратором высокой роли экрана в иерархии культурных ценностей эмиграции⁸.

Кинематограф и связанные с ним люди – главные герои «Хроники», но читатель должен помнить, что ее фильмографические описания сфокусированы на эмигрантском компоненте⁹, и эта избирательность – сознательная. Она фиксирует только русских участников, не отражая, разумеется, их реальный статус в той или иной постановке (в большинстве случаев – технический или вспомогательный), и, за исключением постановщиков, выводит за скобки всех остальных, в том числе и тех, чье участие несравненно более важно с точки зрения истории кино. Мы полагаем, что пуристы-киноведы

⁷ Фрагменты «Хроники» были опубликованы в разных изданиях: Даты и факты из истории русской кинематографии за рубежом: 1919–1924 // Русская эмиграция. Литература, история, кинолетопись: Материалы международной конференции. Таллинн, 12–14 сентября 2002. Иерусалим; Таллинн, 2004; Летопись российского кино. Т.1: 1896–1929. М., 2004; Т.2: 1930–1945. М., 2007.

⁸ Ср.: «Бурное освоение культурного наследия русского зарубежья, наблюдаемое в последние годы, подводит к необходимости тщательного изучения материалов ежедневной прессы, выходящей за пределами России. Чем больше мы углубляемся в историю русской эмиграции, тем сильнее убеждаемся в замечательном богатстве ее газетного мира. <...> Сейчас в повестке дня оказывается <...> исследование газетного мира русской диаспоры как некоего единого целого, как некоей системы “сообщающихся сосудов”, в аспекте полемики разных органов печати друг с другом, в плане взаимоотношений их с прессой на других языках в тех же странах и в контексте международных газетных связей в целом. Поставлена эта задача должна быть динамически, с точки зрения меняющегося статуса того или иного печатного органа по отношению к эмигрантской и неэмигрантской прессе в целом и в связи с событиями политической, общественной и культурной жизни эпохи» (Флейшман Л. Рижская газета «Сегодня» и культура русского зарубежья 1930-х гг. // Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford Slavic Studies. Vol. 13. 1997. С.11-12).

⁹ В тех случаях, где фильмографические справки не снабжены библиографической отсылкой, их источник, как правило, – электронная база данных Internet Movie Database (www.imdb.com).

без труда восполняют этот пробел, обратившись к соответствующим справочникам и энциклопедиям.

При составлении «Хроники» мы стремились с максимальной полнотой «запротоколировать» не только «текст», но и «контекст» кинематографической жизни, не сводимый лишь к событиям и фактам профессиональной жизни. Важно было показать непрерывные связи людей кино со всем спектром зрелищных и пластических искусств, с литературой и музыкой, равно как и зафиксировать разнообразные пересечения экрана с эмигрантской жизнью.

Особую роль в «Хронике» играет географическая экспонента, включающая полтора десятка стран Европы, Америки и Азии, где существовали локусы эмигрантской диаспоры. Хотя этот источниковедческий ресурс еще далеко не исчерпан (особенно в части периодики, издававшейся в «провинциальном» зарубежье), даже в освоенной части он существенно обогащает историческую картину, открывая в ней объем, внутреннюю динамику и упущенные событийные связи. Таким образом, например, можно определить движение тех или иных фильмов по экранам разных стран, которое, в свою очередь, дает материал для сравнения оттенков эмигрантской кинорецепции. Помимо прочего, панорамный взгляд опровергает миф о том, что советский зритель 1920-х был лишен возможности смотреть фильмы с участием эмигрантов. Прежде всего этому противоречат работы фильмографов¹⁰, а в советской печати того времени можно найти достаточно информации о прокате этих фильмов в СССР (анонсы, рецензии и т. п.). В таких случаях мы ограничились общими указаниями и лишь изредка фиксировали показы тех или иных фильмов в Москве и Ленинграде.

Представляя читателю фрагмент большой работы, следует объяснить, почему был избран именно год 1929. В истории кино известно, что именно этот год стал решающим в процессе смены общей парадигмы: на Западе немое кино окончательно уступило звуковому, и этот переворот повлек за собой массу последствий – технологических, кадровых, эстетических и т. п. Процесс этот был асинхронным – в августе 1926 на американских экранах появился фильм «Дон Жуан»¹¹, озвученный в системе «Vitaphone»¹², и на два года погрузил в хаос Голливуд¹³, а в 1929 новая эпоха началась и по

¹⁰ См. работы Ю.Грейдинга, Н.Егоровой, Е.Карцевой, указанные в списке использованной литературы.

¹¹ См. рекламу первого звукового фильма «Дон Жуан» (реж. Алан Кросслэнд, производство Warner Bros. Pictures): «Наконец-то – кинематографические картины, которые говорят, играют и поют при помощи удивительного изобретения сегодняшнего дня – «Витафона»» (Новое русское слово. 1926. 22 августа. С.4).

¹² В состав первой звуковой программы входили и русские «поющие» номера – «Волжский бурлак» и «Вечер на берегу Дона», однако по каким-то неизвестным пока причинам их выпуск был отложен до мая 1927. См.: *Bradley E.M. The First Hollywood Sound Shorts, 1926–1931.* Jefferson (North Carolina); London, 2004. P.371, 394.

¹³ Ср.: «“Великий Немой” заговорил, и заговорил по-английски. А русские артисты с английским языком не в ладах. Да не только русские артисты. Американцы, которые благополучно играли в немых картинах, оказываются не у места в говорящих. То произношение не годится, то дикция не спенична. Холливуд

другую сторону Атлантики: «Умер немой фильм. Так, вторя с некоторым опозданием быстроходной Америке, провозгласила в 1929-м солидная Европа»¹⁴.

К новому зрелищу (а оно действительно воспринималось многими современниками как совершенно иное качество экрана) не сразу привык массовый зритель¹⁵, но еще болезненнее было отношение к нему профессионалов¹⁶, с трудом находивших себе применение в «тон-студиях» разных стран. Особенно пострадали русские актеры¹⁷ – лишь немногим дано было пройти

бросается к расплывшимся, как кролики, преподавателям дикции и выразительного чтения. Русские в суматохе. Акцент исправить почти невозможно, а какой русский артист говорит по-английски без акцента? Но проходит некоторое время, и положение разъясняется. По ходу сценариев в картинах имеются действующие лица – иностранцы: русские, французы, немцы – неважно, какой национальности. И русские артисты начинают играть французов и немцев. Происходит «чистка», после которой остаются опять-таки только настоящие артисты» (*А.Светлокамнев <А.Лихтенштейн>*. Русские в американском кино // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1935. 15 апреля. С.5).

¹⁴ Миклашевский К. Звуковое кино. Берлин, 1929. С.5.

¹⁵ Ср.: «Фильм не нуждается в слове. Слово – удел и богатство театра. Величие фильма и великие возможности – в его немоте, бессловесности. В этом его мистицизм и эстетика... Говорящий фильм – это Икар, которому предлагают костыли!.. Но самое большое огорчение причиняет мысль о том, что великие творения кинематографа замкнутся в узкие рамки провинции и государств» (*Поляков (Литовцев) С.* Витафон // Последние новости (Париж). 1928. 31 июля. С.4).

¹⁶ Ср.: «Услышав впервые о тонфильме, я отнесся к этому изобретению с большим недоверием; с исчезновением немоты исчезала интернациональность кино, никак я не мог себе представить идеального слияния голоса с экраном <...>. Такое недоверие по отношению к заговорившему вдруг немому испытывали все кинодеятели» (*Твердый знак <Ю.Офросимов>*. Первый русский тонфильм (Беседа с А.А.Волковым) // Руль (Берлин). 1929. 23 июня. С.8). См. также: *Алек <А.Александровский>*. Революция в кинематографии // Там же. 1929. 12 апреля. С.4; Чаплин против говорящего фильма // Последние новости. 1929. 20 сентября. С.3.

¹⁷ Ср. с мнением одной из жертв звукового экрана: «В немом синема актер молчал. Но он играл. Играл так, как хотел играть. Воздействовал, как мог, на зрительные впечатления толпы. Своей игрой мог захватить ее, увлечь, погрузить в мир сценического гипноза, в тайну совершенства сценического перевоплощения, заставить поверить зрителя в правду сценического обмана. Есть старая пословица: «Глаза – зеркало души человека». Глазами артист синема мог делать все, что хотел. Пользуясь передним планом при съемках, хороший актер синема мог глазами – только одними глазами – показать зрителю целую гамму самых разнообразных, самых сложных душевных переживаний. И не только показать, а заставить поверить зрителя в эти переживания, зачаровать его. Лицо, глаза, пластика актера, прекрасно к тому же использованные первым планом, – вот в чем краслась тайна синема, вот, что давало право синематографу называть себя искусством, «Великим Немым»... Теперь в говорящем кино переднего плана не существует. Актер прикован на съемке, <о> <есть> в течение всего времени развертывания драмы на экране, – прикован к микрофону. Иными слова-

тест на «фоногеничность», определявшийся с помощью несовершенной звукозаписывающей аппаратуры¹⁸, который проверил их языковые способности¹⁹. Таким образом, год 1929 открыл несовместимость «русского звука» с международным стандартом: «Еще в эпоху немого фильма многие выдающиеся русские актеры участвовали в постановках. Для многих из них из-за недостаточного знания языков работа сократилась или вообще прекратилась, когда пришлось выступать в звуковом кино»²⁰.

С этого времени начался массовый отток русских сотрудников из киностудий или их переход в тень – они переквалифицировались во вспомогательный состав – помощников режиссеров, гримеров, осветителей, монтажеров и пр. Лишь единицам (тому же Константину Миклашевскому, Эжену Деславу (Евгению Славченко)²¹, Лео Моги (Леониду Могилянскому) и Александру Уральскому) суждено было войти в элитарный круг мастеров звукового цеха, но эти истории уже выходят за рамки избранного нами сюжета...

ми, он возвращен к прежней тысяче и одной условностям старого драматического театра. В чем же теперь разница между театром драмы и говорящим синема? Разве только в том, что в театре вы видите пьесу в рельефе, слышите настоящий голос актера, ухом воспринимаете его характерный тембр, интонацию, а в синема ухо ваше из рупора ловит не живой голос актера, а его фальсификацию – мертвый, деревянный голос машины» (*Мозжухин И.* Коренная ошибка нового кино // *Заря (Харбин).* 1931. 1 января. С.5).

¹⁸ Ср.: «Революция, произведенная появлением звукового и говорящего кино, безжалостно сбрасывает “звезд” с вчера еще неприступных пьедесталов. Чтобы удержать за собою если не прежнее, то хотя бы какое-нибудь положение, “звезды” должны спуститься на уровень дебютантов и выдержать экзамен, который производят им специалисты-механики по записи голосов. Большинство, зная свои голосовые недостатки, сами не идут на этот экзамен, многие же экзаменуются и проваливаются. Проба голосов – злоба <дня> для кинематографического мира» (<*Б/н.*> *Проба голосов // Возрождение.* 1929. 6 сентября. С.4). О технических особенностях проверки актерской «фоногеничности» см.: *Миклашевский К.* Звуковое кино. С.90-94.

¹⁹ «Те, кто оказался “фоногеничным”, должны еще сдать второй экзамен – по иностранному языку. И только выдержав блестяще и это испытание, они могут занять свое прежнее место. На смену прежним “звездам” поднимаются новые – из театрального и мюзик-холльного мира, часто до сих пор никому не известные. И скоро кинематографические афиши запестрят непривычными именами поющих, пляшущих и “говорящих” артистов» (<*Б/н.*> *Проба голосов*). Ср. с признанием «Вице-мисс Россия 1931 года» Татьяны Яковлевой: «Пробовала сниматься в синемафотографе: все шло хорошо, пока не пришлось заговорить перед камерой “мувитона”. Режиссер пришел в панический ужас: вам, говорит, мадмуазель, надо было родиться на десять лет раньше, когда еще не было говорящего кино. А теперь постарайтесь избавиться от акцента и потом приходите» (*Иллюстрированная Россия (Париж).* 1931. №7. С.12).

²⁰ *Ковалевский П.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С.274.

²¹ О нем см. в нашей статье: Евгений Славченко / Эжен Деслав: От журналистики к экрану. Новое о творческой биографии кинематографиста // *Вестник РРГУ (М.).* 2007 (в печати).

ИСТОЧНИКИ

Периодика

Возрождение – «Возрождение» (Париж, 1925–1940), ежедневная (с 1936 еженедельная) газета

За Свободу! – «За Свободу!» (Варшава, 1921–1932), политическая, литературная и общественная ежедневная газета

Заря – «Заря» (Харбин, 1920–1938), ежедневная газета

Иллюстрированная Россия – «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939), литературно-иллюстрированный журнал

Кино – «Кино» (Москва, 1923–1941), иллюстрированное издание (до марта 1927); затем – еженедельная газета, орган Общества друзей советской кинематографии

Новое русское слово – «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910–), ежедневная газета

Новая заря – «Новая Заря» (Сан-Франциско, 1928–1972), ежедневная газета

Новое время – «Новое время» (Белград, 1921–1930), ежедневная газета

Последние новости – «Последние новости» (Париж, 1920–1940), ежедневная газета

Руль – «Руль» (Берлин, 1920–1931), ежедневная газета

Рупор – «Рупор» (Харбин, 1921–1938), ежедневная вечерняя газета

Русский голос – «Русский голос» (Нью-Йорк, 1917–), ежедневная (с 1963 – еженедельная) газета

Русское слово – «Русское слово» (Харбин, 1926–1935), ежедневная газета

Сегодня вечером – «Сегодня вечером» (Рига, 1924–1940), ежедневная газета (вечерний выпуск газеты «Сегодня»)

Театр и жизнь – «Театр и жизнь» (Париж, 1928–1935), иллюстрированный журнал

Литература

Абызов – *Абызов Ю.* А издавалось это в Риге. 1918–1940: Историко-библиографический очерк. М., 2006

Аренский – *Аренский К.* Письма в Голливуд: По материалам архива С.Л.Бертенсона. Monterey (California); Munchen, 1968

Боргер – Хронология русского кинематографа во Франции / Сост. Л.Боргер = L'Emigration Russe. Chronique de la Vie Scientifique, Culturelle et Sociale 1920–1940 // Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т.4 / Под общей ред. Л.Мнухина. М., 1997

Грейдинг – Каталог французских немых фильмов, бывших в советском прокате / Сост. Ю.Грейдинг // Кино и время: Бюллетень. Вып. 4. М., 1965

Егорова – Каталог немецких немых фильмов, бывших в советском прокате / Сост. Н.Егорова // Кино и время. Вып. 4. М., 1965

Карцева – Американские немые фильмы в советском прокате / Сост. Е.Карцева // Кино и время. Вып. 1. М., 1960

Седых – *Седых А.* Там, где была Россия. Париж, 1930

Солодухин – *Солодухин И.* Жизнь и судьба одного казака (1962) // Джигитовка казаков по белу свету. М., 2006

Летопись – Летопись жизни и творчества М.А.Чехова // Михаил Чехов. Литературное наследие: В 2 т. Т.2. М., 1989

Albera – *Albera F.* Albatros. Des Russes à Paris. 1919–1929. Paris, 1995

Beatrice, Martin – *Beatrice L., Martin F.* Ladislav Starewitch. Filmographie illustree et commente. Annecy'91. 1991

Borger – *Borger L.* From Moscow to Montreuil: The Russian Emigres in Paris 1920–1929 // *Griffithiana* (Pordenone). 1989. №35/36

Bulgakowa – *Bulgakowa O.* Sergei Eisenstein. A Biography. Berlin; San Francisco, 2001

Deutsche Tonfilme – *Ulrich K.J.* Deutsche Tonfilme: Lexicon der Abendfullenden Deutschsprachigen Spielfilme (1929–1945). Berlin, 1988

Dr. Mabuse – Die ungewöhnlichen Abenteuer des Dr. Mabuse im Lande der Bolschewiki. Berlin, 1995

Fantasies russes – Fantasies russes. Russische Filmmacher in Berlin und Paris. 1920–1930 / Red. J.Schoning. München, 1995

Kronika-I – Kronika kulturniho, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československe republice (Práce Slovanského ústavu AV ČR. Nová rada, svazek 10) Díl I-II: 1919–1939 = Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. I-II: 1919–1939 / Под общей ред. Л.Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000–2001. Т.1: 1919–1929.

Český hraný film I – Český hraný film I. 1898–1930. Národní Filmový archive. Praha, 1995

Wotrrich – *Wotrrich Erika (red.)* M wie Nebenzahl. Nero-Filmproduktion zwischen Europa und Hollywood. Hamburg, 2002

Martinelli – *Martinelli V.* Il cinema muto Italiano i filmi degli anni venti // Bianco e Nero. 1981. №4/6

Merhaut – *Merhaut V.* Visits of Russian Actors in Czechoclovakia // *Griffithiana*. 1989. №37

Thompson – *Thompson K.* The Ermolieff Group in Paris: Exile, Impressionism, Internationalism // *Griffithiana*. 1989. №35/36

Tobis – Die Tobis. 1928–1945. Eine kommentierte Filmografie / Red. H.-M.Bock, W.A.Mosel, I.Spazier. Hamburg, 2003

В тех случаях, где события и фильмы не снабжены библиографической отсылкой, источниками сведений послужили электронные базы данных:

www.IMDB.com

www.cinegraph.de

www.ofdb.de

www.Filmportal.de

www.lips.org

www.earlycinema.com

www.filmevona-z.de

www.earlycinema.com

www.cinematographers.nl

www.silentera.com

www.cineartistes.com
 www.michaelorgan.org.au/Metrojc.htm
 www.ellisland.org и др.

Кроме того, для уточнения дат и персоналий были использованы монографии и справочники:

Васильев А. Красота в изгнании. Творчество русских эмигрантов первой волны: Искусство и мода. М., 2000

Dictionnaire du cinema / Sous la direction de J.-L.Passek. Paris, 1995

Segrave K. Foreign Films in America. Jefferson; London, 2004

Kreimeier K. The UFA Story. A History of Germany's Greatest Film Company. 1981–1945. New York, 1996

Liebman R. Vitaphone Films. A Catalogue of the Feature and Shorts. Jefferson; London, 2003

Thompson F. Lost Films. Important Films That Dissappeared. New York, 1996
 Variety Film Reviews (New York; London). 1983. Vol. 3: 1926–1929

Список сокращений:

ассист. – ассистент
 назв. – название
 опер. – оператор
 пр-во – производство
 прод. – продюсер
 реж. – режиссер
 сцен. – сценарист, сценарий
 худ. – художник

* * *

Начало января

Париж. Начало съемок фильма «*Тараканова*».

Возрождение. 1928. 27 декабря

Париж. Сinema «Сameo». Показ фильма *L'Enfer de l'Amour* (русское назв. – «Трагедия русской матери») с участием Ольги Чеховой.
 Пр-во *Erda – Sofar*.

Последние новости. 1929. 11 января;
 Иллюстрированная Россия. 1929. №4

1 января

Париж. Премьера фильма *Les Deux Timides* («Двое робких»; реж. Рене Клер; ассист. реж. Георгий Лампен, опер. Николай Рудаков, худ. Лазарь Меерсон, прод. Семен Шифрин, Александр Каменка) с участием Петра Батчева, А.Н.Дракули и др. Пр-во *Sequana-Film – Films Albatros*.

4 января – конец сентября

Прага. Biograf «Metro». Показы хроникального фильма «Россия прошлого» («Россия в прошлом величии»).

Kronika-I, 324, 360

8–9 января

Белград. Большой зал университета, кино «Шарло».

Общество по распространению русской национальной и патриотической литературы устраивает на 2-й и 3-й дни Рождества от 2 до 5 часов дня кинематографические сеансы, на которых будут показаны картины, представляющие значительную историческую ценность: 1) Царская Россия, 2) Венчание Их Величеств Короля Александра и Королевы Марии и 3) Юбилей Кумановской битвы. Царская Россия демонстрируется в Белграде впервые и представляет собой ряд подлинных снимков из жизни и Царствования императора Николая II. Снимки связаны между собою хронологической последовательностью и внутренним содержанием.

В картину были включены съемки коронации Николая II в мае 1896 и его поездок в Швецию и Румынию, парада французских войск в присутствии великого князя Николая Николаевича и маршала Жоффра, торжества в Москве по случаю 300-летия Дома Романовых, приезда в Петербург германского кайзера Вильгельма II, прибытия президента Французской республики Раймона Пуанкаре для подписания франко-русского союза, а также хроника первых дней Мировой войны в Сербии. Вторая часть фильма состояла из хроникальных кадров о жизни русской армии в Галлиполи и на острове Лемнос.

Новое время. 1929. 5 января

10 января

Париж. Cinema Max Linder. Премьера фильма *L'Argent* («Деньги»; реж. Марсель Л'Эрбье, ассист. реж. Георгий Лампен, худ. Лазарь Меерсон, Андрей Барсак, грим Владимир Кванин, фотограф Самуил Бриль, продюсер Семен Шифрин, Павел Пироне) с участием Николая Палчевского, Евгения Гайдарова, Григория Рахматова, А.Мас-сальского, Константина Сафонова, А.С.Ранецкого, В.А.Зелицкого, Бориса Карабанова, Бориса Эспе, Бориса Васильева, Бориса Тригорина, В.И.Чернявского, Б.И.Давыдова, К.Г.Константинова, Марии Читау и др. Пр-во *Cinematondial*. Из отзыва: «На просмотре вчера добрая половина театра была наполнена русскими».

Последние новости. 1929. 11 января; Боргер, 659-660

13 января

Нью-Йорк. 5th Avenue Playhouse. Показ германского фильма *Rasputin* (оригинальное назв. – *Rasputins Liebesabenteuer* / «Любов-

ные похождения Распутина»; реж. Мартин Бергер, худ. Александр Арнштам) с участием Дианы Каренн, Натальи Лисенко, Николая Маликова, Давида Монко, Александра Мурского, Михаила Разумного, Александры Зориной, Лидии Триденской, Николая Швейделя и др. Пр-во *Martin Berger-Film GmbH*. «Все статисты – русские».

14 января

Белград. Биограф «Корзо». Показ германского фильма *Wolga-Wolga. Die Ballade von Stenka Rasin* («Волга-Волга. Баллада о Стеньке Разине»; реж. Вячеслав Туржанский, ассист. реж. Александр Уральский, сцен. Дон Аминадо, худ. Андрей Андреев, прод. Иосиф Ермольев) с участием Алексея Бондырева, Марии Бахарева, Федора Шалыпина-мл., Бориса де Фаста, Александра Полонского, Георгия Поземковского, Георгия Серова, Арута Вартана и др. Пр-во *Peter Ostermayr-Film GmbH*. Из отзыва:

В общем, эту новую постановку можно смело считать после «*Казаков*» лучшей иностранной постановкой из русской жизни. Картина производит прекрасное впечатление, которое еще усиливается благодаря русскому хору балалаечников «Яр», сопровождавшему картину исполнением волжских песен.

Новое время. 1929. 14 января

19 января

Рим. Премьера фильма *La vena d'oro* («Золотой талант»; реж. Гульельмо Зорзи) с участием Дианы Каренн и др. Пр-во *ADIA*.

Martinelli, 363

Нью-Йорк. Премьера фильма *The Case of Lena Smith* («Дело Лены Смит»; реж. Джозеф фон Штернберг) с участием Александра Волошина, Григория Ге и др. Пр-во *Paramount Famous Lasky Corporation*.

Нью-Йорк. Loew's Theatre. Показ французского фильма *Napoleon* (1927; реж. Абель Ганс, сореж. Александр Волков, Вячеслав Туржанский, Анатолий Литвак, опер. Николай Топорков (?), опер. Федот Бургасов, худ. Александр Бенуа, Александр Лошаков, Евгений Лурье, Владимир Мейнгарт, Петр Шильдкнехт, Сергей Пименов, прод. Ной Блох, Константин Гефтман, Леонид Комеровский, Георгий Лампен, Григорий Мечиков, Михаил Скрипников, технические директора Семен и Михаил Фельдманы, Яков (В.?) Гринев, грим Владимир Кванин, Борис де Фаст, фотограф Липницкий) с участием Николая Колина, Володи (Сергея? Николая?) Руденко, Аршавира Шахатуни, Г.Лампена, Петра Батчева, Б. де Фаста, Александра Кубицкого, Г.Мечикова и др. Пр-во *Cinè-France-Film – Wengeroff – WeSti – Societe General de Film*.

Нью-Йорк. 55th Street Playhouse. Показ германского фильма *Der Präsident* («Президент»; 1928, реж. Дженнаро Ригелли) с участием Ивана Мозжухина, Николая Маликова и др. Пр-во *Greenbaum-Film*.

25 января

Париж. Cinema Aubert-Palace. Показ американских короткометражных звуко-музыкальных фильмов, записанных в системе «Vita-phone». В программе русский сюжет – песня «Эй, ухнем!» в исполнении «волжских бурлаков».

Последние новости. 1929. 27 января

Белград. Биограф «Корзо». Показ германского фильма «*Власть тьмы*» (1923, реж. Конрад Вине, худ. Андрей Андреев) по пьесе Л.Толстого и с участием актеров МХТ Марии Германовой, Любови Егоровой, Марии Крыжановской, Поликарпа Павлова, Веры Павловой, Николая Массалитинова, Сергея Комиссарова, Георгия Серова, Александра Вырубова, Петра Шарова и др. Пр-во *Neumann-Filmproduktion*.

Новое время. 1929. 25 января

27 января

Нью-Йорк. Премьера фильма *Marquis Preferred* («Маркиз предпочтительнее»; реж. Френк Таттл) с участием Миши Ауэра, Александра Мелешева, Михаила Визарова и др. Пр-во *Paramount Pictures*.

28 января

Берлин. Премьера фильма *Mein Herz ist eine Jazzband* («Мое сердце в джаз-банде»; реж. Фредерик Цельник, худ. Андрей Андреев) с участием Ивана Коваль-Самборского, Лидии Потехиной, Лии Мары и др. Пр-во *Efzet Film*.

Конец января

Париж.

Секвана-Фильм поручила Марселию Л'Эрбье постановку фильма по роману Кесселя «*Княжеские ночи*» из быта русских эмигрантов в Париже.

Возрождение. 1929. 1 февраля

Берлин. Начало съемок Михаила Чехова в фильме «Полиш».

Летопись, 501

Январь

София. Приезд Аршавира Шахатуни и представителя UFA Анатолия Литвака для выяснения возможности съемок в Болгарии некоторых эпизодов для фильма «*Хаджи-Мурат*». Из интервью Шахатуни:

Фильм – грандиозен. Он превзойдет все прежние постановки А.Волкова... Число участвующих в фильме – свыше 10000 чело-

век. Декоративная часть поручена Билибину и Лошакову. Я обратился к военному министру ген. Бакирджиеву с просьбой разрешить войскам участвовать в съемках некоторых батальных сцен. Принципиальное согласие военного министра получено. Съемки начнутся не ранее мая. Почти все участники фильма – русские.

Экспедиция в Болгарию не состоялась.

Возрождение. 1929. 1 февраля

Париж. Премьера фильма *Brumes d'automne* («Осенние туманы»; реж. Дмитрий Кирсанов).

Боргер, 659

Париж. Премьера фильма *Trois jeunes filles nues* («Три обнаженные девушки»; сцен., реж. и исполнитель главной роли Николай Римский). Пр-во *Integral-Film*. Из отзыва:

Н.Римский – прекрасный актер, умный и тонкий. Бесспорно – один из лучших артистов на европейской киносцене... Фильм несколько легкомысленный по содержанию, но самые рискованные положения в нем оправданы неожиданностью и оригинальностью. Нигде острота не упирается в пошлость. При всей вольности комедии веет от нее чисто мопассановской цельностью... Отличная комедия. Легкая, свежая. Полная юношеского задора, порой озорства...

Возрождение. 1929. 15 марта; Боргер, 659

Берлин. Завершение съемок фильма «*Диана*».

Иллюстрированная Россия. 1929. №7

Голливуд.

Дирижеру К.Бакалейникову поручено руководство музыкальной частью постановки говорящей картины «*Молодое поколение*» по повести Ф.Херст «Это заслуживает смеха».

В общей сложности бывший дирижер Музыкальной студии МХТ Константин Бакалейников написал оригинальную музыку почти к сорока фильмам и аранжировал более ста постановок.

Последние новости. 1929. 25 января

Париж. Studio Epiney.

Хьюитт Грентхем-Хейес «начал крутить фильм по комедии Ш.Лафори «*Потому что я тебя люблю*». В главной роли – Николай Римский. Из русских заняты в производстве картины гг. Кваннин, Бриль, Мороз. <...>;

Указывают, что это будет первый фильм, в котором талантливый комик Римский выступит в серьезной драматической роли.

Последние новости. 1929. 1 февраля;

Возрождение. 1929. 1 февраля

Париж. Studio Billancourt. «Анри Фекур крутит «*Монте-Кристо*». Видная роль отведена молодой русской артистке Тамаре Стеценко».

Возрождение. 1929. 1 февраля

Франция.

В окрестностях Ниццы спешно строится русская деревня. На морском берегу сооружается русский флот времен Екатерины. Это – для картины «Тараканова», которую крутит французский режиссер Раймон Бернар для «Франко-Фильм». Р.Бернар не следует точно истории узницы Петропавловской крепости; по сценарию – это фантазия, баллада. Желая избежать «клюквы», Бернар пригласил советником по русскому вопросу А.П.Воротникова. Костюмы сделаны по рисункам Бориса Билинского... Русской колонии в Ницце предстоит хороший заработок в качестве статистов. Нужны опытные кавалеристы.

Последние новости. 1929. 8 февраля

Голливуд. «Русский певец М.Марков приглашен кинокомпанией ФБО в Лос-Анджелесе давать уроки пения и ставить голоса киноартистам».

Последние новости. 1929. 8 февраля

Берлин. «В новой постановке “Кин” играют А.А.Мурский и А.П.Бондырев».

Последние новости. 1929. 8 февраля

Париж. Подготовка к постановке фильма «Княжеские ночи» по мотивам одноименного романа Жоржа Кесселя.

Директор Шифрин заканчивает переговоры с цыганами, казаками, с целым рядом русских артистов, художников, музыкантов, операторов и приводит в боевой экип <так!> своих помощников... Кроме зрелища, близкого и понятного нам действия, подчас волнующего и захватывающего, вроде лихой казацкой джигитовки, мы услышим и любимые цыганские и казацкие песни в прекрасном исполнении хоров и сольных исполнителей: «*Le Nuits des Princes*» будет не немой, а «звуковой» картиной.

Иллюстрированная Россия. 1929. №5

1 февраля

Нью-Йорк. Премьера звукового фильма *Lucky Boy* («Счастливчик»; реж. Норман Таврог, Чарльз Вильсон, муз. руководитель Яков Бунчук) с участием Розы Розановой и др. Пр-во *Tiffany-Stahl Productions*.

Начало февраля

Берлин. Кончина деятеля русского кино Роберта Перского, с 1918 жившего в эмиграции и продолжавшего «заниматься своим киноделом до последнего дня. Он пользовался повсюду, как среди русских, так и иностранцев, исключительной любовью и симпатиями, ибо был он человеком исключительной энергии, жизнерадостности, ума и обаяния».

Руль. 1929. 10 февраля

Париж. Показ фильмов *La Marche nuptiale* («Свадебный марш») и *Le Ruisseau* («Ручеек») с участием Ольги Дэй.

Дэй – русская. Выбиться из рядов мечтающих о кинематографической карьере – не просто. Ольга Дэй впервые получила заметную роль в фильме благодаря поддержке режиссера Волкова («*Душа артиста*»). Игра и внешность ее обратили на себя внимание, и в апреле 1925 года О.Дэй вновь снимается с Римским в фильме «*Белый негр*». Еще несколько второстепенных ролей («*Колектт*», «*Казанова*», «*Тройное зеркало*») и – первые заглавные роли в «*Шушу – чемпион легкого веса*» и в недавно шедшей «*Патетической симфонии*». О.Дэй – артистка общества «Синероман» и «Парамаунт» – принадлежит к группе молодых артистов, имя которых на страницах специальных кинематографических изданий повторяется все чаще и чаще. Ее выделяют, отмечают ее игру, умение держаться, внешность, фотогеничность. Говорят, что за нею – будущее.

Возрождение. 1929. 25 января

Париж. Excelsior Cinema. Показ американского фильма *Crépuscule de gloire* («Закат славы»; оригинальное назв. – *The Last Command* / «Последний приказ») (1928, реж. Джозеф фон Штернберг, консультанты Александр Иконников, Николай Коблянский и Вячеслав Савицкий) с участием Михаила Визарова, Николая Сусанина, Александра Волошина, Николая Коновалова, Н.Коблянского (актерский дебют), А.Иконникова (актерский дебют), Шефтеля и др. Пр-во *Paramount Pictures*. Из отзыва:

Фильм поставлен прекрасно. Несомненно, американцы широко использовали тот русский материал, который осел у них в Холливуде... К сожалению, американцы не могли и здесь обойтись без тех зlostных и неизменно фальшивых передержек, которые всегда для них характеризуют русский царизм.

Последние новости. 1929. 1 февраля;

Возрождение. 1929. 15 февраля

9 февраля

Берлин. Gloria-Palast. Премьера фильма *Die Buchse der Pandora* («Ящик Пандоры»; реж. Георг-Вильгельм Пабст, ассист. реж. Марк Соркин, худ. Андрей Андреев). Пр-во *Nero-Film*.

Wottrich, 125

Париж, Cinema Paramount. Показ американского фильма *Amour* (оригинальное назв. – *Love*; реж. Эдмунд Гоулдинг, худ. Александр Толубов) с участием Николая Коновалова и др., снятого по мотивам романа Л.Толстого «*Анна Каренина*». Пр-во *MGM*. Из отзыва:

Было бы куда лучше, если бы американский Крез подарил нам этот фильм, не сославшись на Льва Толстого и не потревожив имен Вронского и Анны... Со смутным и горьким чувством смотришь на эти образы, чужие и почему-то носящие столь зна-

комые нам имена. В этом фильме – ничего, то есть решительно ничего хотя бы отдаленно совпадающего с образами забываемых страниц толстовской «Анны Карениной»!

Возрождение. 1929. 24 января.

11 февраля

Берлин. Universum Theater. Премьера фильма *Der Adjutant des Zaren* («Адъютант царя»; реж. Владимир Стрижевский, опер. Николай Топорков, прод. Георгий Витт, асс. реж. В.К.Леонтович) с участием Ивана Мозжухина, Георгия Серова, Даниила Дольского, Александра Полонского, Александра Гранаха и др. Пр-во *Greenbaum-Film GmbH*. Из отзыва:

Дореволюционный, довоенный Петербург, царствование последнего государя. Происходят блестящие приемы, балы, торжественные аудиенции, рябит в глазах от великолепных мундиров, пышных дамских туалетов, – все это великолепно и свидетельствует о массе затраченного труда и внимания и делает честь мастерству талантливого русского режиссера. Трудно себе представить, однако, что и сценарий сделан самим Стрижевским. Против этого говорит его талантливость и его национальность: содержание представляет сплошную и притом ненужную выдумку, в то время как можно было бы найти мотивы реальные, которые бы сделали содержание гораздо более тонким и интересным.

Руль. 1929. 16 февраля;

Fantasies russes, 170

14 февраля

Берлин. Capitol Lichtspiele. Премьера фильма *Der lebende Leichnam* («Живой труп»; реж. Федор Оцеп, прод. Григорий Фридлянд) с участием советских и германских кинематографистов, а также эмигрантов, участвовавших в массовых сценах. Пр-во *Межрабпомфильм – Prometheus-Film – Länder-Film* (московская премьера фильма состоялась 26 марта 1929).

Dr. Mabuse, 213

Середина февраля

Париж. «Съемки “Плодородия” (режиссура Анри Этьевана и Николая Евреинова) закончены. Режиссеры приступили к монтажу».

Возрождение. 1929.15 февраля

Париж, Cine Latin. «Показ авангардного фильма *La Marche des machines* («Марш машин»; реж.-опер. Эжен Деслав).

Последние новости. 1929. 15 февраля.

Париж. «Монтаж “Калиостро” закончен. На экранах фильм появится в марте».

Возрождение. 1929. 15 февраля

16, 22 февраля

Берлин. Литературно-драматическое общество им. А.Н.Островского. Художественные вечера с участием Елены Полевицкой, Осипа Рунича и др.

Руль. 1929. 12, 16 февраля

21 февраля

Харбин. Театры «Модерн», «Палас», «Гигант», «Ориант». Показы немецкого фильма «Трагедия России» (1928, оригинальное назв. – *Dornerweg einer Furstin*) (реж. Николай Ларин, сореж. и сцен. Борис Неволин, худ. Иван Мясоедов, ассист. реж. В.Мамонтов, Владимир Барский, прод. Леонид Гранский, Владимир Яновский) с участием Григория Хмары, Владимира Гайдарова, Лидии Триденской и др. Пр-во *Memento-Film*. Из отзыва:

Аплодисменты, переходящие в овацию, когда на экране вырастает легкая, такая далекая и значительная тень императора. Широкоплечий крупный мужчина горько плачет, давясь и всячески стараясь, чтобы не слышно было его слез... Театр в сплошном водовороте рыданий, бешеных хлопков и даже срывающихся то тут, то там криков «Ура». Теперь уже все ощущают себя в обстановке совершенно необычных переживаний... У многих на глазах слезы... Вот это картина, которую действительно обязан посмотреть каждый русский человек...

Русское слово. 1929. 21, 22 февраля;

см. также: Рупор. 1929. 21 февраля; Заря. 1929. 22 февраля

Белград. Биоскоп «Коларац». «Премьера величайшего мозжухинского фильма “Князь Борис”». Оригинальное назв. – *Der Adjutant des Zaren*; 1928, реж. Владимир Стрижевский, опер. Николай Топорков, прод. Георгий Витт, асс. реж. В.К.Леонтович, с участием Ивана Мозжухина, Георгия Серова, Даниила Дольского, Александра Полонского, Александра Гранаха и др. Пр-во *Greenbaum-Film GmbH*. «Русские кинооператоры снимали, режиссировал известный русский режиссер Владимир Стрижевский, а главную роль играет гениальный русский артист Иван Мозжухин».

Новое время. 1929. 21 февраля

22 февраля

Париж. Electric Aubert-Palace. Показ германского фильма *Weiss in Flammen* («Белое пламя»; реж. Макс Рейманн) с участием Ольги Чеховой, Алексея Бондырева и др. Из отзывов:

Это – первая картина, вышедшая из нового фильмового предприятия, основанного нашей соотечественницей в Берлине. Сценарий, обработанный Ольгой Чеховой, исполняющей в фильме главную роль, не следует установившемуся шаблону обязательного счастливого конца. Героиня гибнет в пламени грандиозного

пожара крупного модного магазина. Фильм смотрится с интересом. Ольга Чехова правдиво, искренне передает «пламенные» душевные переживания. Графа хорошо играет А.Бондырев.

Последние новости. 1929. 15, 22 февраля

Хорошее русское лицо. Мерцающие – то затуманенные грустью, то блеском любви горящие – глаза. Расцвет зрелой женской красоты и обаяния. Такова – Ольга Чехова... Редко приходится видеть европейскую картину, которая не страдала бы рядом натяжек и театральностей. «Пламя» принадлежит к таким удачным исключениям.

Возрождение. 1929. 1 марта

Париж.

Л.Сирочкин оставил руководимый им кинематограф «Шантеклер» и приобрел «Мэн Палас», где срочно идут ремонтные работы. Открытие 22 февраля. <...> Событие! Еще один русский кинематограф и – в самом русском районе. <...> Театр – весьма обширный, производит хорошее впечатление.

Последние новости. 1929. 15 февраля; 1 марта

28 февраля

Белград. Биоскоп «Коларац».

Большая русская фильма в десяти частях «Принцесса Маша». Действие происходит в царской России, в Париже, в советской России, в Сибири и Японии. Наш оркестр и хор русских балалаечников. Соло выступает любимец публики г. Амосов.

Новое время. 1929. 28 февраля

Февраль

Париж. Coliseè, Magique Convention, Palais Montparnasse, Palais de glaces. «Показы фильма Владислава Старевича “*Вошебные стелные часы*” (чертенята, черти, блуждающие огоньки)». Из отзыва:

Сейчас в Париже идет последняя его работа: «*Вошебные часы*»; идет, как всегда, с успехом чрезвычайным, с восторженными отзывами печати... Непременно посмотрите. Право же, это гораздо интересней, свежей, чище и оригинальней, чем все эти «Сны упоительные», «Кровавые бриллианты» и «Прекрасные незнакомки в руках злодеев».

Последние новости. 1929. 15 февраля;

Возрождение. 1929. 1 мая

Париж. Cinema Le Select. Показ чешско-германского фильма «*Песнь узника*» (оригинальное назв. – *Písně vězněného*; реж. и соавтор сцен. Владимир Владимиров; сцен. Лев Урванцов) с участием В.Владимирова, Петра Рощина, Т.Карпова, Нелли Ковалевской, Н.Тимашевой и др. Пр-во *Favoritfilm*. Картина демонстрировалась в сопровождении русского хора.

Последние новости. 1929. 15 февраля.

Будапешт. Во время сеанса в кинотеатре один из зрителей внезапно громко вскрикнул, вскочил с места и рухнул бездыханным на пол.

Приведенный в чувство, он назвал себя полковником Василием Мартыновым и сказал, что, увидев себя на экране в форме гвардейского офицера на придворном балу в Петербурге, настолько разволновался, что не выдержал и упал в обморок.

Последние новости. 1929. 21 февраля.

Из рецензии:

Берлин заполнен открытками и портретами «великого Ивана» (Мозжухина. – *Р.Я.*) в жизни и в ролях. С ним приглашают для работы лучших партнеров и лучших режиссеров. Для него пишут специальные сценарии. Не так давно Мозжухину произвели операцию по омоложению лица. Как отразится операция на его мимических способностях, еще пока трудно сказать. Внешне он, безусловно, от нее выиграл и значительно помолодел. В жизни Иван Ильич производит впечатление энергичного и весьма подвижного, все еще молодого человека. Не так давно он женился на совсем молодой скандинавской киноартисточке (Агнес Петерсен. – *Р.Я.*), души не чающей в своем великом муже. Со всем иное впечатление производит Гайдаров. Он так же, как и Мозжухин, работает в лучшей студии УФА, занимая очень прочное и хорошее положение, но, по сравнению с Мозжухиным, для немецкой публики в нем нет уже обаяния новизны. Успех его на экране строится на исключительно характерной и эффектной внешности. Впрочем, за последние годы Гайдаров сделал большие успехи и в отношении игры, хотя талантом он далеко уступает новичку немецких студий И.И.Мозжухину. В жизни Гайдаров производит впечатление человека весьма уставшего, мрачного и даже, пожалуй, вялого. Передают, как слух, что за слишком красивую внешность «красивейшему любовнику немецкого экрана» пришлось заплатить слишком большую дань ныне весьма свободным в своих взглядах берлинским красавицам. Гайдаров значительно моложе Мозжухина, а между тем в его курчавой шевелюре немало серебрится седых волос. За Мозжухиным и Гайдаровым следует Колин, которого здесь считают одним из лучших характерных и комедийных актеров мирового экрана. Колин – питомец московского Художественного театра и очень любит подчеркивать свою связь с этим величайшим храмом современного драматического искусства. В жизни он мало отличается от своих экранных образов. По простоте и яркости своего на редкость теплого дарования Колин – едва ли не самый одаренный из русских актеров за границей. Заметно увядает Кованько. Еще так недавно она была премирована как красивейшая женщина мира. Однако в жизни впечатления потрясающе красивой она далеко не производит. Ее муж Туржанский, так же, как почти все остальные русские режиссеры и актеры, имеет возможность ин-

тенсивнейшим образом работать. Кованько же куда не имеет ни одной роли. Несмотря на это, она продолжает держаться с высокомерием непонятого гения, но постепенно все же начинает, видимо, осознавать, что теперешний ее удел – жена своего мужа, и не больше. Хмара, как и Колин, – актер Художественного театра. В жизни самым характерным для него является необычайно густой бас. Несмотря на очень счастливый брак с Астой Нильсен, все еще знаменитой кинозвездой, он не утратил связи с русской колонией. В Германии его также считают весьма способным и очень разнообразно характерным актером, но занимают в картинах сравнительно не очень часто.

Русское слово. 1929. 3 марта

Париж. В.А.Старевич завершил работу над фильмом «Глаза дракона» «на сюжет старинной китайской легенды об окаменевших жителях страны Вечного Счастья». По-видимому, это была обновленная версия фильма 1926 года, в которой участвовали только куклы.

Последние новости. 1929. 22 февраля;

Beatrice, Martin; 36

Париж. Приезд заведующего отделом кинохроники и режиссера-монтажера инструктивных и документальных фильмов харьковской студии ВУФКУ Леонида Могилянского, направленного вграничную командировку для ознакомления с техникой звукового кино. По истечении ее срока он в СССР не вернулся. Устроившись монтажером кинофабрики «Paramount», с 1935 он начал карьеру сценариста и режиссера во французском кино под именем Леонид Моги.

Берлин. «Очередной постановкой В.К.Туржанского явится “Манон Леско” с участием И.И.Мозжухина и Бригитты Хельм». Проект не осуществлен.

Последние новости. 1929. 8 марта

Париж.

Московский кинопредприниматель В.Г.Венгеров, обосновавшийся в Берлине, открыл филиальное отделение в Париже. Фирма выпускает два фильма: «Полицейская шпионка номер 77» и «Женщина без нервов» в постановке Вольфа с участием Н.П.Маликова. Готовится к постановке под режиссерством Дюпона фильм «Два мира» на 5 языках.

Последние новости. 1930. 7 марта

Париж. Выпуск немой версии фильма *La Petite Parade* («Маленький парад»; реж. Владислав Старевич) с участием Нины Стар.

Beatrice, Martin; 41

Февраль – начало апреля

Монте-Карло – Сен-Мориц – Париж. Вячеслав Туржанский занимается постановкой натуральных эпизодов фильма «Манолеску».

Иллюстрированная Россия. 1929. №15; Borger, 39

Февраль – начало мая

Париж. Марсель Л'Эрбье занимается постановкой фильма «*Княжеские ночи*». Особый интерес эмигрантской печати вызвали съемки эпизодов в ночном ресторане, поставленных при участии цыганского хора и множества русских статистов. «Вся вокальная часть картины (соло, хоры, крики толпы) выполнена на русском языке. Это первый случай появления фильма, сделанного в Париже, на русском языке».

Последние новости. 1930. 6 февраля;
Иллюстрированная Россия. 1929. №19, 20

Зима

Париж. Николай Рудаков, «бывший оператором при съемке фильма “*Двое робких*”, изобрел новый способ производства комбинированных снимков при помощи зеркала. Говорят, что его изобретение произведет переворот в этой области».

Возрождение. 1929. 1 марта

Голливуд. Из интервью актера Льва Феодорова:

В акценте, столь присущем английской речи русских артистов, и кроется залог успеха последних в американском звуковом кино. Роль иностранцев в говорящих фильмах много. Работы хватит – особенно для тех из русских артистов, которые обладают сценическим опытом.

Русский голос. 1929. 26 апреля

Берлин. Jofa Atelier. Михаил Чехов снимается в картине «*Война против всех*».

1 марта

Париж. Main-Palace, Sevres-Palace. Показ германского фильма *Rouge et Noir* («Красное и черное», оригинальное назв. – *Der Geheime Kurier*; 1928, реж. Дженнаро Ригелли). Из отзыва:

Мозжухин не наполнил, не согрел никаким человеческим содержанием фигуру изображаемого им Ж.Сореля. Скучнейший сверхмолчальник, он «вдруг» оказывается блестящим фехтовальщиком и наездником. Так сразу делается ясным, что что все это не настоящее, невозможное, а потому и не трогающее... Не пора ли поискать Мозжухину иных ролей и в них показать нам, ошиблись ли американцы, отпустив его из Холливуда?

Возрождение. 1929. 1 марта

Париж. Премьера короткометражного фильма *La Tour* («Башня»; реж. Рене Клер, опер. Николай Рудаков), снятого в марте 1928 на Эйфелевой башне. Пр-во *Films Albatros*.

2 марта

Берлин. Открытие русско-немецкого кабаре «Манолеску». В концертной программе участвовал Александр Полонский.

Руль. 1929. 1 марта

3 марта

Белград. «Русский день» в кинотеатрах города: в биоскопе «Коларац» демонстрируется советский фильм «Село греха» (оригинальное назв. – «*Бабы рязанские*»; 1927, реж. Ольга Преображенская и Иван Правов), в «Наркипо» – авантюристская комедия в 7 действиях «Председатель» (оригинальное назв. – *Der Präsident*; 1928, реж. Дженнаро Ригелли), в «Корзо» – советско-германский фильм «Живой труп» (1928, реж. Федор Оцеп). Из отзыва:

Нельзя не приветствовать постановки серьезных русских картин, так выгодно отличающих русское кинематографическое искусство от европейского и в особенности американского и знающих широкие слои европейской массы с произведениями русского искусства.

Новое время. 1929. 3, 7 марта.

Нью-Йорк. Отъезд Константина Шеина в Чикаго, куда он приглашен режиссировать постановки в русском кабаре «Петрушка».

Новое русское слово. 1929. 2 марта

Париж. Показ прессе фильма «Папуль», в котором «определенно талантливо и тонко исполняет роль Папуля наш соотечественник Алекс Аллин».

Возрождение. 1929. 8 марта.

Берлин.

В недалеком будущем И.Н.Ермольев снова переносит свою деятельность в Париж, где в качестве директора художественной и артистической части встанет во главе крупной французской производственной фирмы. Новое предприятие будет производить, главным образом, звуковые фильмы, для чего с наступлением теплых дней начнется постройка специальной студии, с тем, чтобы в начале сентября в ней уже можно было приступить к съемкам. Само собой разумеется, что новая студия объединит все лучшие русские кинематографические силы в Европе, и в этом – новая крупная заслуга И.Н.Ермольева перед русским киноискусством.

Возрождение. 1929. 8 марта

Париж. Съемки фильма «Плодородие» по роману Эмиля Золя, «в производстве которого принимают участие, под дирекцией Я.Натансона и В.Иванова, г. Евреинов в качестве режиссера и артисты: Диана Каренн и Алекс Аллин».

Возрождение. 1929. 8 марта

Харбин. Показ хроникального фильма «Царствование и трагедия Дома Романовых».

Русское слово. 1929. 5 марта

8 марта

Лос-Анджелес.

Ольга Бакланова обвенчалась с Н.Сусаниным. Это третий брак бывшей артистки Музыкальной студии МХТ, ныне премьерши фирмы «Парамаунт». Венчание совершал, за отсутствием православного священника, мировой судья.

Последние новости. 1929. 22 марта

8–15 марта

Париж. Main-Palace.

Известный вокальный секстет «Баян» в составе гг. Рябухи, Мазуренко, Войченко, Поторжинского, Липорского и Шандровского вернулся из заграничного турне и выступит на этой неделе в новом синема Сирочкина в национальных костюмах.

Последние новости. 1929. 8 марта

9 марта

Нью-Йорк. Премьера фильма *The Dummy* («Дурачок»; реж. Роберт Милтон, композ. Оскар Потокер (дебют в кино). Пр-во *Paramount Pictures*.

12 марта

Берлин. Terra-Lichtspiele Mozartsaal. Премьера звукового фильма *Melodie der Welt* («Мелодия мира»; реж. Вальтер Руттман) с участием Ивана Коваль-Самборского и др. Пр-во *Tobis Filmkunst-Hamburg -- Amerika-Schiffahrtlinie*.

Tobis, 25-26

До 13 марта

Берлин. Приезд артиста Пражской группы МХТ В.И.Васильева, приглашенного на кино съемки.

Руль. 1929. 13 марта

13 марта

Нью-Йорк. Показ германского фильма *Der Adjutant des Zaren* («Адьютант царя»; 1928, реж. Владимир Стрижевский).

15 марта

Берлин. Rialto Cinema. Премьера фильма *Die Mitternachts-Taxe* («Полуночное такси»; реж. Гарри Пиль) с участием Марии Асти, Жари Кирсанова, Арута Вартана и др. Пр-во *Ariel Film*.

Париж. Повторный выпуск сокращенной версии фильма *La Maison du mystere* («Дом тайн»; 1923, реж. Александр Волков, соавт. сцен. Иван Мозжухин, опер. Николай Топорков (или Федот Бургасов),

худ. Александр Лошаков, Эдуард Гош, технич. дир. Михаил Фельдман) с участием И.Мозжухина, Николая Колина, Владимира Стрижевского, И.Брайкевича, Нины Раевской и др. Пр-во *Ermolieff-Cinema – Films Albatros*. «Несмотря на то, что фильм снят много лет назад, он продолжает пользоваться успехом у публики».

Последние новости. 1929. 15 марта;
Возрождение. 1929. 17, 22 марта

Середина марта

Париж. Théâtre des Champs Elysées. Показ прессе германского фильма *Au service du Tsar* (оригинальное назв. – *Der Adjutant des Zaren* / «Адьютант царя»; 1928, реж. Владимир Стрижевский). Из отзывов:

Поставлена картина очень тщательно, с чувством меры и знанием кинематографических эффектов. В лице Стрижевского русская кинематография, а с нею и европейская, должна приветствовать нового крупного режиссера, достижения которого еще впереди. <...>;

<...> В игре Мозжухина есть что-то новое, делающее его еще ближе, еще понятнее зрителю. Русской же публике напоминает недавнее былое с такой силой, что весь фильм сразу приобретает значение не простой, удачно придуманной экранной интриги, хорошо поставленной и разыгранной, а живого и яркого эпизода из подлинной русской действительности. Интрига увлекает, исполнение Мозжухина убеждает... Г.Серов вносит в картину много искренней суматошности, живого темперамента и сохраненного юношеского юмора и задора, вплетает в фильм колоритные черточки старых добрых русских нравов и обычаев. Характерен, красочен, в меру комичен Д.Дольский, талантливо создавший роль денщика. Говоря о фильме, нельзя не отметить его редкого качества: в нем все «играют» и хорошо играют все – не только вторые и третьи персонажи, но и эпизодические, проходные артисты и даже толпа... Есть в картине и мелкие погрешности: в военных формах, в постановке, но все эти мелочи тонут в монолитной массе прекрасно сделанного фильма и могут быть замеченными только очень внимательным глазом профессионала. Оператор Николай Топорков дал прекрасную фотографию и много красивых световых эффектов.

Возрождение. 1929. 17 марта;
Последние новости. 1929. 22 марта;
Иллюстрированная Россия. 1929. №15

17 марта

Белград. Театр «Парамаунт-Палас».

Еще никогда Лиа Мара не проявляла столько очарования, привлекательности и таланта в игре, как в этой новейшей и прекрасной фильме «*Княжна из Одессы*». Фильму сопровождает русский оркестр балалаечников.

Новое время. 1929. 17 марта

18 марта

Париж.

— Совещание представителей кинематографических фирм и кинематографов, созванное Земгором по вопросу о содействии успеху сбора на «Голодную Пятницу». Предположено устройство с любезного согласия г. Сирочкина во всех его кинематографах сеансов с отчислением на указанный сбор. Кроме г. Сирочкина, содействии свое согласились оказать гг. А.Б.Каменка, Харош, А.И.Долинов и др.

Последние новости. 1929. 22 марта

20 марта

Белград. Театр «Наркипо». Показ франко-германского фильма *Paris / Paname n'est pas Paris / Die Apachen von Paris* («Парижские апашы»; 1927, реж. Николай Маликов, опер. Николай Топорков, худ. Владимир Мейнгарт, Борис Билинский, ассист. реж. Георгий Лампен, прод. Дмитрий Харитонов, Семен Шифрин, администраторы Михаил и Семен Фельдманы) с участием Н.Маликова, Алексея Бондырева, Константина Миклашевского, Е.И.Сафоновой-Эспе, Григория Рахматова, Поликарпа Павлова, Николая Литвинова, Г.К.Павленко и др. Пр-во *Sequana Film – ACE – UFA*.

Новое время. 1929. 20 марта

22 марта

Берлин. Премьера фильма *Tagebuch einer Kokotte* («Дневник коточки»; реж. Константин Давид) с участием Осипа Рунича и др. Пр-во *Nero-Film*.

Париж. Сinema Empire. Показ германского фильма «Волга-Волга» (1928, реж. Вячеслав Туржанский). Показ сопровождался выступлением хора под управлением Николая Афонского. Из отзыва:

Громадный зал театра переполнен сверху донизу. Невзирая на «рабочие часы» – сеанс был дневной, – масса русских, но еще больше французов. На экране – художественная инсценировка песни о Стеньке Разине. Сценарий – сжатый, яркий и красочный, режиссура – в руках талантливого Вячеслава Туржанского, которого некоторые критики сравнивают со Станиславским по его умению ставить массовые сцены, вносить сознательность в каждое движение и каждый шаг статистов, одухотворить толпу. Нет, конечно, надобности в данном случае подчеркивать отсутствие в картине «клюквы»: в руках такого режиссера – все художественно-тонко и филигранно разработано. В итоге получается подлинной красоты художественная фреска... Исполнение – перво-классное. Наш «художественник» Серов – полный жизни и огня Филька, то в образе пьяного «боярина», то в качестве веселого плясуна; Борис де Фаст – хитрый и ловкий Иван, изменник и перебежчик в лагерь врагов Стеньки Разина; Старк-Штемберг трогательно изобразил мальчика Кольку, взятого с собою Стенькой

Разиным и умирающего от жажды в походе... Представление окончено. Протискиваемся к выходу. Перед глазами витает образ Кольки, умирающего от жажды. Мысль переносится к современному Колькам, заброшенным судьбою не к персидскому побережью, а на берега Сены, где их ждут другие лишения и невзгоды. У выхода встречаю С.Н.Харона и А.Я.Фридлянда, директоров фирм, демонстрирующих фильм... Они устали от поздравлений, от восторженного подчеркивания успеха.

Последние новости. 1929. 29 марта

23 марта

Берлин. Литературно-драматическое общество им. А.Н.Островского. Художественный вечер. В программе: спектакли «Юбилей» по А.Чехову с участием Лидии Триденской, Давида Монко и Ольги Сергеевой и показ фильма «Покинутая» с участием Лидии Рындиной и Марка Азарова.

Руль. 1929. 20 марта

Берлин. Премьера фильма *Einer gegen alle* («Один против всех»; реж. Нунцио Маласомма) с участием Михаила Чехова и др. Пр-во *Carlo Aldini-Film-Produktion GmbH*.

25 марта

Варшава. Театр «Slncse». Показ хроникального фильма «*Последние годы Николая II*»: «сенсационная картина русского Двора, специальная музыкальная иллюстрация с пением».

За Свободу! 1929. 25 марта

28 марта

Нью-Йорк. Показ французского фильма «*Страсти Жанны д'Арк*» (оригинальное назв. – *La passion de Jeanne d'Arc*; 1928, реж. Карл-Теодор Дрейер, пом. реж. Марк Мартов, костюмы Георгия Пожедаева) с участием Исаака Дуван-Торцова, Сергея Эфрона, Адольфа Родэ и др). Пр-во *Societe Generale de Films*.

29 марта

Париж, Salle Majestic. Показ агитационно-видового фильма «*Весна в Палестине*» (опер. Самуил Бриль?), снятого при поддержке Еврейского национального колонизационного фонда.

Последние новости. 1929. 29 марта

30 марта

Нью-Йорк. Премьера фильма *The Wolf Song* («Песнь волка»; реж. Виктор Флеминг) с участием Михаила Вавича, Константина Романова и др. Пр-во *Paramount Famous Lasky Corporation*.

Конец марта

Белград. Организация киностудии, «во главе которой становится Вл. Гайдаров. Студию субсидируют немецкие капиталисты».

Руль. 1929. 5 апреля

Март

Берлин.

Целый ряд сцен из картины «Хаджи Мурат», к постановке которой сейчас деятельно готовятся режиссер Волков со своими помощниками Миклашевским и Литваком и художник Лошаков с помощниками, будет снят в горах, среди горских аулов. Аулы эти будут специально построены в приморских Альпах неподалеку от Ниццы. В настоящее время один из помощников Волкова г. Барстов командирован в Бельгию для подписания контракта с казаками-джигитами, которые будут участвовать в съемках боев с Шамилем.

Возрождение. 1929. 22 марта

Харбин. Бывший петербургский ресторатор Н.А.Крылов обнаружил проект открытия в городе киностудии при участии германских кинофирм (сам инициатор, внешне похожий на Николая II, в свое время сыграл эпизодическую роль императора в картине «Тоска по родине»). Художественное руководство предприятием должен был взять на себя бывший сотрудник берлинского общества «Terra-Film» Е.Истомин. Проект не осуществлен.

Русское слово. 1929. 20 марта; Рупор. 1929. 23 марта;

Новая заря. 1929. 20 апреля

Тулон.

Талантливый русский режиссер Дмитрий Кирсанов в последние дни снимал натурные съемки своей большой новой картины «Крестоносцы». Погода вполне благоприятствовала работе. Съемки происходили далеко на внешнем рейде Тулона. Скоро вся труппа отправляется в Тунис. Декоратором состоит наш русский художник г. Меерсон.

Возрождение. 1929. 30 марта

Берлин. Lessing Theater. После успешной постановки спектакля «Мещанин во дворянстве» по Мольеру Алексей Грановский получил предложение поставить две картины по сценариям Генриха Манна.

Последние новости. 1929. 22 марта

Париж. Образование общества «Melovox», «задачей которого является использование новых французских аппаратов для съемок звуковых картин. Во главе предприятия стоят гг. Крикорян и Натансон».

Возрождение. 1929. 9 апреля

Париж. Studio Billancourt. Павильонные съемки фильма «Княжеские ночи».

Кинематографические съемки всегда богаты непредвиденными случайностями, которыми, разумеется, не замедляют воспользоваться режиссеры. Недавно произошел следующий случай: в ателье были установлены декорации больницы, в которую, по сценарию, попадает после джигитовки командир казаков, князь

Фелор Ашкелиани. И вот, во время завтрака в буфете артист Н.Ариани, исполняющий роль князя, жестоко обварил себе кипящим кофе горло и грудь. После перевязки артист лег на одну из коек, находившихся в ателье, и вскоре мирно заснул. Проснувшись, он услышал голос режиссера М. Л'Эрбье: «Внимание! Снимаем!» Оглянувшись, Н.Ариани увидел около себя сиделок, врачей и т. д., и ему ничего не оставалось, как самым искренним образом «играть» перед аппаратом роль страдающего человека и ждать, когда подлинный врач сделает ему новую повязку.

Возрождение. 1929. 5 апреля

Голливуд.

Натали Барр (Наталия Бараш), «мисс Россия», избранная на конкурсе королев в Америке, подписала в Холливуде контракт на пять лет для выступления в звуковых фильмах.

Последние новости. 1929. 19 апреля

Париж.

«Интеграл-Фильм» закончил съемки новой картины Н.Римского «*Потому что я тебя люблю*». Художественно-артистической стороной постановки заведовал г. И.Сержинский, главным оператором был С.Бриль, помощниками режиссера – г-жа Торопьян и г. Б.Мороз, гримером – Владимир Кванин. Одну из главных женских ролей исполнила Диана Гардт (тоже наша соотечественница). Таким образом, и этот фильм больше чем наполовину создан русскими.

Возрождение. 1929. 22 марта;

Иллюстрированная Россия. 1929. №15

Берлин. Ольга Чехова занимается постановкой картины «*Полиш*».

Руль. 1929. 17 марта

Начало апреля

Париж. Премьера фильма «*Андраник*» (реж., сцен. и исполнитель главной роли Аршавир Шахатуни, прод. Леон Гарганов), пр-во «*Армена-Фильм*».

Последние новости. 1929. 5 апреля;

Иллюстрированная Россия. 1929. №48

Париж.

В студиях Бийанкура внезапно произошел перерыв в работах. Этот неожиданный отдых служащих и артистов явился следствием отъезда режиссера М. Л'Эрбье в Брюссель по вызову французского посла в Бельгии. Дело в том, что король и королева Бельгии пожелали познакомиться с талантливым realizатором картины «*Деньги*», которая только что с громадным успехом прошла в их королевстве. За обедом король расспрашивал г. Л'Эрбье о его дальнейших работах и выказал себя знатоком кинематографии, внимательно следящим за всеми ее новшествами и успехами. В следующий день после этого приема королев-

ской четой М. Л'Эрбье снова уже находился в студии, и съемки «*Nuits des Princes*» продолжались обычным порядком.

Иллюстрированная Россия. 1929. №15

2–3 апреля

Париж. Благотворительный показ фильма «*Волга-Волга*» в пользу нуждающихся русских детей во Франции, на «Голодную Пятницу».

Последние новости. 1929. 29 марта

5 апреля

Париж. Cinema Paramount. Премьера фильма *Les Nouveaux Messieurs* («Новые господа»; реж. Жак Фейдер, ассист. реж. Василий Курочкин, худ. Лазарь Меерсон, Петр Шильдкнехт, прод. Александр Каменка, Семен Шифрин) с участием Нарышкина, Волкова и др. Пр-во *Films Albatros – Sequana Film*.

Borger, 37; Albera, 175-176

Париж. Salle Journal. Благотворительный художественный вечер в пользу бедных русских детей, в программе которого – комедийный спектакль «Уличная девчонка» с участием Веры Барановской, Александра Вырубова, Доры Читориной, Добровольской, Панютина, Петрунькина, Стефановича и др.

Возрождение. 1929. 30 марта

8 апреля

Берлин. Capitol Lichtspiele. Премьера франко-германского фильма *Cagliostro – Liebe und Leben eines großen Abenteurers* («Калиостро – жизнь и любовь великого авантюриста»; реж. Рихард Освальд, ассист. реж. Василий Курочкин, худ. Лазарь Меерсон, Евгений Лурье, спецэффекты Павел Минин, Николай Вильке, макеты Владимир Туржанский, прод. Александр Каменка, Владимир Венгероф, Владимир Цедербаум) с участием Андрея Энгельмана, Николая Римского, Ивана Коваль-Самборского и др. Пр-во *Films Albatros – Wengeroff-Film*.

Albera, 176

10 апреля

Париж. Théâtre Casino de Paris. Показ прессе звукового германского фильма *En 1812... Sur la route de Smolensk* («1812 год... По Смоленской дороге...», оригинальное назв. – *Diane*; реж. Эрих Вашнек, худ. Андрей Андреев, прод. Ольга Чехова) с участием О.Чеховой, Алексея Бондырева, Михаила Разумного, Бориса де Фаста и др.). Пр-во «*Tscheckowa Film*». Из отзыва:

Сюжетная часть фильма очень слаба. Нехорошо, вообще, а сейчас, за границую, в особенности, делать такой заключительный <так!> подбор из русских людей, начиная от крестьян, вплоть до главнокомандующего, – насильников, пьяниц, грабителей, не щадящих ни раненых, ни детей, ни женщин. Но если за-

крыть глаза на эту «порочность» картины, она должна быть причислена к разряду подлинно художественных и заслуживающих похвал. Раньше всего О.К.Чехова выказала себя большой кинематографической артисткой, чуткой и тонкой в передаче своих сердечных переживаний. В некоторых местах она, не прибегая ни к каким мелодраматическим приемам, положительно потрясает. Скупость ее в жестах и мимике говорит о больших творческих возможностях: Ольга Чехова, несомненно, займет в самом ближайшем будущем блестящее положение на европейском экране... Хороши декорации А.Андреева: свежи, правдивы и приятны пейзажи. Во время просмотра успеху картины много способствовал оркестр балалаечников г. Скрябина.

Возрождение. 1929. 29 марта; 5, 13 апреля

12 апреля

Париж.

В кинематографической промышленности Франции и, в частности, Парижа русские завоевали видное и прочное место. В значительном числе крупных парижских кинофирм часть директоров – русские, некоторые режиссеры – русские, среди актеров – часть русские. Русские принимают близкое участие в дирекции таких крупных производств и прокатных фирм, как «Альбатрос», «Матпемонд», «Софар», «Сосьете Женераль де фильм», «Луна-фильм», «Лиано-фильм», «Сине-Альянс», «Эквитабль-фильм», «Пакс-фильм», «Сентраль Синематографик», «Секвана-фильм», «Экран д'Ар», «Армор» и т. д. Во главе шести крупных синема в Париже и одного в Биаррице стоит русский – г. Сирочкин. Этот франко-русский «кинематографический фронт» до сих пор оставался не объединенным. Объединению его, по-видимому, положено будет начало сбором на «Голодную Пятницу». Большинство дирекций вышеупомянутых фирм решили отчислить некоторый процент своих доходов в день «Голодной Пятницы» на нужды детей.

Возрождение. 1929. 30 марта

15 апреля

Берлин. Kleines Theater. Гастрольный спектакль Ольги Гзовской и Владимира Гайдарова.

Руль. 1929. 10 апреля

Берлин, Ufa-Palast am Zoo. Премьера немой версии фильма *Die Wunderbare Lüge der Nina Petrowna* («Чудесная ложь Нины Петровны»; реж. Ганс Шварц, прод. Григорий Рабинович, худ. консультант Александр Арнштам) с участием Ольги Чеховой и др. Пр-во *UFA*. Из интервью А.Арнштама:

Художественный консультант не ждет, чтобы к нему обратились за советом, за справкой, он сам должен за всем следить и во все вмешиваться. Положение его бывает незавидным в постановках бедных, где режиссер спешит и советчика слушает плохо; там

«клюква» оказывается всеильной. Работа в «Нине Петровне» была, напротив, приятной: требовалась полная точность, чтобы все «было по-настоящему». На постановку не пожалели ни денег, ни времени – 6 месяцев снимали картину изо дня в день, от 7 до 7. Вы помните русского извозчика на экране, русские санки – ведь мало того, что нужно было соорудить их и одеть извозчика, надо было подобрать лошадку... Художественный советчик надоедает и режиссеру, и архитектору, и костюмеру. Он показывает нищенке, как нужно просить милостыню, и делает эскиз «Аквариума», и бедной петербургской квартирки. Вспомните, как при-слуга Нины Петровны пьет чай, – хлеб лежит на столе накро-шенный кусочками... А сколько времени было потрачено на убранство офицерского собрания, ведь закуски на столе настоя-щие, русские... Естественно, что и бильярд – с лузами, а вещи на письменном столе полностью «изъяты» из берлинских антиквар-ных лавок. Детали обстановки, часто и вовсе незаметные, долю секунды мелькающие на экране, в совокупности создают впечат-ление подлинности...

Руль. 1929. 30 апреля

Середина апреля

Париж. Показ германского фильма «Чудесная ложь Нины Пет-ровны». Из отзыва:

Сюжет – смешон и неприятен, как и все «русские» сценарии иностранных кинематографических фирм. Но если не придирасть-ся к сюжету, то фильм заслуживает очень больших похвал... В общем, он смотрится с интересом. Кончается картина необыч-но – самоубийством героини, а героиням ведь на экране умирать не полагается.

Возрождение. 1929. 19 апреля;

Иллюстрированная Россия. 1929. №20

17 апреля

Берлин. Премьера фильма *Mascottchen* («Маскотт»; реж. Феликс Баш, сопродюсер Георг Витт) с участием Ивана Коваль-Сам-борского, Михаила Разумного и др. Пр-во *Greenbaum-Film GmbH*.

До 18 апреля

Голливуд. Приезд на гастроли театра «Guild» под руководством Ришарда Болеславского. Из дневника Сергея Бертенсона:

Был у меня Болеславский. Его пригласила фирма «Пате» по рекомендации одного из их режиссеров, видевшего какую-то из постановок Болеславского в Нью-Йорке.

Аренский, 35

В Холливуде были широкие возможности. Можно было по-пробовать. И, как будто, счастье подвернулось. Директор «Пате» пригласил делать картину. Поехал в Холливуд. Начал работать.

Накрутил одну картину... и картина провалилась с треском. Вместе с картиной и он. Вместо новой большой работы – ничего. Год слонялся по Холливуду без работы и без денег. Время от времени что-нибудь мелкое подворачивалось. Позднее маленькие компании начали давать крутить «квики» – дешевые картины-скорострелки со съемками на дней 6–8. Вот в этот период голодания и прозябания Болеславский написал свою популярную книгу «Уланы» о польско-советской войне, которую проделал на польской стороне. Книга неожиданно пошла, хотя писалась, чтобы заполнить голодное время, и, как ни странно, помогла. «Метро-Голдвин-Майер» предложил семилетний контракт на маленьком жалованье в качестве сценариста и режиссера... Болеславскому терять было нечего и он подписал его. Было это в 1931 году.

Новое русское слово. 1937. 19 января

20 апреля

Париж. В зале Рапп «будут демонстрироваться два чрезвычайно интересных фильма из жизни русской эмиграции. Сбор поступит в пользу больных русских студентов». По другому анонсу, Общество помощи больным и нуждающимся русским студентам «устраивает кинематографический вечер» в зале Адьяр. В программе: фильм «Дикая утка» и фильм о жизни русской эмиграции в Париже («Пате-журнал русской эмиграции»), в антракте – артистические выступления.

Возрождение. 1929. 16 апреля;

Последние новости. 1929. 20 апреля

Париж. После успешной премьеры фильма «Новые господа» продюсер Семен Шифрин выступил с предложением объединить кинематографические силы эмиграции и метрополии:

Кино требует большой приспособляемости, меткости и быстроты ориентации, размаха. Вот почему русские артисты, режиссеры, директора фирм – преуспевают, и за короткое время заняли повсеместно выгодное положение. Жизнь последних лет научила нас многому, выработала в нас большой диапазон чуткости, многогранности переживаний, смелости и решительности в делах. А это все качества, наиболее необходимые кино. Результат наших мытарств и скитаний из страны в страну пригодился. По всему миру признали русских кинорежиссеров и артистов, во всех странах пользуются уважением русские кинохудожники и директора. Но я не могу себе представить объединение русской зарубежной кинематографии, выявление ею своего национального лица. Мы – дрожжи в тесте, но не материал, из которого оно делается. К тому же, благодаря своей легкой приспособляемости к окружающим нас условиям, нашему умению быстро ориентироваться и умело браться за дело, мы, впитывая в себя чужие черты быта и нравов, сами не замечая этого, теряем свои особые национальные качества, вкусы, потребности, взгляды и самую манеру работать. На-

циональное искусство может жить только на родной земле. Вот почему там, на нашей Родине, несмотря на все неблагоприятные условия, кинематография развилась не только в смысле артистическом, но и в своей технике, которая почти не уступает европейской, а нередко и поражает нас своею смелостью и остроумными новшествами. Правда, там у русских кинодеятелей очень много возможностей и средств. Даже студии уже не так далеко ушли от наших. Ярким доказательством их достижений является то обстоятельство, что в последнее время Англия и Америка стали покупать их картины довольно часто, хотя на экранах в этих странах, как и во Франции, они проходят очень редко. Объясняется это, конечно, только особым отпечатком сценариев этих картин. Благодаря своей специфичности эти картины не могут быть коммерческими. Исключительно художественной и коммерческой ценности производство можно было бы создать, если бы тамошние режиссеры и артисты работали здесь объединенно с французскими кинематографическими силами... Не хватает нам режиссеров. А если создаются выдающиеся мастера, то их забирают к себе другие страны. А без режиссеров не может быть и актеров, — первые делают последних. Вот почему русские режиссеры сыграли бы здесь громадную роль. Тогда мы могли бы поставить вещи исключительной художественной ценности, могли бы создать и кадры новых специалистов для «звуковых» картин, которым принадлежит будущее.

Иллюстрированная Россия. 1929. №17

20–25 апреля

Париж.

Группа казаков была приглашена для съемок фирмой «*Sequana Film*» в картине «*Княжеские ночи*». Это были ночные съемки на громадной арене Большого Елисейского дворца, и приглашенной на эти съемки прессе было предоставлено действительно необычайное и исключительное по своей фантастике зрелище. Казаки показали чудеса своей ловкости. Их групповые и индивидуальные номера джигитовки были один лучше другого, заставляя публику с трепетом и восторгом следить за каждым их движением. Фантастику же этому зрелищу придавали те условия, в которых оно происходило: мчащаяся по рельсам дрезина, несущийся рядом с лошадьми автомобиль, колоссальные прожекторы на грузовиках, разрывающие своими ослепительными лучами полутемное, с утопающим в мраке потолком здание, и везде — и на земле, и на дрезине — операторы около своих съемочных аппаратов, фотографы, электротехники, рабочие, помощники режиссера с блестящими металлическим рупорами; выстроившиеся лицом к переполненному публикой трибунам в длинную шеренгу казаки-песенники в белых черкесках и руководящие всем этим бешеным движением, борьбою света с мраком, публикой на трибунах — режиссер Марсель Л'Эрбье и директор С.С.Шифрин... Вот явился свечою вверх ногами над седлом, на всем скаку, мо-

лодой джигит; еще перекидывает свое тело на сторону, потом оказывается под брюхом коня и снова, через мгновение, сидит в седле. Следом за ним несется другой – подымает платок с земли. Третий, четвертый; мчится пирамида, на вершине которой с цветами в одной руке и древком флага в другой стоит казак, пронесится мимо трибун...

Иллюстрированная Россия. 1929. №18

23 апреля

Берлин. Премьера звукового фильма *Diane* («Диана»).

24 апреля

Париж. «В синема Б.Кобринна “Гетэ Палас”, за вокзалом Монпарнас, состоится гала-представление с отчислением 10-ти процентов валового сбора в пользу “Голодной Пятницы”».

Последние новости. 1929. 24 апреля

26 апреля

Берлин. Показ фильма *Die Weissen Rosen von Ravensberg* («Белые розы Равенсберга»; реж. Роберт Мейнерт) с участием Дианы Каренн и др.

Последние новости. 1929. 3 мая

27 апреля

Нью-Йорк. Little Carnegie Playhouse. Показ французского фильма *Loves of Casanova* (оригинальное назв. – *Casanova*; 1926, реж. и сцен. Александр Волков при участии Ивана Мозжухина, асс. реж. Анатолий Литвак, Георгий Лампен, Константин Миклашевский, опер. Николай Топорков, Федот Бургасов, худ. Александр Лошаков, Владимир Мейнгарт, Борис Билинский, консульт. Марк Алданов, прод. Ной Блох, Григорий Рабинович) с участием Ивана Мозжухина, Дианы Каренн, Нины Кошиц, Ольги Дей, Д.А. Дмитриева, Алексея Бондырева, Г.Г. Пашутина, Николая Асланова, Бориса Орлицкого, Виктора Святополк-Мирского, Петра Потемкина, Антония Воротникова, Николая Литвинова, Л.М. Гребенщикова, Сергея Эфрона, Алексея Гермониуса и др. Пр-во *Cine-Alliance-Film – S-te des Cine-romans*.

28 апреля

Нью-Йорк. Премьера фильма *Betrayal* («Предательство»; реж. Льюис Майлстоун, литературный сценарий Николай Сусанин). Пр-во *Paramount Pictures*.

Апрель

Париж. Премьера фильма *Le Collier de la reine* («Ожерелье королевы»; реж. Тони Лекен и Гастон Равель) с участием Дианы Каренн, Петра Батчева и др. Пр-во *Gaumont – Franco-Film-Aubert*.

Возрождение. 1929. 23 апреля

Париж. «Сандра Милованова начала сниматься в студии “Фильм д’Ар” под режиссерством Рене Эрвиля».

Возрождение. 1929. 23 апреля

Париж.

Дмитрий Кирсанов завершает съемки павильонных эпизодов фильма «Крестоносцы» в новой студии «Cine Romans»... Все декорации для этой картины ставятся под личным наблюдением и по рисункам русского художника Л.М.Меерсона... Из старых барж была, между прочим, сделана и эскадра Людовика Святого, на которой в Тулоне происходила посадка крестоносцев; теперь в студии строят развалины Карфагена, его укрепления, парижскую Сен-Шапель и др. По окончании студийных съемок Кирсанов уезжает в Тунис, где им и будут сняты последние сцены фильма на натуре.

Возрождение. 1929. 23 апреля

Париж. Возвращение актрисы Ольги Дэй из поездки в Лондон, Берлин и Стокгольм.

Все ее планы на ближайшую работу нарушились. Причина – всеобщее увлечение говорящими картинками и некоторая растерянность, заставившая многие фирмы в Германии отказаться от предположенного производства. Нарушены были среди многих других, и два контракта с нашей соотечественницей.

Возрождение. 1929. 26 апреля

Берлин. Премьера фильма *Waterloo* («Ватерлоо»; реж. Карл Грюне) с участием Веры Малиновской и др. Пр-во *Münchner Lichtspielkunst (Emelka)*.

Последние новости. 1929. 28 апреля.

Париж.

Во время последних съемок только что законченной картины «Княжеские ночи» артист Дмитриев заболел, не закончив своей роли. М. Л’Эрбье и директоры «Секвана-фильм» оказались в большом затруднении, из которого вывел их артист и гример В.Кванин. Он так неподражаемо загримировался Дмитриевым, что Л’Эрбье только руками развел, и съемка продолжалась без всякого перерыва.

Возрождение. 1929. 7 мая

Париж. «Известный директор труппы лилипутов Ратушев приобрел совместно со своим сыном Андреем Ратушевым синема “Шато д’О”».

Последние новости. 1929. 3 мая

Голливуд.

Революция в американской киноиндустрии, вызвавшая замену почти всех немых картин звуковыми, отразилась и на положении русских артистов. Возможности для них сильно сократились. Меньше других пострадали Ольга Бакланова, ее муж Н.Сусанин

и М.И.Вавич. Бывший премьер московской оперетты укрепился в ролях злодеев. За последний год он был занят, в общем, 20 недель и получал по 700 долларов в неделю. Его очень ценит режиссер Л.Майстоун. Подошли для говорящего фильма оперный предприниматель Л.Ф.Феодоров и Визаров. Они исполняют роли с акцентом. Ролей иностранцев в говорящем кино много, и это открывает доступ русским, обладающим сценическим опытом... Русский артистический клуб значительно привлек внимание американцев. Музыкально-театральные вечера, руководимые Вавичем, приобрели популярность и привлекают посетителей из Лос-Анджелеса. В клубе установлена радиосвязь с Хабаровском и Москвой. Американские кинозвезды охотно заглядывают в русский клуб.

Последние новости. 1929. 17 мая

3–10 мая

Париж. «В синема “Рекамье” поет на этой неделе русская артистка Вера Мальцева, только что вернувшаяся из большого турне по северной Франции».

Последние новости. 1929. 3 мая.

5 мая

Париж. Salle Pleyelle. Премьера фильма *Les yeux du dragon* («Глаза дракона»; реж. и прод. Владислав Старевич). Из отзыва:

Наивно-сентиментальная забавная китайская легенда воплощена в ряде прелестных фантастических сцен, которые разыгрывают миниатюрные куколки в соответствующих фантастических декорациях. Глядя на этот фильм, не знаешь чему больше поражаться – искусству, с которым сделаны эти «артисты» и декорации, или тому поистине Сизифову труду, который положил В.Старевич, снимая, рамку за рамкой, мимику и телодвижения своих героев, цветение, жизнь и смерть страшного дракона и т. д.

В этой же программе демонстрировался фильм «*На царской службе*» («*Адъютант царя*»; реж. Владимир Стрижевский).

Возрождение. 1929. 20 апреля, 10 мая

Начало мая

Сан-Франциско. Повторный показ документального фильма «*Голгофа русского народа*» (владелец копии А.А.Галин) на благотворительном сеансе в пользу военнослужащих – инвалидов Гражданской войны.

Новая заря. 1929. 12 апреля

До 7 мая

Париж. Показ фильма «*Ура, да здравствует жизнь!*» (оригинальное назв. – *Hurra, ich liebe!*). Из отзывов:

Герой комедии – Н.Ф.Колин заслуживает самых горячих, самых искренних похвал. Уже давно экран не давал ему возможно-

сти так полно, так всесторонне выявить свой недюжинный сценический талант, и он блестяще исполнил и сценарий, и полную свободу трактовки своей роли, которую ему предоставил режиссер.

Возрождение. 1929. 7 мая

...Н.Ф.Колин выказал себя и хорошим режиссером (значительная часть постановки принадлежит ему, равным образом как и разработка самого сценария). Теперь Н.Ф.Колин решил поставить для себя фильм по собственному сценарию. Вероятнее всего, что эта постановка будет осуществлена во Франции будущей осенью. И если фильм окажется удачным, то Николой Ф<едорович> в дальнейшем всегда будет сам ставить и составлять сценарии своих фильмов. Опыты Чаплина, Фэрбенкса и других говорят за то, что такой способ работы приводит к наилучшим результатам.

Последние новости. 1929. 7 мая

15 мая

Прага. Приезд Веры Барановской, приглашенной на съемки картины на кинофабрике *Barrandow*.

Merhaut, 104

17 мая

Париж. Studio des Agricultures. Показ короткометражного документального фильма «*Башия*» (реж. Рене Клер, опер. Николай Рудakov).

Последние новости. 1929. 12 июля; Albera, 176

21–22 мая

Белград. Театр «Балкан». Показ американского фильма «*Женщина, сдавайся!*» (оригинальное назв. – *Surrender*; 1927, реж. Эндрю Сломан).

Новое время. 1929. 21 мая

22 мая

Париж.

Марсель Л'Эрбье производил вторичную съемку одной из сцен картины «*Княжеские ночи*». Эта сцена – падение князя Ашкелиани с лошади – вышла недостаточно естественно, и он заставил Нестора Ариани, исполняющего роль князя, повторить ее несколько раз, пока тот не упал по-настоящему... Падение это вполне удовлетворило режиссера, но потерявшего сознание артиста пришлось в карете скорой помощи отправить в ближайшую городскую больницу. К счастью, Н.Ариани отделался только ушибами.

Возрождение. 1929. 24 мая

24 мая

Берлин. Schubert-Saal. Вечер комедий с участием Александра Мурского, Марии Бахаревой, Е.С.Нелидовой, В.Н.Павловой, Марка Азарова и Марка Мартова.

Руль. 1929. 15 мая

25 мая

Нью-Йорк. Премьера фильма *The Man I Love* («Мой любимый мужчина»; реж. Уильям Э. Уэллман) с участием Ольги Баклановой и др. Пр-во *Paramount Pictures*.

Конец мая

Париж.

Через несколько дней будут закончены записи трех малометражных звуковых картин производства гг. Натансона и Григоряна. Сценарии написал и руководил постановкой Евреинов. Первая картина представляет собой инсценировку популярного французского романа 18-го столетия. Вторая – современный мюзик-холл, и третья – мексиканское любовное приключение. Во всех трех фильмах главным действующим лицом является известный певец Леон Мато.

Возрождение. 1929. 11 июня

Май

Париж.

Ольга Чехова закончила декупаж (работа над монтажным сценарием. – Р.Я.) сценария своего будущего фильма «Дурак» и в скором времени приступает к съемкам. Режиссировать картину будет сама артистка.

Возрождение. 1929. 21 мая

Нью-Йорк. «Пианист Д. Темкин пишет музыку для новой картины «Парамаунт» – «*Бурлеск*»».

Последние новости. 1929. 24 мая

Париж. Studio Billancourt.

Диана Каренн – русская актриса, занявшая собственное положение на французском экране, снимается сейчас в картине «*Две пули в сердце*».

Возрождение. 1929. 28 мая

Берлин. По заданию компании *UFA* Вячеслав Туржанский намеревался посетить британские и голливудские студии для изучения техники звукового кино. Проект остался неосуществленным.

Аренский, 38

Ницца. Съемки фильма «*Княжна Тараканова*» вызвали возмущение русского любителя кино:

Французский режиссер Раймон Бернар уже одарил нас одним антирусским фильмом «*Игрок в шахматы*». Можно думать, что новый фильм Бернара будет еще более антирусским и, кроме того, явится образцом «развесистой клюквы». Во всех «русских» фильмах всегда имеются «ассистенты по русским делам». Таким ассистентом у Р.Бернара является русский журналист А.П.Воротников, но... Парадный обед Екатерины II. Богатая зала, богатые костюмы, дисциплинированная прислуга, и все... едят руками.

«Ассистент по русским делам» замечает, что «у нас пользовались вилами и ножами».

— Мне так нужно по сценарию! — раздается краткий ответ Р.Бернара.

Все попытки уменьшить «клюкву» натываются на твердость заранее изготовленного сценария и на соображения «сценического эффекта». Поэтому вельможи едят руками, русские солдаты отдают на караул по-французски, мрачные палачи и пытки превращают екатерининский просвещенный Санкт-Петербург в варварский застенок средневековья. Нужно ли говорить, что «Княжна Тараканова» Р.Бернара бесконечно далека от истории?

Возрождение. 1929. 30 мая

Париж. Показ прессе фильма *Monte Cristo* (реж. Анри Фекур, худ. Борис Билинский, грим Владимир Квинин) с участием Ольги Спесивцевой, Тамары Стеценко, Евгения Гайдарова, Константина Сафонова, Д.А. Дмитриева, Антония Воротникова, Петра Батчева и др. Пр-во *Les Films Louis Nalpas*. Из отзыва:

Б.К.Билинский (декорации и костюмы фильма) еще раз выказал себя не только хорошим художником, но и знатоком кино. Аплодисменты, не раз дружно раздававшиеся в театре во время просмотра «*Монте-Кристо*», часто относились к декоратору, вполне их заслужившему. Метраж значительно длиннее нормального — на просмотре фильм был показан в два сеанса — утреннем и дневном, но он не утомляет. Успех ему обеспечен.

Последние новости. 1929. 31 мая;

Возрождение. 1929. 31 мая

Берлин.

В рабочем (трудовом. — Р.Я.) суде русская киноактриса Вера Барановская предъявила к популярному фильмовому режиссеру Юнгхансу иск в размере 2000 марок. История этого иска восходит к постановке картины «*Такова жизнь*», интересной тем, что в ней снимались почти исключительно русские артисты. Режиссер лихорадочно работал над своей картиной. Через неделю-другую выяснилось, что денег на постановку не хватает. Тогда Юнгханс, пользуясь личными связями, занимал деньги направо и налево. Только благодаря его несокрушимой энергии фильму удалось закончить. Картина имела большой художественный успех, прекрасную прессу, но личный долг талантливого режиссера частным лицам превысил 16000 марок. Юнгханс надеялся на провинцию, но его радужные ожидания, к сожалению, не оправдались. В провинции картина благодаря своему крайне пессимистическому содержанию успеха не имела. Театры снимали ее после первого же представления. Юнгхансу пришлось познакомиться с судебными органами. Почти все актеры, участвовавшие в картине, предъявили к нему требования. Одни согласились после длительных переговоров на отсрочки. Другие, в том числе и Барановская, обратились в рабочий суд. На суде Юнгханс заявил о своей не-

платежеспособности. Судья пытался достигнуть соглашения между сторонами, но попытки кончились ничем. Юнгхансу придется уплатить требуемый гонорар в 2000 марок. «Такова жизнь!»

Новое русское слово. 1930. 1 июня

Голливуд.

«*Братья Уорнер*» выпустили картину «*Среди русских*», в которой исполняется много русских мотивов. Русские участвуют только в хоре, главные же роли исполняют американцы.

Новое русское слово. 1930. 1 июня

Нью-Йорк. Публикация в журнале «*Outlook*» статьи Федора Шаляпина «О будущности Америки в искусстве»:

Америка заслуживает упрека в том, что большая часть киномузыки даже для лучших картин написана людьми, побуждаемыми только соображениями бизнеса. Они – музыкальные сделные рабочие, к которым приходят и говорят: «Сделай мне столько-то музыки для такой-то картины и скажи, сколько это будет стоить за ярд». Музыкальные специалисты высчитали, что шесть секунд музыки должно соответствовать девяти футам действия. Это – программная музыка в ее самой примитивной форме. С ростом кинематографии потребуется настоящая музыка, написанная с пониманием этой формы искусства.

Последние новости. 1929. 7 июня.

Берлин. *UFA Atelier, Neubabelsberg filmwerke.*

Закончились съемки некоторых последних сцен картины «*Манолеску*», для которых была построена совершенно исключительная по своей грандиозности декорация: вокзал с четырьмя путями, по которым двигались четыре поездных состава, в том числе и «трэн де люкс» Париж – Лион – Средиземное море, в одном из вагонов которого происходит по сценарию действие. Все это было сделано с такою тщательностью, что, по словам присутствовавших на этих съемках, иллюзия получилась полная.

Возрождение. 1929. 7 июня;

Fantasies russes, 171

Париж.

Русская артистка Диана Гардт в последнее время заняла во французском экранном мире одно из первых мест. Последняя картина, в которой она исполнила главную роль – «*Пустыня*», – только что закончена съемкою Жаном Ренуаром.

Иллюстрированная Россия. 1929. №24

Весна

Берлин. Образование общества «*Мелодия*» – «для производства и распространения в Германии звуковых фильмов». Организаторы – О.Э.Любич и Герман Миляковский.

Возрождение. 1929. 30 апреля

Берлин.

Э.Деслав закончил свою новую фильм «Четыре чашки кофе», которая одновременно пойдет в мае в Нью-Йорке, в Лондоне, в Мадриде и в Париже.

Возрождение. 1929. 10 мая

Париж. Киса Куприна снимается в фильме Анри д'Урселля «Жемчужина». Из отзывов:

Ксения Александровна – очень фотоженичная и, судя по нескольким раньше сыгранным ею небольшим ролям – несомненно, талантливая артистка, которая при большой любви к кино и настойчивой, внимательной работе имеет все данные, чтобы занять на экране ответственное положение. <...>;

Она получила уже несколько предложений от серьезных французских режиссеров и из Берлина.

Возрождение. 1929. 18 мая;

Иллюстрированная Россия. 1929. №22

Голливуд.

В связи с полным вытеснением немых картин звуковыми, положение русских, работавших в кино, стало почти безвыходным. Из русских снимается теперь только несколько человек. М.И.Вавич, снимающийся в картине «Веселый Мадрид», подписал теперь контракт с «Фоксом» и будет играть в новой картине... О.Бакланова подписала контракт с «Фоксом» еще на одну картину. Хорошо работает И.Лебедев, снимающийся в студии «Радио Пикчурз» и имеющий долголетний контракт. Н.Сусанин снимается в фильме «Наедине с тобой». М.Визаров в последнее время не снимался и открывает в Холливуде школу. Из остальных русских лучше всех устроился Яковлев-Гессе, служащий хористом в студии «Бр<атья>Уорнер». Остальные русские работают в лучшем случае десять недель в год. Мелешев снимается нечасто, но, благодаря тому, что его жена имеет место секретарши у врача, имеет возможность оставаться в Холливуде. К.Юренев готовит постановку «Песни Песней» с помощью американцев. В качестве технического советника больше других работает полковник Давыдов. Германов, Коновалов и другие снимаются редко. Из Холливуда русские уже бегут. Часть направляется в Сан-Франциско, часть едет в Нью-Йорк. В Холливуде существует еще два русских клуба. Русско-Американский артистический клуб два раза в неделю устраивает программу. В другом клубе, в котором председателем был Юренев, теперь главным руководителем – Варжинский. Фактически этот клуб – простой ресторан. Ресторан Ф.А.Лодыженского лопнул, и сам он разорился. Первый ресторан ему удалось создать, собрав с восьми служащих по пятьсот долларов. Как известно, эта затея кончилась поджогом, совершенным арендатором, который был осужден затем судом. Второй ресторан Лодыженский открыл на «пожертвования». Чаплин дал ему чек на тысячу долларов, и Мэрион Дэвис – на 6500 долларов.

Все эти деньги были им израсходованы, а ресторан теперь закрылся. Сам Лодыженский из Голливуда уехал и собирается в Нью-Йорк. Имевший одно время кинематографическую контору А.О.Дранков открыл теперь близ Голливуда ресторан. А.А.Волошин и генерал Савицкий служат в ресторанах официантами.

Новое русское слово. 1930, 26 мая.

Голливуд.

Алла Назимова скоро опять появится на экране. Она приглашена для исполнения главных ролей в ряде кинематографических скетчей. Первый из них назван «*Девичья постель*». Фильмы будут говорящие, на трех языках: английском, французском и русском.

Проект не осуществлен.

Возрождение. 1929. 28 мая

Голливуд. Во время гастролей театра «Летучая мышь» Никита Балиев дал согласие на участие актеров в съемках звуковых фильмов: «Некоторые наши сцены в специальной обработке будут показывать в виде дивертисментов». Съемки были запланированы на позднюю осень того же года. Проект не осуществлен.

Возрождение. 1929. 11 июня

Берлин. В съемках массовых сцен картины «*Хаджи-Мурат*» участвуют казаки-балалечники братья Прохановы, придумавшие оригинальный визуальный трюк:

В этой картине изображены ночные танцы с факелами. Эти музыканты намотали на рукоятки кинжалов ваты, а чтобы эта вата на спадала, – обмотали ее тонкой крепкой провололочкой. Потом рукоятки кинжалов с ватой макают в древесный спирт. При танце выключается свет, в это время зажигают кинжалы и танцуют с ними.

Солодухин, 228

Начало июня

Белград. «Студией Искусств приглашен в качестве руководителя кинематографических искусств бывший артист Художественного театра А.Ф.Черепов».

Новое время. 1929. 9 июня

Париж.

Н.Ф.Колин отказался от участия в «*Хаджи Мурате*» и сейчас ведет переговоры о постановке своего сценария. Предполагается, что фильм будет звуковым и в нескольких сценах – говорящим.

Возрождение. 1929. 18 июня

6 июня

Париж. Cine-club Studio-28. Премьера фильма *Un chien andalou* («*Андалузский пес*»; реж. Луис Бунюэль, сцен. Л.Бунюэль, Сальватор

Дали, худ. Петр Шильдкнехт; съемки – март 1928). Одну из главных ролей в картине сыграл Петр Батчев. Из отзыва:

Молодой человек – «он» – с тонким и нервным лицом (это Петр Батчев) точит бритву, готовясь бриться. Неожиданно на экране появляется молодая женская фигура – «она». Он подносит к ее глазам бритву. Глаз расширяется, потом судорожно сжимается, огромный и страшный. В темной зале вскрикивают, но кошмарный глаз уже сменяется другой картиной... Фильм много недель идет уже в «передовой» зале «Студия 28», вызывает протесты и восхищение, но привлекает публику... Он именуется «сюрреалистическим». В нем, несмотря на название, нет ни Андалузии, ни пса. Можно рассказать каждую из сцен, но в рассказе он покажется совершенной нелепостью. Однако есть внутренняя связь между сценами, то страшными и отталкивающими, то спокойными и идиллическими, есть необъяснимая, но несомненная последовательность кошмара, разворачивающегося на экране, от которого нельзя оторваться. Вы буквально «пожираете» глазами экран и ждете с напряжением, что будет дальше... Кошмар создан обыкновенными людьми в обычной обстановке комнаты и улицы.

Последние новости. 1929. 4 октября;
Сегодня. 1930. 21 марта

7 июня

Харбин. Показ хроникального фильма «Россия в прошлом величии».

Русское слово. 1929. 7, 9 июня

8 июня

Нью-Йорк. Премьера фильма *She Goes to War* («Она идет на войну»; реж. Генри Кинг) с участием Дины Смирновой и др. Пр-во *Inspiration Pictures*.

Первая половина июня

Берлин. *Tobis-Studio*. Александр Волков продолжает съемки павильонных эпизодов фильма «Хаджи-Мурат». Первые эпизоды снимаются в декорациях петербургского Мариинского театра:

Партер залит мундирами блестящих представителей гвардейских полков эпохи Николая I, а в ложах – очаровательные дамы с локонами, с оголенными плечами и необычайными кринолинами... Все взоры устремлены на романтического худощавого красавца в первом ряду. Он в белой черкеске и чакчирах, обрамленное бородкой смугловатое лицо его с огромными горящими глазами оттеняется папахой, повязанной белоснежной чалмой... <так!> Внезапно – резкий поворот; все застывают спиной к сцене – в своей ложе появился император... Шум занимаемых мест, дирижер взмахивает палочкой, звучит «Славься» из «Жизни за царя», взвивается занавес, и начинается балет в стиле Тальони...

Иллюзия полная, пожалуй, не трудно войти в роль и почувствовать себя каким-нибудь героем николаевской эпохи. Только всмотревшись, узнаешь в романтическом красавце И.И.Мозжухина, замечаешь на сцене Е.П.Эдуардову, руководящую своим балетом с прима-балериной Марианной Винкельштерн, а в блестящих военных и дамах разбираешь разнообразнейших представителей нашей колонии. Снимаются и артисты, и литераторы, и адвокаты, и офицеры... С необычайной тщательностью и продуманностью сделано здесь все и построено.

«Две недели, – рассказывает один из творцов этого театра Вл. А. Мейнгард, – мы работали над постройкой, не спали ночами... Вы не можете себе представить чувство кинематографического художника, когда придется разрушать все это, когда в какой-нибудь час-два от нашего великолепного театра останется только груда досок, да пыль столбом от раскрашенного папьемаше...»

Спокойно и уверенно ведет режиссуру А.А.Волков, и так же без лишней суеги исполняет его указания надежный штаб – почти все русские; здесь автор известного труда об итальянской комедии Миклашевский, Литвак, Барстов... Оператор – один из лучших европейских мастеров своего дела Топорков, над костюмами работает бурная фантазия Б.Билинского, декорации строят художник Лошаков и В.Мейнгард... Мозжухин увлечен ролью, но придется пережить и несколько опасных моментов – в «горах Кавказа», которые будут сниматься на юге Франции, предстоит бешеная скачка, и на всякий случай И.И.Мозжухин даже застраховался...

«Но это ничего, – говорит И.И.Мозжухин, – артист театра, я очень люблю кино и верю в него как в искусство большое, настоящее. Ведь кино открывает самую интимную часть человеческой души – глаза; в театре вы их так не рассмотрите, там можно изменить, затушевать голос, движения тела, но попробуйте в кино скрыть глаза: это невозможно, и через их выражение кино является подлинным зеркалом человеческой души... В кино нельзя играть как в театре. Надо по-настоящему страдать, чувствовать, чтобы передать такой тончайший человеческий аппарат, как глаза... Теперь, особенно с изобретением звукового фильма, открываются перед ним широчайшие перспективы, и кажется мне, что театру со временем придется отойти на второй план; кино его вытеснит. Теперь это вопрос только техники... Между прочим “Хаджи-Мурат” снимается уже как звуковой, отчасти и как разговорный, и мне, весьма возможно, придется наговаривать на трех языках – по-немецки, по-французски и по-английски... Очень тяжело, что нет среди этих языков русского, – но что делать, подождем... Что касается меня, я пока туда (в СССР. – Р.Я.) не собираюсь и истинно счастлив, что за свою жизнь не разговаривал ни с одним большевиком», – с улыбкой заканчивает Мозжухин, ибо уже время: снова взмахнул капельмейстер своей па-

лочкой, приподнял жезл церемониймейстер, в ложе появился Николай – пора сниматься...

Руль. 1929. 18 июня;
Возрождение. 1929. 5 июля

17 июня

Берлин. Премьера фильма *Die Liebe der Brüder Rott* («Любовь братьев Рот»; реж. Эрих Вашнек, худ. Андрей Андреев, прод. Ольга Чехова) с участием О.Чеховой, Алексея Бондырева и др. Пр-во *Tscheckowa Film*.

21 июня

Париж. Премьера фильма «*Калиостро*» (реж. Рихард Освальд). Из отзыва:

Фильм поражает раньше всего богатством и художественным исполнением декораций и костюмов. Артисты создали почти портретные типы, дали живые образы. Но сюжет оказался слишком большим, чтобы его можно было уложить в один нормальной длины фильм, и получилось вместо законченных, насыщенных эпизодов скомканные, сокращенные странички. В картине много динамики, она смотрится с интересом, но разочаровывает отсутствием внутренней напряженности и цельности впечатления. Хотелось бы увидеть ее в новом, значительно более полном издании, для чего, судя по производившимся съемкам, фирма обладает вполне достаточным материалом.

Иллюстрированная Россия. 1929. №24;
Borger, 37; Albera, 176

24 июня

Берлин. Благотворительный спектакль театра «Синяя Птица» в пользу Союза русских журналистов и литераторов в Германии. Среди почетных зрителей – Наталия Кованько, Вячеслав Туржанский, Александр Волков, Владимир Стрижевский, Андрей Андреев и другие русские кинематографисты; «появляется приветствуемый взрывом аплодисментов, только что приехавший с ночных съемок красавец Хаджи-Мурат – И.И.Мозжухин, и Я.Д.Южный разыгрывает с ним целый скетч: якобы звонит в Нейбабельсберг, вызывает по телефону А.А.Волкова за разрешением остаться в театре Мозжухину, но тот оказывается в зрительном зале, и этот “сюрприз” дает новую почву для остроумия Южному...»

Руль. 1929. 23, 26 июня

До 28 июня

Париж. Cinema Empire. Показ прессе фильма *Parce que je t'aime* («Потому что я тебя люблю»; реж. Хьюитт Клэйпол Грентхем-Хейес, опер. Самуил Бриль, грим Владимир Кванин, прод. Иван

Сержинский) с участием Николая Римского, Дианы Гардт и др. Пр-во Integral Film. Из отзывов:

Н.А.Римский – в драматической роли. Хорошее начало на новом пути. В некоторых сценах актер захватывает зрителей... К сожалению, простой и ясный сюжет – самопожертвование героя во имя счастья любимой жены – превратился в бессвязное нагромождение отрывочных эпизодов с утомительным обилием объяснительных надписей... Как резко бросающуюся в глаза странность отметим, что француженка Э.Темари – поразительно русская по внешности, а русская Д.Гардт – типичнейшая француженка. Отметим неожиданное появление на экране на одну минуту художников Ван-Донгена и Фужиты. Мольбертом им служат... две очень плотно обтянутые в трико статистки... Фотографии С.Бриля удачны, техническая сторона – тоже.

Возрождение. 1929. 28 июня

Фильм держится на прекрасной игре Николая Римского, который на этот раз неожиданно выступил в строго драматической роли. Его герой – живая, правдивая фигура... Присутствовавшему на просмотре Н.А.Римскому была устроена шумная овация.

Последние новости. 1929. 28 мая

30 июня – 2 июля

Берлин. Печатный протест Георгия Азагарова против публичного объявления его советским агентом, сделанного некой г-жой И.Андреевой. После этого обвинительница разъярилась:

...<я> назвала его «большевиком», чем, естественно, опорочила его «доброе, ничем не запятнанное до сей поры имя», как он писал мне в ряде писем, угрожая судебным преследованием. Я действительно говорила, что Г.Г.Азагаров большевик, основываясь, во-первых, на том, что в его доме встречала «т.т.» Розеньел-Луначарскую, М.Ф.Андрееву-Желябужскую и многих других, и, во-вторых, на основании его же рассказов, что он сидел в Константинополе в тюрьме по подозрению в большевизме. Теперь, однако, получив от г. Азагарова ряд возмущенных, протестующих писем, из которых ясно, что он не только резко отмежевывается от большевиков, но и считает для себя позором всякую связь с ними, я рада публично признать ошибочность своих слов и выразить удовлетворение, что г. Азагаров принадлежит нам, эмигрантам.

Через несколько дней последовал ответ режиссера:

Я человек абсолютно аполитичный и занимаюсь исключительно художественной работой, но г-жа Андреева осмелилась распространять слухи, порочащие мою честь, будто я провокатор, служу в ГПУ и получаю за это большие деньги... Столь странное поведение г-жи Андреевой побудило меня передать дело адвоката для возбуждения уголовного преследования.

Рувль. 1929. 30 июня, 2 июля

Исход этого конфликта неизвестен.

Июнь

Белград. На собрании литераторов, артистов и художников, прошедшем в помещении театральной школы Александра Черепова, учреждено «Содружество деятелей искусства». Первая встреча артистического клуба была назначена на 29 июня, но, по-видимому, не состоялась из-за отъезда за границу инициатора этого объединения.

Новое время. 1929. 28 июня

Берлин.

За последние годы в мировой и, в частности, в германской кинопродукции отмечается значительное число фильмов, имеющих русское содержание. Начав с русских постановок крайне фантастического содержания, русский фильм все более приближается к русской жизни, все точнее давая ее отображение на экране. Достигается это тем, что и германская киноиндустрия пользуется советами русских эмигрантов, приглашая их советчиками при каждой новой русской постановке. Но отдельный русский, при всем его прошлом опыте жизни и службы в России, не может всего запомнить, не может удержать в памяти все мелочи прошлой жизни. Для этого надо собирать картины, гравюры, книги, снимки и пр., чтобы всегда иметь возможность дать тот точный ответ, который от художественного советника требует режиссер. Идя навстречу этому требованию, группой русских образовано *Gesellschaft für Filmberatung* (Общество киноэкспертизы), в распоряжении которого книги, снимки, гравюры, картины, альбомы, образцы военных и гражданских форм и т. п., материалы различных эпох, как относящиеся к военному миру старой России, так и к ее миру придворному, чиновничьему и к ее быту. Это общество ставит себе задачей работу в качестве консультанта при русских картинах, командировав в распоряжение фирмы одного из своих сочленов, в то же время снабжая его, по мере хода его работы, всем необходимым ему материалом. Во главе общества стоят: старого русского генерал-штаба генерал-майор А. фон Лампе, полковник В. Леонтович, полковник барон Е. Энгельгардт. Все эти лица уже принимали непосредственное участие в кинопостановках.

Руль. 1929. 12 июня; Возрождение. 1929. 14 сентября;
Иллюстрированная Россия. 1929. №32

Париж. Иосиф Ермолев назначен главой производственного отдела объединенной компании *Franco-Film-Aubert*.

Возрождение. 1929. 14 июня

Берлин. Ольга Чехова завершила съемки в фильме «Дурак».

Иллюстрированная Россия. 1929. №23

Париж.

Леон Перре готовит совместно с фирмой «Чехова-фильм» картину «*Дважды двадцать лет*», где главную женскую роль роль исполняет Ольга Чехова.

Возрождение. 1929. 29 июня

Ницца.

Раймон Бернар закончил студийные съемки «*Княжны Таракановой*». Сейчас вокруг студии воздвигаются грандиозные декорации: дворцы, церкви, крепости и другие крупные сооружения. В предстоящих съемках будет принимать участие очень большое количество статистов.

Возрождение. 1929. 29 июня

Берлин. *Tobis-Studio*. Александр Волков занимается разработкой звукового решения картины «*Хаджи-Мурат*»:

Услыхав впервые о тонфильме, я отнесся к этому изобретению с большим недоверием; с исчезновением немоты исчезала интернациональность кино, никак я не мог представить идеального слияния голоса с экраном... Такое недоверие по отношению к заговорившему вдруг немому испытывали все кинодеятели. Но мое недавнее посещение Лондона, где я видел двенадцать тонфильмов, не только изменило первое впечатление, но и понудило меня самого к работе над очередной моей картиной по новейшей системе. Надо различать фильм звуковой, касающийся только звуковых и музыкальных эффектов, и разговорный. «*Белый черт*» по «*Хаджи-Мурату*» будет не только звуковым, но и частично разговорным фильмом. Разговорная часть делается так: сперва снимается главный исполнитель, и там, где предполагаются «разговоры», он произносит – вслух или про себя, это не важно – требуемые фразы по-английски, по-немецки и по-французски. Важно только движение губ. И вот, когда снимки готовы, дублеры англичанин, немец и француз репетируют по губам эти фразы и отдельно их наговаривают; этот способ называется «синхронизированием» и широко практикуется Америкой; совпадение получается идеальное... Таким образом, до известной степени сохраняется интернациональность фильмов. Конечно, в таком случае «разговорность» получается компромиссная: фразы подбираются либо создающие настроение, либо его разрешающие, но сами по себе – незначительные, чтобы не слишком бросалась в глаза дисгармония между главным исполнителем и заменившими его в разговорах дублерами. Развитие «компромиссного» фильма я вижу в том, что наговоренные фразы мало-помалу вытеснят надписи; возможно еще и то, что одна кинопеса будет изговариваться в нескольких национальных составах. Но «*Белый черт*» будет еще и фильмом звуковым; пойдет он также под синхронизированную музыку – это очень важно для провинциальных и, вообще, для небольших кино, где оркестр заменяется сомнительным сопровождением скрипки и рояля. Музыка будет местами утихать, местами

– совсем замолкать, давая место определенным звукам – рокоту толпы, шуму деревьев, стукам... В смысле передачи звука еще не достигнуто повышение или затихание, так сказать, ~~нет~~ еще первого и второго плана звука, но в теории это, конечно, мыслимо путем приближения и удаления микрофона...

Руль. 1929. 23 июня

Париж. Синама La Cigale. Повторный показ фильма «Волжский бурлак» (1926, реж. Сесиль Б. де Милль) в сопровождении аппарата «Эркатофон», исполнявшего «все лучшее, что есть в русской музыке»: «Стенька Разин» А.Глазунова, «Жар-Птица» И.Стравинского, «Эй, ухнем!» в разных исполнениях (Федора Шаляпина, квартета Кедровых и русского хора), фрагментов из опер «Шехерезада» Римского-Корсакова, «Князь Игорь» Бородина, 2-й симфонии С.Рахманинова и др.

Последние новости. 1929. 28 июня

Париж. Морис Турнер занят постановкой фильма «Корабль погибших людей».

Картина будет звуковая, но без единого диалога, Турнер – ярый противник говорящего кино. Среди артистов, исполняющих главные роли, много русских: Владимир Соколов, Борис де Фаст, Шаляпин-мл., Грюнвальд и др. Продюсер картины – Иосиф Ермолев.

Возрождение. 1929. 29 июня;

Иллюстрированная Россия. 1929. №35

Берлин.

Известный тенор П.Райчев снимается в настоящее время в тонфильмах – в операх «Кармен» и «Евгений Онегин». Кроме того, он ведет переговоры о поездке для той же цели в Америку.

Руль. 1929. 2 июля;

Новое русское слово. 1929. 22 июля

Лос-Анджелес. Преподающий с 1926 в Калифорнийском университете русскую литературу и искусство профессор Борис Морковин признан основателем «науки социальной психологии кинематографа», которая изучает психологию кинематографистов, зрителей, слушателей и любителей кинематографа и то, «насколько кинематограф отвечает их потребностям, интересам, вкусам и моде и как он создает вкусы среди его посетителей».

Новая заря. 1929. 14 августа

Первая половина года

Голливуд. Из интервью Михаила Вавича об участии русских в американском кинопроизводстве:

Раньше за русских артистов выдавали себя совершенно посторонние сцене лица. Теперь удельный вес русского артиста сильно поднялся, и опытных актеров сразу выдвигают. Я не бе-

речь назвать многих из них, но могу перечислить Шахта, Марка Ге (сына известного артиста), Делинского, Д.Мира, Л.Феодорова, Маревского, Германова, Мелешева и др. Все они теперь снимаются часто. В качестве технических советников заняли прочное положение А.Давыдов, Н.Коблянский, Ф.Лодыженский. Из русских режиссеров приехал недавно Болеславский, готовящий картину для «Пате». Центром внимания среди русских является режиссер Льюис Майлстоун. Он помогает русским, как никто. У него нет другого слова для русских, кроме «да». Отказа у него не бывает. А его помощь является весьма существенной. Майлстоун – молодой талантливый режиссер. За постановку картины «*Два арабских рыцаря*», признанной Американской ассоциацией кинокомпаний лучшей картиной 1928 года, он получил золотую медаль.

Последние новости. 1929. 5 июля

2 июля

Берлин. Премьера фильма *Das Modell vom Montparnasse* («Модель с Монпарнаса»; реж. Вильгельм Тиле, сцен. Михаил Линский, опер. Николай Топорков). Пр-во *UFA*.

Начало июля

Нью-Йорк. Fox Theatre. В концертных дивертисментах перед сеансами выступают русские артисты: хор Агренево-Славянской, певец Миша Марков, танцор Сергей Абатов, артисты Анастасия Фехтнер, Б.Днестров.

Новое русское слово. 1929. 4 июля

Берлин. Из интервью Вячеслава Туржанского о звуковом кино:

Жаль, что звук ворвался к нам слишком рано. Мы подходили уже вплотную к разрешению очень существенных задач нашей работы... Теперь, за эти последние три года, мы научились использовать технику в помощь актеру, его работе, его экранным воплощениям. Мы были уже на пороге больших достижений. И звуковой фильм пришел несколько раньше, чем мы разрешили некоторые, быть может, совершенные по своему выполнению задачи.

Руль. 1929. 12 июля

10 июля

Париж. Общество русских инженеров. Доклад А.М.Шефтеля «Говорящий фильм и техника его производства».

Последние новости. 1929. 10 июля

12 июля

Париж.

Дирекция театра «Парамаунт» доводит до сведения русской публики, что ею организованы особые сеансы по удешевленным ценам в 5 и 10 франков с 11 час. 30 мин. утра до 1 часа дня. После часа дня цены местам в 15, 20 и 25 фр. Те же цены и для ночных

сеансов после 12 ч. ночи до 1 часа ночи. Театр охлаждается при помощи специальных аппаратов и представляет собой идеальное место отдыха во время летней жары.

Последние новости. 1929. 12 июля

Середина июля

Берлин.

А.А.Волков закончил в студии УФА работу по кинопостановке произведения Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» и отправился на натурные съемки в Ниццу, где будет сделана кавказская часть фильма. После этого в Берлине приступят к звуковой части картины.

В составе экспедиции – Семен Барстов, Константин Мис (Миклашевский), Павлов, Константин Бруни.

Воины-горцы, все мирное население аула – почти сплошь русские «фигуранты». Много сотен их: и лихие джигиты, казаки донские, кубанские и терские, и знакомые лица бывших военных – в больших и малых чинах, и журналисты, и писатели, и лица «бывших свободных профессий».

Последние новости. 1929. 26 июля, 4 октября

До 20 июля

Берлин.

К.М.Миклашевский, посвятивший себя в последнее время изучению тонфильма и являющийся ближайшим «по звуковой части» помощником А.А.Волкова в постановке «Белого дьявола (Хаджи-Мурата)», выпустил иллюстрированную книжку «Звуковое кино».

Из отзыва:

Книжка на русском языке пока единственная, посвященная громкой теме – «говорящему кино». Автор, что называется, «схватил» тему; к тому же его книжка написана с завидной легкостью и легко прочтется даже и в научной своей части любым читателем, заинтересованным неспециалистом из публики.

Автор не претендует на то, чтобы написать строго научное исследование, не претендует книжка его и на место учебного пособия для профессионалов. Он старается лишь помочь кинематографическому деятелю, желающему следовать за движением кино, разобраться в первых шагах и дать неспециалистам основные представления о принципах и достижениях его... Для специалистов же, и в особенности для тех из них, кто не обладает знанием иностранных языков, она явится полезным вкладом в библиотеку.

Нельзя даже перечислить всех интересных вопросов, которые затрагивает эта интересная маленькая книжка. Автор увлекает и своей осведомленностью в этом многообразии. Он до того «дома» в кинематографической технике, что мы не удивимся, если и

он явится изобретателем в какой-нибудь отрасли этого сложного дела. В общем, чтение книжки доставило большее удовольствие, чем посещение слышанных мною звуковых фильмов.

Руль. 1929. 21 июля, 7 августа;
Иллюстрированная Россия. 1929. №35;
Последние новости. 1929. 25 июля

23 июля

Берлин. Показ короткометражных «поющих» фильмов *Kammersinger Paul Raiceff singt die Blumenarie aus der Oper Carmen von Bizet* («Певец Павел Райчев исполняет заглавную арию из оперы “Кармен” Бизе») и *Kammersinger Paul Raiceff singt die Arie des Lenski aus Eugen Onegin von Tschaikovsky* («Певец Павел Райчев исполняет арию Ленского из оперы “Евгений Онегин” Чайковского»). Пр-во Tiges.

Tobis, 36

29 июля – 9 августа

Нью-Йорк. Cameo Theatre. Показ короткометражного звукового фильма «*Изба*» с участием исполнительницы русских песен Нины Тарасовой, которая «под аккомпанемент русского хора исполняет ряд народных русских песен».

Действие картины начинается в России. Молодой крестьянский парень любит девушку, служащую в ресторане. Однажды он застаёт купца-гостя в ресторане, в тот момент, когда тот лезет к ней с поцелуями. Парень убивает купца. Затем следует арест, суд и ссылка в Сибирь. Дальнейшее действие происходит уже в далеком сибирском крае, куда девушка спешит за своим возлюбленным. Все эти сцены, показываемые в картине, сопровождаются песнями. Картина имеет большой успех и вполне гармонирует с главной, идущей одновременно с ней, советской картиной «*Каторга*».

Новое русское слово. 1929. 5 августа;
Последние новости. 1929. 9 августа

Июль

Париж. «Н.А.Римский в скором времени появится на экране в новой картине “*Безнравственность*”».

Возрождение. 1929. 2 июля

Париж. Премьера фильма *Fecondite* («Плодородие»; реж. Николай Евреинов и Анри Этъеван, по роману Эмиля Золя, худ. Мстислав Добужинский, Александра Экстер, Цезарь Лакка и Петр Шильдкнехт) с участием Дианы Каренн, Алекса Аллина (Александровского), Цибульского и др. Пр-во *Le Central Cinematographique* (Яков Натансон) – *Ecran d'Art* (Владимир Иванов). Из отзыва:

Следует, прежде всего, оговориться, что фильм, вопреки указанию на экране, отнюдь не по роману Э.Золя, а является совершенно оригинальным произведением, сценарий которого был всего лишь навеян знаменитым произведением... Декорации – художественны. Постановка – отличная. Если сценарий в нескольких местах грешит надуманностью, то зритель не замечает этого, благодаря таланту, с которым Диана Каренн исполняет свою роль.

Иллюстрированная Россия. 1929. №30;
Возрождение. 1929. 5 июля

Берлин.

Берлин, по-видимому, окончательно стал центром европейской кинематографии; сюда перенесли свою деятельность и большинство русских виднейших работников кино, и их картины являются уже необходимой составной частью германской фильмовой продукции... Вся работа над *«Хаджи-Муратом»* в ателье закончена, и русская группа выехала на натурные съемки на юг Франции, где будет изготавливаться *«Кавказ»*. По завершении этого все участники фильма снова возвращаются в Берлин для производства звуковой части *«Хаджи-Мурата»*. Почти сразу же после его окончания УФА приступает к другой картине, в которой большинство участников явится также русскими – ставить фильм будет В.К.Туржанский, главная роль поручена И.И.Мозжухину, с которым заключен контракт на год. Картина будет носить «интернациональный» характер и снова явится звуковой. К осени будет выпущена также и другая, ныне почти готовая картина под режиссурой В.К.Туржанского – *«Манолеску, король воров»* с И.И.Мозжухиным. В ближайшее время приступает к съемкам большой картины из эпохи Петра I *«Забавы императрицы»* В.Стрижевский; консультантом у него состоит тоже русский – Д.Монко. Далее тот же режиссер будет ставить фильм *«Русская тройка»*, в котором одну из главных ролей исполнит Мих<аил> Чехов; «русские» съемки картины – в Латвии. С Мих. Чеховым к осени будет выпущен еще один фильм – *«Полиш»* в постановке Ольги Чеховой. Она снова возвращается к артистической деятельности, намереваясь чередовать актерские и режиссерские функции. Картина эта будет сделана по французскому современному роману и частично будет сниматься в Париже. Кончает также съемки и режиссер Г.Азагаров по нашумевшему роману *«Бунт в исправительном доме»* с Барановской в одной из центральных ролей. Далее он поставит *«Двенадцать разбойников»* по известной песне, где главную роль будет исполнять О.Рунич. К этому перечню следует еще прибавить очередную большую комедию с участием Н.Ф.Коллина, предположенную в одном из берлинских обществ под режиссурой А.Я.Таирова.

Последний проект не осуществлен.

Руль. 1929. 16 июля

Прага. *Barrandow studio*. Съёмки павильонных эпизодов фильма «Прачка» с участием Веры Барановской, Лидии Триденской, Марии Келлер-Годуновой и др.

Иллюстрированная Россия. 1929. №28

Париж. Ольга Чехова снялась в фильме «*Дважды двадцать лет*» (оригинальное назв. – *Quand nous étions deux* / «Когда нас двое»; реж. Леонс Перре).

Иллюстрированная Россия. 1929. №28

Берлин. Вера Малиновская снимается в фильме «*Любимец Шенбрунна*».

Иллюстрированная Россия. 1929. №29

Берлин. *Tobis-Studio*. Александр Волков завершил павильонные съёмки фильма «*Хаджи-Мурат*».

Иллюстрированная Россия. 1929. №30

Берлин.

Общая тенденция, охватившая фильмoвый рынок, находит живейший отклик среди русских продуцентов. Директор фильмового общества «*Memento-Film*» В.В.Яновский заключил контракт с крупнейшим американским концерном «*Universal Pictures*» на постановку «*12 разбойников*» по известной песне донских казаков, причем звуковая часть фильма будет посвящена русским песням. В числе прочих песен будут синхронизированы «*12 разбойников*», «*Есть на Волге утес*», «*Эй, ухнем*», «*Солнце всходит и заходит*», «*Славное море, священный Байкал*», «*Гори, гори, моя звезда*»... Из русских актеров приглашается О.Рунич и др. Фильмовая постановка находится в руках Г.Г.Азагарова. Звуковая часть под руководством В.В.Яновского будет производиться в Америке, куда он выезжает по окончании съёмок фильма.

Руль. 1929. 20 июля

Берлин.

В фильме «*Забавы императрицы*», подготовляемом «*Гринблум-Фильм*», в постановке В.Ф.Стрижевского, роль Петра Первого играет известный певец, артист бывш<их> Императорских театров Д.Смирнов, а Ефросинью – г-жа Мальцева-Смирнова.

Руль. 1929. 24 июля

Берлин.

В.Ф.Стрижевский готовит фильм из эпохи Петра Великого по пьесе Даутендея «*Забавы императрицы*»... Консультантом постановки состоит русский артист Д.Монко.

Последние новости. 1929. 26 июля

Париж. Премьера короткометражного фильма *Harmonies de Paris* («Гармонии Парижа»; реж. Люция Дерэн, опер. Николай Рудаков). Пр-во *Films Albatros*.

Borger, 37; Albera, 176

Берлин. «И.И.Мозжухин продлил еще на год контракт с УФА».

Последние новости. 1929. 22 июля

— Берлин. Образование общества *Olga Tschschowa Film GmbH* с капиталом в 40 тысяч марок. Первыми постановками нового кинопредприятия стал фильм «*Любовь братьев Ром*» (реж. и исполнитель главной роли Ольга Чехова).

Руль. 1929. 19, 28 июля

Берлин.

Знаменитый режиссер Джоз Май становится с наступающего сезона во главе продукции «УФА-Май». Первым его выпуском будет большой тонфильм «*Последняя рота*» из эпохи наполеоновских войн. Постройки и декорации – русского художника А.В.Андреева.

Руль. 1929. 1 августа

Париж. Образование производственного общества «*Темо-фильм*» во главе с Евгением Грюнбергом. Начало съемок первой картины – «*Женщина и мы*» (реж. Иосиф Сойфер, опер. Богдан Зубович).

Новое русское слово. 1929. 3 августа

Берлин.

А.Я.Таиров, посвятивший себя в последнее время изучению тонфильма, заключил с Венгеровым контракт на две звуковые картины, которые будут изготавливаться с осени в берлинских ателье. Одна из картин – «*Отец Сергей*» по Л.Толстому, другая – «*Цыганы*» по А.Пушкину. Обе картины должны быть закончены постановкой в течение ближайших месяцев и выпущены на европейские экраны предстоящей зимой.

Руль. 1929. 4 августа;

Возрождение. 1929. 24 августа

2 августа

Берлин. Премьера фильма *Der Mann, der nicht liebt* («Мужчина, который не любит»; реж. Гвидо Бриньоне) с участием Алексея Бондырева, Николая Турова, Александра Мурского и др. Пр-во *Horn-AG für Filmfabrikation*.

Берлин. Премьера фильма *Adieu Mascotte* («Прощай, Маскотт»; реж. Вильгельм Тиле, соавтор сцен. Михаил Линский, опер. Николай Топорков). Пр-во *UFA*.

Начало августа

Ницца. *Studio Franco-Film*. Натурные съемки фильма «*Хаджи-Мурат*».

В студиях продолжается лихорадочная деятельность. Съемки начинаются в шесть-семь часов утра и заканчиваются после захода солнца. Рабочие, возводящие декорации, работают в две смены, не отдыхая по воскресеньям. Быстро, не по дням, а буквально

по часам вырастает русская церковь, вокруг которой с пением обойдет пасхальная процессия. И вся эта огромная, напряженная, длительная коллективная работа делается для того, чтобы ожила на полтора часа перед нами легендарная страница завоевания Кавказа.

Возрождение. 1929. 9 августа

Рига. Театр русской драмы. Гастроли Пражской группы МХТ. В составе труппы – Наталья Лисенко. Из отзыва: «Как бы совсем бесследно прошли для Н.А.Лисенко влияния кинематографа. Она все та же».

Сегодня вечером. 1929. 12 августа

Голливуд. Ришард Болеславский будет ставить картину «Шелк».

Новое русское слово. 1929. 16 августа

Середина августа

Берлин. Премьера звукового фильма *Poliche* («Полиш»; реж. Ольга Чехова, худ. Андрей Андреев) с участием О.Чеховой, Михаила Чехова и др. Пр-во *Tschechowa Film*. Из отзыва:

Выступление русского артиста на экране вызвало редкую по единодушию оценку немецкой критики, всюду отмечающей талант Чехова, его необычайную передачу тонких психологических деталей, общую яркость и выразительность. Таким же успехом пользуется фильм и у публики...

Руль. 1929. 18 августа

19 августа

Нью-Йорк. Возвращение из поездки по Европе Дмитрия Буховецкого.

Новое русское слово. 1929. 18 августа

22 августа

Берлин. Gloria-Palast. Премьера фильма *Manolescu. Der König der Hochstapler* («Манолеску – король воров»; реж. Вячеслав Туржанский, ассист. реж. Александр Уральский, прод. Ной Блох, Григорий Рабинович) с участием Ивана Мозжухина, Бориса де Фаста и др. Пр-во *UFA – ACE*. Из отзыва:

Русское в этом фильме не только в исполнении главной роли, чувствуется русская рука во всей постановке... Но чья рука, чья фантазия витала над сценарием? Нельзя всерьез писать про такие сценарии, но как можно серьезно писать их? Можно от души поздравить и Туржанского, и мягкого, такого выразительного и в проявлении своей силы и любви, страсти и осторожного юмора Мозжухина, что сценарист пал под их дружным напором... Но не лучше ли без риска: хорошим артистам играть хорошие сценарии.

Руль. 1929. 28 августа; *Fantasies russes*, 171

27 августа

Белград. Театр «Луксор». Показ немой версии германского фильма «*Чудесная ложь Нины Петровны*» (реж. Генрих Шварц): «Роскошная УФА-фильма из русской жизни. Великая трагедия нежной любви».

Новое время. 1929. 27 августа

28 августа

Берлин. Премьера фильма *Der Hund von Baskerville* («Собака Баскервилей»; реж. Рихард Освальд) с участием Александра Мурского, Георгия Серова и др. Пр-во *Erda-Film GmbH*. Из письма Серова:

А нахожусь я сейчас у немцев, в городе Берлине, и снимают меня по Конан Дойлю, и играю я в «*Баскервильской собаке*» самого д-ра Ватсона. А потом еще буду другую картину делать, а потом еще, а потом еще, а потом еще, так – до 1 октября, там обратно к французам...

Последние новости. 1929. 28 октября

30 августа

Париж. Cinema Marivaux-Pathé. Показ прессе германо-французского фильма «*Тайна Востока*» / «*Шехерезада*» (реж. Александр Волков).

Последние новости. 1929. 6 сентября;
Fantasies russes, 169

Август

Париж. Показ германского звукового фильма «*Полиш*» (реж. и исполнитель главной роли Ольга Чехова).

Берлин. «И.Х.Попелло-Давыдов пишет сценарий фильма “12 разбойников”».

Новое русское слово. 1929. 18 августа

Берлин. Гастроли «Товарищества русских драматических артистов» с участием Осипа Рунича, Михаила Чернова и др. После Германии труппа переехала в Румынию.

Руль. 1929. 22 августа

Голливуд.

Архитектор А.Толубов занимает пост артистического директора фирмы «*Метро-Голдвин-Майер*». Автор многих декоративных работ для этого крупнейшего обществства, Толубов нарисовал и построил декорации для картин «*Анна Каренина*» («*Любовь*») и «*Казачи*» по Л.Н.Толстому. Воздвигнутая им казацкая станица привлекла в свое время внимание всей печати. Ему же принадлежит постановка пантомимы «*Иван-царевич*» (музыка А.Вешнякова). Сотрудниками этого художественного предприятия, имевшего шумный успех, явились соотрудница *MGM* Наталия Бюкналь,

танцор Сергей Темов, композитор Сергей Малавский, С.Бертенсон, кн. Ольга и Наталия Голицыны. А.Толубов не замыкается в рамки своей профессии. Он, равно как и председатель Русского Комитета ген. Лодыженский, содействует сплочению русской колонии.

Последние новости. 1929. 23 августа

Берлин. Съёмки фильма *Revolte im Erziehungshaus* («Бунт в воспитательном доме»; реж. Георгий Азагаров) с участием Веры Барановской и др. Пр-во *DU Film*. Перед выпуском на экран «фильм русского режиссера запрещен цензурой к представлению в Германии».

Возрождение. 1929. 24 августа

Париж.

Деятельность бийанкурских студий вновь ожила. Гг. Нальпас, Фельдман и Шифрин только что вернулись из поездки по Англии, Голландии и Германии, куда они ездили изучать постановки звуковых фильм. Перестройка студии, предназначенной для звуковых съёмок, будет закончена в ближайшее время. Новую свою продукцию – четыре фильма – студия Шифрина начинает 15 сентября, совместно с «*Терра-Фильм*» и «*Объединенными Артистами*» <United Artists>. Среди приглашенных актеров – М.А.Чехов.

Последние новости. 1929. 30 августа

Рига. Приезд из Берлина Михаила Вавича, сделавшего здесь краткую остановку по дороге в Таллин, куда он направляется навестить брата. Из интервью актера о своей работе в звуковом кино: «Я играю характерные роли. Специализировался “на злодеях”. А таким сам Бог велел говорить с акцентом».

Новое русское слово. 1929. 31 августа

Париж. «Оператор С.Бриль выехал в Египет и Палестину для съёмок фильма, которая будет называться “Монография Востока”».

Новое русское слово. 1929. 1 сентября

Париж. Театровладелец Л.Сирочкин заключил соглашение с группой *Aubert-Franco Film* о вхождении в репертуарный цикл французской компании: «В проекте – переустройство всех этих зал на звуковое кино. Один из них, “Клиши Палас”, уже реорганизован».

Последние новости. 1929. 6 сентября;

Возрождение. 1929, 13 сентября

Париж. Завершение озвучания фильма «*Ожерелье королевы*», который первоначально был выпущен в немом варианте.

Возрождение. 1929. 6 сентября

Даугавпилс (Латвия).

В синема идет германский боевик «*Преступная страсть доктора Георге*». Чтобы не вводить жителей Двинска (так город назывался в 1893–1917. – Р.Я.) в заблуждение, директор синема обстоятельно объясняет: «Сильная драма великой любви и стра-

даний в 12 частях на животрепещущую злободневную тему о внебрачной любви, половой извращенности и ее ужасных последствиях – неизлечимых болезнях». После сильной драмы великой любви и великих страданий обещано «*Черное домино*» – «роскошный современный роман в 10 частях». Красиво живут в Двинске!

Седых, 30

Французские Альпы. Из рассказа Ивана Можухина о натуральных съемках фильма «*Белый дьявол*»:

После долгого дня возбужденной <так!> работы мы все сидели у огня и курили. Бывшие генералы, офицеры, помещики и крестьяне моего же уезда, в своих многокрасочных национальных костюмах, были счастливы, они забыли, по крайней мере на несколько часов, тяжелую долю своей эмигрантской жизни и вспоминали более счастливые дни прошлого. Но все они остались глубоко русскими, не забывая никогда своей страны, ее нравов и обычаев. Внезапно слышатся звуки волжской песни, раздающиеся где-то в ночной тиши. Было уже очень поздно. В костюме Хаджи Мурата, этого знаменитого воина-разбойника, стремившегося освободить свою страну, я слушал эту трогательную мелодию. Когда песня окончилась, все плакали, и мы почувствовали себя действительно стоящими на русской земле.

Новое русское слово. 1931. 27 сентября

Берлин. Премьера фильма *Der Narr seiner Liebe* («Одураченный своей любовью»; реж. Ольга Чехова, худ. Андрей Андреев) с участием О.Чеховой, Михаила Чехова и др. Пр-во *Tscheckowa Film*.

Лето

Голливуд. Фред Нибло занимается постановкой фильма «*Искушение*» по мотивам пьесы Толстого «Живой труп». В роли цыгана – отца Маши в нем участвовал Михаил Вавич. Из отзыва:

Фильма обещает быть исключительно интересной. В настоящее время идет съемка «молчаливого» экземпляра ее. Также начнется съемка «говорящего» экземпляра, который будет показан только в англосаксонских странах.

Иллюстрированная Россия. 1929. №33;

Русский голос. 1929. 13 июля

Нью-Йорк. По приглашению компании *Paramount* Рубен Мамулян взялся за постановку фильма «*Аплодисменты*». Из рассказа режиссера:

Переговоры велись больше года. Я ставил свои условия работы, которые шли вразрез с порядками, установившимися в студии. Начальство протестовало. Я же, имея возможность работать в театре, упорствовал в своих требованиях и не сдавался. Время шло, и только через тринадцать месяцев после начала переговоров я подписал контракт... В первый же день съемки создатель

такое положение, что мне пришлось заявить о моем уходе. Против меня ополчились все – осветитель, заведующий звуковой записью, оператор и даже заведующий гардеробом. Дело в том, что я начал вводить свою собственную систему съемки. Я делал указания, где поставить камеру и как манипулировать ею во время съемки сцены, я предъявил свои требования к осветителю, записывающему звук, я точно формулировал, что именно должно быть уловлено микрофоном, и потребовал немедленно передодеть некоторых действующих лиц, которых нарядили как для оперетки. В те времена это была революция!.. В главном офисе состоялся «суд». Мои противники говорили в один голос, что они «очень уважают мистера Мамуляна, но не могут подчиниться его “странным” требованиям, так как их первая обязанность – беречь деньги компании»... Я – упорствовал. Или я буду снимать по-своему, или уйду! И вот с кислой миной мне дали директорские полномочия... С трепетом душевным приступил я на следующее утро к съемке... Теперь вся ответственность падала только на меня одного... Весь вечер после съемки я волновался и провел очень беспокойную ночь. К десяти утра я приехал в студию, не зная, как дождусь полудня, когда обычно лаборатория присылает для просмотра то, что было заснято накануне... Оказалось, что студийное начальство распорядилось проявить всю мою работу ночью и доставить в студию к 7 часам утра. А в восемь весь состав дирекции уже просмотрел, «что вышло из сумасшедших затей этого русского», чтобы успеть вовремя прекратить продукцию и не терять деньги... А результатом этого просмотра было то, что диктаторские права были за мной закреплены и я начал свою карьеру кинорежиссера.

Последние новости. 1929. 12 июля

Берлин. «Фирма “Мементо-Фильм” готовит картину “Донские казаки”» (реж. Георгий Азагаров).

Последние новости. 1929. 6 сентября.

Париж. Николай Евреинов завершил постановку короткометражных экспериментальных звуковых фильмов «Искры мюзик-холла», «В стране Рамона» и «Пьеретта и кувшин молока» для компании Melovox.

Последние новости. 1929. 13 сентября

Берлин. Михаил Чехов принял предложение сняться в новых картинах под режиссурой Ольги Чеховой. Художник-декоратор постановок – Андрей Андреев.

Руль. 1929. 18 августа

4 сентября

Белград.

Кинематографический сезон открыт биоскопом «Корзо», подготовившим в этом году ряд новых русских постановок и фильм

из русской жизни, снятых в России, а также фильм с участием виднейших русских кинематографических артистов, живущих за границей.

Новое время. 1929. 4 сентября

5 сентября

Белград. Театр «Луксор».

Триумфальная кинематографическая премьера «Диана». Судьба одной прекрасной парижанки на франко-русском фронте во время похода Наполеона на Москву. В фильме участвуют Ольга Чехова, Борис де Фаст и др.

Новое время. 1929. 5 сентября

Начало сентября

Голливуд. Ольга Бакланова внезапно прервала кино съемки и уехала в Чикаго. К тому времени она снялась в фильмах «Человек, который смеется», «Улица греха», «Забывшие лица», «Доки Нью-Йорка», «Оползень», «Женищина, которую стоит убить».

Новая заря. 1929. 12 сентября;

Иллюстрированная Россия. 1929. №25

Париж.

Аркадий Бойтлер, бывший артист «Летучей Мыши», приглашен компанией Эм. Пр. <?> для участия в говорящих картинах на испанском языке, предназначенных для Южной Америки.

Последние новости. 1929. 10 сентября

Ницца. Завершение натурных съемок фильма «Белый дьявол»:

Снежно-белый жеребец Ревельон показывает под Мозжухиным чудеса ловкости. После окончания съемок, производившихся в горах, в уединенной деревенской гостинице состоялся товарищеский банкет, объединивший за рядом столов всех участников съемок. В этом банкете принял участие и Ревельон. Он поднялся по лестнице на второй этаж, в зал, в котором происходил банкет, и встреченный громкими аплодисментами всех своих двуногих товарищей, принял из рук режиссера А.А.Волкова угощение, состоявшее из хлебных корок, смоченных шампанским. В течение всего банкета, затянувшегося до ночи, Ревельон, перешедший потом на овес, вел себя в высшей степени корректно и прилично, чего нельзя было сказать о некоторых чересчур приналегших на крепкое провансальское вино двуногих.

Последние новости. 1930. 28 февраля

7 сентября

Белград. Театр «Париз»: «*Балалайка*» – большая русская фильма о нежной любви и самопожертвовании» (оригинальное назв. – *Nuits de princes*; реж. Марсель Л'Эрбе).

Новое время. 1929. 7 сентября

8 сентября

Берлин. Премьера фильма *Sensation im Wintergarten* («Сенсация в Зимнем саду»; реж. Джоз Май, Дженнаро Ригелли) с участием Владимира Соколова, Осипа Рунича и др. Пр-во *Lothar Stark Film GmbH*.

16 сентября

Берлин, Capitol Liechtspiele. Премьера немой версии фильма *Der Günstling von Schönbrunn* («Любимец Шенбрунна»; реж. Эрих Вашнек, Макс Райхманн, прод. Герман Миляковский, Георгий Витт) с участием Веры Малиновской, Александра Мурского, Г.Витта и др. Пр-во *Greenbaum-Film GmbH*.

Deutsche Tonfilme, 73

17 сентября

Берлин. UFA-Pavillon Nollendorf. Показ французского фильма *Das Schiff der verlorenen Menschen* («Корабль потерянных людей»; реж. Морис Турнер) с участием Владимира Соколова, Бориса де Фаста, Федора Шаляпина-мл., Арута Вартана и др. Пр-во *Max Glass Film*. Из отзыва:

Искусство режиссера, выдвинувшее эту картину на одно из первых мест, заключается в умении гармонично распределять нарастание напряжения, в психологическом правдоподобии типов, углубленных до символа... Игра Вл<адимира> Соколова мимически великолепна. В его лице кинематограф приобретает крупнейшую величину.

Руль. 1929. 25 сентября

18 сентября

Нью-Йорк. Премьера фильма *They Had to See Paris* («Они должны были увидеть Париж»; реж. Фрэнк Борзедж) с участием Ивана Лебедева, Григория Ге, Федора Лодыженского и др. Пр-во *Fox Film Corporation*. Этот фильм, и в особенности участие в нем Ф.Лодыженского, вызвало негодование русского зрителя:

В его исполнении «великий князь» напивается, ложится в одну кровать с пьяным американцем, пробует на балу решительно все блюда, превращается из «Михаила» в «Майка», и вообще ведет себя весьма недостойно. Все мы помним, что Лодыженский прибил у своего ресторана «Russian Eagle» двуглавого орла, и благодаря этому его ресторан имел большой успех. И теперь вдруг такое выступление против того же двуглавого орла, который служил ему и в России и в Америке основой благополучия. Это, кажется, первый случай, когда офицер русской армии позволяет себе так издеваться над теми, кому он служил и благодаря кому он возвысился.

Новое русское слово. 1929. 23 октября

20 сентября

Белград. Театр «Наркипо». Показ германского фильма «Тени минувшего» (оригинальное назв. – *Dornerweg einer Furstin*; 1928, реж. Николай Ларин).

Новое время. 1929. 20 сентября

23 сентября

София. Премьера фильма «След пожара над Русия» («След пожара над Россией»; реж. Борис Грежов, опер. Владимир Термен) с участием Владимира Карпова и др.

24 сентября

Париж. Днем, во время репетиции нового спектакля, в театре «Atelier» скоропостижно скончался актер Георгий Серов, снявшийся в фильмах «Волга-Волга», «На царской службе», «Белый дьявол» и др.

Удача выпала на его долю лишь этой весной, когда он приглашен был в Берлин для участия в фильме «Хаджи-Мурат». Здесь ему сразу определили большой оклад, позволивший по возвращении из Ниццы, где происходили последние съемки, расплатиться со всеми долгами и зажить спокойно, тем более, что впереди у него было блестящее будущее: Георгий Валентинович подписал контракт с УФА на год с окладом в 25 тысяч марок в неделю. В театре «Ателье» покойный должен был выступить лишь в 25 спектаклях, а затем уехать в Берлин. Но судьба решила иначе...»

Возрождение. 1929. 26 сентября;

Последние новости. 1929. 26 сентября;

Иллюстрированная Россия. 1929. №41

25 сентября

Париж.

Объявляется мобилизация всех русских, проживающих во Франции. Все посетайте кинематографы Сирочкина, которые будут демонстрировать боевые пьесы сезона. Программа с 25-го сентября по 3 октября: «Эксельсиор» – знаменитый фильм Ольги Преображенской «Деревня греха» (оригинальное назв. «Бабы рязанские». – Р.Я.). Картина сопровождается специальным звуковым аппаратом. Знаменитый квартет донских казаков будет аккомпанировать некоторые сцены и петь на сцене...

Возрождение. 1929. 27 сентября

27 сентября

Вена. Gartenban-Kino. Премьера фильма *Das Tagebuch einer Verlorenen* («Дневник падшей»; реж. Георг-Вильгельм Пабст, асс. реж. Марк Соркин) с участием Веры Павловой, Эдиты Мейнхарт, Марфы Касатской, Андрея Энгельмана и др. Пр-во *Hom-AG fur Filmfabrikation – Pabst-Film*.

Парк Сен-Мор под Парижем. Погребение на кладбище Конде Георгия Серова.

Могила Г.В.Серова около самых ворот. На могиле уже лежит большой венок из живых цветов от труппы театра «Ателье». Цветов много. Отпевание совершает о. Георгий Спасский. Поет хор Афонского. В числе присутствующих – сестра покойного Н.В.Серова, артист Н.Асланов, труппа театра «Ателье», Е.Ю.Грюнберг и др. Присутствующие долго не расходятся.

Возрождение. 1929. 28 сентября

Из отзыва:

Серов и смерть. Серов и могила. Серов и гроб. Нет, это кажется несоединимым. Актер, к которому подступала большая прекрасная слава, актер, который (один из немногих) добился французской сцены, изучил язык, завоевал не только признание, но и восхищение иностранцев, актер, который для международного успеха в кино не оставил театра, – этот актер более не существует! Блестящий остроумец, милый человек с такой неповторимой, единственной «рожей», которую так искусно, так совершенно по своему любил он гримировать, – этот человек ушел от нас в 32 года... Последний Серов ушел – и кончились Серовы! Остался только след его в памяти тех, кто знал его, кто видел и слышал его на сцене и в жизни, осталось только хрупкое воспоминание... Да еще несколько сот метров кинематографической ленты, где он будет ходить, пожимать плечами, тарашить близорукие глаза... Таким через несколько недель или месяцев мы увидим его в каком-нибудь душном, прокуренном кино под звуки популярного мотива, разыгранного дрянным оркестром. Таким мы еще раз увидим его, когда на полотне пойдет он перед нами, веселя и восхищая нас. Какое горькое утешение!

Последние новости. 1929. 28 октября

Конец сентября

Известный кинорежиссер А.А.Волков, снимавший последние месяцы «Хаджи-Мурата» на юге Франции, получив известие о внезапной смерти Г.В.Серова, дарование которого он очень ценил и который только что снимался в «Хаджи-Мурате», заболел от перенесенного душевного потрясения. А.А.Волков перевезен в Париж, где и находится в настоящее время в одной из санаторий на пути к полному выздоровлению. Между прочим, Г.В.Серов не закончил в «Хаджи-Мурате» своей роли, и дирекция УФА весьма озабочена приисканием подходящего артиста для окончания этой роли, являющейся одной из центральных.

Руль. 1929. 9 октября

Сентябрь

Голливуд. Художник-архитектор Александр Толубов назначен артистическим директором студии MGM.

Автор многих декоративных работ для этого крупнейшего обществa, Толубов нарисовал и построил декорации для картин «*Анна Каренина*» («*Любовь*») и «*Кзаки*» по Л.Н.Толстому... А.Толубов не замыкается в рамки своей профессиональной работы. Он, равно как и председатель Русского Комитета ген. Лодыженский, содействует сплочению русской колонии, имеющей здесь и клуб, и сцену, и ресторан.

Последние новости. 1929. 23 августа;

Новая заря. 1929. 10 сентября

Нью-Йорк.

Аркадий Бойтлер занимается постановкой серии 12 короткометражных звуковых картин на испанском языке, предназначенных для Южной Америки, и прежде всего, Аргентины, где он с успехом выступал до этого два года. В них принимают участие испанцы и аргентинцы. Помощник режиссера – бывший актер театра «Летучая мышь» М.Стойновский.

Серия состояла из четырех музыкальных картин, двух юмористических скетчей, четырех инсценировок, одного «испанского» и одного «аргентинского» сюжетов.

Новое русское слово. 1929. 20 сентября

Берлин.

Во время съемки сцены, изображающей ночную тревогу в разбойничьем лагере в картине «*Двенадцать разбойников*», ставящейся под режиссурой Г.Г.Азагарова, одному из изображавших разбойника – г. Булатникову неудачно брошенный факел попал в глаз и серьезно повредил роговую оболочку. Г. Булатников был отправлен в больницу, откуда по истечении трех дней выписался, предъявив фирме иск за полученное увечье.

Руль. 1929. 25 сентября

Берлин.

Артистка оперы Лидия Павловна Смирнова-Мальцева отказалась от роли Ефросинии в фильме «*Забавы императрицы*», так как фильм будет немой.

Руль. 1929. 28 сентября

Берлин.

В.Стрижевский заканчивает главную часть постановки своей новой большой картины «*Забавы Екатерины II*» с участием бывшего оперного певца императорских театров Смирнова... Одну из ответственных ролей г. Стрижевский поручил Б. де Фасту – русскому кинематографическому артисту, как, впрочем, и большинство вторых и «силуэтных» ролей. Фильм будет выпущен на парижские экраны фирмой «*Софар*» еще в нынешнем зимнем сезоне.

Возрождение. 1929. 6 октября

Берлин. Павильонные съемки фильма «*Ядовитый газ*» (реж. Михаил Дубсон, сореж. Сергей Эйзенштейн и Григорий Александров, сцен. Натан Зархи) с участием русских актеров-эмигрантов.

Wulgakowa, 99

2 октября

Варшава. Премьера фильма *Mocny czlowiek* («Сильный человек»; реж. Хенрик Жаро) с участием Григория Хмары, Артура Сохи, Леха Оврона, Станиславы Высоцкой, Болеслава Мержеевского, Александра Зельверовича, Яна Курнаковича, Збигнева Станевича и др. Пр-во *Gloria*.

4 октября

Париж. Studio Agriculteres. Показ германского фильма «*Ню*» (оригинальное назв. – *Nju – Eine unverstandene Frau*; 1924, реж. Пауль Циннер). В этой же программе – анимационный фильм «*Волшебные часы*» (реж.-опер. Владислав Старевич).

Последние новости. 1929. 4 октября

5 октября

Париж. Отъезд в Америку профессора пения, «известной оперной артистки Е.И.Терьян-Коргановой, которая займется в Голливуде «подготовкой кинематографических звезд к выступлениям на звуковом экране».

Последние новости. 1929. 4 октября

Начало октября

Париж. Studio Joinville Reservoir. Режиссер Аугусто Дженнина проводит съемки эпизода «Конкурс красоты в Сан-Себастьяне» своего нового фильма в присутствии журналистов.

Среди беззаботных завсегдатаев модных празднеств на дорогих курортах мы заметили очень много знакомых русских лиц из парижской эмигрантской колонии. В энергичном же толстяке-антрепренере – устроителе конкурса красоты – многие узнали артиста Московского Художественного театра С.И.Цыбульского.

Возрождение. 1929. 11 октября

Париж. Cinema Vieux Colombier. Показ экспериментального фильма «*24 часа в 30 минут*» (реж.-опер. Жан Лодс и Борис Кауфман).

Последние новости. 1929. 11 октября

Берлин. Выпуск короткометражных музыкальных фильмов, поставленных Жоржем Лакомбом: *Die nacht* («Ночь»; во французском прокате – *La nuit*), *Alt-Moskau* («Москва») и *Bluff* («Блеф»), в которых были сняты выступления артистов театра «Золотой петушок» и оркестра балалаечников под управлением Георгия Чернойрова. Пр-во *Films Sonores Tobis*.

7 октября

Нью-Йорк. Премьера звукового фильма *Applause* («Аплодисменты»; реж. Рубен Мамулян). Пр-во *Paramount Pictures*. Из отзывов:

Любопытная сторона этой постановки, что режиссер привлек в качестве исполнителей исключительно людей, никогда не выступавших ни на экране, ни на сцене. <...> Первый его фильм успеха не имел, но знатоки талант молодого режиссера оценили.

Новое русское слово. 1929. 6 октября;

Новая заря. 1936. 18 августа;

Иллюстрированная Россия. 1937. №14

8–13 октября

Белград, театр «Париз». Показы хроникального фильма «*Величественные похороны генерала Врангеля*» (опер. Новакович).

Новое время. 1929. 8, 10 октября

До 12 октября

Берлин. Terra-Lichtspiele-Mozartsaal. Премьера немой версии французского звукового фильма *Balalaika-Nachte* («Ночи с балалайкой», оригинальное назв. – *Nuits de princes*; реж. Марсель Л'Эрбье). Из отзыва:

Русская жизнь, русские быт и нравы – недавнее прошлое и исторические сюжеты – давно уже завоевали европейский экран. Жизнь русских эмигрантов в Париже, ее перипетии – печали и радости – показывает новый фильм Марселя Л'Эрбье, несложное мелодраматическое содержание которого вправлено в рамку живую и блестящую. Мы видим на экране великолепную, мастерски показанную джигитовку, в картине много движения, много красок, празднеств цыганских, русских, черкесских и других костюмов. И в этой оживленной и блестящей пестроте проходит незамеченной некоторая бедность сценария, трактующего о ревности и любви, о растроченных деньгах и непонятной героине и завершающегося благополучно длительным поцелуем в последней гроссауфнаме (крупном плане. – Р.Я.). Приятным дополнением к фильму является выступление хора казаков под управлением А.Грабовского, имевшего у публики большой и заслуженный успех, много бисировавшего и исполняющего русские песни также и во время фильма за экраном.

Руль. 1929. 12 октября

12 октября

Нью-Йорк. Cameo Theatre. Показ французского фильма «*Мадонна спальных вагонов*» (1928, реж. Марко де Гастин, Морис Глез).

15 октября

Берлин. Премьера фильма «*Дневник падшей*» (реж. Георг-Вильгельм Пабст).

Середина октября

Париж. Показ германского фильма «Ты не будешь лгать» с участием Владимира Гайдарова и др.

Возрождение. 1929. 18 октября

18 октября

Нью-Йорк. Cameo Theatre. Показ германского фильма «Распутин» (оригинальное назв. – *Dornerweg einer Furstin*; 1928, реж. Николай Ларин).

Новое русское слово. 1929. 17 октября

24 октября

Нью-Йорк. Roerich Art Cinema. Показ видового фильма «Серебряная долина», снятого Николаем Рерихом в Тибете.

Новое русское слово. 1929. 21 октября

Нью-Йорк. St. Marx Theatre. Показ документально-видового фильма «Поездка в Советскую Россию».

Знакома ли вам сегодняшняя Россия? Знаете ли вы, что происходит на вашей родине? Вы сами увидите все, что видела международная рабочая делегация, ездившая специально для ознакомления с существующим положением вещей в СССР. Картина представляет особый интерес тем, что она была снята самой делегацией. Не верьте рассказам «очевидцев», а верьте аппарату – он никогда не лжет! Для оторванных от своей великой родины русских людей эта глубоко трогательная фильма имеет исключительное значение.

Из отзыва зрителя: «Пусть цель этой картины – пропаганда, но все же перед нами – Россия».

Новое русское слово. 1929. 23, 24 октября, 1 ноября

25 октября

Париж. В газете «Последние новости» открылась страница «Театр и синема» (с конца февраля 1930 – «Неделя синема», с февраля 1931 – «Синема – Кино»), публиковавшаяся по пятницам, в день смены программ в кинотеатрах. Среди авторов – Сергей Волконский, Георгий Адамович, Юлия Сазонова, Михаил Струве, Антонин Ладинский, Соломон Поляков-Литовцев, Нина Берберова, Владимир Азов и др.

Париж. В газете «Возрождение» открылась пятничная страница «Новости кино». Среди авторов – Константин Маковский, Николай Роцин, Иван Лукаш, Николай Чебышев, Юрий Мандельштам и др.

28 октября

Париж. Cinema Coliseè. Приехавший из Москвы для изучения звукового кино Валерий Инкижинов – почетный гость на показе

фильма «*Буря над Азией*» (оригинальное назв. – «*Потомок Чингисхана*»; 1928, реж. Всеволод Пудовкин).

Последние новости. 1929. 25 октября

Октябрь

В течение октября хор донских казаков С.А.Жарова разъезжает по Германии, а 30-го возвращается в Берлин, где будет участвовать в съемке тонфильма <«*Белый дьявол*»>.

Руль. 1929. 2 октября

Нью-Йорк.

В музее Рериха будет помещаться Roerich Art Cinema, в котором будут демонстрироваться научные картины, главным образом, снятые путешественниками и экспедициями.

Новое русское слово. 1929. 7 октября

Нью-Йорк.

Бывший балетмейстер кинотеатра «Роху» Л.Леонидов ставит теперь балеты для кинокомпании, производящей небольшие говорящие картины в красках по способу «Фотоколор».

Новое русское слово. 1929. 7 октября

Голливуд. Ришарду Болеславскому поручена постановка балетного номера в кинообзрении компании *RCA Television Review* (Телевизионное обозрение РКА).

Новое русское слово. 1929. 7 октября

Париж. Cinema Americain. Показ звуковых короткометражных фильмов *Les Etincelles du Music-hall* («Искры Мюзик-холла»), *Pierrette et le pot* («Пьеретта и кувшин молока»), *Au pays de Ramon* («В стране Рамона»). Реж. Николай Евреинов.

Эта первая во Франции синхронизационная продукция (звуковое и говорящее кино) выполнена по сценариям и под личным управлением русского режиссера.

Последние новости. 1929. 15 октября

Париж. Николай Евреинов подписал контракт с обществом *Ossofilm* на право звуковой экранизации своей пьесы «Самое главное». Постановка осуществлена Марселем Л'Эрбье в 1937.

Руль. 1930. 16 октября;

Русский голос. 1930. 19 октября

Париж. В.А.Старевич приступил к постановке фильма «*Рейнеке-Лис*» «по собственному сценарию, составленному по различным источникам средневекового народного эпоса. Куклы для фильма изготовлены Ириной Старевич». Из описания съемок:

На маленькой сцене, на фоне очаровательного лесного пейзажа стоит сказочный Рейнеке-Лис – полужверь, получеловек, и ведет хитрый разговор с вороной, которой где-то Бог послал кусочек сыра. Рядом висится затейливый замок Лиса – из старых

пней, с башнями, бойницами, лазейками и зубчатыми стенами. Там, дальше, – сторожевой Пес с добродушной мордой и умными глазами, одетый по-людски. Вот воронье с хищным клювом и когтистыми не то лапами, не то руками, с туловищем человека или призрака, обутого в крохотные полусапожки средневековья. Здесь кованые доспехи царя зверей – Льва, шлем и латы которого изукрашены тончайшим узором затейливого оружейника. Все эти призраки увлекательной сказки *«Рейнеке-Лис»* движутся на экране, плачут, смеются, танцуют, грозят, хитрят, как живые мимы, и иногда даже как будто говорят под звуки тихой, завуалированной музыки.

Из интервью В.Старевича:

Теперь я кручу большой фильм *«Рейнеке-Лис»* в две тысячи метров, по собственному сценарию, сделанному мною по различным источникам народного эпоса Средних веков, – независимо от поэмы Гёте, в котором эпопея Лиса разворачивается на фоне рыцарской эпохи карточных королей, заточенных в башни принцесс, менестрелей, монахов, шутов, турниров и прочего антуража далекого прошлого. Ирина Старевич в этом фильме крутит некоторые сцены самостоятельно. Этой работой, несмотря на ее трудность и сложность при синхронизации, я увлечен совершенно, и дай Бог, чтобы удалось закончить фильм монтировкой к весне 1930 года. Меня прельщает возможность использовать зверей на первом плане экрана, так сказать, «психологически», и дать им такую же фотогеничность, которой увлекают наши кинозвезды на экране зрителей, но техника съемки пластических масок и моих макетов позволяет найти новые эффекты, которые не достигнуты еще настоящими, живыми актерами. Накопленный за восемь лет упорного труда опыт, конечно, помогает мне в моих исканиях самостоятельного пути в кино, на котором я теперь стою прочно и с которого не сдвинет меня современная кинопромышленность, располагающая людскими массами, миллионами долларов, своими пароходами и чуть ли не «цепелинами», но зашедшая, однако, в тупик, откуда кинопромышленность вряд ли сможет вывести говорящие и поющие фильмы...

Последние новости. 1929. 25 октября;
Театр и жизнь. 1929. №16

В Праге приступили к работе над большим национальным фильмом, посвященным Св. Вячеславу <Св. Вацлаву>. Одна из женских ролей поручена русской артистке В.Барановской. Фильм будет звуковой.

Последние новости. 1929. 25 октября

Берлин. Из интервью Николая Колина:

Фильм приятен только в хорошем окружении, в дружном ансамбле; иначе – я только честный работник. Все же таю мечту: поставить фильм самому, и это давно бы уже удалось, когда бы не перебил дорогу фильм разговорный. Вот что я ненавижу... Мое

глубокое убеждение, что увлечение им – волна чисто искусственная; граммофон и есть граммофон. Вот и сейчас, в картине, где мне предстоит сниматься, – называется она «Бродячий цирк», – обещают «разговорность», и я считаю это абсолютной ерундой... Другое дело – часть звуковая, шумовая – у нее, несомненно, будущность... Больше всего в фильме мне лежит <так> трагикомедия, а в чистой комедии ведь все равно американцев не перешибешь!.. В ролях я ищу, прежде всего, человеческого, есть это – значит, роль удастся, моя... Выше всех я ставлю фильм американский, хоть и нет в нем еще того приближения к идеалу, который мы находим в театре. Главное мастерство американцев – в режиссуре, а в их исполнении я ценю больше всего нутро, сентимент – ведь я же выходец из МХТ. А посмотрите, как они работают! Возьмите Чаплина, Китона прежде и их же теперь – ведь все они не только артисты, но и колоссальные работники, как не восторгаться... Кино в СССР? Нет, это американцев не забьет, далеко еще... «Потемкин», «Буря над Азией»? Ведь это же все очень отдаленное приближение к американцам! А кроме того, снять настоящего киргиза – раз плюнуть, всем известно, что легче всего заставить один раз сыграть ребенка или дикаря; совсем другое дело заставить играть актера... Или вот еще: видел я пресловутую «Деревию греха» – лапоточки, рубашоночки, платочки, все выглажено, чистенько – это же «Жизнь за царя» какое-то! Бить мало режиссера за такую работу! Предлагали мне ехать туда на гастроли. Устроили в прошлом году сюрприз – встречу с М.Ф.Андреевой. Условия – прекрасные, но... я все это любезно отклонил. Как я вспоминаю о театре? С нежностью, с болью – как же иначе!.. Ну, что же, ведь такого театра, как был, – больше не будет, и для утешения, хоть и много в современном кино биржи, – все же и оно заняло в моем сердце какое-то место – конечно, иногда и кино меня увлекает. Тем более, что ведь у меня один подход для театра и кино, и вот, когда я забреду в захудалое кино поглядеть картину с моим участием (не люблю, кстати, ходить на премьеры), – испытываю волнение, точно я на сцене...

Руль. 1929. 29 октября

Вена.

Фирма «Энгель-Фильм» подписала с нашей соотечественницей Д.Липинской, талантливой исполнительницей русских и немецких песен, контракт на пять фильмов, в том числе и на звуковые. В настоящее время г-жа Липинская снимается в Варшаве в фильме «Мораль города», сценарий которого по пьесе «Мораль пани Дульской» написан Б.С.Неволиным. Он же и режиссирует фильм.

Руль. 1929. 31 октября

Париж. *Studio Joinville-Reservoir*. Режиссер А.Ганс приступил к постановке фильма «Конец мира». Значительная часть съемочной группы состоит из русских эмигрантов – ассистент режиссера Иосиф Сойфер, второй режиссер Вячеслав Туржанский, оператор Николай

Рудаков, художник Георгий Пожедаев, грим Владимир Кванин и Григорий Рахматов, прод. Владимир Иванов. В озвучании фильма участвовали исполнительница цыганских песен Лиза Муравьева и русский оркестр балалаечников. Заведующий технической частью студии инженер Н.М.Федоров предложил установить съемочный аппарат «на специальном сооружении, вращающемся вокруг своей оси и поднимающемся и опускающемся по спирали... Сооружение это дает возможность оператору, не сходя с места, уменьшать и увеличивать “планы”, “братъ” их сверху и снизу. Первые же съемки, сделанные с этого сооружения, дали блестящие результаты в смысле плавности перехода от одного “поля” к другому и неожиданных, связанных с вертикальным движением аппарата, эффектов». По прогнозам, фильм Ганса обещает занять «главное место в европейской продукции 1929–30 гг».

В момент, когда французский кинематограф переживает период общего застоя и колебания, новый фильм знаменует огромное напряжение сил и подъем французской фильмовой промышленности. Значительность вложенных капиталов, блестящее распределение ролей между французскими и интернациональными артистами и огромная фигурация (т. е. статисты. – Р.Я.) обеспечивает «Концу мира» блестящий мировой успех. Значительная часть произведения развертывается на тройном экране. Эту часть можно будет демонстрировать обычным аппаратом. «Конец мира» будет звуковым и говорящим, при применении совершенно нового метода. Голос и звуки природы будут играть в нем роль, еще не известную в американских и немецких фильмах.

Последние новости. 1929. 1 ноября;
Возрождение. 1929. 13 декабря; 1930. 7 февраля;
Театр и жизнь. 1929. №17

Париж. Оператор Борис Ляховский снимает экспериментальный фильм «Черный архангел» (реж. Робер де Жарвилль).

Возрождение. 1929. 25 октября

Париж. Paris-Cinèma. Показ документального фильма, в котором детально воспроизведен процесс кинопроизводства. Один из его эпизодов – съемки в анимационной студии Владислава Старевича.

Возрождение. 1929. 27 октября

Берлин.

Новый крах взволновал кинематографический мир Германии – объявлена несостоятельность фирмы «Чехова-Фильм». К сожалению, меньше всего повинна в этом крахе наша талантливая артистка Ольга Чехова, она принимала участие в делах фирмы не только в качестве артистки и режиссера, но и одного из главных директоров правления.

Возрождение. 1929. 29 октября;
Новое русское слово. 1929. 13 ноября

Париж.

Известный кинематографический артист А.Шахатуни, только что закончивший съемки в «Белом дьяволе», становится во главе нового производственного дела во Франции. Он будет продолжать и свою артистическую работу.

Возрождение. 1929. 8 ноября

Берлин. Премьера фильма *Sturmflut der Liebe* («Шторм любви»; реж. Мартин Бергер) с участием Николая Маликова, Бориса Михайлова и др. Пр-во *Mondo-Film-Vertrieb GmbH*.

Голливуд. Премьера короткометражного звукового фильма *Sol Violinsky, the Eccentric Entertainer* («Эксцентричный исполнитель Сол Виолински»). Пр-во *Warner Bros. Pictures*.

1 ноября

Берлин. Премьера фильма *Hochverrat* («Государственная измена»; реж. Иоганн Мейер, консульт. по быту Александр фон Лампе, В.Леонтович, Е.Энгельгардт). Пр-во *UFA*.

Руль. 1929. 12 июня

2 ноября

Берлин. Бал русской прессы с участием Александра Волкова, Ольги Чеховой, Вячеслава Туржанского, Наталии Кованько, Лидии Потехиной, Александры Зориной, Николая Колина. Владимира Стрижевского, Андрея Андреева, Александра Мурского, Елизаветы Пинаевой, Александра Вырубова и др.

Руль. 1929. 20 октября; 1, 5 ноября

Начало ноября

Варшава. «Режиссер Борис Неволин только что закончил постановку фильма «Нравственность пани Дульской»».

Возрождение. 1929. 15 ноября

Берлин. *Tobis-Studio*.

Работа А.А.Волкова над «Белым дьяволом» по «Хаджи-Мурату» Л.Толстого подходит к концу. Останется только синхронизация, которая будет произведена по системе «Кланг-фильм», т. к. фильм будет не только звуковым, но и разговорным на трех языках (английском, французском и немецком).

Возрождение. 1929. 15 ноября

Нью-Йорк. Приезд композитора Самуила Покрасса, приглашенного на работу в один из бродвейских театров.

Во время недавнего посещения Парижа артистом М.И.Вавичем г. Покрасс написал ему для Холливуда семь новых вещей, которые будут использованы для говорящих картин.

Новое русское слово. 1929. 10 ноября

В Берлине возникло новое русское кинематографическое предприятие под фирмой «Владимир Гайдаров-Фильм». Директором нового общества приглашен Л. Гранский. К съемкам будет приступлено в середине декабря.

Руль. 1929. 17 ноября

Берлин. Михаил Чехов снимается в картине «Призрак счастья».

Летопись, 501-502

4 ноября

Берлин. Capitol Lichtspiele. Премьера звуковой версии фильма «Любимец Шенбрунна» (реж. Эрих Вашнек, Макс Райхманн).

Deutsche Tonfilme, 73.

5 ноября

Париж. Studio des Agriculteurs. Показ фильма Владислава Старевича «Волшебные часы».

Возрождение. 1929. 1 ноября

9 ноября

Берлин. Литературно-драматическое общество им. А.Н.Островского. Вечер комедий. В программе – спектакль «Ниобея – мраморная гувернантка» (реж. Марк Мартов) с участием Лидии Триденской, А.В.Лариной, Р.А.Галицкой, В.О.Тубенталь, Василия Вронского, С.А.Субботина, Лидии Рындиной, Ольги Протопоповой и др.

Руль. 1929. 5, 6 и 7 ноября

13 ноября

Берлин. Премьера фильма *Giftgas* («Ядовитый газ»; реж. Михаил Дубсон, сореж. Григорий Александров, Сергей Эйзенштейн) с участием Веры Барановской, Николая Турова и др. Пр-во *Filmproduktion Loew & Co.*

14 ноября

Прага. Премьера чешской версии фильма *Hrísna krev / Afruhr des Blutes* («Грешная кровь»; реж. и соавт. сцен. Виктор Тривас, ассист. реж. Борис Ингстер (?) с участием Веры Верониной, Федора Шалина, Георгия Серова и др. Пр-во *Akkord-Film – Moldavia-Film.*

Fantasies russes, 171; Český hraný film I, 76

14–17 ноября

Нью-Йорк. St. Marx Theatre. Показ германского фильма «Петр Великий» (оригинальное назв. – *Peter der Grosse*; 1923, реж. Дмитрий Буховецкий).

Новое русское слово. 1929. 11 ноября

Середина ноября

Берлин.

Общество «Мemento-Фильм» закончило съемки звукового фильма «12 разбойников (Кудеяр)», в котором принял участие весь со-

став хора донских казаков С.А.Жарова. В декабре «Мemento-Фильм» приступает к постановке звуковой картины «*Борис Годунов*».

Проект не осуществлен.

Руль. 1929. 17 ноября

16 ноября

Нью-Йорк. Colony Theatre. Премьера звуковой версии фильма *Hearts in Exile* («Сердца в изгнании»; реж. Майкл Кэртиц) с участием Михаила Визарова, Георгия Германова, Вячеслава Савицкого, К.Яковлева-Гессе, Павла Гурцмана и др. Пр-во *Warner Bros. Pictures*.

Во время свадьбы, изображенной в фильме, русский хор в 80 человек исполняет русские свадебные песни... Посмотрите Россию дореволюционных дней, русских за работой и на отдыхе, русские студенческие вечеринки, знаменитый Благовещенский собор. Слушайте русские духовные и народные песни. Разговорная картина. Бесперывные сеансы. Общедоступные цены.

Новое русское слово. 1929. 24, 27 ноября; 1 декабря

18 ноября

Чикаго. American Engineering Society. Доклад Бориса Зворыкина об изобретенном им способе телефизионной проекции посредством особой катодной трубки.

Новое русское слово. 1929. 30 ноября

25 ноября

Берлин. Премьера фильма *Sprengbagger 1010 (?)* (реж. Карл-Людвиг Ахаз-Дуйсберг, худ. Андрей Андреев) с участием Ивана Коваль-Самборского и др. Пр-во *Terra Film*.

27 ноября

Париж. Показ германского фильма «*Шехерезада*» (оригинальное назв. – *Geheimnisse des Orients*; 1928, реж. Александр Волков).

Последние новости. 1929. 30 ноября; *Bogger*, 38-39

29 ноября

Париж. Studio Diamant. Показ «русской» кинопрограммы, составленной из «единственного сохранившегося экземпляра фильма» «*Довоенный Санкт-Петербург*» (1905–1910) и советской картины «*Царь Иоанн Грозный*» (оригинальное назв. – «*Крылья холопа*»; 1926, реж. Юрий Тарич). Прокат фильма во Франции – *Luna-Film* (Арнольд Быстрицкий).

Возрождение. 1929. 22, 29 ноября

Конец ноября

Париж.

Советская печать уверяет, что В.Инкижинов выехал всего лишь на месяц и затем вернется обратно. Этот срок давно уже прошел, а советский «Тимур» ни с места... В Москве ожидают

возвращения Валерия Инкижинова для новой ударной картины. Но советский Тимур предпочел Бианкур. С.С.Шифрин пригласил артиста, своего бывшего коллегу по петербургскому Политехникуму, исполнить главную роль в фильме «Желтый капитан» для бийанкурской «Секвана-Фильм». По сценарию это – морская драма. Большинство сцен проходит на яхте в открытом море. Режиссирует швед Зандберг <...>. Фильм звуковой, с пением. Декорации г. Шильдкнехта. У аппарата Ф.И.Бургасов. <...> Съёмки начнутся в конце ноября, причем главная их часть будет происходить в Ницце – на берегу и на яхте.

Возрождение. 1929. 22 ноября, 27 декабря;
Последние новости. 1929. 29 ноября, 6 декабря

Ноябрь

Париж. Премьера короткометражного фильма «Женщины и мы» (реж. Иосиф Сойфер) с участием И.Сойфера и др.

Иллюстрированная Россия. 1929. №49

Берлин.

Русская киноартистка Ксения Десницкая, с успехом подвизающаяся на германском экране, предъявила к фильмовому обществу иск об убытках в размере 20000 марок. Фирма отказывается платить на том основании, что Десницкая мигает глазами во время съемки. Суд постановил пересмотреть ленту, чтобы убедиться, действительно ли не фотогенична артистка, давшая ряд интересных образов на экране.

Последние новости. 1929. 22 ноября

Голливуд. Приезд балетмейстера Михаила Фокина.

Наслушавшись рассказов о том, что в Холливуде для него сейчас самое подходящее место, он ликвидировал в Нью-Йорке свой дом и, забрав жену и сына, на автомобиле отправился в Холливуд. Ехали они недели две. И вот теперь выясняется, что, в сущности, он здесь никому не нужен и никто им не интересуется. У меня от разговора с ним осталось самое тяжелое впечатление, что он переживает сейчас ту же трагедию, которую испытывают в Холливуде все большие художники: им здесь нечего делать. Он полон идей, фантазии, желания работать, а проявить себя негде. И это в то время, когда в Холливуде только и говорят, что о музыкальных картинах и когда он мог бы быть прямо неопределимо нужным... Каких только планов у него нет! И сколько замечательного он мог бы еще сделать! Ему рисуется блестящая хореографическая фантазия на тему «Ночь на Лысой горе» Мусоргского. Фантастический шабаш ведьм, вакханалия славянско-мифологического характера. Или новая арлекинада в Венеции, какая-то импровизация стиля комедия дель арте на музыку Бетховена, специально им подобранную из разных вещей, где каждое движение, каждый жест будут совпадать с музыкой...

Аренский, 58

Париж.

В кинематографическом мире настойчиво говорят, что Инкижинов в скором времени начнет сниматься в фильме «*Братья Карамазовы*». Будем надеяться, что русская дирекция парижской фирмы даст нечто, достойное имени Достоевского.

Новое русское слово. 1929. 1 декабря

Осень

Лондон.

Известная русская балерина Лидия Лопухова, жена видного английского экономиста Дж. М. Кейнса, выступает в звуковом фильме «*Пунцовые розы*».

Последние новости. 1929. 20 сентября

Берлин. Заведующий сценарным отделом «Совкино», один из руководителей Ассоциации работников революционной кинематографии (АРРК) Вацлав Сольский, выехавший для лечения в Германию, отказался возвращаться в СССР и был объявлен «невозвращенцем».

Кино. 1929. 10 декабря

Голливуд. Приезд Дмитрия Темкина и его жены, балерины и педагога Альбертины Раш, по приглашению компании *MGM*.

Иллюстрированная Россия. 1929. №46;

Новая заря. 1930. 30 июля

3 декабря

Нью-Йорк. Warner Bros. Cinema. Премьера фильма *General Crack* («Генерал Крэк»; реж. Алан Кросслэнд) с участием Михаила Визарова, барона К.Яковлева-Гессе, М.Шульмана, Георгия Германова, Александра Волошина, Вячеслава Савицкого, Федора Лодыженского, С.Татищева, Григория Титова, О.Крамаренко и др. Пр-во *Warner Bros*. Из отзыва: «Герой фильма идет походом на “страну своего отца” – Курляндию, отбирает ее у России и становится герцогом Курляндским».

Новое русское слово. 1929. 9 декабря; 1930. 3 марта

4 декабря

Белград. Театр «Париз». Показ германского фильма «*Пять страшных дней*» (оригинальное назв. – *Fünf bange Tage*; 1928, реж. Дженаро Ригелли).

Новое время. 1929. 4 декабря

Начало декабря

Голливуд. «Ришарду Болеславскому поручена постановка звуковой фильмы “*Королева Келли*”». Проект не осуществлен.

Новое русское слово. 1929. 9 декабря

Париж.

Директор производственной фирмы «Художественный экран» В.И.Иванов пригласил для заведования литературно-художественной стороной своего дела Д.С.Мережковского. Д.С.Мережковский одновременно предоставил фирме «Художественный экран» преимущественное право на переделку для экрана своих сочинений. Таким образом, можно надеяться, что вслед за грандиозной постановкой Абеля Ганса «Конец мира» эта молодая киноматографическая фирма выпустит в свет ряд новых больших художественных картин.

Возрождение. 1929. 13 декабря

Берлин.

В Берлин вернулся известный кинорежиссер В.К.Туржанский, в скором времени приступающий к очередной работе. «Вероятнее всего, – говорит В.К.Туржанский, – я буду ставить фильм из русской жизни, фильм звуковой, так как считаю, что музыка самое понятное, самое легкое средство для восприятия иностранцем русского характера, русских настроений».

Руль. 1929. 18 декабря

7 декабря

Берлин. Kammertheater. Премьера фильма «Маккаби» с участием Мары Шпигель и др.

Руль. 1929. 3 декабря

9 декабря

Голливуд. Из дневника Сергея Бертенсона:

Провел длинный вечер у Фокина. Он показывал мне в домашнем крохотном кино снимки с некоторых его танцев, очень занятные снимки его путешествия на автомобиле через Колорадо и самое интересное – моменты его недавней поездки в Европу: Париж, Берлин, Рига и, наконец, возвращение в свой дом в Нью-Йорке.

Аренский, 60

10 декабря

Белград. Театр «Касина».

Грандиознейший фильм из русской эмигрантской жизни «Ночи балалайки». Казачья джигитовка, лезгинка, танцы с кинжалами. Фильм сопровождает первоклассный оркестр и хор балалаечников.

Новое время. 1929. 10 декабря

Париж. Petit Journal Cinema. Показ сенсационной хроники «Палестина во время беспорядков»:

Благодаря счастливому стечению обстоятельств известному кинооператору Сэмми Брилю и его помощнику Жаку Нози уда-

лось заснять Палестину во время бывших там беспорядков. <...>
Количество билетов ограничено.

Последние новости. 1929. 6 декабря

13 декабря

Париж. Публичный показ фрагментов фильма *Le Roman de Renard* («Роман о Лисе»; реж. Владислав и Ирина Старевичи).

Beatrice, Martin; 42

Берлин.

В присутствии представителей прессы и кинематографического мира состоялось первое публичное демонстрирование новейшего немецкого изобретения аппарата «Кинотон». Для сравнения его с другими аппаратами были впервые показаны сцены джигитовки, казачьего хора, пения в стане разбойников, представляющих собой синхронизированную часть фильма «*Двенадцать разбойников*», снятого под режиссурой Г.Г.Азагарова русским обществом «*Мементо-Фильм*».

Руль. 1929. 17 декабря

Берлин. Показ русского фильма в заседании гражданского суда:

Некий Мазуренко, именующий себя русским журналистом, обвинил «*Мементо-Фильм*», возглавляемый нашим соотечественником В.Яновским, в плагиате. Компания, возвратив ему манускрипт сценария как неподходящий, поставила фильм «*Двенадцать разбойников*», воспользовавшись, по мнению Мазуренко, его идей и использовав его манускрипт... Шумиха была поднята, и на первом заседании суда присутствовала жадная до сенсаций публика и представители прессы. Однако любителей сенсаций ждало разочарование, так как дело было отложено до просмотра фильма... С молниеносной быстротой протекшее судоговорение выяснило, что претензии Мазуренко ни на чем не основаны, что в «*Двенадцати разбойниках*» его права нисколько не ущемлены, что с таким же успехом можно было обвинить в плагиате и *УФА*, выпускающую фильм «*Белый дьявол*», так как герой Мазуренко тоже именуется «белым дьяволом». Суд постановил: обвинение «*Мементо-Фильм*» в плагиате считать недоказанным, судебные издержки возложить на г. Мазуренко.

Руль. 1929. 17 декабря

Середина декабря

Рига. Выпуск первого номера еженедельной газеты «Театр и жизнь». Издание прекратилось в конце года на третьем номере.

Абызов, 198

15–20 декабря

Нью-Йорк. Venenson Theatre. Премьера фильма «*Свадьба на Волге*»:

Тряхните стариной! Хотите провести несколько часов в России? Приезжайте к нам в театр, где впервые в Америке будет де-

монстрироваться первая говорящая и поющая картина из русской жизни с участием самых лучших русских артистов. Они поют по-русски старые народные песни, танцуют народные танцы.

Из отзыва:

Хотя разговорная часть картины идет на английском языке, она представляет интерес для русского зрителя тем, что музыкальная часть – русская. Исполняется полдюжины русских песен, участвуют русские певцы, в том числе популярный исполнитель романсов Миша Марков, балалаечный оркестр К.Полянского и др. Картина является первой попыткой сделать разговорный фильм с иностранным колоритом.

Новое русское слово. 1929. 14 декабря

20 декабря

Париж. Théâtre des Champs Elysées. Показ польского фильма *Marusia* (оригинальное назв. – *Z dnia na dzien* / «Со дня на день»; реж. Йозеф Лейтес). Из отзывов:

Неприличная картина <...>, которая пресыщена пропагандой антирусской. Разумеется, красавица Маруся – добродетельное и благородное существо. Разумеется, русские чиновники и военные – насильники, убийцы и пьяницы. Это старая Польша мстит старой России... Да, много горя, много несправедливости испытала Польша, разделенная на три части. Великая несправедливость и не должна была длиться; война все равно дала бы Польше свободу и государственную независимость. И с точки зрения политической, польское государство совершает великую ошибку, продолжая пропагандировать ненависть к поверженной России... Русофобские тенденции – большая ошибка польской государственности и польской общественности. Нельзя предполагать, что большевики вечно будут сидеть в России. А если так, надо готовиться к отношениям и к взаимоотношениям с другой Россией, которая появится после большевиков. Полякам надо помнить, что историческая их судьба будет зависеть не от количества ненависти, накапливаемой ими к России, а, напротив того, от тех добрых отношений, что будут и обязаны быть установлены между Россией и Польшей. Соседи бывшие и будущие не могут жить в ненависти и недоверии друг к другу. И великим преступлением части поляков в отношении к своей родине Польше является насаждение ими ненависти к России, той ненависти, которая пропагандируется даже через кинематограф.

Возрождение. 1929. 27 декабря

Много нелепостей, клеветы и вздора появлялось в кинематографах из быта дореволюционной России, но такого возмутительного и бездарного фильма, каким оказалась «*Маруся*», нам не приходилось еще видеть: игра актеров – плоха; постановка Йосифа Лейтеса – беспомощна; сценарий – ничтожен. По-видимому, для того, чтобы придать измышлению большую убедительность,

тельность, некоторые документы, составленные, кстати, явно безграмотным человеком, идут на русском языке. Нужно ли добавлять, что в фильме все русские – злодеи, а все поляки украшены всяческими добродетелями.

Последние новости. 1930. 7 февраля

22 декабря

Нью-Йорк. Capitol Theatre. Премьера фильма *The Mysterious Island* («Таинственный остров»; реж. Люсьен Хаббард) с участием Михаила Вавича, Георгия Германова, Александра Волошина, Вячеслава Савицкого и др. Пр-во *MGM*.

Новое русское слово. 1929. 22 декабря

27 декабря

Белград. Театр «Луксор». В честь гостящего в Белграде Московского художественного театра (пражской группы) демонстрируется германский фильм «Преступление и наказание» (оригинальное назв. – *Raskolnikow*; 1922, реж. Роберт Вине).

Новое время. 1929. 27 декабря

Нью-Йорк. Премьера фильма *Devil May Care* («Дьявол об этом позаботится»; реж. Сидней Франклин, композитор Дмитрий Темкин (дебют в кино)). Пр-во *MGM*.

28 декабря

Берлин. Премьера фильма *Die Herrin und ihr Knecht* («Госпожа и ее раб»; реж. Рихард Освальд) с участием Александра Вырубова и др. Пр-во *Henny Porten Filmproduktion*.

29 декабря

Париж. Печатный протест Павла Муратова против привлечения советских кинематографистов во французскую кинематографию:

Мы гордимся, что русские завоевали видное место во многих отраслях западной жизни. Это касается, по-видимому, и кинематографии. Кажется, нет такой кинематографической организации, где не было бы русских имен, и при том далеко не среди одних статистов. Есть русские директора, режиссеры, художники, техники, актерские знаменитости «обоего пола». Ну, а если все это действительно есть, то не пора ли понять этой русской кинематографической армии то, что труднее понять иностранцу, а именно, что под флагом будто бы художественных и технических достижений советского фильма в Европу вторгается самая дерзкая большевицкая пропаганда? А если понять это, то разве нельзя дать, как следует, отпор всем притязаниям советских агентов, даже, если среди них есть такие кинематографические знаменитости, как «сам» Эйзенштейн?

Возрождение. 1929. 26 декабря

Конец декабря

Голливуд. Михаил Вавич уезжает в Нью-Йорк, «где будет выступать в театрах. По окончании контракта он снова вернется в Холливуд и будет сниматься в кино».

Новое русское слово. 1929. 27 декабря

Декабрь

Берлин. Владимир Стрижевский занимается постановкой павильонных эпизодов фильма «Тройка».

Руль. 1929. 12 декабря

Конец года

Берлин. Компания *Pax Film* начала съемки «первого русского звукового и говорящего фильма “Братья Карамазовы”». К участию в нем привлечены крупные художественные силы, как русские, так и иностранные. Имена режиссера и артистов временно хранятся в тайне» (первое сообщение о постановке Федора Оцепа, которая вышла на экран после того, как режиссер и актриса Анна Стэн приняли решение не возвращаться в СССР).

Последние новости. 1929. 1 ноября

Берлин.

Режиссер Стрижевский в настоящее время заканчивает постановку большого русского фильма «Тройка», в котором почти все роли распределены среди русских... Фильм будет звуковой – цыганские и русские песни, колядки, балалайки и т. п., но не говорящий, что нельзя не приветствовать. Надо думать, что в постановке не будет досадных искажений быта, как это бывает обычно.

Возрождение. 1930. 3 января

Берлин.

На страницах берлинских газет ведется спор. На скамью подсудимых посажены немецкие кинопредприниматели. Вина их заключается в том, что они проявили неумение выбирать для экрана нужных людей... Особенно тяжким пунктом обвинения явился... Н.Ф.Колин. Одна берлинская газета в большой статье рассказывает, как четыре года тому назад Н.Ф.Колин пытался получить ангажемент киноартиста в Берлине; тщетно он бился полгода, уехал в Париж, и здесь сразу нашлась для него работа. Газета называет Колина «самым крупным фильмовым комиком в Европе».

Последние новости. 1930. 3 января

Нью-Йорк.

Аркадий Бойтлер, бывший артист «Летучей мыши», готовит большое киноревю на испанском языке, в котором, наряду с друзьями, будут и русские сцены. Для них будут использованы русские артисты и танцоры.

Последние новости. 1930. 3 января

Лондон. Съёмки и выпуск звукового фильма *Dark Red Roses* («Пунцовые розы»; реж. Синклер Хилл, постановщик балетного номера Жорж Баланчин с участием русских танцоров-Лидии Лопуховой, Ж.Баланчина, Антона Долина и др. Пр-во *New Era Films*.

Неустановленные даты

Берлин. Участие русских актрис и актеров в германской кинематографии:

...эффектная Елизавета Пинаева, незаменимая на роли корпulentных маменек Лидия Потехина, одна из самых занятых актрис немецкого экрана. Ксения Десни, на время прервавшая свою деятельность, скоро вернется на экран... По бесчисленным ролям всем хорошо знаком Александр Мурский; в последнее время снова чаще появляется характерное лицо Н.Маликова и Алексея Бондырева. Не забудем и Вл. Гайдарова.

Рупор. 1929. 3 марта

Голливуд.

Известная русская оперная артистка Мария Куренко начала свои выступления в музыкальных фильмах фирмы *MGM* (сцены из «Фауста», «Диноры»).

Последние новости. 1929. 22 марта

Голливуд.

Мода на картины из «русской жизни» привлекла в свое время в киностолицу массу русских эмигрантов... Еще недавно русские статисты устраивались лучше других, но с переходом к «говорящим картинам» благополучие их рухнуло, как карточный домик... Еще более жестокий кризис выпал на долю музыкантов, имевших раньше очень приличный заработок. Потрясения эти отозвались на русской колонии самым печальным образом: она поредела, и уровень ее материального благополучия, никогда не бывший высоким, понизился еще более. Впрочем, крупные русские артисты, как Бакланова, Визаров, Вавич, Воронина, Козлов и др., по-видимому, останутся работать в американском кино: почти все они в совершенстве овладели языком... Зато музыканты и статисты бегут кто куда. Кинематографическая столица уже не привлекает русских искателей счастья... Крупную экранную карьеру сделала дочь некогда хорошо известного в Харбине доктора, князя Голицына. В последнее время Наташа Голицына сумела выдвинуться в число модных артисток, и газеты пророчат ей блестящее будущее... Несмотря на кризис, в Холливуде с недавнего времени начала выходить русская газета на английском языке. Называется она «Нью Америкэн», и в ней, между прочим, без успеха, подвизается харбинец Ю.Сатовский, сын журналиста Г.Г.Сатовского-Ржевского... Слухи о том, что многие прославленные звезды покидают американский экран из-за дурного выговора, по-видимому, совершенно правдивы.

Рупор. 1929. 8 сентября

Голливуд. Из дневника русского статиста Александра Волошина, участвующего в съемках фильма *«На Западном фронте без перемен»*:

Уже пять недель «воюю» я с воображаемыми французами и провожу дни, а подчас и ночи, в «германских казармах», то на плацу, то в «старинном немецком городке», то в «разрушенной французской деревне», то в «окопах», то в «тылу»... Нас, русских, в этой картине работает около 30 человек, из которых большинство – бывшие русские офицеры Российской Императорской армии. И, по иронии судьбы, мы изображаем тех самых врагов, с которыми дрались когда-то на подступах к Варшаве, под Лодзью и в лабиринте Мазурских озер... Встретил я среди работающих в картине немцев одного баварца, который в июне 1916 года был в Железной германской бригаде, защищавшей станцию Барановичи от упорных атак того самого русского Гренадерского корпуса, в котором я тогда служил.... Мы, русские, стараемся «ловчить»... И уже на утреннем распределении работы стремимся в «санитары», «тяжело раненные», «военнопленные» или в «обоз» и, на худой конец, – «в артиллерию»... Пехотную же службу презираем, ибо одно снаряжение весит около 50 американских фунтов. Да к тому же еще и винтовка!.. Работа утомительная. И особенно плохо приходится, если съемка происходит во время дождя. Дождь, само собою разумеется, искусственный, значит, во много раз неприятнее настоящего, природного... 7–8 вышек и 3–4 пожарных шланга льют на нас со всех сторон реки воды... И воды – холодной! А несколько аэропланов пропеллеров раздувают эту воду в мельчайшие брызги так, что пронизывает насквозь... На днях мы снимались в «сэте» (декорации. – Р.Я.), изображавшем полуразрушенный собор и кладбище. Прогредел тяжелыми коваными колесами артиллерийский дивизион, и потянулись за ним ряды пехоты... Кухни... Патронные двуколки... Обозные повозки... Потом были взрывы бомб «с неприятельского аэроплана»... злые отблески огня... грохот клубы серо-черного дыма... стоны раненых... крики тревожных команд... В результате – замечательный кадр и... исцарапанное осколками лицо режиссера Л.Майлстоуна. Вообще, съемки военных картин – работа далеко не безопасная... Майлстоуну пока что везет: всего 4 раненых, да и то легко... Несмотря на такое везенье, Майлстоун все время нервничает. Правда, все снятые сцены вышли превосходно и все говорит за то, что картина будет иметь потрясающий успех, но в картине нет обязательной для Америки любовной истории... Кто посмотрит эту картину – не захочет больше воевать. Вот мое впечатление от того, что я вижу на съемках... Через несколько дней мы едем в специальный военный «кэмп»: окопы, траншеи, проволочные заграждения. Там нас ждут фугасы, взрывы снарядов, атаки, контратаки, аэроплановые бомбы, удушливые газы, штыковые бои и прочие «развлечения» военного времени... Ехать что-то не хочется. Неохота попадать в тот неизбежный процент раненых, кото-

рый неизбежен во всякой военной фильме. Обидно было бы взорваться на бутафорском фугасе после того, как выскочил целым из настоящей войны, таянувшей для меня почти шесть лет...

Новое русское слово. 1937. 7 ноября

Берлин. Из репортажа после посещения студии *Neubabelsberg*:

Какие нужны еще иллюстрации к тому, что, по меньшей мере, бродилом германской фильмы было русское начало? Это и понятно. Лишенные родной нивы, русские деятели фильмы оказались массами за границей, и массы эти продолжают пополняться из Совроссии... Русские заняты в германской фильме снизу и доверху – от безгласных статистов до режиссеров, «стар» и даже продуцентов (продюсеров. – *Р.Я.*). Еще чуть светает, а из только что введенного в обращение, будто вылизанного, желто-красного электрического поезда спускается целая толпа и спешит через сосновый бор в ателье. Идут группами и попарно. У всех в руках саквояжи или чемоданы. Это – статисты. Повсюду слышна русская речь... Важно шествует барон Притвиц фон Гафрон, близкий родственник германского посла в Вашингтоне. Сам он «на беду» принадлежит к русской линии Гафронов... Рядом с ним шагает высокий, породистый Свербеев, сын последнего царского посла в Берлине. Бросается в глаза коренастый гвардейский полковник Шагубатов, бессменный адъютант Великого князя Дмитрия Павловича, не выспавшийся и едва отвечающий на вопросы племянника, бывшего петроградского градоначальника графа Адлерберга и барона Кистерера. За ними лучший после Родзянко скакун России ротмистр-черниговец Папкевич, лихие гусары братья Андриевские, сыновья бывшего орловского губернатора, стрелок императорской фамилии Гурков, ставший теперь почему-то «Де Гуром», и не десятки, а сотни других... Рядом с бывшим компаньоном Стиннеса Венгеровым гремевшие еще в России фильмовые тузы Ермольев и Харитонов, поднявший на небывалую высоту свою фирму «*Greenbaum-Film*» Миляковский, Р.Б.Беккер, полковник Яновский и, в первую очередь, конечно, Григорий Рабинович и Ной Блох... Нечего и говорить о массовом участии в немецкой фильме русских артистов прекрасного и «не прекрасного» пола... «Русское засилье» в Берлине, «засилье» культурное – неоспоримый факт. Сделано было особенно много на фильмовом фронте, и расцвет германской фильмы неразрывно связан с именами русских пионеров. Работа эмигрантов в чуждых условиях, при острой конкуренции скученных в Берлине немцев, была трудна, порой непосильна. Но был, да еще и есть у них «порох в пороховницах».

Рупор. 1929. 8 сентября;

Руль. 1930. 31 января

Париж. *Studio Billancourt*. Владислав Старевич закончил озвучание фильма «*Маленький парад*» в студии *Sequana Film* в сотрудничестве с Михаилом Левиным. Из интервью кинематографиста:

Я только что закончил монтировку фильма «*Маленький парад*», сюжетом для которого мне послужила поэтическая сказка Андерсена «Оловянный солдатик». Фильм этот синхронизирован, то есть сопровождается звуковыми эффектами и музыкой, оживляющей действие, но фильм не говорящий, ибо я остаюсь верным стражем «Великого Немого», а говорящий фильм меня совершенно не увлекает.

Последние новости. 1930. 28 марта;

Театр и жизнь. 1929. №16

Париж. Владислав Старевич работает над полнометражной постановкой «Гулливер». Проект не завершен.

Beatrice, Martin; 41

Харбин. Резкое падение уровня показов и «ужасающее бескультурье» публики в кинотеатрах вызвали специальное обсуждение этой проблемы в русских изданиях города.

Новая заря. 1930. 1 января

Выпуск на советские экраны французского фильма «*Милый бродяга*» (оригинальное назв. – *Muche*; 1927, реж. Робер Пеги).

Грейдинг, 366

Выпуск на советские экраны французского фильма «*Смерть на маскараде*» (оригинальное назв. – *Le Joueur D'Echechs*; 1927, реж. Раймон Бернар).

Грейдинг, 374

Повторный выпуск на советские экраны французского фильма «*Веселая смерть*» (оригинальное назв. – *L'Heureuse mort*; 1925, реж. Сергей Надеждин).

Грейдинг, 375

Выпуск на советские экраны германского фильма «*Зеленый переулок*» (оригинальное назв. – *Die Rothausgasse*; 1928, реж. Рихард Освальд).

Егорова, 416-417

Москва. Выпуск германского фильма «*Лулу*» (оригинальное назв. – *Buchse der Pandora*; 1929, реж. Георг-Вильгельм Пабст).

Егорова, 428

Выпуск на советские экраны германского фильма «*Мертвая петля*» (оригинальное назв. – *Looping the Loop*; 1928, реж. Артур Робинзон).

Егорова, 432

Выпуск на советские экраны германского фильма «*Невеста боксера*» (1926, реж. Ян Гутор).

Егорова, 436

Выпуск на советские экраны германского фильма «*Рейнский бунтарь*» (оригинальное назв. – *Schinderhannes*; 1928, реж. Курт Бернхардт).

Егорова, 454

Выпуск на советские экраны германского фильма «*Человек огня*» (1926, реж. Эрик Вашнек).

Егорова, 472

Выпуск на советские экраны германского фильма «*Человек с зеленой лягушкой*» (1929, реж. Герхард Лампрехт) с участием Александра Мурского и др.

Егорова, 472

Выпуск на советские экраны американского фильма «*В доках Нью-Йорка*» (оригинальное назв. – *Docks of New York*; 1928, реж. Джозеф фон Штернберг) с участием Ольги Баклановой и др.

Карцева, 221

D

Annex

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абатов С. 532
Абрамович Р.А. 169, 183, 212,
367, 368, 371, 375-377
Абрикосов А.И. 406
Абрикосов Д.И. 11, 96, 97
Абрикосова (урожд. Хлудова) Н.Н. 461, 462
Абрикосова Н.Ю. 10, 97
Абызов Ю.И. 485, 489, 561
Аверст К.А. 61, 93
Агабеков Г.С. 236, 242, 243
Агава, японский врач 29
*Агеев М. (Леви М.Л.) 338, 339,
438
Агренева-Славянская М.Д. 532
Адамович Г.В. 254, 255, 259-262,
282, 286, 289, 290, 325-354, 550
Адамович Е.С. 333, 336
Адамович О.В. 335, 336
Адлер А. 119
Азагаров Г.Г. 528, 535, 536, 540,
542, 547, 561
Азаров М. 508, 519
Азаров Ю.А. 484
Азеф Е.Ф. 187, 233, 234, 245
Азиатцев Д.Б. 265
Азов (Ашкенази) В.А. 550
Аксаков С.Т. 439
Аксельрод П.Б. 369, 373
Акулинин И.Г. 182, 183, 243
Алгази Л. 127, 128, 153
Алгаров Ю. 144, 153
*Алданов (Ландау) М.А. 254, 255,
280, 286, 287, 345, 346, 362, 368,
369, 372, 375, 430, 431, 433-436,
440,516
Александр I, имп. 404
Александр II, имп. 153, 409, 468
Александр III, имп. 389, 468
Александр Михайлович, вел. кн.
386, 389, 393
Александр (Немоловский),
архиеп. 427, 429
Александра Федоровна, имп. 407
*Александров (Мормоненко) Г.В. 548, 556
Александров Е.А. 381, 397
Александровский (Каменка) А.А. (*Алек, *Аллин) 487,
504, 534
Алексеев М.В. 386, 388, 418
Алексеев Н.А. 391, 392

* Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Алексеев Н.Н. 276
 Алексеева Л.А. см.
 Иванникова-Девель Л.А.
 Алексеева З.А. 334
 Алексей Михайлович, царь 414, 415
 Алексей (Громадский), митр. 310
 Алексей, иером. (Дехтерев А.И.) 302
 Алексинский Г.А. 212, 213
 Алексинский И.П. 477
 Алибастр, жена комиссара таможи 51
 Аллилуева С.И. 407, 418
 Альман Ж. 107
 Альтшуллер И.Н. 466
 Амбур Н. 120, 121
 Амбур Ш. 120, 121
 Амбургер Э. 392
 Амосов, балалаечник 500
 Амфитеатров А.В. 152, 279, 327, 430, 436
 Амфитеатрова (урожд. Соколова) И.В. 113, 152, 436
 Анастасий, митр. (Грибановский А.А.) 301, 304, 310, 313, 314, 317
 Андерсен Г.-Х. 568
 Андреев А.В. 493, 494, 497, 511, 512, 527, 537, 538, 541, 542, 555, 557
 Андреев В.Л. 462, 463
 Андреев Л.Н. 266, 462, 463
 Андреева И. 528
 Андреева-Желябужская М.Ф. 528, 553
 Андриевский А.С. 567
 Андриевский И.С. 567
 Аничков Е.В. 278, 279
 Аничкова-Таубе С.И. 331
 Анненков Ю.П. (*Б.Темирязев) 264, 293, 483, 484
 Анненский И.Ф. 99, 100, 408, 410
 *д'Аннунцио Г. 443, 445, 446
 Антипов Д.В. 112, 150
 Антипова Е.В. 112, 150
 Антоний (Дашкевич), еп. 428, 429
 Антоний, архиеп. (Медведев А.С.) 302
 Антоний, архим. (Ямщиков И.) 302
 Апетер И.А. 202, 243
 Апухтин А.Л. 439
 Арагон Л. 142
 Арбатов З.Ю. 166, 168, 169, 174, 175, 243
 *Аренский (Аренбургер-Иванов) К.Е. 489, 513, 520, 558, 560
 Ариани Н. 510, 519
 Аристарко Г. 483
 Арнштам (урожд. Виакроз) Д. 135, 138, 141
 Арнштам А.М. 98-103, 103-136, 136-150, 152, 493, 512
 Арнштам Ален (Алан) 135, 141
 Арнштам Аник 135, 141
 Арнштам Г.А. 106, 109, 110, 114, 118, 123, 125, 129-131, 133, 135, 136, 141, 142, 147, 154
 Арнштам И.А. 106, 109, 110, 114, 115, 127, 128, 130, 131, 133, 135, 137, 138, 141, 147, 154
 Арнштам Изабель 141
 Арнштам К.А. (Арнстам С.) 98, 103, 104, 106, 108-112, 114, 115, 118, 119, 121, 122, 125, 127, 128, 130, 131, 133-135, 135-145, 146, 152, 154
 Арнштам Кларисса 135, 136, 141
 Арнштам Клод 141
 Арнштам Клодетта 135, 141
 Арнштам Кристиан 135, 141
 Арнштам М. 141
 Арнштам Н. 141
 Арнштам П.-А. 135, 137, 141
 Арнштам С. 135, 141
 Арнштам Э.М. 150
 Арсак, семья 135, 136
 Архипенко А.П. 149
 Асквит П. 45
 Асланов Н.П. 516, 546
 *Асти (Кибальчич) М.Т. 505

- *Ауэр (Унковский) М.С. 494
Афанасий, монах (Денчик Ф.) 303
Афонский Н.П. 507, 546
Ахаз-Дуйсберг Л. 557
Ачи-яй, вдова японского
консула 79
Бабин В.Г. 89
*Бадьян (Вайнберг) Я.И. 159-193,
201-203, 209, 210, 212, 213,
225-228, 242
Бажанов Б.Г. 193, 225, 227, 236,
237, 243
Базили К.М. 9
Базили Н.А. де 358, 359
Байер-Тома Г. 392
Байрон Дж. Г. 448
Бакалейников К. 495
Бакирджиев, генерал 495
Бакич О.М. 7
Бакланова О.В. 403, 505, 517, 520,
523, 543, 565, 569
*Бакст (Розенберг) Л.С. 448
Бакунин М.А. 380, 387
Бакунина (урожд. Любошин-
ская) С.М. 381-420
Бакунины, семья 383, 384
Балакшин П.П. 325, 327, 331, 349
*Баланчин Ж. (Баланчи-
вадзе Г.М.) 565
*Балиев Н.Ф. (Бальян М.А.) 151,
416, 417, 524
Бальмонт К.Д. 343, 437
Барановская В.В. 511, 519, 521,
535, 536, 540, 552, 556
*Барр (Бараш-Месаксуди) Н. 510
Барсак А. 492
Барский В. 499
Барстов С. 509, 526, 533
Баскевич Б.М. 334
Бастид Ф.-Р. 143
Батчев П. 491, 493, 516, 521, 525
Бах И.-С. 105, 445
Бахарева М.А. 493, 519
Бахметев Б.А. 88, 361, 365, 423,
424, 426-429
Бахрах А.В. 285, 286
Баш Ф. 513
Безродный М.В. 291, 292
Безсонов Ю.Д. 235, 244
Бейкер Ж. 122, 153
Бейлис М.М. 247
Беккер Р.Б. 567
Белей В.С. 333
Белкин В.П. 149
Беллини Дж. 95
Белобровцева И.З. 149, 254, 264
Белозерская-Булгакова Л.Е.
289
Белонин А. 303
Белосельская-Белозерская
(урожд. Крейн) С.Р., кн. 416, 417
Белосельский-Белозер-
ский С.С., кн. 417
Белошевская Л.Н. 253, 270-272,
277, 484, 490
*Белый А. (Бугаев Б.Н.) 254, 262,
282, 293, 339, 361, 364, 365, 367,
370, 448
Бем А.Л. 338-341
Бенеш Э. 306
Бенуа А.Н. 359, 493
Берберова Н.Н. 151, 281-285, 289,
550
Бергер Л. 108
Бергер М. 150, 493, 555
Бердяев Н.А. 280, 359, 447
*Бережанский (Козырев) Н.Г. 189
Берль Э. 143, 154
Бернар Ж.Ж. 127
Бернар Р. 127, 128, 496, 520, 521,
530, 568
Бернацкий М.В. 424
Бернхардт К. 108, 154, 569
Бернштейн Б.М. 359
Бертенсон С.Л. 513, 540, 560
Беседовский Г.З. 193, 216, 225-228,
235-237, 244, 249
Бетховен Л. ван 445, 558
Бибеско М. 127, 129, 153
Бизе Ж. 534
Билибин И.Я. 495
Билимович А.В. 478

- Билинский Б.К. 496, 507, 516, 521, 526
Бирман М.А. 355
Бирс Г.И. 113, 152
Бицилли П.М. 287
Блок А.А. 100, 146, 265, 282, 287, 292, 293, 335, 359, 364-366, 448
Блонская Л.В. 42
Блонская М.В. 42
Блонский В.В. 42, 91
Блонский Г.В. 42
Блох Н.Я. 493, 516, 538, 567
Бобринский В.А. 459
Бобровников И.А. 15, 24, 25, 27, 38, 40, 84
Бобровникова, жена И.А. Бобровникова 41
Бобровниковы, семья 29
Богатырев П.Г. 462
Богомоллов Н.А. 254, 336
Богораз, врач 118
Богуславская К.Л. 148, 149
Бойтлер А.С. 543, 547, 564
*Болеславский (Средницкий) Р. 513, 514, 532, 538, 551, 559
Болховитинов Н.Н. 355
Большайтис А. 430
Бонар, врач 118
Бондырев А.П. 493, 496, 499, 500, 507, 511, 516, 527, 537, 565
Боргер Л. 483, 484, 489, 490, 492, 495, 503, 527, 536
Борзедж Ф. 544
Борзов Н.В. 57, 93
Боркон, знакомый А.М. Арнштама 134
Бородин А.П. 531
Бос Ш. дю 450
Боткин П.С. 10
Брайкевич И. 506
Брамс И. 136
Брассаи Г.Х. 121, 152
Брауде И. 286
Браудо А.И. 286
Браун П. 442
Браун С. 442
Бриль С. 492, 495, 508, 510, 527, 528, 540, 560
Брионье Г. 537
Бродская Н. 113
Бродский А.М. 113
Бросса А. 270, 272-277
Бруни К.Н. 533
Брусиллов А.А. 27
Брюн, семья 137
Брюсов В.Я. 339, 364, 365
Бугаев Н.В. 262
Будницкий О.В. 90, 359, 365, 423, 428, 476
Бузуев О.А. 484
Буймистров В.В. 427, 429
Булатников В.Д. 547
Булгаков В.Ф. 443
Булгаков С.Н. 273, 275, 359
Булгакова М.С. 275
Булгаковы, семья 383
Бунге А.И. 167, 168, 175
Бунин А.И. 254, 260, 261, 279, 280, 282-288, 294, 325, 327, 328, 330, 346, 347, 430-436, 440, 441, 456
Бунина (урожд. Муромцева) В.Н. 282, 284, 285, 330, 332
Бунчук Я. 496
Бунюэль (Портолес) Л. 524
Бургасов Ф.И. 493, 505, 516, 558
Бурдель Э.А. 384, 385, 388
*Буров (Бурд) А.П. 325-354
Бурьшкин П.А. 415, 416
Бурьшкина (урожд. Орчанова) А.Н. 415, 416
Буховецкий Д.С. 538, 556
Буяков А. 91
Бхопала, магараджа 406
Былов Н.Н. 334
Быстрицкий А. 557
Быстрых Н.М. 205, 245
Бюкналь Н. 539
Вавич М.И. 508, 518, 523, 531, 540, 541, 555, 563-565
Вагапова Н.М. 401
Вагнер Р.Ф. 105, 410
Вадим Р. 148

- Вакхилид 448
Вальберг, композитор 128, 153
Вальдероде К.Д., гр. 400, 401
Ван Чжансяо 23
Ван Чжичэн 7
Ван-Донген К. 528
Ванечкова Г.В. 272
Ванка В. 303
Варжинский, руководитель Русского клуба в Голливуде 523
Варламов А.Н. 285
Вартан А. 493, 505, 544
Василий Николаевич, врач 418
Васильев А. 491
Васильев Б.В. 492
Васильев В.И. 505
Васильчиков А.И. 267
Васильчиков Б.А., кн. 266
Васильчиков Г.И. 266, 267
Васильчиков И.С. 266, 267
Васильчикова М.И., кн. 267
Васильчиковы, род 266, 267
Васкевич О.Ю. 81, 96
Васкевич П.Г. (Ю.) 81, 96, 97
Вахтангов Е.Б. 403
Вашнек Э. 511, 527, 544, 556, 569
Вебер Е.С. 341
Вейдле В.В. 287-293, 360
Веймар, директор колледжа 81
Вельс В.К. 93
Вельяминов А. 88
Венгеров В.Г. 502, 511, 537, 567
Венгеров С.А. 448
Вендель М. 104, 105, 107, 120, 124, 125
Вендель (урожд. Арнштам) Т. 104
Вендель Т.М. 104
Венус Г.В. 113, 151
Веревкин В.П. 393, 394
Вермель С.М. 107, 148
Вернадская Н.Е. 401
Вернадские, семья 383
Вернадский В.И. 401
Вернадский Г.В. 355, 381, 382, 387
Веронина В. 556
Вертинский А.Н. 417
Вершинина А.А. 445
Веселовские, семья 456
Веспасиан Т.Ф. 152
Вестфален Г.Г. 466
Вешняков А. 539
Визаров М.С. 494, 497, 518, 523, 557, 559, 565
*Вийон Ф. 153
Виктория, королева Великобритании 77
Вилен, домовладелица 139
Вилсон М. 409, 410
Вильгельм II, имп. 106, 492
Вильке Н. 511
Вилькинс Н.И. 405, 410
Вильсон Ч. 496
Винавер М.М. 178
Вине К. 494
Вине Р. 563
Винкельштерн М. 526
Винокуров В. 303, 320
Винтулов Н.А. 391, 392
*Виолински (Гинзбург) С. 555
Виссарионов С.Е. 234, 245
Виталий, архим. (Максименко В.И.) 296, 297, 299, 302, 312, 321, 397
Виталий, митр. (Устинов Р.) 302, 303, 309, 310, 312, 319-321
Витт Г. 498, 499, 513, 544
Вишневский В. 403
Вишняк М.В. 346, 375, 377
Владимир Александрович, вел. кн. 468
Владимир (Райч), еп. 300, 303-305
Владимир, монах (Линдеман Н.) 303
*Владимиров (Шинкулов) В.Х. 500
Власов А.А. 244
Власьев В.И. 271
Воейкова (урожд. Алексеева) А.Н. 391
Войченко (Войтиченко) А. 505
Волк С.С. 377

- Волков А.А. 487, 493, 494, 497, 505, 509, 511, 516, 525-527, 530, 533, 536, 539, 543, 546, 555, 557
- Волковьский Н.М. 168, 169, 173, 176, 245
- Волконский М.Н. 392
- Волконский С.М. 550
- Володин М. 234, 235, 245
- Волошин А.А. 493, 524, 559, 563, 566
- Волошин М.А. 99, 100, 290
- *Волынский М. (Рафальский С.М.) 253, 271, 272, 277
- Вольман В. 145
- Вольская (урожд. Лукьянова) В.Н. 364-366, 368, 369, 374, 379
- Вольский Н.В. (*Н.Валентинов, *Е.Юрьевский) 356-379
- Вольф В. 502
- Воронина В. 565
- Воронцовы, владельцы концессии 89
- Воротников А.П. 496, 516, 520, 521
- Ворошилов К.Е. 203
- Врангель П.Н. 251, 392, 401, 455, 472, 473
- Вронский В.М. 556
- Врубель М.А. 385, 388
- Вултос см. Voultos P.
- Вульф Б. 356
- Вульфус О.Ф. де 393
- Вырубов А.А. 494, 511, 555
- Высоцкая С. 548
- Вэй Цзы 24
- Вяземская М.В., кн. 87
- Вязьмитинов В.Е. 393, 395
- Вячеслав, монах (Нестеренко В.) 303, 318, 320
- Габричевский А.Г. 439
- Гаврильченко, невозвращенец 210, 212
- Гавриляк Г. 429
- Газданов Г.И. 438
- *Гайдаров В.Г. 499, 501, 508, 512, 550, 556, 565
- *Гайдаров (Марцинский) Е.А. 492, 521
- Галин А.А. 518
- Галицкая Р.А. 556
- Ганс А. 493, 553, 560
- Гапон Г.А. 186
- Гарбо Г. 154
- Гарганов Л.С. 510
- Гардт Д. 510, 522, 528
- Гастамбид, руководитель скаутов 134
- Гастин М. де 549
- Гафрон П. фон 567
- Гашиц Ф. 428
- Ге Г.Г. 493, 544
- Ге М. 532
- Гейдрих Р. 308
- Геласий (Майборода), иеродиакон 318
- Гендрикова А.В. 407
- Генис В.Л. 159-252
- Георг V, король 81, 96
- Георгий Михайлович, вел. кн. 389, 407, 419
- Георгий (Пыжов), иеромонах 302, 318
- Гераклит 448
- Герман М.Ю. 98-154
- Германов Г. 523, 532, 557, 559, 563
- *Германова (Красовская-Калитинская) М.Н. 152, 494
- Гермониус А.К. 516
- Герцен А.И. 380
- Герценштейн М.Я. 406
- Гершензон М.О. 365, 367
- Гессен И.В. 188
- Гете И.В. 105, 432, 552
- Гефтман К.П. 493
- Гзовская О.В. 512
- Гидони А.И. 113, 152
- Гилевые, знакомые Б.С.Колоколова 84
- Гинзбург А.М. 377
- Гиппиус З.Н. 280-284, 336, 339, 341, 345, 440, 448
- Гирс И.К. 10

- Гирс Н.К. 88
*Гитлер (Шикльгрубер) А. 102, 105, 114, 125, 309, 477
Глазунов А.К. 531
Глазунов И.С. 84
Глез М. 549
Глобачев К.И. 390, 392
Гоголь Н.В. 23, 263, 267, 374
Гойя Ф.Х. 117
Голенищев-Кутузов И.Н. 277, 278, 290
Голицын В.В., кн. 393, 395
Голицын, харбинский врач 565
Голицына Н., кн. 540, 565
Голицына О., кн. 540
Голубев-Багрянородный Л.Н. 149
Гольбейн Г. 105
Гомер 389
Гордон Б.А. 349
Гордон-Струнская М. 359
Горичева М.М. 403
*Горький М. (Пешков А.М.) 237-240, 443
Гоулдинг Э. 497
Гофман, студент 195
Гош Э. 506
Грабовский А. 549
Гранах А. 498, 499
*Грановский (Азарх) А.М. 509
Гранский Л.М. 499, 556
Грачева А.М. 293
Гребенщиков Л.М. 516
Грежов Б. 545
Грейдинг Ю. 486, 489, 568
Грентхем-Хейес Х.К. 495, 527
Гречанинов А.Т. 397
Григориан (Крикорян), продюсер 509, 520
Григорий, еп. (Граббе) 309, 319
Григорьев Н.А. 163
Грин М. 282
Гринев Я. 493
Грифцов Б.А. 439
*Грок (Веташ К.-А.) 113, 150
Громыко А.А. 10
Гроссе В.Ф. 68, 94
Гроссе Л.В. 68, 95
Груннер Ф.Ф. 29, 30, 35, 37, 38, 56, 83
Грушецкий А.Н. 84
Грюнберг А. 140
Грюнберг Е.Ю. 107, 130, 133, 140, 144, 148, 151, 153, 154, 537, 546
Грюнберги, семья 129
Грюнвальд, актер 531
Грюне К. 517
Губяк Д. 429
Гудикет К. 143
Гудикет М. 143
Гумилев Н.С. 287
Гунбин Ф.В. 399, 401
Гуревич А.Л. 423-429
Гурков, стрелок (*де Гур) 567
Гурович Б.С. 403
Гурцман П. 557
Гурьян В. 380
Гутор Я. 568
Гюго В. 432
Даватц А.Х. 279
Давыдов А.Д. 523, 532
Давыдов Б.И. 492
Давыдов Л.Ф. 424
Давыдов С.С. 326-328
Даладьё Э. 129, 153
Далай-лама XIV 400, 401
Дали С. 524, 525
Даманская А.Ф. 325, 327, 346
Дамаскин (Грданички), епископ 302
*Дан (Гурвич) Ф.И. 212
Данилевский А.А. 253-295
Данте Алигьери 431, 432, 439, 440, 448
Дарк О.И. 265, 266
Дарье Д. 127, 128, 153
Даук И. 428
Даутендей см. Dauthendey M.
Двойченко-Маркова Е.М. 381
Девальер, профессор 118
Дежарден М. 143
Дей О. см. Дэй О.
Делинский В. 532

- Делла Вальди ди Казанова С. 442
 Дембинская-Ниора (урожд. Жудро) К.К. 408, 418
 Демиденко Я. 318
 Демидов П.Н. 84
 Демидова О.Р. 440
 Деникин А.И. 180, 389, 397, 462
 Дерэн Л. 536
 *Деслав Э. (Славченко Е.) 488, 498, 523
 Десни (Десницкая) К. 558, 565
 Деспотули В.М. 326, 327, 331, 349
 Дешамп Б. 150
 Дешарт О. 450
 Дженнина А. 548
 Джордано У. 445
 Джугашвили Я.И. 418, 419
 Джурич О. 253, 260, 277, 288
 Дзержинский Ф.Э. 174, 362, 377
 Димитриев В.С. 383-386, 409, 418
 Димитриев Н.В. 381-420
 Димитриева (урожд. Жудро) Г.К. 382, 384, 385, 403, 418
 Димитриева К.В. 385, 386, 395, 396, 405, 407
 Димитриевы, семья 382
 Дионисий (Ларкин), монах 302
 Дитерихс М.К. 53, 63, 92
 Дмитриев Д.А. 516, 517, 521
 Дмитриев Р. 386, 388
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 567
 Днестров Б. 532
 Добковский И.Г. 229-235, 241, 246
 Добровольская А.П. 511
 Добронравов С.А. 89
 Добрынин А.Ф. 10
 Добужинский М.В. 101, 534
 Добычина Н.Е. 99
 Додеро-Коста М.-Л. 440
 Дойль А.К. 539
 Долгорукий П.Д., кн. 271
 Долгорукова Е.М., кн. Юрьевская 153
 *Долин А. (Хилли-Кей П.Ч.) 565
 Долинин А.А. 268, 294
 Долинов А.И. 507
 Долли, племянница А.М. Арнштама 113
 *Дольский (Бройдес) Д.М. 498, 499, 506
 *Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 184, 185, 188, 189, 281, 493
 Дондуков-Изъединов Л.И. 393, 394, 419
 Дондуков-Шификов, кн. см. Дондуков-Изъединов Л.И., кн.
 Достоевский Ф.М. 260, 262, 263, 266, 267, 287, 289, 292, 339, 351, 353, 430, 439, 448
 Доценко С.Н. 149, 264, 287, 290
 Дракули А.Н. 491
 Дранков А.О. 524
 Дрейер К.-Т. 508
 Дрейкфорд, представитель нефтяной компании 32
 Дружинин П.Л. 271
 Дубинин Ю.В. 10
 Дубков А.В. 87
 Дубсон М.И. 548, 556
 Дувакин В.Д. 453, 454, 456-466, 468-479
 Дувакины, семья 456
 Дуван-Торцов И.Э. 508
 *Дымов О. (Перельман И.И.) 113, 151, 327, 331, 334
 Дэвис М. 523
 Дэвис Р. 330
 Дэй О. 497, 516, 517
 Дьюбу А. 126, 153
 Дюллен Ш. 113, 150
 Дюпон Э.А. 502
 Евлогий, митр. (Георгиевский В.С.) 300, 303, 423, 425, 426
 Евреинов Н.Н. 101, 107, 396, 397, 498, 504, 520, 534, 542, 551
 Егорова Л.Н. 494
 Егорова Н.В. 486, 489, 568, 569
 Екатерина II, имп. 496, 520
 Елизавета Федоровна, вел. кн. 385, 388, 391

- Емшанов А.И. 90
Ермолев И.Н. 492, 504, 529, 531, 567
Ерофеев В.В. 265
Ерофеев В.И. 10
Ершов Н. 303
Ефимовские, семья 466
Ефимовский Е.А. 455, 456, 466, 468, 472
Жавроцкие, семья 67
Жак А. 142
Жарвилль Р. де 554
Жаро Х. 548
Жаров С.А. 551, 557
Жедринская (урожд. Гальская) М.Л. 401
Жедринская (урожд. Старицкая) Н.Е. 401
Жедринская М.В. 401
Жедринские, семья 400
Жедринский В.И. 399, 401
Жедринский И.А. 401
Жедринский Н.В. 401
Жиганов В.Д. 7
Жигулев (*Иринин) А.М. 194-205, 208, 210-217, 219, 220-225, 227, 228, 233, 235-237, 239-242
Жоффер Ж.Ж. 492
Жудро, семья 382
Жуков Д.А. 453, 474
Завадский В.И. 271
Зайончковский П.А. 453
Зайцев Б.К. 255, 280, 330, 347-349, 430-434, 436-441
Закгейм М.Д. 230, 246
Замен К.Е. фон 423-429
Замятин Е.И. 289
Зандберг С. 558
Зарецкий Н.В. 149
Зарецкий Н.Н. 148
Зарудная-Фриман М. 91
Зархи Н.А. 548
Зворыкин В.К. 557
Зейде А. 355-380
Зеленкин Я.Н. 271
Зелинский Ф.Ф. 448
Зелицкий В.А. 492
Зензинов В.М. 183
Зеньковский В.В. 11
Зеньковский С.А. 366
Зернов В. 289
Зернов Н.М. 289
Зернова М.В. 289
Зиммель Г. 147
*Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 151, 161, 166, 174, 189, 232
Зиновьева-Аннибал Л.Д. 447
Зозуля Е.Д. 113, 151
Золя Э. 103, 143, 504, 534, 535
Зорзи Г. 493
*Зорина (Квицкевич) А.А. 493, 555
Зубова Л.В. 272
Зубович Б. 537
Зув Б.В. 431
Зуров Л.Ф. 431, 432
Иван IV Грозный 100, 177
Иваницкие, семья 65
Иванников М.Д. 253-255, 259-264, 267, 270-273, 276-278, 280, 284, 285, 288-295
Иванникова-Девель Л.А. 277, 278, 288
Иванов, капитан 64
Иванов А.Н. 90, 94
Иванов В.И. 504, 534, 554, 560
Иванов Вяч. И. 278, 437, 447-451
Иванов Г.В. 280, 327, 331, 343
Иванов Н.И. 386, 389
Иванов С. 240
*Иванов-Разумник (Иванов) Р.В. 283, 284, 286
Иванова Л.В. 448, 449
Иваск Ю.П. 254, 262
Ивинская О.В. 273
Игнатий, еп. (Брянчанинов) 302
Игнатий, игумен (Чокина И.) 303, 318
Игнатьев А.А. 10
Игнатьев Н.П., гр. 9
Извольский А.П. 10

- Извольский Г.А. 429
 Измайлов Н.П. 385, 388
 Изотов Н.И. 23, 34, 35, 55
 Иконников А.А. 497
 Ильин В.Н. 276, 330
 Ильин И.А. 301
 *Ильф (Файнзильберг) И.А. 9, 269
 *Ингстер (Азарх) Б. 556
 Инкижинов В.И. 550, 557-559
 Иоанн (Нилябович), иеродиакон 302
 Иоанн (Чернавин), прот. 298
 Иов, архим. (Леонтьев В.) 302, 309, 310, 316-318, 320
 Иов (Щуров), иеромонах 302, 312
 *Ионов (Бернштейн) И.И. 113, 151
 Иосиф (Цвиович), митр. 304
 *Ирецкий (Гликман В.Я.) 112, 150
 Ирина Александровна, вел. кн. 389
 Ириней, архиеп. (Бекиш И.) 408, 410
 Исакова С.Г. 484
 Истомин Е. 509
 Исцеленов Н.И. 149
 *Каверин (Зильбер) В.А. 151
 Каганович А.Н. 120, 152
 Каганович М. 120, 121
 Казак В. 253, 255, 262, 278, 285
 Калинин М.И. 79, 95, 179
 *Каменев (Розенфельд) Л.Б. 232, 375, 377
 Каменка А.Б. 491, 507, 511
 Каминский В.Ц. 460, 461, 464
 Кампо О. 439
 Кантор М.Л. 341
 Канудо Р. 483
 Карабанов Б.В. 492
 Карпелянский В. 220
 Карпов В., киноактер 545
 Карпов Т., киноактер 500
 Карпович М.М. 355-380
 Карпович Т.Н. 365, 367, 370, 374, 376, 378
 Карташев А.В. 301
 Карцева Е. 486, 489, 569
 *Карэн (Каренн) (Рабинович Л.) Д.А. 493, 504, 516, 520, 534, 535
 Касацкая (Кассацкая) М.К. 545
 Кассиан, иеросхимонах 302
 Каульбарс фон, бар. 309, 310
 Кауфман Б.А. 548
 Кафенгауз Л.Б. 377
 Кванин В. 492, 493, 495, 510, 517, 521, 527, 554
 Кедров К.Н. 531
 Кедров Н.Н. 531
 Кейнс Дж.М. 559
 Кейхель (Клименко) Р.Р. 464, 469
 Келлер-Годунова М. 535
 Кеннеди Р. 409, 410
 Кепинг Л.В. 89
 Керенский А.Ф. 86, 178, 181, 188, 201, 212, 233, 237, 248, 274, 358, 383, 386, 418, 419
 Кессель Ж. 494, 496
 Кеттлер К. фон, бар. 91
 Кинг Г. 525
 Кипнис С. 384
 Киприан (Пыжов), архим. 298, 302, 318
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 188, 190, 455, 468
 Кириллюк С.Я. 205-208
 Кирсанов Д. 495, 509, 517
 Кирсанов Ж. 505
 Кискевич Е.М. 277, 278
 Кистерер, бар. 567
 *Китж Б. (Дж. Ф.) 553
 *Клер (Шометт) Р. 491, 503, 519
 Клим К.М. 191, 250
 Климов К.М. 210, 212, 246
 Кляйн, архитектор 110, 114
 Книппер-Чехова О.Л. 470, 491, 499, 500, 510-512, 520, 527, 529, 530, 535-537, 539, 541-543, 554, 555
 *Кнут Д. (Фиксман Д.М.) 283, 284, 286, 347
 Коблянский Н.В. 497, 532

- Кобрин Б. 516
Ковалевская Н. 500
Ковалевский П.Е. 483, 488
Ковалинский Д.А. 418, 419
Коваль-Самборский И.И. 494, 505, 511, 513, 557
Кованько Н.И. 501, 502, 527, 555
Коварский И.Н. 347, 348
Ковшов В. 318
Кодрянская Н.В. 287
Козлов Ф. 565
Кокошкины, семья 383
Кокто Ж. 143
Колен П. 122, 153
Колесников А.А. 8
Колин Н.Ф. 501, 502, 506, 518, 519, 524, 535, 552, 553, 555, 564
Колоколов А.П. 8, 41
Колоколов Б.С. 7, 8, 11, 13-84
Колоколов В.С. 17-20, 22, 23, 62, 85-88, 94
Колоколов Г.С. 20, 21, 23, 26, 28, 34, 35, 37, 38, 40-42, 44, 59-61, 64, 66, 70, 78, 82, 83, 87
Колоколов Н.А. 15, 19, 20, 23, 62, 84, 87
Колоколов Н.Н. 87
Колоколов С.А. 7, 8, 12, 15, 16, 19-25, 27-29, 33-37, 39, 40, 44, 49, 58, 70, 82, 86
Колоколов С.Б. 13
Колоколова (в 1-м браке Фолкнер, во 2-м Филиппо) Е.С. 18, 22, 23, 26, 28, 34, 37, 38, 42, 44-46, 49, 50, 52-54, 56, 57, 63-67, 69-71, 73, 75, 79, 87
Колоколова (в 1-м браке Фонякова) Н.Н. 19, 64, 87
Колоколова (урожд. Бумагина) М.К. 19, 62, 86
Колоколова (урожд. Майер) С.Г. 8, 12, 14-23, 25-30, 32, 33, 35, 37, 39, 41, 42, 44-46, 49, 51-55, 57, 59, 60, 62, 66, 67, 69, 72-75, 77-79, 81-83
Колоколова (урожд. Скуратова) О.К. 19, 84, 87
Колоколова Е. 41
Колоколова О.Н. 19, 87
Колоколовы, семья 11-13
Колоницкий Б.И. 453
Колчак А.В. 42, 59, 85, 90, 92, 163, 207, 251
*Кольцов (Фридлянд) М.Е. 113, 151, 159, 161, 162, 164, 165, 170, 171, 173, 188, 190-192
Комеровский Л.Ф. 493
Комиссаров С.М. 494
Коммиссаржевская В.Ф. 415, 416
Коммиссаржевский Ф.Ф. 415, 416
Комолова Н.П. 439
Компанеец Я. 127, 153
Кондратик Р. 429
Коненков С.Т. 384
Кони А.Ф. 439
Коновалов Н.Н. 497, 523
Коновалова Л.Ю. 289
Коновницын, граф 387
Кононова М.М. 88
Константин II, король Греции 408, 409
Константинов К.Г. 492
Коншина (в 1-м браке Димитриева, во 2-м Коновницына) М.В. 385, 387, 391, 393
Корин, журналист 182, 184
Коркина Е.Б. 272
Корн Х. 25
Коровин В.И. 281
Королева Н.В. 280, 281
Коростелев О.А. 149, 265, 325-354
Коростовец И.Я. 9
Костиль, руководитель скаутов 134
Котляревский С.А. 448
Кочаровский К.Р. 272
Кошиц Н.П. 516
Кравец И.И. 204, 205, 211, 212, 227

- Крамаренко О. 559
Крамарж К. 461
Красин Л.Б. 469, 476
Краснов Н.П. 419
Красюков Р.Г. 452-454, 457, 458
Крейд В.П. 346
Крейн Р.Т. 417
Крейн Ч.Р. 41, 91
Кремьё Б. 434
Крестинский Н.Н. 161, 164, 166
Кривоусков А. 303
Критский М.А. 387
Крицкий Н. 91
Кролл, домовладелец 60, 63
Кронрод П. 171, 172
Кропоткин М.А. 382
Кросслэнд А. 486, 559
Крыжановская М.А. 494
Крыленко Н.В. 233, 234
Крылов Н.А. 509
Крымов В.П. 283, 285, 331
Крюков (Крюков-Ангарский) Н.П. 228, 246
Ксения Александровна, вел. кн. 389
Ксюнин А.И. 279
Кубицкий А.Л. 493
Кудрова И.В. 270
Кузмин М.А. 448
Кузнецова (урожд. Колоколова) Е.Б. 7, 11, 12, 13-84
Куйбышев В.В. 161, 168
Кулаев И.В. 93
Куликовский Н.А. 386, 389, 417
Куприн А.И. 261, 279, 349, 415, 437
Куприна К.А. 523
Курганов И. 372
Куренко М.М. 565
Курочкин В.М. 511
Кускова Е.Д. 362, 363
Кутепов А.П. 390, 392
Кычанов Е.И. 86
Кэртиц М. 557
Кюфферле П. 430, 445
Кюфферле Р. 430-451
Кюфферле, семья 430
Лавр, митр. (Шкурла В.) 301, 303, 321
Лавров А.В. 253
Лавров М.И. 36, 37, 90
Лавров П.Л. 380
Ладинский А.П. 437, 550
Лазарев И.В. 403
Лазаревский В.А. 459, 461
Лазарефф (урожд. Гордон) Э. 143, 153
Лазарефф П. 153
Лазо Ю. 306
Лакка Ц.П. 534
Лакомб Ж. 548
Ламанский В.В. 61, 93
Ламанский В.И. 93
Ламли, врач 49
Лампе А.А. фон 529, 555
Лампен Г. 491-493, 507, 516
Лампрехт Г. 569
Ландау Г.А. 169, 174, 247
Ландверман, художник 125
Лансере (урожд. Бенуа) Е.Н. 394
Лансере Е.А. 392, 394
Лансере Е.Е. 85, 394
Ларин Н.П. 499, 545, 550
Ларина А.В. 556
Лафори Ш. 495
*Лацис М.И. (Судрабс Я.Ф.) 174, 247
Лебедев И. 523, 544
Левашова Е.В., гр. 87
Левин М. 567
Левинг Ю. 327
Левошко С.С. 89
Левтеев А.К. 93
Ледумег Ж. 123, 153
Лейкинд О.Л. 381
Лейтес Й. 562
Лекен Т. 516
Лекман О.А. 264
*Ленин (Ульянов) В.И. 79, 194, 198, 206, 207, 217, 218, 223, 229, 238, 356, 357, 365, 369, 371, 372, 377-380, 391, 418, 457, 463

- Леонардо да Винчи 444
Леонидов Л.Д. 153, 551
Леонидовы, семья 129, 130
Леонтович В.К. 498, 499, 529, 555
Леонтьев В. 297
Лермонтов М.Ю. 21, 267, 269, 278, 284-286
Лесков Н.С. 292
Либерман Ф. 428
Лилина З.И. 151
Лилонин П. 65
*Линский (Шлезингер) М.С. 532, 537
Липинская Д.С. 553
Липницкий Е.Б. 493
Липорский, участник секстета «Баян» 505
Лисенко Н.А. 493, 538
Лист Ф. 123
Литвак А.М. 493, 494, 509, 516, 526
*Литвинов (Валлах) М.М. 244
Литвинов Н.П. 507, 516
Лифарь С.М. 438
Логинов В. 442
Лодс Ж. 548
Лодыженский Ф.А. 523, 524, 532, 540, 544, 547, 559
Ломакина, кредитор Американской епархии РПЦЗ 428
Лопухова Л. 559, 565
Лосская В.К. 270, 272-274
Лошаков А.В. 493, 495, 506, 509, 516, 526
Лубяникова Е.И. 272
Лукаш И.С. 550
Лукомский Г.К. 107, 148
Лулли Дж. Б. 445
Луначарская-Розенель Н.А. 528
Луначарский А.В. 448
Лупинович, кредитор Американской епархии РПЦЗ 429
Лурье Е. 493, 511
Львов В.Н. 302
Львов Л.И. (*Lollius) 203, 204, 247
Л'Эрбье М. 492, 494, 503, 510, 511, 515, 517, 519, 543, 549, 551
Люба В.Ф. 28, 34, 89
Любимов Л.Д. 203
Любич О.Э. 552
Любич Э. 522
Любошинская (урожд. Герценштейн) В.М. 406
Любошинская (урожд. Старицкая) А.Е. 382
Любошинские, семья 382-384
Любошинский М.М. 382
Любошинский М.М., мл. 405, 406
Ляховский Б.Н. 554
Магаротто Л. 341
Магеровский Л.Ф. 382, 452, 462
Магидович М.Л. 98, 102
Мазе Я.И. 231, 247
Мазинг К.К. 384
Мазуренко К.И. 505
Мазуренко, журналист 561
Май Дж. 108, 150, 537, 544
Майер (урожд. Дамбергон) С.А. 88
Майер (урожд. Добровольская) М.П. 19, 21
Майер В. 87
Майер Г.Н. 14, 21, 84
Майер Н.В. 21, 87
Майер Н.Г. 21
*Майлстоун (Мильштейн) Л. 516, 518, 532, 566
Майский И.М. 10
Маклаков В.А. 88, 365, 372, 453, 455, 459, 469, 474-478
Маклакова М.А. 470-472
Маковский К.Е. 411, 412, 550
Маковский С.К. 331, 335
Малавский С. 540
Малама Б.З. 419
Малама В.В. 419
Маласомма Н. 508
Малевич О.М. 253
Маликов Н.П. 493, 494, 502, 507, 555, 565
Малиновская В.С. 517, 536, 544

- Мальмстад Дж. 448
Мальцев Ю.В. 294
Мальцев, улан 416
Мальцева В. 518
Мальцева-Смирнова Л.П. 536, 547
Мамаев И.К. 62, 86, 94
Мамонтов В. 499
Мамулян Р. 541, 542, 549
Мандельштам Ю.В. 550
Манн Г. 509
Манциарли И. де 326, 327
Манцони А. 433
Манчха Г.П. 277, 278
*Мара (Гудович) Л. 494, 506
Маревский А.В. 532
Мария Федоровна, имп. 386, 389, 417, 418
Маркадэ Ж.-К. 149
Маркин Н. 221
Марков В.Ф. 287, 288
Марков М. 496, 532, 562
Марков Н.Е. (Марков-второй) 182, 185, 187, 393, 395, 419, 455, 468, 473, 475
Маркозова И. 349
Маркс К. 238, 369
Марсель, племянница А.М.Арнштама 113
Мартов М.Н. 508, 519
Мартынов В. 501
Мартынов Н.С. 267
Марьянов Д.И. 123, 153
Масальская Д.А. 416
Масальские, семья 416
Масарик Т.Г. 461
Массалитинов Н.О. 494
Массальский А.К. 492
Масютин В.Н. 149
Матгаузер З. 270
Матисс А. 152
Мато Л. 520
*Матросова М. 381-420
Махлячук К. 318
Махно Н.И. 241, 246
Маяковский В.В. 9
Медведев С.П. 187, 247
Меерсон Л.М. 491, 492, 509, 511, 516
Мейер А. 367, 370, 375
Мейер И. 555
Мейерхольд В.Э. 448
Мейнгарт В.А. 493, 507, 516, 526
Мейнгарт Э. 545
Мейнерт Р. 516
Мекк В.В. фон 385, 388, 391
Мекк В.Г. фон 385
Мекк Н.К. фон 388
*Мелешев (Мелешез) А. 494, 523, 532
Мельгунов С.П. 364, 366
Мельников Н.Г. 341
Мельников-Печерский П.И. 292
Менегальдо Э. 149
Мережковские, семья 281-284, 286, 341
Мережковский Д.С. 280-284, 293, 341, 342, 345-347, 430, 435, 440, 448, 560
Мержеевский Б. 548
Меркулов Н.Д. 53, 63, 92
Меркулов С.Д. 53, 63, 92
Мечиков Г. 493
Мизура, представитель фирмы «Andersen Meyer» 83
Микеланджело Буонаротти 440
Миклашевский К.М. 487, 488, 507, 509, 516, 526, 533
Милиоти Н.Д. 149
Милица Николаевна, вел. кн. 389
Миллер Г. 152
Миллер Е.К. 473, 474
Миллс, знакомый Б.С.Колоколова 77
Милль С.Б. де 531
*Милованова (А. фон Мекк) С. 517
Милтон Р. 505
Милюков П.Н. 10, 167, 178, 180, 181, 183, 188, 201, 273, 274, 342, 353, 354
Милютин А.Д. 393, 394

- Милютин Т.П. 275
Миляковский Г. 522, 544, 567
Минаев М. 170, 189
Минин П. 511
Минор М. 240
*Минский (Виленкин) Н.М. 107, 149
Минц З.Г. 265, 266, 268, 290, 293
*Мир (Лазарев) Д. 532
Миронов М.П. 349
Миронова Е.М. 88
Митрохин Д.И. 101
Михаил (Дикой), архим. 316
Михаил Александрович, вел. кн. 220, 221, 248
Михаил Федорович, царь 414, 415
Михаил (Никифоров), иеромонах 302, 318
Михаил (Канчуха), монах 303
Михайлов Б. 555
Михайловский А.И. 23, 34
Михайловский Г.Н. 10
Мишель А. 142
Мнухин Л.А. 484, 489
Могилевская П.В. 478
*Могиланский Л. (*Лео Моги) 487, 502
Мозжухин И.И. 488, 494, 498, 499, 501-503, 505, 506, 516, 526, 527, 535, 537, 538, 541, 543
Мозли Ф.Е. 355, 367, 370, 375
Моисеенко, невозвращенец 205, 212
*Молотов (Скрябин) В.М. 89
*Мольер (Поклен) Ж.-Б. 509
Монко Д.С. 493, 508, 535, 536
Монро, учитель 121
Мопассан Г. де 103
Мордухович (в замужестве Арнштам) Р.А. 104, 106, 108-110, 112, 115, 117, 119, 121, 125, 127, 130, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 140, 142, 143, 146
Мордухович А.С. 101, 103, 106, 146
Мордухович Е. 125
Мордухович М.А. 105, 107, 120, 124, 125
Мордухович С. 120, 125
Моригава, японский врач 29
Морковин Б. 531
Морковин В. 270
Мороз Б. 495, 510
Морозов И.Г. 384
Морфесси Ю.С. 417
Мочульский К.В. 280
Муравьев М.Н. 233
Муравьева-Логонова Т.Д. 285
Муратов П.П. 439, 563
Мурский А.А. 493, 496, 519, 537, 539, 544, 555, 565, 569
Мусоргский М.П. 558
Муссолини Б. 225, 443
Мюллер (Мельниковы), семья 466
Мясников Г.И. 220-223, 241, 248
Мясоедов И.Г. 499
Мятлев В.П. 393, 394
Мятлев И.П. 394
Набоков В.В. (*Сирин) 254, 261, 262, 268, 282, 286, 289, 290, 292-294, 325-328, 334, 335, 348, 440
Набоков Д.В. 327
Набоков К.Д. 10, 88, 476
Набокова Е.И. 326
Надеждин С.Н. 568
Назаров М.В. 274, 307
*Назимова (Левентон А.Я.) А. 524
Нальпас М. 540
Наполеон I, имп. 26, 436, 473, 473
Напрстек В. 401
Нарышкин К. 511
Нарышкины, род 475
Натансон Я. (Ж.) 504, 509, 520, 534
Нафанаил, архим. (Львов В.) 298, 300, 309, 311, 312, 314, 317, 319, 320
Нахичеванская М.М. 334
Неандер Б.Н. 271

- Неволин Б.С. 499, 553, 555
 Негуши, род 389
 Недзельский Е.Л. 272
 Неклюдов А.В. 10
 Некрасов Н.А. 267, 439
 Нектарий, архим. (Чернобыль П.) 318
 Нелидова Е.С. 519
 Нелли, племянница А.М.Арнштама 113
 *Нельский Е. см. Нафанаил, архим.
 Немзер А.С. 264
 Немирович-Данченко В.И. 279
 Немировский Я.О. 466
 Неофит (Димитров), митр. 313
 Нератов А.А. 390, 392
 Неттер, врач 118
 Нечаев В.П. 253, 270-272, 277
 Нечаев С.Г. 379, 391, 392
 Нибло Ф. 541
 Никитин А.К. 313
 Никифоров-Волгин В. 349
 Николаевский Б.И. 357, 360, 372, 373
 Николай I, имп. 525
 Николай II, имп. 89, 91, 100, 178, 182, 188, 190, 274, 389, 392, 394, 419, 468, 473, 474, 492, 509
 Николай Николаевич-мл., вел. кн. 386, 389, 393, 419
 Николай, еп. (Касаткин И.Д.) 35, 90
 Никсон Р.М. 406, 407, 414
 Нильсен А. 154, 502
 Ницше Ф. 105, 448
 Новакович К. 549
 Новаковский Н.Н. 334
 *Новалис (Харденберг Ф. фон) 448
 Новгородцевы, семья 383
 Новицкий В.И. 424
 Новицкий И.В. 271
 Нози Ж. 560
 Ноэн Ж. 122
 Нувель В.Ф. 448
 Нувьон, знакомый А.М.Арнштама 126
 Нурхац, маньчжурский хан 40, 88, 91
 Ньютон И. 443
 О'Брайен Б. 16
 Обатнина Е.Р. 289
 Обижаева М. 265
 Обухов И.Ф. 202-205, 210-212, 214, 227, 240
 Оврон Л. 548
 Овчинников П.А. 411, 412
 *Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 331, 332
 Озерцовский Г.Е. 280, 288, 289, 293
 Олеша Ю.К. 327
 Оливе Р. 143
 Ольга Александровна, вел. кн. 89, 386, 389, 417, 418
 Ольденбург С.С. 185, 468
 Ольденбургская Е.М., принцесса 427
 Ольденбургский А.П., принц 389
 *Омега 175
 Оперпут Э.О. 460
 Оречкин Б. 169
 Орик Ж. 142
 Орлицкий Б. 516
 Освальд Р. 511, 527, 539, 563, 568
 Осипов П.Д. 334
 *Осоргин (Ильин) М.А. 327
 Островский Н.А. 403
 Острогорский С.А. 271
 Остроумов Б.В. 36, 62, 90
 Остуайа П. 140
 Осьминина Е.А. 453
 Офросимов Ю.В. (*Ъ) 279, 487
 Оцеп Ф.А. 498, 504, 564
 Оцуп Н.А. 325, 326, 336, 342, 343
 Пабст Г.-В. 497, 545, 549, 568
 Павел I, имп. 436
 Павленко Г.К. 507
 Павлинец Л. 303
 Павлишин, священник 306

- Павлов П.А. 494, 507, 533
Павлова В.Н. 494, 519, 545
Павловская Е. 334
Павловский М.Н. 95
Падлевский И.В. 93
Палестрина Дж. П. да 445
Палчевский (Пальчевский) Н.А. 492
Панасенко Н.Н. 333
Панина А.И. 403
*Панина В. (Васильева В.В.) 402, 403
Панина С.В. 366, 410, 411
Панютин Г.С. 511
Папкевич, ротмистр 567
Пастернак Б.Л. 273
Пастернак Л.О. 107
Пахмусс Т. 280, 281
Пашутин Г.Г. 516
Пеги Р. 568
Пелевин В.О. 269
Пелиг Б. 303
Пельтцер Ф.С. 279
Перельман И.И. 113
Перемилловский В.В. 61, 82, 93
Перемилловский В.В., мл. 61, 65, 69, 82
Перовская С.Л. 409, 410
Перовский А.А. 409, 410
Перовский Л.А. 410
Перовский Л.Л. 410
Перози Л. 445
Перре Л. 530, 536
Перский Р.Д. 496
Петерсен А. 501
Петкова Г. 484
Петлюра С.В. 180, 232-234, 246, 252
Петр I, имп. 475, 535, 536
Петр Николаевич, вел. кн. 386, 389
Петр (Ладыгин), схиепископ 318
Петрарка Ф. 440, 448
*Петров (Катаев) Е.П. 9, 269
Петровский И.Г. 453
Петрункевич Н.В. 511
Петрушева Л.И. 11
Петухов Н.Ф. 83, 97
Пикассо П. 152, 411, 412
Пикфорд М. 443
Пиленко А.А. 190
Пиль Г. 505
*Пильняк (Vogau) Б.А. 9
Пименов С.Н. 493
Пинаева Е. 555, 565
Пиндар 448
Пирогов Н.И. 382
Пироне П. 492
Писемский А.Ф. 439
Планер Ф. 109, 150
Платон 444
Платон (Рождественский), митр. 427, 429
Плевицкая Н.В. 417
Плеханов Г.В. 358, 359, 369, 372, 373
Плешко Н.Д. 384, 387
По Э.А. 435
Погожева Е. 270
Погуляев Н.А. 171, 172, 248
Подалько П.Э. 96
Подбельский В.Н. 163
Пожедаев Г.А. 508, 554
Поземковский Г.М. 493
Познер В.А. 148
Познер С.В. 149
Познер Т. 106, 148, 150
Познеры, семья 110, 150
Покрасс С.Я. 555
Полевицкая Е.А. 499
Полонский А.С. 493, 498, 499, 504
Поляк Г. 287
Поляков А.А. 331, 353, 354
Полякова А.А. 416, 417
Поляков-Литовцев С.Л. 487, 550
Полянский К. 562
Померанцев К.Д. 325, 326, 330
Пономарев Н. 396, 405
Понтиус А. 37, 38, 47, 91
Поортен (урожд. Юргенс) Д.Б. (Д.А., Мара) 390, 392, 405

- Поортен Ф.Э. 390, 392, 405
Поортен, семья 405
Попелло-Давыдов И.Х. 539
Поплавский Б.Ю. 149
Поплер, директор электростанции 32
Попов А.В. 88
Постников С.П. 286
Постникова Е.В. 283
Потемкин П.П. 516
Потемкин, генерал 391
Потехина (Пфейфер) Л.П. 494, 555, 565
Потешер Ф. 143
Потокер О. 505
Поторжинский (Паторжинский, Поторжицкий) Ф.С. 505
Правов И.К. 504
Прасолов В.В. 388
Превер Ж. 152
Прегель С.Ю. 285-287
Преображенская О.И. 504, 545
Преображенский Е.А. 170, 248
Проптер, знакомая А.М.Арнштама 126
Протопопова О. 556
Пруст М. 284
Прюдомо, издатель 220
Пташук В. 298
Пу И, император 80, 84, 96
Пуанкаре Р. 492
Пудовкин В.И. 551
Пуни И.А. 101, 148
Пуришкевич В.М. 393, 395
Пушкин А.С. 69, 95, 261, 263, 267-269, 278, 298, 327, 430, 434, 436, 438, 439, 537
Пушкина (урожд. Гончарова) Н.Н. 438
Пыжов Д. 303
Пыжова О.И. 113, 151
Пятаков Г.Л. 365, 367, 371, 375
Рабинович Г.И. 512, 516, 538, 567
Рабле Ф. 153
Равдин Б.Н. 485
Равель Г. 516
Рагозин С. 381
Раджапов В.У. 377
Раевская Н.М. 506
Раевская-Хьюз О. 284
Разин С.Т. 507
Разумный М.А. 493, 511, 513
Райхманн М. 544, 556
Райчев П.С. 531, 534
*Ракитин Ю.Л. 279
Раковский Х.Г. 183, 187, 190-192
Рандольф Р. 108, 150, 152
Ранецкий А.С. 492
*Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 168
*Распутин (Новых) Г.Е. 389
Ратушев А.Ф. 517
Ратушев М.Ф. 517
Рафальский А.Ф. 271
Рафальский С.М. см.
*Вольнский М.
Рафаэль Санти 440
Рахманинов С.В. 531
Рахматов Г.Г. 492, 507, 554
Раш А. 559
Ребикова А.В. 403
Ребу П. 142
Рейнхард Ж.-Б. 129, 153
Реклю Э. 61, 93
Ремизов А.М. 113, 280, 287-294, 346, 448
Ремизова (урожд. Довгелло) С.П. 293
Ренуар Ж. 522
Рерих Н.К. 550
*Ржевский (Суражевский) Л.Д. 287
Ригелли Д. 494, 503, 504, 544, 559
Рикотти Л. 436
Рильке Р.М. 290
*Римский (Курмашов) Н.А. 495, 497, 510, 511, 528, 534
Римский-Корсаков А.Н. 531
Ритау, оператор 10
Робизон А. 568
Роден О. 384, 385, 388, 443
Родзевич К.Б. 270-277
Родзянко М.В. 567

- Родичев Ф.И. 382
Родичева М.Ф. 382
Родэ А. 508
*Рощин Н. (Федоров Н.Я.) 550
Розанова Р. 496
Розинская О.В. 484
Розов, владелец книжного
магазина 460
Роллан А. 122, 137
Роллан Б. 137, 138
Роллан Р. 101
Ролланы, семья 131, 137, 154
Романенко (урожд. Колоко-
лова) М.Н. 19, 87
Романенко Е. 87
Романенко М. 87
Романов А.Н., кн. 301
Романов К. 508
Романов Н.А., кн. 301, 302
Романов Н.Н., кн. 301
Романова (урожд. Воронцова-
Дашкова) М.И., кн. 301
Романовский Г.М., кн. 394
Романовы, династия 383
Романовы, имп. семья 456
Ромен Ж. 329
Ронштайн, кинематографист 114
Роцин П. 500
Рудаков Н.П. 491, 503, 519, 536,
553, 554
Руденко В. 493
Руднев В.В. 346
Рудченский В. 331
Рудый Ю.В. 90, 91
Руманов А.В. 330
*Рунич (Фрадкин) О.И. 499, 507,
535, 536, 539, 544
Руттман В. 505
Рыбников Б. 318
Рыклин Г.Е. 164, 165, 192, 203,
248
Рыков А.И. 179, 191, 375, 377
*Рындина (Брылкина) Л.Д. 508,
556
Рябуха В. 505
*Рябцев Н. 240, 241
Саакянц А.А. 270, 273, 277
Саблин Е.В. 425, 476
Саблина Э. 90
Савва, игумен (Струве К.П.) 302,
304, 306, 311, 315, 317, 320
Савватий, архиеп. Пражский 297
Савицкий В. 497, 557, 559, 563
Савицкий В.Г. 524
Савицкий П.Н. 271, 276
Сазиков П.А. 411, 412
Сазонов С.Д. 10
Сазонова (Слонимская) Ю.Л. 550
Сакко А.В. 454, 455, 474
Салтыков А.Д., кн. 9
Сапжников Г.А. 68, 95
Сапсай, хозяин издательства 113
Сатовский Ю.Г. 565
Сатовский-Ржевский Г.Г. 565
Сафонов К.В. 492, 521
Сафонова-Эспе Е.И. 507
Сахаров В.В. 66, 94
Сахаровы, знакомые Б.С. Коло-
колова 77
Сац Н.И. 153
Сватиков С.Г. 216, 248
Свербеев Д.А. 393, 419
Свербеев С.С. 567
Свердлов Я.М. 232
*Светлокамнев (Лихтенштейн) А.
487
Святополк-Мирский В. 516
Северюхин Д.Я. 381
Сегал Д.М. 283
Сегаль М. 231
*Седых А. (Цвибак Я.М.) 284,
285, 287, 489, 541
Семевский П. 334
Семенов В.П. 93
Семенов Г.М. 34, 90
Серафим (Иванов), архим. 297,
299, 300, 302, 304, 306, 308,
309-315, 317, 319
Серафим, архиеп. (Ляде К.Г.А.)
300, 303, 304, 306, 311-313, 315,
316, 319
Серафим (Лукиянов), архиеп. 425

- Сербина (урожд. Любошинская) А.М. 395, 397, 398
 Сергеева О. 508
 Сергей (Королев), еп. 320
 Сергей, архим. (Ромберг Б.) 302
 Сергей, митр. (Страгородский И.Н.) 310
 о. Сергей (Сузуки) 35, 36, 49
 Серебренников И.И. 7
 Серебренникова А.Н. 7
 Серебрякова (урожд. Лансере) З.Е. 394
 Сержинский И.В. 510, 527, 528
 Серов Г.В. 113, 150, 151, 493, 494, 498, 499, 506, 507, 539, 546, 556
 Серова Н.В. 546
 Сикорский И.И. 397
 Сильницкий, врач 64
 Симон Ж. 118
 Симонов К.М. 9, 89
 Сиодмак Р. 121, 152
 *Сирин см. Набоков В.В.
 Сирочкин Л. 500, 505, 507, 512, 540, 545
 Скандура К. 431
 Скоропадский П.П. 246
 Скрипников М. 493
 Скрыбин А.Н. 512
 Скрыбина А.М. 89
 Слащев Я.А. 274
 Слиозберг Г.Б. 233, 249
 Слободчиков В.А. 7
 Сломан Э. 519
 Слоним М.Л. 344, 345
 Смиренский В.В. 289
 Смирнов Д. 536, 547
 Смирнова Д.А. 525
 *Сойфер (Осипов) И.А. 537, 553, 558
 *Соколов (Захаркевич) В. 531, 544
 Соколовский А.Л. 377
 Соловейчик С.М. 183, 249
 Соловьев В., прот. 300, 304, 305, 314, 315
 Соловьев В.С. 447
 Соловьев Ю.Я. 9
 Соловьева И.Н. 152
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 264, 266, 268, 290, 293
 Солодовников А.Д. 406
 Солодовников Александр А. 406
 Солодовников Алексей А. 406
 Солодовников Г.А. 406
 Солодовников Н.А. 406
 Солодовникова (урожд. Мальмберг) О.Р. 406
 Солодухин И. 490, 524
 Соломон Г.А. 225, 249
 *Сольский (Панский) В. 559
 Сомов К.А. 448
 Сомова Е. 311
 Сонцов Д.Д. 392-394, 419
 Сонцова М.Н. 393, 419
 Соркин М. 497, 545
 Сорокина М.Ю. 7-97, 381
 Сосинский Б.Б. 289, 290, 293
 Сосницкая М.С. 442
 Софронов П.М. 404, 408, 414-417
 Соха А. 548
 Спасский Г.А. 546
 Сперанский В.Н. 331
 Спесивцева О.А. 521
 Спиридович А.И. 182, 250
 Споров Д.Б. 452-479
 Спроге Л. 269
 Стаббс Р.Э. 81, 96
 Ставров П.С. 330
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 161, 165, 171, 177, 179, 183, 191, 206, 207, 217-221, 229, 233-240, 242-244, 379, 397, 479
 Станевич З. 548
 *Станиславский (Алексеев) К.С. 102, 470, 471, 507
 *Стар (Старевич) Н.В. 502
 Старевич В.А. 500, 502, 518, 548, 551, 552, 554, 556, 561, 567, 568
 Старевич И.В. 551, 552, 561
 Старицкая (урожд. Любошинская) С.М. 408, 409
 Старицкая (урожд. Малама) Н.П. 418, 419

- Старицкая Е.А. 382, 409
Старицкая М.А. 409
Старицкие, семья 383
Старицкий А.И. 407, 409
Старицкий Марк А. 407, 409
Старицкий Михаил А. 407, 409
Старицкий П.А. 418, 419
Старк Г.(Ю.)К. 63, 72, 94
Старк-Шемберг, юный киноактер 507
Старчаков А.О. 164, 165, 250
Стахович М.А. 88
Стенбок-Фермор А.В., гр. 87
Степун Ф.А. 361
Стефанович Ф.С. 511
Стеценко Т. 495, 521
Стиннес Г. 567
Столыпин П.А. 266
Стояновский М. 547
Стравинский И.Ф. 531
Страхов Н.Н. 439
Стрем А.Л. 381
*Стрижевский (Радченко) В.Ф. 498, 499, 502, 505, 506, 518, 527, 535, 536, 547, 555, 564
Стриндберг Ю.А. 443
Струве А.Н. 287
Струве Г.П. 182, 183, 356, 357, 365, 366
Струве М.А. 550
Струве Н.А. 289
Струве П.Б. 186, 188, 191, 271, 274, 306, 455, 461-464
Струйский В. 168
Стэн А. 564
Субботин С.А. 556
*Суварин (Лифшиц) Б. 356, 378
Сувчинский П.П. 270, 272, 273, 275
Судейкин С.Ю. 396, 397, 416
Сукин И.И. 424
Сунь Ятсен 80, 96
Сураварди Ш. 113, 152
Сусанин Н.И. 416, 417, 497, 505, 516, 517, 523
*Сюлли-Прюдом (Прюдом Р.Ф.А.) 434
Сяодуаньвэнь, императрица 88
Таврог Н. 496
Таганцев Н.С. 382
*Таиров (Корнблит) А.Я. 535, 537
Талалай М.Г. 430-451
Таль И.Б. (*Анненский) 326
Тальони, семья 525
Тамарович Н. 265
Тамиров А. 113, 152
Тарасова Н. 534
Тарбеев И.М. 414, 415
*Тарич (Алексеев) Ю.В. 557
Татищев С. 559
Татл Ф. 494
Татьяна Николаевна, вел. кн. 392
Таубер Е.Л. 253, 254, 260, 277, 285
Тельман Э. 175
Темари Э. 528
*Темирязов Б. см. Анненков Ю.П.
Темкин Д.З. 520, 559, 563
Темов (Утемов) С. 540
Тенешев, предприниматель 82
Терапиано Ю.К. 254, 280, 282, 283, 330, 341
Терешкович Л. 279
Термен Б. 545
Тертицкий К.М. 13, 92, 95
Терцаго, братья 447
Терьян-Корганова Е.И. 548
Тескова А.А. 270, 283
Ти Фонтай 64
Тиволович, эмигрант 195
Тидеман М.Г. 89
Тидеман П.Г. 28, 88
Тиле В. 532, 537
Тимашева Н. 500
Тименчик Р.Д. 278
Тимошук П.Т. 191, 212, 250
Тимрот М.С. 334
Тисо И. 315
Тисо Ф. 314
Тисье, врач 118
Тито И.Б. 393, 395

- Титов Г. 559
 Титц, владелец прачечной 109
 Тихвинский С.Л. 10
 Ткачев П.Н. 379, 380
 Ткачук, священник 306
 Товстуха И.П. 191, 250
 Тоддес Е.А. 268
 Толстая (урожд. Перовская) А.А. 409, 410
 Толстая Т.Л. 443
 Толстой А.В. 148, 149
 Толстой А.К. 391, 409, 410
 Толстой А.Н. 106, 285, 348-350
 Толстой И.Л. 463
 Толстой К.П. 410
 Толстой Л.Н. 259-261, 267, 284, 287, 331, 419, 436, 441, 443, 444, 463, 494, 497, 533, 537, 539, 541, 547, 555
 Толстые, род 409
 Толубов (Толубеев) А. 497, 539, 540, 546, 547
 Томази А. 103, 144, 155
 Топорков Н.П. 109, 150, 493, 498, 499, 505-507, 516, 526, 532, 537
 Торопьяно (урожд. Новоселова) И. 510
 Трайчке, педагог 152
 Тривас В. 556
 Тригорин Б. 492
 Триденская Л.М. 493, 499, 508, 536, 556
 Трилиссер М.А. 191, 250
 Тронш, знакомый А.М. Арнштама 133
 Тротц А. 108, 115-117, 150, 152
 Троц А. см. Тротц А.
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 33, 90, 161, 174, 189, 217, 220, 221, 223, 232, 233, 241, 242
 Трояновский О.А. 10
 Труайя А. 146
 Трубецкой Л. 442, 446
 Трубецкой Н.С. 276
 Трубецкой П.П. 441-446
 Трубецкой П.П., старший 447
 Трущенко Е.Ф. 278
 Тубенталь В.О. 556
 Тургенев И.С. 259, 373, 430, 436, 439, 456, 463
 Туржанский В.К. 403, 455, 493, 501, 502, 507, 511, 520, 527, 532, 535, 538, 553, 555, 560
 Турнер М. 128, 153, 531
 Туоров Н. 537, 556
 Тустановский Б.М. 85
 Туттль, кредитор Американской епархии РПЦЗ 428
 Тхуптен Джигме Норбу 400, 401
 Тырш М. 459
 *Тэффи (Бучинская, урожд. Лохвицкая) Н.А. 280, 282, 325, 331, 430-435, 440
 Уайльд О. 403
 Угет С.А. 424, 427, 429
 Ульянов Н.И. 364-366
 Ульяновы, семья 249
 Уоллис, герцогиня Виндзорская 129
 Уральский А.П. 488, 493, 538
 Урванцов Л.Н. 500
 д'Урсель А. 523
 Усатый П.К. 28, 89
 Усов В. 96
 Успенский Э. 265, 278
 Устинов А.Б. 341
 Учицкий Г. 108, 150
 Уэллман У.Э. 520
 Фаберже К.Г. 411, 412
 Фальк, редактор 111, 112
 *Фаст (Фастович) Б. де 493, 507, 511, 531, 538, 543, 544, 547
 Федин К.А. 113, 289
 Федина Н.К. 289
 Федоров В. 341
 Федоров Н.М. 554
 Федотов Г.П. 280
 Фейдер Ж. 511
 Фекур А. 495, 521
 Фельдман М.И. 493, 506, 507, 540
 Фельдман С.И. 493, 507

- *Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) 438
Фельшов, знакомый Колоколовых 73
Фельштинский Ю.Г. 357
Феодоров Л.Ф. 503, 518, 532
Феодосий, митр. (Лазор) 429
Ферреро В. 117, 152
*Фет (Шеншин) А.А. 403
Фехнер А.В. 195, 196, 251
Фехтнер А. 532
Филимон, игумен (Никитин Ф.) 302, 309
Филиппо Г. 67, 69, 70, 73, 78, 79, 87
Филиппо Ф. 28, 49, 50, 52, 54, 60, 63-67, 69, 71, 72, 78, 79, 87
Филиппо, семья 78
Филиппов А.И. 455, 466, 472-474
Филиппов Ф.И. 474
Филлер С.И. 173, 251
Философов Д.В. 341
Финисов П.Н. 182, 251
Флейшман Л.С. 456, 460, 485
Флеминг В. 508
Флоринский М.Т. 355
Фогельцанг, оператор 115
Фокин М.М. 558, 560
Фолкнер В.-С. 18, 25, 26, 28, 36, 37, 44, 47, 52-54, 56, 58, 64, 66, 67, 70, 72-76, 78, 79, 87
Фолкнер Г.М. 18, 26, 28, 34, 49
Фоняков И.О. 13, 87
Фоняков О.А. 87
Формаков А.И. 334
Фрай А. 115
Франклин С. 563
Фрезинский Б.Я. 349
Фрейд З. 119
Френкель С.А. 455
Фрескобальди Дж. 445
Фридланд А.Я. 508
Фридланд Г. 498
Фридланд Ж. 129, 153
Фридландер, профессор 147
Фрюауф В. 59
Фужита Т. 528
Фукс, предприниматель 82
Фуллер П.А. 231, 251
Фэрбенкс Д. 519
Хаббард Л. 563
Хагер, хозяин пансиона 106, 108, 113
Хазан В.И. 149, 264, 283
Хан, штурмбаннфюрер СС 306, 307
Ханенко Б.И. 148
Ханжонков А.А. 383, 385, 388, 391, 402, 418
Ханжонкова (урожд. Димитриева) П.С. 402, 418
Харитонов Д.И. 507, 567
Харон С.Н. 508
Харош (Хорош) А.И. 507
Хельм Б. 502
Хельм, коммерсант 38
Хенкин К. 270
Херст Ф. 495
Хилл С. 565
Хитьков А.А. 271
Хлебников И.П. 411, 412
Хмара Г.М. 140, 145, 154, 403, 499, 502, 548
Ходасевич В.Ф. 102, 254, 260, 261, 280, 283, 284, 339
Хольмсен И.А. 182, 251
Хорват (урожд. Бенуа) К.А. 16, 56, 85
Хорват Д.Л. 16, 56, 57, 85
Хоукинс, сотрудник таможни 70
Хофман, хозяин пансиона 464, 467
Хофман, сын хозяина пансиона 464, 465
Хуантайцзи, император 88
Хун С. 77
Хямляйнен Э. 484
Цветаева М.И. 270-273, 275, 283, 332, 462
Цвибак С.М. 231, 351
Цегоев К.К. 271
Цедербаум В. 511

- Дейтлин М.О. 372
 Цельник Ф. 494
 Цибульский С.И. 534, 548
 Цивьян Т.В. 293
 Цимбал Е.В. 483
 Цин, династия 80, 96
 Цингер О.А. 107, 148
 Циннер П. 548
 Ципирович М. 213, 217, 222, 223, 225, 226, 240-242
 Цупер И. 303
 Цуриков Н.А. 341
 Чавчавадзе Н.Г., кн. 407
 Чавчавадзе П.А., кн. 407
 Чайковский М.И. 269
 Чайковский П.И. 268, 269, 534
 Чаплин Ч.С. 113, 151, 487, 519, 523, 553
 Чебышев Н.Н. 550
 Чебышев Н.Ч. 151
 Чепак Ф. 303
 Червинская Л.Д. 331
 Черепов А.Ф. 524, 529
 *Черина Л. (Шамырзэ М.) 144, 154
 Чернов В.М. 212
 Чернояров Г.Д. 548
 Чернышев А.А. 286
 Чернышевский Н.Г. 369, 370, 372, 378-380
 Чернявский В.И. 492
 Чернявский В.Т. 385, 388
 Чехов А.П. 99, 259-261, 436, 471, 508
 Чехов М.А. 490, 494, 503, 508, 535, 538-542, 556
 Чехонин С.В. 101
 Чжан Цзолинь 17, 27, 85, 97
 Чимароза Д. 445
 *Читау (Кармина) М.М. 492
 Читорина Д.Л. 511
 *Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 99, 101
 Чурин И.Я. 58, 93
 Чхеидзе Н.С. 233
 Шагубатов, полковник 567
 *Шалин Ф. – см. Шаляпин Ф.Ф.
 Шаляпин Ф.И. 443, 522, 531
 Шаляпин Ф.Ф. 493, 531, 544, 556
 Шамырзэ А. 154
 Шандровский Г.Д. 505
 Шапаль Р. 135-137
 Шапело П. 143
 Шапиро Л. 357, 367, 371, 375
 Шаповал Н.Ю. 246
 Шапута д'Уст А. 137
 Шапута д'Уст, семья 136, 137
 Шаров П. 494
 Шателен О. 428
 Шателен С.А. 427, 428
 Шахатуни А. 493, 494, 510, 555
 Шаховская З.А. 282, 284, 289, 290, 292, 293
 Шаховские, семья 383
 Шахт, киноактер 532
 Шварц Г. 150, 512, 57
 Шварцбард С. 233-235, 252
 Швейдель Н.Е. 493
 Швейцер В.А. 270, 271
 Шеин К. 504
 Шекспир У. 331
 Шелгунов Н.В. 249
 Шёнemann, хозяйка пансиона 108, 114
 Шервинский С.В. 439
 Шереметьев, офицер 182, 183
 *Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 280
 Шефтель А.М. 532
 Шефтель, киноартист 497
 Шешкен А.Г. 277, 278
 Шиллер Ф. 105
 Шильдкнехт П.Н. 493, 511, 525, 558
 Ширяев Н. 403
 Шифрин С.С. 491, 492, 496, 507, 511, 514, 515, 540, 558
 Шишман Б. 32
 Шишман, директор табачной фабрики 32
 Шишманы, семья 32
 Шкаровский М.В. 296-321
 Шкловский В.Б. 267
 Шмелев И.С. 298, 301, 339, 435, 440

- Шмидт О.Ю. 146
Шоу Б. 443, 444
Шпигель М. 560
Штайнберг, владделец фирмы 162
Штейнер Р. 430
Штерн А.Б. 377
*Штернберг Дж. фон (Штернберг И.) 493, 497, 569
Штраус, профессор 147
Шуберт Ф. 105, 123, 136
Шугалей И. 91
Шульгин Виталий В. 188, 279, 452-479
Шульгин Вениамин В. 457
Шульгин В.Я. 461
Шульгина (урожд. Градовская) Е.Г. 474, 478
Шульгина (урожд. Сидельникова) М.Д. 458, 461, 464, 465, 467, 468, 478
Шульман М. 559
Шуман Р. 105, 136
Шумихин С.В. 279, 325, 326, 334, 338, 339, 346
Шумов С. 233
Щеглов Ю.К. 269
Щеголев П.Е. 285
Эбара, жена комиссара таможни 70
Эбара, комиссар таможни 70, 71
Эдуард VII, король 10
Эдуард, герцог Виндзорский 129
Эдуардова Е.П. 526
Эйзенштейн С.М. 490, 548, 556, 563
Эймар, директор училища 74
Эйнштейн А. 123, 153, 252
Эйнштейн-Ловенталь М. 123, 153
Эйсмонт Н.Б. 62, 94
Эйснер А.В. 270, 272, 274
Экстер А.А. 534
Элдар, железнодорожник 18, 24, 39
*Эллис (Кобылинский) Л.Л. 364, 365
Энгельгардт Е., бар. 529, 555
Энгельман А. 511, 545
Эрвиль Р. 517
д'Эрен П. 142
Эренберг В.Г. 392
Эренбург И.Г. 107
Эрлих А. 367, 371
Эсебий, монах 76
*Эспе (Петров) Б.Н. 492
Эсхил 448
Этьеван А. 498, 534
Эфрон А.Б. 271
Эфрон А.С. 270, 272
Эфрон Г.С. 272
Эфрон С.Я. 272-276, 280, 508, 516
Юань Шикай 46, 67, 83, 92
*Югов (Фрумсон) А.А. 194, 195, 252
Юденич Н.Н. 431
Южный Я.Д. 527
Юзефович И.С. 187, 252
Юнг К.Г. 119
Юнгханс К. 521, 522
Юон К.Ф. 99, 401
Юргенс (урожд. Солодовникова) Анна А. 405, 406
Юргенс Андрей А. 390, 405
Юргенс Л.А. 405
Юргенсы, семья 405
Юренев К. 523
Юрьевич Е.И. 393
Юсупов Ф.Ф. 389
Яблоновский А.А. 176, 179, 180, 332
Языков Н.М. 439
Якобсон Р.О. 462
Яковлева Т. 488
Яковлев-Гессе К. 523, 557, 559
Янгиров Р.М. 151, 483-569
Яновский В.В. 499, 536, 561
Яновский В.С. 284, 287, 288, 291-293, 437, 438
Ярославский А.Б. 210-212, 252
Abrikosow D. см. Абрикосов Д.И.
Adrianyi G. 315

- Albera F. 484, 491, 511, 527, 536
Ales P. 298
Angeli D. 442
Bakich O. см. Бакич О.М.
Beard D.C. 396, 397
Beatrice L. 490, 502, 561, 568
Becker F. 442
Bock H.-M. 490
Borger L. см. Боргер Л.
Borgmeyer C.L. 442
Boyd B. 326
Bradley E.M. 486
Bruno J. 375
Bulgakowa O. 490, 548
Croner W. 466
Daskalova K. 409
Dauthendey M. 536
David G. 373
Des Voeux G.W. 75, 95
Eisenstein S. см. Эйзенштейн С.М.
Engerman D. 356
Fischer G. 355
Giolli R. 442
Gordon M. 359
Griony J.S. 442, 446
Haan F. de 409
Harbulova L. 298
Henty G.A. 95
Hook S. 371
Jarvis W. 442
Judra H. de см. Saloz-Judra H.
Klingsor T. 442
Kreimeier K. 491
Kucher K. 149
Langman L. 484
Leibich A. 377
Lensen G. 84
Liebman R. 491
Loutfi A. 409
Maenchen-Helfen O. 373
Malia M.E. 355, 356
Martin F. 490, 502, 561, 568
Martinelli V. 490, 493
McLean H. 355
Merhaut V. 490, 519
Mosbacher E. 373
Mosel W.A. 490
Mosely Ph.E. см. Мозли Ф.Е.
Nikolaevsky B. см. Николаевский Б.И.
Passek J.-L. 491
Pearce B. 357
Philips A. 484
Piantoni G. 442
Pica V. 442
Poli G. de 442
Rizzi D. 451
Rosta P. 357
Ruffolo D. 451
Saloz C. 408, 415
Saloz J. 408, 415
Saloz-Judra (de Joudra) H. 408, 409
Schoning J. 490
Segrave K. 491
Seide G. 307, 313, 319
Shapiro L. см. Шапиро Л.
Shishkin A. 451
Shlögel K. 149
Slobin G.N. 288
Sombert C. 144, 155
Spazier I. 490
Suchy B. 149
Theen R.H.W. 356
Theime U. 442
Thompson F. 491
Thompson K. 483, 490
Thum G. 149
Urich K.J. 490
Venturosi P. 442
Vincendeau G. 484
Voultos P. 408, 409
Wottrich E. 490
Zeger F. 424
Ђурић О. см. Джурич О.

АННОТАЦИИ

Н а с л е д и е

Б.С.Колоколов. Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене. Публикация Е.Б.Кузнецовой и М.Ю.Сорокиной, предисловие и комментарии М.Ю.Сорокиной

Воспоминания, написанные автором в конце жизни, посвящены детству, проведенному в китайской провинции. Борис Колоколов родился в 1911 в Харбине, в семье российского генконсула С.А.Колоколова, и ранние годы провел в Мукдене. Приводятся уникальные сведения о жизни консульской семьи на переломном этапе и китайской, и российской истории. После смерти отца в 1921 семья вынуждена переезжать из города в город – Харбин, Шанхай, Гонконг, Дальянь/Дальний, Учжоу. Едва ли не впервые мы имеем возможность наблюдать жизнь русской эмигрантской семьи в Китае глазами ребенка. Вступительная статья вводит в контекст событий, в комментариях приводятся справки об упоминаемых лицах и реалиях.

7 + 70 + 14 с.

Александр Арнштам. Воспоминания. Перевод с французского, вступительная статья и комментарии Михаила Германа

В конце 1921 А.М.Арнштам – петербургский художник, участник всех выставок «Мира искусства», известный иллюстратор книг – эмигрировал с семьей в Берлин. Там он с успехом продолжил профессиональную деятельность. С 1928 много работал и для кино – первоначально в качестве консультанта в фильмах на русскую тематику, а затем как художник-постановщик, декоратор, художник по костюмам. После прихода к власти нацистов в 1933 Арнштам переехал в Париж, где работал до конца жизни. Публикуемая часть «Воспоминаний» А.М.Арнштама относится к его жизни в эмиграции. В комментариях – множество дополнительных сведений об упоминаемых лицах, событиях и фильмах.

6 + 34 + 17 с.

Статьи, исследования

Владимир Генис. «Политическое невозвращенчество», или Рождение «советской» эмиграции (Мистификатор Яков Бадьян, его «двойники» и Заграничное бюро оппозиционеров)

В 1926, находясь в Берлине, Яков Иванович Бадьян (Вайнберг), чекист, комиссар и провинциальный совслужащий, принял решение не возвращаться в СССР. Вызвав вокруг своего имени большой шум в советской, эмигрантской и иностранной печати, этот авантюрист и мистификатор на протяжении долгого времени раздавал интервью, публиковал статьи, выступал с лекциями и докладами от лица «зарубежной делегации» несуществующего «Русского Бюро правой рабоче-крестьянской оппозиции». Успешный пример Бадьяна вдохновил еще нескольких «оппозиционеров» этого же толка (А.М.Жигулев, И.Ф.Обухов, И.И.Кравец, С.Я.Кирилюк и др.) развернуть бурную деятельность в эмиграции. Широко использованы архивные материалы, фрагменты выступлений, статей и писем Бадьяна и других невозвращенцев. Обширный комментарий, аннотированный именной указатель.

96 с.

А.А.Данилевский. Как сделаны «Правила игры»
Михаила Иванникова

Обстоятельный и детальный разбор рассказа М.Д.Иванникова (1904–1968), опубликованного в 1956 в «Новом журнале» и вызвавшего неоднозначную реакцию эмигрантской общественности и критики. В статье выявляются возможные прототипы персонажей рассказа из эмигрантской среды (Мережковский, Гиппиус, Бунин, Алданов, Ремизов, Тэффи, Аничков, Родзевич), в комментариях приводятся свидетельства современников и отзывы критиков из повременной прессы, в которых усматриваются параллели с прозой Сологуба и А.Белого.

43 с.

М.В.Шкаровский. Монастырь Преподобного
Иова Почаевского в Словакии

Монашеское братство, существовавшее в 1923–1946 на территории Словакии, играло особую роль среди монастырей Русской православной церкви, находившихся за пределами России. В статье подробно рассказывается об истории обители, ее основателях и деятельности – вплоть до переезда в 1946 в Джорданвилл (США).

26 с.

Эпистолярия

«...Мы с Вами очень разные люди». Письма Г.В.Адамовича
А.П.Бурову (1933–1938). Публикация О.А.Коростелева

Письма Георгия Адамовича к незадачливому литератору и известному в эмиграции меценату А.П.Бурову позволяют по-новому осветить отдельные стороны литературной жизни русской эмиграции 1930-х,

в частности, добавляют новые штрихи к истории парижского журнала «Числа». В примечаниях множество дополнительных сведений о литературном быте эмиграции (журнальных полемиках и интригах, литературных конкурсах, премиях и др.).

8 + 23 с.

«...Душевно тянусь». Письма Н.В.Вольского М.М.Карповичу (1956–1957). Публикация, вступительная статья и примечания Аллы Зейде

Четыре письма парижского писателя, журналиста и мемуариста Н.В.Вольского (1879–1964) историку и редактору «Нового журнала» М.М.Карповичу (1888–1959) из значительной коллекции его писем, сохранившейся в Бахметевском архиве. Вступительная статья рассказывает о взаимоотношениях корреспондентов, в комментариях к письмам приводится обширный дополнительный материал.

9 + 17 с.

«Грешный ангел», или «Одиссейя» Николая Димитриева, рассказанная им самим. Вступительная статья, публикация и примечания М.Матросовой

Письма художника и скульптора Николая Васильевича Димитриева (1888–1978) – уникальный источник сведений о его жизни, мироощущении и творческой карьере в США. Они адресованы в Бельгию троюродной сестре – С.М.Бакуниной, с которой художник не виделся и не общался около шестидесяти лет. Во вступительной статье и комментариях – справки об упоминаемых лицах и реалиях, библиографические сведения.

4 + 36 с.

V a r i a

«Позволю себе вкратце написать то, что я знаю о Бахметеве и Церкви в Америке...». Письмо К.Е. фон Замена митрополиту Евлогию (Георгиевскому). Публикация и предисловие А.Л.Гуревича

1927 год – время острых внутрицерковных споров в русской эмиграции и разделения Русской православной церкви в зарубежье на отдельные юрисдикции. Наряду со сведениями о Б.А.Бахметеве, письмо содержит также информацию о деятельности Американской епархии в конце 1910-х – первой половине 1920-х, представляющую интерес для историков Русской православной церкви в Америке. Из собрания митр. Евлогия (Георгиевского) в ГАРФ.

2 + 5 с.

Ринальдо Кюфферле. Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции. Публикация, перевод и комментарии М.Г.Талалая

Ринальдо Кюфферле (1903–1955) – эссеист и переводчик с русского на итальянский, автор единственного в итальянской литературе ро-

мана о жизни беженцев, «Ex Russi» (1935). В публикуемых очерках он рассказывает о своих беседах с русскими писателями-эмигрантами в Париже и о встречах в Италии – со скульптором Паоло Трубецким и Вяч. Ивановым.

2 + 20 с.

«...Я иду с тем, что придет». Рассказ В.В.Шульгина о жизни в эмиграции. Публикация Д.Б.Спорова

Расшифровка аудиозаписи рассказов В.В.Шульгина, сделанной в январе 1973 во Владимире. Описываются события с 1920 по 1945. Запись выполнена В.Д.Дувакиным – одним из первых специалистов в области фонофиксации воспоминаний. Из архива Отдела устной истории Научной библиотеки МГУ.

4 + 24 с.

Хроника

Рашид Янгиров. Из «Хроники кинематографической жизни русского Зарубежья»: Год 1929-й

В 1929 немое кино на Западе окончательно уступило место звуковому, и этот переворот повлек за собой массу последствий – технологических, кадровых, эстетических и т. п. Особенно пострадали русские актеры – с этого времени начался массовый отток русских сотрудников из киностудий. Исследование выполнено на материалах зарубежной русскоязычной периодики и в мельчайших деталях представляет панораму участия русских эмигрантов в мировом кинематографе.

87 с.

ABSTRACTS

Heritage

B.S. Kolokolov. Memoirs of the son of the last Imperial Russia's Consul General in Mukden. Edited by E.B.Kuznetsova and M.Yu. Sorokina, with a preface and notes by M.Yu. Sorokina

The memoirs were written by Boris Kolokolov at the end of his life and are devoted to his childhood spent in a Chinese province. Kolokolov was born in 1911, in Kharbin, to a family of the Russian Consul General S.A.Kolokolov, and he spent his early years in Mukden. The narrative provides some intriguing details from the consul's family life at the critical period of both China's and Russia's history. After his father's death in 1921, Boris Kolokolov had to wander around the country, visiting Kharbin, Shanghai, Honkong, Talan and Uchow. It is almost for the first time that the reader can observe the life of a Russian émigré family in China through the eyes of a child. The historical context of the narrative is recreated in the preface, while the commentary includes references to the persons and events mentioned.

7 + 70 + 14 p.

Alexander Arnshtam. *Recollections*. Translated from French, prefaced and commented by Mikhail German

In 1921 A.M. Arnshtam, a Petersburgian artist, a participant in all the exhibitions of the «Mir Iskusstva» and a well-known book illustrator, emigrated along with his family to Berlin. There he resumed, quite successfully, his career of an illustrator and portrait-painter. Since 1928 he had also worked much as a film consultant in Western films about Russia and later on as a producer, scene-painter and costume designer. After the Nazis had seized power in Germany in 1933 Arnshtam moved to Paris where he remained until his death. A fragment of Arnshtam's «Recollections» published here deals with his life in emigration. The commentary provides abundant additional information about the persons and events mentioned.

6 + 34 + 17 p.

Articles, Studies

Vladimir Genis. The «political defection», or the genesis of «Soviet» emigration. The hoaxer Iakov Badian and his «doubles»

In 1926, while in Berlin, Iakov Badian (Weinberg), a Cheka agent and concurrently a provincial Soviet employee, decided not to return to the USSR. Having made his name quite a sensation in Soviet, emigrant and Western press, this adventurer and hoaxer had acted for a long time as a representative of a «foreign delegation» of the non-existent «Russian Bureau of the Right-Wing Worker-and-Peasant Opposition». On behalf of this bureau, he would give interviews, publish articles and address public with lectures and talks. Badian's example inspired several other members of the same «opposition group», such as A.M. Zhigulev, I.F. Obukhov, I.I. Kravets and S. Ya. Kiriliuk, to most fervent activities of the same kind in emigration. The essay draws largely on archival materials as well as Badian's and other defectors' public speeches, articles and correspondence. A detailed commentary and a name index are appended.

96 p.

A.A. Danilevsky. How Mikhail Ivannikov's «Rules of the Game» was written

The essay is a thorough analysis of a short story by M.D. Ivannikov (1904–1968). This was published in the «New Journal» (Novyi Zhurnal) in 1956 and stirred up a rather ambiguous reaction in the Russian emigrant circles. One will find here a discussion of possible prototypes of some characters of the story modeled after Merezhkovsky, Gippius, Bunin, Aldanov, Remizov, Teffy, Anichkov and Rodzevich. The commentary includes some opinions of the author's contemporaries and critique of newspaper columnists who draw parallels between the story and the prosaic pieces by Sologub and Belyi.

43 p.

M.V.Shkarovsky. The Reverend Iova Pochaevsky Monastery in Slovakia

This monastic brotherhood, which had existed in 1923–1946 in Slovakia, played quite a special role among other monasteries belonging to the Russian Orthodox Church outside Russia. The essay sheds light on the history of the community, its founders and activities up to the time when it moved to Jordanville (USA) in 1946.

26 p.

C o r r e s p o n d e n c e

«You and I are very different people». Letters from G.V.Adamovich to A.P.Burov (1933–1938). Edited by O.A.Korostelev

The letters from Georgyi Adamovich to an ill-starred writer and well-known émigré patron of art A.P.Burov shed light on various aspects of the literary life of Russian emigration in the 1930s, in particular on the history of the Parisian magazine «Chisla» (Numbers). The footnotes include abundant information on the life of the émigré literary circles, such as journal controversies and intrigues, literary competitions, prizes etc.

8 + 23 p.

«My soul is yearning...». Letters from N.V.Volsky to M.M.Karpovich (1956–1957). Edited, prefaced and commented by Alla Zeide

This is a selection of four letters from a Parisian writer, journalist and memorialist N.V.Volsky (1879–1964) to the historian and editor of the «New Journal» (Novyi Zhurnal) M.M.Karpovich (1888–1959), extracted from his huge collection at the Bakhmeteff Archive. The preface discusses the relationship between the two correspondents. The commentary provides abundant additional material.

9 + 17 p.

«A Sinful Angel», or the Odyssey of Nikolai Dimitriev, narrated by himself. Prefaced and edited by M.Matrosova

The letters of an artist and sculptor Nikolai Vasilievich Dimitriev (1888–1978) is a unique source of information about his life, world outlook and creative career. They were addressed to his second cousin in Belgium, S.M.Bakunina, whom he had not seen for almost sixty years. The preface and commentary contain references to the persons and events mentioned, as well as bibliographical data.

4 + 36 p.

V a r i a

« I will briefly recount what I know about Bakhmeteff and the Church in America ...»: A Letter from K.E. von Sahmen to the Metropolitan Euloge (Gueorgievsky). Edited and prefaced by A.L.Gurevich.

The year 1927 was the time of severe intraclerical dissension in the Russian emigration and the division of the Russian Orthodox Church Abroad

into separate administrative entities. Apart from biographical data on B.A.Bakhmetev, the letter also provides information on the activities of the American diocese in late 1910s – the early half of the 1920s, which is of interest for historians. The published letter comes from the personal collection of the Metropolitan Eulogius (Georgievsky) in the State Archive of the Russian Federation (GARF).

2 + 5 p.

Rinaldo Küfferle. The Persons and Personages. Essays on the history of Russian emigration. Edited, translated and commented by M.G.Talalai.

Rinaldo Küfferle (1903–1955) is an essayist and translator from Russian into Italian, the author of the only Italian novel about refugees, «Ex Russi» (1935). In the published essays he recalls his conversations with the Russian émigré writers in Paris and his meetings with the sculptor Paul Troubetzkoy and Vyacheslav V. Ivanov in Italy.

2 + 20 p.

«...I move on with what is to come». A narrative by V.V.Shulgin about his life in emigration. Edited by D.B.Sporov

This is a transcript of the audio-recording of the short stories by V.V.Shulgin, made in Vladimir in January 1973. Their subject matter is the events of the 1920 – 1945. The recording was made by V.D.Duvakin, one of the first specialists in the field of phonographic preservation of memoir literature. The source of the texts is the Archive of the Department for Oral History at the Scientific Library, Moscow State University.

4 + 24 p.

Chronicle

Rashit Yangirov. The Chronicle of the cinematographic life of the Russia Abroad. The year 1929

In 1929 the silent cinema in the West was finally replaced by the sound one, and this film revolution entailed some serious consequences of technological, personal and esthetic character. Russian actors were among those who suffered most; it was then that they began to quit, in large numbers, the film studios. The research is based on the materials of Western Russian-language periodicals and it portrays in minute detail the contribution of Russian emigrants to the world cinematography.

87 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Н а с л е д и е

- Б.С.Колоколов.* Записки сына последнего российского императорского генерального консула в Мукдене. Публикация Е.Б.Кузнецовой и М.Ю.Сорокиной, предисловие и комментарии М.Ю.Сорокиной 7
- Александр Арништам.* Воспоминания. Перевод с французского, вступительная статья и комментарии Михаила Германа 98

С т а т ь и, и с с л е д о в а н и я

- Владимир Генис.* «Политическое невозвращенчество», или Рождение «советской» эмиграции (Мистификатор Яков Бадьян, его «двойники» и Заграничное бюро оппозиционеров) 159
- А.А.Данилевский.* Как сделаны «Правила игры» Михаила Иванникова 253
- М.В.Шкаровский.* Монастырь Преподобного Иова Почаевского в Словакии 296

Э п и с т о л я р и я

- «Мы с Вами очень разные люди». Письма Г.В.Адамовича А.П.Бурову (1933–1938). Публикация О.А.Коростелева 325

«...Душевно тянусь». Письма Н.В.Вольского М.М.Карповичу (1956–1957). Публикация, вступительная статья и примечания Аллы Зейде	355
«Грешный ангел», или «Одиссейя» Николая Димитриева, рассказанная им самим. Публикация и комментарии М.Матросовой	381

V a r i a

«Позволю себе вкратце написать то, что я знаю о Бахметеве и Церкви в Америке...»: Из письма К.Е. фон Замена митр. Евлогию (Георгиевскому). Публикация и предисловие А.Л.Гуревича	423
<i>Ринальдо Кюфферле</i> . Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции. Публикация, перевод и комментарии М.Г.Талалая	430
«...Я иду с тем, что придет». Рассказ В.В.Шульгина о жизни в эмиграции. Публикация Д.Б.Спорова	452

Х р о н и к а

<i>Р.Янгиров</i> . Хроника кинематографической жизни Зарубежья. Год 1929-й	483
---	-----

А п п е н д и к с

Указатель имен	573
Аннотации	599

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Том IX

Ответственный редактор: Олег Коростелев
Редактор-издатель: Татьяна Притыкина
Компьютерная верстка: И.М.Курдина
Корректоры: Е.В.Русакова, Н.К.Цендровская
Оформление: Алексей Гаранин

ФЕНИКС – ATHENAEUM

Издательство «Феникс»: 198103 Россия, С.-Петербург
ул.8-я Красноармейская д.15/17 лит.А пом.4-Н

Заказы направлять по адресу:
ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197198, СПб., Петрозаводская ул. д. 9, лит. А, пом. 1Н
Справки по тел. (812) 498-41-26
Представитель в Москве: тел. (495) 915-32-84

Подписано в печать 25.10.2007. Формат 60 x 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.
Заказ 4365

Отпечатано с диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 12



18 GENEVE. — Vue Générale prise de Saint-Jean. — LL.



TUNIS. — RUE SIDI-BEN-ZIAD

